РОССИЯ МОЛОДАЯ

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

ПРОЗА "РЕЗОНАНС"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В новой книге серии «Россия молодая» представлена современная военная проза, звучавшая по «Радио "Резонанс "; повести и рассказы нового поколения писателей-фронтовиков, прошедших через "горячие точки " последней четверти XX века от Афгана, Средней Азии, Приднестровья до Сербии и Чечни. Валерий Курилов штурмовал дворец Амина; Александр Игумнов - вертолетчик в Афгане; Сергей Белогуров воевал в Таджикистане, погиб в Боснии; Вячеслав Шурыгин - военный журналист, доброволец в Сербии и Приднестровье; Николай Иванов - военный журналист, прошедший через плен в Чечне; Петр Илюшкин - офицер-пограничник на Северном Кавказе; Валерий Горбань командовал ОМОНом в Чечне; Владимир Гуреев - военный корреспондент Рен-ТВ. Каждый из них рассказывает о том, что видел, испытал сам. Герои их повестей и рассказов русские воины, которых объединяет одно, - любовь к Родине и трудная судьба солдата нашего времени. Кто они? Ради чего рискуют жизнью? Во что верят? Чем живут? Перед нами та самая "окопная правда ", с которой в "Севастопольских рассказах " входил в литературу Лев Толстой, а после Великой Отечественной - Виктор Некрасов, Константин Воробьев, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Евгений Носов

- Коллектив Авторов
  - Валерий КУРИЛОВ
    - ОПЕРАЦИЯ «ШТОРМ-333» (АФГАНИСТАН-79)[1] Документальная повесть
      -
  - Александр ИГУМНОВ
    - ГРУППА «ХАМЕЛЕОН». Рассказ
      -
    - КОНТИНГЕНТ. Рассказ
      -
  - Сергей БЕЛОГУРОВ
    - СЫН ПОЛКА. Рассказ
      -
  - Владислав ШУРЫГИН
    - СМЕРТЬ ПОДОЖДЕТ. Рассказ
      -
  - Николай ИВАНОВ
    - ВХОД В ПЛЕН БЕСПЛАТНЫЙ, ИЛИ РАССТРЕЛЯТЬ В НОЯБРЕ. Документальная

повесть
■
- Петр ИЛЮШКИН
  - ■ ТЕНЬ ЗЮЛЬФАГАРА. Рассказ
  - ■
- Валерий ГОРБАНЬ
  - ■ ПРОСТО КОМАНДИРОВКА. Повесть
  - ■
- Владимир ГУРЕЕВ
  - ■ ДО ПЕРВОЙ КРОВИ. Документальная повесть
  - ■
- Коротко об авторах
  - ■

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Коллектив Авторов

Горячие точки

Валерий КУРИЛОВ

ОПЕРАЦИЯ «ШТОРМ-333» (АФГАНИСТАН-79)[1] Документальная повесть

Пролог

Мне бы хотелось предварить свое повествование некоторыми замечаниями.

В те времена мы, сотрудники КГБ СССР, жили по правилу: то, что тебе положено знать, твое руководство тебе сообщит, а что не положено – не надо и пытаться узнать. Эта формула – золотое правило всех спецслужб мира. Именно поэтому и я, и другие офицеры-оперработники, став бойцами отряда специального назначения «Зенит», прекрасно понимали свою роль. Мы тогда были просто бойцами. Мы осознавали, что к нам будет поступать только та информация и в том объеме, который необходим для выполнения конкретного задания, приказа. Каким бы фантастическим или абсурдным этот приказ ни казался, мы были готовы выполнить его точно и в срок! Нас учили, что для спецназа невыполнимых задач нет.

Поэтому, не обладая в те времена всей полнотой информации, зачастую я не мог доподлинно знать истинной подоплеки событий, поводов и побудительных причин поступков государственных деятелей, которые толкали, двигали колесо истории в ту или другую сторону (газетные публикации и так называемые «официальные» версии событий по понятным соображениям я в расчет не принимаю). Хотя, конечно, о многом я и догадывался, наблюдая движения этого самого «колеса», а также то, что происходило при мне или при моем участии.

Мне и сейчас трудно дать однозначную оценку правомерности наших действий с точки зрения политической целесообразности и необходимости, поскольку я не располагаю необходимым объемом документальных материалов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть ту или иную точку зрения на начало афганских событий. Да и не хочется сбиваться на политику, которая и так всем надоела (хотя от нее никуда не деться!).

Велик был соблазн рассматривать эти события с точки зрения того, что известно сейчас, когда всем и все можно говорить, когда появилось множество описаний афганской эпопеи, причем все они в той или иной мере разнятся между собой, во многом противоречат

друг другу. По возможности я старался избегать этого.

Человеческое восприятие уникально и неповторимо: одни и те же люди, наблюдавшие одни и те же события, могут совершенно искренне и «объективно» описывать их совершенно по-разному. Это отлично знают ученые-психологи, следователи и оперработники спецслужб. Так уж устроен человек! Иногда и впрямь задумаешься: а возможно ли на самом деле объективно реконструировать события прошлого?

В нашей стране (да и не только в нашей – так уж, повторю, устроен человек; так уж устроено человечество) с приходом к власти нового политического лидера всегда первым делом «исправлялась» и «переписывалась» заново история, которая с каждым новым политическим «сдвигом» становилась все запутаннее и недостовернее.

В результате мы имеем то, что имеем. Ведь порой история бывает схожа с действительно имевшими место событиями только некоторыми датами да еще местом событий. Но исходя из «политических принципов» и «воспитательных соображений» можно изменить и даты и места! А можно и вообще «опустить» сами эти события. И когда умрут их последние очевидцы, – окажется, что этих событий и не было вовсе!

А мне очень бы не хотелось такого результата.

В те уже далекие времена мы были молоды, энергичны и простодушны. Нас связывала крепкая боевая дружба. Причастность к одному из наиболее элитных специальных боевых формирований, которому было поручено реализовать совершенно фантастическую операцию, придавала нам чувство гордости и за себя и за Державу. Именно память о тех временах, память о моих друзьях заставляет меня взяться за перо и запечатлеть на бумаге то, что может так легко забыться и кануть в Лету.

Я не исключаю, что в моем повествовании могут встретиться неточности в изложении каких-то деталей: ведь я тогда не фиксировал специально чьи-то слова, высказывания, не вел дневник (это было категорически запрещено!), не копил про запас черновики секретных оперативных документов (как и положено, эти черновики я уничтожал в установленном порядке).

Просто я постарался изложить события так, как я это видел и воспринимал тогда, в далеком 1979 году...

Глава 1

Снижаясь, самолет совершал множество кругов над серо-коричневым пространством с коробками домиков и полосками

полей, которые лежали в кольце гор. Сверху эти горы, лишенные даже признаков растительности, были похожи на скомканную коричневую оберточную бумагу. Потом самолет пошел на посадку, содрогнулся, коснувшись колесами бетонки, заревел двигателями и задрожал, притормаживая.

Только тогда я вспомнил, что сегодня день моего рождения. Тридцать лет – это тебе не шутка! Это уже возраст! И вот где довелось оказаться...

Мы прилетели в Афганистан! И наш самолет бежал по взлетно-посадочной полосе Кабульского международного аэропорта.

Мы – это отряд специального назначения КГБ СССР под кодовым названием «Зенит»: тридцать восемь офицеров, тридцать восемь молодых и здоровых бойцов, прошедших парашютно-десантную, минно-взрывную и специальную оперативную подготовку. Каждый из нас владел одним или двумя иностранными языками, приемами рукопашного боя, холодным и огнестрельным оружием, имел опыт контрразведывательной и разведывательной деятельности. Мы были обучены в автономном режиме вести поиск и осуществлять дерзкие силовые акции на вражеской территории. Мы были готовы выполнить любой приказ и жаждали на деле испытать приобретенные навыки.

Мы ничего и никого не боялись. Не боялись и смерти: чем страшнее, тем интереснее! В то, что смерть может настигнуть кого-то из нас, тогда просто никто не верил. Каждый в душе полагал, что уж он-то наверняка уцелеет. А если и придется. Ну что ж, наверное, ничего страшного: это ведь очень быстро: чик – и нету!

Самолет неторопливо катился, переваливаясь и постепенно замедляя ход. Все припали к иллюминаторам. За бортом проплывали неказистые аэродромные строения, самолеты на стоянках: транспортники, истребители с зачехленными двигателями. На отдельной стоянке приткнулись вертолеты с обвисшими лопастями винтов. Аэродром лежал в чаше между голых каменистых гор.

Наконец мы остановились, заглохли двигатели. Подкатили трап. Техник в аэрофлотовской форме открыл люк, и в салон хлынул полуденный пыльный жар. Воздух над бетонными плитами аэродрома дрожал и переливался, искажая перспективу.

Афганистан. Кабул. Июль 1979 года...

Что мы тогда знали об этой стране? Да почти ничего.

Ну промелькнуло как-то в газетах сообщение о том, что в Афганистане произошла какая-то революция. Да еще на память приходило название старого фильма «Миссия в Кабуле», где

игравший нашего разведчика-нелегала актер Глузский под видом хазарейца в лохмотьях катал по городу тележку и что-то там разведывал, кого-то спасал… Еще вспоминалось, что там жарко, что там живут кочевники («на лицо ужасные, добрые внутри!») и что у нас с Афганистаном всегда были хорошие отношения. А еще зимой этого года в наших газетах были сообщения о том, что в Кабуле какие-то террористы убили американского посла. Вот, пожалуй, и все.

Правда, перед вылетом нам предоставили справочные материалы о стране: в Афганистане проживает, по приблизительным подсчетам, около 13–15 миллионов человек, промышленности практически нет, большинство населения занято сельским хозяйством, скотоводством. Долгое время страной правил король Захир-Шах – вроде был неплохой мужик и к нам относился хорошо. Потом был дворцовый переворот, и место короля, который, кстати, успел уехать в Италию (молодец, сумел выбрать хорошее место!), занял его дядя по имени Дауд. Но Дауд тоже не смог удержать власть: в 1978 году здоровые силы афганского общества объединились и сплотились вокруг Народно-демократической партии Афганистана (сокращенно – НДПА), которая считала Дауда тираном. Ведомый партией, добрый, веселый и трудолюбивый афганский народ совершил Великую Апрельскую революцию. Тиран был свергнут. К власти пришел народ во главе с хорошим лидером по имени товарищ Нур Мухаммед Тараки. Именно он был главой Народно-демократической партии Афганистана.

Но силы реакции не успокоились. Они организовали активное сопротивление прогрессивному режиму народной власти и стали осуществлять саботаж, террор и диверсии. За контрреволюцией стояли США, Китай, еще какие-то злобные силы, которые в бессильной злобе… ну и так далее. Развязан террор. Гибнут лучшие сыны афганского народа.

Дружески настроенное по отношению к нам новое правительство страны попросило у СССР помощи. Афганистану, нашему мирному южному соседу, грех не помочь: нельзя его отдавать на растерзание мировому империализму и реакции. Ну что ж, помочь – так помочь! И вот мы здесь.

А для меня вся эта афганская эпопея началась почти год назад.

Глава 2

За окном моросил мелкий нескончаемый дождь, и под

порывами ветра холодные капли барабанили по стеклу. Я, тогда еще старший лейтенант, оперуполномоченный 1-го отделения 2-го отдела (контрразведывательная работа по инодипломатам и интуристам) областного Управления КГБ СССР, тихо и мирно сидел в своем кабинете на четвертом этаже недавно отстроенного здания (старое, постройки прошлого века, совсем пришло в негодность) и готовил отчет о работе за год. Радиоприемник вполголоса бубнил об итогах очередной битвы за урожай и подготовке к зиме тружеников полей. Позади был бурный туристический сезон, впереди маячила долгая и слякотная зима... Мне казалось, что в этой устоявшейся жизни не может быть никаких изменений, ничего не может случиться яркого, интересного.

Я не мог знать, что именно сейчас затейница-судьба отсчитывает последние секунды перед решительным вмешательством в плавный и, казалось бы, нерушимый ход моей жизни.

И вот свершилось: зазвонил телефон. В качестве гонца, принесшего мне известие о необходимости моего участия в грядущих событиях, был избран начальник моего отдела, который буркнул в трубку:

– Зайди!

Явившись на зов начальства, я узнал, что пришла разнарядка на учебу в Москву и руководство Управления решило направить именно меня, и что это – большая честь и огромная ответственность.

По простоте душевной я тут же подумал, что меня хотят отправить учиться в 101-ю Школу (так тогда называлось учебное заведение, где готовили кадры для внешней разведки). Однако оказалось, что до 101-й Школы мне было еще очень далеко. Для такого рода учебы у нас в Управлении еще были не оприходованы более родовитые, чем я, молодые сотрудники (те, чьи родители или ближайшие родственники занимали хорошее служебное или партийное положение). Куда уж мне было с ними тягаться!

Выяснилось, что меня отправляют учиться на Курсы усовершенствования офицерского состава, сокращенно – КУОС, а в просторечии – «курсы диверсантов».

Учеба начиналась с января и заканчивалась в августе. Эти курсы, насколько я знал, находились под эгидой Управления «С» ПГУ КГБ СССР (нелегальная разведка). Прошедшие эти курсы молодые опера со знанием иностранных языков заносились в спецрезерв нелегальной разведки в качестве командиров или заместителей командиров групп специального назначения. При наступлении «особого периода» или во время войны эти группы,

доукомплектованные резервистами: разведчиками, подрывниками и радистами, – планировалось забрасывать на вражескую территорию для реализации специальных силовых акций, а также для ведения агентурно-оперативной работы в тылу противника. Этим группам должна была передаваться агентура, находящаяся до поры до времени на связи у наших легальных резидентур. По завершении учебы прошедшие спецподготовку опера, как правило, возвращались в свои подразделения. Правда, по слухам, некоторым удавалось закрепиться в Москве, но таких было мало. Все отмечали, что на этих спецкурсах дают очень большую физическую нагрузку, и якобы некоторые не выдерживали, просились обратно в свои управления.

Конечно, я мог бы отказаться, сославшись, например, на отсутствие постоянной квартиры (мы тогда снимали забронированную квартиру на окраине города), на многочисленность семьи (уже тогда у меня было двое детей) и прочие обстоятельства.

Однако, с другой стороны, мне было вовсе небезразлично, что обо мне подумают начальство и коллеги по работе, если я откажусь.

А кроме всего прочего, мне, сказать по правде, самому было очень интересно: нелегальная разведка, парашют, пятнистый маскхалат, диверсии в глубоком тылу врага, приказ сурового, но справедливого командира: «Идите, лейтенант, и без „языка“ не возвращайтесь!» Ну и так далее... Романтика!

Надо сказать, что в те времена мы были простодушны и доверчивы. Мы полагали, что нашей могучей державой руководят мудрые и толковые головы, которые, на основе единственно правильной и верной марксистско-ленинской теории, все просчитывают и учитывают. Мы верили, что временные трудности и перебои с продовольствием рано или поздно кончатся, рассосутся как-нибудь; что впереди у нас – светлое, блистательное и спокойное для всего нашего народа будущее. Только вот несколько раздражал престарелый Леонид Ильич, который неутомимо награждал себя все новыми и новыми наградами. Это было очень чудно: и смех и грех! А вообще-то, воспринималось, как невинное чудачество старого, постепенно выживающего из ума человека, за спиной которого, однако, как нам представлялось, стоят мудрые и верные, недремлющие и не знающие сомнений. Уж они-то маху не дадут, они-то твердо знают, куда и зачем нам всем надо идти!

Глава 3

Кабул лета 1979 года даже и не подозревал, что по его улицам уже едут те, кому всего через несколько месяцев будет суждено первыми вступить в бестолковую, наверное, никому не нужную (а может быть, и нужную – кто его разберет!) войну. Эта война с нашим участием продлится десять долгих лет, исковеркает жизни не одному поколению людей. И даже когда мы уйдем из Афганистана, война не остановится, а вспыхнет с новой силой и уже полностью разорит и практически развеет по ветру то, что когда-то называлось государством Афганистан. А ведь намерения вроде бы были самые хорошие: мы просто хотели навести порядок. Но, как сказал какой-то мудрец, в этом мире осталось очень много беспорядка после тех, кто хотел привести его в порядок.

Да мы тогда не знали и не могли представлять возможных последствий нашего появления здесь. А посему мы просто с любопытством глазели из окон автобуса на мелькавшие мимо многочисленные витрины дуканов, базарчики, на чудно одетых в просторные светлые портки и рубахи местных мужиков и на закутанных в чадру (по такой жаре сопреть можно!) женщин, на запряженных в тележки осликов. Мимо проезжали иностранные легковые автомобили: допотопные «опели» и «фольксвагены», блестящие новенькие «тойоты» со скошенными практически на нет капотами (последний писк автомобильной моды!). Здесь были и наши «Волги», УАЗы, «Жигули». Ревели смрадно чадящие разномастные грузовики с высокими кузовами, расписанными яркими примитивными картинками, изображавшими каких-то невиданных животных, китов и птиц. В одном месте на перекрестке я заметил бэтээр. На глаза часто попадались солдаты, одетые в форму мышиного цвета. Некоторые были с оружием: встречались наши АКМы, ППШ, карабины и винтовки. Реже в толпе мелькали щеголеватые офицеры в фуражках с неимоверно высокими тульями.

Когда автобусы заворачивали на проспект Даруль-Аман, где располагалось наше посольство, я заметил на углу портняжную мастерскую, на витрине которой красовались афганские офицерские кители и фуражки. Я подумал, что неплохо было бы купить такую фуражку в качестве сувенира, чтобы потом, когда все кончится, рассказывать о своих приключениях в далеких краях и под охи и ахи родственников, друзей и знакомых демонстрировать чудной головной убор. Я тогда и думать не думал, что через десяток с небольшим лет и в нашу армию придет латиноамериканско-азиатская мода на офицерские фуражки с вызывающе высокой тульей и блестящими бляшками. Мне до сих пор эта мода кажется смешной, а кроме того, вроде бы стыдно

армии великой державы перенимать украшательские элементы с формы войск развивающихся стран. И вообще, это похоже на то, как в былые времена солдаты стройбата, остро чувствующие свою неполноценность как воинов (многие из них за всю службу и автомата в руках не держали!), на дембель цепляли себе на мундиры купленные значки парашютистов, «За кругосветное плавание» и прочие атрибуты воинской «крутизны». Кстати сказать, фуражку я так и не купил.

На территорию советского посольства мы заехали через запасные ворота и стали разгружаться. В отдельном помещении поселилось наше руководство: командир отряда полковник Бояринов Григорий Иванович, инструктор по специальной физической подготовке, а ныне – заместитель командира подполковник Долматов Александр Иванович, еще один заместитель (по политической части) – Глотов Василий Степанович, который был офицером Первого Главка, а также несколько наших преподавателей с КУОСа и трое наших бойцов. Это был наш штаб. Там же хранились ящики с оружием и боеприпасами, все наши съестные припасы (сухпайки). Ребята развернули радиостанцию для связи с Центром, работа началась.

От непривычно сухого воздуха (более полутора тысяч метров над уровнем моря – недостаток кислорода) во рту все пересохло, страшно хотелось пить и спать.

Мы расположились в большой комнате на раскладушках. Постельного белья пока не было, да и Бог с ним, и без него было жарко и душно. Вещмешок с личными вещами – под раскладушку, обернутый полотенцем полиэтиленовый пакет с чистыми носками – под голову (чем не подушка!), автомат и поясной офицерский ремень с пистолетом, ножом, подсумками и гранатами – под правую руку; вот и все размещение.

Всухомятку кое-как перекусили. Я достал припасенную бутылку водки (в отряде был введен строгий «сухой закон», но ведь мы еще не начали воевать, а только размещаемся), и все по глотку выпили за новорожденного, то есть за меня, хорошего. Вот и отпраздновал свой день рождения!

Поступила команда: «Выходи строиться!»

Построились в коридоре. Все были одеты в новую, еще не обношенную толком спецназовскую форму песочного цвета, которую нам выдали в Москве.

Командир произнес небольшую речь, смысл которой сводился к тому, что мы теперь переходим к жизни в условиях военного времени. Обстановка тревожная. Возможны провокации со стороны сил, оппозиционных нынешнему прогрессивному режиму страны. Не исключены нападения на наше посольство.

Предельная бдительность и осторожность. Беспрекословное подчинение. То, что нужно будет довести до нашего сведения, будет доводиться по мере необходимости.

Наша ближайшая задача – круглосуточная охрана и оборона территории посольства, изучение обстановки, рекогносцировка на местности.

Потом выступил офицер безопасности посольства полковник Сергей Гаврилович Бахтурин. Он предупредил нас, что морально-психологический климат в посольстве весьма своеобразен, и поэтому нам не следует общаться с сотрудниками и служащими посольства, особенно с одинокими женщинами (которых здесь, оказывается, очень много – секретарши, машинистки и т. п.). Эти одинокие женщины, по словам офицера безопасности, будут пытаться устанавливать с нами интимные отношения.

– Так вот, кого застукаю – немедленно откомандирую в двадцать четыре часа, с позором и вонью! – вещал Бахтурин, оглядывая нас осуждающим взглядом, словно мы уже неоднократно совершили аморальные действия со всеми сексуально озабоченными одинокими женщинами посольства и его окрестностей.

Из его дальнейшей речи следовало, что нам по возможности вообще надо избегать попадаться посольским на глаза. Тем более с оружием и в форме. Особенно предостерег в отношении жены посла (посольские за глаза называли ее «мама»). Оказывается, она заранее вознегодовала, узнав, что приедут «солдаты» – по ее представлению, грязные, вонючие и грубые, – которые будут жить в посольской школе.

– Ведь там потом дети должны будут учиться! – содрогаясь в благородном ужасе, говорила послица.

«Мама» заявила, что сама, лично каждый день будет контролировать состояние помещений и прилегающей территории.

Пользование большим бассейном посольства «мама» категорически исключила для нас: «Ведь там купаются женщины и дети!»

Нам нельзя было купаться и в маленьком бассейне перед школой.

– А где же мыться? – спросил кто-то из строя.

– Душевых здесь вроде бы не видно... – вполголоса озабоченно заметил Долматов, – бойцам необходимо соблюдать гигиену.

Оказывается, и этот вопрос «мама» предусмотрела. Мыться (и стираться?) нам можно будет на заднем глухом дворе школы, пользуясь резиновым шлангом для поливки газонов.

Мы переглядывались друг с другом: как-то все это звучало диковато и малопонятно. Ведь мы приехали сюда не по своей прихоти и не отдыхать: мы приехали защищать, проливать за них и чужую, и свою кровь! А здесь такое отношение... Что же они – нелюди?

До этого никто из нас за границей еще не был, и мы, естественно, не могли знать, что многие посольские, торгпредские и прочие члены совколоний (колоний советских граждан, находящихся в загранкомандировке) – это особая каста, которая здорово отличается от нормальных людей. Это было общество избранных, в котором, несмотря на постоянную текучку кадров (загранкомандировки ведь не вечны!), десятилетиями сохранялись и действовали совершенно непонятные и для непосвященного человека странные, никем не писанные, но свято оберегаемые и неуклонно соблюдаемые нравы, нормы и правила поведения и взаимоотношений.

Этот абсурдный мир существовал сам по себе, он был создан, взлелеян, детально расписан и накрепко вбит в души людей, видимо, нашими номенклатурными бонзами – «слугами народа». Ведь именно многие из них, проворовавшись, оскандалившись, натворив или отчебучив что-то такое, что не лезло ни в какие ворота, что не укладывалось не только в рамки приличия, но и в рамки законодательства, отправлялись не в тюрьму, не на увольнение без пенсии, а – с глаз долой: руководящими работниками за границу.

Обо всех этих внутрипосольских делах я узнал много позже. Да... Тогда мы еще многого не знали. Хотя и догадывались, что «не все ладно в датском королевстве». Но ведь мы и сами были детьми этого мира, а поэтому многое воспринимали как само собой разумеющееся: сначала кажется диковатым, а потом – вроде бы так и надо. А вообще-то, по сравнению с нынешними «закидонами» сильных мира сего и существующими в настоящее время порядками (а вернее сказать – «понятиями») в наших заграничных, да и иных учреждениях, все прошлые дела кажутся просто детскими шалостями!

Глава 4

И вот потянулись дни по формуле «шесть через двенадцать». Это означало, что шесть часов боец несет службу, двенадцать часов отдыхает. Вернее, на время для отдыха (сна) было выделено всего шесть часов, остальные шесть – пребывание в резервной

группе быстрого реагирования. То есть бодрствовать в форме и при оружии.

На плоских крышах четырехэтажных зданий по всему периметру обширной территории посольства мы оборудовали огневые ячейки из мешков с песком. В наряд заступали двое. Вооружение штатное: автомат, пистолет, двойной боекомплект, штык-нож, гранаты. А кроме этого еще один ручной пулемет (или снайперская винтовка), бинокль, радиостанция.

Днем, лежа на плащ-палатке, брошенной на бетон крыши, я часами, глядя в бинокль, наблюдал чужую жизнь чужого для меня народа – афганцев.

Строения местных жителей начинались метрах в ста от каменного посольского забора. Дома были одноэтажные и двухэтажные, причем первые этажи, как правило, были сложены из самана (самодельные кирпичи из обожженной глины) и побелены, а вторые были деревянными и напоминали наши голубятни. Над домами торчали какие-то шесты с болтающимися на них полуистлевшими тряпками, над некоторыми крышами были антенны. Каждый дом был обнесен корявым забором из того же самана, хотя кое-где участки забора были из гофрированного металла. Территория вокруг была захламленная и пыльная. Под испепеляющими лучами солнца лениво бродили облезлые собаки и кошки.

В пыли копошились одетые в лохмотья грязные дети. В бинокль я смог разглядеть, что у маленьких девочек, несмотря на убогую одежду, лица нарумянены, глаза и губы подкрашены. Тогда я только подивился этому, а позже узнал, что по местным обычаям, особенно в деревнях, детей специально одевают плохо, более того, им специально пачкают лица: это якобы спасает их от дурного глаза. А макияж на девочек наносят их матери, чтобы с самого детства они выглядели красиво.

На небольшой площадке подростки постарше, пыля, азартно играли в волейбол через веревку.

По утрам из узких переулков выходили люди, в основном мужчины, одетые весьма прилично, многие в пиджаках, некоторые при галстуках. Они шли через пустырь к проспекту Даруль-Аман, видимо, на работу.

Чуть позже появлялись женщины с сумками: наверное, шли на базары за покупками. Через какое-то время они возвращались, и над домами и двориками показывались небольшие дымки: готовилась еда. Иногда ветерок доносил до меня запахи свежеиспеченного хлеба или лепешек, реже – аромат жареной баранины: рядовые жители Кабула жили весьма скромно и мясо ели не каждый день.

Потом, когда солнце поднималось в зенит и начиналась дикая жара, наступало затишье. Все живое пряталось в тень.

Эх! А все-таки хорошо было на КУОСе!

Наш объект находился в лесу. Среди старых могучих сосен стоял двухэтажный деревянный коттедж, где мы жили по два-три человека в комнате. Объект был построен до войны, еще в 1936 или в 1937 году, и с тех пор использовался для подготовки разведчиков-нелегалов и групп специального назначения. Говорят, именно здесь готовился перед заброской к немцам знаменитый Кузнецов. Кого только не видели эти старые сосны и стены коттеджа! Если б только они умели говорить... А потом здесь была 101-я Школа. Сколько народу прошло через этот объект! Кто навстречу славе, а кто навстречу смерти.

Как поется в одной из наших куосовских песен:

...Если гром беды великой грянет,
В неизвестность улетят они...

Вот и мы улетели в неизвестность.

А между тем жизнь шла своим чередом и ставила перед нами все новые и новые задачи.

По указанию руководства ввели круглосуточное патрулирование по внутреннему периметру посольства. Занятие достаточно дурацкое и утомительное. На кой черт, спрашивается, таскаться днем под палящим солнцем вдоль забора, когда обстановку вполне можно было бы контролировать и с крыш? Но жаловаться было некому, да и указание это судя по всему поступило из Москвы, а с Центром не поспоришь!

Буквально на следующий день к нашему командиру заявилась разгневанная послица. Оказывается, по ее словам, «солдаты», бесконтрольно шляясь по территории посольства, пугают своим «диким видом» и оружием дипломатов и членов их семей. А по ночам громко топают «сапогами» и не дают никому уснуть.

Командир, смутившись под напором истеричной и вздорной бабы, попытался было объясниться с ней, но потом махнул рукой и сказал, что примет меры. И меры были приняты. Нам было приказано ходить на патрулирование только ночью и. обутыми в спортивные тапочки!

Хорошо хоть, что не босиком!

А в это время в Афганистане происходили бурные политические события. Как это обычно бывает, пришедшие к власти «слуги народа» выясняли, кто из них главнее.

«Халькисты» во главе с Нур Мухаммедом Тараки и Хафизуллой Амином начали теснить «парчамистов» со всех государственных постов, из армии, из спецслужб. К тому времени, когда мы попали в Афганистан, это им вполне удалось. «Парчамисты» уже считались «врагами народа» (знакомое словосочетание, где-то мы его уже слышали!), а их лидер Бабрак Кармаль был сослан из страны послом в Чехословакию. Вот это по-нашему, «по-бразильски»!

Волею случая ставший у кормила власти Тараки – мужик, в общем-то, неплохой, только очень непрактичный, болтливый, мечтательный и выпить не дурак (говорили, что печенка у него от выпивки уже почти не работала), особо не утруждался поисками наиболее приемлемых для местных условий путей построения нового общества «без эксплуатации человека человеком».

А в это время «верный ученик и соратник» Амин за спиной «великого отца народа» потихоньку набирал силу, подбирал преданных людей, подчинял себе силовые структуры, уничтожал сомневающихся, мешающих и прочих «лишних людишек». Короче говоря, рвался к власти. Шел старый, как сам мир, процесс: «революция пожирала своих детей».

Глава 5

Из Центра пришла шифровка о том, что наш отряд должен обеспечить безопасность вылетающего в Кабул из Москвы одного из наших видных политических деятелей.

По нашему разумению, он ехал сюда, чтобы разобраться все-таки, кто же лучше: Тараки или Амин, на кого делать ставку, с кем идти дальше. Уже тогда вопрос с Амином стоял достаточно остро. Умный, быстрый в решениях, фантастически работоспособный, жестокий и вероломный, Амин явно превосходил по своим деловым качествам своего «учителя» Тараки. Он мог быть хорошим другом для нас (если бы мы вели себя по-умному), но мог быть и большим врагом. Амин нутром чувствовал слабых, не способных защититься, и запросто подавлял их. Либо морально, либо физически...

Так что надо было решать, с кем нам дружить дальше.

Встреча и беседа нашего видного политического деятеля с Амином должна была состояться в резиденции нашего посла. Мы обеспечивали безопасность этой встречи: враг не дремлет, вооруженная оппозиция набирает силы, возможны попытки нападения, совершения террористического акта и прочее.

Мне довелось попасть в группу ближнего кольца охраны. Мы,

двенадцать бойцов, группами по четыре человека с разбивкой на парные патрули, должны были охранять и оборонять непосредственно резиденцию посла. Патрулировали в саду, который с одной стороны примыкал вплотную к резиденции, а с другой стороны – к внешнему забору. Наша задача: не допустить проникновения посторонних или нападения со стороны забора. В случае чего – огонь на поражение.

Хорош был сад у посла! Посторонние лица туда не допускались. А чего только там не было! Множество плодовых деревьев и кустов, грядки с клубникой, петрушкой, луком, свеклой, картошкой, морковкой. Розы и тюльпаны, иные цветы и растения. Все там было.

Надо сказать, что с едой у нас в то время было тяжко. Питались мы тем, что привезли с собой, то есть – сухпайками. Да и то не вволю. Экономили: неизвестно, сколько еще здесь пробудем и где придется дислоцироваться. Так что фактически получалось, что один сухпаек делили на двоих, а то и на троих бойцов. Овощей и фруктов, естественно, не было: их ведь надо было покупать на месте, а денег для этого не выделяли. А занятия по физподготовке, которые так способствуют повышению аппетита, активно продолжались: два-три раза в день! Да и охранная служба отбирала много сил. Короче говоря, все мы постоянно испытывали чувство голода.

И вот мы оказались в саду, где с деревьев свешивались уже вполне зрелые, налитые соком яблоки, аппетитные груши, на кустах виднелись богатые витаминами ягоды, на грядках уже созрела клубника, а спелая морковка, такая полезная для поддержания остроты зрения, аж вылезала из земли сама. В голове бродили мысли о том, как добрый дедушка посол дает указание своим приближенным, и те, чтобы поднять нашу боеспособность, выносят для нас подносы с фруктами, а может быть (чем черт не шутит!), и с шашлыком, запах которого явственно ощущался нашим обостренным обонянием и вызывал, как у собаки Павлова, обильное слюновыделение.

Но не тут-то было.

Вместо хлебосольных посланцев с явствами на ступеньках резиденции показалась послица – «мама». Это была неряшливо одетая, толстоватая, с виду неказистая баба со стертым лицом в очках. Мы молча поприветствовали ее, став по стойке смирно. Не обращая на нас никакого внимания, она начала медленно прохаживаться по тропинкам сада, подолгу задерживаясь у плодовых деревьев и кустов, останавливаясь у грядок. При этом она пристально вглядывалась во что-то, шевелила губами, время от времени делала какие-то пометки ручкой на клочке бумаги.

Потом она повернулась, так же медленно возвратилась к ступенькам резиденции и поманила нас к себе пальцем.

– Ребятки, – брезгливо проговорила она. – Ничего здесь не трогайте, – это н а ш садик!

Только тут до меня дошло! Е-мое, да она же прямо перед нами открыто ходила и считала количество яблок на деревьях, запоминала расположение овощей на грядках и все это записывала! В ее глазах мы были не офицерами, не бойцами, которые были готовы пролить кровь и отдать жизнь за ее же безопасность, мы были просто скотиной, которая могла потравить ее посевы!

Краска стыда и обиды ударила в лицо. Да пропади ты пропадом! Да удавись ты на своей яблоне, да подавись ты своей морковкой поганой! Да я с голоду буду подыхать – не притронусь даже пальцем к твоей проклятой собственности!

– Смотрите... я все здесь запомнила! – еще раз озабоченно оглядев поверх наших голов сад, сказала послица и, шаркая по мрамору домашними шлепанцами, гордо удалилась.

А мы, оплеванные и смертельно оскорбленные, понуро разбрелись по своим местам в этом ставшем ненавистным саду, удивляясь человеческой жадности и глупости, которые не имеют границ и предела.

Встреча и беседа нашего видного политического деятеля с товарищем Амином прошла успешно и без всяких неприятностей. Умный и хлесткий, с математическим складом ума Амин, будучи к тому же восточным человеком, совершенно точно знал, как надо производить хорошее впечатление на человека из Москвы. Знал об этом, видимо, и наш посол.

Ранним утром следующего дня мы, обливаясь потом, перетаскивали в грузовик сильно пополнившийся багаж посланца партии и правительства, с которым он вылетал домой: картонные коробки с аудио– и видеотехникой, ящики с изюмом и орехами, какие-то тяжеленные свертки, похожие на свернутые ковры, и прочее, прочее, прочее... Багаж сопроводили в аэропорт и погрузили на самолет.

Скрылся в пронзительно голубом и бездонном кабульском небе, улетел на север, в Москву, самолет с «охраняемым лицом», а мы остались...

Глава 6

Часть наших ребят во главе с Долматовым переехала жить в другое место: на какую-то виллу, расположенную неподалеку от

посольства. Что они там делали – никто не знал, но все им завидовали: все-таки они были не в четырех стенах посольства, а на воле.

Однажды нам объявили, что будут выдавать зарплату в местной валюте! Все страшно удивились и обрадовались. Сказать по правде, мы вовсе не ожидали, что нам будут что-то здесь платить. Дома, в Союзе, нам шла наша обычная зарплата. Уезжая в Афганистан, мы написали соответствующие поручения в финотдел, с тем чтобы большую часть денег пересылали нашим семьям, соответствующие суммы перечисляли на партвзносы, немного оставили на счетах: чтобы было потом на чем домой добраться. И вдруг такие дела! Кто бы мог подумать!

И мы повалили в посольский магазин, где, оголодавшие, смели подчистую с полок все съестные припасы. Даже то, что зажравшиеся посольские вообще не брали. Реакция последовала мгновенная: по указанию послицы вход в посольский магазин «солдатам» был строго воспрещен!

Но к тому времени мы уже начали выезжать в город. Первыми «ласточками» стали наши отцы-командиры и «офицеры штаба», которые повадились ездить в город на «рекогносцировку» – дело, вообще-то, нужное и, как потом выяснится, крайне необходимое. Ведь первая заповедь разведчика за границей – детальное знание и постоянное изучение города, местности, региона ответственности. Необходимо совершенно точно знать расположение улиц и ситуацию на них в любое время суток, надо знать, где дислоцируются государственные объекты, объекты министерства обороны и спецслужб, а кроме того... да мало ли что еще! Ведь нам здесь, возможно, предстояло осуществлять агентурно-оперативные, оперативно-войсковые, специальные операции, а может быть, и вести открытые боевые действия.

Из поездок на «рекогносцировку» народ возвращался притворно озабоченный сложностью «оперативной обстановки» и. с покупками! По тем временам это были диковинные для нормальных советских людей вещи: джинсы, батники, японские часы и магнитофоны, дубленки.

Между тем с очередным рейсом к нам из Союза прилетело небольшое пополнение. Среди прибывших было несколько ребят, которых я помнил еще по учебе в ВКШ. Они раньше меня заканчивали КУОС, и сейчас их, как резервистов, выдернули для пополнения нашего Отряда. А кроме того, нам прислали несколько переводчиков, знающих местный язык дари, а также фарси.

Однажды мы в очередной раз выехали на рекогносцировку на

двух машинах. Дело было 5 августа.

Вот уже неделю местные держали пост – был мусульманский праздник Рамазан (некоторые называют – Рамадан, Ураза, но это сути не меняет). Весь этот праздник – он длится около месяца – мусульманам нельзя от восхода до захода солнца есть, пить (не только спиртное, но и воду!), сморкаться, плеваться, вступать друг с другом в интимные отношения и так далее.

Нас предупредили, что в городе набирают силу антисоветские настроения, да и вообще на всех иностранцев, которые не держат пост, местные смотрели с раздражением. Их можно понять: конечно же, обидно! Поэтому нам было рекомендовано в городе, на виду у афганцев, не есть, не пить, не курить. Ну что же, сказано – сделано. Еда, питье и курево, конечно же, могут подождать. А что касается сексуальной стороны вопроса, то мы и так воздерживались за неимением объекта приложения усилий, а также потому, что советскому человеку не к лицу изменять жене, тем более в тревожных условиях заграницы. «Изменяя жене, ты изменяешь Родине!» – любил повторять один из начальников курса в Высшей Школе полковник Панкин.

Так что мы вовсю воздерживались, чтобы не задевать религиозные чувства местных граждан.

В этот раз мы прорабатывали маршруты возможной эвакуации сотрудников посольства и торгпредства в аэропорт.

У всех еще свежо было в памяти то, что произошло весной этого года в Герате, когда местные маоисты взбунтовали жителей города и афганские воинские части. Была крупная пальба, солдаты перебили своих командиров и политработников. Тогда же погибло несколько наших специалистов и советников. Говорят, что их растерзали буквально по кусочкам (о, добрый, веселый и трудолюбивый афганский народ!). Об этих событиях мне как-то рассказывал один военный советник, который был в Герате в то время. По его словам, от неминуемой и жуткой смерти многих наших специалистов тогда спасли какие-то специально обученные советские офицеры, которые перебили кучу повстанцев и на бронетехнике вывезли всех в гератский аэропорт. А там уж они держали оборону до подхода верных правительству частей. Тогда я не знал, что речь идет об одном из первых боевых крещений за границей ребят из спецгруппы «А», да и вообще не знал о существовании такой группы.

Так что рекогносцировку, с учетом всех этих событий, мы проводили всерьез и очень тщательно.

Закончив запланированный на сегодня участок трассы, мы, перед возвращением домой, решили заехать на так называемый

Грязный рынок, тем более что это было почти по пути.

Грязный рынок – это было особое, знаменитое и даже легендарное среди членов совколонии место в Кабуле. Представьте себе несколько кварталов, заполненных торговыми точками: три этажа вверх и три этажа (а может быть, и больше) вниз!

Чего же только там не было! Если к богатому и непривычному для нас ассортименту товаров еще добавить гудящую, постоянно находящуюся в движении толпу народа, многочисленных калек и одетых в причудливые лохмотья нищих, продавцов газет и лотерейных билетов, вопящих, как грешники в аду, грязных, пребывающих в броуновском движении попрошаек-мальчишек, мрачных, разбойного вида хазарейцев с черными лицами, толкающих свои тележки, груженные дровами и еще каким-то хламом (говорят, что по ночам хазарейцы действительно разбойничали, убивая свои жертвы страшными, огромных размеров ножами), если еще добавить кричащих ишаков, блеющих баранов, из которых тут же на месте жарили шашлык, крики зазывал, рекламирующих свой товар и заманивающих покупателей в дукан, вопли пойманных за руку и избиваемых лавочниками воров, запах каких-то тошнотворных индийских благовоний (в дуканах, наряду с местными, торговали и сикхи – выходцы из Индии), смешанный с устойчивым ароматом гашиша и вонью испражнений и помоев, – вот тогда можно будет иметь некоторое представление о Грязном рынке.

Таинственным местом был этот Грязный рынок. Здесь можно было купить все что угодно: спиртное, оружие, валюту, наркотики. Здесь бесследно пропадали люди, и найти их потом было невозможно – ни живых, ни мертвых. Здесь были и бани, и парикмахерские, и притоны, и «святые места», помеченные грудой камней и шестами с развевающимися на них грязными тряпками и какими-то блестящими бирюльками (это означало, что здесь умер какой-то святой человек или дервиш).

Среди этого живописного восточного бедлама мы старались держаться вместе. На нас, казалось бы, никто не обращал внимания, однако стоило обернуться – все смотрели вслед: кто с интересом, кто с любопытством, кто с недоброй усмешкой, а кто и с открытой ненавистью. Вообще-то, это не очень приятно, когда за тобой так наблюдают и когда все вокруг непонятное, чужое, враждебное.

Мы были одеты в гражданское: брюки, рубашки навыпуск. За поясом под ремнем – пистолет Макарова (восемь патронов в обойме, девятый – в стволе), в кармане запасная обойма и граната, в сумке или портфеле – еще две-три гранаты.

В случае чего мы могли бы дать неприятелю на месте сильный отпор. Наверное, афганцы этот наш настрой чувствовали, поэтому нас никто не задевал, а наиболее рьяные противники пребывания советских граждан в Афганистане вообще и на Грязном рынке в частности просто отводили глаза или отворачивались, хотя некоторые скрипели зубами и что-то недовольно бормотали себе под нос.

Тем не менее мы чувствовали себя в этом гадюшнике достаточно уверенно и независимо.

Мы не были обременены весьма ныне распространенным среди русских людей национальным или религиозным комплексом неполноценности. И мы не были верующими православными христианами в полном смысле этого слова. Но, оказавшись в чуждой среде, мы ими себя вдруг почувствовали. Здесь, наверное, в действие вступали уже некие генные категории русского человека. Да. Мы гордились тем, что мы – русские. Мы инстинктивно осознавали, что на основе чуждой для нас веры и обрядности сформирован иной тип человека, совершенно отличный от нашего. И что, хоть живем мы с этими людьми зачастую рядом, они совершенно иные, внутренне совсем не похожие на нас. У них другой образ мышления. Они исповедуют иные ценности, их понятия о морали, нравственности, чести и порядочности, мотивация их поступков значительно отличаются от наших. Даже сказки, на которых воспитываются здесь дети, иные, совершенно непохожие на наши. Например, самый распространенный сюжет: молодой юноша полюбил девушку, а ее родители были против. Тогда юноша ночью пробрался в дом невесты, зарезал ее родителей, похитил возлюбленную и увез ее в горы. Тогда братья невесты по закону кровной мести зарезали родственников юноши-жениха... А родственники юноши зарезали оставшихся в живых родственников невесты. И так до бесконечности все друг друга режут и убивают. Вот такие сказки.

Конечно, подходить к ним с нашими нравственными мерками было по меньшей мере неразумно, а по большому счету – бессмысленно. Однако мы отлично осознавали, что эти люди имеют полное право жить по своему укладу и правилам. Так же, как и мы – по своим. И все-таки они были для нас чужими, непонятными, а потому – враждебными.

Но мы их не боялись! И они это понимали... Они чувствовали нашу силу, не только чисто физическую, но и моральную. Видимо, от нас исходила ощутимая аура уверенности, силы, решимости. Именно поэтому даже самые ярые отводили глаза и уступали дорогу, хотя среди них наверняка было полно ухарей, которые с удовольствием распластали бы нас ножами и, подвесив,

как баранов, содрали бы с нас – иноверцев, которые их не боятся, – шкуру.

Солнце стояло в зените. Я взглянул на часы – было десять минут первого. Именно в этот момент внезапно где-то далеко раздался взрыв, потом еще один, затем послышались отдаленные звуки автоматно-пулеметной перестрелки. Басовито и раздельно пророкотал КПВТ бэтээра. Базарный люд на секунду застыл, вслушиваясь, а затем все пришло в движение: народ стал разбегаться, прятаться. Началась паника. Рядом с нами вдруг упал на землю и, с пеной у рта, забился в судорогах юродивый. Завизжали женщины.

Мы бросились к машине. Что случилось? Почему стрельба? Нападение духов или... Переворот?

Глава 7

Да, это была попытка переворота.

Как потом выяснилось, этот нарыв уже давно зрел в афганской бригаде специального назначения, расположенной на окраине Кабула в крепости Бала-Хисара. Бригада спецназа, по сравнению с другими подразделениями местных вооруженных сил, была неплохо подготовлена и достаточно хорошо вооружена. Толковые офицеры, физически крепкие солдаты, с голоду никто не помирал. В чем же дело?

А дело было в том, что новый режим слишком стремился к сплошной и скорейшей победе социализма, а также к условно-досрочному (в рекордно короткие сроки!) привитию местным людям коммунистической идеологии. Дело дошло до преследования мулл. Кое-где их даже стали расстреливать. Начали прикрываться мечети. Народ лишали религии, а значит – идеологии, той, которая веками владела не только умами этих людей, но и определяла порядок их жизни, взаимоотношений в семье и друг с другом.

Вместо мулл появились комиссары-политработники, которые заставляли людей заучивать совсем другие идеи и ценности.

Противники режима Тараки умело использовали неуклюжие попытки властей по перевоспитанию населения и вели активную контрпропаганду, зерна которой падали в весьма благодатную почву и давали хорошие всходы. Армейская среда не была исключением.

А вдобавок ко всему – офицеры! Они почти все были из знатных и богатых родов и кланов землевладельцев. А землю-то национализировали! На армейское жалование особо не

проживешь, тем более, в стране свирепствовала инфляция, цены росли с каждым днем. Крути не крути, а офицерство здорово обидели. А из Союза уже возвращались отучившиеся на краткосрочных офицерских курсах молодые партийцы: напористые, активные, жадные до власти и должностей. Они вытесняли старое офицерство. Да и в среде новых офицеров были серьезные разногласия: одни, кто победнее, симпатизировали «Хальку», другие были за «Парчам».

Как обычно, мятеж начался со стихийного митинга, после которого перебили комиссаров и активистов. Потом кто-то кинул клич идти на Кабул, штурмовать Дворец Арк и свергать Тараки. Вскрыли склады, вооружились, заправили горючим и боеприпасами бронетехнику. Некоторые, прихватив оружие и сколотившись в группы, отправились в город сводить личные счеты с обидчиками, порезвиться в дуканах. Вблизи Бала-Хисара начались грабежи, перестрелки. Однако кому-то из партактива удалось спастись, ускользнув от расправы. Власти были предупреждены. Кабул спешно готовился к обороне.

От Грязного рынка до посольства мы долетели по вмиг опустевшим улицам за пять минут.

Здесь уже готовились к обороне. Были данные о том, что часть мятежников якобы была намерена штурмовать наше посольство, так как, по их мнению, именно «советские были во всем виноваты». Резидентура получила сведения о том, что к мятежникам могут присоединиться затаившиеся в городе вооруженные «духи» (в те времена их звали – «ихван», что на дари вроде бы означает «враг»).

План обороны посольства нами был разработан заранее, каждый из нашего отряда знал свое место, свой сектор обстрела и свой маневр на любой случай. Заранее оборудованные и обжитые нами огневые ячейки на крышах посольских зданий и в некоторых других местах полностью перекрывали все возможные направления появления противника.

Мы забежали в нашу казарму, быстро переоделись в форму, прихватили оружие, боезапас, бинокли и – после короткого и энергичного инструктажа – по своим местам.

Крепость Бала-Хисар была построена в незапамятные времена на другом, противоположном от нас северо-западном конце города. Во время рекогносцировок мы объезжали этот объект: крепость стояла на господствующей над городом высоте, старые, но достаточно еще крепкие стены с бойницами, винтовая дорога вверх. Кругом посты, однако с северной стороны, там, где старое кладбище, постов не было, да и стены пониже, местами с

проломами.

С нашего балкона я мог разглядеть в бинокль смутно виднеющиеся светло-коричневые стены Бала-Хисара. Там что-то горело, и в безветренном небе медленно поднимались и нехотя таяли столбы дыма. Слышалась отдаленная стрельба.

Нам в поддержку было выделено афганское пехотное подразделение, усиленное тремя танками. Афганцы должны были держать оборону по внешнему периметру, а мы – по внутреннему.

Когда афганцы прибыли, мы с удивлением обнаружили, что танки у них наши – «тридцатьчетверки» (броня крепка, и танки наши быстры!). Вот это да! Это ж исторические экспонаты, да еще на ходу! Чудеса, да и только.

Афганцы стали окапываться. Взглянув вниз, я увидел, что несколько пехотинцев роют себе окопы на противоположной от нас обочине дороги, идущей вдоль забора посольства. Огневые ячейки они сооружали себе прямо перед глухим и довольно высоким каменным забором виллы, стоящей по другую сторону дороги. От кого же они будут защищаться? Ведь в десятке метров перед ними стена! Тут рядом с пехотинцами остановился танк и развернул башенное орудие. тоже в направлении забора! Неужто совсем ничего не соображают? Ну и вояки!

По рации я соединился с командиром и сообщил о странных маневрах наших боевых друзей.

– Ладно, разберемся, – ответствовал Григорий Иванович. – Как там у вас дела? Что видно?

– Да вроде бы пока все тихо. В крепости что-то горит, но не сильно. С той стороны слышна стрельба, но никаких передвижений не видно.

– Смотрите повнимательней. Конец связи.

Через несколько минут к незадачливым пехотинцам подкатил «уазик», из которого выскочило несколько наших бойцов. Объяснялись в основном жестами и матерными терминами, но пехотинцы все прекрасно поняли. Они лениво собрали свои манатки и, подгоняемые нашими ребятами, бренча плохо закрепленной амуницией, неуклюже перебежали чуть левее, на открытое пространство, где снова стали окапываться.

А танк остался стоять там, где стоял. Оказывается, его двигатель заглох и больше заводиться не хотел. Из люков вылезли медлительные, в замызганных черных комбинезонах и шлемофонах афганские танкисты и тут же присели на корточки в тени у гусениц танка. Ремонтировать своего «боевого коня» они, похоже, не собирались. Сломался – и хрен с ним!

Вот тут-то в дело вмешался наш Андрей. Небольшого росточка, цепкий, жилистый, с кривоватыми, как у кавалериста,

ногами, он прекрасно разбирался в технике и мог заставить двигаться любой механический агрегат. Он вылез из-за руля УАЗа и подошел к танкистам. О чем-то коротко спросил их. Те только разводили руками и скалили белые зубы.

Андрей легко запрыгнул на броню и исчез в люке. Затем вылез наружу уже с инструментальным ящиком, открыл заслонки моторного отсека, начал там копаться.

– Андрей! Ну что там? – крикнул я с балкона. Он поднял голову, махнул рукой.

– Да ну их на хрен! Руки из задницы растут, довели машину до ручки. Сейчас все сделаем. – и тут же заорал на танкистов: – Ну чего стали, дармоеды! Ну-ка, ты, дай ключ на двенадцать... и вот здесь подержи... да посильней, возьми вон плоскогубцы!

Удивительно, но афганец понял, что от него хотят, подал нужный ключ, взялся за плоскогубцы.

– Так... держи вот здесь, а я буду затягивать... – командовал Андрей, и работа спорилась. Минут десять Андрюха зычным голосом руководил ремонтом, перемежая технические термины заковыристым матом. Потом он сел на место механика-водителя, погонял стартер, и двигатель, пахнув едким синим выхлопом дыма, взревел. Андрей высунулся из люка и показал афганцам рукой: вот, мол, как надо делать! Потом дал газку, лихо развернулся на одной гусенице, промчался с десяток метров и резко тормознул.

– Во машина! – крикнул он мне, показывая большой палец. – При хорошем уходе еще сто лет бегать будет!

И, повернувшись к подходившим танкистам, незлобливо добавил:

– У-у, дармоеды!

Те улыбались, кивали головой, жали Андрею руку.

– Да ладно, чего уж там... – размягченно говорил он. – Толку от вас как от козла молока.

Танкисты были согласны, что толку от них мало. Андрей им явно нравился своей ухватистой манерой, веселым дружелюбием, незлобливостью и знанием техники, в которой афганцы явно ничего не смыслили.

Вообще-то, и у танкистов, и у лениво наблюдавших за ремонтом пехотинцев был вид людей, которым глубоко на все наплевать.

Это обстоятельство внезапно вызвало у меня какое-то непонятное, тревожное предчувствие. Если придется воевать по-серьезному, то толку от этих ребят действительно не будет никакого, подумал я тогда, и все придется делать самим. Как потом выяснилось, я как в воду глядел: так оно и было.

В тот день нападения на посольство мы так и не дождались. Помитинговав, мятежная бригада уселась на грузовики и на броню (которую смогли завести) и спустилась в город, чтобы «воевать» дворец Арк и свергать Тараки. На узких улочках в километре от крепости всю их бронетехнику пожгли НУРСами поднявшиеся с аэродрома боевые вертолеты (мне так думается, что экипажи в вертолетах сидели наши.).

Некоторые мятежники разбежались, но большая часть возвратилась в крепость и попыталась занять круговую оборону. Однако, деморализованные потерями и лишенные единого командования, долго продержаться они не смогли. Уже к вечеру крепость Бала-Хисар была взята преданными Тараки элитными, хорошо вооруженными подразделениями царандоя (народной милиции).

А все остальное было делом техники. Царандоевцы подогнали бульдозеры, вырыли несколько рвов. Оставшихся в живых после штурма мятежников, разоруженных и ободранных, поставили вдоль насыпи и покрошили из пулеметов. Бульдозеры заровняли землю – и следа не осталось. Просто и сердито.

Глава 8

К утру все было кончено, новых катаклизмов пока не намечалось. Наше афганское подкрепление снялось и уехало к себе в казармы.

Снялись с усиленного варианта службы и мы.

После завтрака (треть консервной банки с перловкой и микроскопическими вкраплениями мяса, две сухие галеты из сухпайка и кружка чая с одним кусочком сахара: не хлебом единым жив человек!) меня вызвал к себе командир.

Григорий Иванович был чем-то озабочен и немногословен:

– Сейчас подъедет машина, отвезет тебя на виллу. Теперь будешь там. Поступаешь в распоряжение Долматова. Он скажет, что надо делать.

Вилла оказалась просторным двухэтажным каменным домом с большим подвалом. Веранда с бетонным козырьком, зеленая лужайка. Все обнесено двухметровым забором с колючей проволокой и вмазанными по верхней кромке в бетон острыми осколками битого стекла. Вдоль забора колючий кустарник и молодые плодовые деревца.

Я поднялся на второй этаж. В огромной комнате, которая, видимо, была гостиной, мебели никакой не было, кроме раскладушек. Под каждой – рюкзак, сбоку на полу свернутый

кольцом ремень с подсумками, гранатами, ножом и пистолетом. Поверх – автомат. Кроме меня в этой комнате жили еще трое наших ребят. За стенкой, в соседней комнате – еще пятеро. В отдельной комнате поменьше расположились двое приехавших вместе с нами преподавателей с КУОСа – Коля и Виктор.

На КУОСе Коля был куратором нашей учебной группы. Голова у него была набита самыми разнообразными сведениями: тактико-технические данные американских ракет и другой боевой техники стран НАТО, рецепты изготовления взрывчатых веществ и зажигательных смесей, боевые уставы пехоты, номенклатура разметки топографических карт и прочее, всего не перечесть. Коля обладал прекрасной памятью, но. увы, был крайне несобран и болтлив. Он мог совершенно неожиданно для всех (а может быть, и для себя!) в компании брякнуть такое, что вовсе не следовало бы говорить. Он давал направо и налево обещания, которые заведомо выполнить не мог, хотя за язык его никто не тянул. И наши ребята, и другие преподаватели КУОСа откровенно подсмеивались над ним. Хотя мне его иногда было жалко. Увидев меня в коридоре, Коля радостно заулыбался:

– Кого я вижу! Привет! Ну что, переселился? Ну вот, будешь теперь в нашей группе. Только никому ничего не болтай! – Коля сделал серьезное лицо и понизил голос. – Мы будем ездить за город тренировать афганских контрразведчиков. Понял? Будешь у нас инструктором по специальной физической подготовке, а заодно охранником группы, так сказать, офицером безопасности. Тебя одного из всего отряда Долматов выбрал. Учти, я тоже поддержал твою кандидатуру! Не подведи!

Все ясно. У Коли, как всегда, ничего не держится. Фонтан! Спускаясь вниз по мраморной лестнице (кругом мрамор, действительно – вилла!) к Долматову, я уже в общих чертах представлял, чем мне придется здесь заниматься.

Александра Ивановича Долматова мы все любили и уважали. Крепко сбитый, среднего роста, с короткой стрижкой, он разговаривал хрипловатым, отрывистым голосом. Я его помнил еще по учебе в Вышке – так мы называли Высшую Краснознаменную школу КГБ имени Ф. Э. Дзержинского (давно, друзья веселые, простились мы со Школою!). Там он преподавал у нас физическую подготовку. Бывало, выведя нас на беговую дорожку стадиона «Динамо», он, надрывая голос, угрожающе-бодрым тоном орал:

– Внимание, товарищи слушатели! Цель нашего занятия – укрепление пошатнувшегося здоровья!.. Четыре круга вокруг стадиона! Шаг вправо, шаг влево считаются попыткой к бегству! Шаг в сторону – провокация! Карается дополнительным кругом!..

Бего-о-м… Марш!

Долматов отлично знал психологию, физиологию, был прекрасным педагогом и преподавателем. Умел все объяснить и, что немаловажно, сам все показать. По натуре Александр Иванович был человеком очень честным и порядочным. Однако, при случае, рассказывая какую-нибудь историю, любил чуть приукрасить ее, с тем чтобы конец получился поучительным (в смысле необходимости в повседневной жизни хорошей физической подготовки). Свои истории он обычно начинал так:

– Гуляем мы как-то с женой по Центральному парку культуры и отдыха. Я в костюмчике, белая рубашка, галстук.

Вдруг.

А дальше начиналась вариация с появлением на горизонте неких хулиганов, которые приставали к окружающим или (о, неразумные!) к самому Александру Ивановичу. Концовка всегда была неизменная: тем или иным приемом, как правило тем, который мы изучали в настоящий момент занятий, Александр Иванович расправлялся с группой нарушителей порядка. А упоминание о костюме и галстуке обычно делалось для того, чтобы лишний раз показать, что изучаемые нами приемы рукопашного боя действенны в любой ситуации и вовсе не подразумевают необходимости валяться по земле, пачкать или рвать костюм.

Как правило, поучительные истории Александр Иванович обычно заканчивал так:

– …А я поправил галстучек, взял жену под ручку и пошел пить пиво.

Ко всем слушателям Долматов относился уважительно и бережно. Уже потом он рассказывал мне, что воспитать хорошего бойца-рукопашника очень непросто. И что главное при этом – уважать ученика, всячески его оберегать, с тем чтобы ненароком не сбить с него боевой гонор, психологически поощрять и лелеять, а физические нагрузки увеличивать постепенно, в зависимости от внутреннего состояния и моральных ресурсов бойца.

Следует сказать, что я был у Долматова неплохим учеником. На занятиях он, объясняя и показывая очередной прием, всегда подзывал меня. Дело в том, что силой меня Бог не обидел, а кроме того – неплохая реакция, но что самое главное: в спарринге я никогда не терял чувство меры, всегда контролировал свои эмоции и никогда не травмировал партнера. Настоящих противников травмировал, а партнеров – нет. Все это Александр Иванович выражал так: «силен, свиреп, но умен», что очень льстило моему самолюбию.

Хорошо, что удалось уехать из посольства. А то эти «шесть через двенадцать» так уже осточертели, что хоть на стенку лезь! А здесь предстоят какие-то выезды за город, общение с новыми людьми, разнообразие. Красота, да и только! Да и засиделся я в замкнутом и затхлом мирке посольства.

На волю, в пампасы.

Глава 9

На волю, в пампасы мы выехали уже через пару дней.

Вечером к нам на виллу пригнали «жигуленок» шестой модели, песочного цвета с местными номерами. На нем мы утром после завтрака и отправились в путь.

Мы – это Долматов – старший группы, Коля и Виктор – преподаватели теории (они учили нас еще в Балашихе), переводчик Слава из Душанбе – бородатый резервист, владеющий местным языком. В миру он занимался какими-то историческими изысканиями и переводами в системе Таджикской академии наук. И, наконец, ваш покорный слуга – в качестве инструктора по специальной физической подготовке, охранника и офицера безопасности группы. Среди экипажа нашей машины я был единственный действующий оперработник-контрразведчик.

Ехать нам предстояло через весь Кабул, затем по автотрассе на северо-восток в курортный пригород столицы Паг-ман. До победы Великой Апрельской революции там отдыхали на собственных виллах и в прочих загородных резиденциях члены местного правительства и богатеи (что, впрочем, было одно и то же). Естественно, после революции все виллы были конфискованы. На одной из этих вилл, переданной новым режимом местным спецслужбам, нам предстояло в течение месяца теоретически и практически подготовить для активной работы группу афганских молодых контрразведчиков. Нам сказали, что это – партийный набор: ребят взяли на службу прямо из Кабульского университета и Политехнического института. Раньше они были активистами НДПА, работали в подполье, а теперь вот служили в контрразведке.

Проезжая по набережной реки Кабул (наши прозвали ее – Кабулка, так как большую часть года эта река являла собой неширокий и мутный, пахнущий нечистотами ручеек), мы наблюдали прелюбопытную картину.

Идущая перед нами прекрасная, сверкающая перламутром «тойота» новейшей модели наехала на нищего, который перебегал дорогу. «Тойота» остановилась (мы тоже), и из-за руля

неспешно вышел красиво и чисто одетый мордатый афганец. К нему, грохоча подкованными высокими военными ботинками, уже мчался постовой полицейский с жезлом регулировщика в руках и в белой портупее.

– Ну, сейчас он даст ему прикурить! – злорадно сказал Коля. – Видишь знак: здесь переход, водитель должен был остановиться и пропустить пешехода!

Однако, к нашему удивлению, регулировщик, подбежав к «тойоте», стал бить ногами пытающегося отползти в сторону нищего. Наконец потерпевший сумел встать на четвереньки. Под крики моментально собравшейся толпы зевак и улюлюканье грязных, беснующихся мальчишек, подволакивая ногу, сопровождаемый пинками и бранью полицейского, он выполз на тротуар и проворно юркнул куда-то в переулок.

Закончив на этом разбор дорожно-транспортного происшествия, полицейский подскочил к владельцу «тойоты», который озабоченно осматривал слегка треснувший пластиковый бампер и фару. Судя по жестикуляции, полицейский извинялся за недосмотр и выражал сочувствие по поводу причиненного новенькой автомашине ущерба.

Не поворачивая головы и не глядя на полицейского, владелец «тойоты» вытащил бумажник, достал несколько купюр и небрежно опустил их «в пространство» – в сторону полицейского. Представитель транспортной полиции сделал неуловимое движение, и деньги исчезли в кармане его форменного серого френча. Инцидент был исчерпан. «Тойота» укатила. Полицейский мгновенно обрел облик озабоченного службой неприступного стража порядка и строго огляделся. Собравшаяся толпа стала рассасываться: больше ничего интересного не предвиделось. Одернув френч, регулировщик прошелся туда-сюда, а затем, вдруг потеряв всякий интерес к службе, помахивая жезлом, не спеша подался в сторону дуканов, где прямо на улице в мангалах дымились шашлыки.

– Во дела! – покрутил головой Долматов.

– Обычное дело, – отозвался переводчик Слава и пояснил, – у нас в Душанбе примерно то же самое. Просто за рулем был богатый и уважаемый человек. Таких на Востоке не обижают зазря...

Дорога была гладкая и пустая. Изредка навстречу нам попадались перекошенные набок, ободранные и забитые до отказа пригородные автобусы, зловонно чадящие убогие грузовики, пикапы.

Потом дорога постепенно стала подниматься, горы приблизились, мы въехали на перевал. Справа в долине синело

большое озеро. На его берегу виднелись какие-то машины и механизмы. Нам уже рассказывали, что примерно год назад афганцы зачем-то попросили у нас понтонное оборудование. Им был передан целый понтонный батальон. Именно эти машины стояли и ржавели на берегу озера Карга. Зачем афганцам понадобились здесь понтоны? Непонятно.

Где-то в этих местах около полутора месяцев назад бандиты прихватили французских туристов. Машину потом нашли, а людей и вещи – как корова языком слизнула. Никаких следов. Что с ними стало, какие мучения бедняги претерпели перед смертью – одному Богу известно.

На самом верху перевала стоял пост: деревянная будка, шлагбаум. На звук приближающейся машины из будки неторопливо вышел солдат-афганец с карабином за спиной и стал нам махать рукой, предлагая остановиться. Подойдя к притормозившему в туче пыли (мы съехали на обочину) «жигуленку», солдат вдруг стащил с плеча карабин, наставил его на нас и с истошным криком: «Др-р-э-э-э-ш!» («Стой!») сделал выпад, как в штыковом бою, ткнув стволом чуть ли не в щеку сидевшего за рулем Коли.

Поведение солдата могло бы выглядеть для нас необычным и даже агрессивным. А свое дурацкое «Дрэш!» солдат вообще не успел бы произнести. Готовый к бою автомат лежал у меня на коленях, прикрытый курткой, и я мог бы моментально срезать этого клоуна, как только он потянулся за карабином. Но дело в том, что повадки местных военнослужащих нам были уже знакомы, поэтому мы спокойно сидели на своих местах и приветливо улыбались. На всякий случай я все же направил на солдата невидимый для него ствол своего автомата, а палец держал на спусковом крючке: вдруг он переодетый «ихван».

Однако солдат посчитал свою миссию по охране перевала и проверке всех проезжающих мимо машин на данный момент полностью выполненной, заулыбался, закинул карабин за спину и тут же жестами попросил у нас сигарету. Из будки выскочил в грязной нательной рубахе еще один солдат, который тоже получил сигарету.

Мы уже спускались с перевала. Я обратил внимание на то, что по склонам гор справа и слева, параллельно друг другу, как ступеньки, тянулись обработанные узкие участки земли с какими-то насаждениями. Кое-где виднелись сгорбленные фигурки крестьян, одетых в просторные светлые рубахи и такие же штаны. Потом я узнал, что эти участки земли называются террасы. Из-за недостатка пригодных к земледелию площадей местные жители долбили эти террасы в скалах, потом таскали туда землю в

мешках, удобрения и прочее. Адский труд!

Наконец за очередным поворотом перед нами открылась привольно раскинувшаяся в чаше гор прекрасная зеленая долина. Из-за крон огромных деревьев выглядывали крытые красной черепицей и оцинкованным железом крыши каких-то дворцов.

– Это и есть дачи? – спросил я у Коли. – Ничего себе!

– О-о! Ты еще внутри посмотришь – ахнешь! – довольно смеясь, ответил Коля.

Петляя по узкой дороге между высокими глухими заборами, мы подъехали наконец к нужной нам даче. Там нас уже ждали.

Ворота открылись, и мы заехали во двор. Обливаясь потом, вылезли из раскаленной на солнце, пышущей жаром машины и осмотрелись.

Если где-то и был рай на земле, так это – здесь.

Перед нами стоял двухэтажный белокаменный дворец с колоннами, башенками и лепниной. Вокруг здания росли огромные деревья, раскидистые кроны которых давали спасительную тень и прохладу. В ветвях пели какие-то птички. Перед фасадом дома – просторная асфальтированная площадка. От площадки вниз по склону – дворец стоял на небольшом холме – вела широкая каменная лестница с перилами. По склону шли заросли немного запущенного плодового и декоративного кустарника. От цветников легкий свежий ветерок доносил благоухание роз. А внизу виднелась окаймленная вековыми деревьями Огромная круглая лужайка, засаженная газонной травой. Ее пересекал неширокий чистый ручей. Вся эта благодать была окружена высоким каменным забором с непременной колючей проволокой и битым стеклом по гребню.

На ступенях дворца нас встречал сам начальник объекта – полковник Хабиби. Лет сорока пяти-пятидесяти, с седыми висками и умными живыми глазами на смуглом худощавом лице, среднего роста, с хорошей военной выправкой, он выглядел внушительно и производил весьма приятное впечатление.

Приветливо улыбаясь, полковник поздоровался с нами за руку. Представились по именам. Беседа велась через переводчика Славу, который бойко лопотал на дари. Полковник представил нам и своего заместителя – худощавого капитана лет тридцати пяти. Звали его Ясир. «Рожа хитрая, глазки бегают, в глаза не смотрит. Прохиндей!» – решил я про себя.

Затем подошли еще двое сотрудников объекта: молодые ребята в военной форме без погон. Оказалось, что оба они хорошо говорят по-русски. Один – Абдулла – закончил в Союзе машиностроительный институт. Второй, по имени Ахмад, тоже учился у нас, но с началом событий в Кабуле в прошлом году был

отозван партией для работы в контрразведке.

Афганцы были настроены дружелюбно. Обращались с нами очень уважительно, что было весьма приятно. Они услужливо подливали в бокалы холодную газировку, оказывали всяческие знаки внимания.

Рамазан еще не кончился, поэтому пить воду пришлось нам одним. Афганцы постились.

Мы обсудили технические вопросы процесса обучения, время начала и окончания занятий, с учетом того, что курсанты уже работают и проводят самостоятельные операции. Договорились, что заниматься будем пять раз в неделю. Два дня не занимаемся. В пятницу – «джума» – выходной день у афганцев. А в воскресенье – выходной день у нас.

Полковник заявил, что посещаемость занятий будет стопроцентной, так как курсанты направлены на учебу приказом самого министра безопасности Асадуллы Сарвари. Человек он строгий, требовательный, любит, чтобы все его приказы исполнялись точно и в срок.

В то, что министр безопасности требователен и строг, я охотно поверил, так как кое-что о нем слышал. Недавно в одной воинской части в провинции Джелалабад был очередной мятеж, который, кстати, достаточно быстро подавили. Но факт сам по себе был очень неприятный. Сарвари лично прилетел туда для разбирательства.

Уцелевших мятежников в окружении конвоиров построили перед министром. Их было человек тридцать. Сарвари прошел вдоль строя, вглядываясь в лица испуганных и ободранных солдат, что-то вполголоса коротко спрашивал. Следом за министром, чуть поодаль, следовала охрана и местное руководство. Там же был наш партийный советник и переводчик.

Вдруг Сарвари резко повернулся и выхватил из рук ближайшего к нему охранника автомат, клацнул затвором. Все шарахнулись в сторону.

Широко расставив ноги, Сарвари с бедра, веером, стал поливать из автомата мятежников. Когда кончились патроны, министр отбросил дымящийся автомат в сторону и, ни на кого не глядя, быстро пошел к машине. Вслед за ним поспешила свита. Конвоиры, восприняв действия Сарвари как приказ, добили оставшихся в живых.

Да, министр был строг! Поэтому на занятия уж точно будут приходить все.

А между тем в разговор влез наш Коля и стал рассказывать о подготовленном им плане теоретических занятий.

От нечего делать я стал рассматривать гостиную.

Напротив на стене висели два огромных фотопортрета Тараки и Амина. Изображения вождей нам уже примелькались, так как были развешаны по всему Кабулу.

Тараки изображался красивым (в восточном понимании этого слова) и мудрым пожилым мужчиной с благородной яркой сединой на висках, черными густыми бровями и толстыми могучими усами. Неизменно вид у него был очень нарядный, внушительный и одновременно добрый. Морщин на лице не присутствовало. На щеках – румянец. Направленный чуть в сторону и вверх взгляд – пронзительный и мечтательный, как бы пронизывающий времена и пространства, видящий то, что недоступно простым смертным. Встречались плакаты, где Тараки был с румяным и упитанным ребенком на руках в обрамлении ярких цветов на фоне голубого неба.

Впоследствии я воочию убедился, что парадные портреты всегда лгут. На самом деле Тараки внешне был малопривлекателен: глубоко посаженные глаза с желтоватыми белками, под глазами набрякшие мешки, рябое лицо (про таких у нас в деревнях говорят: «Черти на морде горох молотили!»). Когда вождь улыбался, то являл на обозрение огромные, кривоватые, широко отставленные друг от друга и желтые от никотина зубы. На голове редковатые, забитые перхотью и пегие от седины, как окрас у миттельшнауцера – «соль с перцем», – волосы.

Амин на портретах выглядел более скромно, но тоже красиво. Умный, понятливый и преданный «отцу народа» взгляд, приятный и горделивый разворот головы, аккуратная стрижка слегка вьющихся, красиво уложенных волос. На губах – мудрая и ласковая полуулыбка. Определение «мудрый и преданный» так и напрашивалось при виде его портретного изображения. Вместе с тем, присмотревшись, можно было уловить в чертах лица Амина некие признаки хитрости, изворотливости, склонности к быстрому принятию решений и настойчивости в достижении поставленных целей. Таким он и был. Умный, изворотливый, подхалимистый и одновременно беспощадный и мстительный, самовлюбленный и властолюбивый до крайности. Настоящий образчик восточного тирана. Такому поперек дороги не становись – сожрет с потрохами и не пожалеет на это ни времени, ни средств!

Однако таких подробностей я, естественно, тогда еще не знал и поэтому просто глазел на портреты и прислушивался к беседе.

Сказать по правде, я не знал, как себя вести с нашими афганскими партнерами, так что от активного участия в разговоре решил воздерживаться. Сначала нужно отработать себе

линию поведения, а потом уж ее реализовывать на всю катушку. Так что я просто сидел, слушал, запоминал, наблюдал за реакцией собеседников, пытаясь составить свое мнение о партнерах, определиться в отношении к ним. Во мне говорил контрразведчик, который попал в общество представителей иностранной спецслужбы. И хотя на данный момент предполагалось, что они как бы дружественно к нам настроены и мы являемся партнерами, неизвестно, что будет потом: будущее туманно и непредсказуемо.

Тут за окном послышался шум подъехавшей машины. Это был автобус с нашими курсантами.

Когда мы спустились на асфальтированную площадку у центрального входа, курсанты уже ожидали нас, построившись в две шеренги. Это были молодые худощавые ребята примерно одного возраста: от двадцати до тридцати лет. Все были одеты в полевую военную форму, на ногах – армейские башмаки. Полковник Хабиби пояснил, что впредь – в целях конспирации – курсантов будут привозить сюда в гражданской одежде, а здесь они будут переодеваться в военную форму. Возражений не было.

Выйдя перед строем, Долматов встал по стойке смирно, молча обвел взглядом лица курсантов, а затем хриплым, отрывистым командирским голосом прокричал:

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

Все присутствовавшие при звуках внезапно прозвучавшей команды приосанились, тоже стали смирно. Наш бородатый Слава бойко, стараясь повторить интонации, тут же перевел с русского на дари. Курсанты, показывая знание азов начальной строевой подготовки, нестройно и неразборчиво, но с энтузиазмом ответили на приветствие.

– Поздравляю вас с началом занятий! – продолжил на той же ноте неутомимый Долматов.

Строй отозвался чем-то вроде нашего «Ура!»

Глава 10

Занятия начались в тот же день.

Хитроумный и опытный Долматов решил сразить всех сразу наповал, начав процесс обучения с так называемой «показухи» – показательного занятия, в ходе которого мы должны были вместе с ним продемонстрировать то, чему мы научим наших подопечных.

Мы скинули с себя гражданскую одежду и облачились в нашу легкую, ладно и крепко сшитую спецназовскую форму.

Построив курсантов кружком на лужайке (чуть в отдалении стал полковник Хабиби со своей свитой), Долматов хриплым и бодро-мужественным голосом, с паузами для перевода, рассказал, что ровно через месяц мы сделаем из курсантов суперменов, которые будут владеть не только необходимыми для контрразведчиков теоретическими познаниями, но и станут неотразимыми бойцами, настоящими мастерами рукопашного боя, перед умениями которых померкнут даже каратисты-попрыгунчики из японских и китайских фильмов.

После краткого вступительного слова мы перешли к демонстрации того, чему грозились обучить притихших афганцев.

Для начала Долматов продемонстрировал на мне различные способы силового задержания противника: «загиб руки за спину» и прочие «цветочки». А потом пошли «ягодки». Я нападал на Долматова с кулаками, пытался ударить его ногой, а он ловко, как бы играючи, отражал все мои удары, с бросками и завершающими ударами ногой. Проводя каждый прием, Долматов громко пояснял, что и как он делает. Слава добросовестно переводил.

Потом мы показали притихшей аудитории рукопашный бой-спарринг, в котором я, естественно, получил кучу гулких впечатляющих ударов, несколько раз был повергнут на землю, но неизменно после очередного практически «смертельного» удара красиво вскакивал и нападал вновь.

Наконец, после очередного удара, от которого в очередной раз оказался на земле, я якобы впал в бешенство: вскочил, затравленно огляделся вокруг, кинулся к сложенным под деревом нашим вещам и оружию и выхватил из ножен финку. Наши легковерные зрители ахнули, испуганно загалдели и попятились назад. А я с мерзкой и кровожадной улыбкой прирожденного убийцы-живореза стал приближаться к Долматову, угрожающе жестикулируя и размахивая сверкающим на солнце остро отточенным лезвием ножа. Нас бросился «разнимать» наш «подсадной» – переводчик Слава. Однако я сделал в его сторону выпад, и Слава отбежал на безопасное расстояние.

Долматов весьма артистично изобразил на лице и во всей своей фигуре страх и стал пятиться от меня. С победным ревом я вскинул нож и бросился на него... и в тот же момент в ходе четко проведенного приема (шаг вперед, пригнувшись, под удар, левая рука вверх, защита, остановка и захват руки, одновременно маховый удар ногою в пах – и-и-и р-р-аз! – резкий поворот, бросок через плечо – и-и-и два! – завершающий удар ногой по ребрам – и-и-и три!) оказался на земле.

Вуаля!

Все произошло быстро, но очень четко и красиво, а главное – натурально. Я громко припечатался о землю, прихлопнув ногой и плашмя рукой. Уж что-что, а падать красиво и без травм Долматов научил нас хорошо.

На афганцев наш трюк произвел нужное впечатление. Они громко загалдели, но, не дав аудитории отвлечься на обсуждение увиденного, я быстро вскочил, нащупал в траве выскочивший из руки нож и снова кинулся на Александра Ивановича. Я варьировал удары, бил тычком, махом, сбоку, снизу, сверху. Но тщетно!

Каждый раз моя атака заканчивалась либо крепким захватом, либо эффектным броском, каждый раз я, вооруженный ножом, оказывался побежденным безоружным Александром Ивановичем.

Отражая мои атаки, Долматов не забывал пояснять свои действия (Слава переводил) и время от времени щедро обещал наши курсантам, что скоро они так же научатся бороться против вооруженного противника.

А я тем временем уже схватился за автомат с примкнутым ножевым штыком. Но и тут, все мои атаки штыком и прикладом оканчивались плачевно и пресекались Долматовым самым решительным образом.

А Александр Иванович уже приступил к показу способов бесшумного снятия часового: я расхаживал с автоматом на груди возле дерева, а он, применяясь к местности, подкрадывался и внезапно набрасывался на меня с ножом, с удавкой, без ничего, с голыми руками... Результат был всегда неизменным.

И вот наступило время заключительного аккорда.

Я, имитируя часового, стоял, прислонившись спиной к дереву, автомат в руках. Долматов подкрадывался ко мне. Но кустики кончились, дальше открытое пространство.

– Что делать? – вопрошает Долматов у курсантов. – На открытом месте он меня увидит и убьет из автомата! Курсанты не знали, что делать. Долматов прицелился в меня из пистолета, но отложил его:

– Стрелять не могу – противник услышит! Что делать? – продолжал он интриговать публику.

Затаившая дыхание публика не знала, что делать, но всем своим видом показывала уверенность в том, что находчивый Александр Иванович обязательно найдет выход из создавшейся ситуации. Ей-богу, эти ребята смотрели нашу «показуху», как кино! Краем глаза я успел заметить, что полковник Хабиби тоже с величайшим интересом следит за нашим представлением и, как и все, увлечен происходящим.

И тут Александр Иванович ставит красивую точку: он резко

взмахнул рукой, и увесистый «НР» («Нож разведчика»), сверкнув кромкой отточенного лезвия, коротко прошелестел в воздухе (в-ш-ш-и-и-к!) и гулко воткнулся в ствол дерева в пяти сантиметрах от моей шеи! Все.

Потрясенное молчание. Взрыв оваций. Поклоны. Занавес.

Загалдев, курсанты сломали строй и подбежали к нам. Улыбались, жали руки. Попытались вытащить «НР» из ствола дерева, но – слабаки – не смогли: глубоко засел. Я небрежно, одной рукой выдернул нож и вложил его в ножны.

Тут подошел ко мне Слава-переводчик и сказал, что курсанты хотят пощупать, все ли ребра у меня сломаны. От себя он добавил:

– Они, кажется, думают, что у тебя вокруг туловища прокладки от ударов. Я благосклонно разрешил. Никаких прокладок, смягчающих удары, не оказалось, и ребра все были целы.

Прирожденный педагог Александр Иванович тут же обыграл ситуацию:

– Товарищи курсанты! Если вы будете нас слушаться, стараться и беспрекословно выполнять все, что мы вам скажем, вы станете такими же крепкими, как он! – жест в мою сторону, – и ни один враг революции вас не сломит!

Товарищи курсанты изъявили полнейшую готовность поступить в наше распоряжение, причем немедленно.

С переездом на виллу жизнь стала приятной и окрасилась разнообразными и яркими впечатлениями. Выезды в Пагман и занятия с контрразведчиками чередовались с выездами в город для изучения и разведки объектов, проработки маршрутов, вояжами по местным лавкам.

Учить афганцев навыкам рукопашного боя оказалось занятием достаточно трудным. Дело в том, что в их системе дошкольного и школьного образования практически отсутствует такой предмет, как физкультура. Поэтому у наших подопечных не было наработок мускульной памяти. Так что нам пришлось восполнять пробелы физического образования у наших курсантов и нарабатывать им эту самую мускульную память, координацию движений.

И вот наконец мы решили, что пришло время для обучения наших курсантов в спарринге. Отрабатывали прием «ма-ховый удар ногою в пах» и защиту от него.

Александр Иванович показал прием на мне. Он нанес удар, я, отступив правой ногой назад, прогнулся вперед, выводя корпус из-под удара, и одновременно поставил предплечьями крест-

накрест защиту. Показали еще раз, в замедленном темпе. Потом я наносил удар, а Долматов защищался.

– Все поняли?

– Да, поняли.

Поставили группу в круг, лицами в середину, все наносили удар по воображаемому противнику, а я бегал по кругу, поправлял, потом все отрабатывали защиту.

– Ну что? – спросил меня Долматов, когда я подбежал к нему.

– Да так, в целом вроде бы усвоили, можно ставить в спарринг!

– Рановато, давай еще! Мне травмы не нужны!

И снова я, как борзой кобель, носился по кругу, показывал, объяснял, потом они наносили удары мне, а я ставил защиту. Потом я имитировал удар, а курсанты защищались.

Наконец Долматов потребовал внимания:

– Товарищи курсанты! Сейчас вы разделитесь на пары и будете отрабатывать удар друг на друге! Помните, что перед вами стоит не враг, а ваш товарищ по партии, по работе! Поэтому не бейте изо всех сил! Сначала все движения надо проделать медленно, чтобы вы их запомнили и чтобы мы могли вас поправить! Все поняли?

– Да... Поняли!

Я оглядел наших курсантов и заметил, что у некоторых из них появился в глазах нехороший азартный блеск, кое-кто сделал зверское лицо, оскалил зубы. Взглянув на их тяжелые военные ботинки с подковками, я успел подумать, что добром это не кончится. Хотел сказать Долматову, но не успел.

– Внима-а-ние. Пригото-о-овиться. Пр-р-р-ием!

И в следующий момент пять наших курсантов замертво свалились на землю. Скорчившись в три погибели, хватая широко открытыми ртами воздух, они катались, зажимая руками пораженные гениталии. Еще человек шесть потирали ушибленные бедра.

Ни хрена у них не получалось!

– Эх, эт-т-т-ить твою мать! – в сердцах воскликнул Александр Иванович. Поверженных бойцов мы отнесли на пригорок, поставили на колени, головой к земле, задом вверх.

– Чтоб кровь отливала от паха! – пояснил озабоченный Долматов. Мы приняли решение в ближайшем обозримом будущем, во избежание травм и кровопролития, занятия в спарринге пока не проводить. Пусть тренируются на воображаемом противнике.

– Все это хорошо, а вот как они у нас зачет будут сдавать? – спросил я. – Да и для работы им надо: ведь мужики служат и уже

активно участвуют в боевых операциях!

– Да. Это вопрос! – задумчиво сказал Долматов.

– А я что говорю! Надо что-то придумать.

И тут я заметил, что Александр Иванович с интересом и как-то оценивающе приглядывается ко мне. Он с минуту помолчал, а потом заявил:

– Слушай, так они действительно ничему не научатся... Знаешь что... Давай они на тебе будут отрабатывать и удары, и защиту! Ну как, выдержишь? Хватит силенок?

Неожиданный поворот! Это что же, пусть меня калечат? А впрочем. Вряд ли эти валенки смогут это сделать даже при большом желании. А для меня будет хорошая дополнительная тренировка.

Я сказал, что силенок-то хватит, но лучше было бы переобуть наших курсантов в какие-нибудь тапочки.

– А то в ботинках им, нетренированным, будет тяжеловато бегать и заниматься.

Долматов заулыбался и, похохатывая, пообещал, что обязательно поговорит по поводу тапочек с полковником Ха-биби. Через два дня по указанию полковника Хабиби для наших курсантов были закуплены легкие спортивные тапочки – дешевые китайские полукеды.

Глава 11

Все шло своим ходом, однако одна мысль не давала мне покоя. Дело в том, что, занимаясь в Пагмане с нашими курсантами, я постоянно удивлялся, почему никто из нашей резидентуры не проявляет интереса к этим ребятам. А между тем наши курсанты являли собой идеальную вербовочную базу. Настроены просоветски, с хорошим общеобразовательным уровнем, уже занимают соответствующие должности в аппарате контрразведки, имеют реальные перспективы продвижения по службе! Ну что еще надо?

Я заговорил как-то на эту тему с Долматовым, однако Александр Иванович прямо заявил мне, что в этих делах особо не разбирается.

– Если хочешь, попробуй поработать с ними, – сказал он, – но имей в виду: если будет с твоей стороны прокол – пеняй на себя! В общем, здесь я тебе не советчик. Делай, как знаешь.

Я решил работать. Соберу, думал я, хотя бы первичные материалы на каждого курсанта: установочные данные, политические убеждения, место работы и должность,

родственники, связи и прочее. Подготовлю фотографии, потом подработаю наиболее перспективных. И сдам все в резиденту-ру. Пусть они доводят до ума. А то жалко ведь! Пропадает такой контингент!

Работа у меня пошла хорошо. Афганцы мне полностью доверяли, как доверяют ученики преподавателям иностранного языка и тренерам. Я быстро перезнакомился со всеми и часто беседовал с ребятами «по душам»: с кем на русском языке, с кем на английском, с кем через переводчика Славу, который, кстати, тоже мне здорово помогал.

Курсанты рассказывали мне много интересного не только о себе, но и о своей работе, о некоторых конкретных делах, об оперативной обстановке в городе и его окрестностях, о политической ситуации, как они ее понимали.

Оказалось, что все они практически круглосуточно были задействованы в различных контрразведывательных мероприятиях, причем основная работа заключалась в поиске и арестах так называемых «врагов народа» – «парчамистов». Операции шли по накатанной дорожке: сигнал от агентуры, засада по месту жительства и в местах вероятного появления, захват «парчамиста», короткий допрос, обыск в доме, расстрел. Если дом хороший – его конфисковывали в пользу государства вместе со всем содержимым (составление описи и т. д.), а если хибара – сжигали к едрене фене!

– А как же жена, дети, родственники? – спрашивал я.

– Так они же тоже враги народа, были все заодно... – отвечали курсанты, удивляясь про себя непонятливости своего любопытного советского друга, – кого тоже под расстрел, а кого в тюрьму Пули-Чархи. Неизвестно еще, что лучше!

На одном из занятий мы учили афганцев работать с удавкой. Как всегда: нападение, защита. А на следующий день один из курсантов, думая, что делает мне приятно, похвалился:

– Вчера ночью мы ловили одного опасного «парчамиста». Раньше майором был, а потом перешел на нелегальное положение. Он хотел убежать через двор, а я наискосок, через крышу сарая, а потом как прыгну на него сверху! И удавкой, как вы учили! У него аж глаза повылезали, а язык вылез вот на столько! Здорово! Мне потом все ребята завидовали. И начальник похвалил!

Во дела! Конечно, с одной стороны, это хорошо, что наша наука не пропадает даром, но. во всем этом было что-то не то. Ведь в принципе то, чему мы обучали наших курсантов, они должны были использовать против вооруженного противника, в боевой обстановке или хотя бы в ситуации, приближенной к

боевой! Хотя. С другой стороны, если вдуматься, то обстановка здесь и так приближенная к боевой. По ночам да и днем стреляют. Рвутся мины-сюрпризы. То тут, то там диверсии, поджоги. Контрреволюция! Против существующего режима идет война и в полевых, и в городских условиях. Конечно же, под эту марку списываются и другие дела: борьба за власть среди лидеров режима, личные амбиции, партийные склоки... Это все ясно: нет человека – нет проблемы! Короче говоря, получается, что лес рубят – щепки летят. Наверное, и у нас в свое время так было... Кучу народа зазря положили. Во имя принципов и святых идеалов. Можно ли иначе? Наверное, можно. Но ведь все это не зависит от конкретных исполнителей, от рядовых бойцов, от людей, которые посланы приказом и которые связаны присягой и погонами. Во все времена приказ командира – закон для подчиненного. За неисполнение приказа в боевых условиях – позорная смерть.

Эх. Здесь сам черт ногу сломит. Как прав был товарищ Сухов, когда он говаривал: «Восток – дело тонкое!»

Ну ладно. Посмотрим с другой стороны. Афганистан граничит с Советским Союзом. Нам небезразлично, что здесь происходит. Если нынешний режим удержится на плаву – хорошо для нас. А если не удержится? А если к власти придет проамериканский режим? Тогда все ясно. Американцы наверняка разместят здесь свои ракеты средней дальности, которые будут простреливать всю нашу европейскую территорию. Из Ирана-то их выкурили! Надо наверстывать... Кроме того, у американов появится прекрасная возможность мутить воду в наших, и без того не очень-то чистых, среднеазиатских республиках. Там и без них творится черт знает что. Таким образом, находясь здесь и способствуя укреплению нынешнего режима, мы фактически защищаем свою страну. Ведь хоть все и бубнят про разрядку, а холодная война продолжается полным ходом. Есть НАТО, есть потенциальные противники, есть и главный противник. Вон, американские «зеленые береты» пристреливают свои новые автоматические винтовки с «прыгающим патроном» по овцам, прикрытым попонами из русского солдатского шинельного сукна. Мол, чтоб все было, как взаправду, и как поведет себя новый боеприпас в живой плоти под шинелью.

Так что с этой стороны все в порядке. Афганистан – это зона наших государственных интересов. Поэтому мы здесь.

Хотя – невинных людей все-таки жалко.

Глава 12

А на местном политическом горизонте сгущались мрачные тучи, предвещавшие крепкую грозу, перемену ветра и обязательное в таких случаях обильное кровопускание.

Улыбающийся с многочисленных портретов в присутственных местах Хафизулла Амин упорно рвался к власти. Он ловил удобный момент, чтобы навсегда распрощаться с «вождем народа», «учителем и отцом» Тараки, скинуть его с партийного и президентского поста и взять всю полноту власти в свои руки.

В это время благодушно настроенный Тараки гостил на Кубе у Фиделя Кастро. Домой он будет возвращаться через Москву, где встретится с Леонидом Ильичом Брежневым. Будут поцелуи, заверения в нерушимой дружбе и любви...

А между тем дни Генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана и первого Президента Афганистана Нур Мухаммеда Тараки были сочтены. Его планировали застрелить у трапа самолета в Кабульском международном аэропорту.

Однако судьба распорядилась иначе. Воистину, кому суждено быть повешенным, никогда не утонет! Не без вмешательства нашей резидентуры, которой удалось получить упреждающую информацию о готовящемся теракте, акцию удалось сорвать.

Вспоминая те времена, я с удовлетворением могу констатировать тот факт, что к срыву террористического акта в Кабульском аэропорту я тоже имел хоть и небольшое, но достаточно прямое отношение.

Проводя работу по изучению наших курсантов, я выявил несколько ребят, которые, как оказалось, люто ненавидели Хафизуллу Амина.

Один из них, двадцатипятилетний выпускник Кабульского университета по имени Асад, как-то обратился ко мне:

– Не верьте Хафизулле Амину! – возбужденно зашептал Асад. – Он – враг народа!

Я сделал «большие глаза»:

– Для таких обвинений нужны серьезные основания.

– Честное слово! Он – фашист! Знаете, сколько невинных людей убито по его приказу? Он. – тут афганец сделал паузу и, облизав враз пересохшие губы, выдохнул: – он. хочет убить. Тараки!

– Не может быть! – шепотом воскликнул я.

– Это правда! Вы – хорошие люди, стараетесь, хотите нам помочь. Поэтому я вам скажу. Он хочет убить его в аэропорту... когда он прилетит из Советского Союза... Будут стрелять. прямо около самолета.

Вот это да!

– У Амина всюду свои люди. – свистящим шепотом продолжал курсант, – помощник полковника Хабиби капитан Ясин – человек Амина. Он учился в военном училище в Америке. Он следит за всеми вами! Осторожней с ним. Если Амин придет к власти, то революции – конец! Вы, наши советские друзья, должны нам помочь.

Информация была серьезная, но я всю дорогу до дома помалкивал. Когда мы въехали во двор нашей виллы, я отозвал в сторону Долматова, рассказал о беседе с Асадом и предложил доложить информацию в нашу резидентуру.

– Поехали к Бояринову! – сказал Александр Иванович.

Через час я сидел в одном из кабинетов посольства перед моложавого вида человеком лет сорока с хвостиком. Это был один из заместителей резидента внешней разведки. Я последовательно рассказал ему о беседе с афганцем и его предупреждении. Затем передал ему блокнот с моими записями и пленку с фотографиями наших слушателей.

– А вам, что... кто-то в Союзе давал задание на изучение и разработку этих слушателей-афганцев? – полистав мой блокнот, доброжелательно осведомился мой собеседник.

– Да нет. Никто не давал мне никаких заданий. – несколько растерялся я. Черт возьми, мелькнула мысль, может быть, я им карты попутал? В конце концов изучение афганцев вроде бы не входит в мои обязанности здесь.

– Понимаете, как бы это объяснить. Ведь, будучи бойцом отряда спецназа, я не перестал быть оперработником. контрразведчиком. Мне просто жалко было упускать такую возможность: ведь наши слушатели – офицеры иностранной спецслужбы. У них есть возможности роста по служебной линии. Это сейчас они как бы друзья, а что будет завтра? Да и друзей надо знать, контролировать, направлять. Я это так понимаю.

– Так. Это хорошо. Вы кого-нибудь информировали о том, что ведете изучение этих афганцев?

– Конечно. Я информировал командира нашего отряда. Он дал «добро».

– Ну а что касается возможного теракта по Тараки, то вообще-то нам об этом уже было известно. Но ваша информация – еще одно подтверждение... Это хорошо. Спасибо. Теперь по вашему блокноту. Работу по слушателям продолжайте. Особо интересными могли бы быть для нас вот этот, этот и этот. Так, вот еще этот. – он показал мне несколько фамилий слушателей. – Но только аккуратно. Понимаете, о чем я говорю? Без нажима, полегоньку... Ладно?

– Ладно. – ответил я, а про себя подумал, что вот уж этому меня учить не стоит, сам не дурак, чтобы голову под топор совать.

– По мере накопления материалов подходите сюда. Отписываться будете здесь. Там у вас на вилле никаких записей не держите, мало ли что.

Глава 13

Меры по предотвращению террористического акта в Кабульском аэропорту были приняты. Нашей резидентурой была проведена сложная многоступенчатая операция по доведению до сведения Амина информации о том, что замысел покушения на Тараки известен окружению последнего и что по этому поводу предприняты соответствующие меры безопасности. Одновременно до окружения Тараки были доведены сведения о том, что некие контрреволюционные силы хотят организовать физическое устранение лидера в Кабульском аэропорту. Чтобы не усугублять ситуацию (может, еще помирятся, чего не бывает между друзьями и соратниками: «милые бранятся – только тешатся»), естественно, никто не упоминал, что к чему на самом деле и кто инициатор планируемой террористической акции.

Операция по доведению информации прошла успешно, были получены данные о том, что Амин якобы решил отказаться от силовой акции в аэропорту. Однако небольшую группу ребят из нашего отряда все-таки переодели в гражданское и на всякий случай направили в аэропорт в числе сотрудников посольства, сопровождавших нашего посла.

Охраны в аэропорт нагнали видимо-невидимо. Перекрыли трассу движения чуть ли не до самого дворца. Прикидывая организацию системы обеспечения безопасности лидера, мы с ребятами пришли к выводу, что хоть здесь и полно народу, много шума и помпы, но толку от всего этого – ноль. Мы знали, что вопрос о направлении в Кабул группы наших советников из 9-го Управления КГБ для организации охраны руководителя Афганистана вроде бы уже обсуждался. Может быть, наши и смогли бы навести в этом деле порядок. А сейчас все эти приготовления по обеспечению безопасности встречи высшего руководителя страны были весьма бестолковы и малоэффективны. Я еще тогда подумал, что если бы нам поручили убрать охраняемое лицо в такой вот ситуации – то никаких особых проблем не было бы. Хоть из снайперской винтовки, хоть с использованием минно-взрывной техники.

Рассредоточившись в толпе встречающих чиновников и представителей дипломатического корпуса, мы наблюдали, как самолет афганской авиакомпании «Ариана» сделал над аэропортом положенное количество кругов, затем снизился и пошел на посадку. Наконец самолет подрулил к зданию аэропорта.

Нур Мухаммед Тараки в строгом черном костюме, в белой рубашке и при галстуке ступил на трап, остановился и сверху, улыбаясь, помахал всем рукой. По-моему, он был немного подшофе. Затем он стал, осторожно перебирая ногами, сходить по лесенке трапа.

Ковровая дорожка. Почетный караул. Оркестр. Все как у нас!

Первым к прибывшему с чужбины «отцу народа» устремился Хафизулла Амин. Он шел с достоинством (это для тех, кто присутствовал на встрече, чтобы каждый понял, что именно он, Амин, является «вторым номером» после Тараки), и вместе с тем с почтением (это – для лидера), держал правую руку у сердца, чуть склоня голову и с радостной улыбкой на блудливых устах. Мне даже показалось, что на глазах Амина были слезы радости и умиления. Он просеменил по кроваво-красному с черными узорами ковру, пожал протянутую вождем руку, а затем. припал к его груди. Как любящий сын, соскучившийся без мудрого и доброго отца! Тьфу, прости Господи! Ну и артист!

Исторический момент, вспышки фотокорреспондентов, овации, цветы.

Встреча вождя прошла без крови. Пока. Все еще впереди.

А занятия с нашими слушателями продолжались. Начались боевые стрельбы, которые мы проводили в открытом тире академии царандоя. Договариваться о конкретном расписании занятий с руководством академии послали меня и нашего второго переводчика, бойца «Зенита» Нурика. Нурик был родом из Таджикистана, отработал опером в Душанбе.

На первом же занятии выяснилось, что стрелять наши афганцы, конечно же, толком не умели. В основном они были люди городские, с оружием никогда не обращались. Нурик шепнул мне, что между собой афганцы говорили, что, мол, это автоматы плохие, что у них мушки сбиты, поэтому никто и не попадает в мишень.

Вечером я рассказал об этом Долматову. Тот посоветовал мне самому пострелять из тех автоматов, которые кажутся слушателям «бракованными».

Но меня опередил Коля. В очередной раз, когда афганцы неудачно отстрелялись, Коля вдруг ухватился за автомат и

заявил:

– Вы зря говорите, что оружие плохое. Все зависит от стрелка! Вот смотрите, как надо стрелять!

Я пытался его остановить, но за него вступился Витя, который зашипел на меня:

– Товарищ старший лейтенант, знайте свое место! Что вы нам, двоим майорам, пытаетесь здесь доказать! В конце концов мы старше вас по званию!

Я, конечно, мог бы пойти на открытый скандал и послать наших теоретиков к такой-то матери, но, во-первых, неудобно было это делать в присутствии наших афганских слушателей, а во-вторых, я решил: пусть Коля опозорится – впредь будет умнее!

Коля отстрелялся еще хуже афганцев. Он огорченно разглядывал мишени, осматривал автомат.

– Может быть, действительно, мушка сбита! – наконец авторитетным тоном заявил он.

Я молча взял у него автомат, подсоединил новый рожок (Коля расстрелял почти все патроны).

– Давай мишени! – крикнул оператору. Встали пять ростовых мишеней. Я прицелился и, осекая по два-три патрона, стал стрелять. Мишени попадали.

– Давай твой автомат! – скомандовал я стоявшему вблизи слушателю. В общем я отстрелял пять автоматов. Все работали исправно.

– Ребята! – сказал я афганцам. – Запомните навек: оружие советского производства – самое лучшее в мире! Тем более – автомат Калашникова! Он всегда и при любых условиях надежен и безотказен!

Репутация советского оружия была восстановлена, однако я приобрел двух серьезных врагов в лице прилюдно опозоренного Коли и его приятеля Вити.

Глава 14

В конце 1979 года обстановка в Кабуле все более осложнялась. Кстати сказать, сколько я помню, во время службы практически все оперативные документы общего и аналитического характера имели в своем первом абзаце именно это словосочетание: «осложнение оперативной обстановки». Когда я это сообразил, то подумал, что пессимист, уловивший эту особенность, давно бы уж руки на себя наложил: и так жизнь нелегка, а тут еще постоянные «осложнения»...

Но тем не менее ситуация действительно обострялась.

С ростом опасности совершения в отношении советских представителей террористических акций со стороны оппозиции в составе нашего отряда была создана группа сопровождения. Туда отобрали рослых ребят (по причине небольшого роста и ряда других обстоятельств, о которых расскажу позже, я в эту группу не попал). Они были вооружены автоматами, пистолетами Стечкина и, естественно, гранатами. Каждый вечер ребята чистились и гладились. На службу выходили в нашей спецназовской форме светло-песочного цвета, которая в те времена не только смотрелась просто роскошно, но и была очень удобна.

А служба была достаточно проста, но утомительна. На «Волге» (водитель и три бойца) нужно было угнаться за «мерседесами» нашего начальства. Задача – обеспечение личной безопасности охраняемых лиц. Дикая гонка за охраняемыми «мерседесами» по городу, затем томительное ожидание «хозяев», затем снова гонка… И все это на фоне явно принимающей самые угрожающие черты нестабильности обстановки. Политическая атмосфера была так сильно наэлектризована, что в воздухе явственно витали флюиды опасности, пахло началом гражданской войны и большой кровью. Целеустремленный Амин рвался к власти. Тараки, по распространяемым злопыхателями слухам, пьянствовал и развратничал с местными «комсомолками», переживая разлад с Амином. Наши представители по нескольку раз на день выезжали во дворец, пытались их примирить, беседовали с обоими то порознь, а то вместе. Судя по высказываниям наших «хозяев», переменчивые в своих симпатиях и антипатиях, как ветер в мае, лидеры Саурской революции то мирились (по настоянию наших миротворцев жали друг другу руки, обнимались, троекратно целовались и клялись в вечной дружбе), то снова ссорились.

Но страшный нарыв распри назревал, наливался всеми цветами гнойной радуги. И вот однажды начал прорываться. А было это так.

Еще с раннего утра мы сидели в полной боевой готовности. А часам к девяти, по приказу Бояринова, оставив на вилле только усиленную охрану и двух преподавателей-теоретиков Колю и Витю, мы прибыли в наше посольство.

Что-то затевалось, а что – мы не знали.

– Мужики, не расслабляться! Мы в любой момент можем потребоваться! – сказал Долматов и пошел к зданию посольства узнавать, что там и как.

Мы присели на стриженую травку газона за жиденькими кустиками справа от входа в посольство.

Двери открылись. Вышли и остановились под козырьком Бояринов с Долматовым. За ними вышел офицер безопасности Бахтурин. Они посторонились, когда вышли посол и представитель КГБ.

Тут же с места сорвался «мерседес» посла и подкатил под козырек.

При виде охраняемых лиц ребята из группы сопровождения кинулись к машине, застыли у открытых дверей, затем вскочили внутрь, и «Волга» рванула вслед за «мерседесом» посла.

Долматов подошел к нам.

– Они, – он кивнул в сторону выездных ворот, которые медленно закрывались, пропустив «мерседес» и «Волгу», – поехали снова мирить Тараки и Амина. Нам приказано быть в состоянии повышенной готовности. В случае чего – поедем на помощь.

Прошло около получаса.

Из посольства выскочил дежурный и прокричал:

– Долматова! Срочно!

Придерживая деревянную кобуру «стечкина», Александр Иванович забежал в здание и выскочил обратно буквально через пару минут.

– Значит, так. В резиденции у Тараки перестрелка. Есть раненые и убитые. Наши сейчас возвращаются. Как только машины заедут на территорию – блокировать ворота. Возможно преследование, попытка проникновения!

Мы кинулись к воротам, которые уже медленно открывались. Во двор залетели «мерседес» и наша «Волга». «Машины вроде без повреждений», – мелькнуло в голове.

«Мерседес» заехал под козырек, а «Волга» остановилась тут же. Из нее вывалились наши ребята, все бледные, дерганые. Ни слова не говоря, они стали разряжать оружие: отсоединили магазины, щелкнули затворами. На бетонные плиты с тупым стуком посыпались извлекаемые эжекторами из стволов патроны.

О том, что случилось в резиденции Тараки, мне потом рассказал Серега Чернота.

А было так. Промчались через город. Въехали в резиденцию Тараки. Остановились. «Шефы» прошли внутрь. Наши ребята остались снаружи. Вышли из машины, осмотрелись. В тенистом, засаженном розами дворике резиденции стояло несколько автомашин, среди которых были машины Амина и его сопровождения. Его телохранители, поглядывая по сторонам, стояли рядом. Чуть поодаль маячили телохранители и бойцы охраны резиденции Тараки. Все уже знали друг друга в лицо, издали поздоровались, однако все продолжали оставаться около

своих автомашин.

Вдруг в здании раздались выстрелы. Несколько пистолетных, затем короткая автоматная очередь.

Не сговариваясь, ребята мгновенно изготовились к круговой обороне, присели, используя автомашину как защиту.

Обстановка была неясная. Что делать? Кто стрелял? Что с нашим начальством? Все находящиеся во дворе телохранители и охранники проделали тот же самый маневр. Все держали друг друга на мушке, вмиг вспотевшие пальцы прикипели к спусковым крючкам. Еще секунда – и у кого-нибудь не выдержат нервы: начнется стрельба.

В следующее мгновение на ступеньки из-за колонн выбежал окровавленный человек в форме афганского старшего офицера и тут же упал. Вслед за ним выскочил афганец в строгом темном костюме и в галстуке – один из секретарей Тараки. Он крикнул что-то на местном языке, а затем по-русски:

– Все в порядке! Не стрелять! Все в порядке! Это – недоразумение! Вслед за ним выбежал кто-то из окружения Амина.

– Спокойно, не стрелять!

В кольце четырех телохранителей, ощетинившихся во все стороны короткоствольными немецкими автоматами «Хеклер и Кох», из-за колонн показался бледный и на вид сильно испуганный Амин. Оскользнувшись на гладком мраморе ступенек в крови лежащего без движения офицера, он кинул взгляд в его сторону, что-то сказал охране и поспешил к своей машине. Хлопнули дверцы, взревели мощные двигатели. Черный «мерседес» пулей вылетел за ворота, за ним рванул здоровенный белый джип сопровождения. Трое оставшихся охранников подхватили лежащего на ступеньках офицера, споро запихнули его во второй джип и тоже умчались. Как выяснилось впоследствии, тот окровавленный офицер был из свиты Амина.

Через какое-то время на выходе замаячили бледные и крайне раздраженные лица наших шефов. Они сбежали по ступенькам и сели в машины.

Рывок по городу до посольства. Обратили внимание на то, что на перекрестках появились усиленные патрули, кое-где неизвестно откуда вылезли бэтээры и несколько танков.

До поздней ночи мы просидели в посольском дворе, ожидая приказа. Потом разделились на две группы: одна осталась в посольстве на ночь, а вторая уехала на виллу.

Что же все-таки случилось?

Только позже мы узнали, что за перестрелка произошла в приемной Тараки.

Оказывается, Тараки приказал Амину являться к нему без оружия. Однако тот притащил за собой в приемную вооруженную охрану. Увидев скрытое под одеждой оружие, адъютанты Тараки стали стрелять. Пострадали двое. Тот окровавленный офицер из сопровождения Амина был ранен. А главный адъютант Тараки по имени Тарун в перестрелке был убит.

Почему так случилось? А черт его знает. Нам сказали, что это была спланированная Амином провокация. Вместе с тем было известно, что первыми вроде бы начали стрелять люди Тараки, которые увидели оружие у свиты Амина. Непонятна была роль погибшего Таруна.

Говорили, что Тарун был продвинутым в окружение Тараки агентом Амина. И что именно у него под одеждой было спрятано оружие, которое и спровоцировало перестрелку. Сейчас уже вряд ли кто сможет рассказать, что же там было на самом деле...

Через день были организованы пышные похороны Таруна. Его тело на лафете в сопровождении почетного караула (рослые ребята, красивая форма, наши карабины СКС и почему-то немецкие каски времен Второй мировой войны) и огромной толпы скорбящих граждан было препровождено на кладбище Героев Революции. В газетах писали, что Таруна убили враги революции и народа. Под официальным некрологом стояли подписи и Тараки и Амина. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!

Нарыв прорвался.

Колесо истории, заскрипев, стало раскручиваться все быстрее и быстрее, подминая под себя события, жизни, судьбы. Афганистан медленно, но верно приближался к большой войне.

Да... Все-таки политика – грязное, лживое и кровавое дело.

А обстановка все нагнеталась. Судя по всему, счастливая звезда Тараки, волею случая вознесшая своего хозяина к президентскому креслу, неумолимо гасла и закатывалась.

Все это отлично понимали. Здесь нужно было уже что-то решать: если нам нужен Тараки – надо убирать Амина, если нас устраивает Амин – все оставить как есть, пустить дело на самотек. Двум медведям в одной берлоге не ужиться. Не знаю, как Тараки, а Амину явно было тесно.

Видимо, это понимали и в Москве. Но почему-то медлили с решением.

Со своей стороны, мы, как потом оказалось, достаточно четко определились в этой сложной обстановке. Были проведены дополнительные мероприятия по доразведке резиденции Амина. Разработан план захвата.

Хитромудрый Бояринов вполне резонно полагал, что надо

быть готовыми ко всему: военная закалка остается на всю жизнь!

Наконец из Москвы пришла шифровка, смысл которой сводился к тому, что деятельность Амина дискредитирует революционные преобразования, играет на руку мировому империализму и т. д. и т. п. Предлагалось силами отряда специального назначения «Зенит» провести мероприятие по похищению Амина и доставке его на территорию СССР. В случае если похищение сорвется – Амина необходимо будет уничтожить физически. Операцию разработать и. ждать сигнала.

Когда руководство нашего отряда вызвали на беседу резидент и представитель КГБ, Бояринов четко и уверенно изложил наши наработки и задумки.

А план наш был прост и убедителен. Отряд делился на три группы: группа захвата, группа прикрытия и резервная группа (в ней – подгруппа сопровождения). На двух наших УАЗах и двух военных грузовиках (бронетехники у нас тогда не было) мы подъезжаем к резиденции Амина. Идущий первым грузовик таранит ворота, на кузове грузовика два гранатометчика и двое с ручными пулеметами. Гранатометами подавляем стоящий перед домом бронеобъект, из «ручников» ребята бьют по наружной охране и деморализуют ее. Затем грузовик поворачивает за угол здания, и гранатометчики поджигают второй бронеобъект. Далее они занимают оборону и блокируют заднюю часть здания. При необходимости ведут огонь на поражение по всем местным, пытающимся покинуть помещения. Идущий следом за грузовиком УАЗ с группой захвата подкатывает к самым ступенькам, и пять человек – группа захвата – проникают в здание и, перебив внутреннюю охрану (их по ночам в доме не более 3–4 человек), пробиваются на второй этаж к спальне Амина, где и производят его захват. Мы даже приготовили кляп и мешок, куда планировали посадить Амина. В это время бойцы из второго УАЗа во дворе нейтрализуют охрану и замыкают кольцо вокруг здания, прикрывая действия группы захвата от возможного вмешательства в события извне. Второй грузовик с гранатометчиками и пулеметчиками блокирует перекресток и подъезды к резиденции. Связь со всеми бойцами – по рации. Время на операцию с момента пересечения территории резиденции – от семи до десяти минут.

Затем – бросок на автомашинах в том же составе до небольшого городка Баграм, расположенного в семидесяти километрах от Кабула, где была наша авиабаза и стояло небольшое подразделение десантников. Они числились здесь кем-то вроде советников. Там нас ждет транспортный самолет. Загоняем грузовик с Амином и бойцами в самолет – и на взлет.

Через сорок минут мы уже в Ташкенте, сдаем Амина под расписку... и идем кушать шашлык и пить водку. План выглядел неплохо.

Отписались в Центр, Центр одобрил. Оставалось только ждать.

После убийства Таруна мы думали, что пришло время действовать. Мы ждали сигнала.

Глава 15

И вот на следующий день – утром 15 сентября наконец-то Москва «проснулась». Пришла шифровка с требованием привести в готовность отряд специального назначения «Зенит» для возможного осуществления операции по Амину.

Целый день мы просидели в полном вооружении на заднем дворе нашего посольства. Ждали из Москвы сигнала к началу операции. Около десяти часов утра с нами провели дополнительный инструктаж, еще раз напомнили порядок действий, уточнили вопросы взаимодействия. Через полчаса из посольства прибежал офицер безопасности Бахтурин и сообщил, что минут через пятнадцать мы выступаем на операцию. Принес пару бутылок «Посольской» водки. Мы с удовольствием распили вкусную водочку, о которой уже стали забывать в ходе нашей девственно чистой и непорочной жизни на чужбине. «Наркомовские сто грамм», добрые старые традиции, предстоящее интересное дело – все это поднимало настроение и окрашивало все вокруг в праздничные цвета.

Однако через час к нам вышел Долматов и сказал, что решение пока не принято, надо ждать. Потом я узнал, что вопрос о начале операции согласовывался лично с Брежневым, а тот никак не мог решиться.

Нам еще два раза выносили «Посольскую» «перед боем», однако боя так и не состоялось. Мы просидели в посольстве весь день. Москва ни на что не решилась.

А зря. Хоть история и не терпит сослагательных наклонений, но тем не менее: если бы мы тогда взяли Амина – а мы бы наверняка его взяли, куда б он делся! – то многих неприятностей можно было бы избежать. Так, верный наш друг Тараки остался бы жив... Правда, надолго ли? Наверняка не пришлось бы вводить в Афганистан наши войска. Сколько народу бы и у нас, и у них уцелело! Был бы подписан договор ОСВ-2: американцам просто некуда было бы отступать.

А так – декабрьский ввод войск предрешил судьбу этого

многострадального договора.

Таким образом, небольшое «хирургическое» вмешательство, принесение на «жертвенный алтарь» спокойствия десятка жизней спасло бы жизни сотням тысяч людей, сгоревших в афганской бойне. И кто знает, может быть, именно афганские события ускорили метастазы в престарелом организме руководства великой державы, способствовали дальнейшему развалу экономики, спровоцировали распад страны.

Вечером «перегоревшие», уставшие от ожидания и с головной болью от огромного количества выкуренных сигарет, мы возвратились на свою виллу. Поужинали. Почти все свободные от дежурства ребята легли спать.

А мне не спалось. Вот уж и ночь наступила, а я сидел на веранде и в полудреме слушал по приемнику Би-Би-Си на английском языке. Вдруг в сводке последних новостей диктор скороговоркой сообщил, что, по полученным данным, сегодня в Кабуле по причине болезни был отстранен от власти президент Афганистана Нур Мухаммед Тараки.

Я тут же помчался к Долматову, разбудил его и сообщил новость.

– Там ведь не по-русски говорили? На английском, да? А ты уверен, что правильно понял? А не брешут они? – переспросил он.

– Конечно, уверен! А насчет брешут или нет – кто знает?

– Так. Давай сообщим нашим в посольство.

По рации мы связались с дежурным посольства, сообщили новость. Через полчаса по Би-Би-Си пошел повтор новостей, который мы уже слушали «консилиумом»: собрались все ребята, кто владел английским. Все точно. Слово в слово. Мы даже записали на листок короткое сообщение о Тараки.

Я не знал, что в посольстве на радиоперехвате сидела целая группа и что они тоже перехватили сообщение диктора Би-Би-Си. Срочно был поднят с постели резидент, представитель КГБ. По их указанию дежурный разбудил посла. Тут же связались с Москвой. Через полчаса посольские, так же, как и мы, повторно прослушали сообщение.

Через пять минут из посольства по рации пришла команда – «в ружье!»

Мы срочно нацепили на себя всю амуницию, заняли места по боевому расчету. В окутанном ночной сентябрьской прохладой городе все было тихо. Время от времени слышались отдаленные выстрелы, где-то взревел на высоких оборотах двигатель автомашины, вдали лаяли собаки, иногда до нашего слуха доносились приглушенные расстоянием истошные крики местных патрулей «Дрэш!». Все как обычно.

Глава 16

И вместе с тем все уже давно изменилось. Оказывается, еще с утра Амин посадил Тараки под «домашний арест» в одном из помещений дворца. Всем было объявлено, что президент приболел, поэтому не показывается на людях.

Тараки был обречен.

Сначала по-тихому, без шума и криков, перебили его охрану, секретарей, помощников. Часть трупов вывезли и закопали на окраине города, несколько человек закопали у задней стены дворца. Одновременно по известным адресам выехало несколько оперативных групп, которые арестовали и доставили в загородную тюрьму Пули-Чархи всех родственников клана Тараки. Кое-кого сразу же расстреляли.

Потом, как стемнело, начальник личной охраны Амина с двумя своими подчиненными зашел в комнату к Тараки.

Услышав звуки отпираемой двери, президент встал из-за стола, за которым что-то писал. Наверное, он подумал, что к нему пришел в очередной раз Амин, требуя отречения от власти. А может быть, он пришел просить прощения? Президент заранее придал своему лицу соответствующее моменту мудрое и оскорбленно-гордое выражение. За ним стоят советские друзья, которые никогда не дадут его в обиду! Его обласкал совсем недавно в Москве сам Леонид Ильич Брежнев! Был званый обед, заверения в обоюдной дружбе, поцелуи, торжественные встреча и проводы в аэропорту.

Последнее время Амин активно наседал на него, убеждал, угрожал, требовал передать ему власть. Тараки был человеком мягким, слабовольным и в целом достаточно сговорчивым. Настырность Амина его сначала испугала. В одной из бесед с советским послом и представителем КГБ, после очередного «крупного разговора» с Амином, Тараки, чтобы прощупать позицию СССР, даже сказал, как бы размышляя и советуясь:

– Дети мои. Я свое дело сделал, революция победила. Я уже стар, болен. Может, действительно мне уйти. Пусть теперь пробуют другие.

Его тут же с жаром принялись отговаривать. Ну что вы? Как можно! Вы – признанный народный лидер, у вас – международный авторитет в рабочем и коммунистическом движении! Вас ценит лично Леонид Ильич!

Отговорили. И он согласился. Еще бы: кто добровольно отдает власть?. А с Амином мы разберемся, заверили советские друзья.

Да. Действительно, Амин полностью потерял чувство меры.

Эх, Хафизулла! А ведь как хорошо все начинали! Вместе, коллегиально, по-хорошему, по-партийному. Конечно же, была куча неувязок, но ведь все обошлось! И что тебе не живется спокойно? Зачем рвать кусок изо рта? На всех хватит, еще и внукам останется! Лучше бы направил свою энергию на борьбу с контрреволюцией.

Вообще-то, Тараки в глубине души понимал, что ему тягаться с Амином трудно. Конечно, Амин и похитрее, да и кругозор у него пошире. Везде поспевает, все знает. А что касается твердости в достижении поставленных целей – здесь у Хафизуллы равных не было.

Одна надежда – на советских друзей да на свое окружение. Вокруг много преданных людей, которые обязаны ему, Тараки, своими нынешними должностями, доходами. Что говорить, конечно, эти преданные люди злоупотребляли своим положением, приворовывали. Когда это ему докладывали о начальнике таможни? Ага, это было еще до поездки в Гавану. Как его звали? Забыл. Но не это главное. Там вроде фигурировали огромные суммы взяток. Но дело-то житейское, тем более, эти взятки дают те, у кого есть лишние деньги: ведь не у народа же последний кусок отнимают!

Да. Приворовывают. Да что там приворовывают – тащат все, что под руку попадется. Это, конечно, плохо! Но что делать? Эти люди долго жили в нищете, в бедности. По крайней мере действительно богатых среди революционеров и сподвижников было не так уж много. Но ничего страшного, пусть вознаградят себя и своих близких за долгие годы лишений и борьбы. Тем более что Советский Союз помогает и будет нам помогать всегда!

Хотя и нехорошо все это. Как-нибудь надо будет поднять вопрос о финансовой дисциплине. Чтобы дать понять, что все они у меня на заметке. Пусть знают, боятся и. любят. А если что – можно ведь и дать ход судебной машине.

Но это все потом. Сейчас надо объясниться с Амином. Может быть, действительно самому отдать ему власть? Ну его, пусть пользуется. А то ведь и убьет – ему это раз плюнуть! У этого кровопийцы руки уже по локоть в крови. И уехать отсюда куда-нибудь подальше, в Европу, например... Деньги на счету в Швейцарии есть...

Подслеповато щурясь (в полумраке комнаты горела только стоящая на столе настольная лампа), Тараки вглядывался в лица вошедших. Амина среди них не было.

«Кто это?» – удивился президент. Какие-то офицеры, глаза бегают, у одного с лица – пот градом. Волнуется, что ли? Зачем они пришли? Что им надо?

– В чем дело, товарищи. – начал он и внезапно замолчал. Он увидел выражение их лиц, и. страшная догадка пронзила его мозг! Он понял, зачем они пришли! И он узнал одного из пришедших – это был офицер из личной охраны Амина по имени Джандат.

Мгновенно охвативший страх парализовал волю президента. Он обильно вспотел. Колени подогнулись; чтобы не упасть, он дрожащей рукой попытался схватиться за спинку стула, но стул опрокинулся, и Тараки боком мягко завалился на толстый, с темно-красным замысловатым узором пыльный ковер. Перед самым лицом он увидел до блеска начищенные, остро пахнущие гуталином высокие военные ботинки. Он почувствовал, как чужие, грубые руки больно схватили его и перетащили на стоящую в углу кровать.

Тараки хотел закричать, ему хотелось убедительно объяснить этим идиотам, что его убивать нельзя! Он хотел пообещать им денег, все что угодно! Только жить! Путь власть забирает кто угодно! Ему ничего не нужно!!! Только жить...

Но язык отнялся, и он лишь мычал: «А-а-в-ва, а-а-а...»

Неумолимое время бесстрастно и четко отщелкивало медным, украшенным резьбой маятником на стоящих в полутемной комнате старинных напольных часах последние секунды жизни первого президента ставшей на путь социалистического развития Народно-демократической республики Афганистан Нур Мухаммеда Тараки.

Двое офицеров, завалив обмякшее тело на кровать, держали его за руки и за ноги, а начальник охраны душил президента подушкой.

Когда все было кончено, труп закатали в ковер, вынесли из здания и затолкали в багажник автомашины.

Руки у Амина были развязаны, и сторонников Тараки начали отстреливать открыто, никого не стесняясь.

Двое министров были убиты прямо в своих кабинетах. В одного стреляли из снайперской винтовки с крыши соседнего дома и одновременно через дверь кабинета из автомата.

Глава 17

Шла вторая половина сентября. Ночи стали прохладнее, небо – еще чернее, а звезды – ярче. Вечерами я продолжал слушать Би-Би-Си. Там говорили о чем угодно, только не об Афганистане. А наше радио и слушать было нечего – сплошная обычная мура.

Однажды, когда уже стемнело, поступила команда всей

группе в полном вооружении прибыть в наше посольство. Мы быстро загрузились в два УАЗа и через пять минут были на месте. Потом еще около часа чего-то ждали. Долматов и еще двое, прихватив какой-то пакет, вошли в посольство, а мы остались у машин.

Минут через десять нам поступила команда «к машине!».

Задача: выехать в район Зеленого рынка и там, на перекрестке, дождаться «тойоту» с дипномерами офицера безопасности посольства Бахтурина и еще одну посольскую машину и сопроводить их до посольства. При попытках остановить эти машины кем бы то ни было – огонь на поражение!

По опустевшему к вечеру городу мы быстро добрались до нужного нам перекрестка. Через пять минут показались наши автомашины. Бахтурин притормозил около нас, махнул рукой и прибавил скорость. Мы помчались следом и вскоре без всяких происшествий добрались до посольства.

Обе посольские машины въехали на пандус и остановились прямо около центрального входа в посольское здание (сюда имел право заезжать только посол). По приказу выскочившего из здания Бояринова мы прикрыли их двумя УАЗами с внешней стороны, а сами стали полукругом, заняв оборону. Стоя с автоматом в руках спиной к посольским машинам, краем глаза я заметил, что Бахтурин и еще один парень (по-моему, из нашей резидентуры) открыли багажники и помогли выбраться из них трем афганцам (двое в национальной одежде, один – в спортивном костюме), которые тут же юркнули в посольство. Прошло еще полчаса.

Из посольства выскочил Бахтурин и позвал Долматова. Минут через десять Долматов вышел вместе. с тремя неизвестными нам людьми, одетыми в нашу спецназовскую форму.

– Они пока поживут у нас на вилле, – сказал Долматов, – головой за них отвечаем!

Эти трое были министрами правительства Тараки, которым Амин уже негласно подписал смертный приговор. Здоровенный, знакомый уже мне по Пагману, министр безопасности Асадулла Сарвари, маленький и щуплый министр внутренних дел Гулябзой и среднего роста, худощавый министр погранохраны (забыл его имя). Все они были явно испуганы, подавленно молчали, настороженно озираясь по сторонам.

Вилла располагалась совсем недалеко от посольства, и добрались мы туда без особых приключений.

Нашу троицу разместили на первом этаже в небольшой комнате без окон. Три раскладушки, три тумбочки, стол, три стула – вся обстановка. Выходить из комнаты всем троим было

строжайшим образом запрещено: только в темноте, под усиленной охраной, им можно было по одному прогуляться во дворе. Еду носили им в комнату.

Теперь все наше время было посвящено усиленной охране нашей виллы. А охранять было от кого: местная контрразведка усиленно разыскивала внезапно пропавших кандидатов на тот свет. Весьма резонно полагая, что без «руки Москвы» дело не обошлось, афганская наружка постоянно крутилась около наших объектов, в том числе и около виллы, где жили мы. Под видом праздношатающихся граждан (каких, вообще-то, в Кабуле было большинство) и торговцев на тележках сотрудники местного наружного наблюдения буквально облепили ранее пустынные улицы вокруг нашей виллы. Наиболее ретивые подходили вплотную и пытались заглядывать во двор через щели ворот и калитки. Для подстраховки мы растянули вдоль каменного забора виллы замкнутый контур сигнального устройства, а на кустах навесили дополнительную сигнализацию натяжного действия из гранатных запалов с проводом, привязанным к чеке.

Через пару дней наши затворники начали томиться, тосковать и капризничать. Они потребовали радиоприемник, чтобы знать, что творится в стране и мире, новое белье (трусы, майки), бритвенные принадлежности, зубные щетки, пасту, одеколоны и прочее. Резидентура выделила деньги, и мы закупили все необходимое на Грязном рынке. Только приемник покупать не стали: наше начальство заявило, что слушать последние новости – только расстраивать наших министров. Обойдутся.

Глава 18

Мои контрразведывательные изыскания с нашими подопечными в Пагмане в нашей резидентуре не забыли. На второй день после прибытия гостей меня в сопровождении Бояринова и Долматова вызвали в посольство и, припомнив, что я неплохо рисую, а также относительно недавно закончил ВКШ и, следовательно, еще помню различные школьно-научные премудрости, предложили составить словесный портрет наших министров. Чтоб было все, как положено, по науке: козелок, противокозелок и так далее. Кроме того, общее описание фигуры, манеры поведения, голоса и прочее. Я предложил их сфотографировать, но мне дали понять, что этого делать нельзя. Ну, нельзя так нельзя.

Через пару дней полный словесный портрет и прочие описания (вплоть до мелких шрамов на лицах и характерных особенностей походки) были готовы. Вечером я переписал все начисто, добавил к справке карандашные наброски лиц министров и контуров фигуры.

У меня сложились неплохие взаимоотношения с Асадуллой Сарвари. Несколько раз ночью я выводил его на прогулку по дворику виллы. Он хорошо говорил по-русски и искренне радовался случаю поговорить со свежим человеком: судя по всему друг другу они уже порядком поднадоели, и в последнее время разговор у них в комнате шел только на повышенных тонах.

Сарвари, оказывается, помнил меня по зачету с рукопашным боем в Пагмане и, видимо, решил, что уж я-то в случае чего наверняка смогу его квалифицированно защитить. Поэтому он обратился к нашему руководству с просьбой ходить на прогулки со мной. Возражений не было.

В основном наши беседы по инициативе Сарвари сводились к обсуждению ситуации в Афганистане, к тому, что Амин – предатель революции, что народ его не потерпит и, как только узнает чуть-чуть поближе, – моментально свергнет. То, что любая революция подразумевает собой большую кровь, Сарвари считал само собой разумеющимся. Да и я так считал.

– Кругом враги революции! – возбужденно раздувая ноздри, говорил он приглушенным голосом (я постоянно просил его не орать громко).

Иногда он заводился по поводу того, что в настоящее время главная наша задача – отомстить за коварно убитого президента Тараки, что «революция в опасности» и что ему лично надо

срочно «идти в народ», которому задурил голову Амин, и «поднимать массы на борьбу». Саравари был глубоко убежден, что Амин – американский агент, что он работает на ЦРУ. Нам, кстати, говорили то же самое. Был ли он завербован американцами на самом деле? По-моему, это никому не известно. Вернее, это, конечно, известно американцам, но они вряд ли нам скажут.

В общем, все разговоры у нас сводились к одному и тому же – политике, и постепенно он начал утомлять меня своими политинформациями.

Черт побери, думал я, ты ведь больше года был у власти! Что же ты раньше помалкивал, почему не убрал Амина и прочих, если считаешь, что они враги революции! И потом, если ты хочешь действительно идти в народ – иди! Кто тебя особо удерживает? Если все вы такие самостоятельные и умные, то наши начальники – тебе не указ. Плюнул на все – хлопнул дверью и ушел «поднимать массы». Так нет же... Значит, что-то здесь не так. И народу-то твоему, видимо, наплевать, кто у власти, – лишь бы в стране было тихо и спокойно.

– Ребята, помогите нам сейчас! – убедительным голосом вещал Саравари. – Мы расправимся с Амином и другими врагами революции, вы все будете у нас советниками! Тебе лично я обещаю райскую жизнь! Я тебе дам хорошую виллу, машину, обеспечу всем необходимым! Будешь жить здесь с семьей, у тебя будет все! И всех других ребят обеспечу!

– Ну конечно, товарищ Асадулла, какие проблемы! Мы вас в обиду не дадим. Все будет хорошо! – отвечал я, хотя дальнейшую судьбу Саравари и его спутников представлял себе слабо: планами относительно наших затворников начальство со мной не делилось. Вообще-то, у нас был приказ охранять и оборонять их до последнего человека и ни в коем случае живыми не отдавать врагу. Видимо, мужики много знали. Елки-палки! Тут до меня как до верблюда дошло! Вот зачем надо было составлять словесные портреты: чтобы потом при случае их можно было опознать. если они будут ликвидированы. Нами или боевиками Амина.

Да... Политика – это тебе не шуточки! Здесь все средства приемлемы.

Глава 19

К нам на виллу приехали наши ребята из провинций Гардез и Джелалабад. Они были направлены туда для разведработы, рекогносцировок, для оказания советнической помощи местным органам безопасности. Рассказывали страшные вещи. По стране

прокатилась огромная волна репрессий. Весь госаппарат в центре и на местах, в том числе аппарат спецслужб, обновлялся, но обновлялся весьма своеобразно.

Так, в провинции приходили из Кабула однотипные телеграммы с предложением такому-то и такому-то сотруднику прибыть в столицу якобы для участия в совещании или в семинаре, или на переподготовку и т. д.

Люди выезжали и… пропадали бесследно. На их место назначали других – лично преданных Амину. Достаточно быстро все поняли, в чем дело.

Приехавший из Джелалабада мой приятель Володька рассказывал о своем подсоветном – начальнике отдела местной контрразведки по имени Сафар. Он рассказывал мне о нем еще раньше. Дело в том, что этот Сафар виртуозно владел пистолетом. Как фокусник, он моментально выхватывал его из-за пояса и без промаха стрелял в цель. На учебных стрельбах, если в них участвовал Сафар, собиралось все местное начальство. И Сафар показывал все, на что он способен; стрельба на скорость, на звук, стрельба рикошетом об пол или о стену – неизменно мишени оказывались пораженными.

Но самое главное – это был очень умный, смелый, профессионально подготовленный контрразведчик. Он разрабатывал и реализовывал головокружительные оперативные комбинации по вооруженной оппозиции. Умело сталкивал их лбами друг с другом, если нужно – мог договориться с кем угодно, хоть с самим чертом. И вот в последнее время он, в результате длительных интриг и переговоров через посредников, вышел на две очень крупные бандгруппы, которые в принципе были готовы на определенных условиях прекратить борьбу с существующим режимом и сложить оружие. Наступал последний этап – личные заключительные переговоры с главарями. На такие переговоры Сафар обычно выходил один, без оружия. Его все уважали и верили на слово. Условия переговоров – прекращение огня в договорной зоне, переход на сторону правительства, организация в составе уже действующей группы отряда самообороны.

Рано утром Сафар, с вечера еще раз предупредив свое руководство, а также местное военное командование о прекращении боевых действий, вышел пешком в сторону кишлака, где проживали родители и родственники главаря банд-группы.

Когда до кишлака осталось около двух километров, над Сафаром с ревом пронеслось три боевых вертолета. Через несколько минут со стороны кишлака послышались взрывы.

Взбежав на пригорок, Сафар увидел, что вертолеты НУРСа-ми атакуют кишлак. Отстрелявшись, боевые машины сделали разворот и ушли в сторону Джелалабада. От кишлака ничего не осталось.

Вне себя от злости, Сафар возвратился к себе и тут же пошел к своему начальству. Он пытался доказать, что уничтожение кишлака – провокация, что такие операции приведут к эскалации гражданской войны, обозлят население, толкнут к вооруженной оппозиции тех, кто еще колеблется, но потенциально может присоединиться к революционным процессам.

– Так мы потеряем поддержку народа! – надрывался эмоциональный Сафар. – Мы не должны никого обманывать! Нам должны верить! Это же провокация!

Недавно поставленный на должность начальника местного управления контрразведки подполковник из Кабула высокомерно, не глядя на Сафара, выслушал его гневные тирады, а затем разом охладил его пыл, поинтересовавшись, почему это Сафар так переживает за бандитов. Уж не вступил ли он с ними в сговор?

На аргументы Сафара о переговорах подполковник ответил, что с врагами народа нельзя вести переговоры – их надо уничтожать. Таковы директивы из Кабула, таково было данное ему в ходе личной беседы с лидером НДНА Амином указание.

А через два дня из Кабула пришло указание командировать Сафара в столицу для «участия в совещании».

Вечером Сафар пришел к Володьке. Оба напились до чертиков. Сафар жаловался. Ругался. Плакал. Показал Володьке предписание и уже выписанное командировочное удостоверение.

– Я всю жизнь положил за дело революции, я им так верил, а они...

Сафар отлично понимал, что означает его вызов в Кабул. Уже трое из его управления уехали на «учебу» и на «совещания». И ни слуху ни духу... И вот теперь пришла его очередь.

– Нет, я не дурак! Никуда я не поеду! – говорил Сафар, сжимая кулаки.

– А что же ты будешь делать, старик? – спросил Володька, разливая водку по стаканам.

– Уйду на нелегалку. Сегодня я уже переправил родителей и младших братьев в зону свободных племен к границе. Если что – уйдут в Пакистан, там у нас много родственников.

– А сам что делать будешь? Против нас воевать?

– Да ты что! Володя, ты мне – как брат! Я ведь к тебе пришел со своим горем! Как я могу поднять руку на тебя и твоих товарищей! Давай выпьем! За тебя, Володя! И за Советский Союз! Все равно, рано или поздно, вы поймете, что Амин – враг! Ему

выгодно, чтобы в стране шла гражданская война!

Сафар, по усвоенной им во время учебы в Саратове русской традиции, чокнулся и лихо опрокинул стакан, сморщился, передернулся, отломил кусок лепешки.

– Я еще появлюсь, Володя! Мы еще вместе поработаем... А утром Сафар, прихватив свой автомат, пистолет, исчез. Официальные поиски результатов не дали. Сотрудникам объявили, что Сафара похитили душманы.

Все в этом мире имеет свое начало и свой конец. Пришло к концу и временное пребывание у нас на вилле опальных министров. Обстановка накалялась. Вокруг виллы уже вовсю шастала афганская наружка. Пару раз сотрудники местного наружного наблюдения даже пытались, подтягиваясь на руках, заглянуть через забор в наш двор. Либо произошла утечка материалов о месте пребывания министров, либо афганцы нас просто вычислили. Мы всерьез опасались налета на виллу. Усилили охрану, особенно в ночное время.

В Москве наконец приняли решение о нелегальном вывозе министров в Союз.

На нашем объекте в подмосковной Балашихе подготовили три контейнера для министров – длинные деревянные ящики, похожие на те, в которых хранится стрелковое оружие. На дно ящиков постелили матрацы. В крышках и по бокам просверлили отверстия, чтобы узники не задохнулись.

Ящики были доставлены в Афганистан транспортным самолетом, который приземлился на авиабазе Баграм. На этом же самолете прилетела к нам подмога – еще человек пятнадцать наших сотрудников.

Глава 20

Информация о том, что самолет приземлился и ждет нас, поступила рано утром. У нас уже все было готово. Во двор виллы мы загнали крытый тентом грузовик с местными номерами, который только что прибыл из Баграма и привез выгруженные с самолета контейнеры. Ворота подперли автобусом.

Контейнеры споро перетащили в дом. Опальные министры залезли в них, прихватив с собой по автомату и фляге с водой. Лица у них были напряженные и бледные от волнения.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо! – бодро напутствовал министров Долматов. Те покивали головами, но особого оптимизма на их лицах заметно не было.

Крышки ящиков наглухо заколотили гвоздями.

Мы подхватили ставшие тяжеленными ящики, вынесли их из дома и загрузили в кузов грузовика. Сверху накидали картонные коробки, перевязанные бечевками.

Места в грузовике и автобусе были размечены для всех заранее, поэтому никакой сутолоки при погрузке не было. В кузов грузовика под тент сели наши ребята во главе с Долматовым. У каждого был автомат, пистолет, гранаты и двойной боекомплект. Тент наглухо задраили. В автобус загрузились несколько наших в гражданской форме одежды, но тоже с оружием, которое положили на пол и прикрыли куртками и брезентом. Легенда всей операции была такова: группа советских специалистов выезжает в отпуск в Союз. В грузовике лежит их багаж, личные вещи. В автобусе сидят сами специалисты.

Мы быстро расселись по местам, дежурный распахнул ворота, и мы выехали на улицу. Из автобуса по рации сообщили, что нас сопровождают две машины афганской службы наружного наблюдения. Мы это предвидели. Конечно, наружка должна была быть обязательно: они ведь последнее время везде за нами таскались. Весь вопрос в том, что у них на уме! Ведь эти две бригады постоянно сообщают на базу о нашем передвижении. Так что при необходимости они смогут перехватить нас, если, конечно, захотят, где угодно. Весь вопрос в том, захотят ли?

На всякий случай мы подстраховались: где-то рядом с нами идут еще две наши машины: «жигуль» и УАЗ. Там семь наших бойцов. Да и мы все вооружены. В автобусе шесть человек, и нас в грузовике шестеро. В случае чего, конечно, отпор мы им дадим и народу кучу покрошим. Да только этого нам не надо. Нам нужно добраться без всяких приключений до Баграма и загрузить три ящика в самолет. Только и всего! У нас – приказ! И мы его выполним любой ценой. Заработала рация:

– Первый, я – Второй! Одна коробка обогнала вас и пошла на скорости вперед!

– Вас понял!

– Они, наверное, думают, что мы едем в Кабульский аэропорт, – сказал Долматов.

– Знать бы, что они думают! – отозвался кто-то из наших.

Примерно через полкилометра заканчивается административная граница города... А там и КПП!

Вот где нас можно под вполне безобидным предлогом остановить: выезд из города, проверка документов, осмотр автомашин и прочее. А что у вас тут? Оружие? А кто разрешил, а откуда оно у вас? Мы вынуждены вас задержать для досмотра багажа. И пошло-поехало.

Вот и КПП. Шедшая впереди нас машина наружки уже стояла

сбоку будки охраны, а старший бригады, заскочивший внутрь, выходил вместе с лейтенантом и двумя автоматчиками.

– Первый! Первый! Я – Второй! Внимание! Идут к вам... Кажется, хотят проверять грузовик.

– Вас понял. Приготовиться!..

Долматов отключил рацию, оглянулся на нас:

– Ну, что, к нам идут все-таки. Могут пытаться досмотреть нас. Всем приготовиться. Без моей команды не стрелять!

Офицер, высокий и сухощавый молодой парень с тщательно ухоженными усами, подошел к кабине нашего грузовика и о чем-то заговорил с Андреем. Нам в кузове были слышны приглушенные голоса Андрея и сидевшего рядом с ним переводчика Нурика, однако слов разобрать мы не могли. Наверняка ребята рассказывали ему нашу легенду об отпусках советских специалистов.

Потом офицер обошел наш грузовик и подошел к автобусу. Солдаты, лениво глазея по сторонам, немного отстали от него. Сотрудник наружки ушел к своей машине. В узенькую щелку отошедшего на стыках брезента тента грузовика я мог наблюдать все, что творится у автобуса.

Офицер, не заходя в автобус, заглянул внутрь через открытую по его указанию переднюю дверь. Тут открылась задняя дверь автобуса, через которую вышли громадный Серега Лисовый Брат и костистый, жилистый Толя Косяков. Они подошли к офицеру вплотную.

«Ну же! Дурачок, не нарывайся! Не губи ни себя, ни нас!» – мысленно заклинал я лейтенанта.

Не обнаружив ничего подозрительного, офицер повернулся к Сереге и Толику и что-то им сказал. Толя заулыбался и вытащил сигареты. Лейтенант закурил. Потом посмотрел на наш грузовик и неторопливо пошел в нашу сторону.

– Александр Иванович, – шепнул я.

– Вижу! – хрипло ответил он.

А между тем лейтенант подошел к заднему борту грузовика и попытался отогнуть прихваченный веревкой край брезентового тента. Серега и Толик с окаменевшими лицами зловеще маячили сзади.

Послышался голос вышедшего из кабины Нурика, который, видимо, говорил офицеру, что в кузове только ящики – личные вещи советских специалистов.

Лейтенант, однако, развязал веревку, оттянул тент, приподнялся на цыпочках и вытянул шею, всматриваясь в глубину затемненного кузова. Потом он поставил левую ногу на буксировочный крюк грузовика, а правой рукой ухватился за

борт. Вот именно на правую кисть руки лейтенанта и поставил ногу в тяжелом спецназовском ботинке Долматов.

Офицер инстинктивно попытался выдернуть руку, но Долматов прижал сильнее. Афганец поднял глаза и увидел направленную ему в лоб пахнущую оружейным маслом бездонную дыру ствола автомата Калашникова со скошенным компенсатором (калибр 7,62 мм, модернизированный, десантный вариант с откидывающимся металлическим прикладом).

Лицо у афганца посерело. Зрачки расширились. Он как-то вяло опустил левую ногу на землю и уперся левой рукой в борт, а с лица вдруг градом покатились крупные капли пота.

Держа автомат в правой руке, Долматов медленно поднес палец левой руки к губам, рекомендуя офицеру помалкивать.

Лейтенант беспомощно повел глазами и увидел еще несколько направленных на него автоматов. А за ними – чужие, решительные и страшные лица.

Челюсть у офицера отвисла, на уголке рта вскипела белая пенка слюны. Да, тут уж надо выбирать. Либо умереть сразу, непонятно за что и почему, либо еще пожить хоть немножко. Он скосил глаза: сзади со зловещими физиономиями стояли двое здоровенных русских, которые угощали его сигаретой. Наверняка с оружием тоже. С пистолетами или с ножами. Надо решать...

И лейтенант сделал свой выбор. Опустив глаза, он заторможенно кивнул головой.

Долматов, не опуская автомат, тоже кивнул и убрал ботинок с покрасневшей кисти офицера.

Тот, опустив голову и не снимая руки с борта, несколько секунд постоял у грузовика, а потом, ходульно передвигая ноги, пыля, пошел прочь. Отойдя на несколько метров, лейтенант обернулся, посмотрел на наш грузовик и автобус, что-то злобно крикнул солдатам у шлагбаума и махнул рукой.

Полосатый шлагбаум поднялся, и мы, поднимая тучи пыли, наконец-то выехали из Кабула. Я выглянул из-за тента и увидел, что лейтенант, расслабленно сгорбившись, пошел к будке. К нему подбежал сотрудник наружки, схватил за рукав и, судя по жестам, что-то спросил. Лейтенант резко выдернул рукав, отрицательно мотнул головой и скрылся в будке охраны.

Глава 21

До Баграма оставалось около семидесяти километров, которые мы проехали за полтора часа с небольшим и без особых приключений.

Две машины наружного наблюдения долго тянулись за нами, а потом, где-то в районе Баграма, когда уже пошли домишки и огороды, отстали.

Здесь нас встречал офицер безопасности посольства Бахтурин на своей «тойоте». Дальше мы ехали за ним. Наконец мы вырулили на бетонку аэродрома. Андрей прибавил скорость.

– Внимание, не расслабляться! – напомнил Долматов. Огромный транспортный АН-12 с эмблемами «Аэрофлота» ждал нас с работающими двигателями на дальней стоянке.

По мере того как мы приближались, задняя рампа самолета стала открываться. Я успел подумать, что, наверное, Бахтурин дал сигнал по рации. Из бокового люка на бетонку стали спрыгивать бойцы в нашей спецназовской форме с автоматами в руках и объемными рюкзаками за спиной. Они быстро заняли круговую оборону. Это была подмога: из Москвы нам прислали еще пятнадцать бойцов, прошедших ранее КУОС.

Рампа полностью открылась, внутри суетились техники в синих комбинезонах.

Взревел двигатель, и наш грузовик медленно заехал по направляющим прямо в самолет.

– К машине! – скомандовал сосредоточенный Долматов. Мы горохом посыпались из кузова. Техники бросились ставить под колеса колодки и крепить наш грузовик врастяжку цепями.

Александр Иванович подошел ко мне, крепко пожал руку:

– Ну, до свидания! Счастливо добраться! Как только взлетите – сразу вскрывай ящики, а то они задохнутся. В группе наших бойцов ты – старший. Никого не слушай. До места высадки за их, – он кивнул в сторону грузовика, – безопасность отвечаешь ты. Кто бы что тебе ни говорил – посылай всех. сам знаешь куда. Все. Пока!

Долматов и остающиеся с ним ребята покинули самолет.

Самолет задрожал и покатился по взлетной полосе. Я подскочил к маленькому круглому иллюминатору, но ни наших ребят, ни машин уже не увидел.

Ко мне подошел Глотов:

– Подходите ко мне, у меня колбаска есть вареная. Из Москвы ребята с этим самолетом передали. И немного водочки.

Как у собаки Павлова, у меня тут же началось обильное слюноотделение. Непроизвольно сглотнув, я ответил:

– Спасибо, подойдем.

Затем, вспомнив про ящики, я испытал внезапное угрызение совести: елки-палки, про жратву говорим, а о людях забыли! Каково им там. И живы ли?

Штык-ножом поддел крышку ящика, гвозди вылезали туго, но

вылезали. Упершись ногой в край ящика, я ухватился за крышку, потянул вверх.

В ящике на полосатом красно-белом матрасе лежал совершенно мокрый маленький Гулябзой. В руках он держал короткоствольный «Хеклер и Кох».

– Все в порядке, мы – в воздухе. Скоро – Союз! – поспешил я успокоить его. Протянул руку и помог выбраться из ящика.

– Спасибо. спасибо. – тяжело дыша, еле слышно бормотал Гулябзой. Я вскрыл остальные два ящика. К моей радости, оба других министра оказались живы.

В мокрой от пота рубахе, с лицом свекольного цвета, верзила Сарвари тяжело вылез из кузова грузовика и сел на пол. Затем вскочил и подбежал к иллюминатору.

– Где мы летим? – хрипло спросил он.

– Не знаю. мы ведь только взлетели. – я посмотрел на часы, – десять минут, как взлетели. Еще Афганистан.

– Зачем вы меня увозите!!! – взвыл Сарвари. На шее у него вздулись вены, плечи тряслись. «Плачет, что ли?»– подумал я.

– Скажи пилоту, пусть разворачивается! Я не оставлю Родину в такое время! Я подниму мой народ!!! – не отрываясь от иллюминатора, кричал в истерике Сарвари. Он повернулся ко мне, и я увидел, что глаза у него налились кровью, а по лицу градом катился пот:

– Мой народ верит в меня!!! Я растопчу кровавого Амина!!! Мне стало не по себе. Как бы его удар не хватил! Внезапно Сарвари обмяк и тяжело опустился на покрытый заклепками дрожащий алюминиевый пол салона.

Я подсел рядом. Отстегнул от пояса флягу с водой.

– Вот. Попейте воды.

Сарвари припал к фляге, и вода стекала ему на грудь. Потом он плеснул на ладонь и вытер мокрое лицо и шею.

– Сердце болит, – прошептал он.

– Все будет хорошо! – сказал я и побежал к пилотам за валидолом.

Глотов беспокойно посмотрел в сторону иллюминатора.

– Знаешь, а ведь они могут поднять истребители. Тогда нам конец.

А ведь точно! Лету истребителю из Кабула до Баграма пять минут. Если они хватятся – лучше не придумать. Самолет упадет в горах: и через сто лет никто не найдет! Вот черт! Я вспомнил, что еще в Баграме обратил внимание на то, что будка стрелка в хвосте самолета наглухо задраена. Значит, мы в воздухе практически безоружны.

– Пойдем сходим к пилотам, – предложил я. В кабине было тесно и душновато.

– Вентиляция барахлит, – пояснил командир корабля, – ничего страшного, скоро будет прохладно. Вам там в салоне не холодно?

– Да нет, нормально. Граница скоро?

– Уже скоро. Там наши уже подняли звено истребителей для нашей встречи и сопровождения.

– А что же раньше не подняли? – спросил Глотов.

– Нельзя им далеко залетать на чужую территорию...

А потом мы все вместе: три опальных министра, Глотов, я и трое наших ребят – сели перекусить. Прямо на полу расстелили какой-то брезент. Распили глотовскую поллитровку, закусили чем Бог послал.

Тут-то я и почувствовал усталость. Посмотрел на часы: около трех. А сколько событий! Перед глазами промелькнули пыльные кварталы Кабула, бесконечная пустынная дорога перед КПП, испуганное лицо лейтенанта.

Самолет, выравниваясь после крена, заходил на посадку. Мы долго катились по бетонке и наконец заехали на какую-то, по-моему, самую дальнюю стоянку. Смолкли двигатели.

Несколько минут назад братавшиеся с нами опальные министры правительства Тараки сразу стали какими-то чужими, отстраненными. Что их ждет здесь? Как сложится дальше их судьба? Я попытался представить их чувства. Официально они как бы уже не существуют. Они вне закона своей страны. У них нет никаких документов. Они вообще не существуют в природе! Их нигде нет: они перешли на нелегальное положение. Да. Не позавидуешь. Но с другой стороны, все верно: чем выше заберешься – тем больнее падать вниз. И все равно их жалко.

Оказалось, что мы приземлились в Ташкенте.

Глотов взял меня за плечо:

– Все. Приехали, слава Богу! Выпускай этих. троих. Свое оружие и вещи пусть забирают с собой. Вы – летите на Москву.

– Есть! – ответил я.

Мы приземлились на военном аэродроме «Чкаловский». Отсюда мы вылетали в неизвестность почти три месяца назад. Нас встречал сам Григорий Иванович Бояринов.

– Ну, герои, как долетели? Здорово! – он жал нам руки, был радостно возбужден. – Все в порядке? Без потерь? Молодцы!

Примерно через час, когда уже стемнело, мы въезжали в ворота родного объекта в Балашихе. Здесь стояли высокие разлапистые ели, желтым и багряным отсвечивали в лучах автомобильных фар клены. Накрапывал мелкий дождик. Было

свежо, прохладно и очень тихо… Вот где воздух Родины! Здесь можно вздохнуть полной грудью! И запахи-то все родные. Пахнет лесом, влагой, грибами и сладостной прелью опадающих листьев. Красота! Да. Это вам не потная и вонючая Азия! Одно слово – Россия.

Нас разместили на первом этаже центрального учебного корпуса: деревянный двухэтажный особнячок, где мы жили до Афганистана, был занят. Там жили ребята, которые ранее кончали наш КУОС. Их призвали со всех краев необъятного Союза. Сейчас они проходили краткий курс переподготовки, а потом на самолет – и в Афган.

Мы пошли сдавать оружие и амуницию. Потом к нам в комнату прибежал дневальный солдат с красной повязкой и сказал, что нас вызывает начальник объекта полковник Бояринов.

Мы поднялись на второй этаж, постучали, зашли в кабинет Григория Ивановича.

Григорий Иванович с озабоченным и значительным видом начал так:

– Ну что, ребята. Вопрос о вас еще решается. Поэтому – дисциплина и еще раз дисциплина. О том, что видели там и что знаете, – молчок. Никому! Ясно? Это приказ даже не мой, а вышестоящего командования!

Помолчали.

– Ну, что… Я думаю, все всем понятно… Так что оформляйте документы, езжайте по домам. В отпуск. Потом видно будет.

– Григорий Иванович, да мы особо-то и не устали! Мы готовы обратно лететь. – начал я.

Бояринов собрал бумаги со стола, сложил их в папку. Встал.

– Езжай домой. Спокойно отдыхай, раз уж прилетел, – он усмехнулся, – искатель приключений!

Он положил папку в сейф, запер его на ключ, опечатал, положил ключи с печатью в карман брюк.

– Все. Спокойной ночи. – Григорий Иванович печально вздохнул. – Не бойся, на твою жизнь войны хватит! Скоро вызовем обратно.

Через трое суток я был дома.

Глава 22

Афганистан произвел на меня неизгладимое впечатление. В родном городке мне уже было тесно. Я вдруг почувствовал, что мир огромен и что чужеземными краями можно любоваться не только по телевизору в «Клубе кинопутешественников», а самому,

воочию. Рутинная и скучная жизнь опера в заштатном городке для меня, уже вкусившего сладкий и ядовитый аромат тайных операций, политических интриг, опасностей и военных приключений, казалась скучной и пресной. Неодолимо тянуло снова окунуться в водоворот событий. По ночам мне снился Кабул, его пыльные кривые улочки, глинобитные домишки, как ласточкины гнезда, лепившиеся по склонам гор.

Время от времени, выходя из дома, я ловил себя на мысли, что мне чего-то не хватает, что я что-то забыл. Потом спохватывался: при мне не было оружия! Ведь все это время я не расставался с пистолетом и автоматом. Да и гранаты все время мы таскали с собой.

Я тщательно просматривал от корки до корки все газеты, но там ни единой строкой Афганистан не упоминался. Как будто его нет вообще. Что там творится? Как разворачиваются события?

Рассказывать было можно только то, что я был в качестве советника в Афганистане. Это – для руководства Управления и отдела. И все. А насчет того, что видел, что там делал, – молчок. Это был приказ. Никому ни слова. Даже генералу. По-моему, даже шифровка была разослана по всем Управлениям, чтобы нас никто не расспрашивал.

Как-то в начале ноября, уже после того как я отгулял отпуск, меня вызвали в финансовый отдел.

– Вот, распишитесь, – сказала пожилая финансистка, подавая мне бланк.

Я расписался. Она отсчитала мне деньги: двести двадцать рублей новенькими десятками.

– А что это такое? – спросил я.

– Все вопросы в отдел кадров, – сказала она, поджав губы. Я уже открывал дверь, когда она сказала:

– Это по шифровке из Москвы. Приказано выдать премию в размере месячного оклада за успешное выполнение правительственного задания. – финансистка с любопытством смотрела на меня. – А что за задание, а?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, за хорошую учебу в Москве.

Ну что ж, приятно, что не забыли. Видимо, бюрократическая машина все же крутится, я где-то числюсь, обо мне помнят там, в Москве. Это отрадный факт. Да и деньги – это всегда кстати, особенно когда их постоянно катастрофически не хватает.

Стояла поздняя осень. Зачастили дожди со снегом. День заметно уменьшился: уходишь на работу – еще темно, приходишь с работы – уже темно. В городе слякоть. В общем, настроение

ужасное.

А тут еще случилась весьма неприятная история. Дело было под 7 ноября – в канун очередного юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Намечалась какая-то очередная партконференция.

Она проходила в Доме политпросвещения. Мы, практически весь оперсостав, должны были стоять на входе, на дверях в зал, за кулисами и прочее. Что самое интересное, оружие нам на такие мероприятия не давали. Почему? А черт его знает! Может быть, именно потому, что реальной опасности не было. Получается, что они нас задействовали просто для интерьера, поднятия своего собственного престижа и значимости. Как, например, толстосумы для престижа заводят породистых собак. Опера были недовольны: нас уже затаскали по таким мероприятиям. Роль швейцара была крайне неприятна. Кто-то из наших горько пошутил насчет того, что скоро нам придется обеспечивать безопасность пионерских сборов и собраний октябрят.

Я стоял на дверях в зал и должен был проверять у всех входящих наличие партбилета и специально отпечатанного по такому случаю приглашения. Большая часть добросовестно предъявляла необходимые документы, однако попадались и гонористые. Один из таких, породистый, крупноголовый, гладкий, в отлично сшитом импортном костюме, шел, задрав нос и с каменной мордой.

– Ваш партбилет и пригласительный, пожалуйста! – вежливо обратился я к нему (на инструктаже начальник 5-го отдела все время упирал на необходимость вежливости и тактичности в обращении с делегатами).

Он капризно поджал тонкие губы, брезгливо посмотрел на меня, как на какое-то мелкое неприятное насекомое. Предъявлять документы он явно не собирался, намереваясь пройти просто так.

– Стоять! – тихо, но жестко и угрожающе скомандовал я и заступил ему дорогу.

По роже этого надутого индюка явственно было видно, что он никакой не террорист и не посторонний человек с улицы. Но мне вдруг стало обидно. Какого черта! Вы же сами установили такой порядок: все должны предъявить документы! Так исполняйте! Или порядок не для всех? И вы выше этого порядка? Тогда на какой хрен нас сюда притащили? Просто для мебели?

Позади столпился народ.

– В чем дело? Почему стали? Что вы, побыстрей не можете пропускать? – доносились голоса.

– Ваши документы! – повторил я.

Застопоривший всех индюк барственным жестом правой руки

попытался оттолкнуть меня, как бы отстранить внезапно возникшее у него на пути досадливое препятствие.

В голове у меня промелькнула мысль о том, что этого делать не надо, но я уже ничего с собой поделать не мог. Едва только его рука коснулась моего плеча, я быстрым и почти незаметным движением правой руки захватил его ладонь, легонько сжал и потянул чуть влево и вниз. Если бы я это сделал чуть порезче, двумя руками, с приседом, да еще с отвлекающим ударом ногой в пах или под колено, эффект, конечно же, был неизмеримо больше: противник бы моментально оказался на полу с порванными связками кисти руки. Но я просто хотел показать этому самодовольному барину, что мы, сотрудники «конторы», не холуи и что людей, которые исполняют служебные обязанности, надо уважать! Поэтому, сделав только чуть-чуть больно, просто обозначив эту боль, я тут же отпустил его и с невинным лицом повторил:

– Ваш партбилет, пригласительный билет, пожалуйста! Тут этот индюк поднял такой крик! Он орал, что уже сегодня вечером я буду уволен и прочее, прочее. Но напролом уже не лез, отошел в сторону. К нему сбежались какие-то люди. Смотрю, с взволнованным лицом подбегает начальник 5-го отдела, ответственный за наше участие в мероприятии. Раньше он сам работал в парторганах, а в КГБ попал по партнабору: для «укрепления». Потерпевший, увидев наконец-то знакомое лицо, начал орать на него, а тот стоит, как побитая собака, только головой кивает. После накачки начальник подскочил ко мне.

– Иди сюда! Сергей, встань вместо него! – прошипел, ухватив меня за рукав и увлекая в сторонку.

– Ты что наделал?

– Ничего.

– Почему не пропускал этого товарища? Ты ему чуть руку не сломал!

– А он документы не предъявлял! Пытался силой прорваться в зал, – заявил я и с невинным видом предположил: – Может, он террорист?

– Какой он на хрен террорист! – яростно заорал начальник, но тут же испуганно оглянулся, прикрыл рот ладошкой и продолжал уже шепотом:

– Да это же товарищ… – он назвал какую-то фамилию, которая мне ничего не говорила.

– Ну и что? Я такого не знаю.

– Да он же заместитель. – тут он назвал какую-то должность, типа «предрика»[2] или что-то тому подобное. – Ты таких людей

должен знать в лицо!

– Откуда я их могу знать? Я с ними не выпиваю, а по работе имею дело только со своей агентурой да с интуристами или инодипломатами! В крайнем случае – с фарцовщиками!

– Ну, товарищи, я не знаю, у меня нет слов! Вон отсюда! Я вас снимаю с задания. Завтра будем с вами серьезно разбираться!

Назавтра мне устроили головомойку, но я держался твердо и уверенно. Был инструктаж. Меня поставили на проверку документов. Неизвестный гражданин документы не предъявлял. Пытался силой проникнуть в зал заседания. Я его не пропускал. Раньше я его не видел. Он мне не представлялся. В конце концов от меня отстали и потом долго не подряжали на такие мероприятия. И слава Богу!

От этой истории на душе остался очень неприятный осадок. Тошно здесь, а деваться некуда! Выход один: ждать очередного вызова (Бояринов ведь обещал!) и там пробивать себе и своей семье будущее, бороться за него.

Глава 23

Уже и снежок выпал, и вот однажды утром секретарь нашего отдела баба Клава (она еще в войну партизанила, работала в СМЕРШе) позвонила и сказала, что меня вызывает генерал.

– Баба Клав, а чего он меня вызывает? – спросил я, зная прекрасную осведомленность нашей секретарши обо всех интригах и событиях в Управлении.

– Не знаю уж, что ты натворил, – ответила она ворчливо, но доброжелательно, – правда, не знаю. Беги скорей, сказали, чтоб срочно прибыл.

Бегом я спустился на этаж ниже. Секретарша генерала сказала:

– Проходи, Иван Васильевич тебя ждет. Я сел у приставного столика.

– Ну, как дела? – спросил генерал.

– Нормально, – настороженно ответил я.

– Как в семье?

– Все в порядке, – пожал я плечами.

Иван Васильевич помолчал, пожевал губами. Потом взял со стола папку, открыл, просмотрел лежащую в ней бумагу. Передал папку мне:

– Вот ознакомьтесь и распишитесь.

Это была шифротелеграмма из Москвы.

«...командировать старшего лейтенанта... в течение 48 часов...

прибыть в Москву на объект... с последующим выездом в загранкомандировку сроком до полугода.»

Это был вызов в Афганистан! Ура!!! А может быть, в Польшу? Там как раз в то время злодействовала «Солидарность» и обстановка была крайне нестабильная, поговаривали о возможном вводе наших войск. Все равно – ура!!!

А дома меня ждал сюрприз. Узнав о командировке, вдруг взбунтовалась моя жена Таня.

– Никуда ты не поедешь! – категорически заявила она. – А если и поедешь – то только с семьей! Со мной и с детьми!

Я пытался объяснить, что в отряд спецназа жен и детей не берут, но все было тщетно. Разговор шел на повышенных тонах:

– Я не хочу оставаться вдовой! Что я буду делать с двумя детьми? Ходить побираться? Твое Управление ведь пальцем не пошевелило, когда я здесь без копейки сидела, в голодный обморок падала!

– Да что ж ты меня заранее хоронишь! Ведь в тот раз все было нормально, тихо и спокойно! Ты же спокойно проводила меня тогда.

– А в этот раз я не хочу, чтобы ты ехал! – в запальчивости твердила она. – Если ты меня любишь – ты останешься здесь!

На мои аргументы о присяге, о долге офицера, о приказе, о том, что эта поездка – единственная возможность выбраться из нашего захолустья, переехать в Москву, получить квартиру и прочее, прочее, она только отрицательно качала головой и ничего не воспринимала.

В конце концов договорилась до того, что, мол, если поедешь – считай, что мы с тобой в разводе. Детям нужен отец, а не его образ, о котором мать все время рассказывает.

Чемодан я собирал сам. Собирать-то, собственно, было особо нечего. Положил пять блоков болгарских сигарет «Ту-134», пару сменного белья, нунчаки, купленную в Кабуле подмышечную кобуру (она оказалась гораздо удобнее наших штатных), пакетик с носками, две бутылки водки. Положил в чехол свою гитару. Вот и все сборы.

Так в состоянии ссоры и полной неопределенности мы и расстались с Таней в тот раз. Ничего, думал я, все образуется, все будет хорошо.

Уезжал я днем проходящим поездом. Было слякотно, шел мерзкий дождь со снегом, и на душе тоже было пасмурно и пусто.

В Москву поезд прибыл часов в шесть вечера. Было уже темно. Здесь тоже было слякотно. Но к вечеру похолодало, стало подмерзать. В московском метро было полно народу: «час пик». Все ехали с работы. Я с завистью посматривал на деловых и

уверенных москвичей. Живут же люди! Есть своя квартира. В магазинах полно продуктов. Театры, музеи. Цивилизация! А тут…

На «Измайловской» вышел наверх к остановкам пригородных автобусов. Поглядывал по сторонам: нет ли еще кого с чемоданами. Ага, вон стоит один. Примерно моего возраста, из-под шарфа виден галстук. С чемоданом. Может, тоже наш?

Подошел автобус. Поехали. Вот и город кончился. За окном смутно виднелись какие-то леса, глухие заборы.

– Следующая остановка – «ДорНИИ»! – сонно оповестила кондуктор. Моя остановка. Вышел из автобуса. Воздух здесь был чистый. В ушах зазвенела тишина. Тот парень в галстуке и с чемоданом тоже вышел на этой же остановке и пошел по направлению к нашему объекту.

Одноэтажные финские домики стояли среди сосен прямо напротив того корпуса, где мы жили во время учебы на КУОСе.

– Идите в домик. – дежурный капитан сверился со списком, – в домик номер двенадцать. Размещайтесь там на любую свободную койку. Выход с объекта запрещен до особого указания. Питание в столовой за свои деньги.

В домике номер двенадцать светились окна и слышались оживленные голоса. Я поднялся по ступенькам, открыл дверь, прошел небольшим коридором и вошел в ярко освещенную комнату.

– Привет, мужики!

– У-у-у! – заорали ребята, сидевшие за столом с водкой и нехитрой снедью. – Еще один! Давай ему «штрафную»! Господа офицер-р-ры! Ор-р-лы! От винта!

Тут же мне в руку сунули стакан с водкой. Я осмотрелся. Здесь было не менее десяти человек. Среди них, по крайней мере четверо, с кем я учился на КУОСе, а потом был в Афганистане.

– Со свиданьицем! – сказал я и, по-офицерски подняв локоток, жахнул стакан.

– Давай садись! Закусывай!

– Ребята, а куда едем?

– Да никто пока не знает. Вроде бы в Кабул, – ответил Володька из Петрозаводска, который учился вместе со мной на КУОСе.

Снова открылась дверь, и в комнату зашел припорошенный снегом очередной куосовец с чемоданом.

– У-у-у! – уже вместе со всеми закричал я, – «штрафную» ему! От винта!

Стало тепло, чувство душевного дискомфорта от безрадостного расставания с Таней постепенно проходило. Все будет хорошо, все утрясется само собой! Вот я сижу с ребятами,

мы все бойцы спецназа, мы все братья, и все нам нипочем! Да мы свернем шею любому, на кого укажут! Потому что мы лучше всех подготовлены, потому что мы сильные, ловкие и умные! Куда до нас пресловутым американским «зеленым беретам»!

... Ко сну мы отошли уже часа в два ночи.

На следующий день нас собрали в административном корпусе. Начальник объекта полковник Бояринов Григорий Иванович коротко сообщил нам, что мы в составе отдельной группы полетим в Афганистан. О дате вылета сообщат отдельно. Задача будет поставлена на месте. Пока всем быть на объекте, за территорию не выходить, разве что по самой крайней нужде, с его разрешения. Отдыхать. Готовиться морально.

На следующий день вечером нас посадили в автобусы.

Глава 24

Уже по дороге Бояринов сказал, что мы едем в Первое Главное Управление КГБ. Автобус долго пилил по кольцевой дороге. Народ придремал. Наконец подъехали к объекту.

Никто из руководства нам не представлялся. Только потом я узнал, что это были: заместитель начальника Главка Шебаршин, кто-то из Управления «С» (нелегальная разведка), начальник Управления «К» (внешняя контрразведка) генерал Калугин и начальник «афганского» направления Управления «К» полковник Голубев Александр Титович.

Беседу начал Шебаршин. Он в общих словах рассказал о том, что обстановка в Афганистане сейчас сложная, что враги Апрельской революции при поддержке агрессивных кругов США и враждебных к нам китайцев-гегемонистов пытаются дестабилизировать ситуацию, и так далее.

Затем было сказано, что все присутствующие здесь будут выполнять в Афганистане некую особую задачу, о которой сообщат нам позднее. Что в Афганистан мы вылетом скоро, но когда – опять-таки нас известят позже. Что старшим нашей группы назначается полковник Голубев (Александр Титович чуть приподнялся и кивнул головой). Нашей группе придается несколько опытных сотрудников Первого Главка со знанием местного языка (в зале с кресел привстали двое: оба восточной наружности, примерно лет сорока – сорока двух). Кроме того, в нашу группу включаются несколько сотрудников военной контрразведки.

Под конец было сказано, что, если кто не хочет или по каким-то причинам не может лететь выполнять ответственную миссию,

тот может отказаться прямо сейчас. Ничего ему не будет. Отказников не оказалось. Есть вопросы? Нет вопросов!

На следующий день была отдана команда получить оружие и амуницию. Мы паковали рюкзаки.

На этот раз к выезду мы готовились осмотрительно: время зимнее, в Афганистане тоже зима. Надо брать с собой для «сугреву» спиртное. Мы скинулись и купили на группу два ящика водки. Подумали… и купили еще третий ящик. Руководивший закупками Володька из Горького с юморком сказал:

– Если водки окажется много – лишнюю выбросим!

Взяли также кое-что из «деликатесов»: селедку, черный хлеб, лук, чеснок.

Наконец пришел день вылета, и рано утром мы покатили на «Чкаловский».

Перелет до Ташкента прошел без особых событий. Пребывание в нем было достаточно скучным и однообразным. Из гостиницы мы особо не отлучались: все ждали сигнала или указаний к дальнейшим действиям.

Так прошло четыре дня.

Наконец что-то зашевелилось. Мы съездили в войсковую часть куда-то не то на дальнюю окраину, не то в пригород Ташкента. Там получили оружие: автоматы, пистолеты, гранаты с запалами, а также форму. но не нашу, спецназовскую, а солдатскую! Гимнастерка, шаровары, солдатские кирзовые сапоги, ремень с белой бляхой (такие ремни носят стройбатовцы), зимнюю шапку, бушлат, нижнее белье, портянки. Да и автоматы были не наши любимые – десантной модификации со складывающимся металлическим прикладом, – а обычные солдатские АКМы с деревянными прикладами. Мы были в недоумении, однако помалкивали. Примерили форму, подшили подворотнички, нацепили общевойсковые эмблемы. Затем все это сложили в вещмешки и оставили в ангаре склада.

А на следующее утро Титыч нам объявил, что мы сегодня вылетаем. Фу-у-у! Слава Богу! Наконец-то. А то ведь от этого ожидания и безделья совсем отупеть можно.

Когда стало темнеть, нас привезли на аэродром, и мы загрузились в здоровенный транспортный самолет. В нем уже стояли закрепленные цепями и колодками грузовик-бензовоз и БРДМ.

До места лететь минут сорок. Что нас там ждет? Какую задачу придется выполнять? Я выглядывал в маленький иллюминатор, но там все было черно.

А ребята уже разложили на брезенте закуску. Выпили «по чуть-чуть» (в огромном ангаре транспортника было прохладно).

Потом немного придремали. Наконец самолет пошел на посадку. Бортмеханик сказал нам, что приземляться будем на территории Афганистана, на нашей авиабазе в городке Баграм.

Когда мы выбрались из самолета, то оказалось, что никто нас не встречает. Было темно, хоть глаз коли. Дул порывистый и холодный ветер, который нес с собой желто-коричневые тучи песка. Песок больно сек по лицу, забивался в глаза, в рот.

Появились какие-то солдаты в нашей форме, завели бензозаправщик и БРДМ и уехали на них. Самолет тоже куда-то урулил.

Минут через десять к нам подкатил БТР. Из верхнего люка вылез молодой офицер в нашей полевой форме, хромовых сапогах, но в афганской военной шапке с козырьком. Он спрыгнул и подбежал к нам.

– Вы – инженерно-техническая группа? – спросил он.

– Да! – выступил вперед Титыч.

– Следуйте за БТРом!

Мы подобрали свои чемоданы и, увязая в песке, спотыкаясь о какие-то кочки, цепляясь за колючки, поплелись вслед за пылящей впереди бронемашиной.

– Хоть бы чемоданы погрузили на «коробку»! – в сердцах чертыхнулся кто-то из наших.

Километра через полтора затемненные фары БТРа высветили какие-то сооружения. Это оказались капониры. Такие я видел, когда служил в армии, – туда загоняют самолеты. Рядом с капонирами стоял палаточный городок.

Титыч вместе с офицером из БТРа пошел представляться какому-то руководству, а мы присели на наши пожитки и стали ждать. Через полчаса Титыч вернулся, и не один, а с солдатами. Те притащили нам свернутую огромную армейскую палатку.

– Ну вот, ребята, – сказал Титыч, – в этой палатке мы будем пока жить. Вон там лежат деревянные щиты. Надо их уложить, чтобы не на земле спать, а над ними раскидывать палатку.

Палатку устанавливали долго. Часам к двум ночи все было готово, но хватились: а как же без печки? На улице колотун! Померзнем, к чертям собачим!

Пришлось пройти в глубь палаточного городка, офицеры по одному, по двое, а то и по трое пристраивали нас в свои палатки. Мне указали на пустую раскладушку, расположенную очень удачно: недалеко от раскаленной буржуйки. Не раздеваясь и не снимая сапог, я завалился и тут же заснул мертвым сном.

Глава 25

Так началась наша жизнь в Баграме. Саша из Владивостока, по прозвищу Малышонок, именно в те дни написал:

...Оглянись, незнакомый прохожий,
Мне твой взгляд по Баграму знаком.
Мы с тобой с неумытою рожей
У буржуйки сидели вдвоем...

Да. Баграм... Постоянный холод. Кругом пыль, грязь. По утрам просыпаешься, хочешь помыться и побриться – а вода в баке замерзла. Поднимешь крышку бака, постукаешь кружкой о лед: не разбить. Ну и ладно. Обойдемся пока без умывания. Подождем, пока вода растает. Через некоторое время все перестали бриться. Что толку? Вода холодная. Только раздражение на лице получать. А специально разогревать воду на буржуйке для бритья – это полдня потратить. Да и накладно все это: ведь вода привозная! Хватило бы на питье. В общем, все отпустили усы и бороды.

– Натуральная шерсть! – хвастали мы друг другу. – Лучше всякого шарфа!

С едой дело было плохо. Кормились мы солдатским сухпайком, который еще в Союзе деятельные армейские хозяйственники освободили от всего мясного. Открываешь коробку: сверху лежит бумажка, на которой написано, что в пайке. В числе прочего перечисляются и мясные консервы. А вместо них – тошнотворный, цвета лежалого дерьма рыбно-перловочный «Завтрак туриста».

– Эх! – мечтал Серега Чернота, – эту бы банку запихать бы в задницу сволочам-прапорщикам, ворюгам поганым!

Буржуйку топили саксаулом, который на самолете нам привозили из Союза. Здесь никаких дров не было. Саксаул был тверд, как железное дерево. Полдня мучились с его рубкой.

Что мы должны здесь делать? На этот вопрос ни у кого ответа не было. Хотя в воздухе уже витало: мы пойдем на Кабул, будем свергать Амина, будет большая стрельба.

А между тем к нам стали прибывать из Москвы новые самолеты, с которыми небольшими группами приезжали наши ребята. В этих же самолетах нам перебрасывали дополнительные боеприпасы, кое-какую амуницию. Обмундирования уже на всех не хватало. Закончились ботинки. Поэтому некоторые ребята из тех, что прилетели попозже, ходили в своей гражданской обуви.

Был налажен «воздушный мост», по которому из Ташкента в Баграм постоянно курсировали огромные транспортники. Вот выгрузились бронемашины и подразделения наших десантников.

Народу прибывало.

Время от времени появлялось какое-то начальство. Тогда Титыч уходил с ними совещаться.

Именно тогда мне приснился «вещий сон». Снилось мне, что я нахожусь в каком-то огромном здании, бегаю по бесконечным коридорам, стреляю из автомата по каким-то людям в чужой форме, а они стреляют по мне. И вот я подбегаю к высокой двухстворчатой двери. Пытаюсь ее открыть, а она не открывается: заперта на замок. Отбегаю в сторону, кидаю гранату. И вдруг дверь падает на меня и придавливает к полу. А из комнаты выбегают афганские офицеры в фуражках с высокой тульей, пробегают по двери, под которой я лежу, и разбегаются в разные стороны. А я не могу никак выбраться, и автомат у меня выпал, не могу до него дотянуться. Острое чувство опасности и беспомощности. Тут я проснулся.

Я рассказал сон ребятам, и мы все единодушно решили, что сон, несомненно, «в руку» и что скоро начнутся боевые действия.

С очередной группой в Баграм прилетел Толя Муранов из Свердловска. Мы вместе с ним в одной группе учились на КУОСе и дружили. Вместе часто ходили в «Бычий глаз», где выпивали, расслаблялись, дрались с местной шпаной, наглыми спекулянтами-кавказцами, пропивающими в ресторане свою базарную выручку, и цыганами, которых в ту пору в Балашихе было множество. Я был рад появлению Толика, с ним было интересно разговаривать о том, о сем, вспоминать разные случаи из оперативной жизни. В прошлый раз Толя не попал в наш отряд. Перед вылетом в Кабул его прихватил радикулит. Толик очень переживал, пытался скрывать свой «ридикюль», как он выражался, ходил уговаривать Бояринова, да все без толку. Ответ один: Родине нужны здоровые бойцы! И вот Толя здесь. Он доволен, бодр, энергичен. Под галетки мы с ним на радостях распили бутылочку водки, которую Толик привез из Москвы. Несколько дней Толя жил в нашей палатке, спал на соседней раскладушке. Потом его причислили к другой группе, и он переехал в другую палатку.

Смотрю – появился Боря Суворов. Он тоже учился на нашем потоке. Его отставили в прошлый раз от поездки под тем предлогом, что он холостой.

Тут я подумал, что затевается действительно что-то серьезное, если подбирают и гонят сюда всех, кто когда-либо заканчивал наши «диверсантские» курсы. Приезжали мужики лет уже по сорок.

На ночь по всему палаточному городку расставляли посты, запускали парные патрули из солдат. А надо сказать, что все

солдаты были азиатской национальности. Мы их прозвали «мусульманским батальоном». Кстати, наша группа под командованием Титыча числилась именно в этом батальоне и называлась «группой инженерно-технической поддержки». Офицеры «мусульманского батальона» взаправду считали нас инженерами и всерьез спрашивали, когда же придет из Союза наше оборудование: колючая проволока, охранная сигнализация, средства радиосвязи.

Многие бойцы «мусульманского батальона» плохо владели русским языком да и, вообще, видимо, не в ладах были даже с арифметикой. Каждый день в городке назначался пароль.

Например, сегодня пароль – цифра «семь». Патруль, видя в темноте кого-то, спрашивает: «Стой, кто идет?» и говорит «четыре!». А человек должен ответить: «три» («три» плюс «четыре» – получается «семь»).

Однажды глубокой ночью мы сидим, играем в «кинга» и слышим из палатки:

– Стой! Кто идет, да? Чатырэ!

А в ответ:

– Сваи, да! Сэм!

– Харашо, прахади, да!

Все на секунду притихли, что-то высчитывая.

– А какой сегодня пароль? – спросил кто-то.

– «Семерка»!

Мы так и грохнули от смеха. Ну и охраннички! Так всех порежут, а они и не заметят!

А как-то однажды вечером вдруг поступила команда:

– Тревога! В ружье!

Мы надели каски, подхватили автоматы, ввинтили в гранаты запалы и выскочили на улицу. Озабоченный Титыч бегом повел нас к двум УАЗам. Мы забились в машины и куда-то помчались. За нами пылил еще крытый грузовик с нашими ребятами.

По дороге Титыч объяснил, что на взлетной полосе диверсия: кто-то вырубил все сигнальное освещение и наш транспортник чуть не грохнулся в темноте.

Мы промчались по проселку и наконец выскочили на бетонку аэродрома. Здесь действительно все было темно.

Вдруг кто-то крикнул:

– Вон там! Мужики! Вон, слева кто-то шевелится!

Мы почти на ходу выпрыгнули из машин и увидели слева несколько фигур, которые воровато копошились у каких-то ящиков.

Увидев нас, неясные в темноте фигуры метнулись в разные стороны, пытаясь скрыться.

– Не стрелять! – крикнул Титыч. – Брать живьем! Короткий рывок. Одного догнали и сбили с ног. Тут же прихватили и второго. Пойманные пытались вырываться и что-то кричать. Мы решили, что они криком хотят предупредить возможных сообщников, поэтому заткнули им рты тряпками, найденными в машине, быстро связали и бросили на пол «уазика».

Когда их вязали, один, тот, который покрупнее, здорово брыкался, и Титыч очень ловко саданул его сапогом под копчик. Злоумышленник тут же задохнулся от боли и обмяк.

Мы в темпе обежали окрестности, но, насколько можно было видеть в кромешной темноте, вокруг вроде бы никого больше не было. Внезапно на взлетно-посадочной полосе вспыхнули огни.

– О! Загорелись! – воскликнул кто-то из ребят.

– Все. Поехали, там с ними сейчас разберемся... – садясь на переднее сиденье УАЗа, удовлетворенно проговорил Титыч. При этом он обернулся назад и погрозил лежащим под ногами пленникам:

– У-у-у! Гады такие!

Злоумышленников мы отвезли в капониры, и Титыч остался там разбираться с ними, а мы возвратились в нашу палатку.

Минут через пятнадцать вдруг прибегает Титыч, очень взволнованный и вроде бы как смущенный чем-то, и с ходу:

– Ребята, у кого водка осталась, дайте бутылку взаймы! Я потом отдам!

Народ притих, друг на друга поглядываем: водку-то всю давно уж выпили.

– Ребята, может, у кого осталась! Очень нужно! Смотрю, один из наших полез в рюкзак, достает бутылек.

– Вот, Александр Титович! Если уж так надо – берите! Это я на свой день рождения приберег, хотел ребят угостить.

– Вот хорошо! Ну ладно, я побежал!

– Александр Титыч, а что случилось-то? Титыч замешкался у входа, повернулся и говорит:

– Перестарались мы. Те, кого поймали – вовсе не диверсанты! Один – афганский начальник авиабазы, а другой – его заместитель. Когда свет погас, они побежали на взлетную полосу неполадку устранять. Там вроде замыкание какое-то было. – Титыч покаянно вздохнул и потупил глаза. – А я этого начальника по копчику. Он говорит, что до сих пор больно: сесть не может! В общем, пойду извиняться!

Часа через два мы с Володей Быковским пошли прогуляться перед сном. Когда мы проходили мимо капониров, до нас донеслось нестройное пение. В холодном декабрьском воздухе пыльной Баграмской авиабазы, в самом сердце Афганистана

диковато было слышать:

...Если б знали вы-ы-ы,
Как мне дороги-и-и
Подмоско-о-вные ве-че-ра-а-а!

Судя по чувственной выразительности исполнения и тональности голосов, певцы крепко поддали. Мы с Володей переглянулись и заулыбались: было и без слов понятно, что Титыч помирился с начальником авиабазы.

А самолеты из Союза все прибывали и прибывали...

С очередной волной к нашей группе добавилось еще несколько человек. Среди них Саша Звезденков, оказавшийся братом моего однокурсника по Высшей школе. Саша мне рассказал, что здесь затевается очень серьезное дело со стрельбой и кровью. И что в Центре многие сотрудники заранее отказывались сюда ехать. Один даже специально пошел на медкомиссию, чтобы доказать, что у него плохое здоровье и что его нельзя посылать на войну. Врачи дали заключение, что здоровье у него хорошее и что ехать можно. Тогда этот ухарь раздобыл где-то медицинскую справку о том, что у него на ногах плохо растут ногти, и сумел доказать, что с таким недугом его нельзя посылать в регионы с жарким сухим климатом. Комедия, да и только!

Глава 26

Когда я в очередной раз вышел из палатки прогуляться перед ужином, то обратил внимание на то, что ситуация вокруг капониров сильно изменилась. Небольшая площадка у входа оказалась огороженной колючей проволокой, над входом на кольях была растянута маскировочная сетка.

Я подошел поближе и увидел, что на площадке прогуливаются несколько человек в длинных солдатских шинелях без хлястиков. Одна из фигур показалась мне знакомой. Е-мое! Да это же Сарвари! Точно! Асадулла Сарвари собственной персоной! А кто же с ним еще? Ага! Вон маленький Гулябзой! Шепчется с каким-то мужичком среднего роста с очень темным лицом и толстым горбатым носом, который делал его похожим на тапира.

Я тогда еще не знал, что человек, похожий на тапира – Бабрак Кармаль, будущий президент Афганистана! Именно в тот день его и костяк будущего правительства Афганистана на одном из

наших транспортных самолетов привезли в Баграм. Их сопровождали бойцы тогда еще мало кому известной группы «А». Даже мы тогда не знали о существовании этой группы, которую впоследствии будут называть «Альфой».

Тут Саввари всмотрелся и узнал меня.

– О! – воскликнул он, – а ты уже здесь! А ребята ваши тоже здесь?

– Все здесь, товарищ Саввари! – ответил я.

– Ну, тогда все хорошо! Мы победим! Вы уж постарайтесь как следует, мы будем вашими должниками до конца жизни!

Саввари оглянулся и, понизив голос до шепота, сказал:

– Кровавый Амин должен быть жестоко наказан! Ему не место на земле! Ну ладно, увидимся еще.

Саввари попрощался и отошел от меня. Я хотел тоже уйти, но ко мне приблизился какой-то парень: здоровенный, метра под два, одетый в нашу спецназовскую форму. Приглядевшись, я увидел, что у входа в капонир стоит еще несколько таких же крепеньких ребят. Но ни одного из них я, как ни странно, не узнавал. Ну не было у нас на КУОСе этих ребят! Да и вооружение у них было другое. На поясе – американские обоюдоострые штыки от М-16, «стечкины» с многочисленными подсумками, новые автоматы АК-74 с «прыгающими» малокалиберными пульками.

– Здорово! – сказал мне верзила.

– Привет! – ответил я.

Так я познакомился с Лешей Баевым– бойцом группы «А».

Мы долго темнили, выпытывая, кто есть кто. Я нутром чувствовал, что эти ребята из нашей «конторы», из КГБ, а понять, из какого подразделения – не мог. На «девяточников» вроде не похожи: те вальяжные, гладкие. в общем, другие. А эти – вроде нас. Боевики. Это сразу чувствуется.

Леша, естественно, тоже ничего конкретно не говорил. В конце концов мы все же уяснили, что мы из одной системы.

Ну и ладно. Не хочет говорить – не надо. И тут я сообразил, что Леша подошел ко мне вовсе не из простого любопытства, а из-за того, что я вступил в контакт с Саввари. Судя по всему, эти ребята их охраняли. Чтобы не мучить людей, я прямо сказал Леше, что знаком с Саввари еще с сентября и что помогал ему уезжать отсюда.

– А-а-а! Ну, тогда все ясно! – облегченно сказал Леша. – Только ты вот что. не ходи сюда больше, а то начальство зудеть будет. расшифровка, неприятности, то да се. И помалкивай, что их видел. Ладно?

Я возвратился к своей палатке, остановился у входа и закурил. Уже стемнело и стало прохладно.

А у меня из головы все не выходила неожиданная встреча с Саравари, усиленные меры охраны группы афганцев у капонира.

Ну что ж, подумал я про себя, все ясно. Саравари, Гулябзой и прочие с ними – это, судя по всему, новое правительство. Иначе что бы им здесь делать? А кроме того, если принять во внимание пребывание здесь наших ребят, «мусульманский батальон», прибывающие из Союза подразделения наших десантников с легкой бронетехникой.

Вывод напрашивается один: значит, очень скоро мы будем брать с боем Кабул и свергать Амина. Мясорубка еще та будет.

А между тем прибытие нового афганского руководства в Баграм ознаменовалось для нас хоть какими-то подвижками.

На следующее утро было собрано совещание, на котором Титыч, сверяясь по бумажке, распределил нас по БТРам «мусульманского батальона». Наша задача: познакомиться с командиром машины и экипажем, проверить боеготовность БТРа, быть готовым в составе экипажа в качестве старшего машины совершить марш-бросок по маршруту Баграм – Кабул с возможным ведением боевых действий в городе.

БТРы «мусульманского батальона» стояли в небольшой ложбине на окраине охраняемой зоны. Около них возились экипажи и приданные им отделения бойцов-пехотинцев. Я познакомился со своим экипажем. Это были солдаты срочной службы – молодые ребята восточной наружности, которые приняли меня очень радушно. Командир машины – сержант по имени Аслан рассказал, что он родом из Узбекистана, что его БТР находится в отличном техническом состоянии, а экипаж готов выполнить любую задачу. Я предложил завести машину. Водитель проворно вскарабкался на броню, скользнул в люк, запустил стартер, и двигатели взревели. Я тоже залез в БТР, сел на место командира, предложил проехаться туда-сюда. Насколько я мог судить, машина вроде была технически исправна. Я перебрался на место стрелка, покрутил в разные стороны пулемет. Все работает. Осмотрел инструменты, боезапас. Порекомендовал навести внутри порядок, сложить как следует патроны, гранаты, чтоб не валялись под ногами.

Ребята рассказали, что они раньше служили кто где – по разным войсковым частям Союза. Всех вместе их собрали в пригороде Ташкента, Чирчике, на базе десантно-штурмовой бригады. Там они получили оружие, БТРы и все прочее. Там же в течение нескольких месяцев проходили боевую подготовку. Как выяснилось, сюда они прилетели с теми же БТРа-ми, на которых учились ездить в бригаде. БТРы были уже явно не новыми, а скорее – старыми. И у меня возникли неприятные мысли по

поводу того, что на боевое задание, причем очень серьезное, выделяют подержанную бронетехнику, мягко говоря, не первой свежести. Как впоследствии выяснилось, мои предчувствия по этому поводу оправдались.

А вечером того же дня в палатку к нам забежал Яша. Он был у нас преподавателем тактики на КУОСе, а теперь стал командиром нашего отряда. Небольшого росточка, крепенький, с лицом монгольского типа, очень приятный и компанейский мужик.

Поздоровавшись со всеми, Яша спросил:

– Ребята, кто из вас раньше бывал в Кабуле? Отозвалось несколько человек.

– А в чем дело?

– Вы на рекогносцировки ездили? – поинтересовался Яша.

– Конечно, ездили, – ответил я, – практически весь город исколесили и исходили.

– Это хорошо... А ни у кого, случайно, карты Кабула не осталось?

– У меня есть. – отозвался Боря из Воронежа, полез в рюкзак и достал небольшой буклет – туристическую карту Кабула.

Яша с интересом развернул буклет, стал рассматривать схематичные изображения улиц города и достопримечательностей.

– Да... – сказал он, – негусто, конечно. Хорошо... Через полчасика зайдите в «командную» палатку, там будет небольшое совещание. Послушаете. Может, что подскажете. Ладно?

Яша ушел, а мы вышли на улицу покурить и обсудить ситуацию.

– Ну и что это значит? – спросил Серега Чернота.

– Да. Мне особенно не нравится вопрос насчет карты, – отозвался Боря из Воронежа, – неужели у них нет карты города? Я ведь ее тогда летом купил как сувенир, а сейчас просто на всякий случай в чемодан бросил.

– Если нам придется воевать по туристической карте, то наше дело хреновое. – сказал отчаянный пессимист Володька Быковский.

– Ну что, полчаса вроде бы прошло? Пойдем, что ли?

Мы отряхнули щеткой от пыли сапоги (мартышкин труд:

кругом пыль, и сапоги после нескольких шагов снова приобрели свой прежний вид) и не спеша потянулись к «командирской палатке».

Там на складных алюминиевых стульях уже сидели офицеры

из «мусульманского батальона», старшие некоторых наших подгрупп, какие-то незнакомые нам военные, несколько офицеров-десантников. Все были в солдатской форме и с солдатскими погонами. Лычка ефрейтора на погоне означала, что его владелец имеет звание от лейтенанта до капитана. Две лычки младшего сержанта обозначали звания от капитана до майора, сержант – подполковник, а старший сержант – полковник.

Вот и начальство появилось. За стол сел командир «мусульманского батальона» – крепкий, высокий и немногословный майор угрюмого вида с загорелым широкоскулым лицом и раскосыми глазами (таджик или узбек?). Рядом с ним сел наш Яша, который все продолжал о чем-то шептаться с каким-то лет тридцати пяти человеком в нашей спецназовской форме. Рядом сели еще несколько человек, в том числе наш Титыч.

– Ну что. Все собрались? – спросил, ни к кому отдельно не обращаясь, незнакомый нам человек в полувоенной форме без знаков различия (такую в Афгане носили наши военные советники). – Тогда будем начинать.

И он стал рассказывать нам, какие неисчислимые беды принес афганскому народу кровавый режим Амина и какой ущерб имиджу СССР и нашей миролюбивой политике наносит все, что сейчас творится здесь. Массовые репрессии. Расстрелы мирных жителей. Многозначительным тоном он сообщил нам, что «по полученным данным, Амин, возможно, связан с ЦРУ США» и что объективно он действует фактически в интересах «США, мирового империализма, китайского гегемонизма и региональной реакции» (имелся в виду Пакистан).

Получалось, что куда ни кинь, – Амина надо убирать. Оратор заверил нас, что весь прогрессивный народ Афганистана хоть сейчас готов встать на борьбу с тираном. Я подумал: как народ – не знаю, а уж Саввари и Гулябзой, сидящие со своими дружками в капонире, – так это точно! Хоть сейчас готовы. нашими руками свергать тирана. Не щадя. нашей крови и жизни. А нам-то что: это наша работа, служба такая. Уж поскорей бы все, а то так здесь надоело! Чего тянем? Свергать – так свергать! Отработали – и по домам! А то сидим, «удовольствие» растягиваем…

Затем слово взял наш Яша. Про политику он не говорил. Он стал излагать нам план боевой кампании, в которой нам предстояло участвовать.

Когда речь зашла о самых что ни на есть весьма конкретных вещах, нам всем стало несколько не по себе. Мы и сами были ухари хоть куда, но такого никто из нас даже и ожидать не мог. По изложенному им плану, завтра или послезавтра мы должны

были сесть на БТРы «мусульманского батальона», молодецким ночным марш-броском преодолеть семьдесят километров и ворваться в Кабул. Там мы должны разделиться и небольшими группами атаковать и захватить все важные правительственные объекты.

На этих объектах местные люди якобы ждут не дождутся нашего появления. Стрелять вроде как и не придется: обо всем уже позаботились и договорились, и все тут же будут нам сдаваться и выходить с поднятыми руками. Более того, весь народ готов подняться тут же на борьбу с режимом Амина: стоит нам появиться на окраине города, как к нам присоединятся огромные людские массы, которые сметут прогнившего тирана и его приспешников.

Самое сложное задание будет у группы БТРов. при этом Яша посмотрел на какой-то мятый листок и назвал номера машин – среди которых я уловил и номер своего БТРа, – которые пойдут занимать расположенный в самом центре Кабула Дворец Арк – резиденцию Амина.

По плану, мы в составе пяти БТРов должны на огромной скорости снести броней парадные ворота Дворца. Быстро подавить из гранатометов стоящие с внутренней стороны вблизи ворот два танка (которые вроде бы даже вкопаны в землю по башни) и две или три БМП, а затем разъехаться вправо и влево по узким дорожкам вдоль четырехэтажных казарм, где располагаются гвардейцы. При этом на броню вылезет переводчик и в мегафон («мегафоны мы вам привезем позже!») объявит, что антинародный режим кровавого Амина пал, и предложит гвардейцам сдаваться и выходить из казарм без оружия и с поднятыми руками. Предполагается, что гвардейцы тут же выйдут из своих казарм. Ну, и так далее.

При этом нам надо проявлять максимум дружелюбия, доброжелательства и улыбчивости, а если кто-то из нас попытается затеять ненужный шум и стрельбу, если у нас не выдержат нервы, то разбираться с виновными будут по всей строгости закона! Ведь мы находимся на территории дружественного нам государства, и любой случайный выстрел или неосторожно брошенное слово могут послужить причиной международного скандала.

Чем дольше слушал я Яшу, тем больше во мне росло убеждение, что либо я сошел с ума и неадекватно оцениваю действительность и сказанное, либо Яша сошел с ума. Все, что он говорил, настолько не вязалось с реальностью! Это был чистый авантюризм, элементарное незнание обстановки и полнейшая безграмотность! У меня даже слов не находилось.

Мы тогда не знали, что Яков Семенов, оглашая этот план, и сам сгорал от стыда. Конечно же, это была не его задумка. План составил какой-то большой военный начальник (не помню его фамилию). Потом уже Яша говорил мне, что высокое руководство поставило его как старшего всей нашей группы практически в безвыходную ситуацию: вот вам план действий – действуйте. Все возражения – признак трусости.

Я огляделся по сторонам: у всех присутствующих были озадаченные и растерянные лица. В «президиуме» Яша и Титыч стыдливо отводили глаза. Да что же это такое? Нас хотят просто гнать на убой? Да Бог с нами, ведь за державу обидно, если нас здесь просто перебьют, как кроликов!

Объявили перерыв на перекур. Все вышли из палатки на свежий воздух. Закурили, разбились на группки, стали вполголоса обсуждать услышанное. В принципе, мнение у всех было единое: предложенный план – дикость, рожденная незнанием обстановки. План явно составлял дилетант.

Вторая часть нашего совещания получилась скомканной. Все задавали вопросы, на которые ни у кого не находилось ответов.

Например, вопрос с воротами Дворца Арк, которые мы должны снести БТРом. Для этого машину нужно разогнать до хорошей скорости, однако, чтобы подъехать к воротам, надо сделать прямо у них поворот почти на девяносто градусов. Естественно, скорость будет снижена до минимальной! Так что как ни корячься, а массивные ворота на скорости пять – десять километров в час не снесешь!

А как подавить гранатометами два вкопанных в землю танка? Да эти танки в щепки разнесут наши БТРы при первом же приближении! Что значит танковая пушка против крупнокалиберного пулемета и слабенькой брони БТРа? Здесь все ясно и младенцу.

А эти казармы с гвардейцами? Там их как минимум тысячи две. И вот мы с двумя БТРами приезжаем, и они нам тут же сдаются! Смех, да и только. А если они начнут стрелять? Нам надо ответить огнем и подавить! А как мы сможем подавить огневую точку, например, на четвертом этаже казармы? На относительно узкой площадке перед казармами наш БТР не сможет поднять свой КПВТ даже до уровня третьего этажа! Да нас просто сверху расстреляют из гранатометов, забросают гранатами – и дело с концом!

Так ни с чем мы и разошлись.

Обсуждение продолжили уже в своей палатке. Но что бы ни говорили, всем было совершенно ясно: если прикажут – мы пойдем. Это – как действие непреодолимой силы. Если вверху

что-то задумали, то тут хоть тресни – делай, и все!

Глава 27

Через день утром нам объявили, что сегодня в ночь мы выступаем на Кабул. Однако в полдень дали отбой. Этому предшествовало одно событие: внезапно погрузилось на самолет и улетело в Союз все жившее в капонире новое правительство Афганистана. Почему? Зачем? Что случилось? Ответа на эти вопросы не было.

Так или иначе, авантюрный вариант плана сорвался. И слава Богу! Потом нам объявили, что мы все-таки поедем в Кабул, но сразу воевать не будем. Просто переберемся на новое место дислокации: у Дворца на Даруль-Аман, который Амин избрал своей резиденцией. Мы расположимся в непосредственной близости от дворца под предлогом его охраны. Кстати, Амин неоднократно просил выделить для обеспечения его безопасности советское подразделение. Вот мы в составе «мусульманского батальона» и будем этим подразделением!

Ну что ж, это уже гораздо лучше и умнее!

А куда же денутся десантники? Они тоже войдут в город, но рассредоточатся по другим объектам.

Молодецкий марш-бросок на Кабул решили провести ночью.

Когда стемнело, мы со всем своим нехитрым скарбом расселись по приписанным БТРам. БТРы построились в колонну. Часть «мусульманского батальона» и десантников оставалась на месте охранять авиабазу, обеспечивать безопасность южного крыла «воздушного моста», принимать грузы и т. д.

Поехали...

Водителям машин было приказано держать соответствующую дистанцию, ни в коем случае не терять из виду впереди идущую машину. Ни карт, ни схем движения в БТРы не дали.

Не прошло и пяти минут движения, как мой БТР начал выказывать признаки неисправности. Двигатели то выли на каких-то диких оборотах, то вдруг глохли. Надсадно визжал стартер, заводился только один двигатель. Потом стала «западать» скорость. Нас стали обходить, обдавая едкой пылью и гарью выхлопных газов, идущие позади машины.

– В чем дело? – угрожающим тоном поинтересовался я у сержанта – командира машины, который вот уже полторы недели заверял меня в полной технической исправности и боевой готовности БТРа.

– Все в порядке, товарищ начальник! Сейчас все наладим!

Однако дело кончилось тем, что все двигатели окончательно заглохли, и мы остановились.

– Ну так что? Мы поедем или как, – спросил я.

– Не заводится, да! Чего я изделаю! – как-то легко и совершенно беззаботно ответствовал водитель и облегченно откинулся в своем кресле.

Я приоткрыл верхний люк и огляделся. Уже полностью стемнело. Нас обгоняли последние машины колонны. Вот вдали уже стали не видны красные огоньки задних габаритов последнего грузовика. Потом мимо пропылила БМП хвостового дозора. Все. Колонна ушла. Кругом темно. Небо затянуло тучами, ни звездочки не видно. Куда ехать? В какую сторону?

– Рация работает?

– Нет, что-то в проводке сломалось. – отозвался сержант.

Тут меня прорвало. Это что же такое?! Ведь все это время я им уши прожужжал о том, что машина должна быть полностью готова. И вот результат! Ни хрена не сделано! А эти засранцы сидят себе спокойно.

– Ну-ка, вылезайте и срочно ремонтируйте! Что расселись! – прикрикнул я.

Сержант даже не повернулся ко мне и только пожал плечами, а водитель снова пробурчал недовольно:

– Чего я изделаю. здесь балшой рэмонт нужен.

– Машина старая. – равнодушно поддержал его сержант.

А сидевшие в отсеке солдаты, человек семь, вообще не обращали внимания на происходящее. Они весело галдели между собой на своем языке.

Тогда я вспомнил, что несколько дней назад, когда мы выпивали с особистом «мусульманского батальона» Мишей, он заявил нам, что с солдатами этого батальона в силу их национального менталитета иногда надо разговаривать с позиции силы.

Я вытащил из кобуры пистолет, передернул затвор и, специально придав голосу яростной дрожи, тихо сказал:

– Так. Хорошо. Для вас я здесь старший командир. Мы находимся на боевой операции. Значит, с вами я буду поступать по закону военного времени. Если через десять минут неисправность машины не будет устранена – я расстреляю сержанта! За умышленное неисполнение приказа о боеготовности и срыв особо важного задания партии и правительства!

При этих словах я саданул рукояткой «макарова» по обтянутой танкистским шлемом голове сержанта. Тот ойкнул и, скорчившись на своем сиденье, втянул голову в плечи.

– А еще через десять минут я расстреляю водителя! Я

перегнулся и шарахнул по башке водителю.

Окончательно войдя в образ, я обернулся к сидящим в отсеке солдатам и пояснил им:

– А потом и вас всех расстреляю, так как вы – пособники вот этих вредителей!

Солдаты отпрянули от меня и затихли, испуганно поблескивая глазами. Потом демонстративно отогнул обшлаг бушлата, взглянул на часы и голосом старшины, дающего команду на подъем новобранцам, крикнул:

– Время пошло!

С моими подопечными произошли удивительные изменения. Все тут же вскочили, открыли люки, выскочили из БТРа. Водитель расторопно вскрыл моторные отсеки и залез туда с головой. Члены экипажа сгрудились вокруг него, услужливо подавая ключи и прочие инструменты. Я тоже вылез наружу, спрыгнул на пыльный проселок и закурил, поглядывая на солдат. Все-таки убеждение – великая сила!

– Товарищ командир! Сейчас мы устраним все неполадки! – заверил меня ужом вывернувшийся из столпившихся солдат сержант.

Я злобно посмотрел на него и прошипел:

– А ну, быстро ремонтируй рацию, гад вонючий!

– Есть, товарищ командир!

Сержант мухой юркнул в БТР и прокричал весело изнутри:

– Через две минуты все будет готово! Здесь просто контакты отошли или окислились! Я мигом, товарищ командир!

Действительно, минут через пять рация заработала. Я связался со старшим колонны и доложил о поломке.

За нами прислали БТР с офицером-механиком. Когда он, вытирая ветошью руки, отошел от моторного отсека, я его спросил:

– Ну что?

– Хана! – коротко ответил механик. – Все машины – старье! Свой ресурс они уже отходили дважды... Будем тянуть на тросе. Ваша машина – уже четвертая.

Все семьдесят с лишним километров от Баграма до Кабула мы ехали на буксире, на гибком тросе. Колона двигалась черепашьим шагом. Треть машин вышла из строя, и их тащили на буксирах чудом еще не заглохшие остальные. Если кто не знает, что такое ехать в буксируемом на гибком тросе заглохшем БТРе, я скажу коротко: не приведи Бог! Резкие рывки, от которых кажется, что вот-вот отвалится голова, неожиданные остановки, снова рывки. А кроме того – пронизывающий до костей холод. Двигатель не работал, печка, естественно, не включалась... И так

около четырех часов!

А если бы все-таки настояли на том идиотском плане с ночным марш-броском и последующим вступлением в бой? Удивительно, как будто люди живут на другой планете и в другом измерении!

Но всему бывает конец. Наступил конец и этому мучению. Мы въехали в Кабул со стороны северного КПП. Тут колонна в очередной раз остановилась.

Я высунулся из люка и вдруг заметил, что на броне соседнего БТРа сидит весь его экипаж, более того, они весело переговариваются с афганскими солдатами, стоящими у КПП!

– Ну-ка, послушай, о чем они говорят! – приказал я своему сержанту. Тот высунулся из люка, пару минут вслушивался, потом доложил:

– Товарищ командир, афганцы спрашивают, кто мы такие и откуда едем, а наши отвечают, что мы из Союза. из Чирчика, который под Ташкентом... что мы едем из Баграма и будем жить в Кабуле.

– На каком языке они говорят? На дари, что ли? – спросил я.

– Нет, на таджикском... Афганцы говорят, что они тоже по национальности таджики, земляки, значит, зовут чай пить...

Так. Вся конспирация и все предосторожности – к чертовой матери! Ведь инструктировали же этих ослов: в контакт с местными не вступать ни в коем случае! И вот тебе.

– Вызови мне по рации старшего колонны! – раздраженно сказал я. – Да поживей, что уши развесил! Давай сюда! – я взял микрофон и сообщил старшему о несанкционированных контактах наших «мусульман» с местными:

– Надо срочно пресечь! Надо передать по всем машинам, чтобы никто не высовывался наружу! Как поняли? Прием!

– Вас понял! Спасибо! Я им, засранцам, покажу небо в алмазах! Конец связи, – ответил комбат – старший колонны.

В витиеватых матерных выражениях комбат так доходчиво объяснил нежелательность контактов с местным населением и военнослужащими, что солдат с брони как ветром сдуло.

Однако позже, уже в городе, к нам в колонну затесались две или три автомашины с местными номерами. Судя по всему, это была служба наружного наблюдения контрразведки. Кто еще мог оказаться на пустынных ночных улицах: на часах – полвторого ночи! Когда колонна стопорилась на перекрестках, афганцы открывали дверцы машин и перекликались с нашими «мусульманами», которые, памятуя энергичное наставление комбата, на броню не вылезали и вели беседу, высунувшись из верхних и боковых люков БТРов. Я заметил, что афганцы что-то

перекидывают нашим солдатам. Присмотрелся – они бросали пачки сигарет, которые наши «мусульмане» с криками восторга ловили.

Меня снова кольнуло дурное предчувствие. Как тогда, летом во время мятежа в крепости Бала-Хисар, я подумал, что с этими ребятами много не навоюешь: продадут с потрохами!

А между тем колонна начала петлять по кабульским улицам. Вот мы поехали в сторону микрорайона. Здесь от колонны отделилась группа десантных «бээмдэшек» и скрылась за поворотом. Они до поры до времени будут прятаться где-то здесь, на каком-то нашем объекте. Вот мы повернули к дороге на крепость Бала-Хисар. И снова от нас откололось несколько бронеединиц.

Мы подъезжали к стоящему на юго-западной окраине Кабула Дворцу, который совсем недавно Амин избрал своей резиденцией. Где-то здесь нам выделено место, где мы – по легенде – советский батальон охраны, будем базироваться якобы для обеспечения безопасности Хафизуллы Амина, главы и лидера Афганистана.

Мы медленно проехали КПП Дворца. Нас встречали гвардейцы, которые группой (человек шесть-семь) стояли у ворот КПП. Рядом, с правой стороны, виднелись караульные помещения.

Разминая затекшие ноги, я спрыгнул на землю. Осмотрелся. В свете фар были видны какие-то недостроенные двухэтажные здания из красного кирпича. Оказалось, что именно там мы и будем базироваться. Стали разгружаться. Солдаты таскали с грузовиков в здание разобранные двухъярусные железные койки, матрасы.

Комбат выставил боевое охранение: по близлежащим холмам запустили парные патрули, расставили несколько БМП и БТРов.

Часа через два наша группа кое-как разместилась на первом этаже недостроенной двухэтажной казармы.

Глава 28

Тяк началась наша жизнь на новом месте – в семистах метрах от предполагаемого объекта захвата – Дворца Амина.

Первым делом мы занавесили пустые глазницы окон и дверей плащ-палатками. Потом, набросив матрасы на панцирные сетки кроватей, мы, не раздеваясь, завалились спать, оставив дежурного, которого договорились менять каждые три часа.

Побудка состоялась через полтора часа.

– Тревога!

Мы моментально вскочили, прихватив оружие, и выскочили во двор. Уже светало. Небо на востоке окрасилось в розовые тона. Было очень холодно. Клочья пожухлой травы на склонах горки были покрыты изморозью.

– Что случилось?

– Пропал парный патруль! – ответил озабоченный Титыч, тараща красные от недосыпа глаза. – Надо быть наготове.

Куда же делся этот парный патруль? Неужто его захватили «ихване»? Откуда они могут здесь появиться? Кругом ведь афганские части стоят!

Вдруг на гребне холма, на фоне разгорающегося рассвета появились две нелепые фигуры: расхристанные, в шинелях без хлястиков, в зимних солдатских шапках с опущенными ушками, они были похожи на каких-то оборванцев или дезертиров. В таком виде у нас в армии обычно ходят стройбатовцы. Однако за плечами у обоих было оружие: у одного ручной пулемет, у другого – снайперская винтовка Драгунова.

Кто-то из офицеров крикнул:

– Да вон же они! А ну, давай сюда! Бегом, марш!!

Это и был тот самый парный патруль, который потерялся. Подчиняясь команде, солдаты неуклюже побежали вниз по холму, причем один, запутавшись в длинных полах шинели, упал и, пыля, покатился, как куль, по склону, но затем поднялся, подобрал пулемет, закинул его за спину и, переваливаясь, снова побежал.

После опроса солдат выяснилось, что они, оказывается, успели побывать в гостях.

Судя по их рассказу, все выглядело приблизительно так: примерно через полчаса патрулирования к ним вдруг подошел какой-то человек в военной форме и по-таджикски сказал, что, мол, сейчас холодно, вы, наверное, замерзли, пойдем к нам, чаю попьем с земляками. Втроем спустились с холма, прошли по

тропинке. Там стояли какие-то одноэтажные здания. Привели внутрь. Там был афганский офицер. Он начал спрашивать, кто такие, сколько нас, откуда, зачем приехали, кто командир и так далее. Отобрал оружие. Потом бил по щекам, чтобы правду говорили. Ему все что знали, то и рассказали. Офицер похвалил, сказал, что земляки должны уважать друг друга и помогать. Потом пили чай с конфетами и орешками, разговаривали. Потом они их отпустили, и они пошли обратно. Вот, офицер подарил сувениры: пачку сигарет «Кент» и брелок для ключей.

Комбат заскрипел зубами, потемнел лицом и объявил общее построение.

– Товарищи бойцы! – зычно выкрикнул комбат. – Сегодня всех вас подняли по тревоге из-за пропажи вот этих двух. – комбат запнулся, подбирая определение «этим двоим», однако не подобрал и продолжил: – …А они, оказывается, добровольно сдались первому встречному и выболтали все, что знали! Мы выполняем здесь боевой приказ! Нас послала Родина! На нас возложена огромная ответственность! И вот эти двое нарушают приказ, нарушают присягу, за что, по закону военного времени… – при этих словах комбат вытянул из кобуры длинный ТТ, – …положен расстрел!

Двое нарушителей стояли перед строем, опустив головы. Оба плакали, и текущие потоком слезы оставляли полосы на их грязных лицах. Услышав слово «расстрел», оба упали на колени.

Неужто пристрелит? Вообще-то, есть за что…

– Однако, – потрясая пистолетом, продолжал комбат, – меня тут уговорили (кивок головой в сторону стоявших отдельной кучкой офицеров) до расстрела дело не доводить. Поэтому приказываю: этих двоих отвести в сарай и бить палками! Увести их.

Мы вышли покурить на свежий воздух. У входа встретили спешившего куда-то Мишу-особиста.

– Миш! Правда, что их палками наказывают? Тот махнул рукой:

– Да ну вас на хрен! Совсем, что ли, соображения нет? Командир просто припугнул их! Будут сидеть на «губе» в сарае – вот и все! Все, ребята, мне некогда.

Солнце уже встало над горами и над окружавшими нас холмами. Там, где еще лежала тень, на земле сохранился серебристый иней.

– Завтрак будет еще через полчаса, пойдем пока посмотрим окрестности, – предложил Володя из Воронежа. Неспешным шагом мы стали подниматься на горку, откуда открывался вид на

окружающие нас окрестности.

Внизу, в лощине, образованной холмами, стояли несколько кирпичных коробок: недостроенные казармы для гвардейцев Амина. Все здания были без окон и дверей, но под крышей. Чуть выше, на склоне холма прилепились штук пять-шесть глинобитных сараев. За казармами в небольшой впадине стояли БТРы «мусульманского батальона».

На холмах были выставлены несколько наших БМП и БТР, а также приданные нам «Шилки». Вообще-то, громоздкая машина на гусеничном ходу с четырьмя скорострельными зенитными пушками под названием «Шилка», приспособлена бить по воздушным целям. Внутри она под завязку напихана электронной аппаратурой, которая позволяет поймать в прицел и не выпускать из виду самолет. Но если «Шилка» шуранет, например, по танку, то может его перевернуть: такой силы огонь.

Дальше за холмами в лучах солнца возвышался Дворец. Он стоял на высоком скалистом холме с весьма крутыми склонами, вокруг которого серпантином вилась подъездная дорога. С прилегающей к Дворцу стороны дороги была видна кладка из огромных гранитных плит, какие-то двери, прямо в скалах были амбразуры. Это была настоящая крепость. Над Дворцом виднелся флагшток, но флага на нем не было. Значит, хозяин – Амин – в настоящее время отсутствует.

Вот солнце поднялось выше, и стекла на высоких окнах обращенного к нам полукруглого с колоннами торца здания вспыхнули золотом, слепя глаза.

– Да. Впечатляет. – сказал я.

– Слушай, а как же к нему подбираться? Пока дойдешь или доедешь – расстреляют, как в тире! – негромко проговорил Нурик.

С нашего холма мы видели, как у входа во Дворец копошатся люди в военной форме. Присмотревшись, заметили, что вокруг Дворца, а также по всему серпантину идущей к нему дороги расставлены посты.

Мы продолжали осматриваться вокруг и выяснили, что нас практически со всех сторон окружают афганские военные части. Прямо под нами, на той стороне холма, начиналось ограждение из колючей проволоки, а дальше виднелись военные бараки, какие-то вышки с часовыми. Правее стояли казармы гвардейцев. Левее, как нам сказали, располагалась артиллерийская часть афганцев. А за Дворцом стоял танковый афганский полк.

– Во попали! Кругом враги! – сказал Серега.

Через день откуда-то приехали грузовики, из которых выгрузили перевязанные веревками мягкие тюки. Это была зимняя афганская форма (из грубого ворсистого сукна, похожего

на наше шинельное), в которую нам всем надо было переодеться. Форму свалили в отдельную комнату. Рядом грудой навалили военные башмаки. Когда наша группа пошла подбирать себе форму, оказалось, что это не так уж и просто. Короткие куртки и брюки были раскроены и сшиты кое-как: одна штанина длиннее другой, застежки на рукавах с другой стороны и так далее. Кроме того, нитки были совершенно гнилые, и даже при примерке форма расползалась по швам. На ботинках подошва была очень хорошая, рифленая и даже на вид прочная. На ней стояла маркировка: «Made in Italy». Кожа на ботинках тоже была вроде бы неплохая, но сшиты они были ужасно!

– Наверное, наши хозяйственники перепутали и вместо нормальной обуви закупили «испанские башмачки* для комнаты пыток! – примерив ботинки, заявил Серега. – Я такие надевать не буду.

– Делать для армии такую одежду – прямая диверсия. Ведь ничего лучше даже придумать нельзя, чтобы вывести из строя солдат! – сказал я, рассматривая куртку. Чуть потянул материю – и сукно на глазах расползлось!

– Видно, на этом деле кто-то крепко нажился! Ведь наверняка заплачено было за нормальное сукно и хорошую форму.

Да… Воистину говорят: «Кому – война, а кому – мать родна.»

Мы перебрали половину огромной кучи одежды, пока выбрали себе более или менее прилично скроенную форму из не до конца сгнившего сукна. Потом до вечера сидели, как портные, с иголками и нитками, укрепляя швы. Ботинки брать не стали: просто взяли да и загнули насколько было возможно голенища наших сапог. Издали они теперь смотрелись вроде бы как высокие ботинки.

Через день заработала столовая: напротив казарм разбили три большие палатки. Одна – для офицеров, две – для солдат. Еда готовилась поваром «мусульманского батальона» улыбчивым Алишером из Азербайджана и дежурными по кухне из числа солдат. Правда, кулинарными изысками Алишер не блистал и кормил нас всех супами из концентратов и кашей-кирзой – обычное армейское меню. Видимо, на поддержание боеспособности «мусульманского батальона» все же были выделены какие-то деньги, потому что ко второму блюду подавалось закупаемое на местном рынке жесткое мясо какого-то неизвестного животного (мы решили, что это – мясо павших от старости или непосильной работы верблюдов), а на третье иногда давали апельсины.

Ребята из группы «А» жили в том же корпусе, что и мы, только на втором этаже. Они тоже переоделись в афганскую

форму, но их форма не шла ни в какое сравнение с нашей.

Ходили слухи, что эту форму они привезли с собой и что ее шили на заказ и с примерками на московской фабрике «Большевичка». Форма была хорошо подогнана. Сукно легкое, но крепкое и теплое. По внешнему виду весьма похожее на афганское, но гораздо лучшего качества. И нитки, конечно же, были не гнилые. А ботинки у них были – просто загляденье: из хорошей лоснящейся кожи, на крепкой и толстой подошве. Короче говоря, экипированы они были отлично. По сравнению с ними мы выглядели оборванцами-бомжами. Да и с едой у них дело обстояло получше: у ребят постоянно на столе была сухая колбаска, сахар, кофе, масло, овощи и фрукты. Чувствовалось, что о них заботятся по-настоящему. Держались они несколько обособленно и от нас, и от офицеров «мусульманского батальона».

Глава 29

А между тем наши ряды потихоньку пополнялись. Из Москвы прилетали ребята, с которыми я когда-то учился в «Вышке», бывшие КУОСовцы.

Стал пополняться и наш так называемый генеральский корпус. На втором этаже нашей казармы появились новые жильцы, которые вместе со своими адъютантами занимали отдельные помещения. А потом прилетел и наш самый главный командир – новый начальник Управления «С» Первого Главного Управления Дроздов Юрий Иванович. Все говорили, что он очень толковый мужик, настоящий профессионал. Имеет опыт боевых действий еще с прошлой войны. Дроздов оказался высоким худощавым человеком с удлиненным лицом. Он обошел все наши позиции. На вид приветлив, доброжелателен, со всеми здоровается, не гнушается побеседовать с младшими офицерами. Не то что генералы со второго этажа!

– Хороший мужик! – сделал вывод Серега Чернота. – Уж он-то спланирует все как надо! Чтобы все быстро и без потерь!

Титыч нам сказал, что старшим группы, которая будет дислоцироваться у Дворца, назначен Яша Семенов. Наша подгруппа под командованием Титыча остается в составе группы Яши. Задача нам будет поставлена отдельно.

– И еще, ребята, – сказал Титыч, – воздушный мост Союз – Баграм продолжает работать, самолеты с грузами идут постоянно. От нас в Баграм каждый день будут ходить колонны грузовиков: до десяти машин. Комбат попросил нас выделять каждый день по

два офицера, которые могли бы ходить с колонной туда и обратно. Ну, в общем, обстановка на трассе неспокойная, могут быть разные ситуации. Короче говоря, наши офицеры в случае чего должны грамотно организовать отпор противнику, отразить нападение, при необходимости – объясниться с местными постами. Основной груз, который будет перевозиться, – оружие, взрывчатка, боеприпасы. Ну и, конечно, продукты и так далее. Все ясно? Вот и хорошо. Определитесь с очередностью, и двое уже завтра утром после завтрака должны выезжать.

Сидеть без дела в казарме было очень скучно, поэтому я сразу же вызвался ездить с колоннами. Перед нами стояла задача – ни в коем случае не допустить досмотра наших грузовиков местными властями, вплоть до применения оружия.

– До этого, конечно, допускать нельзя, надо действовать убеждением. Если надо – угостите патрулей сигаретами, дайте консервов или еще чего-нибудь. В общем, выкручивайтесь как хотите! – так нас напутствовал сначала Титыч, потом Яша Семенов, а потом, перед самым выездом, и комбат «мусульманского батальона».

Кроме патрулей была еще опасность налета на колонну со стороны вооруженных отрядов оппозиции. Для возможного отпора на кузовах нескольких грузовиков под тентами установили автоматические гранатометы – короткие, с толстым стволом, штуковины на станинах с заправленными в ленты округлыми гранатами – очень эффективное средство против вражеской пехоты.

Мы выехали, когда солнце еще не показалось из-за гор, но уже было светло. По городу низко стлался пахучий дымок: народ топил печки древесным углем.

Этот дым печных труб, его запах вызывал в памяти детские ассоциации и ностальгические воспоминания. Вспоминалась какая-то поздняя осень, утро, туман, деревья с опавшей листвой, влажные разноцветные листья под ногами, запах дыма из печных труб и я – маленький, еще дошкольник. Мы с бабушкой идем на рынок за покупками. До конца нашей улочки нас провожает огромный полосатый кот Степка. Мы уйдем, а он терпеливо будет ждать нашего возвращения. Степка очень любил бабушку, а она всегда приносила ему с рынка что-нибудь вкусненькое. Когда бабушка заболела и ее положили в больницу, Степка не находил себе места, по ночам жалобно и тоскливо мяукал в сенях. Потом бабушка умерла, и Степка куда-то пропал. Только через несколько дней его нашли на нашем чердаке: он залез туда и, зарывшись носом в старое бабушкино пальто, умер от тоски. Господи! Как давно это было.

А между тем мы медленно катили по Кабулу. Несмотря на ранний час, на улицах уже был народ. Город жил своей обычной жизнью, не обращая никакого внимания на проезжавшие по его улицам военные грузовики с обтянутыми тентами кузовами. Никто и не знал, какую «подлянку» мы им всем готовим. Хотя простой бедный народ, наверное, был здесь настолько далек от политики, им, наверное, было все равно, кто стоял у власти: лишь бы давали жить, работать, торговать. Хотя нет! Революционные преобразования затронули здесь практически все сферы жизни. Как всегда, при любых политических изменениях цены на продукты неумолимо ползли вверх, а доходы населения падали. Конечно же, были и пострадавшие от смены власти, которые не хотели мириться со своим нынешним положением.

Мы миновали город и выехали на трассу. Никто нас не тормозил и не интересовался, кто мы такие, куда едем. Мы проезжали редко попадавшиеся у обочины шоссе бедные глинобитные поселки. Иногда приходилось снижать скорость, и тогда за машинами бежали грязные оборванные дети, которые что-то кричали и попрошайничали, протягивая руки.

Дорога до Баграма была достаточно скучная и однообразная. Никто на нас не нападал, так что доехали мы без приключений.

На авиабазе в течение двух часов мы загрузились тяжеленными ящиками, в которых, судя по всему, было оружие и боеприпасы. Сверху прямо на ящики набросали разобранные солдатские металлические койки, матрасы, узловатый саксаул, которым мы топили наши буржуйки.

На обратном пути тоже все было спокойно. В Кабуле мы посетили несколько объектов, где частично разгрузились. Часть зеленых ящиков, в которых, как оказалось, были карабины СКС и патроны, мы сгрузили на нашей вилле неподалеку от посольства. И теперь здесь жили ребята из нашего «Зенита». Их было много, все комнаты были перенаселены. Ящики с карабинами затащили в обширный подвал виллы. Ребята сказали, что это – оружие для патриотически настроенного местного населения, которое вот-вот поднимется на борьбу с режимом Амина… Кое-что завезли еще и на другие объекты.

К своим казармам подъехали уже, когда стемнело. У КПП при въезде на территорию Дворца нас остановили гвардейцы, но через пару минут беспрепятственно пропустили.

А тут наступил наш профессиональный праздник – 20 декабря. В этот день по всему Союзу сотрудники КГБ празднуют День ЧК. Дома мы обычно вечером вместе с женами шли в ресторан, заказывали хороший стол. Водочка шампанское, салат «оливье», закусочки, бифштекс или лангетик. Потом мы меняли

ресторан, и все повторялось, потом ехали к кому-нибудь домой и там продолжали.

А здесь оказалось, что не только поесть вкусно, но даже и рюмочку опрокинуть не удастся: водка уже давно кончилась. Но оказалось, что Виталик из Ленинграда припрятал бутылку водки и бутылку сладкого вина для своего дня рождения, которое должно быть у него в начале января.

– Ха! В январе! До января еще дожить надо… – авторитетно заявил Серега.

– Это точно, давай, вытаскивай, а то протухнет! В январе, если будет все хорошо, еще достанем! В крайнем случае, купим у лавочников «вискаря», – поддержали мы Серегу.

Под дружным напором Виталик сдался и извлек на свет божий заветные предметы.

Под сухие галеты, под разогретую на буржуйке кашу из сухпайка мы выпили из железных кружек за нашу «контору», за наше здоровье, за здоровье наших родных и близких, за удачу и «успех в безнадежном деле». Выпить всем досталось буквально по капельке, но дело ведь не в количестве, а в традиции! Праздник – он и есть праздник.

Время от времени наши командиры ездили в посольство на какие-то совещания. У меня уже давно зрела мысль как-нибудь вырваться вместе с ними, чтобы помыться и постираться. Наконец выдался случай, и я, переодевшись в гражданскую одежду, выехал на УАЗе в посольство в качестве сопровождающего. Я заранее отпросился у Титыча, предупредил Яшу Семенова о том, что задержусь в посольстве. Мы договорились, что из посольства я приду на нашу виллу № 1 – это там, где мы летом жили, – и буду дожидаться машину, которая придет туда часов в семь вечера. С этой машиной я и вернусь в казармы.

Глава 30

В посольской школе, которую мы в свое время осваивали под казарму было полно пограничников. Они здорово благоустроились, даже завели себе душевую комнату. Я тут же вспомнил вздорную старуху-послицу. Вот, наверное, переживает: кругом грязные солдаты-мужики! Не школа – а прямо-таки казарма! Я быстро договорился с дежурным комендантом и с огромным удовольствием помылся, постирал носки, майку и трусы. Ребята угостили чаем.

Чистый, освеженный, я вышел из школы и глубоко задумался. Для полного счастья не хватало одного: хорошо и крепко поесть.

Обед я и так уже пропустил. Поесть можно было бы в городе. Ну что ж, поедем в город, будем есть шашлыки.

Я вышел к воротам посольства и дождался выезда очередной машины. Договорился с водителем, который и подвез меня до Даруль-Аман и высадил на кругу около той самой лавки, где летом я видел на витрине офицерские фуражки и кителя. Рядом был дукан, туда я и направил свои стопы.

Народу внутри было немного. Диким женским голосом орал индийские песни магнитофон, пахло шашлыками, какими-то тошнотворными благовониями, керосином и немного анашой. Шашлыки здесь делали мелкие: несколько хорошо прожаренных маленьких кусочков свежей баранины на коротком, не более двадцати сантиметров, металлическом шампуре. Мой аппетит возрастал с каждой минутой. Давненько я не лакомился жареным мясом! Поэтому я заказал пару бутылок «Кока-колы» и сразу двадцать шампуров. Дуканщику показалось, что он ослышался, и он несколько раз переспросил меня. Я подтвердил цифру по-английски, для верности показал на пальцах: двадцать!

Весь дукан широко открытыми глазами смотрел на меня, когда мне принесли на большом подносе целую груду полузавернутых в широкий лаваш дымящихся шашлыков. Я огляделся вокруг и увидел, что у всех посетителей на тарелке самое большое – два-три шампура. Поэтому они на меня так и глазели. Ну и ладно. Ваше здоровье, ребята!

Потом я заказал еще десять шампуров.

Через полчаса совершенно разомлевший и в прекрасном расположении духа я наконец вывалился из дукана.

На улице уже начинало темнеть. Шел дождь со снегом.

Я пошел пешком вдоль проспекта Дар-уль-Аман. Вскоре я обнаружил, что все вокруг пахнет какой-то тухлятиной. Поводил носом и обнаружил, что запах идет от меня, вернее, от моей купленной еще летом афганской дубленки. Под дождем она вся намокла и стала источать такой мерзкий запах, что хоть святых выноси! До нашей виллы идти было еще достаточно далеко. Я ускорил шаг. Тошнотворный запах усиливался. Что делать? Может, скинуть эту гадость с себя и бросить вон в тот арык? Я уже начал расстегиваться, но тут вспомнил, что под дубленкой на мне красный свитер, а поверх него подмышечная кобура с пистолетом, причем кобура на белых ремнях. Оглянулся вокруг. Кругом народ. Зайти бы в какой-нибудь подъезд, чтоб расхомутаться с кобурой, да какие тут подъезды: по одну сторону какие-то дуканы, по другую сторону проспекта – виллы. Вот черт! Придется идти так.

Наконец, мокрый насквозь, вконец продрогший и злой как черт, я добрался до виллы. Обидно: так хорошо все начиналось, и

вот концовка вся смазана.

Первым делом скинул проклятую дубленку. Прошел на кухню. Там кто-то из ребят, исполняя обязанности дежурного по кухне, готовил еду.

– Мужики, где бы мне развесить дубленку, просушить...

– Да вешай прямо здесь, около буржуйки!

Я так и сделал. Ребята налили мне кружку горячего чаю, и я вышел в холл, где стоял большой обеденный стол. Я замерз, как собака, ноги промокли, всего колотило. Горячий чай был весьма кстати.

Тут со второго этажа в холл спустился какой-то человек, остановился и стал меня весьма недоброжелательно рассматривать. Я мельком взглянул на него: вроде бы незнакомый, по возрасту старше наших бойцов и явно не из «силовиков». Снабженец или хозяйственник? Я из вежливости кивнул ему:

– Здрасте.

Тот ничего не ответил, повернулся и пошел на кухню.

– Эт-т-то что такое? – услышал я с кухни раздраженный голос.

– Да вот, парень наш, из дворцовской охраны, дубленку свою сушит... Он в городе был, за ним машина должна подъехать.

– Кто разрешил пускать посторонних на объект, да еще на кухню? Кто разрешил развешивать здесь всякое тряпье! Здесь продукты! А ну, скидывай эту дубленку и гони в шею отсюда всех посторонних!!!

Я с удивлением слушал эти крики. Что это? Это про меня говорят, что я посторонний? Про меня, который прожил на этой вилле почти два месяца, причем тогда, когда и духа этого крикуна в Кабуле не было! Ни фига себе, порядочки здесь установились!

Из кухни вышел парень, который готовил еду, и смущенно сказал мне:

– Слышь, старик, шумят тут. уходить тебе надо, и забери свою дубленку.

– А кто это так шумит? – демонстративно громко поинтересовался я, наливаясь злобой. Вообще-то, я человек очень спокойный и сговорчивый, но иногда бывают моменты, когда сдержаться трудно.

Из кухни выскочил тот самый неприветливый, с которым я поздоровался пару минут назад. Он решительно подошел ко мне вплотную, видимо, ожидая, что его почему-то должны бояться, и вызывающе, с какой-то угрозой почти выкрикнул:

– Я!

– Ну и что случилось? Чего ты шумишь, мужик? – с тихой

яростью спросил я, глядя на него снизу вверх и чувствуя, что меня понесло. Как перед дракой, в кровь вспрыснулся адреналин и внутри все потеплело.

– А ну, выметайся отсюда сейчас же! И тряпье свое забирай! – заорал незнакомец.

Я встал и угрожающе прошипел:

– А пошел бы ты.

При этом я чуть приподнял правую руку с растопыренными как бы для удара в глазницы пальцами. Выразительность тона и чистота движения убедили незнакомца в решительной искренности моего боевого настроя. Он изменился в лице, повернулся и молча пошел к лестнице.

Я отвернулся от него, сел за стол и начал прихлебывать из кружки.

– Ты что натворил! – подбежал ко мне парень с кухни.

– А что такое?

– Да это же командир нашей группы!

Это сообщение меняло дело. Командир объекта в принципе, вправе распоряжаться на своей территории. Но мне отступать было некуда.

– Ну и фиг с ним. Мне – он не командир! У меня свое начальство! И потом, какого хрена он выгоняет на дождь! Видит же, что я промок и замерз! Тоже мне, нашелся.

Сзади послышался топот ног, в холл с лестницы скатилось несколько ребят с автоматами. Возглавлял их мой обидчик.

– Вон он! – крикнул он и благоразумно стал в сторону.

– О! Кого я вижу! – воскликнул один из автоматчиков.

– Юра! Привет! И ты здесь? – отозвался я.

– А где мне еще быть! Мы же вас сменили в сентябре! Вот до сих пор здесь сидим. А ты сейчас где?

Юра, с которым мы учились в свое время в «Вышке» на параллельных курсах, присел рядом со мной, автомат положил на лавку. Ребята стояли вокруг, прислушиваясь к нашему разговору. В это время с улицы послышался гул мотора, затем просигналил клаксон: подъехала машина.

– Ребята, это – за мной! – сказал я.

Приехавший грузовик здорово разрядил обстановку, все облегченно вздохнули. Я забрал с кухни немного подсохшую (но не переставшую издавать мерзкий запах) дубленку.

– Ну, до свидания. Спасибо за приют. Увидимся.

Командир объекта молча отвернулся.

Забегая вперед, скажу, что через четыре года, когда я уже работал в Москве в центральном аппарате, оказалось, что этот командир живет недалеко от меня. Мы вместе ждали на

остановке наш маршрутный автобус и мирно беседовали о делах минувших, по обоюдному молчаливому согласию не вспоминая этот конфликтный эпизод.

На следующий день мы поехали отвозить все наши гражданские вещи в посольство.

После того как все переоделись в афганскую форму, весь этот скарб был пока вроде бы ни к чему. Вот-вот должен был поступить приказ о начале боевых действий. Мы все должны быть налегке.

Глава 31

И вот наконец наступил этот день – 27 декабря 1979 года.

Уже с ночи мы знали, что сегодня будет операция. Только не знали, когда именно, во сколько. Сначала говорили, что акция начнется прямо после обеда, часа в три. Называли и другие сроки. В любом случае мы были ко всему готовы, и время выступления для нас уже не имело ни малейшего значения. С самого начала было ясно, что мы должны будем брать этот Дворец. И задачи уже поставлены, и группы определены. Например, мы, то есть группа Голубева, должны захватить первый этаж. Там стоят в кабинетах сейфы с документацией. Это – наша цель. С документами будет разбираться Мусаич со своим напарником: они подтянутся во Дворец после того, как мы дадим им сигнал, что все в порядке. Кроме того, мы должны помогать по возможности и другим группам сломить сопротивление, если таковое будет.

Меня все время донимала мысль: как же мы будем штурмовать Дворец, не зная, что там внутри. Ни плана, ни просто схемы у нас не было. Чудно все это.

На завтраке я решил про себя, на всякий случай, сегодня едой себя не перегружать: мало ли что может случиться? А вдруг (не дай Бог, тьфу-тьфу-тьфу – через левое плечо, стук-стук-стук – по деревянному прикладу автомата!) ранение в живот? Поэтому я просто попил тепловатого чаю и съел кусочек лепешки. Все. Хватит. Посмотрел по сторонам, гляжу: ребята тоже не особо налегают на еду.

Потом мы сидели в нашей комнате, чистили оружие, набивали патронами запасные автоматные рожки, разбирались с амуницией.

Из посольства нам прислали водку. Да какую! Это были красивые бутылки с «винтом» и черной наклейкой «Посольская». Несколько бутылок принесли в нашу комнату.

– Ух ты…

– Вот это – жизнь! – Глубокомысленно заявил Саша Иващенко.

А я подумал про себя: если принесли водку – значит, все свершится сегодня. Хотя кто знает? Я вспомнил, как мы сидели летом во дворе посольства и ждали команды на захват Амина. Тогда нам тоже выносили водку. А операция так и не состоялась.

Стало вечереть. Титыч куда-то исчез, а затем вернулся в сопровождении четырех солдат, которые стали затаскивать в нашу комнату и складывать у стены бронежилеты.

– Ребята, разбирайте брони! – скомандовал Титыч. Кстати, таких бронежилетов я никогда позже не видел. Тяжеленные, с большим вырезом на груди – как декольте! Спина не защищена. По бокам – шнурки, которые надо завязывать. Поверх металлических пластин эти бронежилеты были покрыты каким-то темным материалом со швами, как на телогрейке. Почти все жилеты оказались коротковаты: нижняя передняя часть не доставала до паха.

– Эх, коротка кольчужка! – сказал рослый Серега, примеривая бронежилет.

Жилет был тяжелый и сковывал движения. Поверх него кое-как натянул куртку. Потом надел поясной ремень со всеми подсумками, с рожками для автомата, с гранатами, с пистолетом в кобуре, со штык-ножом, с саперной лопаткой. Да. Как же двигаться в таком снаряжении? Но делать нечего: надо привыкать! Через полчаса я вроде бы как-то пообвыкся.

Зашел Титыч.

– Ребята, чтобы своих не пострелять, решено на правый рукав каждому из наших надеть белую повязку. Так что давайте, делайте.

Попробовали сделать повязку из бинта – ерунда получается. Нужно столько бинта намотать на рукав, чтобы издали такая повязка выглядела белой!

– Мужики, давайте сделаем повязки из простыней! – подал кто-то идею. Мы стали ножами резать простыни и делать повязки.

– А может, повязать на обе руки?

– Ага, еще на ноги и на голову!

Но все-таки мы повязали белые повязки на каждую руку: береженого Бог бережет!

Наконец Титыч озабоченно посмотрел на часы и сделал знак в сторону лежащих на крайней койке бутылок.

– Орлы! От винта! Есть от винта! – потирая ладони, оживленно крикнул Саша Иващенко.

Хозяйственный Усман, добродушный, начинающий полнеть опер из Туркмении, который с самого начала добровольно взял на

себя обязанности, как он говорил – «буфетчика», стал колдовать над жестяными кружками. С серьезным видом, преисполненный сознания многозначительности и торжественности момента, он разливал по кружкам водку, отмеривал, подливал: чтоб всем досталось поровну.

– Ну, давайте побыстрее разбирайте кружки, – сказал Усман, – а то на всех посуды не хватает!

Держа в руках кружки, все повернулись к Титычу, как к старшему. Тот откашлялся и произнес внезапно осевшим голосом:

– Удачи вам всем, ребята!

Чокаясь, молча сдвинули кружки. Выпили. Водка была холодная, наверное, качественная, но я не почувствовал ее вкуса.

В это время полог прикрывавшей вход плащ-палатки откинулся и в комнату зашел Григорий Иванович Бояринов. За ним Борис Степанович Плешкунов – большой практик и знаток минно-взрывных устройств.

Бояринов был одет в потертую коричневую кожаную куртку и синие летные штаны. На голове – спецназовская шапка с козырьком. Через плечо был перекинут ремень деревянной кобуры со «стечкиным». Вид у него был недовольный, движения торопливы.

– Как дела? Вы готовы? Почему не получили «Мухи»? Немедленно пошлите кого-нибудь наверх, возьмите по две на каждого!

Кто-то из ребят выскочил в коридор, побежал на второй этаж, где в торце темной комнатушки были сложены одноразовые гранатометы с безобидным названием «Муха».

Бояринов внимательно обвел всех присутствующих испытующим взглядом.

– Как настроение?

– Боевое, товарищ полковник!

– Молодцы! Скоро уже начнем. Главное: когда начнется стрельба – не стойте на месте как мишени! Постоянно надо передвигаться! Помните, чему мы вас учили.

– Григорий Иванович, давайте с нами... – предложил Александр Титович, кивнув на кружки.

– Нет, ребята, спасибо, я уже...

– Григорий Иванович, давайте по чуть-чуть! – загалдели мы.

– Ну ладно... – Он взял кружку. – Вот! Как на фронте: наркомовские сто грамм!

– Ну, что. – Григорий Иванович опустил голову, помолчал. – Давайте выпьем за то, чтобы завтра утром всем нам за таким же. может быть, чуть побогаче, столом. в том же составе. – он обвел нас взглядом и продолжил, чуть повысив голос: – .в том же

составе встретиться вот здесь и поднять тост за нашу победу! Удачи всем!

Глава 32

Зимние дни короткие. Когда я вышел из казармы, было уже совсем темно. Небо было затянуто темными тучами, звезд не было видно. Дворец возвышался на своем холме, освещенный прожекторами.

Все было вроде бы, как всегда. Однако каждый понимал, что сегодня должно случиться нечто из ряда вон выходящее. Именно сегодня, 27 декабря 1979 года, горстка бойцов в чужой стране, без тылов, без прикрытия, без хорошей огневой поддержки должна была захватить столицу чужого государства. Не только захватить все важные государственные объекты, но и суметь продержаться, обороняя их, до подхода основных сил.

Сколько нас шло на штурм Дворца? Из отряда «Зенит» нас было всего человек двадцать пять. И столько же бойцов из группы «А», которая на этой операции значилась как группа «Гром». Да человек двадцать пять солдат и офицеров «мусульманского батальона» – в основном, механики-водители бронетехники, стрелки-операторы. И бронетехника: четыре поношенных БТРа и четыре БМП. Еще было прикрытие: на горках сидели снайпера, гранатометчики, которые должны были прикрывать нас огнем.

БТРы «мусульманского батальона» уже выстроились в колонну. Фары потушены, двигатели работают. Возле складских помещений в ряд стояли грузовики с установленными на кузовах пулеметами и автоматическими гранатометами. По двору бегали связисты, тянули куда-то провода. Со стороны наша казарма казалась пустой и нежилой. Только приглядевшись, можно было увидеть, что кое-где в окнах, прикрытых изнутри плащ-палатками, виднеются полоски света.

Я докурил «Приму» и снова вернулся в комнату. Почти вслед за мной вошли несколько незнакомых нам людей в гражданских пальто и шляпах. Они поздоровались со всеми, пожали руку Титычу, о чем-то вполголоса с ним переговорили.

– Ребята, все сюда! – позвал Титыч.

Один из незнакомцев развернул на табуретке план-схему.

– Смотрите все внимательно и запоминайте! – сказал он. Это был план Дворца. «Ну, наконец-то», – подумал я.

– Задача вашей группы: захватить и полностью «очистить» первый этаж Дворца. Вот центральный вход. Вот вход с противоположной стороны. Вот, смотрите, коридоры. служебные

помещения. здесь лестничный пролет. вот еще один. На первом этаже. вот здесь. стоят несколько железных ящиков, или, скажем, сейфов. С документацией. Вот здесь. и здесь. Вот в этом кабинете тоже. После того как проведете полную зачистку – вам будут помогать все, – ваша группа берет под охрану эти сейфы и вообще все, что находится здесь. Это задача первого этапа. Потом часть группы, смотря по обстановке, возможно, будет оказывать помощь в зачистке второго этажа. Задача понятна?

– Понятна.

– Остальное знает Александр Титович, который дополнительно будет давать указания по другим этапам операции, сообразуясь с обстановкой. И еще. Когда войдете внутрь, из окон не высовываться: их будут «обрабатывать» с внешней стороны боевые машины и снайпера. И обратно до завершения операции и соответствующего сигнала не выходить. Всех, кто высовывается, будут «снимать». Смотрите, своих не перебейте… Ясно?

– Ясно.

Снова вышли покурить во двор. На темном небе – ни звездочки. Ветер гнал тяжелые снеговые тучи.

– А что, – начал было Усман, – может, завтра уже кого-то недосчитаемся.

Серега резко оборвал его:

– Кончай болтать, накаркаешь.

Но каждый про себя подумал: а что, вполне возможно.

– Во сколько начало? – спросил кто-то из ребят.

– Я слышал, что вроде бы в семь…

К нам подошел Мусаич. Его работа будет потом: когда мы захватим Дворец, Мусаич будет разбираться с трофейной документацией.

– Ребята, не бойтесь, все пройдет тихо и гладко. – потихоньку сказал мне Мусаич.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Оттуда… – уклончиво ответил Мусаич. – Амина уже нет в живых! Понял? Его уже, – он посмотрел на часы, – два часа, как отравили!

– Кто?

– А ты не догадываешься? В общем, они сопротивляться практически не будут. Там наши доверенные лица среди охраны, в общем, они там всех своих подработали. Они будут сдаваться без стрельбы!

– Правда, что ли?

– Ну, что я тебе врать буду! Вы там поаккуратнее, зря не стреляйте.

Вот, значит, какие дела! Да, видимо, наша резидентура не сидела здесь сложа руки. Смогли подработать гвардейцев. Сумели отравить Амина. Молодцы, если все так, как говорит Мусаич. Вообще-то, у Мусаича связи – дай Бог каждому! Видимо, в резидентуре у него работает какой-нибудь земляк, который и нашептал ему. Ну что ж, если так, то это очень хорошо!

Вдруг все вокруг засуетились, к нам подбежал Володя Быковский и сказал, что всех срочно собирает Титыч. Мы бегом бросились в комнату.

– Ну все, ребята! – твердо сказал Титыч. – Давайте по местам. Будьте осторожны, берегите себя!

Толкаясь, мы побежали по коридору во двор к своему БТРу номер сто двенадцать. А я опять посмотрел на Дворец, который празднично сиял в ночи в свете прожекторов. Флаг у центрального входа был поднят. Значит «сам» – на месте. И увидел, что маленькие фигурки у его подножья вдруг забегали, засуетились, а потом. исчезли! Мелькнула мысль: неужто произошла утечка информации, и они готовятся к обороне? Нет, что-то не верится мне, что все обойдется без крови. Так не бывает!

Глава 33

А в это время группа наших ребят, которые свою основную задачу на этот день уже отработали, возвращалась на виллу.

Только что на виду у всех они заложили тридцать шесть килограммов взрывчатки в коммуникационный колодец в самом центре Кабула, напротив Дворца Арк. Взрыв должен разметать в клочья все кабели и полностью прервать телефонное сообщение в городе, оборвать связь Кабула с внешним миром. Пока переводчик отвлекал внимание патрульных солдат, наши ребята, под видом ремонтных рабочих, втащили в колодец два рюкзака со взрывчаткой, удачно все там расположили и поехали уже обратно. Но вовремя спохватились: забыли запустить замедлитель. Пришлось снова возвращаться.

Заряд должен был взорваться в девятнадцать часов пятнадцать минут. Все озабоченно посматривали на часы. А вдруг не сработает? Не дай Бог! Тогда провал!

УАЗ уже заехал в ворота виллы, ребята вышли из машины, и, в это время грохнуло. Да так, что окна в вилле зазвенели! Сработало! Точно в семь пятнадцать!

Тут откуда-то из города до нас долетел приглушенный расстоянием звук сильного взрыва. В небо взвились сигнальные

ракеты.

Все! Пора!

Мы быстро заняли свои места в БТРе.

По рации прозвучала команда: «Вперед!». Механик-водитель поддал газку, БТР качнулся, взревел двигателями и покатился в низину, отделяющую нас от Дворца.

Тут же раздался душераздирающий рев «Шилок» – они били с горок поверх наших голов, – и отчетливо были слышны разрывы. Начался обстрел Дворца. Заработали наши гранатометчики, пулеметчики и снайперы, засевшие на ближних холмах.

Я посмотрел вперед, через незакрытые заслонками лобовые стекла машины и увидел, как вокруг ярко освещенного прожекторами Дворца и на его стенах вспыхивают неправдоподобно красивые багрово-красные бутоны разрывов.

– Эй, сержант! – стараясь перекричать рев двигателей, заорал я, обращаясь к сидящему впереди командиру машины. – Скажи водителю, чтобы закрыл заслонки, а то ведь через окна и залететь что-нибудь может!

Видя, что сержант не слышит меня, я толкнул Быковского:

– Володь, скажи, чтобы водила заслонки закрыл, поубивают ведь до срока!

Поняв, что от него хотят, сержант обернулся и прокричал в ответ:

– Я ему уже говорил, а он не хочет! Он ни разу не ездил с закрытыми заслонками! Говорит, что через триплекс плохо видно!

– Я сейчас башку ему оторву, вообще ничего не увидит больше! – сделав свирепое лицо, крикнул я. Стволом автомата (иначе не достать) я ткнул механика-водителя в спину:

– Закрой заслонки, идиот! Водила понял и опустил заслонки.

БТР сильно сбавил ход, почти остановился, затем, резко дернувшись, пошел снова. Начался подъем.

Нервно ерзавший напротив меня Сашка вдруг повернулся боком, открыл стрелковую бойницу и заглянул в нее. Было видно, что нервы у него на пределе, ему хотелось что-то делать: не сидеть сложа руки, а действовать.

– Мужики! Огонь! – вдруг заорал он, сунул наружу ствол автомата и начал палить в темноту. Горячие гильзы веером разлетались по тесному и слабо освещенному чреву БТРа, ударяясь о металлические переборки, обжигая руки и лица.

Куда он стреляет? В кого? Ведь ни черта не видно! Нервишки подвели?

– Сашка! Прекрати! Ты что, с ума сошел? Куда палишь? Своих перебьешь!

Это Серега отдирал его от бойницы.

Сидящий прямо перед нами с Володей стрелок БТРа бешено крутил свои ручки, что-то выцеливая своим КПВТ.

Сержант, прижав к уху наушники, напряженно вслушивался в переговоры командования.

– Стрелок, огонь по зданию! – озвучил он прошедшую по всем машинам команду.

Тут же загрохотал крупнокалиберный башенный пулемет.

Уже некоторое время я ощущал, что по броне БТРа что-то молотит, вроде бы как град пошел. И тут я сообразил: это же пули бьют! По нам стреляют, вернее сказать, нас просто-напросто поливают свинцом. Видимо, это пулеметы. Хорошо хоть, что не крупнокалиберные, не ДШК, иначе нам всем здесь была бы хана.

Поездка казалась мне нескончаемо долгой. Мы притормаживали, потом резко трогались. Что там снаружи творится? Когда же мы доедем? Скорей бы!

Тут мы в очередной раз остановились. Тронулись. Снова остановились.

– К машине! – округляя глаза, закричал сержант, оборачиваясь к нам. – По рации сигнал: «К машине»!

Вот и началось!

Сердце екнуло, на секунду как бы остановилось, запнувшись, а потом, как двигатель после переключения на повышенную передачу, учащенно забилось. Внезапно стало тепло, даже жарко, во всем теле вдруг почувствовалась легкая дрожь, прилив сил, свобода движений. В голове что-то зазвенело, а потом стало пусто-пусто… Я понял, что мое подсознание, уловив опасность, в срочном порядке отключило мозговые центры, ведающие за различного рода теоретическую информацию и вопросы, прямо не относящиеся к предстоящей практической стычке, и впрыснуло в кровь лошадиную дозу адреналина. Активно заработал животный инстинкт самосохранения: насыщенная адреналином кровь легко сворачивается при ранениях. В состоянии боевой готовности организм легко переносит самые нечеловеческие испытания и перенапряжения.

– Вовка, открывай люк! – возбужденно заорал я. Володька откинул верхний люк.

– Только не толкайся! – с озабоченным лицом попросил он меня. Он полез в люк и. застрял! Я рассмотрел, что он зацепился ремнем автомата за какой-то выступ, быстро высвободил ремень и сильно наподдал Володьку плечом под зад. Он вылетел как пробка из бутылки шампанского. Как я сам выбирался из люка – не помню, но, видимо, проделал я это очень быстро. При десантировании из машины мне да и Володьке повезло.

В это же время из соседнего БТРа через верхний люк под

градом пулеметного дождя выбирался жилистый и юркий Борька Суворов.

Ему-то как раз и не повезло: автоматная пуля калибра 7,62 попала ему в пах. Прямо под нижний обрез бронежилета. Действительно, коротка кольчужка оказалась. Он свалился под колеса БТРа, прополз несколько метров, выдернул из кармана индивидуальный пакет и даже попытался перевязаться. Но шансов выжить у Борьки практически не было. Он почти сразу потерял сознание, и густая, горячая кровь, пропитав обмундирование, выплеснулась на бетонные плиты дороги...

Опомнился я только у какого-то небольшого – не более полуметра – каменного парапета.

Осмотрелся. Наши залегли вдоль парапета. От своего БТРа я отбежал метров на десять – пятнадцать. Вся наша колонна как-то смешалась. Впереди, перегородив дорогу, дымил БТР. Прямо за парапетом – Дворец, ярко освещенный прожекторами.

«Во, дураки! Даже освещение не выключили!» – подумал я о гвардейцах. Володька Быковский притулился рядом. Кругом пальба: не поймешь, кто куда стреляет! То и дело рядом что-то оглушительно хлопало, взрывалось. Тут же заложило уши. Черное небо все было исчиркано разноцветными трассерами. Трассирующие пули описывали широкие дуги, и было непонятно, откуда и в какую сторону они летят. Стреляли обороняющиеся из окон Дворца, стреляли наши по Дворцу, неизвестно кто и по кому (наверное, по нам?) стреляли откуда-то снизу и сбоку. С небольшими перерывами на перезарядку продолжали долбить «Шилки», и от стен Дворца на нас сыпались осколки снарядов и гранитная крошка.

В огромных полутемных окнах Дворца трепещут ярко-красные бабочки: бьют пулеметы, догадался я. Наверное, поставили сошки «ручников» на подоконники и лупят!

– Где хоть этот вход? – крикнул мне на ухо Володька.

– А фиг его знает!

Я чуть приподнялся над парапетом. Вон он, вход во Дворец! Он был от нас метрах в пятидесяти, может, чуть больше.

– Поползли! – крикнул я Володьке и, стараясь не высовываться из-за парапета, ползком двинулся вперед. Я переваливался через ничком лежащие тела (убитые, что ли?), под руки то и дело попадались какие-то округлые камни. Я взял один из них и поднес к глазам. Елки-палки, да это же были гранаты! Точно, округлые РГ-42 нашего производства! Причем с капсюль-детонатором и, без чеки!

Это ж гвардейцы в нас кидают из окон, сообразил я. И почему-то некоторые гранаты не взрываются! Может, потому, что

старые? Ну и слава Богу! А вообще-то, очень неприятно ползти по гранатам с выдернутыми чеками. Все это нервирует.

– Пригнись! – заорал Володька.

Мы ничком пали на землю, а по самой кромке парапета, брызжа гранитной крошкой, прошла плотная пулеметная очередь, противно завизжали рикошетные пули. Вот бы зарыться поглубже, что там этот парапетик, сверху мы как на ладони видны!

– Надо ползти, Володь! На одном месте будем лежать – убьют!

Огонь стал плотнее: головы не поднять. Мы продвинулись еще метров на пять.

Высунув автомат поверх парапета, я, не целясь, выпустил длинную очередь в сторону Дворца. Выглянул. Прямо передо мной, метрах в двадцати, наверное, высилась белокаменная стена Дворца. Из высокого окна (стекла начисто выбиты, остались только рамы) бил пулемет. Мне был виден только его сотрясающийся ствол, на кончике которого трилистником бешено бился огонь.

Во, гад! Шурует без задержек! Я с трудом совместил прорезь целика и мушки – в полутьме не разглядеть, – прицелился и стал стрелять короткими очередями по окну, стараясь попасть в простенок, чтобы рикошетными пулями достать пулеметчика. Я быстро освоился и теперь уже стрелял просто навскидку. Мои очереди отчетливо были видны: я сам набивал магазины – каждый второй патрон – трассирующий. Я видел огненную струю и теперь направлял ее туда, куда мне было надо!

В соседнем окне мелькнуло что-то, и я немедленно всадил туда очередь. Больше там никто не появлялся. И снова стал бить по пулемету.

Внезапно автомат перестал стрелять. А, черт! Магазин кончился! Я прижался к парапету, отщелкнул пустой магазин, вытащил из подсумка новый, всадил его в гнездо, передернул затвор.

Рядом со мной я заметил солдата из «мусульманского батальона». Он лежал ничком, закрыв голову руками. Рядом валялся пулемет. Убитый?

– Э, парень! Жив? – я толкнул солдата в плечо.

– Жив! – отозвался солдат.

– Ранен, что ли?

– Нет.

– А чего же не стреляешь?

– У меня пулемет сломался. Не стреляет.

Я ухватил за сошку пулемет и подтащил его к себе, выставил ствол над парапетом и нажал на спуск. Действительно не

стреляет. Я дернул затвор – из патронника вывалился патрон. Нажал на спуск еще раз. Пулемет коротко взлаял, дернувшись в руках. Наверное, патрон на перекос стал, вот его и заело.

– Все работает! На, держи! Бей вон по тому окну!

И мы заработали в четыре руки. Вдруг пулемет в окне пропал. Неужто пришибли? Нет. Заработал снова.

– Слушай, давай гранатами!

Солдат осел за парапет, завозился, вытаскивая из подсумка гранату.

– Ну, готов? Давай на счет «три»! Раз... два... три!

Мы приподнялись и швырнули РГДэшки в окно. И оба не попали. Моя граната, ударившись в нижний край рамы, упала вниз и разорвалась на земле, а граната «мусульманина» ударилась о стену на уровне первого этажа, тоже упала на землю, но взрыва не последовало.

– Чеку, что ль, забыл снять?

– Ага!

– Давай еще!

На этот раз одна граната рванула прямо на подоконнике, а вторая залетела внутрь и разорвалась в помещении. Из окна вывалился пулемет, а за ним – темная фигура.

– Оп-па! – заорал я. – Как мы его уделали! Молодец! Мне казалось, что с того момента, как мы покинули БТР, прошло несколько часов, хотя, скорее всего, это время исчислялось всего лишь минутами. Но какими!

Глава 34

А в это время наши ребята уже входили в здание министерства внутренних дел. Они подъехали сюда на двух УАЗах. Почти беспрепятственно вошли в холл. Переводчик поздравил ошалевших дежурных офицеров со «вторым этапом Апрельской революции» и сообщил, что «кровавый режим Амина пал». Посоветовал оставить на рабочем месте оружие и уходить домой. Ребята пожали руки онемевшим офицерам и двинулись дальше. В это время вдоль коридора вдруг оглушительно громко (в замкнутом пространстве!) загрохотал пулемет. Очередью перебило оба бедра у Толика Муранова, и он упал как подкошенный. Наши ринулись вперед, кто-то швырнул внакат по полу гранату.

– Ложись!!!

Граната закатилась в приоткрытую дверь, из которой стрелял пулемет. Раздался взрыв. Дверь слетела с петель. Облако пыли,

запах сгоревшей взрывчатки. Ребята взялись за автоматы. В небольшой комнатушке валялся опрокинутый взрывом письменный стол, покореженный ручной пулемет, на полу корчился офицер с погонами капитана полиции. Короткая автоматная очередь помогла офицеру расстаться с этим миром. Послышалась стрельба с лестницы, идущей на второй этаж, и пули защелкали совсем рядом, отбивая штукатурку со стен.

– Мужики! Не стоять! Вперед!

Ребята, петляя, насколько позволял узкий коридор, помчались к лестничному пролету, поливая наугад из автоматов.

А Толя Муранов, как оказалось, уже умирал от болевого шока и от потери крови. Он лежал на боку, и из онемевших пальцев вывалился так и не разорванный индивидуальный пакет.

До входа во Дворец мы пока так и не добрались. Застряли на одном месте. Но теперь до него было не так уж и далеко. Выглянул и увидел, что полосатая караульная будка горит, а светлая «Волга» вся в дырках. «Жалко, хорошая машина была.» – мелькнуло в голове.

Справа от меня стрелял по окнам Володька Быковский. Левее тоже непрерывно бил автомат. Я оглянулся: в отблесках яркого пламени от горящей будки прямо на открытом месте, на виду у всех стоял на одном колене какой-то боец из группы «А» и, как в тире, короткими очередями бил по окнам Дворца. На нем была огромная округлая глухая каска с забралом и какой-то чудной формы бронежилет, с высоким, как у свитера, воротом. На триплексе забрала отражались блики огня.

Как потом, уже в госпитале, выяснилось, это был Олег Балашов, командир отделения «альфовцев».

Эх, черт возьми, мелькнула мысль, вот это каска! Себе бы такую! На мне-то была обычная солдатская каска-жестянка, которую пуля пробивает насквозь.

Сзади взревели двигатели. Я обернулся. Наша бронетехника – БТРы и БМП – проделывала какие-то маневры. Насколько я понял, они, наверное, хотели подобраться ближе ко входу во Дворец, чтобы подавить огневые ячейки противника и прикрыть нас огнем. Движение задерживал ставший поперек дороги подбитый гвардейцами БТР, который шел впереди нашего. В конце концов его спихнули с дороги.

Вдруг одна из БМП вывернула вправо и ходко пошла прямо на нас. Более того, я увидел, что ее плоская башня, покрутившись, вдруг уставилась прямо на меня, осветив фарой. Да Бог с ней, с этой фарой, прямо на меня была направлена пушка! Он что, стрельнуть хочет? Идиот!

– Эй, стой! Куда прешь! Совсем с ума спрыгнул? – закричал

кто-то рядом.

– Идиот! Смотрите, он на нашего наехал!

БМП действительно наехала на бойца группы «А» Сергея Кувылина. Гусеница прошла прямо по его стопе. Но Сереге повезло: его стопа плашмя попала в какую-то выбоину в бетонке, и гусеница БМП только сильно прижала ногу. Спасительную роль сыграл и совершенно новый, еще не разношенный ботинок, жесткая подошва которого в какой-то степени смягчила давление многотонной машины. Потом мы вместе с Серегой лежали в госпитале. Кроме травмы ноги врачи поставили диагноз: сильный ушиб – он, как и все мы, был здорово посечен осколками от гранат.

А я, как завороженный, смотрел на ствол «бээмпэшки».

Что делать? Может быть, стрельнуть по нему? Да нет, нельзя... Так еще хуже будет. Да и что толку стрелять: этой дуре мой автомат – как слону дробина!

Но вот ствол БМП качнулся, поднялся чуть выше. Грохнул выстрел. Снаряд прошел у нас над головой и, ударившись о стену Дворца, высек пламя, кучу искр и облако белой пыли. БМП попятилась назад, чуть развернулась и стала методично бить по Дворцу.

И тут грохот боя перекрыл чей-то знакомый тенорок:

– Мужики! Вперед!

Это был Бояринов! Старый вояка, Григорий Иванович, видимо, почувствовал какой-то сбой в действиях обороняющихся. Действительно, ответный огонь вроде бы стал менее интенсивным.

– Володька, слышал? Это Бояринов! Пошли! – крикнул я. Какой-то непонятный восторг переполнил меня, даже слезы навернулись на глаза. Вот, Григорий Иванович, сколько ему уже лет! Ведь мог бы сидеть себе в нашей казарме и через бинокль наблюдать поле боя. Давать по рации команды. Или вообще сидел бы сейчас в Москве. На телефоне. Позванивал бы в Центр. Как, мол, там дела? Не могу ли чем помочь? Может быть, совет, мол, какой нужен? Так нет же! Он прилетел сюда, он вместе с нами! Вот это – действительно командир!

Я высунулся из-за парапета, дал напоследок перед броском длинную очередь, но вдруг ощутил сильный удар по кисти левой руки, которая тут же подвернулась в локте, автомат дернуло влево и больно ударило прикладом в плечо. Такое впечатление, что у меня в автомате разорвался патрон! Я по инерции жал на курок, но автомат не стрелял. Нырнул под парапет, лег на бок, стал дергать затвор – ни туда, ни сюда. И тут я увидел, что мой

автомат согнут! Затвор заклинило начисто! Занемела левая рука. Взглянул: кисть в крови. Пощупал пальцами правой. Ух ты! Ребро ладони было разворочено надвое! Сообразил: наверное, пуля скользнула по левой руке, которая была на цевье автомата, и ударила в автомат. Вот его и заклинило. А куда же пуля делась? Рикошетом прошла около лица? Наверное. Так. А что же мне делать без оружия? У меня есть пистолет, вспомнил я, и тут же мысленно чертыхнулся: при таком раскладе этот пугач ни на что не годен! Разве только застрелиться, если операция не удастся!

А Володя Быковский успел проскочить в подъезд и заметался там, не зная, куда идти. Там начали скапливаться наши ребята. Рядом оказался Григорий Иванович Бояринов. Он был все в той же летной кожаной куртке, на голове – каска, в руке – автоматический пистолет Стечкина.

– Наверх, мужики! Наверх надо! И зачищать коридоры здесь, на первом этаже! – крикнул он.

В это время вдруг что-то загудело совсем рядом, в углу загорелась красная лампочка. Лифт! Опускается вниз!

Не сговариваясь, Володька и Григорий Иванович подскочили к лифту и стали по краям. Двери распахнулись: на полу кабины в углу на корточках сидел афганец в форме офицера-гвардейца и обеими руками держался за голову. Володька успел рассмотреть, что в правой руке у афганца был зажат пистолет. Афганец вскинул голову и вытянул вперед руку с пистолетом. В это время Бояринов с двух рук влепил в него очередь из «стечкина». Двери лифта захлопнулись.

– Ты не зевай! Тут или он – тебя, или ты – его! Ну, что стал, пошли! – сказал хриплым голосом Григорий Иванович, утирая левой рукой с лица пот, перемешанный с кровью. Все лицо у него было покрыто мелкими ранками: осколки от наступательных гранат и гранитной крошки.

Они стали подниматься по лестнице на второй этаж.

...Я осмотрелся вокруг. Рядом, среди неразорвавшихся гранат и каких-то камней, лежал «мусульманин». По виду – убитый. Из-под руки торчал приклад автомата. Я потянул правой рукой за приклад, выдернул автомат из-под неподвижного тела. Пошевелил пальцами левой руки. Двигаются. И боли вроде бы особой нет. Только локоть ноет: видно, удар сильный был. А вся кисть в липкой крови.

На четвереньках я стал пробираться вдоль парапета и наткнулся на Сашу Звезденкова. Он сидел, прислонившись спиной к каменной кладке, вытянув длинные ноги. Все лицо у него было в крови.

– Эй, москвич! Жив?

– А. Орел! Зацепило меня. – в голосе у Сашки было столько обреченности, что мне стало не по себе.

– Куда? В голову? Сильно?

– Не знаю. И в лицо, и в руку. Перевяжи. Тошнит. Рукав у него был черный от крови. Тошнота – это от потери крови, от болевого шока. Выдернул индивидуальный пакет из верхнего кармана куртки, надорвал обертку. Где рана? Где перевязывать? Темно, ни черта не видать! Схватился за липкую от крови раненую руку и быстро пальцами прощупал. Ага, вот вроде бы дырка! И кровь идет.

– Здесь, что ли?

– Не знаю. Не чувствую.

Кое-как я перевязал ему руку. – Лежи здесь, не высовывайся. Мне идти надо.

– Давай.

Я распустил подлиннее ремень на автомате, забросил его за шею и рванул вперед. Бежал я почти на четвереньках, петляя, как учили нас на КУОСе, и веером палил из автомата.

И тут, словно гигантской раскаленной иглой меня ударило в левую – мою невезучую руку!

Не помню, как я оказался под сводами подъезда Дворца. Приткнулся к стене. Рука почти полностью отключилась. Я ее просто-напросто не чувствовал! Рукав набух от крови. Вот черт, второе ранение, и все в одну руку! Попробовал шевелить пальцами. Вроде бы чуть двигаются! Но руки я почти не чувствовал!

– Миша! Яша! – кричали со всех сторон.

«Чтоб своих не перебить!» – сообразил я и тоже закричал:

– Миша! Яша!

Куда дальше? Что делать? Ах, да! По приказу, наша группа должна была работать на первом этаже. Надо было подавить сопротивление противника, освободить от него все помещения, взять под охрану сейфы с документами!

Выставив вперед ствол автомата (благо он висел у меня на шее на длинном ремне) и удерживая его правой рукой за рукоятку – левая отнялась окончательно, – я двинулся по коридору.

И тут я вспомнил свой сон в Багграме. Елки-палки! Даже дыхание перехватило! Это же был тот самый коридор, и двери были те же самые, ну, которые я видел во сне! Что же это было? Может быть, это Господь Бог предупреждал меня? Ох, чувствую, что не зря предупреждал!

Впереди кто-то из наших палил из автомата в дверь кабинета.

Потом подбежал, положил под дверь гранату и отскочил за угол. Я тоже прижался к стене. Оглушительно грохнуло. И вдруг на всем этаже выключилось освещение. Темень – хоть глаз коли. Мигнул свет, еще раз мигнул… Ф-фу, слава Богу, перевел я дух. Электричество врубилось. Наверное, осколками замкнуло проводку. Кто-то закричал:

– Мужики, «эфки» не кидайте!

Да, наверное, бросили оборонительную гранату Ф-1 в чугунном ребристом корпусе, а у нее убойная сила – не приведи Господь! Да еще в замкнутом помещении! Конечно же, лучше использовать наступательные РГД!

Я пробежал еще несколько шагов по коридору, который показался мне бесконечно длинным, и дернул на себя ручку какой-то двери. Дверь открылась, внутри была полутьма, но я разглядел, что там стоят какие-то столы, диван. Я выхватил из кармана гранату, зубами рванул чеку и накатом запустил ее в глубь комнаты. Постукивая, граната покатилась по паркету, а я захлопнул дверь и отскочил к косяку. Внутри рвануло, скрипнув, распахнулась дверь, выпуская из кабинета клубы дыма и пыли.

Вот тут меня и настигла автоматная очередь.

Стреляли откуда-то сбоку слева, видимо, из приоткрытой двери. Автоматная пуля пробила мой морально и физически устаревший бронежилет и, разворотив его металлические пластины, вошла мне в левый бок, прямо под нижнее ребро. Удар был такой, как будто ломом шибануло! Меня сшибло с ног, я правым боком упал на пол, в голове на секунду все помутилось, но сознания не потерял. Инстинктивно выставив автомат в сторону предполагаемого противника, я наугад выпустил веером в полутьму длинную очередь и услышал чей-то дикий вопль. Как на кошку наступили.

Меня тошнило. В раненом боку как будто кто-то ковырял раскаленной кочергой – так было больно. Попробовал приподняться. Получилось.

Кто-то из наших ребят наткнулся на меня:

– Ты что, ранен? Идти можешь?

Я кивнул.

– Подгребай к выходу. Там вроде бы наших перевязывают. Смотри, осторожней, как бы свои не добили! Из здания не выходи: приказ всех, кто выходит из Дворца – мочить!

Черт возьми! Как обидно! Еще чуть-чуть – и победа, а мне выходить из игры? А победа ли? Вокруг шла стрельба, грохнул взрыв гранаты, на каску посыпалась штукатурка с потолка.

Слабо соображая, что делаю, я сунулся в какой-то темный закоулок. Прямо передо мной была металлическая лестница.

Рядом оказались двое солдат из «мусульманского батальона». Вид у них был несколько растерянный, но достаточно воинственный. Я машинально отметил про себя, что солдатам вроде бы не было команды заходить во Дворец. Они должны обрабатывать его снаружи. Эти молодые ребята, которые смогли себя пересилить, смогли войти во Дворец, теперь, наверное, должны стать хорошими вояками. Если останутся в живых.

Они со страхом смотрели на меня:

– Товарищ офицер, вы ранены? – спросил один.

– Все нормально! Вперед, ребята! – сказал я им, стараясь выглядеть оптимистично, бодро и уверенно.

В этот момент рядом, буквально в пяти шагах справа от меня, разорвался огненный шар. Видимо, это была РГ-42, которую швырнули вниз с лестничного пролета. Отчетливо помню, что за сотую или тысячную долю секунды до того, как осколки гранаты и гранитная крошка долетели до меня, я судорожно и крепко зажмурился, сжал веки. Жестко хлестнуло осколками по лицу, по рукам, по ногам. Взрывная волна сбила с ног.

...27 декабря моя жена Таня весь день чувствовала себя плохо: болела голова, было плохое настроение, угнетало какое-то непонятное чувство тревоги. Вечером она прямо с работы зашла в детский сад за детьми. Приготовила ужин. Ребята поели, а сама есть не стала.

– Коля! – обратилась она к старшему сыну, которому было тогда шесть лет. – Я прилягу, немного отдохну, присмотри за Андрюшей. Поиграй с ним.

– Хорошо, мам...

Таня уже задремала, но вдруг ее словно подбросило. Она вскочила с дивана и подбежала к окну. За окном шел снег. Было тихо и темно. Сзади тихо подошел двухлетний Андрюшка и прислонился к ноге.

– Ночь... Темень... – тоскливо проговорила Таня. – Где же наш папа, Андрюша? Что он сейчас делает?

Андрюша посмотрел в окно на декабрьский снегопад и вполне серьезно вдруг сказал:

– Убили, наверное.

Но и тут сознание ушло от меня только частично, буквально на несколько секунд. И в эти секунды мне казалось, что я медленно, как в невесомости, лечу по чуть наклонной траектории внутри какой-то огромной и темной трубы. У меня ничего не болело и было ощущение какой-то бестелесности. И все же я попробовал шевелить руками и ногами, запрокидывал голову, чтобы придать «полету» какую-то направленность, но все мои

вялые попытки были тщетны. Потом пришло ощущение боли. Болело лицо, руки, ноги, все тело. Мне чудилось, что мое лицо вдруг начинает раздуваться до неимоверных размеров, и при этом как бы все онемело.

Наконец я пришел в себя. Попытался приподнять голову, увидел, что один солдат лежит без движения, второй вроде бы шевелится, пытается встать.

Дальше я действовал, как на автопилоте, не особо соображая, и тем не менее, как потом выяснилось, действовал совершенно правильно. Здесь, в полутьме, меня запросто могли бы застрелить свои. Кровь залила обе белые повязки на рукавах, лица не разобрать: тоже в крови. Форма на мне – афганская. Поэтому единственно верным решением было ползти к выходу, туда, где посветлее.

И я полз, стараясь при этом кричать: «Миша! Яша!»

Но вряд ли из моего рта вырывалось что-нибудь членораздельное. От сильнейшего динамического удара взрывной волной у меня шатались все зубы, а язык распух так, что не помещался во рту.

...Володя Быковский ввязался в перестрелку на втором этаже. Именно там он видел в последний раз Бояринова. Григорий Иванович с группой ребят рванул на третий этаж.

Бояринова нашли на лестничной площадке уже мертвого. Одно-единственное ранение – пуля под сердце – оказалось смертельным.

Мне ребята рассказывали, что когда его уже в Ташкенте обмывали в морге и одевали в полковничью форму, чтобы положить в гроб, из маленькой пулевой дырки под левым соском, когда тело переворачивали, еще слабо вытекала мутная струйка крови. Чтобы не испачкать мундир, санитар морга запихивал карандашом в ранку вату...

...Потом я помню, как сидел где-то, приткнувшись спиной к стенке, опираясь правой рукой о пол. На полу был ковер, толстый, с большим ворсом, настоящий восточный ковер... В голове ворохнулась идиотская мысль: вот бы домой его. Нет, наверное, у меня никогда такого ковра не будет. Ну и хрен с ним. Тут я обнаружил, что ничего не слышу на правое ухо. Пощупал пальцами: горячо и липко. Из уха шла кровь. А в левом ухе слышался непрерывный звон.

Кто-то теребил меня за рукав:

– Кто это? Афганец? Эй, ты кто?

– Ты что, слепой? Видишь: в сапогах! Кто-то из наших. Не разобрать: все лицо в крови.

– Убитый, что ли? Не шевелится.

Сил отвечать или реагировать на что-то у меня уже не было, но я все-таки пошевелился, чтоб показать, что жив.

– Эй, санитары! Мужики! Кто там есть! Вот еще один! Эх, не дозовешься! Ну-ка, хватай его, потащили!

Меня взяли под руки, приподняли. Я стал шевелиться, переставлял ноги. На свежем воздухе я немного пришел в себя.

– Ух ты! Жив?

Передо мной стоял Володя Поддубный.

– Ох, тебя и отделали. Где ранило, давай перевяжу! Он взрезал ножом рукав на левой руке, перевязал рану в предплечье, потом перевязал кисть. Достал шприц-тюбик и всадил укол. В голове прояснилось.

– Где еще?

Я попытался что-то сказать, но только слабо махнул рукой. Мол, спасибо, потом. Мне вдруг стало очень холодно. А когда я представил, что для перевязки раны в боку надо раздеваться, снимать с себя все: куртку, бронежилет, свитер, футболку. Нет, не надо. Тем более что сейчас мне вроде бы получше стало.

– Ну ладно, старик, давай лежи здесь, сейчас всех раненых будут эвакуировать. А я пойду, там еще на втором этаже стреляют.

– Сейчас, товарищ офицер, машина подъедет, вас всех в госпиталь отвезут! – сказал один из санитаров, малорослый, с широким скуластым лицом и раскосыми глазами.

У подъезда показался Володя Быковский. Он ковылял, опираясь на автомат, как на костыль. Кто-то поддерживал его под руку. Одна нога у него была без сапога, перевязана. Володьку усадили почти у самого входа. Я хотел перебраться к нему, но сил не было.

Из Дворца стали выводить пленных. Афганцы – рослые ребята в хорошо подогнанной форме – выходили с поднятыми вверх руками. Их сопровождали наши солдаты из «мусульманского батальона» в серой мятой форме. Вот из подъезда вслед за пленными вышел «мусульманский» особист Миша. Он был в зеленой афганской шинели, на плече автомат.

Вдруг один из афганцев, судя по форме – старший офицер, сунул руку за пазуху и вытащил. пистолет! Что хотел этот афганец? Может быть, сдать оружие? А может быть, напоследок прихватить с собой на тот свет хоть одного из врагов?

Миша среагировал почти мгновенно и, с силой уткнув ствол автомата в поясницу офицеру, нажал на спуск.

Прозвучавшая внезапно и неожиданно для всех резкая очередь ударила по ушам, по нервам. Наши солдаты вдруг

пришли в состояние какого-то неистовства: наверное, напряжение только что пережитого боя требовало от них какой-то разрядки.

– Ах, суки! – пронзительно закричал кто-то из них. – Всех убью!!!

– На колени, гады! На колени! Становись на четыре кости!!!

Началась сутолока. Солдаты били афганцев прикладами, те поспешно падали на землю, закрывая руками голову. Коротко и зло рявкнул и тут же замолк, как захлебнулся, автомат.

– Не стрелять! – послышался крик Миши. – Не стрелять, сволочи! Под трибунал пойдете!

К толпе подбежали офицеры из нашего «Зенита», стали оттаскивать обезумевших «мусульман», раздавая направо и налево оплеухи.

– А ну, разойдись, засранцы! Вы бы в бою были такими ретивыми!

Подъехала БМП.

– Это за вами! – сказал низкорослый санитар. Началась посадка. На этот раз я оказался снова на втором месте, только с левой стороны. Первым сидел Леша Баев. У него была насквозь пробита шея: через бинт с одной и с другой стороны проступали кровавые пятна. Леша сидел как-то боком: спина у него была побита осколками гранаты. Рядом со мной посадили еще кого-то.

– Все, полна коробочка! Трогай! – крикнул кто-то снаружи.

– Эй, стой, обожди, давай еще одного!

– Он же вроде мертвый!

– Да нет, ребята, он шевелился! Он ранен! Давай, подхватывай за ноги!

– Да куда же ты его ногами вперед! Головой надо! Мужики, мы его вам на колени, ладно?

Тяжелое обмякшее тело с трудом затискивали внутрь. Наконец вроде бы запихнули. Голова оказалась у меня на коленях.

– Эй, друг! Пить будешь? – спросил я его. Опустил руку на голову, на лицо. И голова, и лицо были покрыты холодной липкой кровью. Он был уже мертв. Потом я узнал, что это был один из бойцов группы «А».

А ребята тем временем пытались закрыть задние дверки БМП, но с левой стороны дверь не закрывалась: одна нога лежащего у нас на коленях убитого была подогнута, а другая, правая, вывернулась вверх и попала в створ дверки.

– Эй, смотри, нога мешает!

– Да не напирай, ногу сломаешь, подогнуть надо! Ему же больно!

Я про себя подумал, что убитому парню уже ничего не больно. Все. Отболелся.

Наконец ногу подогнули, дверцы захлопнули, и мы поехали.

Глава 35

Нас привезли обратно в те самые казармы, где мы жили. В одном из помещений был развернут полевой госпиталь. В углу тускло горела подсоединенная к автомобильному аккумулятору лампа. Там стояло два или три стола, на которые были наброшены полосатые матрацы, прикрытые грязными, в кровавых пятнах, простынями. Над полураздетым лежащим навзничь телом колдовал. доктор! В белом халате и, кажется, даже в очках! Откуда он здесь взялся? У входа в помещение прямо на полу валялась горка оружия: автоматы, подсумки. Это с раненых бойцов снимали уже ненужную им амуницию.

– Бросайте автомат и все лишнее сюда! – сказал мне солдат-санитар. Я, чуть помедлив, положил автомат. Солдат помог снять поясной ремень и скинуть с него пустые подсумки. С пистолетом мне расставаться не хотелось: мало ли что. А так хоть какое, но оружие. Я вытащил свой ПМ из кобуры и положил его в карман куртки.

– Садитесь, мужики, где найдете место! Сейчас доктор вас посмотрит.

В это время доктор вдруг пошатнулся, широко развел руками, пытаясь за что-то уцепиться, чтобы не упасть. Его поддержал сзади какой-то солдат. Доктор оперся о стол, помотал головой и снова принялся за очередного раненого. «Пьяный, что ли?» – подумал я. А доктор был не пьян. Он был тоже ранен.

Уже потом я узнал, что это был один из тех советских докторов, которые в момент начала нашего штурма оказались внутри Дворца. Этих врачей в срочном порядке дернули из военного госпиталя, где они работали, к Амину, который по указанию кого-то из наших начальников был отравлен поваром. Обычная несогласованность действий, которая всегда бывает при проведении серьезных операций: сами травим и сами же лечим! Что самое интересное, эти наши доктора спасли Амина! Поставили ему капельницу, провели в срочном порядке какие-то процедуры... Правда, потом Амина все равно убили.

Наконец дошла очередь до меня. Санитар записал в какую-то обтрепанную тетрадку мои данные. Доктор бегло осмотрел меня, вколол пару уколов, вполголоса бросил санитару:

– Этого надо оперировать... Перевязать... Готовить к

эвакуации... Я примостился неподалеку от входа на каком-то тряпье, чувствуя, как мне становится все лучше и лучше.

В углу я заметил Сашу Звезденкова. Он был чисто перевязан и выглядел заметно веселее, чем возле Дворца.

– Орел! Ты, что ли? И ты здесь! – воскликнул Саша. – Что у тебя? Жив? Ты глянь, а я тебя и не узнал. Во раскрасили! Курить будешь?

Я кивнул. Саша прикурил сигарету, сунул мне в губы. Я с удовольствием затянулся.

В лазарете началось какое-то шевеление. К нам с Сашей подошел санитар.

– Товарищи офицеры, давайте я помогу выйти: там машина пришла, вас повезут в госпиталь.

Черт возьми! Уезжать куда-то мне совсем не хотелось. Голова была ясная, раны чуть саднили, но не так уж сильно. Все ребята остаются здесь, мы вроде бы победили, а тут – уезжать!

– Старик, а может быть, останемся? – обратился я к Саше. – Я себя вроде бы неплохо чувствую... Обидно уезжать...

– Да я сам об этом думал! – отозвался он. – Но как?

– Давай выйдем на улицу, как будто бы к машине, а сами смоемся, – предложил я.

Саша помог мне подняться, и мы потихоньку двинулись к дверям. Метрах в десяти от входа стоял крытый брезентом грузовик, куда санитары уже загружали тяжелораненых (или убитых?). Мы с Сашей свернули за угол и поковыляли к нашей комнате.

Сейчас придем к себе, ляжем на свои места, отдохнем немного. А там и наши все подойдут. А там – можно и в госпиталь! Мы поднялись на ступеньки, прошли по засыпанному гравием коридору, отодвинули плащ-палатку, зашли в нашу комнату. и не узнали ее. Там все было перевернуто вверх дном. Все койки от окон были отодвинуты, матрацы валялись на полу. На них сидели и ели что-то из консервных банок солдаты «мусульманского батальона». Я вспомнил, что перед боем оставил у себя под матрацем подмышечную кобуру, которую купил еще летом в дукане на Зеленом рынке. Кобура была очень удобная и мягкая – не в пример нашим штатным! Но где теперь моя койка? И кобура, конечно же, пропала. Ну и Бог с ней! Главное – жив!

– Вот они где! – послышался сзади возбужденный голос. – А я смотрю – вроде бы за угол свернули, а они тут.

– Товарищи офицеры, ну что же вы... Вам надо в госпиталь, пойдемте! Не драться же с вами.

На пороге стояли солдат-санитар и молодой лейтенант из

«мусульманского батальона». Они подхватили нас под руки и повели к грузовику.

Грузовик уже был полностью загружен. Ближе к кабине на металлическом полу лежали убитые и тяжелораненые. Остальные сидели, привалившись к бортам, друг к другу. В кузов вскочили и два солдата из «мусульманского батальона». Из их разговора я понял, что мы едем в наше посольство и что нас прикрывать будут две БМП: одна впереди, одна сзади.

Солдаты в кузове взяли автоматы наизготовку.

– Могут обстрелять! – пояснил один из них. – Еще стреляют!

Машина тронулась. В это время вдруг откуда-то появился наш Титыч. Он увидел меня и Сашу, сидящих у заднего борта, и закричал:

– Саша! Валера! Ребята! Что с вами? Ребята! Машина, переваливаясь на колдобинах, поехала, а Титыч бежал за нами, размахивал руками и кричал:

– Ребята! Саша! Валера!

А мы с Сашкой, не сговариваясь, закричали:

– Титыч! Забери нас! Оставь нас здесь!

– Ребята! Нельзя! Надо в госпиталь.

– Титыч, оставь нас здесь, у меня правая рука в порядке, стрелять могу! – кричал я, размахивая пистолетом. Мне очень не хотелось уезжать. Я представлял, как завтра, да нет, уже сегодня утром, ребята все соберутся в нашей комнате. Как придет Бояринов и скажет, что мы – молодцы и что вот, мол, мы и собрались, как и было загадано вчера. Было до слез обидно уезжать сейчас, когда мы победили, когда все хорошо.

Мы проехали по нижней дороге, левее Дворца. Он все так же стоял на горке, освещенный прожекторами. Все окна в нем были выбиты: не то, что стекол, даже следов рам не было. На втором и третьем этажах что-то горело, и из окна тянулся дымок. Изуродованный болванками «Шилок» и гранатометами, весь в копоти и щербинах от пуль и осколков, он все равно смотрелся величественно.

Долго ехали по аллее. Слева, там, где стояли казармы гвардейцев, еще шла стрельба. Там тоже что-то горело, и красные блики освещали голые ветви обронивших листву деревьев.

Около поворота у министерства обороны шедшая за нами БМП вдруг начала бить куда-то из пулемета. Разноцветные трассеры, уходя во тьму, чертили прямые линии, а потом рикошетом, по дуге, разлетались в темном небе.

Машина на повороте притормозила, затем вообще остановилась. Вдруг я увидел, что в кустах у обочины, почти напротив министерства обороны, возле краснокирпичного здания

Центрального музея что-то шевелится. Точно! Там кто-то прятался! Вот что-то тускло блеснуло, автомат, что ли? Вот гад! Наверное, какой-нибудь афганец из минобороны прячется. Здесь ведь тоже наши ребята поработали. Сейчас как полоснет из автомата!

Я поднял пистолет, для устойчивости уперся рукояткой о борт кузова, прицелился и стал мягко жать на спуск. Но в это время фара идущей сзади БМП осветила кусты, и я увидел там нашего солдата-десантника. Он стоял на коленях в небольшом кювете, прикрытом зарослями колючего кустарника. Белое пятно лица, на голове голубой берет, в руках автомат.

Ф-ф-у! Чуть грех на душу не взял! Что он там делал? Контролировал дорогу по приказу своего командира? А может, просто испугался молодой парень стрельбы, спрятался. Кто его знает? Тем не менее я мог его убить.

Наконец мы добрались до нашего посольства. У грузовика откинули борт, помогли нам вылезти. Мне снова стало нехорошо. Видимо, действие уколов закончилось. Закружилась голова, и я самостоятельно не мог идти. Меня подхватили под руки: с одной стороны солдат, с другой Саша.

На первом этаже поликлиники горел яркий свет. У стен стояли носилки. У лифта кучей валялась какая-то окровавленная одежда.

– Так, ну, как у нас дела? – санитарка лет сорока с лишним подхватила меня под руку. – Все, ребятки, спасибо, – сказала она солдату и Саше. – Сейчас мы будем разбираться… Лечить будем… Все будет хорошо…

Так приговаривая, она усадила меня на стул, стала раздевать.

– Как хоть это расстегивается? – спросила она, возясь с бронежилетом.

Я молча ткнул пальцем в бок, показывая, где лямки. Что-то мне совсем плохо стало. И холодно, аж трясти начало.

Медсестра ловко перерезала лямки бронежилета острыми ножницами, и он, громыхнув металлическими пластинами, упал на пол.

– А сейчас мы пойдем обмоемся, чтобы доктор видел, что и как ему лечить.

Я немного очухался в ванной комнате. Медсестра включила воду и губкой аккуратно смывала с меня засохшую кровь.

Посмотрел на себя в зеркало и… не узнал! Лицо было невероятно распухшим, в корках засохшей и еще текущей крови. По мере того как сестра обмывала лицо, я видел, что оно все побито осколками. Как только глаза остались целы?

Потом меня привели в смотровой кабинет. Доктор

осматривал мои раны, потом мне еще раз вкатили несколько уколов. Повели на рентген. Раны обработали, перевязали.

– Нужна операция! – сказал доктор. – В наших условиях мы операцию сделать пока не имеем возможности. Надо будет потерпеть... Хорошо?

Я кивнул. В голове снова потихоньку светлело, я приходил в себя.

Когда я зашел в палату, то застал удивительную картину. Один из бойцов группы «А» крутился перед узким зеркалом, стараясь рассмотреть свои раны. Судя по тому, что он рассказывал, его подстрелили откуда-то сверху на подходе к Дворцу. Парень снял повязку, и я увидел, что входное пулевое отверстие у него находится под правой ключицей, а выходное – под левой лопаткой!

Смотрю, и Леша Баев здесь. Он тоже размотал свою повязку и рассматривал в зеркало, щупал руками залитые зеленкой и еще кровоточащие дырки на шее. У него тоже было сквозное ранение.

Мне тоже стало интересно, что там у меня. Я развязал повязку, бросил смятые бинты на одеяло, отлепил от раны на боку чуть присохший марлевый тампон и стал перед зеркалом. Дырка как дырка. Округлая. Вспухшие, чуть посиневшие края. Я пощупал пальцами вокруг раны, и мне показалось, что чувствую пулю.

– Леш! – позвал я. – Посмотри, вроде пуля неглубоко сидит?

Леша наклонился, посмотрел:

– Да, старик, вроде бы тут она, неглубоко! Видишь, как бронежилет помог! А так бы насквозь проткнула! Ничего, старик, все заживет! Главное, что кости целы!

...Потом я задремал, но меня разбудили. Это была медсестра.

– Голубчик, ты как себя чувствуешь? – спросила она. – Ты ведь из «Зенита»?

– Из «Зенита» он! – услышал я голос Леши Баева. – Я точно знаю!

– Ты ходить можешь? Я кивнул.

– Пойдем, я тебе помогу встать. Ты всех своих знаешь?

– Да вроде бы всех. – ответил я, ничего спросонья не понимая.

– Пойдем, посмотришь... Ваш это или не ваш... А потом я тебе еще один укольчик сделаю, и ты поспишь.

Ведомый под руку медсестрой, я спустился по лестнице вниз. На первом этаже сестра подвела меня к какой-то двери, бренькая ключами, отперла замок и включила свет.

– Вот, посмотри, кто это, может, ты фамилию его знаешь. Нам опознать его надо.

Это была душевая. Потолок, стены, пол – все было отделано

желтоватым кафелем.

А на полу, на носилках лежал мертвый Толя Муранов. Один глаз у него был закрыт, другой немного приоткрыт. Все лицо было в засохшей крови. Коротко остриженные волосы тоже были в ссохшейся крови и стояли торчком. Сложенные на груди руки тоже были в засохшей и потрескавшейся кровавой корке.

– Ты знаешь его? – допытывалась сестра.

Знаю ли я Толю Муранова? Перехватило горло, на глаза навернулись слезы. Мы ведь на КУОСе были в одной группе! Он у нас был секретарем парторганизации. Эх, Толик! Как же так тебя угораздило? Вот ведь верно сказано: от судьбы не уйдешь. Ведь Бояринов не допустил тебя к первой командировке! Как будто чувствовал что-то.

– Да... Это Муранов... Анатолий... из «Зенита». А сам он из Свердловска, – сказал я.

Я попытался нагнуться, но не смог: сильно болел бок.

– Сестра! – позвал я. – Закрой ему глаза.

– Да, голубчик, сейчас закрою. Отмучился. Прими, Господи, душу раба Твоего.

– Сестра, посмотри, нет ли у него чего в карманах. Бумаги. документы.

– Патроны какие-то, а так пусто все, ничего нет!

Она сняла с правой руки Толика обручальное кольцо, а с левой – дешевенькие часы в белом металлическом корпусе на черном ремешке.

– Вот, возьми. Пусть семье отдадут. А то, не дай Бог, затеряется. Все-таки память.

Я взял кольцо, вдел его в ремешок часов, ремешок застегнул, сжал в ладони и в сопровождении санитарки двинулся наверх.

Между первым и вторым этажами на лестнице столпился народ. В середине стоял парень. Лицо его горело лихорадочным огнем. Видимо, ему вкололи целую серию антишоковых уколов. В руках он возбужденно вертел согнутый, с отколовшимися щечками рукояти пистолет Макарова.

Оказалось, что этот парень участвовал в штурме какого-то объекта в центре города. Кстати, бой там продолжался до сих пор. Так вот, он лежал в укрытии. Потом приподнялся, чтобы сделать перебежку, и вдруг ощутил сильнейший удар прямо в солнечное сплетение, упал и потерял сознание. Автоматная пуля попала ему прямо в живот, но на пути своем встретила корпус пистолета, который был засунут спереди за поясной ремень. Этот пистолет и спас ему жизнь.

Тут же я услышал, что погиб Бояринов. Эх, Григорий

Иванович!

Ребята перечисляли, кто из наших ранен, кто убит... В числе убитых назвали и мою фамилию. Кто-то подтвердил, что видел меня убитым во Дворце.

– Да жив я, мужики! – сказал я.

Все обернулись и стали с интересом меня рассматривать.

За окнами стало светлеть. Начиналось утро.

В коридоре на третьем этаже всем раненым раздавали кофе, чай, печенье. Я вспомнил, что вот уже почти сутки ничего не ел. Вообще-то, есть не хотелось, а вот горячего кофе я выпил бы с удовольствием. Но кофе уже кончился. Сказали, что чуть попозже принесут еще. Выяснилось, что это наши женщины из посольства взяли нас под опеку. Что-то там готовили, приносили еду, собирали одежду.

У дверей нашей палаты я увидел начальника, с которым поцапался на вилле. Он был в сопровождении двух или трех наших бойцов. Я нащупал в кармане часы и обручальное кольцо Толика Муранова, подошел к командиру.

– Вот, – сказал я, протягивая ему часы и кольцо.

– Что это?

– Это вещи Муранова. Из Свердловска. – язык еле ворочался у меня во рту, опухшие губы почти не шевелились. – Он тут внизу лежит, на первом этаже. убитый. Надо жене переслать. Память.

Командир записал на бумажке данные Толика.

– Хорошо. Перешлем.

Глава 36

Под утро к нашим казармам у Дворца подкатили бронемашины наших У-2 десантников, которые пару часов тому назад приземлились в Кабульском аэропорту.

Увидев издали грязные, неухоженные БТРы с белыми тряпками на антеннах, одетых в афганскую форму людей с оружием, десантники с ходу открыли огонь на поражение из всех имеющихся у них в наличии видов оружия.

В щепки разлетелся стоящий на взгорке БТР «мусульманского батальона», наповал был убит батальонный повар Алишер, который с двумя дежурными по кухне готовил завтрак.

У высунувшегося из окна солдата автоматной очередью снесло начисто нижнюю челюсть. Было убито еще несколько человек.

Вот-вот – и началась бы просто мясорубка: возбужденные

бойцы уже повоевавшего «мусульманского батальона» хватались за оружие.

Однако до боя со своими, слава Богу, дело не дошло.

Когда недоразумение стало всем ясным, старлей-десантник долго извинялся и объяснял, что у него не было ни позывных «мусульманского батальона», ни даже карты города. В аэропорту его командир дал ему нарисованную от руки схему движения, дал задание: оказать поддержку нашим бойцам, которые штурмуют Дворец. Бойцов в нашей форме он не увидел, а по появившимся в поле зрения афганским солдатам открыл огонь на поражение. Он решил, что афганцы всех наших уже перебили.

Ну а нам, «посольским», часов в десять утра принесли кучу гражданской одежды, которую здесь же, в посольстве, и насобирали. Предложили одеваться и готовиться к эвакуации. Ходили слухи, что нас отправят в Ташкент.

Подогнали автобусы с наглухо задернутыми шторками. В сопровождении БТРов выехали в аэропорт.

Я отодвинул занавеску и смотрел на Кабул. А он и не изменился: все так же работали магазины и какие-то базарчики. На улице люди шли по своим делам. Как будто ничего и не случилось! И только на перекрестках стояли наши БТРы или БМП. На броне сидели наши солдатики, с интересом глазели по сторонам. Вокруг бронемашин толпились местные оборванные пацаны и попрошайки.

Ну и дела! Неужели им все равно? В стране переворот. Всю ночь в городе шла стрельба, да и сейчас еще стреляют в центре, а им – хоть бы что!

До аэропорта добрались без приключений. Самолет нас уже ждал. Стали кое-как загружаться. Ходячие раненые, поддерживая друг друга, пошли по трапу. На носилках с капельницами заносили тяжелых. Мне досталось место у окошка. Сильно болела голова, напало какое-то равнодушие, оторопь. Рядом со мной через проход сидел парень из группы «А». Синюшно-бледный, он нянчил культю правой руки. В проходе в хвостовой части самолета ставили носилки с нашими тяжелоранеными ребятами.

В окошко я увидел, что к самолету подогнали грузовик, погрузили на него что-то, закрыли борта. Сверху мне было видно, что там лежит тело, с головой накрытое брезентом. Труп. Кто-то умер по дороге.

Потом под крыло самолета подъехал еще какой-то грузовик, с верхом груженный картонными ящиками, в сопровождении иностранной легковой автомашины с посольскими номерами. Из легковушки вышли молодые, прилично одетые ребята, осмотрелись, один остался, а двое пошли к самолету. Они долго

мыкались туда-сюда. Потом отъехали в сторону.

Казалось бы, мимолетный эпизод, но я почему-то запомнил этих ребят. С ними я столкнулся через несколько лет, когда был подключен к расследованию нашумевшего в свое время дела «Востокинторга». Представители этой славной организации делали в Афганистане большие деньги на вымогательстве взяток с местных купцов за право торговли с Союзом, на контрабанде, валютных и спекулятивных операциях. Совершенно случайно этим хмурым утром 28 декабря 1979 года я оказался свидетелем того, как они пытались с самолетом, отвозившим в Союз наших раненых и убитых бойцов, переправить в Ташкент очередную партию контрабанды. В том грузовике были ящики с антиквариатом, телевизорами и видеомагнитофонами. Эти гады знали, что самолет досматриваться никем не будет. Поэтому и приготовили целый грузовик товара. Но у них в тот раз все сорвалось. Может быть, возмутился командир корабля и экипаж. А может быть, просто не было места.

Когда я читал в материалах дела показания фигурантов о попытке отправить товар в Ташкент с ранеными и убитыми, я тут же вспомнил парня с ампутированной рукой, труп в кузове грузовика и этих сытых, богато одетых и уверенных в своей безнаказанности гадов на иномарке. Воистину сказано: кому война, а кому – мать родна! Часть из этих «восто-кинторговцев» все-таки довели до суда и посадили в 1984 году. Но сидели они совсем чуть-чуть: почти всех их довольно быстро выкупили. Часть освободилась досрочно. Часть – тех, кто был узбеком или азербайджанцем, – отправили отбывать срок на их этнические родины, где они моментально вышли на волю. В общем, для них все закончилось в целом хорошо.

Ну а мы наконец взлетели. Самолет взял курс на север. Домой! В Союз! Сидя у иллюминатора самолета, я смотрел на расстилающуюся под нами гряду плотных облаков и пытался разобраться в своих ощущениях.

Свой офицерский долг я исполнил. Был в бою. Не испугался. Не прятался. Меня убивали, и я убивал. Значит, перед ребятами, перед сослуживцами не стыдно. Это радует. Теперь есть надежда, что меня, обстрелянного офицера-спецназовца, теперь уж наверняка не обойдут стороной новые интересные задания, новые страны.

Судя по тому, что я могу самостоятельно передвигаться, раны мои вряд ли представляют серьезную опасность для здоровья. Так что и с этой точки зрения беспокоиться не о чем.

Ну что же. Из этой переделки мне удалось выбраться

практически с минимальными потерями. Может быть, действительно есть Бог и есть мой личный ангел-хранитель, который в нужный момент позаботился о том, чтобы раны были не смертельные. Спасибо ему и спасибо Тебе, Господи, если Ты есть!

Уже в темноте наш самолет приземлился в Ташкенте. Там снова автобусы. Санитарные машины. Куча людей в белых халатах, в военном, в штатском. Все с каким-то жадным интересом разглядывали нас, одетых в ношеные вещи с чужого плеча, в окровавленных бинтах, на костылях, поддерживающих друг друга.

Нас отвезли в военный госпиталь.

Ходячих раненых привели в какой-то большой холл, где врачи провели предварительный осмотр. Потом отправили на рентген. Затем развели по палатам. Выдали больничную одежду: пижаму и штаны. Я с большим трудом кое-как переоделся и, кряхтя, взобрался на высокую койку. Лег поудобнее. Чистое белье, теплое одеяло... Я пригрелся и задремал.

Однако минут через двадцать за мной пришли двое молодых ребят в больничной одежде (как потом выяснилось, это были солдаты, которые лежали в госпитале по болезни, уже почти выздоровели и помогали сестрам с тяжелыми больными) и молодая хирургическая сестра. Они привезли с собой тележку.

– Так, сейчас поедем на операцию! – бодро заявила сестра. – Раздевайся, перекладывайся на тележку!

Поехали по коридору в операционную. Там перевалили на стол.

– Так. Ну, что тут у нас? – бодрым и жизнерадостным голосом поинтересовался хирург. Он рассматривал мои еще мокрые рентгеновские снимки. – Ничего страшного. Ага, вот здесь... – доктор вполголоса обсуждал что-то с сестрой.

Для начала доктор узнал, как меня зовут, предложил мне выпить стопочку спирту «за знакомство». Я ухнул мензурку «чистого», запил дистиллированной водой. Спирт огнем разлился по телу, вроде бы даже утихла головная боль. Потом вкололи замораживающие уколы.

Напротив меня был еще один стол, на котором на животе лежал Леша Баев. Ему тоже поднесли мензурку спирта, и Леша был в хорошем настроении, улыбался. Над ним тоже колдовали хирург и сестра.

Доктора вовсю балагурили, шутили с нами.

Наконец мой хирург вытащил из бока пулю.

– Вот, смотри! – показал он мне зажатый в пинцете покореженный кусочек металла.

Пуля была калибра 7,62 от автомата Калашникова. Стальной цилиндрический сердечник был погнут, медная оболочка развернута таким образом, что напоминала собой лепестки цветка.

– Доктор, можно мне ее забрать с собой?

– Нет. Нельзя. У нас приказ: все, что из вас вынем – отдавать на экспертизу…

– Жаль…

А в это время Леше накладывали швы.

– Леша, ну ты только посмотри, какие у тебя на заднице дырки: как карманы у джинсов! – хохмил хирург. – Даже зашивать жалко! Может быть, так оставим: будешь от жены заначку прятать, а?

Все дружно захохотали.

Воспоминания о нашем пребывании в Ташкентском военном госпитале до сих пор мне лично приятны. К нам относились, как к самым дорогим гостям. Внимательный и заботливый медперсонал, прекрасное питание. Более того, узнав, что в госпитале находятся бойцы группы «А», которая входила в состав 7-го Управления КГБ СССР, местная на-ружка взяла над всеми нами шефство. В результате каждый день у госпиталя дежурила черная «Волга» с водителем: вдруг кто-то из легкораненых захочет прокатиться, посмотреть город, попить на воле пивка. Кроме того, наши прикроватные тумбочки ломились от хорошего армянского коньяка. Каждый день утром ребята привозили нам горячий куриный бульон.

Через несколько дней в госпиталь приехали представители Управления «С» Первого Главного Управления КГБ. С ними был Глотов. Под диктофон каждый из раненых наговорил все, что он делал во время боя, кого видел из бойцов, обстоятельства схватки и тому подобное.

На прощанье нам всем на полном серьезе объявили, что на всех раненых подано представление к Звездам Героев Советского Союза. Но поскольку вряд ли Президиум Верховного Совета СССР пойдет на такое массовое причисление к Героям, то уж наверняка каждому «светит» орден Ленина.

Более того, от имени Председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова каждому вручили конверт, в котором лежали четыре новеньких купюры по двадцать пять рублей. То есть каждому – по сто рублей лично от Председателя. Очень приятный момент!

Но Председатель КГБ Узбекской ССР Мелкумов переплюнул своего союзного начальника. Он прислал нам каждому конверт со ста пятьюдесятью рублями и личной благодарностью. Отпечатанной на красочном бланке. Вдобавок ко всему, перед

вылетом в Москву он пригласил нас всех в свою резиденцию, угостил хорошим ужином с выпивкой и подарил каждому узбекский чайный сервиз.

После ужина нас на автобусах повезли на аэродром. Заехали на какую-то дальнюю стоянку и стали ждать. Была команда из автобусов не выходить. Ждали самолет. Минут через двадцать какой-то самолет с ярко горящими иллюминаторами зарулил на нашу стоянку. Спустили трап, по которому сошло несколько человек. К ним подъехала черная «Волга». Люди сели в машину и куда-то уехали.

– Это, что ли, наш самолет? – спросил кто-то в автобусе. Я встал и стал пробираться к выходу.

– Ты куда пошел? – окликнул меня Володька Быковский. – Сказали же, не выходить!

– Мало ли что! А вдруг мне по нужде надо… – ответил я.

Выйдя из автобуса, я потихоньку стал подходить к самолету поближе. Смотрю, кто-то показался в проеме люка. Вглядывается в темноту. Я подошел ближе. Что-то в очертании фигуры человека в люке показалось мне знакомым.

– Серега! Это ты?

– Старик, это ты, что ли? А говорили, что тебя убили! Жив! – радостно откликнулся Сергей.

– Как видишь – живой! Раненый только!

– А где остальные?

– Да вон, в автобусе сидят!

– Мужики!!! – заорал зычным голосом Серега. – Здесь наши ребята!

Из самолета горохом посыпались на бетонку стоянки ребята из «Зенита» и группы «А».

Через час самолет взлетел. Мы сидели в компании друзей, которые наперебой рассказывали нам, что было после нашей эвакуации из Кабула, как они отпраздновали Новый год в посольстве.

Сидевшему со мной рядом Олегу Балашову из группы «А» ребята принесли его каску.

– На, держи! Полюбуйся!

– Е-мое!!! Это что же такое?

На швейцарской спецназовской каске были три пулевых отметины. Одна – прямо в триплексе стекла забрала – примерно на уровне переносицы. Коническая ямка от автоматной пули, которая пробила только несколько слоев спецстекла и отскочила в сторону. Два других глубоких следа от автоматных пуль были на верхней сфере каски.

– Во дела! – удивлялся Олег. – А я все думаю, что у меня так

шея болит!

– Не мудрено! Как только башка на месте осталась!

Тут же между рядами ребята разносили пластмассовые стаканчики с водкой.

– Давайте выпьем за победу, ребята! Мы победили! Ура!

А впереди была десятилетняя кровавая война...

Александр ИГУМНОВ

ГРУППА «ХАМЕЛЕОН». Рассказ

Ветерану войны в Афганистане,
Францу Клинцевичу
посвящается

Десантники брели длинной цепочкой, растянувшейся зигзагом по горной тропе. Иногда командир десантников, идущий впереди группы, тяжело ложился на каменистый грунт, обреченно раскидывал руки и ноги в стороны. Рассыпалась и вся цепочка его бойцов. Кто-то садился на первый попавшийся камень, спиной или боком прислонялся к скалам или, как капитан, замирал, лежа на животе. Командир на несколько минут умолкал, хрипло дыша и покашливая. С трудом поднимал голову, щурясь на солнце слезящимися глазами, с огромной тоской смотрел в бескрайнюю даль древних гор. В очередной раз, потеряв надежду увидеть конец горному кошмару, который должна сменить зеленая долина, он удрученно вздыхал. Бессознательно, невнятно мыча, еле-еле шарил усталыми пальцами по тропе. Нащупав что-то мягкое и шершавое в расщелине, боясь самому себе признаться, что это не что иное, а только ссохшийся от времени и жары пепельный мох, он упорно и жадно впивался губами в жесткую бахрому бледно-зеленой поросли. Зло и натужно рыча, хватал зубами и рвал ее на мелкие части. Кое-как ворочая обкусанным, кровоточащим языком, пытался жевать эту сухую массу, в глубине души надеясь чудесным образом высосать, выжевать, выдавить живительную влагу. Чувствуя неприятное жжение во рту, пыль, набившуюся в широкие ноздри, громко чихал. Чертыхаясь и матерясь, долго выплевывал серую, пережеванную кашицу прямо себе под ноги. Успокоившись, выпускал из рук автомат, скидывал с плеч рюкзак и переворачивался на спину. Плотно закрывал глаза, прикрывая лицо покрасневшими ладонями. Проходило время, мысли путались в голове, но обезвоженный мозг настойчиво выдавал команду: пить, пить, пить! И грезилось ему о чистой и светлой, как девичья слеза в водовороте первой любви, капели, вспоминался холодный, прозрачный ручей в ельнике, за околицей села, вдруг превратившийся в бурлящий, пенящийся поток горного водопада. Водопад сменялся извилистой и полноводной лентой реки, проторившей широкое русло в бескрайней степи и впадающей в огромный океан, бьющий мощными волнами в берег. Вода была рядом – прелая и вонючая в обвалившемся, заброшенном колодце, в мертвом кишлаке. Она искрилась в дождевой струйке, пробежавшей по трупам людей и

животных. Покрасневшая, с соленым привкусом, но холодная, сладкая, дурманящая. Прелая, вонючая, соленая, кровяная – лишь бы влага, глоток воды. В крайнем случае ее можно профильтровать через вату, или три слоя бинта и тщательно выжать прямо себе в глотку.

Мучительное видение становилось невыносимым и тягостным. Тело командира жаждало покоя, душа успокоения.

Где-то крикнула птица. Горный орел. Мозг прожгло чувство зависти. Захотелось, как он, воспарить над вершинами Гиндукуша, расправить руки и стремительно ринуться вниз. Полететь навстречу прохладе зеленых садов, дымке костров, скалистой кромке полноводной реки. Туда, только туда. Где люди, где вода. Весь мир, вся Вселенная, собственная жизнь превратились в прекрасную полоску зеленеющей долины. Встать на ноги и прыгнуть. А там будь, что будет. Телесные муки, вся эта кутерьма, название которой «Афган», останутся позади. Но нет сил встать и нет сил идти. Теряется нить сознания, меркнет разум, цепенеет тело. Мозг отказывается служить людям, превращая разумное существо в обыкновенную ползучую тварь, безымянное, безмозглое человекоподобное животное. Все же командир не захотел быть падалью, добычей стервятников.

Широкоскулый, плечистый, русоволосый, лет тридцати капитан вздрогнул, открыл глаза, обвел взглядом лежавших на тропе десантников. Прокашлялся и выдавил из горла человеческий звук. Для верности прикладом автомата ткнул переводчика – близлежащего черноусого таджика, прошептал:

– Мурат, передай по цепочке, пусть башку поднимут, говорить буду.

Минут пять толкали друг друга. Капитан успел выкурить сигарету. Поморщился, проводив глазами «бычок», улетевший в ущелье. Перевел взгляд на своих бойцов. Голос его потеплел:

– Ребята, надо двигаться. Я впереди, Мурат – замыкающий. Не останавливаться до следующей горки. Вперед, ребята, вперед.

Только минуту назад здесь, на горячих камнях, на радость парящим птицам или там, на дне ущелья, в утеху ползучим гадам солдаты были на пороге дикой смерти. Каждый в душе понимал, что капитан один из них, устал, изнемог, как и они, от жажды. Его слова звучали, как сигнал к действию, старшего по званию и возрасту человека. Командир приказывал, солдаты исполняли. По привычке, по законам воинской дисциплины они упорно двигались на восток.

Шли, шли, шли… Шли отупевшие от бешеной жары, безразличные к неповторимой красоте ущелий и вершин древних гор. Шли, видя перед собой потную, широкую спину командира,

слыша позади упрямое и тяжелое сопение переводчика.

Казалось, будто целое столетие отделяло спецгруппу «Хамелеон», под командованием капитана Франца Клинцевича, от того дня, когда их полк напоролся на минное поле. Неожиданно взрываясь под ногами, проклятые итальянские мины спутали все карты. Пока ждали саперов, пришлось спрятаться, зарыться в горячие камни, лишь бы не видеть приевшийся до одури желтый лик небесного светила.

Вечером полк отступил, не рискнув двигаться по заминированной местности. По узкому каньону двадцать человек след в след преодолели минное поле и двинулись к месту встречи с отрядом полевого командира Таджек-бека. Капитан Клинцевич обозначил на карте крестиком квадрат, в котором будет ждать вертолет, огляделся по сторонам. Далеко внизу клубилась пыль и последний взвод их полка, унося раненых, спускался по склону горной гряды. Вот наконец группа прикрытия достигла пыльного облака, донесся рокот вертолетных двигателей. Вертушки протарахтели над долиной и скрылись за горизонтом.

На душе Франца стало тоскливо. Его бойцы, осторожно ступая по камням, поднимались к вершине горы, когда неожиданно раздался взрыв. Это была мина-ловушка, на которую напоролся опытнейший из ребят Серега-«дембель». Быстро перетянули раненому жгутом культю правой ноги, обмотали бинтом посеченный осколками живот, вкололи в бедро обезболивающий укол. Вниз возврата нет, только наверх. Хруст камней под ногами, жуткое ожидание нового подрыва. Кто следующий? Вот и вершина. И вновь испытание. Качающийся на ветру висячий мост над пропастью. Это сооружение, в одно бревно шириной, держится на сухих ветках и колышках. Только Аллах знает, как по нему пройти при полной армейской выкладке, да еще с раненьм.

Серега-«дембель» очухался, облизнул сухие губы, простонал:

– Больно. Бросьте меня. Все равно крышка.

Или все, или никто. Третьего не дано. Десантский закон. Суровый, но справедливый. Или живой, или в цинке домой, на Родину, возвращается спецназовец.

Как скупая слеза на реснице солдата эта «висячая» тропа. Дрогнешь – и упала слезинка из глаз. Ни повернуть ни влево, ни вправо, только вперед или вниз, в страшную пропасть.

Мурат нахмурил брови. О чем-то пошептал, прикрыв лицо ладонями. Зацепил за поясной ремень страховочную веревку и, ловко балансируя над пропастью, первым достиг противоположной пологой стороны ущелья. Около часа переправляли рюкзаки и боеприпасы. Затем наступила очередь

раненого. Последним преодолел «висячку» командир. Обмыли удачную переправу глотком воды. И снова вперед.

Еще сутки добирались до кишлака, где должна была состояться встреча. Залегли полукругом вблизи кошары. Франц выстрелил из ракетницы. Афганец-связник неожиданно появился на горе, предупредительно поднял руку, в которой горел факел. Из темноты послышались гортанные крики и щелчки затворов автоматов. Связник громко называет пароль. Получив ответ, задает пару вопросов. Переводчик Мурат скороговоркой отвечает и встает на ноги. Он и капитан Клинцевич, освещенные огнем факела, демонстративно кладут автоматы на землю. Скидывают с плеч рюкзаки, отстегивают поясные ремни с гранатами, снимают набитые боеприпасами разгрузочные костюмы.

Только доверием и смелостью можно завоевать уважение и развеять подозрения противника.

Связник, молодой сухощавый бородач, небрежно кладет руки на цевье автомата и, прищурившись, смотрит на приближающихся врагов. Резко вскидывает автомат и делает три одиночных выстрела в небо. Клинцевич невольно вздрагивает и замедляет шаги. Опытный переводчик опережает его и что-то громко говорит на афганском языке. Бородач, услышав ответную дробь автомата из кишлака, миролюбиво приветствует Мурата, стараясь не замечать его командира. Поведение связника понятно. Будь его воля, он бы, не задумываясь, пристрелил неверного. Внимательно осмотрев двух парламентеров, он разворачивается и, не оглядываясь, идет впереди десантников. На окраине кишлака откуда ни возьмись выкатывается гурьба мальчишек.

– Шурави, бакшиш, – доносится хор детворы. Бородач добродушно улыбается, увидев, как предусмотрительный капитан сует в грязные ручонки ребят горсти конфет. Контакт налажен. Дело за малым – договориться о взаимных действиях. Для Франца операция такого рода первая. Из отряда только двое – переводчик Мурат и раненый Серега-«дембель» – имеют своеобразный диверсионный опыт. Мирить одних, стравливать других где ложью, где силой, без стрельбы, осознанно рисковать жизнью. Таков удел спецгруппы «Хамелеон».

Мысли капитана прерывает шум голосов. Шуршат под ногами камни, кто-то отгоняет осмелевшую детвору. Их окружают кольцом молчаливые люди с оружием в руках и ведут к замаскированному проему в стене дувала. Ловко и аккуратно обыскивают, обращаясь с вопросами к Мурату. Переводчик шутливо отвечает, охотно рассказывая о крупных силах десантников, окруживших кишлак. Достоверность его слов

проверить трудно, да и время не ждет. На переговоры Франц отводит три часа. Мурат незамедлительно предупреждает своих соплеменников:

– На рассвете мы должны быть у своих. На нет и суда нет. Авиация и артиллерия уничтожат кишлак. Прошу, господа, не задерживаться с переговорами.

«Господа» недовольно ворчат, гневно поглядывая на капитана. Возвращается посыльный, утвердительно кивает головой. Связник подталкивает Франца к круглому отверстию в стене. Они пересекают широкий двор и входят в просторное помещение, освещенное керосиновой лампой. У противоположной стены на корточках их ожидает главарь отряда. По бокам расположились помощники и личная охрана.

Таджек-беку за сорок лет. Среднего роста, с густой поседевшей бородой, короткими усами и пронзительным взглядом смоляных глаз. На голове аккуратная, белоснежная чалма, а на ногах высокие армейские ботинки. В руках держит гроздь спелого винограда и небрежно кидает в рот ягоды. Кивком головы отвечает на приветствие Мурата и вопросительно смотрит на Клинцевича. Франц сразу переходит к делу. Диалог длится четверть часа. Говорят трое. Капитан, переводчик и Таджек-бек. Главарь бросает на пол виноградную гроздь и обиженно говорит Мурату:

– Переведи русскому, что они зря помогают Измараю. Этот шакал предаст вас. Дайте мне два взвода ваших солдат, боеприпасов, и я уничтожу его отряд. И еще я гарантирую не трогать ваши машины и людей на дорогах. Только не лезьте в горы и в наши селения. Довольно лить кровь.

Клинцевич знает, что между бандами идут постоянные войны за расширение зон влияния. На личных амбициях главарей можно добиться многого. Этот Таджек-бек тот еще гусь. Желает чужими руками из огня каштаны таскать. Посмотрим, кто кого переиграет. Главное, не переборщить, болтунов здесь не любят.

Капитан неопределенно кивает головой и разыгрывает с переводчиком заранее заготовленный сценарий. Подробно, чеканя каждое слово, Франц объясняет свои условия. Убеждается в том, что молодой афганец, сидящий рядом с главарем, понимает русский язык. Он изредка шепчет на ухо Таджек-бека и старается не встретиться со взглядом капитана. Мурат с серьезной миной громко переводит слова Клинцевича:

– Мы пришли к вам не торговаться, не просить временных поблажек. Хотим найти общий язык на долгое время. Мы вам поможем, но и вы помогите нам. К Измараю из Пакистана идет караван с оружием. Вам его не взять. Возьмем мы и поделимся с

вами. Поможем и с соседями разобраться. Давайте серьезно дружить.

Последнюю фразу переводчик добавил от себя. Францу становится смешно. Он слабо верит в дружбу по необходимости. Это игра, смертельная и опасная. В выигрыше будет тот, кто умнее.

Разговор нарушают далекие автоматные очереди. В дверях возникает знакомая фигура связника. Он злобно сверкает глазами в сторону Клинцевича и кивает головой на переводчика.

Таджек-бек недовольно морщится. Он явно озабочен внезапной паузой в переговорах. Пробубнив под нос ругательство, сердито говорит Мурату:

– Выйди, нам надо поговорить. Тебя позовут. Переводчик ободряюще кивает командиру и немедленно скрывается за входной дверью. Франц, не поворачивая головы, внимательно осмотрел помещение. Горько подумал, что отсюда можно бежать только в могилу. Услышал злой голос связника:

– Абдулл решил проверить сколько их. Мы попытались зайти к ним в тыл и перекрыть отход в горы. Но русские собаки были начеку. Абдулл и еще двое убиты. Надо отомстить неверным за смерть наших товарищей. Разреши, я перережу ему глотку.

В комнате наступила зловещая тишина. Все ждали решения своего командира.

Молодой афганец, который знал русский язык, не выдержал, вскочил на ноги и, коверкая слова, угрожающе прошипел по-русски:

– Тебе крышка. Молись своему Аллаху. Взгляд Франца случайно наткнулся на цветные картинки, россыпью валявшиеся на столе. На них были изображены удары каратэ. Франц знал, что в подобной ситуации надо протянуть время, спустить пар. Он обвел взглядом своих врагов и, опередив Таджек-бека, обратился к говорившему по-русски афганцу:

– Ты, недоучившийся в Союзе недоносок, переведи хозяину, что я готов к смерти. Только вы нарушите законы гостеприимства. Не надо было проверять нас, за нашей спиной целый полк солдат. Примерно через час вас долбанут, как вам и не снилось. Я предлагаю честный бой. Каратэ, варьете, русская рулетка. Один на один. Руками, ногами или дуэль на пистолетах. Выбирай. Кто смелый – выходи.

Франц снял с головы кепку, скинул куртку, оставшись в одном тельнике. Подтянул брючный ремень и принял оборонительную стойку. Афганцы с интересом уставились на его крупное, сильное тело, зашептались. Таджек-бек хлопнул в ладоши, его глаза азартно сверкнули. С удовольствием оглядев

спокойно стоявшего капитана, весело крикнул:

– Керим!

Молодой афганец, говоривший по-русски, поклонился хозяину и, повернувшись к Клинцевичу, без предупреждения ударил капитана по корпусу. Клинцевич пошатнулся, успев ругнуть себя за неосмотрительность, ловко отбил новую атаку соперника. Керим сделал несколько прыжков вокруг капитана, помахал руками по воздуху, взвизгнул и пошел на пролом. Этого момента и ждал Франц. Снизу левой он резко ударил соперника в челюсть. Молниеносно нанес серию ударов по животу своими пудовыми кулачищами. Атаку завершил ударом ноги в подбородок. Согнувшись пополам и откинув голову назад, афганец перелетел через стол, таща за собой учебные картинки. Не удержался на ногах и со стоном упал перед Таджек-беком.

Мертвая тишина обволокла стены комнаты. В голове Франца мелькнула мысль, что все кончено и им с Муратом живыми отсюда не уйти. Он медленно надел куртку, застегнул пуговицы, пригладил ладонью растрепанные волосы и спокойно взглянул на главаря. Они долго смотрели друг другу в глаза. Два командира, представители разных миров, непримиримые враги, вследствие необходимости встретившиеся на своем жизненном пути. Но еще они были обыкновенными людьми, со своими понятиями о долге и чести. Клинцевич облизнул языком губы и попросил на афганском языке пить. Таджек-бек приподнялся на ноги и сам протянул чашку воды Францу. Пристально посмотрел ему в глаза, медленно взял чашку обратно и поставил на стол. Обвел взглядом своих подчиненных и, неожиданно улыбнувшись, проговорил:

– Хитрец. Наш язык знаешь не хуже приемов борьбы. И зачем тебе переводчик, говори сам.

Клинцевич облегченно вздохнул. Понял, что его прокол с иностранным языком пошел на пользу. Охотно ответил:

– Переводчик необходим. В переговорах должна быть ясность. Иначе наломаем дров.

– Наломаем дров. Это как понимать?

– Устроить бардак, принять неправильное решение. Старая русская поговорка.

Таджек-бек хмыкнул, перекинулся парой слов со своими подчиненными, повернулся к капитану:

– Русский язык – богатый язык, как и ваша страна. Только беспорядка много, этих самых дров. Я за ясность в наших отношениях. Керим, благодари Аллаха, что русский – достойный противник и твой проигрыш не посрамил мою честь. Иди, позови толмача, а сам с глаз моих долой. Учи русский язык и приемы

борьбы. Капитан, теперь поговорим об убитых моих людях и о нашем общем деле.

Он скидывает ладонью картинки и приказывает положить на стол крупномасштабную карту. Шум и хохот за дверью прерывают его. Появляется оживленный Мурат, в окружении улыбающихся охранников, с гитарой в руках. Бросив тревожный взгляд на Клинцевича, он слегка поклонился Таджек-беку и предложил спеть песню. Его просьбу хором поддержала вся сопровождающая ватага. Таджек-бек был умным командиром и предпочел не торопить события в решении вопроса с убитыми в перестрелке. Он благосклонно кивнул солисту, захлопал в ладоши, вторично с хитрецой подмигнул Францу. Широким жестом руки предложил сесть рядом. Такого поворота дел не ожидал никто. В том числе и сам командир десантников. Клинцевич пристроился на подушку проштрафившегося Керима, поблагодарив хозяина за приглашение. С не меньшим удивлением, не мигая, уставился на своего переводчика. Франц любил бойцов спецгруппы по-мужски, по-отцовски, по-братски. Мурата же сейчас просто боготворил. Три года на войне и все в разведке. Хорошо стреляет, вынослив, как верблюд, чешет на нескольких языках и, оказывается, поет, играет на гитаре. Определенно капитану с переводчиком чертовски повезло.

Да, Мурат хорошо знал своих соплеменников, живущих по другую сторону границы. Люди, они везде люди.

Он пел индийские песни из популярного фильма «Танцор диско» на таджикском, узбекском, русском языках. Куплеты переплетались то в веселую, то в грустную мелодию, проникающую в глубину души суровых воинов. Слова заполонили комнату, вырвались через двери наружу, заворожив сердца многочисленной охраны и снующей вблизи детворы.

Зрители не отрывали глаз от самодеятельного артиста, хлопали в ладоши и громко подпевали. И этот хор голосов чем-то напомнил мужскую пирушку собравшихся после разлуки старых друзей. Не было врагов, не было наций, не было войны. И так не хотелось возвращаться в тревожный и беспокойный реальный мир. Но прозвучал последний аккорд. Мурат поклонился, положил гитару на стол. Вопросительно взглянул на своего командира. Капитан скороговоркой рассказал переводчику о кулачном бое. Попросил перевести сказанное Таджек-беку. Мурат приложил левую руку к сердцу и, обращаясь ко всем, сказал:

– Люблю индийские песни. Вы прекрасно подпевали, спасибо. Придет время – может быть еще споем. Как знать. От имени командира приношу извинения за убитых. Наши солдаты не виноваты, они выполняли приказ. Абдулл и двое погибли по

собственной вине. Я далек от мысли, что проверять нас их послали вы. Они сами нарушили законы гостеприимства, за что и поплатились. О взаимной мести не может быть и речи. Мы поможем вам, а вы нам. Мой командир умеет держать слово, как и бить кулаком, – в чем вы сегодня убедились. Вам решать, Таджек-бек.

Все это он сказал с достоинством и почтительностью, как подобает на Востоке. И выслушали его, не перебивая, внимательно и благожелательно.

Главарь на минуту задумался, покачал головой и решительно повернулся к Клинцевичу.

– Капитан, у тебя хорошие солдаты. Гордись ими. Теперь я верю своим предкам и легендам о том, что русский солдат – лучший воин в мире. Я не держу зла за погибших. На все воля Аллаха. Спасибо за песню. Скоро рассвет. Приступим к делу.

Еще с полчаса договаривались о совместных действиях по разгрому отряда Измарая и блокирования каравана с оружием. Расстались довольные друг другом. Капитан хотел попросить воды, зная, что во фляжках десантников пусто. Мурат предостерег его:

– Во-первых, отравить могут. Во-вторых, догадаться: если у нас нет воды, то нет и прикрытия. В-третьих, сразу вычислят, сколько нас. Плюс минус пять человек. Поймут, что с окружением кишлака мы их надули. Таджек-бек с норовом. Обидится. Тут ваши приемы и моя музыка не помогут. По горячке прихлопнут, отомстят за погибших.

Верно говорят политики: «Восток – дело тонкое».

Он подумал и, вздохнув, добавил:

– Серегу-«дембеля» жалко. Два года мы с ним. Плохо, ох плохо будет без воды. Надо торопиться, пока прохладно.

Сменив маршрут, без остановок шли весь остаток ночи. Воду берегли для раненого. К обеду кончилась и она. Поднялись на круглое плато, и Клинцевич объявил привал. Десантники повалились на каменные плиты, устало замерли. Выдохся и сам Франц. Он прислонился спиной к огромной скале, открутил колпачок пустой фляжки, приложил горловину ко рту. Зная наперед, что фляга пуста, все же прикоснулся губами, лизнул шершавую внутреннюю полость горловины. Разочарованно хмыкнул, повертел фляжку в руках и швырнул в глубь ущелья, тоскливо проследив за ее падением. Оглянулся на своих бойцов, задержав взгляд на притихшем Сереге, подумал:

– Не жилец он, пусть отдохнет. Не успел на дембель уйти, видно, не судьба. Что-то притих. Эх, Серега, Серега...

От мысли, что можно помереть тихо и незаметно, ему стало

страшно. Пересилив усталость, он подполз к раненому, уселся на середину тропы, подогнув колени к подбородку, внимательно вглядываясь в его посеревшее лицо. Почувствовав чье-то присутствие, раненый открыл глаза и с надеждой посмотрел умоляющим взглядом на командира.

– Пить, – еле слышно выдохнули обкусанные, выжженные солнцем губы Сергея.

Франц осторожно погладил его темные волосы и попытался успокоить:

– Потерпи, потерпи, браток. Скоро придем к своим. Мы еще повоюем с тобой. Хотя тебе домой пора. На море поедешь с девочками воевать. Житуха будет у тебя, какая не снилась. Ты только крепись, не умирай. Слышишь?

Серега-«дембель» внимательно слушал командира и, может быть, представлял тот сказочный мир, в котором, увы, ему не было места. Его лицо осветила мягкая, мечтательная улыбка. Он благодарно прикрыл глаза и громко по слогам выдавил:

– Спа-си-бо, товарищ капитан. Вероятно, это были последние слова Сереги. Через два часа его не стало.

Клинцевич, пошатываясь, опустился на корточки. Долго смотрел на кончик высунутого, побелевшего языка умершего, в его открытые, грустные глаза. Легким движением ладони прикрыл веки. Почувствовал на пальцах тепло последней слезинки солдата. А может быть, уходящей из тела души. Он осторожно сдувает пыль с лица и пытается пальцами засунуть язык Сергея в рот, но плотно сжатые зубы не впускают обратно ссохшийся и окаменевший кусочек мяса. Тогда Франц левой рукой давит на скулы, а правой проталкивает язык в глубь гортани. Быстро вытаскивает пальцы из полости рта и слегка бьет Серегу по подбородку. Зубы умершего зловеще лязгают, соединяются верхняя и нижняя губы. Лицо покойника приобретает умиротворенный, божеский вид. Как подобает усопшему.

К ним подползает Мурат. Удрученно качает головой, вытирает потное лицо рукавом куртки, окидывает взглядом горные вершины, вздыхает:

– Вот беда-то, вот беда-то… Что делать будем? Не услышав ответа командира, хрипит ему в ухо:

– Расчленить Серегу надо, распределить по рюкзакам. Нести удобней.

Клинцевич вздрагивает, как от внезапного удара или выстрела. Смысл сказанного как молния влетает в утомленный мозг. Он что-то хочет сказать переводчику, судорожно хватаясь за горло и выплевывая изо рта блевотину. Ему хочется ударить

Мурата, но последние силы ушли на рвоту. Он протяжно мычит, отрицательно мотая головой. Его умнейший и храбрейший переводчик, не выдержав, срывается на крик:

– Слабо?! Блюешь, не понравилось. А как ты хотел? Себя и ребят погубишь. Подохнем ради целого трупа. Духи нам всем котелки поотрубают. Заспиртуют наши мордасы, как военные трофеи. Уши высушат, в духовский гербарий попадем. Я дело говорю. Вам решать, командир.

Клинцевич вспомнил, что последние три слова Мурат говорил ночью, обращаясь к Таджек-беку. Главарь принял свое решение. Теперь предстоит принять ему – капитану Францу Клинцевичу.

– Что орешь? Не глухие. Уходи, спасайся. Дембеля я один попру. Земляк он мой, понял, земляк, – неожиданно заговорил пулеметчик Андрей Мальцев. – Что я его матери скажу? Резать не дам, хоть убейте. Подохну, тогда обоих кромсайте или в ущелье скиньте. Живодеры вы, суки…

Мурат нервно хохочет, хватаясь за живот, затем по-детски всхлипывает, шмыгает носом. Резко умолкает, протяжно и грустно вздыхая. Снимает ботинок и вытряхивает из него камешки. Зашнуровав и сделав петлю, вновь снимает. И так раза три. Молчит, качаясь телом из стороны в сторону. Думает. Решительно снимает с плеч рюкзак, перебирает вещи. Выкидывает в ущелье вилку, ложку, зажигалку, блокнот, тельник и другие мелкие солдатские пожитки. Оставляет только боеприпасы. Ни к кому не обращаясь, обреченно добавляет:

– Пацанва, эх пацанва. Живодером, сукой обзываешь, Андрюха. Я не говорю бросить. По частям надо тащить Серегу. Всем помаленьку, поровну. Ему без разницы, как в цинке лежать. Мать знать не будет, в окошечко посмотрит для успокоения. Главное, похоронить по-человечески. Поплачет, погорюет – смирится. А если мы все подохнем в этих проклятых горах? Будем числиться без вести пропавшими и Серега тоже? Что, легче его матери будет? Годами ждать погибшего сына. Мне «дембель» друганом был, и мой долг тащить его, пока сам жив. Только имейте в виду, если меня грохнут, то заройте труп в камни. Не обижусь. Двоих переть не осилите. Тогда точно все загнемся, живодерчики вы мои. Малец! Гони пулемет, обойдешься Серегиным автоматом. Что рот разинул? Берите вдвоем «дембеля», и пошел. Всем рюкзаки расчехлить, все лишнее в ущелье, за Андрюхиным пулеметом следом. Командир, проследите – ни иголок, ни ниток. Все в пропасть. И лишнее оружие скинуть. Оставить по паре гранат и патроны. Серьезного боя нам не выдержать. Таджек-бек поверил нам, не организовал

погони. Лишь бы случайных бандюг не встретить. Пойду в авангард. Может быть, и донесем «дембеля» целиком. Не буду загадывать.

Ворча и бубня под нос, Мурат обогнал всю группу и возглавил движение.

Вперед, зигзагами горной тропы. По каньонам, ущельям и руслам пересохших горных ручьев. По долинам, ложбинам, оврагам в окружении древних гор. Вперед, только вперед. В помеченный на карте квадрат. Еще несколько часов кошмарной ходьбы, и они вновь на вершине горы. Теперь спуск вниз. Близка «зеленка». Там вода, спасение, люди. Там безумствует взбесившаяся в войнах планета. И в этих войнах виноваты все живущие на Земле люди.

Пулеметчик Андрей Мальцев ползком упрямо тянет конец брезентухи, которой завернут его земляк.

Сзади, кряхтя и тяжело дыша, толкает тело друга Мурат. Его сменяет другой десантник. Где вдвоем, где втроем молча несут скорбный груз. Говорить нет сил, и в голове какой-то тяжелый бред. Перед глазами серые скалы, прыгающие красные шарики, предвестники глубокого обморока. Франц толчками тормошит, подгоняет отстающих. Только вместе можно дойти, помогая, спасая друг друга. Они почти у цели, в спасительном квадрате. Слабый вечерний ветерок гонит из зеленеющей долины дурманящий горячий воздух, запахи цветов и фруктовых садов. Десантники невольно облизывают ссохшиеся, обкусанные, опухшие губы. На лицах появляется робкая улыбка. Широко улыбается и сам Клинцевич. Вдруг шквальное облако пыли выныривает из долины на плато. С размаху разбивается о скалы, оседая серой мутной пылью на камнях. Следом появляется многометровая темная вертикаль клубящегося и кипящего воздушного потока. Вертящийся смерч срывает камни с вершин, проносится над плато, сталкивается с горной грядой. На мгновение замирает, потеряв былую силу, взвивается в небо и уносится обратно в долину, набираться сил.

Все же краем своего страшного крыла коварный «афганец» коснулся людей. Кого опрокинул на спину, кого бросил на камни, оставив в воздухе громкий гул. Это был камнепад, который обрушился на долину. Через несколько секунд часть мелких камней достигли лежавших на возвышенности десантников.

– Под скалу, все под скалу, – громко крикнул Мурат, заталкивая вдвоем с Андреем в расщелину тело Сергея.

Франц услышал переводчика слишком поздно. Он успел прижаться телом к скале, засунув ноги в какую-то дыру. Огромные булыжники наперегонки, крошась и ломаясь,

пронеслись мимо. Уже на излете камешек величиною с горошек щелкнул Франца в лоб. Его запорошило горной щебенкой и, съехав на животе вниз, он потерял сознание.

Потустороннее, тусклое, унылое красное зарево заката вернуло его к жизни. Поморщившись, он потер лоб, на котором вскочила шишка. Встрепенулся, вспомнив о смерче, и попытался вылезти из дыры. Как сквозь сон услышал ворчание Мурата:

– Говорил, расчленить надо. Нет, подохнем, но тащить будем целиком. Салаги одним словом. Сейчас бы в долине отдыхали. Капитану простительно, он новичок в Афгане. Я же, старый осел, третий год пашу, а мальчишек не убедил. Теперь камнями придавило, шиш кого поднимешь. Придется делать все самому.

Клинцевич облегченно вздохнул, почувствовав, как переводчик тормошит его за плечо. Радостно подумал, что не все потеряно, если у Мурата есть силы ворчать. Как сладкую музыку слушал он его голос:

– Капитан, ты живой? Шишка на лбу? До свадьбы заживет. Дай-ка я тебя вытащу на божий свет. Счастливчики мы, никого не раздавило. Серега-«дембель» и тот не пострадал. Целехонек, ваша взяла. Здорово поштормил «афганец». Думал смерч меня, как коршун цыпленка, утащит. Мы с Андреем за Серегу ухватились. Так втроем и выдержали. Правда, Андрюха пластом рядом с земляком лежит, по хребту его стукнуло. А я везучий, обошлось. Ребят поцарапало, но все живы. На ноги никого поднять не могу. И вы, товарищ капитан, не ахти как. Колька-радист сумел рацию включить. Молодец. Как и вы по лбу получил, но связь сберег. Командир, скажи координаты, позывной, пора вызывать «вертушки». Придется мне вас охранять. И что без Мурата бы делали?

Его слова убаюкивали, успокаивали Франца. Не хотелось думать, загадывать, отвечать на последний вопрос переводчика. Мураты были всегда и должны быть в любой армии. На таких людях все держится.

Клинцевич прошептал переводчику необходимые данные для радиосеанса. От усилий потемнело в глазах. Судорожно хватанув воздуха, он закрыл глаза. Очнулся от постороннего шума, доносившегося из горловины долины. Сразу понял: летят «вертушки». Захотелось закричать от радости, не смог и заплакал. От слез стало легче на душе, он почувствовал себя бодрее и открыл глаза. Пошевелился, тронулся с места и пополз. Мельком заметил еще несколько движущихся фигур его бойцов. На открытом месте оперся грудью о камень, приподнял голову и навсегда запомнил эту картину.

В ночных сумерках, на скале застыла фигура переводчика.

Перекинув через плечо автомат, Мурат держал обеими руками горящий факел и размахивал им над головой. К нему подползали десантники, шатались, вставали на ноги и махали, махали, кто автоматом, кто кепкой, кто снятым с тела тельником.

Тот, кто не смог подняться во весь рост, вскидывал в приветствии руки, многие вытирали слезы с глаз, размазывая их по лицу. Командиру помогли подняться на ноги и подсадили на скалу. Переводчик крепко обнял его. Вдвоем они сигналили факелом, смеялись и плакали, не стыдясь слез. Совсем неожиданно для себя, Франц прокричал:

– Мурат, ты был прав. Ты понял меня? Ты был прав… Война есть война…

Переводчик понял его, неопределенно покивал головой. Задумался и, повернувшись назад, нашел глазами сидевшего рядом с трупом Сереги-«дембеля» Андрея Мальцева. Заметил счастливый, восхищенный взгляд, слабое приветствие его руки. Широко улыбнулся ему в ответ и громко ответил Клинцевичу.

– Кто знает… Главное, мы живы. Живы, командир, живы!

КОНТИНГЕНТ. Рассказ

Двадцатичетырехлетнего полевого командира Керима Исламбекова уже с месяц не покидало чувство опасности. Каждый вечер он засыпал с мыслью, что утреннюю тишину снова нарушит лязг танковых гусениц, рокот вертолетов и смертоносные залпы ракетных установок. Беспокойство росло с каждым днем. До кишлака дошла молва, что «шурави» уходят. Позже об этом стали писать газеты, говорить радио. Радостная весть вселила в душу молодого командира тревогу и главный вопрос «Как?». Об этом не писали газеты, не говорило радио. Для них важен факт, а не сам процесс, так сказать, черновая работа. Керим знал, как чужеземцы уходили из захваченных стран. По договору правительств, организованно, без лишних жертв. Это где есть сильная власть. А если ее нет? Из той же России Наполеон бежал, бросив на произвол судьбы свои войска. Советские генералы никогда на это не пойдут. Гитлер уходил, уничтожая за собой города, села, мирных жителей, вел кровопролитные бои. Сейчас не те времена, и Горбачев не рискнет уподобляться фашистам. В обоих случаях русские били в лицо и в спину немцев и французов. Теперь они сами в чужой стране попали в ловушку. Как они будут уходить – вот что беспокоило его в последнее время. И еще Керима тревожила память. Все чаще приходило в снах. Его отец, горный инженер, выучившийся в России, любил приговаривать:

– Учи, сынок, языки и друзей и врагов. Все пригодится в жизни.

Он с юношеских лет вместо винтовки держал в руках циркуль и карандаш. Перед войной с русскими специалистами, проектировал и строил систему водоканалов на юго-востоке страны. Жили в палатках, землянках, по-походному, налегке, в сугубо мужской компании. Летом начальник строительного участка, Сергей Николаевич, привез своего сына Вадима, который мечтал стать геологом. Его мать погибла в автокатастрофе, отец переживал за сына, сын за отца, и им было легче вдвоем в трудное время.

Мальчики подружились с первой встречи и весело проводили время. Особенно ребятам нравилось играть в казаков-разбойников. Лазали по горным кручам и каньонам, бесшумно подползали к караванам, идущим с товаром из Пакистана, и громко «ухали» через мегафон, на манер американских индейцев, не на шутку пугая мирных кочевников. Крикнув победный клич, мальчишки исчезали в скальных нагромождениях Гиндукуша. Их опасные проделки не проходили бесследно. Особенно подводил

«разбойников» мегафон, которого никто в кишлаке не имел. А без него выходило не страшно и скучно. Караванщики жаловались отцам, беспокоясь за жизнь детей. Ох, и попадало им от родителей за опасные проделки. Приходилось за грехи отбывать трудовую повинность с лопатами в руках. Хотя, какая там повинность, если работа увлекала ребят не меньше, чем разбойничьи игры. Результатом труда была вода – начало всех начал в песчаных пустынях субтропиков. Оживали истосковавшиеся без влаги плодородные земли, зеленели долины, светились счастьем и надеждой лица крестьян, они искренне благодарили великую северную страну за бескорыстную помощь. Мечтали о многом два юных друга. Но случилась война, будь она проклята.

«Ограниченный контингент советских войск», – мысленно повторил Керим ненавистные слова. В сотый раз отчетливо вспомнил тот холодный по-зимнему день, когда по новой «Кабульской» дороге вереница натужно урчащих двигателями русских танков вползла в сказочный, благоухающий оазис, сотворенный руками жителей близлежащих кишлаков. Ни в Москве, ни в Кабуле не поинтересовались: а хотят ли простые люди военной помощи. Этим решением правители наплевали в души людей. Избороздив стальными гусеницами танков живительные отводы оросительных каналов, пахотные земли, испоганив святые места, вчерашние друзья превратились во врагов. Тысячи равнодушных, чужеземных солдат, бряцая современным оружием, как ядовитым жалом гремучей змеи, ввергли обе страны в смертельную бездну. Первая пролитая кровь порождает ненависть и насилие.

В тот день и на родной земле Керима случилось страшное событие. Кто-то не стерпел обиды, плевка в душу, при виде разрушенной дамбы вблизи кишлака и мазутных пятен на водной поверхности канала. Прозвучал выстрел, и молодой русский солдат, черпавший ведром воду, обливаясь кровью, упал в глубь канала. Его кровь, смешиваясь с водою, расползалась вширь, порозовела и поплыла вниз по течению, завораживая и призывая к мщению его друзей. По горячке, по слабомыслию, без разбору, злой шутке, ради любопытства, чувства мести, просто так, от нечего делать, люди стали стрелять друг в друга, превращаясь в врагов. В дело вмешалась техника. Грозно рявкнули пушки бронированной стальной армады, и тысячи огненных посланников смерти унеслись искать свои жертвы. Пылали деревянные стройки, в панике выбегали из дувалов жители кишлака в поисках спасения. Трудно, ох, трудно было выжить в этой дьявольской свистопляске тем, кто находился в селении.

Тогда еще не было в моде слово «зачистка». Это и спасло многих от лютой смерти. Отцы ребят не успели встать перед выбором: кто кого и за кого? Спящих, усталых после работы, их накрыло в теплой землянке огнем артиллерии. Одно прямое попадание крупнокалиберного снаряда навеки упокоило двух геологов – русского и афганца. Точнее, их тела разорвало в клочья. Следующие взрывы разветвили прямую линию канала в ряд неровных ответвлений, заканчивающихся заводями из глубоких воронок. Тяжелые танки проутюжили и развалили рабочие постройки вдоль канала, разрушив стены землянки, надежно спрятав братскую могилу под прозрачным покрывалом хлынувшей из канала в воронку воды.

Двум мальчишкам Всевышний уготовил другую судьбу. Спозаранку ребята отправились в горы на охоту. Их планы прервал далекий грохот техники, не вписывающийся в обычную утреннюю тишину. Наперегонки они влезли на вершину горы и с восторгом смотрели на длинную колонну техники, вынырнувшую из пасти ущелья. Два юных чудака ликовали, восторженно кричали, решив немедленно сделать разбойничье нападение на железных чудовищ. Строя разные планы, они стали спускаться по тропинке. И вдруг услышали эхо винтовочного выстрела, которое стало роковым для их кишлака, судьбоносным для Керима и, может быть, всей страны. После выстрела все пошло шиворот навыворот. Ровная цепочка колонны резко сломалась. Часть танков и бронемашин съехала с основной дороги прямо в зеленку. По пути ломая посадки нежных деревьев, помчались к водной поверхности канала. Оставшийся на дороге передний танк дернул стволом пушки, выплюнув из своей утробы смертоносную жабу. Произведя пристрелку, все скопище техники дружно фыркнуло из орудий, застрочило из пулеметов по каналу и предгорной долине, где приютился родной кишлак Керима.

Мальчишки остановились на пригорке и с ужасом наблюдали за ходом трагедии. Один Аллах знает, как они смогли пережить тот миг, когда снаряд разворотил их землянку. Видеть, как танк гусеницами утрамбовал на месте землянки землю, тяжело выполз из глубокой воронки, уступив место грязевому потоку воды. Керим навсегда запомнил залитые слезами глаза Вадима и его отчаянный, рыдающий крик:

– Не надо, не стреляйте, там мой папа, дядя Вазиль, не убивайте, не убивайте их!

Что-то кричал и он, путая афганский и русский языки. Но вопли и крики ребят терялись в грохоте стрельбы орудий и рокоте работающих двигателей техники. Вадим, обессилев от криков и рыданий, лишь хватал пересохшим ртом воздух, слабо

махая руками. Ноги его подкосились и, потеряв равновесие, он свалился в расщелину, разбив о камни голову. Керим скинул с себя голубую майку, умело перебинтовал голову друга. Удар плюс нервное перенапряжение Вадима принесли новые заботы афганцу. Друг приходил в себя, бредил и вновь терял сознание. Пришлось весь день просидеть в расщелине, держа его голову на коленях, промывая рану водой и смачивая влажной тряпкой пересохшие губы. Так сидя и задремал, уставший от вороха беспорядочных мыслей. Легким толчком его разбудил пришедший в себя Вадим. Глаза его ясно и с нежностью смотрели на Керима, тихо прошептал:

– Спасибо, друг, что не бросил меня подыхать в расщелине, в отместку нашим. Что будем делать дальше?

Афганец ждал этого вопроса. Еще в обед он сделал обзор местности, убедился, что солдаты остановились на ночлег на предгорной равнине.

– Теперь нам вместе нельзя, – вздохнул он, положив ладонь на плечо друга. – Ваши убьют меня, наши – тебя. Колонна остановилась на равнине. Я провожу тебя к ним, а сам вернусь в кишлак. Надо похоронить отцов, узнать, жива ли мать и решить, как жить дальше.

Вадим кивнул обвязанной головой, перехватил руку друга на своем плече, благодарно сжал ее:

– Это начало войны. Только не между нами. Давай поклянемся никогда не стрелять друг в друга. Как наши отцы. Обозначь и сохрани их могилу. Я обязательно вернусь сюда. Если меня призовут воевать, знай, я буду стрелять только в воздух. И еще отличительный знак. Запомни – голубая повязка на голове, как твоя майка. Не забудь наш боевой клич. Это пароль.

Ребята по-мужски, крепко пожали руки, и Керим проводил друга до передового поста русских. Все было переговорено по дороге. Они последний раз обнялись и расстались, быть может, навсегда.

– К своим пришел, теперь не пропадет, – облегченно подумал Керим, высунувшись из-за скалы. Его случайно заметил молодой симпатичный боец с веснушками на лице и испуганно полоснул длинную очередь из пулемета. Правое плечо афганца прожгло острой болью, он вскрикнул и бросился обратно в горы. Бежал, спотыкаясь о камни, и горько плакал от боли и обиды, вспоминая отчаянный вопль друга.

– Не стреляйте, не стреляйте! Это мой брат.

Еще одна пуля, выпущенная на всякий случай, сделала свое черное дело, превратив юношу в мужчину и лютого врага пришельцев. Только на третьи сутки ослабевший и исхудавший

он приполз в родной кишлак, где узнал о смерти матери и двух сестер. Через неделю ему вылечили плечо, и Керим пришел на кладбище. Долго молился за отца, мать, сестер, но не плакал, не мог. Кусал нижнюю губу до посинения, клялся отомстить за родных и близких. Очередной матерчатый символ мусульманского горя затрепетал над могилой, призывая к мщению.

Прямо с кладбища он отправился на канал. Место, где была землянка, нашел сразу, определив по воронке, залитой сверкающей на солнце водой. Тихо и уютно щебетал ручеек, выбегающий из заводи по глубокой гусеничной колее. Он впился глазами в песчаное дно, сидел на солнце не шелохнувшись до вечернего заката. Сильно хотелось пить, но не смог утолить жажду. Казалось, где-то там, под песком, сочится кровь отца и капля за каплей вытекает наружу. Керим больше никогда не пил воду из заводи. Случайно его взгляд обнаружил сохранившийся на берегу плоский зеленоватый камень, вспомнил, что именно на нем отец Вадима раскладывал карту-схему водосточных каналов. Бережно разглаживал складки на карте и увлеченно рассказывал отцу Керима и ребятам о своих грандиозных планах. «Его место на могиле, как вечная память, это их камень», – подумал Керим, приподнял его с земли и осторожно опустил в воду, где когда-то была землянка. Топориком срубил два дерева, аккуратно ошкурил ствол. Первый глубоко воткнул в землю над обрывом, в точности, как на могиле матери и сестер. Из второго сколотил крест и воткнул рядом. Поклонился еще раз, пожелав всех благ небесных дорогим сердцу людям, и вернулся в кишлак.

Утром старейшины рода держали совет, куда пригласили оставшихся в живых мужчин. Долго спорили, как жить дальше. Решили объявить свою территорию нейтральной, не воюющей ни с кем и ни за кого. Желающих немедленной мести не отговаривали, а предложили уйти в другие районы страны, где можно без угрозы для мирных жителей убивать неверных. Против выступил тщедушный, длинный, высохший, как скелет, с жестким, пронизывающим взглядом Ахмет, виновник того рокового выстрела:

– Мы должны убивать захватчиков везде и всегда, – злобно проговорил он, – объявить газават под зеленым флагом ислама. Война, только война искупит грехи перед Всевышним. Во славу Аллаха винтовка в моих руках будет стрелять в каждого, кто против священной войны независимо от веры.

– Ты стервятник, злобный и неугомонный. Мало тебе крови пролитой по твоей вине? Ты первый выстрелил в русских, – неожиданно заговорил самый мудрый и уважаемый в кишлаке

аксакал, не проронивший доселе ни слова. – Аллах призывает к милосердию, миру, любви. Тебе этого не понять, уходи из кишлака, на тебе кровь земляков, ты стервятник и провокатор, твое место в аду.

Гул одобряющих голосов и злые огоньки в глазах мужчин и юношей, потерявших близких, заставили Ахмета удалиться, бубня себе под нос:

– Погодите, пробьет час, вспомните мои слова.

После его ухода дела пошли быстрее. Для охраны территории решили создать постоянный военный отряд, объединиться с соседними селениями. Пятнадцатилетнего меткого стрелка и грамотея, сына Визиля, старейшины назначили командиром. Так, в короткий период времени Керим превратился в настоящего мужчину, потерял всех своих близких, сделался полевым командиром и лютым врагом ограниченного контингента советских войск.

За мать и отца он отомстил за пару лет в схватке с Кабульскими войсками, пытавшимися установить правительственную власть над свободной территорией. В боях не щадил и русских, помогавших Бабраку Кармалю прибрать к рукам всю страну. Но Вадима так и не встретил.

Керим воевал только на своей территории. Последние пять лет никто не лез в его владения, и здесь наступила мирная жизнь. Воины отряда восстанавливали каналы, сеяли зерновые и собирали богатые урожаи цитрусовых. Там, где война, мир хрупок и недолговечен.

Гонец прибыл вечером. Им был Ахмет, прозванный «стервятником», выгнанный старейшинами из кишлака. Он почти не изменился, стал лишь худее и злее прежнего. Такие люди есть в любой стране и народе, существуют в поиске вражды, смертельной наживы, болея вечной и страшной болезнью уничтожения себе подобных. На протяжении всей войны Ахмет был для кишлака черным вестником тревожных событий, глазами и ушами курбаши Белибека, контролирующего всю провинцию. Посланник зловеще сверкнул своими угольными глазами и сразу перешел к делу:

– Привет тебе от курбаши и пожелание удачи в борьбе с неверными. Он велел сообщить, что русские собаки наконец-то решили покинуть нашу страну. Теперь, чем больше мы убьем солдат, тем скорее «шурави» уберутся на родину, тем милостивее будет к нам Аллах. На рассвете сюда прибудет сам Белибек с крупным отрядом моджахедов. Завтра ожидается отступление большой колонны техники на север. Мы ударим по ней и победим.

Керим, внимательно слушая «стервятника», с горечью понимал, что снова рушится мир и покой. Не глядя в лицо Ахмета, грустно рассудил:

– Знаю, что уходят, и слава Аллаху. Пусть идут. Зачем нападать? В крупной колонне будут танки, артиллерия, воздушное прикрытие. О какой победе ты говоришь? Нас разобьют в пух и прах. Помнишь, как десять лет назад. Я не хочу нового кровопролития.

Наконец-то пробил час стервятника! Не забыл Ахмет и никому не простил, как с позором был изгнан из кишлака. Помнил, ох помнил свои последние слова. Сейчас он их хрипло выплюнул, брызгая слюной:

– Во славу Аллаха мы будем стрелять в каждого, кто против священной войны. Усмири гордыню, не накликай беды на весь свой род, выполняй приказ и готовь людей к бою. Жди Белибека и его людей, выбора у тебя нет.

Молодой командир уклонился от ссоры, понимая, что Ахмет лишь исполнитель чужой воли. Курбаши Белибек. С ним шутки плохи. Заносчив, прямолинеен, но умный и рассудительный человек. Его отряды останавливались на отдых в кишлаке и не нарушали законов гостеприимства. Ходил и Керим под его началом в те первые военные годы. Неплохой стратег, умел производить внезапные налеты и вовремя отходить. Неужели выдержка изменила ему? Ударить в лоб по колонне, затяжной бой… Верная смерть. Он не кровожадный Ахмет и за просто так не будет рисковать людьми. Тут что-то другое. Какой-то важный политический заказ. Нужно обсудить на совете план спасения жителей, поставить курбаши перед фактом.

Приход «черного вестника» ни для кого не остался незамеченным. Всевозможные слухи повисли в воздухе, люди потянулись к мечети, где на небольшой площади проводились общие сборы.

Керима встретил встревоженный гул голосов, стихший при виде его поднятой руки. Тревожные глаза воинов и старейшин с надеждой смотрели на молодого мужчину, которому когда-то доверили свою защиту. Он поклонился им и решил сразу предложить свой план действий.

– Земляки, война кончается. Это большая радость для всех нас. Нам долго удавалось сохранять нейтралитет и оберегать женщин, детей, стариков, свои жилища, поля, водные каналы. Но судьба приготовила нам новое испытание. Завтра по дороге пройдет большая колонна советских войск, русские возвращаются на Родину. Знаю одно, если мы пропустим их через ущелье, то они уйдут без единого выстрела. Так было не раз за последние

годы. Ночью к нам придет курбаши Белибек со своим отрядом. Они нападут на колонну. Отговорить их не удастся, скорее всего, это политический приказ, где моя, ваша жизнь не принимается в расчет, как и жизнь самого курбаши и его воинов. Мы оказались между двух огней. Нам остается попытаться спасти женщин и детей – будущее рода. Прятать в горах поздно и опасно. Русские пробомбят каждый каньон и расщелину вблизи кишлака. Я предлагаю разбить лагерь на равнине за водньм каналом, на виду, вывесить белые и красные флаги. Их спецназ сразу проверит, кто находится в лагере. Не должно быть и намека угрозы на возможный удар в спину. Поэтому все мужчины останутся здесь. Ближе к дороге, между лагерем и колонной, расположаться старики, одетые в белые одежды и без оружия. Поставьте в известность русских, что это нападение совершено не по нашей вине, тогда есть надежда на их милосердие. Долго бойня не продлится. В открытом бою решает все техника. Первым делом они уничтожат наши жилища, которые люди курбаши превратят в крепости. Затем по долинам, ущельям, высотам ударит авиация. Я предвижу полный разгром, печальный конец, который, увы, бессилен предотвратить. Наш отряд должен участвовать в этой политической игре, иначе с нами расправятся за предательство. Вы это знаете не хуже меня. Постараюсь уговорить Белибека уйти в горы, но вряд ли он согласится. Главное, сохранить людей и колодцы, тогда будем жить. Сейчас попрощаемся и в путь. Аллах велик и не допустит нашей гибели.

Быстры на сборы потомки древних кочевников в минуту опасности. Без суеты, без паники, присущих большим городам, покидали кишлак люди. Уже через час навьюченные верблюды и ослы послушно перешли дорогу в сторону песчаной равнины. Из домов вывезли все, вплоть до консервных банок, зная наверняка, что жилища будут разграблены и уничтожены артиллерией и авиацией.

После полуночи прибыли моджахеды курбаши Белибека, они заняли кишлак, часть зеленки и приступили к строительству линии обороны. К утру пробили в саманных стенах домов амбразуры, вырыли окопы, закопали взрывные фугасы. На возвышенности замаскировали два безоткатных орудия. Быстро перекусили и приготовились к бою.

Курбаши Белибек, поджарый, красивый, чернобородый сорокалетний мужчина, одетый в полувоенную пакистанскую форму с неизменной чалмой на голове, дал последние указания своим людям и повернулся к терпеливо ожидавшему Кериму. Жестом пригласил присесть рядом на услужливо поданную подушку. Взял в руки кривую палку, рассеянно ковырнул ею золу

в прогоревшем костре, неожиданно улыбнулся и наконец-то заговорил мягким, приятным голосом:

– Пока я доволен твоими действиями, сотник Исламбеков. Посмотри на костер. Видишь, зола быстро остывает, когда нет огня. Вот и в тебе нет огня, ты забыл лютую смерть отца, матери, сестер, остыл, превратился в холодную золу, в которую можно тыкать палкой, растоптать ногами, а она и не огрызнется. Теперь надо вновь зажечь в сердце костра огонь, и тогда пламя сожрет палку, омолодит золу, которая испепелит, изгонит из костра любое инородное тело. Ненависть – это отличное топливо для огня, которое будет вечно подогревает золу, и горящие угли не дадут никогда властвовать чужаку в твоем костре.

Молодой командир неторопливо отпил несколько глотков чая из пластмассовой кружки и решил выдержать манеру разговора курбаши. Он подобрал брошенную на землю палку, повертел в руках, осторожно положил в потухший костер, философски ответил:

– Нет ничего вечного в мире, кроме Аллаха. В конце концов и палка, и угли превратятся в холодную золу, которую ветер разгонит по свету. Ненависть опасное топливо для человека, ответственного за судьбы людей. А я в ответе за продолжение жизни моего рода. Можно сгореть раньше времени и утащить за собой в огонь ни в чем не повинных людей. Я отомстил за своих родных, ты хорошо знаешь об этом, теперь разум руководит моими действиями. Он подсказывает, что оппозиционную войну мы никогда не выиграем. Я противник предстоящей бойни, ты это хорошо знаешь. Мирные люди кишлаков выведены на равнину. Ставлю тебя в известность, что старейшины рода попросят русских не открывать огонь по полевому лагерю. Это мое право спасти людей. Твои воины готовы и в лоб ударят по колонне, но твой тыл не прикрыт. Там, – Керим рукой показал в горы, – есть широкое, ровное плато, удобная позиция для высадки десанта. «Шурави» не дураки и постараются перекрыть тебе тыл. Удар нанесут с двух сторон и уничтожат нас в считанные минуты. Я предлагаю своим отрядом блокировать десант, что даст тебе возможность дольше продержаться здесь, в кишлаке. Повторяю, я не верю в успех авантюры, на ненависти далеко не уедешь. Своими действиями я продлю агонию твоего отряда. У русских нет выхода, они возвращаются домой. Своими танками, артиллерией и авиацией они сотрут нас в порошок. Ты сам это хорошо понимаешь, кур-баши. Я буду надежно прикрывать вашу спину, пока жив, но и ты не провоцируй врагов на уничтожение стариков и женщин. Пусть мы погибнем, раз так суждено, но живут дети. Белибек, последний вопрос к тебе. Они уходят,

уходят навсегда, к чему новые жертвы?

– Для избежания более кровавых событий, Керим. Генералы в Москве, марионетки в Кабуле затягивают вывод войск. В Советском Союзе задурили народу головы идеей интернациональной помощи. Со мной прибыли западные журналисты, которые напишут правду. Во всем мире люди должны понять, что в Афганистане давно идет война. Кто-то должен пожертвовать собой и провести показательный бой. Жребий выпал нам. Это судьба. Ты сделал правильно, что удалил женщин и детей на равнину, и я не шакал устраивать провокации против своего народа. Я принимаю твой план – ты прикрываешь тыл. Но запомни, если предашь или струсишь… Я накажу за подлость весь твой род, по закону кровавой мести. Вот такой наш будет договор, согласен? И последнее. Возьмешь с собой Ахмета и журналистов. Старик своим присутствием будет напоминать о договоре, а газетчики наблюдать сверху о ходе боя. Если я погибну, ты отвечаешь за них собственной головой. Там, в Пешаваре, знают об этом. Тогда спасай своих родичей, как сумеешь. Думаю, Аллах тебя за это не осудит. Прощай и ступай с миром. Помни наш договор.

Бой длился всего несколько часов. Точнее, шла перегруппировка техники внутри советской колонны, воздушная разведка и плотная бомбардировка всеми видами оружия кишлака, «зеленки» и горных вершин.

Внезапный удар моджахедов Белибека не принес видимого успеха. Армейская колонна, состоявшая только из боевой техники, танков, артиллерии, зенитных комплексов, боевых машин пехоты и десанта замерли при подрыве передней машины. Немедленно вперед выползли три тяжелых танка, надежно прикрыв нос колонны. На разминирование пустили саперов и спецмашину по обезвреживанию взрывных устройств. Корректировщики молниеносно засекли батарею безоткатных орудий моджахедов и выдали координаты на зенитный ракетный комплекс. Ураган снарядов разворотил вершину высоты, уничтожив орудия курбаши. Колонна развернула стволы пушек и пулеметов в сторону кишлака и открыла дружную беспорядочную стрельбу.

Отлично понимал Белибек, что в позиционной войне техника противника раздолбает его в два счета. Но такого беспощадного, скоротечного разгрома он не ожидал. Залитый и харкающий кровью, курбаши жил последние секунды и думал о тех двух журналистах, ушедших с Керимом, которые видели бой своими глазами и должны написать правду. Успокоив себя тем, что свой долг выполнил до конца, он закрыл глаза и умер. Погибли почти

все, кто нападал на колонну из «зеленки» и кишлака, не успел вовремя отступить в глубь ущелья. Получился бестолковый, глупый бой со стороны моджахедов. Схватка ящерицы со слоном, правда, в будущем сыгравшая определенную роль в оперативных сводках боевых потерь и войсковых операций на последнем этапе войны. А оставшиеся в живых журналисты подлили масла в огонь, рассказав о героической смерти Белибека и его людей. Эти сводки и публикации делали свое дело в высших советских штабах и умах генералов, торопили их вылезти из опасной трясины, в которую попала великая страна десять лет назад.

Это будет позже, а в тот солнечный день смерть собирала обильную жатву, пыталась скосить в свой ужасный бункер и отряд Керима. Его бойцы укрылись в скалах по периметру широкого горного плато и могли только догадываться и слышать о трагедии, разыгравшейся в кишлаке. Их молодой командир занял удобную позицию, откуда хорошо просматривался лагерь на равнинной местности. Он видел, как при первых выстрелах моджахедов от хвоста колонны оторвался клочок пылящей брони и направился напрямую к лагерю. На полпути бронемашины встретила делегация старейшин в белоснежных халатах, с белыми флагами в руках. Керим удовлетворенно вздохнул, заметив, как солдаты подсадили несколько стариков на броню боевых машин, развернулись и помчались обратно к колонне. Остальная техника окружила кольцом лагерь мирных жителей в ожидании результатов переговоров. Его наблюдения прервал мрачный, тяжелый шепот Ахмета:

– «Вертушки» в круг встали, по нам ударят, значит, десант будет.

Действительно, его пророчества не заставили себя ждать. Боевые вертолеты своей стрельбой прижали моджахедов к земле, прикрывая огнем десантников, высаживаемых на плато.

Полуоглохший от взрывов Керим попытался вновь навести бинокль на лагерь, но резкий толчок в плечо нарушил его план.

– Курбаши Белибек убит, и все его люди погибли, услышал он вновь голос Ахмета, – удалось спастись лишь пятерым. Теперь ты за главного. Русские как на ладони, прикажи открыть огонь.

Керим повернул голову в сторону плато, поднес бинокль к глазам. О, Аллах! Этого не может быть! В окулярах стекол он увидел широкоплечего русского офицера, который, выпрыгнув из вертолета, что-то прокричал солдатам, повернулся лицом в сторону канала, низко поклонился, достал из-за пазухи голубую материю, снял кепку и умело обмотал ею голову. Керим с надеждой, внимательно разглядывал скуластое, загорелое лицо офицера, с радостью разглядел крупную родинку на щеке. Это

был он – его русский друг, который все же вернулся на землю, где похоронен отец.

– Без команды не стрелять, – громко крикнул Керим, вдруг поверив, что именно сейчас можно прекратить кровопролитие.

В сопровождении телохранителей ловко пополз к кромке скалистого плато. Спрятался в широкой расщелине и несколько раз, на удивление охранников, гортанно ухнул. Выкрикнул на полузабытом русском языке:

– Вадим, Вадим! Я здесь…

И тут раздался ответный их боевой клич и звонкий ликующий возглас детского друга:

– Керим! Я, иду к тебе. Не стрелять, ребята, не стрелять! В безудержном порыве, забыв обо всем и обо всех, как будто нет войны, командир моджахедов вскочил на ноги и пошел навстречу.

– Щенок, предатель, – услышал позади визгливый голос Ахмета и зловещий щелчок затвора винтовки в его руках. Мгновенно упал лицом вниз, повернул в руках ствол автомата и нажал на спусковой крючок.

Все же Ахмет успел сделать один выстрел и, скрючившись пополам, выпустив из рук дымящуюся винтовку, кувыркнулся с отвесной скалы в пропасть. Раненный его выстрелом в плечо Вадик проследил взглядом за летящим в небытие телом врага и, смутно понимая, что сейчас может случиться страшная бойня, морщась от боли, раскинул в стороны руки:

– Не стрелять, ребята, не стрелять! Их командир мой друг. Слышите, друг. Договоримся, обойдемся без войны. Ребята, не стрелять!

Керим уже стоял на ногах и, направив ствол автомата в сторону своих, громко кричал:

– Кто следующий желает попасть в ад? Всем положить оружие перед собой на землю. Джамиль, проверь, – повернулся он к командиру охраны. – Тех, кто не выполнит приказ, расстрелять на месте. Пока я жив – не стрелять в русских. Все слышали?

Сзади его обняли крепкие руки Вадима и прижали к груди. Они долго смотрели друг другу в лицо, сжимая в крепком рукопожатии ладони. На глазах изумленных врагов афганец бережно перебинтовал раненное плечо друга, неожиданно вспомнил:

– Как мне в правое плечо. Помнишь, тогда ваш солдат из пулемета врезал? Теперь мы оба мечены. Еще одна отличительная тайна.

– Ты меня снова спас, своего убил. Не жалеешь?

– Такие стервятники не дают людям в мире жить. Это тогда он первым выстрелил в колонну, а сейчас в тебя. Аллах моей

рукой покарал гадюку, больше не будет смертельно кусать людей. Теперь надо решить, что делать дальше.

– Немедленно прекрати бой, Керим, и пропусти по дороге колонну. Мы уходим, друг мой, уходим на Родину.

– Знаю. Бой начинал не я, старейшины должны объяснить вашим, что и как. Курбаши Белибек убит, за старшего теперь я и предлагаю вам мир. Срочно по рации передай в колонну: там, на равнине, только мирные жители. Прошу сохранить им жизнь. Твой отряд в сопровождении моих проводников может немедленно спускаться по ущелью в долину. Мы пойдем замыкающими. Передай, что больше ни один выстрел не нарушит движение колонны по нашей территории. Такой выход устроит всех.

Вадим одобряюще кивнул, приказал радисту связаться с колонной и доложил командованию о ситуации, сложившейся в горах после высадки десанта.

– Действуй по обстановке, – услышал он глухой голос полковника. – Командиру моджахедов, твоему знакомому, как ты говоришь, передай: лагерь не тронем, вечером колонна уйдет. Мы не хотим человеческих жертв и новых сюрпризов. Начинай спуск вниз, к дороге, и держи связь с «вертушками». Вертолеты будут постоянно кружиться над твоей головой – не ровен час, подлянку устроят. Доверяй, но и проверяй. Мир так мир. А кто против?

– Освобождай ущелье, Керим, будем спускаться, постарайся без сюрпризов, командир согласен, – радостно сообщил лейтенант афганцу. – Ты иди к своим, я – к своим. Как тогда, девять лет назад, дадим указания и встретимся здесь, – грустно добавил он, возвращаясь на плато.

Керим приказал Джамилю собрать командиров на дне ущелья, следом спустился сам. Обвел взглядом их суровые лица, с надеждой смотревшие на него.

– Договорился. Обойдемся без стрельбы. Помните русского инженера, строившего канал? Десантом командует его сын. Обстановка такая: отряд курбаши Белибека уничтожен, он сам погиб. Мы блокированы в ущелье снизу и сверху, воевать нет смысла – все погибнем, но и позорно сдаваться не будем. Нам надо покинуть ущелье, освободить проход десантников к колонне. Уведите людей на запасные позиции в скальные укрытия. Спрячьте журналистов и оберегайте их. После ухода колонны вернетесь в кишлак, будем строить новую жизнь. Со мной останется только охрана, мы будем в роли заложников. Любая провокация для нас смерть. Хватит одного шакала, как Ахмет, чтобы снова начать войну. Не поможет и мой друг. Все понятно? Не теряйте времени, начинайте отход.

Когда авангард десантников занял ущелье и вышел в долину, начался спуск основных сил. Настороженно всматриваясь в горные вершины и нагромождения скальных пород, держа оружие наизготовку, отделение за отделением покинули плато. Последними, в полный рост, шли два друга детства, ставшие противниками не по своей воле и союзниками в желании прекратить бесславный бой.

Керим с Вадимом прощались на берегу канала, где под мирно журчащей темной водой вырисовывался силуэт памятного камня. Вдвоем они сколотили из добротных досок от зеленых снарядных ящиков новый православный крест и врыли его глубоко в землю, рядом со старым памятником, сделанным когда-то Керимом.

Афганец бережно снял с шеста свой знак кровавой мести: – Контингент ушел… Нельзя жить вечно в ненависти и злобе, ты сам меня учил любви и доброте к людям, уважению к великим соседям. Прости нас с Вадимом за все, отец…

Вскоре два бронетранспортера запылили вдогонку скрывшейся за поворотом колонны. Долго видел Керим силуэт друга, сидевшего на броне и прощально махавшего здоровой рукой. В душе надеялся, что Вадим когда-нибудь вернется помогать строить оросительные каналы. И сбудутся тогда мечты отцов, их жизнь повторится в деталях. Счастливо будут жить жители кишлака. Без войны.

Сергей БЕЛОГУРОВ

СЫН ПОЛКА. Рассказ

1

Лыжи с легким шорохом скользят по крутому склону, по сторонам мелькают разлапистые заснеженные ели. «Поберегись!» – раздается сзади предостерегающий окрик. Лешка оборачивается и, не удержавшись, кубарем летит в глубокий сугроб. Мимо, весело хохоча, проносится Андрей, высекая на поворотах искрящуюся снежную пыль. По лесу разносится его удаляющийся крик: «Вставай, Лешка! Встава-а-ай!»

– Вставай, Лешка! Завтрак проспишь, – голос дежурного по роте рассеивает видение подмосковного леса. Лешка садится на кровати, спросонья трет глаза. Черт, такой сон! Нет, положительно, самое неприятное на военной службе – это утренние подъемы. Хорошо еще, что сегодня воскресенье и не надо бежать на зарядку. В казарме уже светло, слышны голоса, топот ног, хлопанье дверей. Несколько соседних коек заправлены – значит Андрей с группой все-таки уехал ночью на границу. Лешка надевает шлепанцы и идет на улицу умываться.

Солнце только-только показалось из-за гор, и воздух еще хранит следы ночной свежести, термометр у входа в казарму показывает всего тридцать два градуса. Прохладна и вода в умывальнике, а вот после обеда она будет как кипяток. Возле крыльца, что-то насвистывая, разгуливают индийские скворцы – желтоголовые майны.

Наскоро ополоснувшись и расчесывая на ходу волосы, Лешка возвращается в казарму, одевается и заправляет койку. «Выходи строиться!» – доносится с улицы крик дежурного. Лешка спешит к выходу, на секунду задержавшись у висящего в коридоре зеркала, поправляет на голове черный берет разведчика. Вот так и чуть-чуть набекрень, как учил его Андрей. Теперь скорее в строй. Дисциплина в армии существует для всех без исключения, даже если тебе всего тринадцать лет.

2

Лешка приехал в Таджикистан вместе с братом Сергеем. Здесь он впервые увидел горы – громадные, неприступные, с красноватыми склонами и белыми шапками ледников. Серега

много рассказывал про них после того, как в 89-м вернулся из Афганистана. Тогда Лешке казалось, что весь мир завидует ему, не говоря уже об обитателях маленького рабочего поселка на окраине Челябинска. К нему с войны вернулся старший брат-десантник с медалью «За отвагу» и с красной нашивкой за ранение. По вечерам на кухне коммуналки собирались соседи и слушали про перевалы и горные тропы, про бескрайние пустыни, где спецназовцы во главе с лихим командиром Андреем Истоминым подстерегали «духовские» караваны.

После армии Сергей пошел работать на завод в бригаду отца, умершего за каких-нибудь полтора месяца до его возвращения. Зарабатывал неплохо, в профкоме ему, как участнику войны, пообещали в скором времени выделить квартиру. Однако вскоре «почтовый ящик», выпускавший какие-то хитроумные снаряды, прекратили финансировать. За следующий год брат сменил три или четыре работы, по ночам подрабатывая на разгрузке вагонов. А потом он стал надолго пропадать.

Все началось с болезни матери. Воспрянувшая и помолодевшая с возвращением старшего сына, Александра Трофимовна вскоре слегла, – сказались и неожиданная смерть мужа и многолетняя работа в формовочном цеху. Узнав, какая сумма нужна для операции и лечения, брат не спал всю ночь, курил, расхаживая из угла в угол. А наутро ушел и появился только через неделю, привезя с собой деньги. «Занял у приятелей», – объяснил он тогда Лешке.

Увы, медицина оказалась бессильной – слишком запущенной была болезнь, и через два месяца Серега с Лешкой осиротели. После похорон матери Лешка переселился к ее младшей сестре, а Сергей окончательно куда-то пропал. Правда, тетка регулярно получала от него почтовые переводы, но Лешке мало что перепадало из этих денег – все пропивали многочисленные «дяди», не оставлявшие без внимания веселую вдовушку. Он старался появляться дома как можно реже, а потом и вовсе перестал там бывать, ночуя на пригородном вокзале.

Неожиданно появился Сергей и объявил, что уезжает служить к своему прежнему командиру в Таджикистан. Найдя младшего брата спящим на лавке в зале ожидания, он, не раздумывая, забрал его с собой, и через трое суток они оказались в полку. Здесь Лешка впервые увидел капитана Андрея Истомина.

Надо сказать, что первая встреча даже разочаровала, уж больно не походил невысокий худощавый офицер в застиранном «хэбэ» на героический образ, навеянный рассказами брата. Коротко переговорив с Сергеем, он тут же отправил его получать какое-то имущество, а Лешке велел пока обождать с вещами в

каптерке и не крутиться под ногами. Забот у ротного в те дни было выше головы: полк спешно разворачивался для прикрытия границы, и в него со всех концов России стекались контрактники. Кого только не было в солдатском строю: разорившийся владелец коммерческого банка из Москвы и кубанский казак, воевавший в Приднестровье, матрос с подводной лодки, тонувший в Норвежском море, и двое «афганцев», служивших с Сергеем в Джелалабаде. Теперь предстояло превратить эту разноликую массу в единый организм, именуемый разведротой, и капитан Истомин с подчиненными целыми днями пропадал на полигоне: стрелял, водил, отрабатывал тактические задачи.

3

Лешка, предоставленный в ту пору самому себе, целыми днями болтался по полку: загорал, до одури купался в бассейне, объедался фруктами, словом, чувствовал себя прекрасно. Он даже завел несколько полезных знакомств: с чумазым и вечно пьяным Колей-кочегаром, с которым так хорошо было покурить в котельной и поболтать о всякой всячине, с продавцом Бахой, у которого в военторговском магазине не переводилась свежая халва, наконец, с толстым усатым полковником, как-то раз угостившим Лешку конфетой и оказавшимся командиром полка.

Так продолжалось до того страшного сентябрьского вечера, когда в казарме разведчиков появился лейтенант из военной прокуратуры в сопровождении двух вооруженных солдат и объявил Сергею Соловьеву, что он арестован. Лешка помнил, как вскочил старший брат, словно собираясь куда-то бежать, а потом бессильно опустился на табурет и протянул руки, на которые лейтенант тут же надел наручники. «Прости, братишка», – виновато сказал Сергей, когда за ним пришла машина, и добавил, обращаясь к ротному: «Командир, об одном прошу, отправь пацана домой».

Вся рота ломала головы, что такое мог натворить старший сержант Соловьев. Случалось, что в полк прибывали контрактники, скрывавшиеся от долгов или алиментов, но чтоб забирали в наручниках – такое впервые! Пытались расспросить Лешку, но он вырвался и убежал. За оградой автопарка, на пустыре, заставленном старой боевой техникой, он дал волю слезам. Серега, Сере-га! Что же ты наделал! Лешка, конечно же, догадывался, что за долгими отлучками старшего брата стояли какие-то темные дела, но, попав в Таджикистан, он считал, что все осталось в прошлом, и теперь они с братом начинают жить

заново. И вот новый мир, только что открывшийся перед ними, рушился, как карточный домик: Сергей арестован, а его, Лешку, как брата преступника, с позором отправят обратно в Челябинск, к тетке. Обессилев от слез и переживаний, он уснул, свернувшись калачиком на башне ржавого танка.

Здесь и нашел его капитан Истомин. Он забрал мальчика к себе в канцелярию, напоил чаем, и до глубокой ночи Лешка рассказывал ему о своем житье-бытье на «гражданке».

Командир разведчиков слушал, а перед глазами стояли события пятилетней давности: густой черный дым, валящий из-под капота изрешеченной пулями «тойоты», и обкуренные лица муджахедов, в полный рост атакующих горстку спецназовцев. Опустел магазин автомата, Андрей лезет за другим, и в этот момент на него кидается здоровенный бородатый детина со штык-ножом. Трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы не старший сержант Сергей Соловьев, успевший перехватить «духа»...

Теперь Сергей находился под следствием, а перед Андреем сидел его младший брат, оставшийся один-одинешенек в этом непростом мире. Рассудив, что утро вечера мудренее, ротный уложил Лешку спать, а наутро, переговорив с офицерами и сержантами, отправился в штаб полка. Вечером того же дня он объявил перед строем, что заключает с Алексеем Соловьевым контракт на прохождение службы и зачисляет его на все виды довольствия. Так Лешка стал разведчиком.

4

В ротной канцелярии прохладно, монотонно шумит кондиционер. За письменным столом колдует над кипой путевых листов командир взвода лейтенант Красовский, оставшийся за ротного.

– Разрешите, товарищ лейтенант?

– А, Алексей, заходи, – взводный, радуясь возможности отвлечься от надоевшей работы, откидывается на стуле, – ну что у тебя?

– Да вот, по физике опять, – Лешка протягивает потрепанный учебник для седьмого класса, – задачка.

Красовский – голова, ему Лешкины задачки – что семечки. В столичной спецшколе он был неизменным победителем всех олимпиад, свободно мог поступить в любой самый престижный вуз Москвы. Однако семейные традиции оказались сильнее, и Александр Красовский стал курсантом общевойскового училища,

в котором учились в свое время его дед-маршал и отец, командующий одним из военных округов. Окончив училище с золотой медалью, лейтенант Красовский неожиданно для всех выбрал местом службы Таджикистан.

– Что там, вертолет прилетел?

– Ага, «почтовик».

– Ну вот и все, студент. Учи лучше формулы, – лейтенант передает Лешке учебник и листок с решением.

– Дежурный по роте, на выход! – раздается в расположении крик дневального.

– Никак Ковалев вернулся, – взводный прислушивается к голосам за дверью. – Точно, он.

– Здорово, мужики! – в канцелярию входит огромный, похожий на медведя заместитель командира роты старший лейтенант Станислав Ковалев. – Уф, еле допер, – он опускает на пол туго набитую парашютную сумку.

– Привет, отпускник, – Красовский поднимается из-за стола, жмет руку вошедшему. – Как раз к обеду успел, пошли в столовую.

– Какая столовая, у меня тут еды под завязку. Леха, здорово, гвардеец! Крикни дневальному, пусть хлеба принесет, да садись с нами. Вот тут колбаса, сало… Где-то курица была… Держи, Саня, пиво – настоящие «Жигули».

– О, я уже забыл, как оно пахнет. – Красовский раскупоривает бутылку. – Ну, рассказывай, как там в Москве?

– Да ну ее, Москву! Грязь, вонь, бомжи кругом ползают… попрошайки всякие. И тут же сопляки девятнадцатилетние со своими «телками» на «мерсах» разъезжают. Все только и делают, что покупают и перепродают… Позавчера встретил Жукова, помнишь, замполит второго батальона, который в академию поступил? Так он у метро «Сокол» колготками торгует.

– Уволился?

– Нет, в свободное от учебы время. Получку им постоянно задерживают, квартиру за сто пятьдесят «зеленых» снимает, баба ноет: «Купи это, купи то…» Да у них вся академия так живет.

– Да. вот тебе и ордена, и академия.

– Саня, кому они там нужны, наши ордена?! Там главное – бабки! Мне вот тоже работу предлагали. Подходят трое черных, их сейчас в Москве – как грязи, спрашивают: «Камандыр, ты гдэ служишь?» Я на шеврон показываю, мол, Россию защищаю, пока вы тут ананасами торгуете. А они смеются:

«Иди нас охранять, ми тебе втрое больше твой Россия платить будем!»

– Ну и чем кончилось? – предвкушая ответ, оживился

Красовский.

– Ну чем? Послал я ребят подальше, они сдуру ножики достали. Ну а потом, как учили.

Лешка чуть не подавился куском колбасы, представив, что сделал с непрошеными советчиками великан Ковалев, который на занятиях по рукопашному бою играючи раскидывал четырех разведчиков.

– Леха, чуть не забыл, – Ковалев снова лезет в свою необъятную сумку и достает оттуда несколько газет. – Специально для тебя вез, – он разворачивает одну из них.

Лешка замирает от восторга, чувствуя, как щеки и уши делаются горячими. На первой полосе большая фотография: на фоне гор стоит группа разведчиков, а впереди капитан Андрей Истомин и он, Лешка. В камуфляже, с автоматом наперевес.

– Помнишь, как в прошлом году на полигон ездили? – спрашивает Ковалев.

5

Еще бы он не помнил. Зачислив Лешку в роту, Истомин стал требовать с него, как с обыкновенного солдата, не давая никаких поблажек, гонял вместе с разведчиками на физзарядку, ставил в наряды. По окончании «курса молодого бойца» его взяли на полигон. Неделю Лешка стрелял из всех видов оружия, учился водить бронетранспортер и боевую машину пехоты, работать на средствах связи. По завершении обучения ему торжественно вручили перед строем черный берет разведчика и нарукавный шеврон с изображением летучей мыши на фоне гор. В этот самый день в полк приехал московский корреспондент и сделал снимок.

– Здорово получилось! – Лешка сейчас впервые увидел себя как бы со стороны. Теперь он не беспризорный мальчишка из рабочего поселка, а настоящий солдат. Рядом стоят разведчики, ставшие его семьей. Эх, видел бы его сейчас брат!

– Ну, Алексей, теперь в России все невесты твои, – смеется Красовский. – Держись, скоро письмами завалят.

– Дядя Стас, – Лешка срывается из-за стола, – товарищ старший лейтенант! Можно я пойду. Ребятам показать.

– Давай, Леха, беги.

– Обрадовался малый, – засмеялся Красовский, когда за Лешкой захлопнулась дверь канцелярии. – А что с братом его, узнал?

– Узнал. – Ковалев, помрачнев, закуривает сигарету. – «вышку» дали Сергею Соловьеву. Доказано участие в трех

заказных убийствах... Говорят, сами заказчики его и сдали следствию.

– А что же мы пацану скажем?

– Не знаю... А куда Андрей поехал, опять на «двенашку»?

– Да, вчера радиоперехват был, что-то там снова зашевелились.

Телефонный звонок прерывает разговор.

– Старший лейтенант Ковалев... Да, уже прибыл. Понял. понял, иду. Ну вот, только приехал, уже в штаб вызывают.

6

Издали увидав на главной аллее долговязую фигуру подполковника Мартынюка, Лешка предусмотрительно свернул в сторону – пускай пройдет. Несмотря на то что большинство офицеров и контрактников с уважением относилось к «замполиту», как по старинке называли заместителя командира полка по работе с личным составом, у Лешки были свои причины опасаться этого человека.

С первого дня своего появления в полку Мартынюк, узнав, что у разведчиков есть приемный сын, потребовал немедленно отправить его в Россию. Битых два часа просидел тогда у него в кабинете Истомин, доказывая, что нельзя Лешке возвращаться к тетке, поскольку оттуда ему одна дорога – в колонию для несовершеннолетних. А тут мальчишка и одет, и накормлен, и всегда под присмотром. В результате был достигнут компромисс: Лешка остается в полку, но не болтается с разведчиками по полигонам, а занимается по полному курсу школьной программы и через год едет в Ленинградское суворовское училище, где у Мартынюка служит родной брат.

Поначалу Лешка надеялся, что замполит вскоре забудет об этом разговоре, и все вернется на круги своя. Но тот не забыл, и через неделю, вызвав к себе Истомина и Лешку, вручил им кучу учебников, пообещав лично каждый месяц проверять успеваемость.

После разговора, выйдя на крыльцо штаба, Лешка первым делом смачно выматерился в адрес замполита и сейчас же получил от ротного оплеуху.

– Еще раз услышу такое – арестую, – Истомин закурил сигарету, несколько раз затянулся. – Вообще-то, он прав на все сто, нечего тебе здесь неучем расти. А так, пойдешь после «кадетки» в училище, станешь офицером. И через шесть лет вернешься в родной гвардейский полк...

– Шесть лет, – тоскливо размышлял Лешка, глядя из-за кустов на быстро шагающего куда-то Мартынюка. – Хоть бы его сплавили куда-нибудь. Ничего, уж через шесть лет его точно здесь не будет.

Повеселев от этой мысли, он свернул за угол казармы и нос к носу столкнулся с Колей-кочегаром. Вообще-то, считая себя разведчиком, Лешка с некоторым пренебрежением относился к представителям других подразделений, не говоря уже о разных «тыловых крысах»: писарях, кочегарах, поварах. Но Коля приехал в полк из Екатеринбурга, следовательно, считался его «земелей», а землячество в армии – дело святое.

Заговорщицки похлопав себя по оттопыренному карману замызганных брезентовых штанов, кочегар подхватил земляка под руку и молча поволок в сторону котельной, одиноко черневшей на задворках полка. Здесь он извлек на свет бутылку местного гранатового вина, два яблока и разложил все это на маленькой лавочке у входа.

– Витек, пить будешь? – крикнул он в открытую дверь котельной. – Фролов там спит из ремроты, – пояснил Коля, встретив недоумевающий взгляд Лешки.

– Так он же неделю назад в отпуск уезжал?

– Уезжал, – подтвердил Коля, наполняя замусоленный стакан мутно-коричневой влагой, – до сих пор едет. За два дня все бабки спустил, даже билета взять не успел. Теперь у меня живет; а до него Алик из артдивизиона жил... Ну, давай, земеля, – он пододвинул стакан Лешке.

– Не-е-е, – замотал головой Лешка, – мне еще математику решать надо. Ротный с границы вернется – проверит.

– Раз математику, тогда не пей, – миролюбиво согласился Коля, забирая стакан и опрокидывая содержимое в себя. – Уф! Вон, яблочко возьми, пожуй...

Надо сказать, что здесь оба приятеля немного хитрили. Получив в прошлом году первую в жизни получку, Лешка не нашел ничего лучше, как отметить это дело с земляками. Наутро его мучительно рвало. Истомин, с интересом наблюдавший за страданиями питомца, дождался, пока тот немного придет в себя, а затем приказал ему до обеда перекопать весь газон перед казармой. Потом он направился в кочегарку и, вытащив оттуда Колю, пообещал свернуть ему шею, если от Лешки еще когда-нибудь будет пахнуть спиртным.

Жуя яблоко, Лешка думал о ротном, уехавшем на границу. Интересно, как там сейчас. Лешке вспомнился последний выезд весной, когда он упросил Истомина взять его с собой. Ехали ночью, свет фар то выхватывал из темноты фантастические нагромождения скал, то упирался в бездонную черноту пропасти.

После перевала асфальт закончился, и теперь колеса бронетранспортера месили красноватую глину, стекавшую с нависающих над дорогой скал. Наконец они прошли последний поворот серпантина и въехали в неширокую долину, стиснутую горными хребтами.

– Это что, Афган? – спросил Лешка, указывая на видневшуюся впереди горную гряду.

– Нет, Афган дальше, за горами. Но это уже не наша земля.

Позже Лешка убедился, что государственной границы между Таджикистаном и Афганистаном как условной линии, проходящей по реке Пяндж, на этом участке нет. Противник сумел углубиться на таджикскую территорию и создал в горах целую сеть опорных пунктов и баз. Погранзаставы, создававшиеся когда-то для борьбы с одиночными нарушителями и контрабандистами, сейчас вынуждены были, по сути дела, охранять сами себя. За счет мотоманевренных и десантно-штурмовых групп на перевалах и господствующих высотах выставлялись блок-посты, наиболее опасные направления прикрывали артиллерийские и танковые подразделения полка.

Но подобно воде, которая все время пытается пробить брешь в воздвигнутой на ее пути плотине, отряды оппозиции и афганских боевиков непрестанно пробовали на прочность границу, и горе было тем, кто забывал об этом хоть на минуту. Лешка хорошо это понял, когда ротный дал ему посмотреть в бинокль на развалины одной из погранзастав, застигнутой врасплох и погибшей прошлым летом.

Набрав и обучив людей, капитан Истомин начал активные действия на границе. Хорошо зная по афганскому опыту повадки противника, он устраивал засады на наиболее подходящих для прорыва участках. В последний раз вместе с пограничниками разведчики разгромили крупную перевалочную базу в одном из заброшенных горных кишлаков. Кроме оружия и боеприпасов было обнаружено около ста килограммов опиума и немалая сумма денег, предназначавшаяся, по словам пленных, для передачи какому-то «раису» в Душанбе. После ликвидации базы «духи» надолго притихли на этом участке границы. И вот что-то случилось вновь.

7

Возвращаясь из котельной, Лешка снова увидел Мартынюка. Замполит стоял перед клубом и что-то втолковывал его начальнику – лейтенанту Сатарову. «Вообще-то, замполит –

нормальный мужик», – подумал Лешка, вспоминая перемены, происшедшие за полгода пребывания Мартынюка в полку. Во-первых, после ревизии, произведенной им на продскладах, офицеры и солдаты неожиданно для себя выяснили, что кроме опостылевшей перловки в мире существуют и макароны, и рис, и даже гречка.

Во-вторых, началась непримиримая борьба с пьянством. Была ликвидирована торговля спиртным у полкового КПП, в подразделениях заседали суды чести контрактников, гауптвахта напоминала гостиницу на юге в курортный сезон. Тех, для кого принятые меры оказались недостаточными, безжалостно отправляли в Россию, невзирая на прежние заслуги.

В то же время понимая, что нужно чем-то занять взрослых мужиков, обреченных дневать и ночевать в казармах, замполит придумывал для них всякие занятия: спортивные секции, художественную самодеятельность, конкурсы. Была даже построена полковая церковь, куда по воскресеньям приходил служить городской батюшка.

В последнее время по инициативе Мартынюка в клубе начал работать видеозал, для которого лейтенант Саттаров, имевший полгорода родственников и знакомых, доставал новые кассеты. Кстати, что там сегодня? Ага, «Коммандо»! Лешка видел этот фильм уже три раза и не собирался пропускать в четвертый. Правда, теперь похождения бравого полковника спецвойск США уже не так впечатляли. Вряд ли Арнольд Шварценеггер выстоял бы в рукопашной против того же Станислава Ковалева. А что касается стрельбы, то лучшим стрелком в мире был, конечно же, Андрей Истомин: хоть навскидку, хоть с бедра. Солдаты рассказывали, как во время боя на границе ротный первой же гранатой из подствольника с предельной дальности разнес пулеметную точку в окне заброшенного дома.

Сидя в темном зале и глядя на экран, Лешка снова думал об Андрее, как давно уже называл про себя командира роты. На людях Истомин никогда не выказывал к нему какого-то особого расположения, ничем не выделял среди других солдат. Но за этой повседневной требовательностью скрывалась глубокая привязанность к мальчику, и Лешка, чувствуя это, особенно ценил те редкие минуты, когда им удавалось побыть наедине. В это время рядом сидели не командир с подчиненным, не взрослый мужчина и мальчик, а два совершенно равных человека, которых объединял весьма непростой житейский опыт и у которых не было друг от друга тайн.

После Афганистана Андрей поехал служить в Германию, но там, по его собственному выражению, «не прижился». Попытки

учить солдат тому, что действительно нужно на войне, встречали непонимание большинства начальников и сослуживцев, в преддверии вывода озабоченных более земными проблемами, а также крайнее неодобрение молодой жены, скучавшей дома, пока муж пропадал на службе. В один прекрасный день, возвратясь домой раньше обычного, Истомин застал сцену совершенно как в старом избитом анекдоте. На этом его семейная жизнь и кончилась, и теперь из близких родственников у него оставалась только мама, жившая в подмосковном городе Клин.

– В декабре поедем с тобой в отпуск, – говорил он Лешке, – на лыжах будем кататься. Ты, наверное, уже забыл, что такое настоящая зима.

Теперь Лешка с нетерпением ожидал декабря, мечтая, как они вдвоем будут кататься на лыжах в зимнем лесу. А сегодня, вот, даже сон такой приснился...

Когда он вышел из клуба, на улице вечерело. Солнце садилось за остроконечную гряду гор, окрасив горизонт кроваво-багровым цветом. У казарм уже собирались солдаты, ожидая построения на ужин. Возле ворот парка стояло несколько пятнистых бронетранспортеров.

Ага, значит, Андрей уже вернулся! Надо будет расспросить, как там сейчас на границе. Что-то не видно никого, кто с ним ездил, наверное, отмываются с дороги. Ладно, за ужином расскажут.

– Леха, – из казармы выскочил дежурный по роте, – ты где бродишь? Иди, там... тебя зовут.

Так, это еще что за новости? Наверное, опять кто-то настучал ротному, что он был в кочегарке. Ну, теперь жди разноса, – Лешка перешагнул порог канцелярии. Ого, сколько народу! Начальник разведки полка, Красовский, Ковалев, почему-то переодевшийся в пропыленный маскхалат, как будто ездил куда... А, и замполит здесь, ну, теперь точно воспитывать будут. А где же Андрей?

Он оглядывался по сторонам, и офицеры, встречаясь с ним взглядом, почему-то опускали глаза.

– А что такое, – вдруг, почему-то совсем не по-военному начал Лешка, – а где же.

– Погоди, Алексей, – Мартынюк подошел сзади и обнял его за плечи, – послушай, ты уже взрослый человек. солдат, – замполит тяжело вздохнул. – В общем, твой командир роты... капитан Андрей Николаевич Истомин. погиб.

– Погиб? Кто погиб? – Лешка не сразу взял в толк, что значит это непонятное слово «погиб», при чем тут он, Лешка, и где же в конце концов Андрей. И тут, взглянув на осунувшегося перепачканного пылью Ковалева, на его покрасневшие от солнца

и ветра глаза, он вдруг все понял: это Андрей погиб, там, на границе, дядя Стас уже ездил туда, и его вид не оставляет никакой надежды. Замполит еще что-то говорил, но Лешка уже не слушал его. Он молча вышел из канцелярии и лег на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Откуда-то из коридора доносились голоса солдат, ездивших с Ковалевым: «Часов в шесть утра... Фугас мощный был, авиабомба, наверное. Бэтэр разворотило, всех ребят – в куски, часа два в плащ-палатки собирали.» Значит, это случилось утром, когда он еще спал. Значит, когда он видел сон, Андрея уже не было в живых.

Слезы наворачивались на глаза, но Лешка, изо всех сил кусая губы, приказывал себе сдерживаться. Он больше не имел права плакать, потому что он теперь не какой-нибудь пацан, а солдат, разведчик. У него убили командира и друга, и он теперь должен не реветь, а думать, как лучше за него отомстить.

– Ничего, суки проклятые! Я вам еще покажу. Завтра же попрошу Ковалева, чтоб взял меня на границу – дядя Стас не откажет. Мины ставить? Пожалуйста! Из пулемета стрелять? Пожалуйста! Кстати, кто на последних стрельбах на «пятерку» выполнил упражнение? Врукопашную? Очень даже запросто, я такие приемчики знаю.

8

Ночью он поднялся и вышел на улицу. На землю уже спустилась ночная прохлада, в небе горели яркие звезды. Было тихо, только из затянутой масксетью беседки доносился приглушенный разговор, тянуло табачным дымом. Узнав голоса Ковалева и Красовского, Лешка неслышно подошел ближе, прислушался.

– Ты понимаешь, Саня, подставили его, – говорил Ковалев.

– Как подставили? Кто?

– Погоди, слушай. Подрыв был утром, на спуске с перевала. Там еще наверху пост таджикский, знаешь?

– Ну знаю, где пост.

– Так вот, сняли его.

– Кто снял?

– Кто-кто? Сами сняли, вчера ночью. И пограничников в комендатуре не предупредили. Как раз часа через полтора после того, как Андрей из полка выехал, – он замолчал, и Лешка услышал, как звякнули стаканы. – Ладно, давай за ребят.

– Постой, Стас, а как же узнали, что он едет? Ведь о выходе группы никто не знал.

– Саня, ну ты как маленький, честное слово! Кто тогда дежурным стоял?

– Этот, ну как его? Новый, бабай этот, из службы вооружения. старший лейтенант Мирзоев.

– Ну вот, а Мирзоева перевели к нам из Душанбе как раз после того, как там начали раскручивать дело о продаже «духам» боеприпасов.

– Стас, а причем тут Андрей? Он же не лез в их дела?

– Не знаю... Я думаю, Андрюха здорово мешал «духам»... А «духи» знали про все эти дела с боеприпасами и взяли Мирзоева за задницу: сдай нам ротного, а то сдадим прокуратуре тебя.

– Слушай, так это же. Что же делать?

– А что ты сделаешь? Начнешь рыпаться – и тебя грохнут и спишут на «духов». Лешку жалко – и брата расстреляют, да и Андрюху. вот.

– Замполит обещал его на следующий год в «кадетку» определить. Ты, Стас, пока ничего не говори ему про брата, пускай немного успокоится. Ведь ребенок еще.

– Ладно, потом скажем. Давай, наливай по последней. Потрясенный услышанным, Лешка отошел от беседки, опустился на ступеньки крыльца. Известие, что Андрея подставили, ошеломило его. Слезы градом катились из глаз, и Лешка не пытался их сдерживать. И никто ничего не может сделать: ни умница Красовский, ни силач Ковалев. Как же ему быть дальше? Оставаться в полку, зная об этом? Служить в армии? В такой армии?! Он не находил ответа. На крыльце казармы разведчиков под яркими южными звездами сидел и плакал маленький мальчик в камуфляже и черном берете.

На следующее лето подполковник Мартынюк отвез Лешку в Ленинград. Разведчики потом долго рассматривали его фотографию в суворовской форме. А через три месяца в полк пришла телеграмма: «Воспитанник Алексей Соловьев не прибыл из увольнения. Розыски результатов не дали».

* * *

Еще через год старший лейтенант из второго батальона случайно увидел Лешку на базаре «Шах Мансур» в центре Душанбе. Вытянувшийся и раздавшийся в плечах, он о чем-то бойко разговаривал по-таджикски с двумя рыночными рэкетирами. Старший лейтенант хотел окликнуть Лешку, но, натолкнувшись на его холодный, чужой взгляд, предпочел пройти мимо.

Куляб – Душанбе – Москва, 1993 – 1996 гг.

Владислав ШУРЫГИН

СМЕРТЬ ПОДОЖДЕТ. Рассказ

«Война, особенно гражданская, странный музей человеков», – об этом я думаю, натягивая на себя камуфляж и заступая на дежурство. Пару минут назад меня спасительно выдернул из тяжелого бредового сна Валера Осипов. Снился мне долгий разговор с Бекасовым – мужем моей подруги. Четыре года мы с ней встречались, и не просто, а по любви. Каждый день. Что греха таить, сладко нам было вместе, до одури сладко…Пусти меня сейчас Великий Пастух по ее следу, и я сразу возьму его верхним чутьем. Откопаю за тридевять земель…

Но у Великого Пастуха свои планы, а у меня свои – мне дежурить.

По спине то и дело судорогами пробегает «послеспальная» дрожь. И, хотя я понимаю, что на самом деле на улице даже душно – градусов двадцать, – зябко. Ночь есть ночь, а сон есть сон. Умыться надо, но от этой мысли опять прошибает озноб.

– Слав, чай в банке. Только заварил. Муслики (мусульмане) спят. В общем, тишина. – Валера не спешит в койку и разминает в пальцах сигарету.

Вскоре два бронетранспортера запылили вдогонку скывшейся за поворотом колонны. Долго видел Керим силуэт друга, сидевшего на броне и прощально махавшего здоровой рукой. В душе надеялся, что Вадим когда-нибудь вернется помогать строить оросительные каналы. И сбудутся тогда мечты отцов, их жизнь повторится в детях. Счастливо будут жить жители кишлака. Без войны.

Камуфляж мой протерся почти до дыр. Особенно на коленях и локтях. Это я замечаю с грустью. У сербов хороший камуфляж, да вот привык я к своему. Сколько в нем прошел. Абхазию, «Белый дом», Таджикистан. Человек привыкает к вещам. Особенно мужик. «Прикипает» без смысла к какому-нибудь старому халату или линялой майке. Или к женщине…

Но эти мысли я гоню прочь. Хотя понимаю, за те четыре часа, что мне дежурить никуда от них не скрыться.

Не люблю дежурства. Всей душой. Еще с училища, когда простым «курсачем» (никогда не рвался в командиры) тромбовал асфальтовые дорожки вдоль каких-то там складов.

Перед казнью бы так последние минуты тянулись, как у солдата на часах. Всю душу изжуешь себе воспоминаниями, изведешься мечтами, а на часах стрелки, как приклеенные…

«…Война какая-нибудь бы началась, – тут же мечтаю я, – ну что, жалко, что ли, мусликам пару десятков снарядов сжечь? Им

теперь их жалеть какой смысл? Ведь доблестный наш мир на них работает. Оружие сплошь советское и американское. Самолеты НАТО, жратва немецкая, солдаты французские. Воюй! И спят, сволочи...»

Когда война – хорошо. Есть чем себя занять. И думать не о чем. Молись, чтобы не накрыло, да жди, не начнется ли что похуже «бытового» обстрела.

Но войны сегодня нет и, шагая с Валерой к ближайшему управлению неподалеку, я предчувствую долгое и мучительное прозябание за штабным столом, над которым зависла тусклая лампочка. Еще и Бекасов приснился. Мать его...

Впрочем, я, наверное, ему тоже снюсь. И сны эти его тоже вряд ли радуют. И, проснувшись среди ночи, оторвавшись от меня, какими глазами он глядит на спящую свою жену? Вот она, вся его, бери, мни, вгоняй, извергай стоны и охи. Да только коротковат у него изгнать из нее меня. Не из тела, нет. Тело женское слепо. С ним любой дурак управлять может. А с ее темпераментом, и подавно. Из самой глубины души, вот оттуда ему меня не достать. За четыре года так растворились наши с Ленкой души друг в друге, что никаким «поршнем» меня не выдавить. И он это знает. В эти секунды, не приведи тебя Бог, Лена, увидеть его. В эти секунды он ненавидит тебя, меня, весь мир. И яд этой ненависти никогда не оставит его душу. Он тоже несчастный человек...

– К пяти утра со «Спящей красавицы» должен прийти Бранко с нашими, – напоминает Валера.

...Война действительно музей человеков. Валера Осипов закончил мехмат. До тридцати лет работал инженером в одном из питерских НИИ. Проектировал морские спутники. Получил квартиру, родил двоих детей. Старшему сейчас уже тринадцать. А в 92-м, в июле, когда началась бендерская бойня в Приднестровье, что-то сломалось в тихом питерском инженере. Оставил заявление, одолжил у друзей денег на дорогу и в поезд. Маленький, сухой, в очках, чуть лысеющий – кому был нужен такой солдат? Однако все же прибился к какому-то добровольческому отряду. А уже через неделю его величали только по отчеству – Сергеич. Или чаще по кличке – Часовщик. В его руках оживала и работала такая рухлядь, которая даже на свалке не привлечет к себе ничье внимание. В электронике Валера разбирался как Бог, и, честно говоря, мы все – бойцы добровольческого отряда «Русские волки» с ревностью замечали, что для сербов Часовщик представлял в отличие от нас ценность. Под любым предлогом они держали его в штабе, не пускали на передовую.

Самым же удивительным было то, что и семья Часовщика приняла этот его образ жизни. Кем он работал в Питере между войнами Часовщик не говорил. Но как только где-то ничиналась «его война», под «своими войнами» Валера разумел войны славян с кем-либо еще, он бросал все и добирался туда. Жена же с детьми оставались терпеливо ждать отца с очередной победой, передавая через редких курьеров письма, полные нарисованных поцелуев и еще чего-то такого, от чего сухой, колючий Часовщик как-то размякал и чуть-чуть полнел.

Жена Часовщика мне представлялась маленькой, полненькой преданной мышкой, тоже в толстых роговых очках, с простыми волосами, гладко зачесанными назад.

Но фотографию ее и детей Часовщик из каких-то своих суеверных побуждений никому не показывал, а с его слов, как и всегда со слов мужика, – жена была первой красавицей, от которой «стояк врубит любого...»

– Спокойной ночи! – Часовщик затушил о дно пепельницы сигарету и вышел из блиндажа.

– Бай-бай! – отозвался я вслед...

Чай в литровой банке был действительно совсем горячим. И, отхлебывая его, я добрым словом помянул Часовщика. Собственно говоря, делать было нечего. Булькала на столе стоящая на приеме радиостанция. Молчал телефон, обычный телефон, у которого давно не работали цифры, и лишь трубка была переделана под полевой шнур. На стене – карта. Карта нашего района. Все горы когда-то совсем незнакомые, чужие, теперь лазаны-перелазаны. До последней тропки валуна – все знакомо. «Спящая красавица», «Чертов палец», «Цервена гора». Аж скучно. Разве что мины «незнакомые» появляются. Но тут уж как повезет. Последний подрыв был у нас две недели назад. Юра Лявко – здоровый украинский хлопец со львовщины – наступил, возвращаясь из разведки, на мусульманскую противопехотку. Мы подоспели к нему, когда он орал и катался по камням, прижимая к груди колено, ниже которого на щиколотке болтались грязно-алые лохмотья кожи, мяса, ботинка, носка. Из всего месива этого жутковатый в своей синеве выглядывл мосел сустава.

Но долго разглядывать времени не было. И я привычно поймал в жгут густо брызгающий во все стороны кровью обрубок. Резко перетянул его, потом еще сильней, пока из драных кисло пахнущих толом лохмотьев не перестала сочиться свежая алая кровь. Затем прямо в эту же ногу вкатил ему гуманный, освобождающий от мук промедол. Пока я возился с его ногой, на грудь Левко взгромоздился Пират – Гена, бывший морпех из Севастополя. Пиратом он стал после пьяной драки в Белграде,

когда его левый глаз заплыл до черноты и, чтобы не пугать ожидающих нас утром командиров (а это был наш первый день здесь), он перетянул его скрученной косынкой. Сейчас Пират со всего размаху лупил ладонями по щекам Левко. Знает, что делает. Главное, не дать парню свалится в шок. Рядом бестолково переминался с ноги на ногу Бекасов…

Мля! И надо же было, чтоб так не повезло. Я удирал из Москвы, бросив в ней все. И главное, Ленку, вдруг решившую после четырех лет безумного любовного надрыва, в котором сгорели моя семья, дом, работа, начать все сначала с Бекасовым. Вова Бескасов – это ее муж. За ним она уже десять лет. С моими четырьмя, правда. Гога Бекасов – это доброволец из Красногорска. Вечный студент МАИ, решивший вдруг найти свое призвание на войне… В первый же день, когда я прибыл сюда в отряд, он был первым, кого я встретил здесь.

– Георгий Бекасов, – очень культурно представился он, протягивая для пожатия ладонь. Меня как ледяной водой окатило. Или ошпарило – не знаю, что точнее.

Нет, я, в общем, не в обиде, что Бекасовых так много развелось по Руси. Пускай. Я очень даже любил и нежно люблю их сына Саню. Худого, энергичного мальчишку, очень похожего на мать. Чтобы не калечить, по ее словам, его жизнь, она и решила попробовать жить со старшим Бекасо-вым. И как бы не было мне это горько и страшно – терплю, смирился я. Люблю Саньку. Люблю Ленку. Пусть попробуют. Это их право. Но я-то от всего этого ушел. Я-то уехал сюда, чтобы не видеть, не травить себе душу и – вот, на тебе, Гога Бекасов.

Ну что за «засада»?!

Не буду врать – Гогу я не люблю.

Наверное, даже ненавижу. Куда больше того Бекасова. С ним все сложнее. А Гога, без вины напоминающий мне мою жизнь, рухнувшую под откос посреди солнечного июля, меня просто бесит. Не могу его видеть. Хоть бы кличку какую получил, так нет же – все Гога Бекасов. Гога на войне – новичок. За спиной четвертак лет, куда вошел и институт, и служба на флоте, и даже неудачная женитьба. Да-да. Этому Бекасову тоже с личной жизнью не очень-то везет. Впрочем, наверное, как и мне. Но и на войне он лишний. Под огнем его клинит, и он двигается, как заморенный рак, пока кто-нибудь из тех, кто рядом, не въедет ему прикладом «калаша» по горбу. После этого Гога начинает без разбора палить во все стороны, заставляя всех вокруг просто сатанеть. Поэтому за два месяца он даже клички не получил. Для меня же Гога – божеское наказание. Первые дни, когда я еще чумной от Москвы, от нашего с Ленкой разрыва приходил в себя,

щедро анестезируя боль «ракией» и кислым местным вином, Гога увидел вдруг во мне земляка и друга. Лез по поводу и без повода в «капсулу», где я отлеживался. Обхаживал. В общем, довел. Развернул я его к двери да и отправил косяки считать. Но к моему ужасу он не очень обиделся. На следующее же утро опять пришел. Принес сигарет. Господи, как же я его возненавидел. Грешно это, но скажу честно. Я хочу, чтобы его здесь «завалили». Чтобы я сам собирал по камням его ошметки в пластмассовый мусорный мешок, чтобы хоть этот Бекасов расчелся за все.

Рация вдруг оборвала свое бульканье, и в эфире зазвучал густой бас Бранко.

– Краина, я – Вук, ответь! – Бранко – командир четы (роты, по-нашему) четников, по-русски шпарит почти без акцента.

– Краина на приеме, – отзываюсь я, утапливая тангенту на трубке станции.

– Айболит, ты? – тут же узнает Бранко. «Айболит» – моя кличка.

– Я! – нехотя откликаюсь.

– Привет, друже! Только что вышел к вам Славко. С ним все ваши. Как понял?

– Хорошо понял. Как там у вас на «положае»?

«Положай» – по-сербски позиция.

– А ты не слышишь? – в голосе Бранко добродушная усмешка. До позиции по прямой километра четыре через скат высоты. Когда что-то начинается там, здесь не только слышно, но и достанется от минометов, накрывающих периодически лагерь.

– Все тихо в нашей вукоебине, – подытоживает Бранко. Последнее слово на русский язык переводится, как то место, куда Макар телят не гонял, но по-сербски.

– Будь здрав, Айболит!

– Будь здрав, Бранко!

Неторопливо заношу в тетрадь радиосвязи время и характер «беседы», но уже по уставу, без «ты», «Айболита» и прочего. Как учили.

На часах два ночи. Впереди еще два часа. Тянет в сон.

С 91-го я не вылезаю с этих войн. Начинал в Карабахе врачем в 345-м «педепе» – парашютно-десантном полку, то есть прикомандировали меня к полку от нашего госпиталя. Решили усилить, так сказать.

Четыре года прошло, а кажется, уже вечность. Впрочем, так и есть, эпоха прошла. Нет больше ни государства, казавшегося нерушимым вечным монолитом, ни веры – кто помнит сегодня о «неизбежном торжестве коммунизма», ни семьи, ни дома, ничего нет. Есть лишь эта позиция русского добровольческого отряда,

затерянного в боснийских горах за тысячи километров от России. Есть мы, двадцать русских мужиков, попавших сюда кто почему. И этот пятачок, увы, сегодня для меня самое надежное место на всей земле, потому что хотя бы здесь меня не предадут, не выстрелят в спину.

...Из армии я вылетел тогда же в 91-м. Отказался продать азербайджанцам промедол со склада «НЗ», и меня элементарно «подставили», подсунув через неделю мне в аэропорту сверток с анашой. Под суд не отдали – слава Богу! – но пинок под зад получил хороший. За месяц уволили. На мое место приехал новый доктор, но уже из Баку...

Вернулся домой, в Москву. Попробовал работать на «скорой», но быстро надоело. Тут меня дружок и уговорил устроиться к нему в районную поликлинику.

...Она пришла ко мне с растяжением щиколотки. Подвернула ногу на яме у подъезда. Как увидел ее – защемило сердце. Банально? Конечно. Но защемило – истинный крест! Понял я вдруг, что пришел конец моей предыдущей жизни. И хотя был я тогда женатым, сыну четыре года было, жену по-своему любил, берег, уважал, понял я – все потеряно из-за этой рыжей женщины-девочки, с горячими шоколадными глазами.

Так и вышло. В том далеком тропическом, жарком мае, началась наша любовь. Началась самым противоестественным способом. В день их свадьбы. Шестилетия. Когда мы, не в силах более мучиться, целовались, озверело тиская друг друга в объятиях, на опустевшей кухне.

С тех пор день ее свадьбы был еще и нашим днем. День наш! И лишь ночь превращала ее опять в жену-именинницу...

Из поликлиники я ушел. Позвали меня в частную маленькую клинику на ночные дежурства. Очень это удобно оказалось. Ночь – в клинике. День – в полном моем распоряжении. Я часами ждал ее у школы, где она учительствовала в младших классах...

Эх Ленка, Ленка! Милая сумасбродная женщина. До какой же стадии может томить нас сердечная мука? Ленка! Женщина-кошка!

Наш путь любви – это крестный путь сплетенных наших тел через бесчисленные гостиницы, леса, квартиры друзей, подъезды, кафе... Мы доходили до беспредела, до бесстыдства...

От этих воспоминаний на меня накатывает такая сводящая скулы одурь, что я вдруг рычу и бью кулаками по столу. К черту! Так и знал, что дежурство закончиться чем-то подобным.

Самое тяжелое – это такие вот приступы воспоминий, когда шалая память, сорвавшись с привязи реальности, несется вскачь в те дни, в те дома, в те постели...

Неожиданно слух улавливает далекий рокот пулеметной очереди. На него тут же накладывается еще один. За ним еще. Несколько мгновений вслушиваюсь в нарастающую перестрелку и интуитивно понимаю: началось что-то серьезное. Это не ленивая «перебранка» дежурных расчетов, не пальба с перепою в белый свет, как в копеечку, и не заполошный огонь перепуганного новичка. Нет, очереди густо накладываются друг на друга, сплетаются, нарастают, упрямо выискивают кого-то.

Машинально смотрю на часы – половина третьего. Хватаю тангенту станции.

– Вук, ответь Краине!

Спустя несколько мгновений откликается «Вук» (волк, по-сербски). У микрофона не Бранко. И это тоже подтверждает мои мысли.

– Что там у вас?

– Напад, – коротко отвечает незнакомый серб. – «Муслики» со стороны «Червеной горы» лезут. Но сколько, пока не знаемо.

Мусульманского наступления мы ждем давно. Так давно, что даже устали. Уже больше месяца по всем телеканалам комментаторы всех цветов и мастей радостно сообщают, что в наш район стягиваются отборные части двух мусульманских корпусов. То и дело над нашими позициями нарезают небо натовские разведчики. Кого только не стянули сюда против нас. «Мусульманы» усилены афганскими и саудовскими моджахедами. Небо под контролем авиации НАТО, госпиталя – немецкие, их же и истребители-бомбардировщики. С флангов и в городе «мусликов» прикрывают французы и англичане…

– Все флаги в гости к нам, – философски подытожил как-то этот подсчет склонный к метафорам Пират. – Фигня! Прорвемся! Главное, гранат побольше, да чтобы в спину не стреляли, – заканчивает он одним из наших тостов.

Выбегаю на улицу будить отряд. Но в блиндаже, где спят ребята, уже горит свет. Все одеваются молча и как-то отрешенно.

Вообще, в облачении мужчины перед боем есть что-то не от мира сего.

…Свой китайский «лифчик» я добыл в Таджикистане в прошлом году, когда ездил в гости к своему дружку – начальнику разведки одного из полков 201-й дивизии. Точнее, добыл его он в каком-то рейде и подарил мне.

…Мы не торопимся. Долгий солдатский опыт подсказывает, что если уж началось, то никуда теперь война от нас не денется.

«Накаркал», – думаю я, вспоминая свои мечты после сна. В далекую перестрелку включается протяжное уханье минометов.

Пальцы привычно заняты своим делом. В наградные карманы

легко ныряют магазины к автомату, отдельно ракетницы. На ключицы в маленькие кармашки – две гранаты. Еще четыре рифленных чугунных картофелины заталкиваю в карманы куртки. За спину рюкзачок с медикаментами – рюкзачок сына. Он мне его сунул «на память» перед отъездом.

Милый мой Ленька! Девять лет стукнуло ему недавно, а на дне рождения я так и не был…

Сверху на сердце рукоятью вниз сажаю на кнопки нож и перехватываю его брезентовыми жгутами на липучках.

Ну вот и все. Доктор-солдат или солдат-доктор – как разобрать на войне кто есть кто – к бою готов.

В штабном блиндаже у рации уже сидят наш командир Седой и Часовщик. Седой – в прошлом подполковник-десантник.

– Со стороны «Червеной горы» «Вука-два» атакует до батальона, – говорит он Часовщику, и тот выводит на карте синим фламастером скобку со стрелкой устремленной в нашу сторону. Со стороны «Чертова пальца» до роты в направлении на первый фланг «положая» Славко. Вновь «скобка» на карте.

– Поддерживают их до батареи минометов. Пока все. Заходит «Пират» весь в патронных лентах с пулеметом «Браунинг». Все управление в сборе.

– Так, братья славяне, – Седой откидывается на спинку стула, – обстановка темная. Приказов пока никаких нет, но не сомневайтесь, – будут!

– Часовщик, ты на приеме? Чтобы этот гроб, – Седой кивает на радиостанцию, – не сдох посреди работы.

– Пират, бери группу Нестора и займите оборону перед лесом. Пришли ко мне расчет пулеметчиков и снайпера.

– Айболит! – это уже ко мне. Встречаюсь взглядом с Седым. – Ты бери Косолапого с его людьми и будь под рукой в резерве. Наши остались на «Вуке» или ушли?

– Ушли сорок минут назад, – докладываю я.

Седой хмурится. Он не любит, когда в такие минуты кто-то из отряда находится вне его контроля.

Седой – наш старожил. Службу он закончил сразу после вывода войск из Афгана комбригом спецназа. Осел под Одессой. Пытался открыть свое дело – автосервис, да не поделил что-то с мафией. Сожгли его мастерскую. После этого Седой запил. И в страшном этом двухлетнем запое потерял все. Ушла к другому жена с малолетним сыном. За гроши пропил комнату, доставшуюся после раздела имущества, пропил даже ордена, полученные за войну. Однажды чуть не захлебнулся во сне своей же блевотиной и, чудом уцелев, откашлявшись, отдышавшись под скамейкой в парке, понял: либо в петлю, либо «завязывать». Седой

– завязал. То есть стаканчик ракии может опрокинуть по поводу, но более – ни-ни. Войну начал в Приднестровье. Там же дошел до командира ТСО – территориально-спасательного отряда – добровольческого формирования. Воевал легко, отчаянно. Но после войны пришелся не ко двору. Отряд был расформирован, места в республиканской армии не нашлось. А после конфликта с местным комендатом, известным всей России полковником Рабиновичем, – жизни в республике больше не было. С тех пор Седой здесь. Какой мы у него по счету отряд – одному Богу известно. Но главное – мы знаем – уезжавшие в Россию хлопцы сказали: за Седым, как за сосной. Людей бережет и сербов в руках держит...

* * *

Вот уже полчаса грохочет бой. На «положае» от мусульман отбивается двухметровый косматый, бородатый Бранко со своей четой. Чуть правее и ниже его ведет бой чета Радомира – капитана армии генерала Младича. Их атакует усиленный батальон мусульман при поддержке минометов. Мы знаем, что уже погибло трое сербов от прямого попадания мины в пулеметный расчет, что Бранко контужен, но из боя не выходит и что к мусульманам прибыло подкрепление, и можно к утру ожидать усиления их атак.

Мы седим в полублиндаже, сооруженном над окопом, вырубленным в скале. Сербы говорят, что окопы остались еще с мировой войны от четников, партизанивших здесь. Может быть. Накат от минометов мы возвели сами. В бойницы, словно от фонаря, пададет яркий лунный свет. Полнолуние сегодня...

Мы с Ленкой очень любили полнолуние. Впрочем, почему любили? Любим. Я – здесь. Она – там. Но все равно мы. Кто нас разлучит? Муж? Нет. Он уже никогда не сможет встать между нами. Мы приварены друг к другу любовью. Она – нам двоим. Ему остается только жалость. Он простил, по его словам, ей все. Как великодушно! Но что ты можешь ей простить, грустный, маленький человек, страдающий рядом с ней, что был никем все эти годы? Так ты и без прощения никем остался. Не ты ее удержал рядом с собой, не ты! Если бы ты хотя бы мог представить, как мало значат для нас твои чувства, как жестоко и несправедливо мы обращались с тобой. Ты бы разорвал свое сердце напополам и проклял бы нас. Но для этого у тебя никогда не хватит мужества. Твой сын Санька – вот кто всегда был точкой отсчета. Его чувства, его страдания, его мечты – вот что было для

нас главным. А ты «прощаешь»... Мне плевать на твое прощение. Оно никогда не разлучит нас.

Родня? Господи, за эти годы я развелся с женой, мой сын живет в чужом доме, мой дом занят чужими людьми. Нет, родня тоже никогда нас не остановит... Хотя, вру. Остановила. Ее остановила. Мать и сестра в далеком Приморском городе. Самые близкие ей люди в те недели, когда мы считали дни до нашего с ней съезда, уломали, сломали, отвели глаза, заколдовали, перекрутили ее. Но только сломали ли? Любовь – не спичка, дунешь – не погаснет. И на сколько хватит этой жертвенности ради ребенка, которому через пять-шесть лет будет по-молодому безразлична жизнь «предков». У которого будут свои друзья, свои влюбленности. На сколько хватит жалости к человеку, которого просто не любишь. И который, как ни крути, знает об этом...

* * *

С Бекасовым я познакомился, когда мы в первый раз решили все порвать. В июле 91-го, перед отъездом к матери в далекий приморский городок, она сказала: «Мы ставим точку, милый!» Тогда она еще и любимым-то меня не называла. Но зато спала со мной, что меня удивляло и вышибало. Причем я точно знал, что до этого она никогда не изменяла мужу. Точка была необходима, чтобы сохранить семьи. Ее и мою. Я поначалу не особенно и сопротивлялся. Обрадовался даже. Очень уж было страшно понимать, чем закончится наша связь для моей семьи, для уклада жизни. Но уже через два дня после ее отъезда я света белого не взвидел. Тогда я и нашел Бекасова. Затащил к себе, напились на пару.

Он был мне нужен как маленькая щель в ее жизнь, как нитка к ней, такой теперь далекой и чужой. Потом он уехал к ней, и я вообще начал заходиться тоской, ревностью, безумием.

В общем, так возник наш противоестественный треугольник. В котором мы оба – один тайно, а другой явно – любили ее одну.

Он любил ее! Любил с какой-то собачьей преданностью. Даже зная уже о нашей близости, лишенный ее тела, поставленный перед реальностью разрыва, он молча и упорно продолжал заботиться о ней, служить ей, опекать ее.

Бекасов – хороший мужик. Это только в дешевых романах двум влюбленным достаются муж алкоголик и жена проститутка. Только таких и бросать! У нас все было иначе. Бекасова мне было жалко, и перед ним я чувствовал вину, хотя всегда понимал, что в нашей с ним молчаливой схватке за женщину пощады быть не

должно. И все же я никогда не размазал его, как бы мог это сделать, не сделал ничего того, что считал нечестным по отношению к нему, если можно вообще назвать «честным» все это наше состояние.

Мне было грустно от того, что именно Бекасов был мужем Лены. Пожалуй, он один из немногих, с кем я мог бы искренне дружить. Теперь мы искренние враги…

Но я не желаю ему ни зла, ни боли. И не жалею ни минуты ни о чем. Я уехал сюда, в Сербию, чтобы не мешать им попробовать все сначала. В конце концов он и она должны попробовать, чтобы потом никогда не глодало их души раскаяние за то, что вдруг ошиблись, не сохранили, не удержали. Он говорит сегодня о своей «победе» на до мной. Грустно. Почему он не понимает, что на самом деле он не победил, а проиграл. Будь он мужчиной, выгони он ее, вышвырни из сердца, и, кто знает, чтобы она думала о нем через год, простила бы мне их разбитую жизнь, не ушла бы однажды к нему опустошенная, истерзанная, как поступила однажды ее подруга.

Теперь все наоборот. И теперь ему – наши не сбывшиеся надежды, нашу не начавшуюся жизнь, наши воспоминания и мечты. Теперь ему доказывать ей, что все это не зря, что у них еще все впереди, засыпать подарками, покупать деньгами. Убеждать в своей вечной любви. Он еще не знает, как от этого быстро устают.

…Чтобы ребенок был счастлив в семье, нужно как минимум две вещи – это любовь между родителями и излучаемая этой любовью надежность. Когда-то в семье Бекасовых это было. И, хотя по ее словам, Бекасова она никогда не любила всем сердцем, а скорее выбрала за долготерпение и надежность. Была у них хорошая семья, был лад, была искренность и чувство. И к этому, увы, уже никогда не дано вернуться. Я это понял по своей семье. И потому нам с женой хватило мужества не пытаться жить ходульной, уродливой ложью, ради поддержки мумии семьи. Мы разошлись. Но сохранили друг к другу уважение, понимание.

Если бы мы жили до сих пор, я знаю, мы бы уже просто ненавидели друг друга…

Но все равно, мне до звериного тяжело сейчас. За тысячу километров от меня, от этой войны любимая женщина спит в чужом доме с чужим мужиком. Есть от чего сходить с ума…

Неожиданно мысли обрывает нестройная перестелка где-то выше по горе в лесу. По дальности она идет явно в тылу у наших передовых. Я ловлю вопросительный взгляд Косолапого – Валеры Касалапчука – бывшего бойца Бендерского батальона республиканской гвардии знаменитого комбата Костенко. Спешу

в блиндаж управления. И тут вокруг начинают рваться снаряды. Услышав знакомый стервозный шелест над головой ничком падаю за ближайший валун, и тотчас меня подбрасывает близким разрывом. От него сразу глохну и остальное слышу уже как сквозь вату. Снаряды рвутся густо, один за одним, кроша скалы и срубая деревья. Сверху нещадно сыпется каменная крошка и щипа. Но откуда артиллерия здесь? У мусульман на нашем направлении дальнобойной артилериии посто нет. Сдана ооновцам. И тут я соображаю – бьют французы. От этого мне вдруг становится смешно. Господи, ну почему я такой дурак? Почему я всегда должен воевать со всем миром? Почему я не могу, как Бекасов, сидеть спокойно в своей бухгалтерии и стрелять от безделия на экране компьютера монстров из «Дума», пока мои деньги делают из себя новые деньги? Почему?

Пока размышляю над этим, налет утихает, и я рывком бегу к блиндажу. Блиндаж сложен на каменной террасе под вертикальной скалой, и снаряды ложатся сверху либо далеко внизу. Только слышно, как осколки разочарованно визжат, уносясь в небо. Глухота отпускает, и только в ушах еще долго звенит.

– Айболит? – встречает меня Седой. – Бери группу. Судя по всему, наши на пути домой нарвались на мусликов. Те, видимо, в обход шли. Пробейся к нашим, выведи кого сможешь. Пирата «приложило».

Я вопросительно смотрю на командира.

– Контузило, – поясняет он, – унесли в блиндаж. Но живой. Займешься им потом. Сейчас выручай наших. Меня тут уже озадачили...

* * *

Мы торопливо карабкаемся в гору. Ночью горный лес удивительно причудлив. Несмотря на войну, на опасность, его красота завораживает. Высереберенные луной стволы деревьев, скалы, вспыхивающие во тьме искрами слюды, причудливые тени. Валуны, как чьи-то огромные головы под ногами. Мы спешим. Выше и справа, метрах в пятистах то и дело слышится дробный треск очередей. Мы забираем влево на звук «браунинга» – там отбивается еще один ленинградец Болек, бывший спортсмен, боксер, бывший участковый.

Мы все на этой войне «бывшие». Гражданская война не оставляет в своей инфернальности «настоящих», на ней все становятся «бывшими». Бывшими учителями, бывшими

участковыми, бывшими офицерами, бывшими врачами. Наверное, потому, что гражданская война, это всегда смерть одного мира и рождение второго. Кто выживет на ней, тот и станет настоящим. Кто выживет и победит.

В далекой нашей России тоже война. Но война какая-то запутанная, чужая, бессмысленная. В которой враги многократно менялись местами, идеями, знаменами. В которой генералы враждующих сторон меняются должностями, чтобы покомандовать противником. Война, в которой давно никто никому не верит. Да и не война, а просто гниение с кровью. Гангрена. Была бы война, мы были бы там, а не здесь...

Я люблю сербов за то, что у них хватило мужества принять выбор войны. Я знаю, что через год или два она закончится здесь. Затихнет. И новый мир настанет на этой земле. Справедливый или нет – не мне судить. Скорее всего – нет. Весь мир против сербов, и потому шансов победить почти нет. Но они хотя бы попробовали...

Я доброволец. Мое дело верить и воевать. Я шепчу святотатственно: «Лучше три года войны, чем десять лет гниения...»

К Болеку мы подбираемся сверху. Когда до него по звуку остается метров тридцать, дожидаемся паузы между очередями, и я кричу кукушкой. Хороша «кукушечка» в пятом часу ночи. Потом еще. Плевать на мусульман. Мне важно, чтобы Болек «вьехал» и «не положил» нас в горячке. Наконец слышу резкий свист. «Угукаю» еще раз на всякий случай и рву вперед. Небо начинает сереть. То и дело грохочут очереди. Шальные пули визжат над головой, секут ветки деревьев, рекошетирут с искрами о камни. Петляю среди валунов, слышу, как в затылок сопит Косолапый, за ним вся его пятерка. Наконец в расщелине перед собой вижу знакомый дручок пулеметного ствола. И за ним плечи и спину Болека.

– Свои, Болек! – окликаю я его. Он поворачивается. Плюхаюсь на камни рядом с ним, судорожно пытаясь остановить ходящую ходуном, запаленную бегом грудь.

– Слава Аллаху, – скалится Болек. – Я уже думал, вы так ракии пережрали, что вообще ничего не слышете вокруг.

– Напад большой, – вставляю в русский, привычные здесь всем, сербские слова. Напад – атака, наступление.

– Слышу, – кивает Болек, – В общем, так. Мы тут нарвались на мусликов. Здесь в низине их до вздвода. Держу пока.

Речь его то и дело перебивается визгом пуль и грохотом очередей. Поймав паузу, он приникает к пулемету и короткими очередями бьет куда-то вниз, по видимой ему цели. Прямо на мой

локоть густо сыпятся горячие, воняющие порохом гильзы.

– Потери есть?

– Убитых нет, а Кузнеца зацепило. Причем здорово. Метров двадцать вправо расщелина. Он там с Гогой. Славко вернулся к своим наверх. А Лелек впереди, – он указывает рукой на темную расщелину в скалах ниже по склону. Я ничего не вижу, но неожиданно из тьмы бьет яркий язык пламени и грохочет очередь.

– Вижу! Командир сказал вас прикрыть и вывести из под огня.

– Чего выводить? Это вон мусликов выводить надо. Из этой низины им никуда не деться. Лучше обойди их справа по той осыпи, – он указывает на склон над лощиной, в которой зажаты муслики, – и вруби им в тыл. Разом и покончим.

– Добро! Только Кузнеца гляну.

В расщелине, под каменным козырьком в серой предрассветной хмаре сыро и холодно. У входа я натыкаюсь на Гогу, который то кидается к распростертому на камне Кузнецу, то залегает у входа с автоматом. Наклоняюсь над Кузнецом. По его серому, пепельному лицу сразу вижу – дело плохо. Дыхание учащенное, поверхностное. Пульс стрекочет под моими пальцами, как швейная машина. Шок! Почти механически достаю из аптечки шприц – двойной промедол. Жгут на руку. Долго в полутьме пытаюсь нащупать вену, но они уже «нитивеют», теряются.

– Гога, огня! – прошу через плечо. И Гога тотчас отзывается длинной долгой очередью куда-то во тьму.

Ну что за...

– Огня сюда! Посвети! Быстро!

Он пробирается ко мне и щелкает включателем фонарика. Есть, наконец-то попал. Игла поддела вену, впилась в нее. При шоке наркотик лучше сразу в вену, быстрее начнет работать.

Теперь внимательнее осмотреть раны. Одна пулевая в левом плече – так себе, ерунда. Пуля порвала мышцу и ушла своей дорогой. Хуже вторая. Под правым соском яркой розовой пеной пузырится черный глаз. Аккуратно переворачиваю Кузнеца на бок, ножем распарываю на спине комбез, под ним свитер и тельник. Все густо набухло кровью. Вот оно! Так и есть – выходное отверстие. Сквозное, через легкое. Пневмоторекс – из раневых каналов воздух напрямую попадает наружу, давление внутри легкого уравнивается с атмосферным и легкое опадает, перестает функционировать, начинается отек. Фигово! Рву куски целофана с оболочки какого-то лекарства и широкими кусками пластыря приклеиваю их крест на крест через раны. Надо закрыть доступ воздуху. Вернуть давление...

...Трое из пятерки Косолапого утаскивают на руках Кузнеца. А

мы вчетвером: я, Косолапый, Гога и Рустик – Русла Кусов, осетин из Цхинвала – пробираемся по осыпе в тыл мусликам, засевшим в неглубокой кустистой лощине под нами. Нас четверо да неразлучная парочка Болек с Лелеком – мы пытаемся атаковать взвод регулярной мусульманской армии. Полный бред! Но это так. Война вообще соткана из одних противоречий, глупостей и случая. Мы в данный момент являемся всем этим сразу.

Открываем огонь одновременно, наугад стегая свинцом заросли под нами. Нам тут же вторят «браунинг» Болека и «калаш» Лелека. Нас всего шестеро. Я с холодком жду, когда же муслики нас посчитают и начнут попросту обкладывать, но неожиданно замечаю краем глаза, как от лощины вниз по склону, к опушке леса рванулся серый силуэт. За ним еще один. Еще. Господи, они бегут! Не выдержали. Услышав стрельбу за спиной, решили, что попали в кольцо и бросились к спасительному лесу. Жаль только, Болек их со своей скалы не видит. Мало бы кто ушел...

– Айболит, меня зацепило! – вдруг слышу сдавленный шепот Гоги.

– Вот черт! Только этого не хватало! Я переползаю к Гоге, приткнувшемуся спиной к валуну.

– Куда?

– Он протягивает левую руку. Посредине предплечья темнеет пулевая рана. На обратной стороне еще одна. Прямо мне на пальцы капает горячая липкая кровь.

– Пальцы чувствуешь?

– Да вроде, – жмурится от боли Гога и пытается сложить их в кулак.

– Не трепыхайся! – липкими, скользкими пальцами ощупываю «лучи», вроде все целы. Слава Богу!

– Не дрейфь, Гога. «Сквозняк» – скоро затянется, зарастет как на собаке. С крещеньицем тебя, земеля!

Я бинтую ему руку, и мне вдруг становится хорошо и спокойно. Я улыбаюсь. Я рад, что драпанули муслики. Я рад, что победа опять на нашей стороне, я рад что Гога жив и что ранение у него пустяковое. И с каким-то чувством вины перед ним аккуратно перевязываю его драгоценную руку.

На самом деле я не хочу его смерти. Пусть Бекасов живет долго-долго. Пусть вернется в свой Красногорск, найдет себе хорошую бабу. Женится, настрогает кучу бекасят и показывает им по праздникам сине-фиолетовую вмятину от пули, полученной на далекой, далекой земле. Господи, в конце концов мы все здесь братья друг другу. Я перемазан кровью Гоги, Кузнеца, а до этого Левко, а до этого... Да что там вспоминать. Моя родня – это они,

кто не сломался, не скурвился за эти безумные годы, кто не променял свою душу на иномарку, должность бухгалтера в банке или пару ларьков, торгующих дешевой водкой. Кто в одиночку ведет свою битву, за свою землю. Здесь ли, в Сербии, под Калайхумбом ли, под Грозным, в Москве ли, не важно. Это наше время. Если хотя бы на день задержится колесница момоны, дробящая нашу землю, если хотя бы на день остановит свой путь чужой ветхозаветный молох, пожирающий мою родину безвременьем, – мы не зря боролись и погибали.

В конце концов мы просто солдаты этой войны. А как известно, солдатский век недолог...

Я смотрю на кусающего губы бледного Гогу, и от сердца отступает тяжелая сосущая лихорадка мести. Я хочу, чтобы ты жил, Бекасов! И ты и тот – живите! Мне ничего от вас не надо. Все мое со мной. Мои чувства, моя вера, моя любовь. Их у меня не отобрать. Я счастлив!

В лагерь мы возвращаемся уже под ярким утренним солнцем. И я вспоминаю, шагая по знакомой тропе, как давным-давно, лежа в койке родителей, отсутствующих на даче, я рассказывал обнимающей меня Ленке, что над нами живут еще одни Бекасовы. И что одного из братьев – сверстников моей сестры, зовут Санькой. Нам было хорошо и покойно. Сладко и нежно. Мне кажется, в этот день мы и зачали малыша. Помнишь, как мы трепетно ждали его, считали месяцы. В феврале был его срок. Я прилетел к тебе, в июльский Приморск, чтобы сказать о том, что приятель-банкир одолжил мне под продажу квартиры деньги на срочную покупку жилья для нас. Я застал тебя растерзанной после больницы. Выкидыш.

Ну почему все самое плохо случается с нами в твоем Приморске?

Как нам было тяжело и как мы нуждались друг в друге в те дни, как растворялись в ласке и нежности.

Семь утра. В Москве девять. Сейчас твой муж надевает куртку и выходит из дома. Наверное, говорит тебе от лифта что-то нежно-сюсюкающее. И ты стоишь в дверях, в своей красной ночнушке, свойство которой задираться без всякого повода я так хорошо знаю. Его ждет любезный БМВ, бизнес, деньги, которыми он набьет вечером твой кошелек. А я шагаю по этой тропе. Грязный, не бритый, в чужой крови, в затертом до дыр камуфляже и думаю о тебе.

– Все будет хорошо, малыш! – вдруг замечаю я, что говорю вслух. Каждый человек имеет право попробовать вернуться в никуда. Я не в обиде. Однажды ты все вспомнишь.

Эй, я шагаю сейчас по сербской земле, ставшей для меня родной. Между нами сейчас две тысячи верст. Но чувствую тебя, слышу. Услышь и ты меня. Эй, однажды я вернусь, и мне будет очень нужен малыш. Твой и мой. Пусть это будет дочка. Она одна будет нам прощеньем и утешением в том страшном, что нам еще предстоит пережить. И пусть она будет похожа на тебя. Я согласен.

А если тебя все же купит твой Бекасов. И не таких покупали деньги и роскошь, не таким выкручивали руки постоянным напоминанием о счастье сына, о долге жены. Если ты останешься с ним, роди ребенка от него. Он все равно будет моим.

Один пожилой монах-четник сказал мне как-то, выслушав мою долгую полупьяную исповедь: «Друже, Слава, женщина всегда рожает только детей любимого мужчины. Так выжили мы, сербы. Наши женщины никогда не рожали турок. Даже в плену.

Молись Богу, Слава. Воюй и молись. Бог есть любовь. И потому вы в ней вечны».

* * *

...Есть только один способ нас разлучить. И имя ему смерть. Но ты знаешь, солдатское чутье мне говорит, что она пока согласна подождать.

Николай ИВАНОВ

ВХОД В ПЛЕН БЕСПЛАТНЫЙ, ИЛИ РАССТРЕЛЯТЬ В НОЯБРЕ. Документальная повесть

Налоговой полиции России, чья спецгруппа
отыскала меня в чеченских подземельях и
освободила из плена – с вечным благодарением.

1

– Кто полковник?

– Я.

Встать и выпрямиться не успеваю. Удар сбивает с ног – профессиональный, резкий, без замаха. Однако упасть не дают наручники, которыми я прикован к Махмуду. Тот, в свою очередь, зацеплен за Бориса, мы все втроем наклоняемся, но падающего «домино» не получилось – устояли, а похожи, наверное, на покосившийся штакетник, схваченный одной цепью.

Наверное, мой взгляд на Боксера оказался столь выразительным, что он поинтересовался:

– Ну, и что увидел?

Вижу его красные от бессонницы глаза. Сам Боксер в черной маске-чулке, взгляд его устремлен на меня через неровные, обтрепанные от времени вырезы. Впрочем, это встретились не наши глаза, а заискрились, оттолкнулись два оголенных провода. Впрочем, боевику-то что отталкиваться. Он упирает мне в лоб ствол автомата, и откуда-то издалека, из курсантских времен промелькнуло: во время учений при стрельбе холостыми патронами мы накручивали на стволы круглые блестящие компенсаторы.

Сейчас ствол угловатый, холодный. Да и какие, к черту, в Чечне во время войны холостые патроны! Пора уже привыкнуть и к тому, что меня бьют только за то, что полковник.

– Что молчишь? В контрразведке научился?

Ствол давит все больнее, я и сам чувствую, что пауза затягивается, но нейтрального ответа найти не могу. А надо. Если не убили сразу, надо. Иначе навешают всех собак – от сталинской

высылки до приказа Грачева штурмовать Грозный. Пленный отвечает за всех.

Осторожно возвращаюсь к первому вопросу, даю полный расклад своей нынешней должности:

– Я полковник налоговой полиции. Журналист.

– А это мы еще проверим, – усмехается маска, но автомат от головы отходит. – Только запомни: если окажешься контрразведчиком, уши тебе отрежу лично.

Киваю головой, но не ради согласия, а чтобы таким образом оставить взгляд внизу и больше его не поднимать: в затылок вопросы задавать труднее. Кажется, начинаю постигать первое и, скорее всего, величайшее искусство плена – не раздражать охрану.

Уловка проходит: охранник отступает на пару шагов, усаживается на сваленные в углу погреба доски. Привычно, стволом в нашу сторону, устраивает на коленях АКМ. Тягостно молчит. Тягостно для нас, троих пленников, потому что будущее предполагает только худшие варианты.

Хотя что может оказаться хуже плена? Только смерть.

Нет, я не прав даже перед собой. Лично я боюсь еще и пыток. Не хочу боли. Страшно, что не выдержу. Если умирать – то лучше сразу.

Словно собираясь исполнить это желание, Боксер встает. Взгляд только на его ботинки: не нужны ни глаза его через маску, ни новые расспросы. Если бы можно было заморозить время или сделать его вязким! Тогда охрана стала бы двигаться словно в замедленной киносъемке, исчезли бы резкость и неожиданности…

Получилось еще лучше: Боксер, постояв около нас, вообще уходит. Но почему? С чем вернется? На какое время оставляет одних? Вопросы рождаются из ничего, и сейчас от них, в другой обстановке совершенно безобидных, зависят наши жизни.

Ботинки поднимаются по лесенке вверх, к люку. Ровно на ступени поднимаю и голову. Хлопает крышка, и мы остаемся втроем. Оглядываемся.

Над головой – тусклая лампочка. Подвал огромный, хоть загоняй грузовик, а мы, мокрые и продрогшие после дождя, сидим на рулоне линолеума, словно воробьи. Говорить не хочется, не о чем – мы мало знаем друг друга, да и боязно – вдруг оставлен «жучок». И – полная обреченность.

Вновь поднимается крышка. Торопливо опускаем головы. Почему Боксер так быстро вернулся? Что скажет? Куда поведет?

Останавливается рядом, и в голову вновь упирается ствол автомата. Тороплюсь напрячь, сцепить зубы, чтобы спасти во время новых ударов и их, и челюсть. Готов.

Поднимаю взгляд. Бей.

Но на этот раз картина более чем благостная: на стволе автомата, покачиваясь, висят три пары черных носков. В доброту и благородство после всего случившегося не верится, и решаюсь спросить:

– Нам?

Боксер молча сбрасывает с «жердочки» подарок. Осторожно, все еще опасаясь подвоха, начинаем снимать мокрую обувь. Труднее всего сидящему в центре Махмуду – он вынужден приноравливаться как ко мне, так и к движениям своего начальника, с которым связан наручниками с другой стороны. Наверное, так меняет свою обувь сороконожка, если, конечно, носит ее.

Новые носки высоки, наподобие гольф, и хотя ноги приходится засовывать снова в мокрые туфли, все равно становится теплее. Так что черные носки, хочешь не хочешь, оказались единственным светлым пятном начавшегося плена.

Но чудо на том не кончилось. На плечи падают одеяла. Да нет, какие одеяла – это опустила на нас свои крылья надежда: если нормально стали относиться, то, может, все обойдется и отпустят? А что? Я, хотя и в погонах, но журналист, Борис Таукенов – управляющий филиалом Мосстрой-банка в Нальчике, Махмуд Битуев – водитель инкассаторской машины. Мы не воевали, не стреляли...

Боксер словно читает мысли и выносит свой вердикт:

– Короче, ты – вор, – указывает на Бориса. Переводит автомат на меня: – Ты – пособник вора. А ты, – оружие в сторону Махмуда, – возишь воров.

– Мы деньги не вывозили, а привозили в Грозный. На зарплату вам же, чеченцам, – не соглашается Борис.

– Вы не тем чеченцам помогали и не той Чечне, – обрывает охранник. – А потому будете наказаны.

Нет, одеяла не дают гарантий на надежду. К тому же темно-синий шерстяной квадрат, доставшийся банкиру, наискосок прострелен автоматной очередью. Борис тоже замечает дыры, замирает. Знак судьбы? Сбросить его на землю? Ботинки Боксера рядом, тому не до сантиментов и психологических тонкостей, и Таукенов медленно набрасывает, словно судьбу, простреленное одеяло на свои плечи. Первая черная метка выставлена.

– Короче, сидеть на месте, – предупреждает Боксер и снова исчезает в люке.

Укутываясь в одеяла, пытаемся удобнее и поплотнее усесться. На часах около пяти утра, ночь, кстати, самая короткая в году, уже почти прошла, и нас, несмотря на все случившееся,

постепенно одолевает дремота. Краем сознания цепляю, что это глупо – спать перед тем, как тебя, скорее всего, убьют. Но усталость смыкает глаза даже смертникам. А ведь еще сутки назад я был свободен и строил какие-то планы...

2

Что есть российский офицер в плену у чеченцев? Существует ли у него возможность выжить, бежать, а в какие моменты судьба висит на волоске? Нужно ему рассчитывать только на свои силы или за него станут бороться товарищи и государство? Что происходит с трех сторон плена: у родных и близких пленника, у него самого и у охраны? Каковы они, подземные тюрьмы конца двадцатого века?

Я прилетел в Грозный в середине июня 96-го, когда война дышала еще полной грудью.

Ее легкие находились где-то в чеченских предгорьях, а вот сердце – сердце в Москве. И именно оно, заставляя войну дышать и жить, гнало по артериям оружие, продукты, боеприпасы и людей. Это в первую очередь были рабоче-крестьянские ребятишки-солдаты, не сумевшие отмазаться от армии, и бравые до первого боя контрактники, которым за войну, исходя из рыночных законов, уже платили деньги. А возглавляли колонны ошалевшие от безденежья, отсутствия жилья, задерганные политическими заявлениями депутатов «выполняй – не выполняй», «стреляй – не стреляй», «герой – подлец» офицеры.

Назад, по венам, из Чечни выталкивались цинковые гробы, знакомые по Афгану как «груз 200». Не прерывалась ни на день цепочка живых, но искалеченных солдат, подорванной техники и окончательно во всем разуверившихся, увольняющихся из армии офицеров. Все это перерабатывалось, сортировалось в военкоматах, госпиталях, складах артвооружения, где вновь готовились живительные коктейли для поддержания войны.

Эти два потока текли навстречу друг другу совсем рядом, нигде, однако, не пересекаясь. Кто-то умный рассудил: а зачем преждевременно показывать здоровым и сильным будущим героям, какими они могут стать после первого же боя?

Что-то подобное я отметил еще по афганской войне: ташкентский аэропорт Тузель, откуда в Кабул перебрасывался ограниченный контингент наших войск, располагался всего в пятистах метрах от деревообрабатывающего завода, где работало так называемое «нестандартное подразделение» по изготовлению гробов для этого самого ОКСВ. Один из летчиков военно-

транспортной авиации, развозивший по стране «груз 200», признался:

– Знаешь, когда я почувствовал, что в Афгане идет настоящая война? Думаешь, когда без передышки забрасывали туда людей? Совсем нет. Когда карта, на которой мы отмечали аэродромы посадок с погибшими, оказалась сплошь утыкана флажками…

Впрочем, все это больше политика, в которую мне никоим образом не хотелось влезать. Моя командировка в Чечню по-журналистски выглядела куда интереснее: можно ли собирать налоги во время войны? И с кого? Тема совершенно новая, и покопаться в ней первому – нормальная мечта любого нормального газетчика. Держал в уме и вторую возможность – собрать впечатления для новой книги – «Спецназ, который не вернется». Я должен был своими глазами увидеть, где погибали мои литературные герои. К тому же на восстановление Чечни выделялись фантастические суммы, все твердили об их загадочных исчезновениях, но дальше московских сплетен дело не шло. Мечталось заглянуть и за эту ширмочку…

Сам Грозный даже спустя полтора года после его взятия представлял мрачную картину. Центр лежал в сплошных развалинах. Подобное могла сотворить только авиация, и вспомнились пресс-конференции о том, что современное вооружение способно наносить точечные, избирательные удары. Хоть в открытую форточку.

Точечные удары в этой войне – это когда на российских картах определили точку – российский город Грозный, и в нее, не боясь промахнуться, выкладывали боезапасы российские же бомбардировщики. По российским жителям. В большинстве своем по фронтовикам и русским, которым, в отличие от разбежавшихся по сельским родственникам чеченцев, уходить было некуда. Пора признаться и в этом. И какие там открытые форточки…

Накануне войны министр обороны Павел Грачев, правда, убеждал, что способен взять город за два часа одним парашютно-десантным полком (или двумя полками за один час, что все равно относится к полному бреду). Если уж готовилась спецоперация, то ее следовало проводить еще меньшими силами. В 1979 году в Афганистане, в чужой стране, одним «мусульманским» батальоном и двумя поварами-разведчиками сумели поменять неугодный Кремлю режим Амина, а здесь…

А здесь в новогоднюю ночь 1995 года в узкие улочки Грозного ввели танки.

Господи, в каких академиях обучались генералы, которые позволили технике войти в город без прикрытия пехоты? Торопились преподнести подарок министру, отмечавшему в

Новый год свой день рождения? А тот, в свою очередь, мечтал о праздничном рапорте Президенту? Думали взять дудаевцев «тепленькими» после застольных возлияний? Но к тому времени чеченцы перешли на мусульманский календарь и подобные новогодние празднества уже не отмечали. Тем более, спиртным, запрещенным по шариату.

А посчитал ли кто-нибудь количество гранатометов, оказавшихся в руках боевиков? Танков и артиллерии? Учли, в конце концов, отчаянный, самовлюбленный характер горцев, которым с самых высоких государственных трибун дудаевцы уже внушали, что у чечена должна быть самая красивая девушка, самая модная одежда, а если он угоняет в России автомобиль, то самый шикарный? И что любой кавказец изначально выше русака?..

Родился тогда и анекдот, обожаемый боевиками, а потому добавляющий кое-что в понимании их характера.

– Встречает чечен мужика и говорит: направо не ходи, там тебя ограбят через сто метров. Налево не ходи тоже, ограбят через двести метров. Вперед – тем более, потому что ограбят за первым поворотом. Давай я тебя ограблю здесь.

То, что Чечня и Дудаев зашли слишком далеко и нужно что-то предпринимать – в этом никто не сомневался: жить отдельно от России, но за ее счет – слишком откровенная наглость. Но танки, самолеты по той самой точке на карте... Аргумент оружия не есть признак силы. Скорее, наоборот. Им удовлетворяются политические амбиции, но никогда не развязываются узлы. Тем более, в национальном вопросе, где все правы...

Федеральные войска взяли развалины города через несколько недель упорных боев, оставив с обеих сторон десятки тысяч убитых и раненых. И тут же завязли в бесконечных боях местного значения. Еще один анекдот, уже русский:

– Что высматриваешь, рядовой Петров?

– Да не пылит ли тот парашютно-десантный полк, товарищ капитан, который закончит эту войну за два часа.

– Э-э, займись-ка делом – набей патронами магазин для очередного боя. Пыли для ветра не насобираешь...

Зато не по артериям и венам, а по каналам, неведомым простым смертным, потекли полноводной рекой на отстройку только что самими же разрушенного деньги. Вроде не разучились с советских времен помогать тем, кому трудно.

Двадцать строительных организаций, получивших деньги и право на восстановление Чечни, в свою очередь создали по два-три десятка субподрядных организаций, передоверив им строительство и поимев на этом свои проценты. Новые хозяева

денег, не мудрствуя лукаво, родили еще несколько десятков бригад, и тоже не бескорыстно. В конечном итоге на «чеченские» деньги насело около тысячи строительных организаций, которые в Чечне на налоговый учет не встали и, соответственно, никаких налогов не платили – ни дорожных, ни пенсионных, ни каких-либо других. Деньги крутились где угодно, но только не в республике, которой предназначались.

Это раскопал не я, а налоговая полиция Чечни. И сумела доказать Москве, что подобным образом восстанавливать республику можно бесконечно долго. Президент России издал специальный указ, обязывающий всех строителей встать на учет в налоговые органы по месту работы. И...

И когда я знакомился с Грозным, на его развалинах увидел всего один экскаватор, который, как оранжевый пыльный жук, копошился на развалинах бывшего президентского дворца. Один на весь город! Б. Н. Ельцин, к сожалению, со своими указами был грозен только для личной администрации, дрожавшей за свои кресла.

Сама налоговая полиция размещалась в здании полуразрушенного детского садика. О его прежней принадлежности напоминали лишь песочницы, приспособленные под курилки и места чистки оружия, широченные окна, ныне забаррикадированные мешками с песком, да бывшая воспитательница Людмила Ивановна, перешедшая в уборщицы. Пожалуй, еще рисунок колобка на стене, насквозь прошитый в румяную щеку рваным осколком. Зато перед ним, не испугавшись взрыва, сидела целехонькая лиса и размышляла: кушать ей искалеченного уродца или полакомиться чем-нибудь более вкусным. Такая вот старинная сказочка в современном интерьере.

Кто знал, что в течение всего пребывания в Грозном я сам был подобен колобку, а за мной осторожно, чтобы не спугнуть, наблюдала другая лиса.

– На тебе, полковник, мы поставили метку, когда ты только позвонил в Грозный и сообщил о своем приезде, – признаются потом боевики. И с похвальбой, которая частенько развязывала им языки: – У нас ведь в каждом государственном органе сидят свои разведчики и осведомители. Или сочувствующие.

А я, наивный, трогательно прощался с теми, кто вышел меня проводить на попутке в Нальчик. А может, ее специально подсунули мне, да еще сопроводив предложение улыбкой:

– Не побоитесь ехать без охраны?

Что мог ответить я остающимся под пулями ребятам? Что боюсь? Что требую сопровождения? Подловили, подловили на десантной гордости, хотя афганский опыт подсказывал: зря

сажусь к незнакомцам. И среди провожающих наверняка оказался и тот, кто затем передал по рации:

– Берите инкассаторскую «Ниву», поехали по старопромысловской дороге.

Взяли красиво. Через час пути обогнавший нас БМВ стал подсекать «Ниву», пытаясь оттеснить ее в кювет. Мы еще ничего не поняли, а из окон высунулось по паре пулеметов. Резко оглядываюсь. Пристроившаяся сзади «шестерка» не напоминала пулеметную елочку только потому, что основным стволом в ней оказался гранатомет. А нам жестами уже приказывали остановиться.

– Конец. Боевики, – шепчет сзади Махмуд.

Я еще пытаюсь надеяться на недоразумение, ведь окружающие нас люди – в родной десантной «пятнашке». Почему не взял оружие!

Борис, после выезда из Грозного сменивший за рулем водителя, по всем правилам дорожного движения замигал поворотом и съехал на обочину. На этом взаимные любезности закончились. Не успел он заглушить мотор, как выбежавшие из машин люди буквально вырвали его с сиденья. В распахнутые дверцы всунулись два длинноносых «красавчика» – так чеченцы нарекли пулеметы. Упираются в нас с Махмудом:

– Руки за голову, голову – в колени.

Команды и движения отработаны до автоматизма – не у нас, конечно, а у боевиков. Водительское место уже занято, Борис исчез. Кортеж, прервав движение на трассе, разворачивается и мчится в обратную сторону. Никто не вмешался в происходящее, не выбежал на помощь, не погнался вслед. Начинает доходить, что все происшедшее – по-настоящему, что это – плен и жизнь обесценилась до одной пули. До легкого нажатия на спусковой крючок пулемета, приставленного к голове.

Лоб, уткнутый в колени, покрывается потом, от него же липко горит спина. Неужели страх? Он – такой?

Пытаюсь лихорадочно вспомнить, что у меня есть такого, за что сразу поставят к стенке. Блокнот с записями «нечаянно» уронил, когда распахивали дверцы, и его удалось затолкать ногами под сиденье. Найдут, конечно, но потом. А вот отпечатанное на бланке редакционное задание – это моя смерть. Особенно строчки о том, что я должен собрать материал о мужестве чеченских налоговых полицейских, защищавших Грозный от боевиков. Зачем печатал задание и брал с собой? Ну страдал бы склерозом и не помнил зачем еду в Чечню, тогда простительно. А так будет мне сейчас чужое мужество...

Но я – уже пропал, а вот фотоаппарат... На последних кадрах–

ребята из физзащиты, охраняющие здание с раненым колобком. Их лица крупным планом. Подставил. А перед этим – снимки, где я в окружении воронежских омоновцев. Снялись на память совершенно случайно, когда они подъехали проверить наши документы. Милиционеры обвешаны оружием, победно вскинули вверх кулаки. Будут мне и кулаки...

Но кулак взметнулся и вбился в меня, как в тренировочную грушу, когда раскрыли удостоверение.

– По-олковник?! Мразь.

Машины загнаны в лесополосу. Документы изучает огромного роста парень с вырубленным словно из камня лицом. Наверняка из числа непримиримых. Еще ни он, ни я не знали и даже не предполагали, что именно он через несколько месяцев займется моим обменом, а на прощание скажет:

– Я тебя взял, полковник, я тебя и отдаю.

Но когда это еще будет... Пока же остальные боевики хоть и с долей стеснения, отворачиваясь, но возятся в сумках, сортируют и делят мои командировочные деньги, спорт-костюм, рубашки, туфли. Улучаю момент и незаметно пальцами разрываю браслет часов: может, после этого не позарятся на них? Часы очень дороги, подарок. И главное, чтобы не прочли название – «Генеральские», ибо за полковника уже получил. Как же в плену начинает выпирать любая мелочь! И как легко взяли!

В Афгане, вообще-то, во мне сидело больше боевой настороженности. По крайней мере, там на операции не выходил, не убрав из карманов все, что могло говорить о моей принадлежности к военной журналистике: почему-то был убежден, что из возможного плена пехотного лейтенанта обменяют быстрее журналиста. А вообще, на случай возможного плена всегда подальше откладывались одна граната и патрон-«смертничек», чтобы случайно не израсходовать их в пылу боя: готовность на собственный подрыв или самострел отложилась в мозгу, как загар под афганским солнцем – не смоешь и не выветришь.

Рассчитывались варианты и при движении в колонне. Сидели, например, всегда на броне, но одной ногой – в люк. Знали: при стрельбе снайперов можно быстро юркнуть вниз, а ежели подрыв на мине или фугасе, то оторвет всего лишь одну ногу. Я жертвовал правой, друг – левой. Чтобы потом покупать одну пару обуви на двоих. Знали все и в комнате: в случае гибели или плена то, что лежит в тумбочке на верхней полке, уничтожается, а остальное отправляется домой.

Существовали еще сотни мелочей, которые, оказывается, бронежилетом оберегали нас от непредвиденностей и

случайностей. Не потому ли за девять лет афганской войны мы потеряли солдат меньше, чем при одном штурме Грозного? Тогда, в Афгане, всех командиров за подобное прямым ходом отправили бы на скамью подсудимых. Слишком быстро забыли Афганистан. Его уроки. Я – тоже.

И сразу же поплатился. Хорошо, что дома сказал только сыну, куда еду. Значит, там хватятся не раньше, чем через неделю. Догадался предупредить о выезде и дежурного в Нальчике, там после восемнадцати часов начнут волноваться по поводу моего отсутствия. Позвонят оперативному дежурному в Москву. Так что можно надеяться, что часов с десяти вечера начнутся поиски. И если сразу не расстреляли, значит, время работает на нас. Надо тянуть время...

Махмуда и Бориса отвели в сторону, разбираются пока со мной, оставленным в кабине.

– Где оружие?

– Я приехал без него.

– Мужчина на войне должен быть с оружием. И стрелять из него, – усмехается Непримиримый. – А это чье?

Из-под водительского сиденья, с расчетом на эффект, извлекаются пистолет Макарова и винчестер. Подкинули?

– Мое, – подает голос Махмуд.

Непримиримый не поверил, потому даже не обернулся. В самом деле, как это так: полковник – и без оружия!

И тут доходит – да это же полное пренебрежение к боевикам! Они наводят страх на Россию, захватывают ее города, а здесь, под носом, без оружия и охраны раскатывают полковники.

– Смелый, что ли?

Смелость или трусость здесь ни при чем. Всего лишь афганский опыт, вот здесь как раз сработавший: пистолет на войне только мешает, а против «красавчиков» и гранатомета в засаде – новогодняя хлопушка страшнее. И все-таки хорошо, что меня не сопровождала охрана. Завяжись бой, летели бы от всех нас одни ошметки.

Наконец вытаскивают из машины и меня. Руки сразу назад, и жесткий захват наручников. «Нежность» называются: чуть пошевелишься, из стальных колец мгновенно вылезают шипы. Уткнув головой в машину, обыскивают. Вытряхивают карманы. Рассматривают часы, которые подстреленной птицей машут оборванными крыльями. Пренебрежительно возвращают:

– «Генеральские»... – Мол, не мог «Сейко» для нас приобрести. – Устраивайся, – проведя лицом по борту машины, бьют по ногам, сбивают на землю.

Оберегая лицо, стараюсь упасть на бок, как при парашютных

прыжках. Локтем впиваюсь в чернозем. Придется отстирывать пиджак.

Идиот! Каким нужно стать идиотом, чтобы думать о подобных мелочах. Чтобы вообще ехать в эту командировку. Кому что доказал? Хотел впечатлений? Налоги и война… Бред! Война – это боль, грязь, страдания. Смерть. Бессилие слабого и безоружного. Упоение своей всесильностью человека с оружием. Игра своей и чужими жизнями. Плен. «Спецназ, который не вернется». Я не спецназ, но не вернусь тоже. Накаркал.

Начинает накрапывать дождик. Подводят Бориса и Махмуда, их сковывают одними наручниками. Автоматчики стоят по кругу, один из них уже в моей рубашке. Непримиримый рассматривает мои книги, найденные в сумке. Вычитал в сведениях обо мне что-то неприятное для себя:

– Значит, воевал в Афганистане? Убивал мусульман? А ты знаешь, что они наши братья?

Сзади кто-то бьет ногой и прикладом. Сдерживаюсь, не оглядываюсь. Да и что это даст, тем более, что за него у меня медаль «За отвагу» и орден.

Выручая меня, недалеко от лесополосы затарахтел вертолет. Ищут нас? Вдруг с трассы все-таки передали на блокпост о захвате инкассаторской машины и начались ее поиски?

Появление «вертушки» настораживает и конвоиров. Они выставляют в ее сторону оружие и заметно оживляются, когда гул смолкает. В сумке отыскался наконец и фотоаппарат. Завтра проявится пленка, и мой чистосердечный ответ про отсутствие оружия расценят как издевательство: на снимке меня обнимали, кажется, четверо воронежских пулеметчиков.

Глупо. Все глупо в этой командировке…

– Ну а теперь колись, откуда ты, – нависает каменной глыбой Непримиримый.

– Из Москвы. Налоговая полиция России.

– Сказки рассказывай на ночь детям. Из ФСБ или ГРУ?

– Из полиции.

– Ты рискуешь вывести меня из терпения. Я ясно спросил.

– Мои документы у вас.

– «Крыша». Все это, – он потряс удостоверением, журналистским билетом, книгами – прикрытие. Ты фээсбэшник и выполнял какие-то сложные задания, потому что в сорок лет просто так полковниками не становятся.

Такой «аргумент» крыть нечем, остается пожать плечами и молчать. Хорошо, что не два года назад поймали, в тридцать восемь я уже был полковником. Просто не прятался от Афгана. На Курилах был, на Памире. Спускался в ракетные шахты, заходил к

врачам в операционные. Записывался в отряд космонавтов, прыгал с парашютом и форсировал в танках реки по дну. Теперь можно спросить: зачем?

Чуть в стороне от нас подъезжают и отъезжают машины, около нас появляются и исчезают все новые люди. Им приятно пнуть меня, но делают это сзади, воровски: то ли не хотят показывать лиц, то ли им интересно наблюдать, как я дергаюсь от неожиданных ударов. А лично мне становится все равно. Первый испуг прошел, и хотя безысходность осталась, определяю для себя главное – собраться, не паниковать. Что будет– то и приму. От меня сейчас ничего не зависит.

– Ты что такой спокойный? – видимо, я слишком явно посылаю судьбу по течению, и это замечается боевиками. Недовольны: – Ну-ну, посмотрим на тебя через пару часов.

Прячась от дождя, Непримиримый залезает в кабину и смотрит на нас, лежащих на земле, оттуда. Бориса и Махмуда дергают меньше: все же мусульмане, соседи-балкарцы. Их могли бы, вообще-то, и отпустить, это предписывает тот же закон гор. Одному оставаться, конечно, тяжко, но зато они хоть что-то сообщили бы обо мне на волю.

Постепенно темнеет, и вспоминаю сегодняшнюю дату – 21 июня. Самый длинный день в году. Самый несчастный. Наверное, самый несчастный...

Подъезжает еще одна машина. Меня поднимают, приковывают наручниками к дверце машины. Боевики расстилают газету, выкладывают продукты – колбаса, хлеб, бананы, помидоры, сок. Приглашают к столу сначала нас, а когда мы, скромничая, отнекиваемся от угощения, настоятельно рекомендуют:

– На вашем месте мы бы кушали. Вами заинтересовались в горах, а там кормить не будут. Вообще-то, по правде, жалко вас.

Спасибо, пожелали приятного аппетита. Хорошо, что хоть честно и откровенно. Впрочем, им-то кого и чего стыдиться? Хозяин прав даже тем, что пьян...

Вот только бы наши поторопились с поисками. Сегодня пятница, считаем, что день прошел. В субботу Управление собственной безопасности налоговой полиции, которому предписано разбираться как раз с захватами и освобождением заложников, всегда на службе. До обеда всегда на рабочем месте и Директор. Значит, завтра уже что-то может быть предпринято по моему поиску. Если давать два-три дня на раскачку и переговоры, то через неделю можно ждать первых результатов. Если, конечно, в горах сразу не расстреляют. Выдержать неделю. Как долго!

Из оперативного сообщения № 112:

«26.06.96 г. начальник дежурной части УФСНП по Чеченской Республике по телефону сообщил, что находящийся в командировке по Северному Кавказу полковник налоговой полиции Иванов Н. Ф. 21.06.96 г. выехал из г. Грозный вместе с управляющим филиала „Мосстройбанка“ по г. Нальчик Таукеновым Б. А. на бронированной автомашине „Нива“ гос. № в Нальчик. На 12.00 сегодняшнего дня вышеуказанные лица к месту назначения не прибыли.

Отделом собственной безопасности налоговой полиции Чечни проводятся розыскные мероприятия.

Ответственный дежурный Дежурной части Федеральной службы налоговой полиции России».

На сообщении тут же появится распоряжение директора ФСНП России генерал-лейтенанта налоговой полиции Сергея Николаевича Алмазова для начальника Управления собственной безопасности:

«Прошу принять срочные меры к розыску, а также разобраться с причиной задержки информации».

Второе выяснить оказалось не сложно: по ряду причин все это время с Чеченской Республикой отсутствовала даже космическая связь, а Нальчик не стал докладывать в Москву о моем отсутствии – думали, просто не стал заезжать в Управление, занялся своими делами. Но сложнее всего оказалось с первым пунктом распоряжения Директора...

3

Сколько возвышенных слов посвятили люди самой короткой ночи в году! И бархатная она, и самая звездная, и тем не менее закат в ней с зорями целуется, и быстрокрылая, и светлая...

Пленная она!

Лежу прикованный цепью к батарее в какой-то комнатушке с затопленным, провонявшим все туалетом. Цепь короткая, и единственное, что удается, – это иногда садиться на придвинутую к стене кровать. Борис и Махмуд тоже устроились на кровати. У них она одна на двоих, как на двоих продолжают оставаться и одни наручники. Бориса время от времени выводят на кухню покурить, и водитель тогда блаженно разминается, освободившись от сиамского наручникового близнеца.

В комнате постоянно два-три охранника, которые расположились в противоположном углу, постелив на пол одеяло.

Не забывали подчеркнуть свое благородство:

– Мы у вас даже подушки не забрали.

Эту черту кавказцев знаю давно: сделать на копейку, а вообразить и расшуметься на рубль. Хотя прекрасно понимаю, что и копейки мог не поиметь. А вместо возлежания на кровати мог бы висеть на этой же цепи на дыбе. Так что в плену надо радоваться медякам и в самом деле считать их за рубли. И без иронии.

А вообще-то, мы здесь не должны были находиться. Из лесополосы с первыми признаками темноты нас перевезли в горы, но сильный артобстрел, видимо, помешал добраться до цели, и мы вернулись. Начинаем привыкать к повязкам на глазах: куда возят и привозят – ничего не видим. Зато водят, ухватив под локоть, умело, практика чувствуется отменная. Да и цепь на батарее стесала уже всю краску– знать, не я первый лежу на этих одеялах. Повторяю как заклинание – не паниковать. События вокруг станут происходить вне зависимости от моих желаний, и надо быть готовым принимать их.

– Ты что это все время спокоен? – бесит Непримиримого как раз это мое состояние. Если я хоть чуть-чуть знаю кавказцев, то паникеров и трусов они вообще презирают. Но и не любят особо горделивых. Видимо, напоказ выставлять свои внутренние решения не следует, надо чуть подыгрывать, чтобы не оказалось себе дороже.

Опускаю голову, начинаю отрешенно смотреть в стену, но поворот головы такой, чтобы краем глаза наблюдать за происходящим в комнате.

Непримиримый только что приехал, разбудив всех. Выложил на стол неизменный набор: колбаса, огурцы, хлеб, «пепси». Словно судьбу, переламывает пополам палку колбасы. Среди огурцов выбирает самый крупный и смачно, словно нашей судьбой, хрустит им…

Нет, у Бога, как известно, по мелочам не просят, так и сравнения с судьбой лучше не трогать.

– Или думаешь, что все обойдется?

– Продадим в рабство чабанам в горы, запоет по-другому, – устало, словно ему надоело меня уговаривать выбирать судьбу, отзывается из своего угла рыжий охранник. Больше похожий на украинца, чем на чеченца.

– Года на три, – соглашается Непримиримый.

Трех откусов ему хватило, чтобы уничтожить и огурец. Нас, пленников, тоже трое. Из Грозного мы выехали в три часа дня. Трижды обвила батарею цепь. На три года в рабство… Отвлекаться, не паниковать…

– А он, наверное, думает, что убежит. – Рыжий принялся за свое любимое занятие, прерванное появлением старшего: щелкает вверх-вниз флажком предохранителя от наставленного на нас автомата. Сказал таким тоном, что становится ясно: от них в самом деле еще никто не уходил.

– Сухожилия перережем, пусть попробует, – вроде напарнику, а на самом деле мне сообщает возможное развитие событий Непримиримый.

Все это – вместо «доброе утро» и «приятного аппетита». Плен. А мысли считывает, как с компьютера. Психолог.

– И еще кое-что отрежем. Лишнее. – Непримиримый поднимает палку колбасы, отсекает ножом кругляк. – Как насчет принятия мусульманства, полковник? Знаешь, что отрезают?

Тешатся. Им можно. Им можно все. Но до чего дойдут реально? Что сейчас делается в налоговой полиции? Дома?

Из рассказа
начальника Центра общественных связей ФСНП России генерал-майора налоговой полиции Н. Медведева:

После первого сообщения об исчезновении решили осторожно позвонить домой, жене: вдруг у нее есть какие-то дополнительные сведения. Спрашиваем аккуратно: Николай на связь не выходил? И для оправдания: мы ему здесь хотим еще одно небольшое задание подбросить. А жена уже насторожена: мол, всегда из любой командировки давал о себе знать, а на этот раз почему-то молчит.

И тут мы прокололись сами, как бы равнодушно пожав плечами:

– Ничего страшного, просто из Чечни очень трудно дозвониться.

– Из какой Чечни? Он же улетел в Ставрополь!

То, что ты пропал, становилось ясно. Собрались всем Центром: что делать в первую очередь? Наметили так.

Во-первых, каждый день звонить жене. Врать, будто нашли меня в дудаевской тюрьме, но разведчики с крыши одного из домов ежедневно видят меня на прогулке. Зарос, похудел, но бодр и здоров.

Затем поднять волну публикаций и сообщений в центральных газетах, на радио и телевидении с акцентом на то, что захвачен в первую очередь писатель Иванов, а мое воинское звание – это вторично и почти случайно у него.

Обратиться в Совет Безопасности, Государственную Думу с просьбой оказать содействие в освобождении. Подготовить встречу руководства налоговой полиции с представителями

чеченской диаспоры в Москве. Подключить к вопросам освобождения Ассоциацию российских банков и «Круглый стол бизнеса России», поскольку пропал и Борис Таукенов, представитель одного из банков. Подготовить обращение писателей России к руководителям Чеченской Республики.

4-го и 5-го июля практически во всех центральных СМИ информация о захвате прошла.

Из домашних рассказов:

После разговора с Медведевым жена позвонила моим родителям на Брянщину, где отдыхали дети. Ничего не сказала отцу с матерью, но сын, ничего не объясняя, засобирался домой: он единственный знал, куда я поехал и что мне могло грозить.

В поезде в купе попутчиком оказался милицейский майор. Он разговорился с дочерью, та похвасталась моей книгой.

– Так это твоего папу захватили в Чечне в заложники? – удивился майор.

– В какие заложники? – вытаращила глаза десятилетняя Надежда.

– Да мало ли Ивановых в России? – попытался смазать все сын, а сам уставился на попутчика: откуда вы знаете?

– Только что по радио передали, – виновато развел руками милиционер, отведя его в сторону. – А я думал, вы знаете.

В селе одной из последних о пленении узнала мама. Оберегали ее долго, не включали радио и даже не давали одной выйти на улицу, дабы ненароком кто-нибудь не сообщил новость.

Первой не выдержала ее подруга, журналистка местной районки Валентина Григорьевна Капкова:

– Я больше не могу. Получатся, что она, ничего не зная, смеется, а ее сын в это время... Не по-божески это, надо сказать.

Село наше партизанское, но Великая Отечественная подзабылась. Афганское лихо прошло стороной, хотя я как раз полтора года и служил там, а затем много раз мотался за Гиндукуш в командировки. А Чечня вообще казалась еще дальше.

Казалась...

Но только дней через двадцать, когда закончился отпуск у старшего брата Виктора, он решился. Собрал всех в комнате.

– Что это ты, сынок? – почувствовав недоброе, заволновалась мама.

– Мама, я уезжаю, отец один не справится с известием. Надо, чтобы знала и ты: наш Николай в плену в Чечне.

...Тяжелее всего родителям оказалось ездить на стадо доить корову. Женщины собирались около пастухов и ждали их приезда

– в надежде услышать новости.

Новостей не было. Только падали в подойник вместе с теплым сладким молоком горькие мамины слезы.

А потом люди спрашивать перестали. Увидят опущенную голову отца – и торопятся пройти мимо, словно стыдясь своей беспомощности. Зато чистосердечные деревенские старушки засели за карты, гадания, распознание снов. Никогда за меня не молилось сразу столько народа! И не проклинало так моих тюремщиков. Пусть им когда-либо аукнется это проклятие русских женщин – в своей жизни каждый должен получать причитающееся. У мужчин всегда считается подлостью воевать с теми, кто не причастен к твоей личной беде. И высокими словами о святой борьбе за свободу, собственную жадность и наживу на торговле людьми не прикроешь...

В эти же дни игралась свадьба моего крестника. Он приехал с невестой в родительский дом, наполнил красным вином до краев рюмку:

– Пусть стоит. Крестный вернется и выпьет.

Не выпил. Слишком долго меня не было, а лето стояло жаркое. Вино постепенно высыхало, в конце концов оставив на дне черно-красный сгусток. Родным казалось – запекшейся крови. Спрятали рюмку с глаз. Только однажды мелькнула надежда, когда отцу приснился сон, будто ловит он в огороде молодого аистенка с подбитым крылом и вносит на руках в дом.

Мама рассказывала этот сон всем встречным, и те радостно вытирали слезы:

– Это сын. Значит, вернется. Вернется! К сентябрю вернется, когда аисты полетят.

Птицы улетели, а сон все не сбывался... А вернувшийся в Москву мой сын засел за учебники. Матери сказал прямо:

– Если папа не вернется, одни мы учебу в коммерческой академии не вытянем. Надо перепоступать в государственный вуз.

Месяца хватило, чтобы подготовиться и сдать на «отлично» вступительные экзамены на юрфак. Больше о моем пленении в семье ни разу не говорилось, на это слово наложили табу. Только жена, когда оставалась одна, каталась по полу и выла...

Так люди узнают о горе. Один из тысячи примеров, потому что только по официальным данным к концу первой чеченской войны в плену у боевиков оставалось еще около тысячи четырехсот солдат и офицеров, рабочих и служащих. И в каждом доме – своя боль, бессонные ночи...

Утро не принесло, да и не могло принести нам никаких известий. Ясным оставалось лишь то, что квартира – перевалочный пункт и боевики вновь ждут ночи для повторной попытки пробиться в горы. Что ждет там? Кто ждет?

Времени думать – целый день. Левая рука, за которую схвачен наручниками, занемела, а так ничего, жить можно. Пока. Вот только бесконечные разговоры охранников! Боевики меняются через каждые четыре часа, и каждый новый конвоир считает своим долгом выступить в роли проповедника и просветителя.

Во-первых, вознесение Дудаева.

– Наш Жорик – голова. Как он ответил Грачеву, когда тот сказал, будто ваши солдаты идут в бой умирать с улыбкой на устах? «Дадим России сто тысяч улыбочек». Жорик молодец.

– Ты, что ль, говорят, журналист? А интервью у Жорика взять не хочешь? Думаете, он мертв? Он еще улыбнется России через свои усики.

– Если выбирать – живой Дудаев или вечная война с Россией, мы выбираем вечную войну. Лишь бы Джохар остался вечно с нами.

Второй конек, словно вместе с нами охраной передавались и темы разговоров, – это презрение к России, которая якобы посылает в Чечню воевать не только и не столько солдат, сколько уголовников.

– А ты что, не знал? Маленький? В тюрьмах отбирают тех, кому грозит смертная казнь, и предлагают: или воевать в Чечню, или под приговор. Едут сюда. И здесь зверствуют.

– Да зверствуют – это только начало. Их потом, в конце службы командиры посылают в такую мясорубку, из которой никто не выходит живым. Чтобы не отпускать на волю. А потом экскаватором вырывают яму и зарывают трупы.

Справка из Генерального штаба Вооруженных Сип России:

«Лица, находящиеся под следствием, а тем более осужденные, не подпадают под приказ Министра обороны РФ о наборе военнослужащих на службу в Вооруженные Силы на контрактной основе. Подобных фактов не было и быть не могло».

Из справки Генеральной прокуратуры РФ:

«Фактов, устанавливающих, что в Чечню направлялись люди, ожидающие смертного приговора или просто приговора суда, Генеральной прокуратурой РФ не выявлено».

Не менее расхожая версия о защитниках Брестской крепости.

– Вы хоть знаете, кто ее защищал? Почти стопроцентно чеченцы и ингуши. Да только мы и способны были на подобное. А вы, русские, уже потом, после выселения чеченцев, приписали всю славу себе, сделали всех защитников крепости русскими.

Из беседы
с Валентиной Ивановной, сотрудником Центрального музея Вооруженных Сил:

– Брестскую крепость защищали воины двадцати восьми национальностей. Ни в одной книге, ни в одном проспекте, ни разу во время экскурсий мы не разделяли их по процентам. Единственное, что могу отметить: подавляющее большинство, конечно, это русские. Были среди защитников крепости и кавказцы, но, повторяю, мы не делим их на проценты. Крепость защищал советский солдат.

Спорить в моем положении – себе дороже. Тем более, все разговоры возвращаются в день сегодняшний.

– Я, что ли, хотел воевать? Что у меня, дел не было больше? Да я так катался по России, где только не был… Но прилетели ваши самолеты, разбомбили дом, убили мать – я что, должен после всего улыбаться вам? Вот ты, полковник, если бы кто-то разбил твой дом и убил родных? Ты бы взял в руки оружие?

Не лукавлю – взял бы. Мне легко в этом признаваться, потому что к войне в Чечне лично я относился с самого начала резко отрицательно. Не друг, не брат и не сват я чеченцам, но в этом вопросе – больше сторонник, чем противник.

Но признаваться в этом, сидя на цепи, не хочется, чтобы не выглядело лизоблюдством: мол, запел соловьем, когда попался.

Не пою, больше молчу. Борис и Махмуд более эмоциональны, особенно когда разговор заходит о сталинских выселениях. Балкарцы тоже испили эту чашу, а Борис и родился в Казахстане. Я со своими случайными попутчиками практически незнаком, но их поведение вызывает уважение. Присутствие охраны пока не позволяет нам общаться, но одно то, что мы все в наручниках, сближает. Похоже, и ближайшее будущее у нас станет одинаковым, хотя моих родных сталинские чистки не коснулись и я выгляжу на фоне разговоров белой вороной.

Жутко неприятны и рассказы о «фильтрах», фильтрационных лагерях, в которых содержат арестованных чеченцев. Зверства, которым они якобы там подвергаются, не поддаются описанию. По словам охраны, даже попав на «фильтры» на один час, выходишь калекой – отбивают почки, травят собаками, закапывают в землю по шею или заливают водой.

Этими разговорами жила вся Чечня, и именно это, по словам

конвоиров, рождает их ответные действия. Каких-либо подтверждений или опровержений по «фильтрам» мне не удалось найти ни у самих чеченцев, ни после в Москве. Поэтому упоминаю об этих рассказах, скорее, для того, чтобы яснее становились мотивы отношений между чеченцами и русскими, где порой властвуют недоверие, обиды, слухи. Тем более, одних не проклинаю и вторых не превозношу в этой дурацкой войне: пишу, что видел, чувствовал и испытал. Любой другой пусть пишет свою повесть…

Чем ближе вечер, тем больше обоюдное напряжение. И наконец команда:

– Завязать глаза.

Махмуду на повязку досталась моя майка из сумки, Борису рубашка. Я закрываю себе глаза агитационным платком Международного Красного Креста, на котором в виде рисунков предписывается поведение солдат на войне: не стрелять в сторону машин и палаток с красным санитарным крестом, оказывать помощь раненым, даже если это противник, оберегать мирное население и – словно по иронии судьбы, для нас – гуманно относиться к пленным. Показать платок своим тюремщикам?

Хоть и черный, но юмор. Сам подумал, сам и загрустил.

Вновь долгий путь в машине через рытвины, подъемы, спуски, царапающие крышу ветки – мы все дальше и дальше от места захвата. А значит, когда нас примутся искать, бесполезным станет прочесывание района пленения. Мы будем далеко. Да и будем ли? Кто заинтересовался нами в горах? Для чего?

Водитель включает магнитолу. Запись сделана прекрасно, песни, конечно, о гордом чеченском народе, поднявшемся против трехсотлетнего российского ига. О неминуемой победе над двуглавым орлом. О Москве, столице русских алкашей. О Буденновске, где Шамиль Басаев поставил Россию на колени.

Охрана знает слова, подпевает. Я же впервые слышу песни о чеченской войне. Иногда в переходах московского метро видел, как облаченные в камуфляж десантники и «краповые береты» собирали деньги для семей погибших товарищей под старые, переделанные с «афганских», песни. Россия про чеченскую войну песен не сложила и не запела. Еще не запела или уже не запоет? Тогда кому все же она была нужна? Неужели нельзя было добиться результата по-иному?

Вымели из политики, контрразведки и армии профессионалов.

– Приехали.

Останавливаемся и долго ждем на каком-то взгорке. Дверцы машины распахнуты, ветер продувает ее и нас насквозь, унося с

собой в горы и ночь песенные проклятия генералу Ермолову, покорившему-таки Кавказ в свое время.

Из этой ночи, с этих гор, из незаконченной, как оказалось, истории и появляются за нами призраки той, далекой кавказской войны. Но вполне реально, по одному они выдергивают нас на землю. Не забывают ударить по почкам. Холодные пальцы ощупывают лицо, но это затем, чтобы проверить повязки и заткнуть нам уши ватными тампонами.

Звуки, особенно дальние, гаснут. К моим наручникам привязывают веревку, дергают за нее, заставляя идти. Так ведут верблюдов по пустыне. И в каком-то из фильмов подобным образом гнали людей в рабство в давние времена. Какое сегодня число? Какой год? Век? В каком фильме я снимаюсь?

А идем быстро – полем, лесом, буераками. Оступаемся, ловим лицами ветки и стволы деревьев, выворачиваем ноги на колдобинах, падаем. Кажется, я привязан к Махмуду – именно на его шлепанцы наступаю раз за разом. Очень скоро становимся мокрыми по пояс от росы и вчерашних луж, а спину и лицо покрывает пот. Нет, нас не ведут – нас гонят. И не в киношное рабство. И никто никогда нас уже не найдет. Мы даже не иголки в стоге сена. Мы – песчинки, которые все глубже и глубже засасывает воронка...

И вот наконец подвал с тусклой лампочкой, наброшенные на плечи простреленные одеяла и короткое забытье...

5

Даже меньше, чем короткое.

– Повязки.

Их уже далеко не прячем, носим на шее. В очередной машине перед глазами вспыхивает огонек зажигалки, но ума и выдержки хватило не отреагировать на него. На уловку попадается Борис. Скрипит от резкого разворота кожаная куртка охранника, и банкир стонет от нежданного удара.

– Понял, за что? – интересуются у него.

– Да.

Значит, повел головой за светлячком. А мы ничего не должны ни видеть, ни слышать. Сам пишу детективные романы и прекрасно знаю: человека подчас убирают только за то, что он оказывается невольным свидетелем. Если хотим самим себе помочь выбраться, нужно исключить подобные перспективы. Только бы выбраться. Выбраться!

Что свершится в этом случае, какие горы переверну и сколько

океанов переплыву, про то не загадывается. Наверное, просто мало надежд, но ведь как хочется...

Пока же после долгой езды по лесным дорогам помогают выбраться из машины.

– Траншея, – предупредили уже после того, как проваливаюсь вниз.

Локтями нащупываю стены, но новый удар прикладом в спину заставляет идти по извилистому ходу.

– Ступени.

В нос проникает запах подземелья и сырости. Тут не торопят, дают время и возможность самому нащупать ступени и спуститься вниз. Оттуда хватают за полу пиджака, отводят в сторону и сдергивают повязку.

Полумрак землянки. Стою в узком проходе между стеной и нарами. Таким же образом подводят Бориса и Махмуда. Из темноты на нас с любопытством смотрят боевики. Неужели оставят жить среди них, здесь?

– Давайте вниз. Еще вниз?

Подталкивают в самый угол землянки, где под нарами открывается яма-провал. Ребята, идущие следом, невольно сталкивают меня вниз и сами сыплются следом. Глубина – по плечи. Значит, жить придется не на нарах, а здесь, стоя? Успеваю заметить под нарами собаку, которая смотрит на нас печальными, полными грусти глазами: благодарите Бога, что еще живы, а вот что ждет вас потом? Снимают наручники.

– На колени. Дальше.

Насчет нашего православного Бога не знаю, а про Аллаха Махмуд говорил: если он дает, то двумя руками. Яма – это только начало?

Да, из нее в сторону прорыта узкая нора. Ползти можно только на четвереньках, и уже в сплошную темноту и стылость. Вот теперь – все. Все! Какие, к черту, одеяла-крылья-надежды. Ангелы, которые могли бы прикрыть нас своим крылом, в подземельях не летают.

Сзади жгут спички, но это чтобы мы могли рассмотреть дверь-решетку посреди крысиной норы. За ней – очередная яма. Свет от новой спички боязливо подрагивает на земляных стенах, освещает на миг подземный склеп. Ширина – поместиться троим, длина – по росту, высота – стоять на коленях. В углу – два матраца. Тороплюсь усесться на один при угасающем, покидающем нас свете. Замечаю лишь, что изо рта идет пар. Значит, общая глубина – метров пять-шесть.

По одному спрыгивают мои несчастные попутчики. В темноте притягиваю их к себе на сиденье, и мы замираем, не в силах

перебороть впечатления от увиденного и доставшегося нам. Вот теперь – плен. Клетка захлопнулась полностью. А мы отказывались в лесополосе есть колбасу и гребовали грязными, но простынями в полузатопленной комнате. На кроватях!

Из шока всех троих выводит чесотка. Борису, оказывается, дали коробок спичек, и он торопливо зажигает одну. В ужасе подхватываемся: матрац кишит червями, личинками, жуками-короедами. Они уже залезли нам под брючины, и мы, торопясь и брезгуя, согнувшись в три погибели, давим их на теле, вытряхивая остатки на земляной пол.

Сверху появляется свет – нам просовывают керосиновую лампу без стекла. Фитиль нещадно коптит, но все становится ерундой по сравнению с тем, что темнота отступила за пределы могилы. Но как спастись от ползущего и шевелящегося? Однажды в Афганистане в одном полуразрушенном доме нас подобным образом заедали клопы. Но тогда у каждого имелись бинты, и мы перехватывали ими запястья рук, шею, ноги, оберегая тело от плоских коричневых «броненосцев».

Смотрю, что осталось у меня сейчас. Галстук, заколка, часы, авторучка и старое, не найденное в боковом кармане удостоверение главного редактора журнала «Советский воин». Единственная зацепка, по которой могут определить труп, если что…

– Все. Давайте устраиваться, – беру на себя роль старшего.

К двум предыдущим установкам – не паниковать и не раздражать охрану – мысленно добавляю третью – не заболеть. Если даже подземных тварей окажется больше самого матраца, я стану сидеть и спать на них. Лишь бы было теплее. Вспоминаю добрым словом Боксера за подарок: в носки-гольфы заправляю брючины. Застегиваю верхнюю пуговицу рубашки. Ребята повторяют процедуру.

Второй матрац был менее истлевшим, но на троих слишком мал. Свернув валиком убежище короедов, подтягиваю его к стене, будет вместо подушек. В углу находим влажные, истрепанные, грязные, но – одеяла. Каждому по штуке! Не-ет, будем выживать. Будем. До последней секунды.

Нас не забывают. Кто-то спрыгивает в яму, кричит через решетку:

– Холодно?

Напарники молчат, хотя я надеялся, что они, как мусульмане и соседи, будут активнее и ближе к нашим тюремщикам. Тороплюсь ответить сам:

– Да. Очень.

На самом деле еще не холодно, из всех земных человеческих

чувств – только угнетение склепом. Но сидеть-то здесь наверняка не один час…

– Что, полковник, изнежился в своей Москве? Плевать, какое мнение родится обо мне. Буду просить все, что можно. И победил!

– Держите.

В яму летит солдатское «хэбэ». Махмуд покрупнее нас с Борисом, ему отыскиваем самый большой размер. А я замираю, когда на глаза попадается белое клеймо с датой выпуска: 1973 год. Год, когда я принимал присягу на верность Родине – Советскому Союзу. «Если же я нарушу… то пусть меня покарает суровая кара советского народа»…

Карает? Меня – карает? Но за что? В октябре 93-го, после танкового обстрела Белого Дома, нас, главных редакторов военных газет и журналов, вызвали в Генеральный штаб. Друзья из Управления информации успели шепнуть: станут давить на то, чтобы мы напечатали материалы в поддержку министра обороны Павла Грачева и его приказа о стрельбе из танков.

Грачева я знал, когда тот еще генерал-майором командовал дивизией в Афганистане. Я же, специальный корреспондент «Советского воина» и всего лишь майор, летал в Кабул к его десантникам для подготовки материалов. Время пролетело, Паша (он и в Афгане звался Пашей, до отчества так и не дослужился даже будучи министром обороны) стал министром, я – главным редактором журнала. Наши пути еще раз пересеклись, когда он в 1992 году приказал поменять название «Советскому воину». Насколько можно тянули волынку, потом убеждали, что есть пример «Советской России», «Комсомольской правды», «Советского спорта», наконец. А слово «советский» – это от Верховного Совета, который осуществляет нашу законодательную власть, и никаких политических пристрастий и подоплек в названии журнала нет. Кроме истории.

– Вот если он в российской армии найдет хотя бы одного советского солдата, тогда разрешу оставить это название. Или если журнал начнет финансировать Верховный Совет, а не министерство обороны, – передали мне его слова.

После этого в редакцию стали возвращать проекты приказов, представлений на воинские звания сотрудникам, закончились деньги на выпуск. Понимал, что победы за мной не будет в любом случае, и пришлось объявить конкурс среди журналистов на новое название. Из девяноста семи предложений больше всех баллов получило «Честь имею». И литературно, и по-военному. Таня Саськова, редактор по отделу литературы, правда, сказала:

– Имя – это судьба. Вам его нести, Николай Федорович. Ох, и ответственно будет.

А из белого здания на Арбатской площади передают недовольство министра:

– Они что там, в журнале, имеют честь, а я, выходит, нет? Мне ли, подполковнику, было судить министра. Тем более, до стрельбы по парламенту дело еще не дошло. Я, как офицер, просто оставлял за собой право иметь собственное мнение.

Из приказа
по редакции журнала «Советский воин» № 05 от 13 января 1993 года г. Москва:

«30 декабря 1992 года в Министерстве печати и информации Российской Федерации нашим учредителем – Министерством обороны РФ состоялась перерегистрация журнала „Советский воин“ под новым названием „Честь имею“.

Лично я, как главный редактор, был против любого нового наименования, и особенно в наше заполитизированное время. Однако сложившаяся ситуация продиктовала иное решение. И сегодня я, как ваш руководитель и начальник, подчеркиваю, что смена названия – это не политический акт, а вынужденное подчинение ряду обстоятельств. Это тем более не означает смену ориентиров и позиции журнала, направленных на воспитание любви к Отечеству, защиту его интересов, на дружбу между народами, уважение традиций, пропаганду доблести и славы, заботу о ветеранах и вооруженных защитниках Родины. Отдаем дань уважения и преклоняем свои головы перед славной историей журнала и всеми поколениями военных журналистов, работавшими под знаменем «Советского воина».

Вместе с тем не снимаю с себя ответственности за утрату привычного для многих поколений советских людей названия журнала, и все, что может быть оценено как негативное, я беру на себя, освобождая каждого подчиненного от моральной ответственности в свершившемся. Верю, что и с новым названием журнал станет таким же интересным и необходимым людям…

…Приказ размножить для каждого сотрудника редакции, кому предначертано было историей последними носить гордое и высокое звание сотрудника «Советского воина».

Вот такая маленькая, мало кому известная страничка из новейшей истории о том, как переименовывались журналы. Пусть останется как свидетельство времени.

И вот – новый пик отношений министра и журнала: поддержать публикациями расстрел парламента и, таким образом, самого Грачева. Нам, с таким названием! Можно было, конечно, наобещать хренову тучу, как говорит нынешняя

молодежь, и в то же время ничего не делать, но... но надо же когда-то уважать и себя. Свои погоны. Убеждения. Говорила Татьяна Саськова: «Имя – это судьба. Вам его нести...»

Вместо того чтобы идти на совещание в Генштаб, собрал редакцию и зачитал свой рапорт: «Прошу освободить меня от должности главного редактора журнала».

Сняли. Мгновенно. И не только с должности, но и уволили из армии. «За низкие моральные качества».

Не знаю, за что и с какой формулировкой снят ныне с должности сам Грачев, но иного ему судьба не оставляла – только падение вниз. Правда, он по-прежнему в шикарной квартире на Рублевке, а я – в пятиметровой яме в Чечне. И вот о превратностях судьбы мне напомнило клеймо на солдатской форме да часы «Генеральские», подаренные редакцией журнала на прощание. С единственной, но очень дорогой для меня гравировкой: «Честь имею». Потом в архивах отыскал еще один свой приказ...

Из приказа
по редакции журнала «Честь имею» № 210 от 15 ноября 1993 года г. Москва:

«С 25 июня 1992 года по сегодняшний день имел счастье возглавлять коллектив редакции журнала „Советский воин“ – „Честь имею“.

Неизбежные для любого главного редактора трудности и сложности многократно перекрывались гордостью за принадлежность к лучшему журналу в Вооруженных Силах. Высшим своим долгом считал проводить в журнале линию патриотизма, любви к Отечеству, внимания к людям в погонах. Во главу угла ставил честь и достоинство человека...

По стечению обстоятельств вынужден прервать свое руководство журналом. Как офицер и человек считаю свой поступок единственно верным. Допускаю некоторую его уязвимость как руководителя, но за все доброе, если что сделал для редакции, прошу простить и понять.

Прощаясь, благодарю всех без исключения за совместную службу. Желаю творческого беспокойства и счастья в ваших домах. Честь имею!»

Прощаясь, благодарил всех. Сейчас снова благодарю всех, прощаясь. Жизнь оказалась зависимой от того, на каком месте стоит это слово – «прощаясь»...

– Тихо, – просит неожиданно Борис, хотя мы, погруженные в свои воспоминания, облачаемся в форму.

Ничего. Только жужжит муха. Монотонно и нудно.

– Трупная, – вдруг почему-то определяет Борис. – Они здесь хранят трупы.

Даже если бы они лежали здесь до сих пор – что мы могли изменить? Пожимаем плечами: мол, их ведь и в самом деле нужно где-то хранить, а здесь холодно и темно...

Это уже из букваря плена, который пишется нами на ходу: реагировать лишь на то, что можем изменить. Об этом – крупным шрифтом и на первой странице. И ни к чему страшные сказки перед сном. Мало ли кому что привидится или представится. Лучше лечь спать. И побыстрее уснуть. Мы ведь практически двое суток не смыкали глаз.

С головой, словно в кокон или саван, закатываемся в одеяла – и теплее, и меньше щелей для гадости и нечисти. С безнадежным омерзением опускаем головы на шевелящийся от жуков валик-матрац: скребутся отчетливо и явно. Точно как в детстве, когда прикладывали к уху наполненный майскими жуками спичечный коробок. А лучше всего лечь на спину, тогда меньше звуков.

Однако через несколько минут раз и навсегда запрещаю себе ложиться на спину и живот: стылость не просто входит в тело, а сама высасывает тепло изнутри. Не болеть. Ни в коем случае не болеть, медсестричек не приведут. Нужно искать такую позу, когда меньше всего соприкасаешься с землей. Кручусь, тревожа ребят. Но нахожу: плечо, бедро, колено. Туфли не снимать. Под голову не ладонь, как в детской присказке, что мягче всего на свете, а предплечье. Для этого приходится забрасывать вверх всю руку, она быстро немеет, но зато почти не касаешься земли туловищем. И ближе, теснее к ребятам...

6

Просыпаемся от глухих ударов: рядом в землю методично вбивают бетонные сваи. Но подобного не может быть, здесь не стройка! Значит, остается артобстрел. Как легко, всего лишь методом исключения, на войне можно вычислить звуки!

– Стреляют? – скорее надеясь на обратное, уточняет вслух Махмуд. Лампа во время сна погасла, но в глазах почему-то постоянно вспыхивают блики. Они слепят подобно электросварке, и, прячась от «зайчиков», в темноте же закрываю глаза.

– Я покурю, – просит разрешения Борис. Удивительный человек. По-моему, он бесит боевиков даже больше, чем я своим полковничьим званием. Полтора года возил в Чечню деньги на зарплату бюджетникам, ни разу не потеряв ни одной копейки. И

это в то время, когда сами чеченцы вывозили крутить свои капиталы в московские банки. Когда пропадали под завязку груженные новенькими банкнотами «КамАЗы» – причем бесследно и безнаказанно. Борис или альтруист, или чего-то не понимает в жизни «новых русских». Боевики и не верят, что он не нагреб себе несколько сотен миллионов, и каждый из охранников считал своим долгом пожалеть:

– Как это мы тебя раньше не взяли?! Отстегивал бы нам с каждой поездки по сотне миллионов, сейчас не сидел бы здесь.

– Но как я мог отстегивать, если деньги шли на зарплату вам же, чеченцам!

– Не тем чеченцам. Настоящие нохчи воюют. И деньги нужны в первую очередь нам: война – занятие дорогое.

– Но деньги приятно зарабатывать, а не получать просто так.

– Ты что, идиот? Сидеть у денег и не брать их?

– На всю жизнь не наберешь. А до уровня больших сумм нужно и вырасти. С деньгами нужно уметь работать, пускать их в новый оборот. Это целая наука – распоряжаться крупными суммами.

– Слушай, замолчи. Был бы умный, сидел бы в ресторане с девочками, а не с канистрой под землей. Ты еще нас будешь учить, что делать с деньгами.

На данный момент нас учит собственная артиллерия. Вот здесь уж наука совсем не сложная: если снаряд угодит в блиндаж и засыплет лаз, нам с такой глубины не выбраться вовек. А «сваи» вколачиваются, не переставая, совсем рядом. Трехсменка у них там, что ли, как на строительстве храма Христа Спасителя? Значит, артиллеристы попались хорошие, черт бы их побрал за меткую стрельбу. Накрыли, взяли в «вилку».

На решетке гремит цепь. Как спрыгивали в яму, мы не слышали, и это настораживает: так могут и подслушивать. Поневоле станешь держать язык за зубами.

– Зажгите лампу. И поставьте вниз.

Смысл подобных указаний мы поймем позже, когда они станут повторяться из раза в раз: охрана должна нас видеть и держать под наблюдением, чтобы исключить неожиданное нападение из темноты. И свет обязан слепить нас, а не их.

– Выходи.

Выходи – это когда идешь во весь рост. А ежели ползешь на четвереньках? Откуда во мне этот черный юмор?

Выпрямиться можно лишь в яме. Она уже пуста, Боксер сидит на корточках вверху, у нар. У его ног – все та же собака, подрагивающая при близких разрывах.

– Слышите? Стреляют! Так что у вас, короче, самое

безопасное место в лагере. Ни один снаряд не достанет.

Ах, какое благородство. Последнюю рубаху сняли. Лично я готов стать таким же заботливым, лишь бы выползти из склепа. Даже под бомбежку...

– Но если федералы сейчас пойдут в атаку, мы, короче, вынуждены будем вас расстрелять. Могу гарантировать только одно: если будет время, закопаем в землю, чтобы шакалы не растащили кости по лесу. Ну, и родным сообщим, чтобы не считали без вести пропавшими и зря не искали.

– Спасибо.

Кажется, я поблагодарил Боксера искренне. И тот не менее искренне ответил:

– Пожалуйста. А теперь – обратно. Жратвы пока нет, костры не можем развести – вертолеты заколебали. Сигареты есть?

– Нет.

Протягивает Борису, единственному из нас курящему, начатую пачку «LM». Пока тот курит, молчим: слишком большое расточительство в плену – делать несколько дел сразу. Покурит, потом поговорим, потом зажжем лампу, потом перетрусим одеяла, потом перезастегнем все пуговицы – глядишь, минут двадцать пройдет. Нет, сначала каждый попробует угадать время, потом это время сверим, высчитаем, кто на сколько ошибся, – еще минуты две-три долой. А сколько их впереди, этих минут, часов, суток?

Нет. Лучше думать по-иному. Надо представлять не будущие минуты, а радоваться прошедшему времени. Чем больше сидим, тем меньше осталось. Красота. Свобода все ближе и ближе. Можно сказать, совсем рядом.

Рядом слышны пулеметные очереди. Атака? Подхватываемся, хотя прекрасно осознаем свое бессилие.

– Полковник, на выход, – кричат сверху.

Вот и все. А я было размахнулся на целых двадцать минут – одеяла перетрусить, пуговицы пересчитать. И кому бы сказать, что ерунда это, будто можно смотреть смерти в глаза или слышать за спиной ее дыхание. Смерть бестелесна, она входит в сознание, и к ней привыкаешь, как к печальной неизбежности. Единственное, чему удивляюсь, – своему спокойствию. Могу даже представить, как станут проходить по мне поминки, кто и даже на каком месте будет сидеть за столом...

Хлопаю по плечам ребят. Они молчат, их очередь – следующая. Ползу к свету. Это хорошо, что расстреляют на свету. В самом деле, ничего страшного. Поставят к дереву, отойдут на несколько шагов и вскинут автомат. Только держаться, не упасть на колени и не молить о пощаде. Хотя жалко, безумно жалко, что

все так быстро закончилось в жизни. Надюшка станет говорить в школе: «У меня папа погиб в Чечне...» Сашке придется бросить коммерческий институт, без меня семья сумму не потянет. А у жены нет черного платка. Принесут, наверное, соседи...

А вот мой платок всегда при мне. В яме надеваю его на глаза. За руки вытягивают в землянку, выводят в траншею. Первое, что отмечаю, – запах летнего леса. Никакой сырости. Перед расстрелом, если не свяжут руки, сниму повязку. Какое оно, сегодняшнее небо? Примет ли мою душу? Господи, прости, что не верил в Тебя...

Останавливают на одном из траншейных изгибов. Приказывают сесть на дно и снять повязку. Про небо уже забыто, взгляд упирается в обрубленные корневища деревьев, помешавшие окопам пройти в этом месте и потому безжалостно пересеченные лопатами.

– По сторонам не смотреть, – голос Боксера сверху.

Я не то что по сторонам, а и на него не смотрю. Мне все равно. Хотя что кривить душой? Просто знаю, а потому обманываю самого себя: если охранник без маски, значит, расстрел. Если в ней... Лучше побыть в неведении, не обрубать сразу надежду. Она как мяч – то вверх, то вниз. К худшему уже готов, а если надежда мелькнет опять, но всего на секунду, и мяч на твоих глазах начнет падать вниз – страшнее. Нервы все-таки не железные, хотя в руках держать себя можно. Перерубленные лопатой корневища в данном случае важнее неба...

– Короче, то, что ты из ФСБ, у меня никакого сомнения, – начинает сверху старую песню охранник. Дались им комитетчики, наверное, достали. – Ну а чтобы ты все же разговорился, я сейчас покажу такое, от чего, может быть, и крыша поедет. Отрубленные головы давно видел?

Поднимаю глаза. Боксер в маске! Мяч, не коснувшись земли, снова устремляется вверх, к надежде.

– Так хочешь посмотреть, что мы делаем с пойманными контрразведчиками?

– Если честно – нет.

– А я думаю, что надо.

Зря подпрыгивал этот дурацкий мяч, тем более, я не просил об этом. В воображении возникает камера пыток, но не современная, с людьми в белых халатах и шприцами, электрическим стулом и тому подобным. Сознание рисует средневековье – цепи, костер, раскаленное железо. Залитый кровью топчан, где рубят головы...

Не хочу ничего видеть. Подобное, даже если останусь вдруг жив, не уйдет из памяти никогда. И если в самом деле свихнусь...

Нет и нет, лучше пусть стреляют сразу. Нужно побежать, и тогда откроют огонь вслед. Авось не промахнутся. Лучше погибнуть.

Пока даже не дают подняться с корточек. Ноги затекли, прислоняюсь к стене траншеи. Боксер сбрасывает на колени кусок картона из-под сигаретной упаковки.

– Ладно, пока пиши. Автобиографию. Адреса родственников. Короче, если при проверке окажется, что соврал хоть в одном слове, пеняй на себя. И как сам думаешь, тебя станут искать?

– Станут.

– Да кому ты нужен? Если Россия своих погибших солдат зарывает в ямы экскаватором, то тебя одного и не вспомнят.

Догадываюсь: проверяет, стоит ли возиться со мной. Если в самом деле начнут искать, то можно сорвать куш. А значит, придержат хотя бы до первого торга. Если же никому не нужен, то тем паче не нужен им. Уж чего-чего, а одной пули не пожалеют. Или взмаха топора, если так нравится отрубать головы.

– Все-таки меня будут искать! – это и убеждение, и теперь уже игра в поддавки. Подсказка.

– Машина есть?

– Нет.

– Дача?

– Тоже нет.

– Что это вы, как только попадаетесь к нам в плен, сразу становитесь бедными? – не верит Боксер.

– А богатые сюда не ездят.

– Короче, пиши.

Биографию мою можно уточнить у любого военного журналиста в Москве, за это не боюсь. Если в самом деле начнут проверку, миф о моей контрразведывательной миссии наконец-то отпадет. А вот с адресами братьев и сестры – заминка. У меня с цифрами всегда напряженка, я и после суворовского училища пошел на факультет журналистики Львовского политучилища, скорее, не по призванию, а потому, что это было единственное военное училище в Советском Союзе, где напрочь, даже на первом курсе, отсутствовали точные науки. Да и не дам я боевикам возможности дотянуться до родных.

С чистой совестью пишу первые попавшиеся цифры. Хотя что им родственники! В паспорте записан мой домашний московский адрес, и этого вполне достаточно, чтобы диктовать свои условия. И чтобы я их принял.

В артобстреле – перерыв. Какой-нибудь Мальчиш-Плохиш из федералов не успел подвезти снаряды, и неожиданно ловлю себя на мысли, что именно он, проклятый буржуинский выкормыш, становится для меня героем. Не подвезут боеприпасы – есть шанс

остаться в живых. Оказывается, пленники смотрят на мир с обратной стороны…

Боксер забирает исписанный листок, кивает на повязку. Знать бы, что следующий раз на поверхности земли я ее сниму только через два с половиной месяца, уже осенью, тогда не забыл бы посмотреть, какое оно, сегодняшнее небо.

– Эти ямы мы держим для своих, чеченцев, – на прощание говорит Боксер. – Будем здесь их перевоспитывать после войны.

Верят в победу.

– Живой, – радостно встречают ребята, когда вползаю обратно в нору. – А мы уж думали…

О чем думали, расшифровывать не надо. К тому же звучит новая команда:

– Борис, на выход.

Его держат чуть дольше, чем меня. И только когда отыскался наконец пропавший с боеприпасами Мальчиш-Плохиш и артиллерия заработала легко и размашисто, Борис медленно вползает на свое место в братскую могилу. Ждет, когда закроют решетку, и сообщает единственную новость:

– За меня затребовали два миллиарда рублей. Заставили писать письмо родным.

Впервые закуривает без разрешения. Огонек сигареты ярок, ему не дают покрыться задумчивым пеплом, раскуривают вновь и вновь.

– А хоть четыре, – банкир нервно усмехается. – Таких денег не то что у родственников – во всей Кабардино-Балкарии нет…

Скорее всего, это же он говорил и наверху, потому что продолжил спор:

– Говорят, пусть родные продают квартиры. Лучше я здесь останусь навек.

Это – новая и уже окончательная обреченность. Новость переношу на себя, примеряю, как новую одежку: ладно ли будет? После проверки назначат цену и за меня. Вряд ли она окажется ниже. Или будут держать до конца войны, на случай, вдруг кто-то из отряда попадет в плен и тогда можно будет обменять. А самое страшное, если продадут родственникам какого-нибудь уголовника или насильника, получившего лет пятнадцать тюрьмы. Тот начнет, спекулируя мной, торговаться с Генеральной прокуратурой, которая, конечно, на подобное освобождение не пойдет.

Но все равно чувствуется, что Борис что-то недоговаривает. Ждем, когда огонек окурка воткнется в стену. Нерассказанная новость тяготит и банкира, да он и слишком честен, чтобы умалчивать что-либо:

– Предложили, чтобы я расстрелял тебя, Николай. – И торопливо, словно я мог усомниться в его порядочности, добавил: – Я отказался.

После услышанного говорить совершенно не о чем. Вроде надо поблагодарить Бориса, что тот не сделал шаг к своему личному спасению, но вместо слов протягиваю руку и сжимаю в темноте ему локоть. И что, пора перекреститься? Кстати, а как крестятся: справа налево или, наоборот? Дожили. Хотя, если мы православные, значит, все должно идти с правой стороны.

Стыдно, но пальцы сами тянутся ко лбу. Хорошо, что темнота и ребята не видят моего движения. Первый крест в моей жизни. Неужели для этого надо стать на грань жизни и смерти? Да и даст ли это что-нибудь? Где-то слышал, что человек не просто крестится, он как бы заключает себя сверху вниз и справа налево в оболочку, оберегающую от сглаза. Но утром войска в любом случае пойдут в атаку, и здесь уже ни крест, ни самый надежный «волчок» не помогут.

Глубокой ночью принесли тарелку с дымящейся паром кукурузной кашей. Поковырялись в ней только потому, чтобы охрана не швырнула еду обратно: требуете, мол. Лучше – спать. Попытаться спать и приблизить развязку, ибо ее ожидание еще страшнее.

Снова – в одеяловый кокон, и снова – в свои мысли. А они об одном. Артиллерия усиливает огонь, значит, атака утром, с первыми лучами солнца. Если не засыплет собственным снарядом, то до утра протянем. Только зачем? Не все ли равно, где помирать: под землей или под кроной деревьев? Наверное, у деревьев, на свету, лучше. Хватит ли мужества сорвать повязку с глаз? Или пусть остается? Станут ли разговаривать перед э т и м? И кто здесь главный? Неужели Боксер? А что если попросить у него отсрочку расстрела месяца на два-три?

Мысль настолько оригинальна, что раздвигаю плечами саван. А что? Пусть назначат сами место и время, куда мне прийти потом для исполнения приговора. Я бы приготовил все дома, раздал долги, хотя никому ни копейки не должен, – и пришел бы. Неужели им не все равно, когда меня пришлепнуть? Я ни слова ни полслова никому бы не сказал о предстоящей смерти. Может, предупредил бы лишь сына, чтобы он через час-другой после выстрела вызвал «скорую» увезти меня в морг. Вот и все. Даже было бы благородно с их стороны, могли бы потом где угодно хвалиться этим.

А отсрочка – это было бы здорово. Я бы за три месяца успел сделать все, что намечал на всю жизнь. Или почти все. По крайней мере, главное. Наверняка с приближением дня расстрела

мне становилось бы безумно тяжело, меня бы не несли туда ноги, но... но я бы пришел все равно. Здесь, под землей, клянусь в этом. А если бы дали еще самому выбрать место гибели, назвал бы парк около кинотеатра «Солнцево». Часов на одиннадцать вечера. Мой сосед по лестничной площадке – полковник Григорий Дегтярев, командир салютного полка, и когда получил квартиру в нашем районе, предложил руководству района сделать дополнительную салютную площадку именно там. Получится, что выстрел киллера прозвучит салютом моей жизни.

Красиво, черт возьми, если бы это было придумано мной для очередного детективного романа, а не для себя лично. Только когда слеза попадает в ухо, понимаю, что плачу.

Сознание смирилось с предстоящей смертью, а сердце подспудно, исподволь бередит душу, сопротивляется. Придумывает отсрочки, за которые тут же цепляется мозг и начинает выстраивать хоть какое-то продолжение жизни.

Но новости от Бориса оказались еще не все. Он вдруг тихо произносит:

– Нас ищут.

Резко приподнимаюсь. Не сомневался в подобном ни минуты, но услышать это на пятиметровой глубине, в могильной темноте, когда внутренне соглашаешься на смерть... Не насторожила даже та интонация, с которой Борис сообщает о событии.

– Кто? – первым успевает спросить Махмуд.

– Сказали, что приезжали старейшины и муллы из Нальчика.

Я напрягаюсь. Если ищут только Бориса и Махмуда, значит, мне скоро оставаться одному. Одному в этом могильном склепе и темноте. Теперь страх один – не пропустить момент, когда начну сходить с ума! Бежать, при первой же возможности бежать. Но так, чтобы убили. Потому что, если убегу, злобу выместят на семье. Как хорошо было кавказским пленникам Толстого – отвечай только за себя. Почему я здесь, в Чечне? Почему не уподобился другим, выбивающим себе командировки за границу?

– И что? – торопит, не понимая моего состояния, Махмуд.

– Им сказали, что, если за нами спустится сам Аллах, но спустится без денег, они расстреляют и Аллаха, не то что мулл и старейшин. Приказали больше не появляться.

Сжимаю голову руками. Одиночество не наступит, но и отсрочки от расстрела не произойдет тем более. Нас убьют троих, вместе. Мельчайшая, сидевшая где-то в подсознании надежда на благородство чеченцев показывает свою изначальную суть и оказывается блефом: им нужны деньги, одни деньги и ничего, кроме денег. И война, которая идет наверху, – тоже, по большому счету, из-за денег. Из-за возможности – или невозможности – ими

обладать и распоряжаться. И моя судьба и жизнь заканчиваются не сейчас под землей. Все произошло тогда, в октябре 1993-го, когда написал приказ о своем уходе с должности главного редактора журнала. Я верил в благородство политики, а она первой предавала как раз тех, кто надеялся в ее искренность. Депутаты из расстрелянного парламента тогда пошли на новые выборы и практически все заняли новые места в Государственной Думе, а я, изгнанный из армии, спарывал погоны и все равно пил водку за свою, ту армию, в которой пятнадцатилетним суворовцем был старшиной роты. Как славно можно было сидеть с двумя «Волгами» и генштабовскими телефонами. В центре Москвы, а не здесь.

Но слишком красивым было название у моего журнала – «Честь имею». Слишком ко многому обязывающим...

Болят глаза. Сколько времени человек может находиться в темноте? Если станем терять зрение, надо сейчас учиться быть слепым. Заранее. Они, когда ходят, некрасиво отбрасывают голову назад. Надо помнить об этом и хотя бы не повторять их! Значит, рука вытягивается вперед не полностью, чуть согнуть в локте. Пальцы не растопыривать. Двигаться чуть боком...

Идиот! О чем думаю! Чему учусь!

И вдруг одергиваю самого себя: а ведь все-таки думаю о жизни! Учусь хоть и калекой, но – быть. И если прислушаться к себе повнимательнее, то больше все же болят не глаза, а давит грудь. Там, где душа и сердце...

Ребята тоже ворочаются, дышат тихо и сдержанно. Значит, тоже не спят. Уснешь тут...

7

А ведь уснули. Когда часами лежишь без движения в полной темноте – заснешь и перед расстрелом.

Но забытье вышло недолгим. Загремела цепь, и, будто мы только и ждали команды, прозвучало:

– Повязки на голову. Наверх. Живее.

Тащат по траншее, выдергивают наверх, заталкивают в машину. Так начинает складываться, что в плену наезжусь больше, чем за всю предыдущую жизнь. Ощупываю сидящего рядом. Это, вообще-то, роли не играет, Борис или Махмуд втиснут вслед за мной, просто хочется ощутить, что ты не один.

Получаю прикладом автомата по руке: соседом оказывается охранник. А где ребята? Нас разъединили?

Перед лицом – опять шпионские штучки – огонек зажигалки.

Каменею, не дергаюсь. Зато вокруг раздаются разрывы снарядов и стрельба. На часы посмотреть не успел, но где-то около трех ночи. Атака возможна часа через два, когда рассветет. Значит, выходим из окружения?

– Короче, будем прорываться из окружения, – подтверждает догадку Боксер. Голос чуть с хрипотцой, запоминающийся. – Пригнитесь, иначе свои прихлопнут.

На душе радостно. Ясное дело, не оттого, что могут убить и закончатся наконец неизвестность и мучения, а что ребята тоже рядом. По гулу мотора и сиденью марку машины определить трудно, я не знаю, где их разместили, но ведь говорят всем троим! А если нас хотят уберечь даже от случайной пули, то расстрел откладывается. Вот только куда везут на этот раз? Наверняка нас ждет очередная яма. Но неужели есть глубже и страшнее сегодняшней?

Из окружения не прорываемся, а выкрадываемся по-кошачьи тихо и осторожно. Когда впереди падают, преграждая дорогу срубленные снарядами деревья, их объезжаем без надрыва мотора и ругани охранников. Безразличнее всего, по-моему, нам – когда долго ничего не видишь, действительность становится безразличной. Точнее, осознаешь свое полное бессилие и отдаешься судьбе.

А дорога постепенно выравнивается, скорость становится больше, и охрана по-чеченски начинает напевать свои воинственные мелодии. Значит, повезло. Вырвались. Пусть покажемся кому-то там, в мирной и светлой Москве, предателями, но лично для нас хорошо, что федеральные войска на данный момент не могут контролировать всю чеченскую территорию. А то получается: по воюющей республике разъезжают по ночам машины, всем ясно, что это не доярки возвращаются с вечерней дойки и не косари с пастбища, – и хотя бы один снаряд вдогонку. Стыдиться за армейское бессилие или радоваться за самих себя? Ведь машины разъезжают и без нас, пленников...

Благостной нотой, перебившей все размышления и песни, донесся до слуха собачий брех. Мы едем в село? Села бомбят тоже, но не станут же боевики менять шило на мыло, а огонь на полымя. Наверняка здесь спокойно и безопасно.

Догадкой, пока еще боязливой и неуверенной, хочется поделиться с ребятами, но в бок уперт ствол автомата. А про село подтверждает и шепот Боксера с переднего сиденья:

– Короче, ни звука.

Подвозят, естественно, к очередной яме. Мы на них обречены, потому что подземные тюрьмы легче всего охранять. Руками

нащупываем лаз и по металлической лесенке спускаемся вниз. Сырости не чувствуем, а когда дотрагиваемся до стен, впервые радостно улыбаемся – они бетонные. А потом – потом, словно Деда Мороза прихватили, как и нас, на чеченской дороге и заставили высыпать нам из мешка все подарки. Вниз полетели одеяла, матрацы, подушки, пучок редиски, пачка сигарет и спички, бутылка с водой, доски для подстилки и канистра:

– А это вам «девочка». Будете трахать по очереди и когда захочется. Короче, днем в туалет выводить не получится.

Люк над головой с помощью лома задвигают бетонными плитами. С легоньким волнением шуршит лист железа, накрываемый для конспирации. Но все ерунда по сравнению с предыдущим склепом. Мы – в царских покоях!

Но как же глупо заранее давать название тому, что еще не проявилось! Именно в этом чистеньком, царском каземате-колодце мы чуть не остались на всю жизнь.

Но сначала ювелирно, доска к доске, постелили вагонку. Несколько штук хватило положить и под голову. Правда, из-за малых габаритов подвала «девочку» пришлось ставить в один угол с едой, но зато стояли во весь рост. Керосиновая лампа, как всегда, нещадно коптила, но ради ужина зажгли ее на несколько минут. Редиску почистил заколкой от галстука, ею же затем зачистили от гари и фитиль. А в пакете – в пакете оказались куски мяса. Чего бы так не сидеть в плену? И не спать?

Пробудились от квохтания курицы-несушки, бродившей со своим выводком около ямы. Затем проехал трактор, значит, рядом дорога. Чуть в стороне играли ребятишки – скорее всего, мы находились на окраине села. Но в любом случае наверху – мирная жизнь. И не надо сюда никакой авиации и даже артиллерии!

Жизнь после «волчка» показалась настолько прекрасной, что принялись по очереди делать зарядку. На удивление, слишком быстро появилась одышка, но списали ее на предыдущие бессонные ночи и переживания. И с мясом вышла промашечка: оставили на завтрак, а оно затухло в пакете. Есть не решились, помнили про ночной туалет. Так что погоревали искренне, тем более что оставшиеся три редиски голод не утолили. Сделали по глотку воды. Подметил за ребятами – сначала предлагают хоть питье, хоть «девочку», хоть еду другим, себя оставляя на последнюю очередь. Борис пересчитал сигареты, но одну – святое дело после обеда – выделил себе сразу. Однако закурить не удалось: несмотря на духоту, спички отсырели и никак не хотели зажигаться.

– Давайте сюда, – отбирает коробок Махмуд.

Начальника, как и меня, он зовет то на «вы», то на «ты». На это не обращаем внимания, со временем само станет на свои места. То есть если сидеть долго, обеспечено «ты», забрезжит свобода – начальник есть начальник.

Словно индеец из племени мумбу-юмбу, водитель втыкает по одной спичке в свои черные кудри. Сушить. Я под шумок краду одну сигарету и спичку, прячу: когда курево закончится, преподнесу нежданный подарок. В Афгане за такие штучки курцы молились на меня как на Бога.

Теперь остается лежать и слушать квохтание курицы. От «девочки» и протухающего мяса несет душком, но деваться некуда, и Борис поторапливает Махмуда – перебить «ароматы» сигаретным дымом. Водитель извлекает одну из спичек, Борис для гарантии трет ее серой о штанину и, совершенно уверенный в успехе, чиркает о коробок.

Однако огонь не взялся, ему не хватило усилий обнять тонкую талию деревца, и он сгорел внутри самого себя. Вторую трем и лелеем дольше, но эффект тот же.

И только тут доходит и насчет одышки, и стойких, невыветриваемых запахов, и якобы отсыревших спичек. Нас губит то, чему мы несказанно обрадовались в самом начале, – бетонные стены. Именно они не дают земле дышать, а сдвинутые над головой плиты замуровали не только нас, но и воздух.

– Может, постучим, – предлагает Махмуд. Взял доску, ударил ею по плите.

Шаги послышались сразу, словно охранник ждал сигнала. Тихо и грубо предупредил, даже не поинтересовавшись причиной вызова:

– Еще раз стукнете, вообще никогда не открою.

Зашуршала слюда – нас накрывали еще и пленкой. Затем – тишина. Даже цыплята исчезли, не говоря уже о тракторах и ребятишках. Полдень. Июнь. Жара. Борис попытался покрутить повязкой, заставляя двигаться воздух, но тут же, обессиленный, лег. Мне почему-то показалось, что умрем-задохнемся именно во сне, и предложил:

– Давайте меньше двигаться. Но только не спать.

Не спать – это значит думать. Когда-то в шутку мечтал-жаловался, веря в несбыточность:

– Эх, оказаться бы на какое-то время в одиночной камере! Чтобы остановиться, оглядеться, подумать о жизни.

Сбылось.

Теперь лежи. Думай, философ. И впредь зарекись вызывать на себя даже в шутку то, что серьезно на самом деле. Спецназ, который не вернется. Красивое название. Но от тюрьмы и от

сумы, как говорится...

Но сейчас и думать лень. Мысли беспорядочно скачут, однако не отходят дальше основного и главного: выдержим ли? На часы смотреть страшно, на стрелки словно навесили пудовые гири, переплели их цепями, убрали смазку – двигаются с таким усилием и столь медленно, что в минуту вмещается до полусотни наших рыбьих вдыханий. Чем чаще дышим, тем медленнее и тягостнее уже не минуты, а секунды. И все-таки не мы – время пожирает наш воздух. И как страшно мерить его глотками. Как неравнозначно это...

– Сколько времени? – не выдерживая, интересуется Махмуд.

– Угадай, – тяну, растягиваю секунду, пытаясь сложить из нее хотя бы минуту.

– Три часа.

– Три часа – это ночью. А днем – пятнадцать, – учу парня армейским премудростям. Зачем? Чтобы не остаться в тишине и наедине со своими мыслями? Или из последних, но сил карабкаемся к жизни?

– Не выдержим, – вслух произносит водитель о том, что знает каждый.

Поговорить бы и дальше – просто так, цепляясь ни за что, но сил нет даже на это.

Сознание начали терять к вечеру. Проваливание в небытие – вообще-то, состояние пьянительное и сладостное, если ему не сопротивляться, пытаясь коротким и частым дыханием раздвинуть грудь и дать ей воздух. Брать его неоткуда, колодцы становятся пустыми не только без воды.

– Борис, не спи, – слабо просил своего начальника Махмуд, сам тут же уходя во мрак и тишину.

Из последних сил приподнявшись, ползу в угол, где стоит бутылка с остатками воды. Берегли ее на вечер. Но вечера не будет. Выплеснул ее на стену – может, «задышит»? Уткнулся в секундную прохладу лбом. Хорошо... Легко и сладостно...

Когда очнулся, вода на стене испарилась, лоб царапают мелкие камешки. Пытаясь отыскать сырое местечко, разобрал доски там, где утром мыли руки. Сухо. Бетон. Укладывать вагонку обратно не оставалось ни сил, ни желания. Снова уткнулся головой в развороченный угол и затих. Чему-то сопротивляться становилось бессмысленным. Вспоминать кого-то отдельно сил уже не было, и мысленно сказал сразу всем:

– Прощайте.

И оставил себя умирать в тихом спокойствии.

Но ведь как живуч человек. Издалека, сквозь ватную пустую тяжесть, но услышал, как скрежещет лом по бетону, отодвигая

плиты. Успеют или нет? И тут же в яму провалилась прохлада. Но не раздавила, а принялась врачевать по-медсестрински приятными холодными ладонями лицо, шею, грудь. Свет фонарика заставил приоткрыть глаза – нужно было показать, что мы еще живы, чтобы не подумали, что мертвы и нас нужно вновь замуровать, пряча трупы. Нас некоторое время молча рассматривали, но повеление осталось прежним:

– Повязки.

Подняли на глаза хомуты с шеи. Подползли к лестнице, беззвучно опущенной в нашу могилу. Выползти самим сил не хватило, и нас вытащили наверх за руки. Вот тут уж ночной воздух надавил, сжал грудь, словно медсестру сменил грубый, недоучившийся костолом-массажист. По телу пошли судороги, ноги подкосились, и я рухнул на землю, корчась в судорогах. Рядом била дрожь вытянувшегося во весь рост Махмуда.

– Вы чего это? – с некоторой долей тревоги спросил Боксер.

Ответить смог лишь Борис:

– Задыхались. Не хватало воздуха.

– А что ж вы так неэкономно дышали? Наверное, слишком часто. В туалет пойдете?

Еще бы на танцы пригласил. Или по девочкам. А нам бы полежать, надышаться. Перестать дергать грудь короткими толчками в надежде найти там хоть каплю кислорода.

– Если можно, мы полежим, – отметает и танцы, и девочек даже холостяк Махмуд.

– Полежите, – совсем миролюбиво соглашается Боксер. Может, и в самом деле испуган? Приказали стеречь, а тут три полутрупа.

Щедрость расплескалась минут на сорок. Могло быть и дольше, но Борис попросил закурить, и вывод напросился сам собой – ожили. Когда снова оказались внизу, попросили оставить хоть небольшую щель для воздуха.

– Столько хватит? – поинтересовался Боксер, оставив меж плит небольшой треугольничек неба.

Неровная, словно нарисованная средь звезд детской рукой фигурка показалась нам ширью от горизонта до горизонта.

– Короче, не вздумайте помирать, – предупредил Боксер таким тоном, что можно было испугаться самой смерти: мол, после нее придумаю такое, что опять жить захотите. – Жратвы утром дадим.

А нам воздух – и жратва, и свобода, и счастье. Лежали, смотрели в треугольное, вместившее пять звездочек, небо и радовались судьбе, сохранившей нам жизнь. А утром в эту же щель просунули еще и кусок лепешки, бутылку бульона, чай.

– Мясо еще осталось? – голос незнакомый.

Словно виноватые в том, что оно протухло, задохнулось вместе с нами, солгали: да, конечно, спасибо. Даже я со своей решимостью ничего не стесняться поддакнул. Лишь бы оставили щель и на день.

Оставили. Но снова накрыли пленкой.

– Это чтобы цыплята не провалились, – попытались мы с Махмудом оправдать охрану, прекрасно видевшую наше вчерашнее состояние. В иное просто не хотелось верить.

– Какие цыплята! – не соглашается принимать игру Борис. – Идет психологическая обработка. И с «волчком», и сейчас с удушением.

– А смысл? Чего нас обрабатывать? С нас требуют какую-то военную тайну? На пять минут бы опоздали, и вся психология пошла бы коту под хвост.

Вяло спорим, больше глядим на белое пятнышко целлофана. Не сильны в физике, но академиев заканчивать не надо, чтобы понять: скоро солнце нагреет воздух, и мы вновь обрекаемся хоть и на более медленную, но тем не менее смерть. Второго раза нам не выдержать.

И снова сначала перестали гореть спички, потом появилась одышка. Вновь стали ползать по дну ямы, вынюхивая, в каком углу сохранилось побольше воздуха. Затем легли и, теряя сознание, стали ждать: или смерти, или Боксера.

Появился он.

– Живо наверх.

Про повязки не напоминает. Днем, еще в нормальном состоянии, на эту тему придумали загадку для «Поля чудес»: средство, при помощи которого осуществляется передвижение по Чечне, семь букв.

«Повязка».

Она и сейчас скрывает все вокруг, а нас толкают в машину, неслышно когда подъехавшую. И снова дорога в неизвестность, и снова тайные удары в живот, и кто-то подергивает с переднего сиденья предохранителем автомата: вы под прицелом, сидите смирно.

Сидим. Дышим. Откусываем от ночного воздушного пирога полный рот и, не прожевывая, тут же запиваем его воздушным прохладным настоем. Кусаем и запиваем. Насытиться, нажиться до очередного склепа. А может, отвезут в комнату, где мы провели первую ночь? Пусть хоть на две цепи посадят, но лишь бы имелись свет и воздух.

Привезли.

– Ступени.

Будет счастье, если они поведут вверх. Но нога проваливается вниз, откуда несет знакомым до боли запахом прелости.

– Пригнись.

Дверца узкая и низкая. Ступени земляные, вырыты изгибом. Около десяти. Внизу наступаю на что-то мягкое. Замираю. Что ждет здесь?

– Можешь снять повязку.

Милый бедный Красный Крест. Предполагал ли он, штампуя агитационные платки, что они станут служить людям именно для таких целей?

В подвале чадит лампа, но в первую очередь радуюсь земляным, в глубоких трещинах-разводах, словно морщинистый лоб столетней старухи, стенам. Пол устлан одеялами, что говорит о подготовке норы заранее. Сверху слепо спускается Борис, и на правах обжившегося хозяина принимаю его, отвожу в угол. Затем водителя. С новосельем!

С верхней ступеньки смотрит сквозь маску Боксер.

– Короче, располагайтесь. Авось здесь не помрете. И не шуметь. Сейчас принесем чай.

Исчезает. Дверь на самом деле маленькая, до нее шесть ступенек. Слышно, как ее запирают. Кажется, наручниками.

– В любом случае это лучше всего предыдущего, – отмечаем все вместе плюсы новой тюрьмы.

Пока готовят чай, обносим по углам лампу, знакомясь с хозяйством. На земляном полу – полуистлевшие матрацы, прикрытые одеялами. Подушки. В углу стыдливо и обреченно притулилась новая «девочка». Если в колодце нам предложили худенькую блондинку, то сейчас – полная брюнетка. А вот размеры ямы поменьше. Замеряю расстояния расческой: двенадцать штук – ширина, двадцать шесть – длина. Только улечься и не шевелиться. Зато высота – на вытянутую руку.

На дворе ночь, а я начинаю делать зарядку. Одновременно прислушиваюсь к себе, нет ли одышки. Вообще-то, огонек лампы колышется, значит, воздух есть. А важнее ничего и нет.

– Завтра неделя, как мы в плену, – вдруг подсчитывает Махмуд.

Замираем. Неделя – это сто лет или одно мгновение? В свою первую пленную ночь думал, что семи дней хватит нашим оперативникам на мои розыски. И какой длинной она тогда казалась! Наверное, как раз на то количество раз, которое мы умирали и рождались заново.

Нет, неделя – это все-таки сто лет, которые просто пролетели мгновенно.

Зато очередные триста лет, то есть двадцать один день, превратились в единую нескончаемо душную ночь. Да, воздух был. Да, рано-рано утром и в двенадцать ночи приносили еду: чай, хлеб, сосиску, помидор – что можно схватить на рынке. Иногда, но зато по три-четыре дня подряд, могли опускать на ступеньки только миску творога, перемешанного с солью и чесноком.

– Это вкусно, это очень вкусно, – уговаривал себя Махмуд, чайной ложечкой уменьшая свою долю.

Но мы лишились света. Узенькая, в иголочку, полоска между рассохшимися досками в дверце и белесый, уже в ниточку, штрих поверх проема напоминали букву «Т».

Тупик.

Дней через пятнадцать, когда стали гноиться глаза, вдруг обнаружил: стою на коленях перед этой буквой и совершенно машинально твержу:

– Ненавижу!

Тупик. Темноту. Безвыходность ситуации. Свое бессилие. Куда-то исчез Боксер, и хотя вместо него стал появляться высокий спокойный парень, прозванный нами Хозяином, мы лишились еще и общения. Хозяин на любые наши вопросы отвечал односложно «ну», и порой мы даже скучали по резким, всегда подводившим нас под расстрел или сумасшествие психологическим беседам Боксера.

Поняли, что если хотим что-либо узнать, то во время передачи еды нужно задать только один вопрос. И даже чтобы не вопрос это был, а какое-то размышление, приглашение к разговору или обсуждению, не требовавшим от охранника ответственности и обязательств.

Вопрос готовили, оттачивали часами, определяли, кому из троих его лучше задать. И вместо, допустим, ежесекундного: «Ну делается ли по нам хотя бы что-либо?» – в конце концов звучало безобидное сочувствие:

– Наверное, надоело вам с нами возиться…

– Ну.

Не прошло. А что, если попросить помыться? Если с нами вопрос решается, прикажут потерпеть. Если грядет долгое сидение, ведро воды не пожалеют.

Не пожалели. Плохо…

Во время очередного полночного и одиночного вывода в туалет надолго пропал Борис. Следом приглашают наверх меня. Я, нужно мне было в туалет или нет, никогда не отказывался

лишний раз вылезти на свежий воздух. На этот раз перекинуться с Борисом даже парой слов, почему его задержали, не смог. Дорогу, хоть и в повязке, изучил, но на этот раз повели в другую сторону. В плену все новое, непривычное изначально таит опасность и заставляет напрячься.

– Раздевайся, – останавливает Хозяин. Зачем? – Ополоснись.

Значит, свобода не завтра, а тем более не сегодня.

Настроения нет, мыться не хочется, хотя весь липкий от пота. Но завшивеем – себе станет дороже. Теперь надо другой вопрос готовить. И думай, что лучше: находиться в неведении и каждый день встречать с надеждой или реально смотреть на действительность и искать элементарные способы выживания? В плену идет игра в подкидного, к тому же ты вынужден играть вслепую. Но смухлюешь – глядишь, и выиграешь. При этом зная, что ежели попадешься, от соперника пуля в лоб обеспечена.

Ополаскиваюсь, поливая самому себе из кувшина. Хозяин стоит в стороне. Разрешают снять платок. Сплошная темень, к тому же приставлен лицом в каменную стену. Даже буквы «Т» нет, проклясть нечего.

Назад до подвала не доходим. На этот раз останавливает Боксер.

– Хау ду ю ду, полковник?

Голос сбоку. Чувствую подвох, но распознать его не могу. Пауза, как и в первом подвале, затягивается, но на этот раз решил молчать.

– Ты что, не знаешь английский?

– Нет. Учил немецкий.

– Не надо! В КГБ все учат английский. Я тебе обещал отрезать уши, как только узнаю, что ты контрразведчик?

– Да. Но я журналист.

– А у меня нет времени заниматься перепроверками, мне воевать надо. Журналистское удостоверение – «крыша». Но как тебя усиленно принялись искать спецслужбы, говорит о том, что ты – их человек. Простого смертного так не ищут. Ты – из ФСБ, а с этими ребятами у нас разговор короткий.

Чувствую, как слабеют ноги. И сам не пойму, от чего: то ли от угрозы и полной своей беспомощности доказать что-то обратное, то ли от первой весточки– меня ищут. Ищут!

– Иди и готовься к расстрелу. Могу и не идти. Я готов.

– Иди, – толкают в спину. Они отмеряют мне часы и минуты.

В яму запихивают ногой.

А отрезанные уши мне приснились через два дня: якобы в какой-то клинике мне приделывают вместо них протезы. Они не подходят по цвету к лицу, и я прошу их заменить...

Из рассказа
заместителя директора ФСНП России генерал-майора налоговой полиции А. Пржездомского:

Первый упор во всех газетных публикациях был сделан, конечно, на то, чтобы до боевиков дошла информация: Иванов, скорее, писатель, чем офицер. Мы понимали, что тем самым даже поднимаем вам цену и потом будет труднее вас вытаскивать. Но в тот момент важнее было, чтобы вас не расстреляли под горячую руку именно за полковничьи погоны. Опасения на этот счет имелись: после артиллерийских или авианалетов жители сел требовали отмщения, и боевики в последнее время стали привозить на эти места пленных офицеров и демонстративно расстреливать их.

Конечно, создали оперативный штаб по вашему поиску и освобождению. Заседали ежедневно: что сделано, что еще задействовать?

ФСБ дала команду своим сотрудникам начать поиски непосредственно на месте. Этим же занялось МВД, имевшее в Чечне свои структуры. Ориентировки по вам ушли в Главное разведуправление Министерства обороны и отдельно в разведотдел Северо-Кавказского военного округа.

Наши оперативники вышли на всех мало-мальски значимых чеченцев-коммерсантов в московской диаспоре. Понимая, что здесь игры отошли в сторону, настоятельно попросили и рекомендовали передать по всем каналам – родственным, деловым – в Чечню: если Иванов будет убит, налоговая полиция воспримет это как вызов правоохранительной структуре, а мы – не мальчики для битья. Разговор мог быть только таким – жестким, требовательным, с позиции государственной структуры.

Директор ФСНП Сергей Николаевич Алмазов, взявший операцию по освобождению под личный контроль, произнес ключевую фразу, от которой мы все затем и плясали.

– Спасти Иванова – дело чести налоговой полиции. Иных разговоров не должно быть.

Однако первую достоверную информацию о том, что вы живы, мы получили через посредника лишь 18 июля…

В это же время, самостоятельно:

Евгений Месяцев, кинорежиссер, мой добрый приятель, позвонил в штаб воздушно-десантных войск, командующему Е. Подколзину:

– Евгений Николаевич, в Чечне пропал Иванов, бывший десантник. Всю жизнь писал про «голубые береты». Неужели не

вытащим?

К тому времени практически все десантные подразделения из республики уже вывели. Но в оставшиеся мелкие разведгруппы ушла шифровка: помимо основных задач предпринять усилия по поиску и освобождению Н. Иванова.

Ваня Анфертьев, мой однокашник по Львовскому политучилищу, вышел на Казань и Ереван, подключил к поиску и спасению высших духовных лиц Татарстана и Армении.

Комиссия по делам военнопленных, возглавляемая генералом В. Золотаревым, добились, что мое имя внесли в списки насильственно удерживаемых и подлежащих обмену под вторым номером.

Редакция газеты «Московский комсомолец» отправила в столицу Турции Стамбул своего корреспондента с заданием выйти на исламские организации, поддерживающие чеченских боевиков, и через них попытаться что-то узнать о моей судьбе.

Депутат Государственной думы, мой земляк, писатель Юрий Лодкин написал письмо Руслану Аушеву и попросил ингушскую сторону включиться в поиски. Было отправлено им и письмо президенту Ичкерии З. Яндарбиеву, кстати, поэту, члену Союза писателей СССР.

Владимир Осипович Богомолов, автор «Момента истины», набрал, наверное, несколько сотен телефонных номеров, не давая ни на один день забыть обо мне тем, кто хоть как-то мог помочь в поисках.

Мои добрые знакомые, светлые люди мать и дочь Л. Жукова и О. Жукова вместе с военными журналистами заказали в Никольском храме Москвы молебен в честь святой великомученицы Анастасии Узорешительницы, прославившейся тем, что часто, поменяв роскошные одежды на нищенское рубище, тайно выходила из дома и обходила темницы. Покупая за золото вход в них, умывала руки и ноги заключенным, расчесывала им спутанные волосы, смывала их кровь, перевязывала раны чистыми полотенцами, подавала каждому еду и питье. Желая помогать больным и несчастным, выучилась врачебному искусству, став отрадой для всех тяжко испытуемых и изнемогающих телом заключенных невольников.

Существует, оказывается, и связанная с этим именем «Молитва заключенного»:

«...Облегчи бремя бедствия моего. А ежели понести мне суждено, да понесу с терпением ради очищения грехов моих и ради умилостивления Твоего правосудия... Да не постыжен буду перед лицом всего мира на страшном суде Твоем. Прихожу к Тебе

скорбный и печальный, не лиши меня духовного утешения. Прихожу к Тебе омраченный, яви мне свет упования спасения...»

А мы сидели в сплошной темноте погреба и от нечего делать играли в города. Первым всегда шел Нальчик. Как в известном фильме:

– А почему Нальчик?

– А мы туда не доехали.

А что еще можно придумать, чтобы убить время в темноте? Ну, перебрали все виды спорта, зверей и птиц, мужские и женские имена, пересказали анекдоты и свои судьбы – а через неделю все равно лежим, молчим. Утром, правда, зарядка – помахать руками, поприседать. Ходить негде, топчемся на месте. Просто переминаться неинтересно, быстро надоедает, и придумываю новую забаву:

– Пройдусь-ка я до метро. Вслух.

«Иду» по Маросейке от налоговой полиции до «Китай-города», рассказываю-вспоминаю, что встречается по пути. Ребята слушают – тоже занятие. Махмуд иногда подколет:

– А девочки в Москве-то хоть есть? Что-то ни одной пока не встретилось. Гляди, какая краля навстречу плывет.

Когда они и сами могли с закрытыми глазами пройти этот путь, когда очередность городов знали, как таблицу умножения, и даже не вторгались в отполированный перечень соседа, начал вспоминать песни.

Про то, что мне медведь на ухо наступил, знал с пеленок, но ребята терпят мои напевы и иногда подсказывают слова. Зато в памяти всплыли строки, казалось бы, навечно погребенные и утоптанные современной попсой:

Возвращайся, я без тебя столько дней.
Возвращайся, трудно мне без любви твоей...

А эта:

Я вернусь к тебе, Россия.
Знаю, помнишь ты о сыне...

Приходилось петь и с купюрами. Махмуд как-то попросил «из зала» военных, фронтовых песен. Конечно же, первым номером пошла «Жди меня». Но когда пропел: «Туман, туман, седая пелена. А всего в двух шагах за туманами война», – тут и споткнулся. Все же допеваю очередную строчку – конечно,

шепотом, все четыре месяца мы разговаривали только шепотом, – «Долго нас невестам ждать с чужедальней стороны», а в памяти вырисовывается очередная: «Мы не все вернемся из полета...»

Чур не про нас.

Запинаюсь, пропускаю концовку. Зато вспоминаю Людмилу Даниловну Чемисову, прекрасную певунью из «Советского воина». Не только с совершенно чудным голосом, но, главное, знающую миллион песен. И не по одному куплету, как все смертные, а от начала и до конца.

– Ну что, Даниловна, споем? – разговариваю сам с собой.

– Лучше бы она одна нам спела, – как-то осторожно намекает на мои вокальные данные Борис. Стопроцентно уверенный, что незнакомая Даниловна в любом случае поет лучше меня.

Но ни другу, ни врагу не желаю подобной сцены. Выпало мне тянуть этот мотив – допою его до конца. Сам. Как смогу.

А вот отношения между нами самими – еще осторожнее. Сокамерников не выбирают, взгляды на жизнь и на события в стране у нас с Борисом порой прямо противоположные. Махмуд чаще молчит, но когда мы переходим с шепота на голос, взрывается:

– Как же вы мне надоели. Все, уйду от вас. Оставайтесь одни.

Уйти некуда. Ни ему, ни нам. Смотреть некуда. Делать нечего.

– Нальчик.

– Калуга...

Глаза гноиться первыми начали у Бориса: он однажды утром не смог расцепить слипшихся век. Вспоминаю десантно-полевые медицинские хитрости: кажется, воспаления снимаются заваркой чая. Попросил Хозяина принести чай без сахара. И вот утром и вечером, словно вшивые интеллигенты, пальчиками промывали глаза, а затем, уже как бомжи, рукавами вытирали подтеки.

Но это оказалось порханием бабочек по сравнению с зубной болью, которой стал маяться Махмуд. Он вначале притих, затем принялся искать себе пятый угол. Нашел, когда улегся лицом в пузатый, «беременный» нашей мочой живот «девочки». И предпочел его боли. А тут еще вместо Хозяина стал появляться его Младший Брат. Он ни на мгновение не задерживался в подвале, за что, видимо, и бился постоянно головой о низкую притолоку дверцы. Разговор с ним мог идти только о миске и в одну сторону: «Давай» и «Возьми».

– У Махмуда зуб болит, есть чем полечить? – почти безнадежно пытаюсь остановить его.

Оказалось, знает не только другие слова, но и стоматологию:

– Можем только выбить.

– Ну тогда дайте хотя бы чеснока, лука. Сала, наконец, – прошу в закрывающуюся дверь.

Борис наваливается на меня, гасит последние слова:

– Какое сало? Ты что! Мусульманам по Корану нельзя есть свинину.

А держать людей в темницах – разрешено? Любим мы выбирать даже в религии то, что удобно и выгодно. А я просто знаю, что кусочек сала, приложенный к десне, рассасывает боль. Религия – это помощь, а не пустая вера...

Но просьба оказалась услышанной. Утром Хозяин вначале принес анекдот:

– Заболел у чеченца зуб. Стонет, сам бледный. А тут гости едут. Чтобы не показать, что он страдает из-за какого-то зуба, хозяин отрубил себе палец. И теперь на вопрос, почему бледный и стонет, гордо поднимал перебинтованную руку: «Да вот, нечаянно отрубил себе палец». «Э-э, – махнули рукой гости. – Главное, чтобы зуб не болел».

А днем, что само по себе небывалое дело, дверь открыл исчезнувший было Боксер.

– Узнаете? – присел на корточках вверху. Кивнули, как старому знакомому: салам алейкум. Бросает нам вниз две головки чеснока и две свечи.

– Короче, забочусь о вас. Чтобы цинги не было и свет имелся. Так, Николай?

Меня впервые называют по имени! Запомним число – 9 июля. Наверху, то есть на воле, что-то произошло? Хорошие новости?

Нетерпение столь велико, что спрашиваю открыто, без подтекста:

– С нами что-то решается?

– Решим. А не решим – пристрелим, – в своей манере заканчивает разговор Боксер.

– Все нормально, – сдержанно радуемся появлению старого знакомого.

Но все рухнуло в одночасье, когда в этот же вечер над селом стали заходить на боевой курс самолеты, сбрасывая неподалеку бомбы. И если уж вздрогнули от неожиданности морщинистые столетние стены подземелья, то что тогда говорить о нас.

– Что там? – спросили у Хозяина, принесшего глубокой ночью неизменные сосиску и помидор.

– Снова война. По телевизору показывают разрушенные дома и убитых детей. Обещали же, что после выборов все затихнет!.. Нет, России нельзя верить.

Остался сидеть на корточках, словно не хотел выходить наверх, где продолжалась бомбежка. Я не кончал музыкальных

школ, но, кажется, сегодня заткнул за пояс своим открытием Баха, Бетховена, Шуберта, Чайковского и Шостаковича, вместе взятых. В природе существует, оказывается, восьмая нота, которая и определяет всю музыку. На войне это – падающие авиабомбы.

– У нас… есть какие-то шансы?

– Теперь нет. У вас теперь никаких шансов. И уходит.

Скажи подобное Боксер – поделили бы на пятьдесят. Плохо, когда начинают разговаривать и приносить плохие вести молчаливые. У них все слова – правда. Зачем ночь, если день так же бессветел и долог. К чему слова в песне, если восьмая нота заглушила, заткнула за пояс все эти божественные «до-ре-ми-фа-соль-ля-си» подобно тому, как я перед этим щелкнул по носу композиторов.

Но ужин-то принесли! В «волчке» вроде тоже прощались с жизнью… Верить, верить в нее до последнего!

– Главное, чтобы зуб не болел.

Сказал, скорее, для себя, но заворочались, сминая напряжение, и ребята.

– Ну когда я вас наконец покину, – застонал Махмуд. – Надо было напоминать про зуб!

Но в голосе нет злобы, и жалуется он только ради поддержки иного, чем мысли, разговора.

– А он еще сало просил, – напоминает водителю Борис, втягиваясь в разговор.

Но что втягиваться, когда совсем рядом земля застуженным старцем отхаркивается кровавыми сгустками-осколками. А ее все бьют, бьют, бьют, не давая ни отвернуться, ни отдышаться.

Значит, опять война. Перед президентскими выборами присмиревшая, надевшая платочек, припудрившая носик и подрумянившая щечки, она вновь смыла ненавистный ее духу макияж и ощерилась клыкастым ртом. Выпустила из-под рукавов воронье-самолеты. Напустила дым-огонь на селения, растолкала уставших – в бой, в бой, в бой. Разбудила успокоившихся и примирившихся с тем, что есть, – драться, драться, драться. И неужели кто-то надеется, что выросшие (не погибшие!) чеченские дети станут с уважением или любовью относиться к русским: «Это они меня убивали». Какая чеченка-мать промолчит, когда ребенок спросит: «А кто это стреляет?» или «А кто убил моего папу?»

Не позволяй, чтобы из твоих сыновей делали варваров, Россия. Не приучай и не заставляй их уничтожать собственный народ и собственные города. Кто же придумал ее, эту странную войну, которая никому вроде не нужна, но которую тем не менее не прекращают? Ведь за каждой развязанной войной стоят конкретные люди… Впрочем, иногда войны не нужно и

развязывать. Их можно попросту не предотвращать...

Только нам ли, загнанным в нору, думать и печалиться обо всем человечестве? Это все равно что тушить пожар во время наводнения: не сгорит, так затопится.

Оставалось единственное и самое благоразумное: не рвать нервы и не психовать. Если могила для нас вырыта, то пусть уж лучше в нее столкнут, чем лезть туда самостоятельно.

Бомбежка продолжалась дня три. Самое странное, но она раскрепостила Хозяина. У него не то что проявилась речь, а в словах становилось все больше и больше боли, непонимания происходящего. Правда, что о собственной боли любят говорить даже молчуны. Его же история, вероятно, типична для многих боевиков. Дом разбомбило в первые дни войны. Деда перевезли к знакомым в горное селенье (при нас по-прежнему не упоминалось ни имен, ни каких-либо названий), – там заболел, не ходит. Отец с матерью и младшими братьями уехали к родственникам за пределы Чечни. Хозяин с одноклассниками остался в селе сторожить остатки жилища. Когда пришли федеральные войска, взял автомат, ушел в горы. Два года воюет.

На наш намек на то, что мы ценим его спокойствие, невольно передающееся нам, ответил невозмутимо:

– Пока вы в плену и беззащитны, лично я вас пальцем не трону. Но прикажут расстрелять – расстреляю, в этом не сомневайтесь. Сахар есть?

Его стали приносить в банке из-под пива. Как ни укрывали ее от муравьев, те проникали к сладости, перемешивались с песком настолько, что очистить сахар становилось невозможно. Кроме как высыпать черно-белую шевелящуюся массу в кипяток, а затем отцеживать сквозь зубы ошпаренные тушки.

– Питательнее, – нашли оправдание, чтобы не брезговать. При выживании книгу жалоб требовать глупо.

Когда самолеты оставили в покое землю и небо, чуть успокоились и боевики. Даже однажды ночью на допрос меня вызвали по имени.

Да что имя! Наверху, ткнув под колени, подставили скрипучий стул. Для долгого разговора? Или сообщат вести, от которых подкосятся ноги?

Сажусь, прекрасно сознавая, что он стоит на земле на одной ножке. Да и со стула порой кувыркнуться можно гораздо быстрее, чем стоя на ногах.

– Где служил в десантных частях? – голос сзади меня новый, незнакомый.

Перечисляю: Псков, Прибалтика, Афганистан. Что-то сказал про ФСБ Боксер, но по тому, что его резко обрывают, понимаю:

допрашивает Старший.

– Как укладывается парашют?

Нет проблем, хоть сейчас уложу. Но зачем это Старшему? Делать меня инструктором-парашютистом?

– Книгу «Гроза над Гиндукушем» ты написал?

– Я.

– Она у меня есть. С фотографией. Ты в самом деле писатель.

Наконец-то! В другое время откинулся бы на спинку стула и забросил нога на ногу. Но что несут эти «открытия»? Стул лишь нащупал землю второй ножкой, не более того...

– Насчет твоих отношений с Грачевым тоже все подтверждается, – продолжает поражать своей осведомленностью Старший. – Мне Грачев тоже враг, но ваши дела – это ваши, и мне на них плевать. А вот мы с тобой служили в Афгане рядом. Служили бы вместе – может, и отпустил бы. Сейчас могу лишь пообещать, что просто так, из прихоти, мы тебя не расстреляем.

Нет, стул стоит на земле твердо. И на четырех ножках. Мертво стоит. И не охранник его подставил. Судьба. Трижды, да, трижды в жизни меня убеждали, что я ломаю себе жизнь, пробуя ходить по «острию бритвы». Первый раз – когда после окончания училища пригласили служить в воздушно-десантные войска.

Вообще-то, они для военного журналиста интересны, но – малоперспективны. Газеты – только «дивизионки», а это меньше, чем «районки». Служебного роста, соответственно, нет. Места службы – небольшие города и поселки. Плюс парашютные прыжки, вечные учения. Словом, с потолка заметку не напишешь.

– Раз пригласили, значит, пойду.

Те, кто ехал сразу в большие газеты и крупные города, откровенно жалели:

– Зря ты лезешь в эти ВДВ. На них красиво смотреть лишь со стороны, у них – пять минут орел, а двадцать четыре часа – ишак. Засохнешь.

Второй раз откровенно покрутили пальцем у виска, когда предложил себя на замену журналистам, первыми вошедшим в Афган.

Потом, когда на афганской и десантной теме написал первые книги, в том числе и упомянутую «Грозу...», когда из «дивизионки» взяли в журнал «Советский воин», а вскоре назначили и его главным редактором, разговоры, правда, стали иными: конечно, ты вращался среди такого, что не написать грех.

Зато когда подал рапорт с просьбой освободить от должности главного редактора, друзья вздохнули откровенно озабоченно:

– Ох, аукнется тебе этот шаг. И, наверное, не раз. Аукнулось. Все три раза аукнулись. Плюсами, потому что и ВДВ, и Афган, и

отношения с Грачевым затронули Старшего. И как раз в тот момент, когда жизнь висит на волоске. Судьба все же догнала, не оставила. Ничего в жизни зря не происходит. Все учитывается, и за все платится…

– В общий лагерь я тебя не отдам, ни в каких списках пленных тебя не будет, – продолжил Старший чертить линию судьбы на моей руке. Но почему не сдаст и не включит? Это хуже или лучше? Стул вновь станет на три ножки или вообще начнет терять равновесие на одной? – Твоей судьбой буду заниматься сам. Если твое начальство пойдет навстречу, значит, договоримся, а нет… Тогда извини. Итог для всех у нас один. По всем каналам мы уже сообщили, что ты убит при попытке к бегству.

Стул не зашатался – его попросту отобрали. Разговор окончен. Теперь от меня ничего не зависит. Только от налоговой полиции. Но какие выставят условия? Пойдут ли наши на них? Будут ли иметь право пойти: мы – государственная спецслужба, а не частная лавочка. Прибавил начальству заботы…

– Но было бы лучше, окажись ты контрразведчиком, – вернулся, чтобы закрыть эту тему, к первым разговорам Старший. И объяснил причину: – Их быстрее выкупают и меняют. А с вами, видимо, придется повозиться. Все.

Следующим на выход требуют Бориса. С ним, судя по всему, говорили по-иному: спустившись обратно, тот молча и нервно закуривает. Ждем, когда окурок вомнется в нижнюю ступеньку.

– Сказали, что меня спасут только деньги.

– Сколько? – решается спросить Махмуд. У него вообще непонятная роль. Вначале хотели отпустить, потом сказали:

– За тебя, парень, ничего не дадут, поэтому сидишь за компанию. Но выйдешь последним, чтобы ФСБ не село нам на хвост. Зато когда выйдешь, с удовольствием набьешь им морды, – кивнули на нас с Борисом.

– Набью, – охотно поддержал идею водитель. – Дайте только выйти.

– В плен можно бесплатно только войти, а выход– уже мани-мани. Так что твоя свобода зависит от них.

Потому и прорвалось у Махмуда с тревогой:

– Сколько?

– Миллиард. За меня и тебя. Это последняя цифра. Если ничего не придумаем, с нами возиться не будут.

Наверху прокукарекал петух. Но нет, это не красные дьяволята, не неуловимые мстители налетели нас спасать. На самом деле ходит по двору такой, орет днем и ночью. Как и боевикам, дали ему кличку «Петух с куриными мозгами». А он,

наверное, просто ошалел от бомбежек.

А мы ошалеваем от суммы. Миллиард – это же сначала надо найти сто миллионов, потом двести, триста...

Из рассказа
сослуживцев Бориса Таукенова:

Когда от посредника узнали эти нули, сначала подумали, что ослышались. Откуда? Да и ребята столько сделали для Чечни, чеченцев! Сколько беженцев вывезли, сколько устроили на работу в Нальчике, скольким помогли поехать лечиться!

Старейшины, муллы Балкарии решили ехать в села, около которых произошло пленение, поговорить с людьми пососедски. Вернулись ни с чем. Жена искала Бориса в окрестностях Грозного около сорока суток. Приехавшая туда же теща попала под бомбежку, сломала ногу. Брата, колесившего по республике, поймали, поставили к стене, стреляли над головой: еще раз приедешь без денег, не отпустим. Когда родственники пришли с собранным со всех закоулков, с выделенной головным банком суммой в четыреста миллионов рублей, посредник усмехнулся: за такие деньги вам даже труп не отдадут.

Махмуд тянется к пачке сигарет, закуривает. Неловко оправдывается:

– Я не курить. Зуб болит.

Остается лежать у огарка свечи, зажженной для вызовов. Протачивает на ее мягкой белой спинке бороздку, спуская вниз озерко расплавленного воска. Свеча в таком случае сгорает значительно быстрее. Но что ему свеча, когда на него навесили ценник. Миллиард... А почему не назвали цифру мне? Или я иду у них на обмен?

– Долбанный петух, – смотрит вверх Махмуд. – Кто будет сушняк?

Протягивает остатки чая. Отпиваем по глотку. Молча укладываемся спать.

– Николай, тебя твои не бросят? Искать будут? – неожиданно спрашивает Борис. Хочет хотя бы с этой стороны получить какую-то надежду...

– Даже не сомневаюсь.

– Ты так уверен? Государству всегда было наплевать на своих людей.

Резкая оценка удивляет, но сегодня не до споров. Насчет государства не знаю, но налоговая полиция не бросит. Сейчас перебираю в памяти людей, с которыми служил, руководство – нет, наши станут биться до последнего.

– Тогда тебе повезло. А меня в последний раз чаще всего окружали подлецы. Которые мечтали нагреть руки на моей должности и моей мягкости… Извини, можно мы с Махмудом поговорим по-балкарски?

– Конечно.

Они зашептались, а мне совестно. Если разговор со Старшим лично мне дал хоть какую-то надежду, то у ребят он ее отобрал. Я уверен в тех, с кем служил, они разочарованы, потому что не могут припомнить никого, кроме родственников, кто попытается хлопотать за них.

Поэтому топчу, скрываю свое возбуждение – его ни в коем случае не должны чувствовать ни Борис, ни Махмуд. Иначе… В камере или должны сидеть одни смертники, или надежда должна быть у всех.

10

Свечи сгорели, керосин в лампе кончился. Вместо Хозяина бьет себе голову о притолоку Младший Брат: «Бери-давай». Махмуд раскурился и помог Борису добить последние сигареты. Теперь вместе жгут спички, выковыривая из земляных ступенек старые окурки и выбирая из них самые большие.

Я который день баюкаю правое ухо. Заныло, засвербило неожиданно, хочется поковыряться в нем только что найденным гвоздем. Ухо – не зуб, его даже если и оторвешь, болеть все равно не перестанет. На зуб вспомнилась и присказка, продаю ее Махмуду: «Зуб, зуб, не болей, дам тебе пять рублей». А вот чем успокоить свою боль? Сделал ладонь лодочкой, уложил в нее ухо – поплыл то ли в полусне, полубреду.

– Эй, подъем, уборка, – напоминает Борис.

То ли раньше не замечали, то ли уже во время нашего пребывания по углам нависла паутина. Так что повод объявить генеральную уборку – без дураков, жены от такой нашей добровольности пришли бы или в недоумение, или в восторг.

Чистим углы, осторожно стряхиваем себе же под ноги пыль из одеял. Собрали все окурки, спички, щепочки, выкопали ложкой в углу кюветик, засыпали мусор, утрамбовали. На целых полтора часа растянули минутное дело. Дома бы наверняка сказал, что угробил время. Но ныне мы со свободою живем в разных измерениях.

Счет пленным дням ведем утром и вечером, да и в промежутках раз по пять друг у друга переспросим.

И вот на двадцать первые сутки пребывания в сплошной

темноте вместо ужина принесли новость:

– Собирайте постели. На новое место?

Хозяин принял наши пожитки, вернул одно одеяло.

– Сидите, ждите.

Гадать о будущем бесполезно, выбор может оказаться одинаково что в плюс, что в минус. Можно предположить, что в наших делах что-то продвинулось и нас хотят перебросить поближе к месту обмена. Но можно думать и иначе: с переговорами ничего не получается, находиться в селе становится опасно, и нас перебрасывают обратно в лес, в «волчок».

Кажется, предположили подобное все одновременно, потому что зашевелились, пытаясь найти себе занятие. Но нет занятий в плену, кроме как сидеть и ждать. Сидим почти месяц. Чего ждать? Самому себе и в пустоту столько вопросов уже задано, что ответ, хотя бы односложный, можно выдолбить зубилом на камне. Но то ли зубило потерялось, то ли камень попался слишком крепкий. Нет ответа.

А повезли снова в лес. По плохой дороге это узнаем, по царапающим веткам да комарам, залетевшим в кабину. Кто-то из нас попытался отогнать их от лица, но жестко клацнул затвор:

– Руки. Не шевелиться! Но заедают ведь!

Это еще не заедали. И даже когда машина остановилась и комары уже не на ходу впрыгивали в «уазик», а приходили отведать свежатинки целыми кланами, мы их вспомнили потом как укол перед операцией – всю жизнь бы так жить.

– Вылезаем… Идем. Смелее. Нагнись, нащупай руками лаз, – команда мне, для достоверности подбивают под колени.

Венец выложен из бревен, вниз ведет и деревянная лестница. Наверное, никогда не привыкну спокойно лазить в незнакомые ямы с завязанными глазами. Так и кажется, что в них что-то копошится и шевелится.

Яма неглубока, полностью выпрямиться нельзя. Отползаю в сторонку, освобождая место ребятам. Вскоре все трое сидим на корточках, ждем, когда разрешат снять повязки.

– Можно смотреть.

Видим! В квадратном отверстии сквозь ветки нависшего над головами дерева – видим ночное небо. Впервые за месяц.

В люк вталкивают наши пожитки. Подсветили фонариком. Яма – два на два. Пол сырой, словно только недавно сошла вода. Сверху – дубовый накат.

Все это отмечаем краем глаза. В первую очередь – постелиться, пока есть свет.

– Короче, огня не зажигать, не шуметь.

Боксер! Снова с нами. Теперь хотя и начнутся расстрелы

через каждые пять минут, но между ними слово-другое дополнительные проскочат.

– Полковник, знаешь, что такое огнемет?

– Знаю.

– Короче, к люку не приближаться. Кто высунется, шарахаем прямо внутрь. Слышите, шакалы воют?

– Да, – первым распознает вой Борис.

– Это хорошо, значит, не пуганы. Значит, давно не стреляли в этих краях. Утром поговорим.

На люк укладывается деревянная решетка, над ней долго, с сопением, колдуют.

– Короче, решетка на растяжках из гранат. Тронете – взлетите к Аллаху в гости.

– Глубинные, глубинные гранаты ставь, чтобы в клочья всех разнесло, – подает совет незнакомый парень.

Сдержанно улыбаюсь: есть глубинные бомбы, но гранат таких еще не придумали. Или профан, или нагнетает страсти. Но в любом варианте растяжка – дело тонкое. Тот же шакал или кабан пробегут, случайно заденут – и доказывай на небесах, что ты не верблюд и даже не контрразведчик. Там второй экземпляр «Грозы...» вряд ли найдется.

– Держите сигареты. Жратву утром посмотрим. Короче, спокойной ночи.

Нет, чеченцы народ все же удивительный. И в яму на растяжки посадят, и спокойной ночи пожелают – и все один человек в течение одной минуты.

Потоптались какое-то время вокруг логова, ушли. На ощупь поправляем постели, разбираемся в одеялах. И вот тут-то поняли, что нас опустили не просто вниз. Нас окунули в кишащую комарами прорубь. Миллионы, мириады зудящего зверья, толкаясь и спотыкаясь, пошли на запах, зазывая все новых и новых знакомых на нежданный пир.

– Сколько же вас, – Махмуд первым сдергивает с шеи повязку и начинает ее крутить, отгоняя стервецов.

Юркнули под одеяло, попытались, как в «волчке», замереть в коконах. Но духота не давала дышать, а в малейшую щелочку тут же с победным зудом устремлялась хвостатая комариная комета. Какое в Чечне, оказывается, враждебное небо: в выси – гудящее от самолетов, ниже – вибрирующее от «вертушек», а над самой макушкой – зудящее от комарья. И ни от кого ждать добра не приходится.

Уснуть невозможно. Встаем с Махмудом, крутим повязками, как на испытательном турбореактивном полигоне, хлестая по щекам, давая под зад, выметывая нежданных посетителей.

Передышка – ровно на секунду. И снова все вокруг зудит, кусает, сосет. И не знаешь, то ли старых бить, то ли от новых отбиваться. Борис молодец: поерзал-поерзал, но затих. С одной стороны, мы гоняем вентиляторами воздух, а утром еще выяснилось, что он сунул нос в какую-то нору в углу, откуда поступал более-менее прохладный воздух. Про то, что из нее может высунуться какая-нибудь тварь, подумалось вяло: авось и не высунется.

Бьемся с полчищами вдвоем с Махмудом. Тысячу раз раненные, иссякаемые на глазах друг у друга. Сил нет даже ругаться. Несколько раз подходила охрана, протыкала яму узким лучом фонарика:

– Чего не спите?

– Комары заедают.

– Да их здесь море. Сами мучаемся.

Но они-то хоть на поверхности, а мы на глубине! Кому «мокрее»?

В то же время – кому плачемся?

Сморило под утро. Как мечтали о свете, сколько раз представляли встречу с солнцем. Но лишь стало размываться, теряться средь листьев небо, а вместе с ним – комариный столб, мы с Махмудом и свалились в разные углы.

Но Борис в одиночку не выдержал радости встречи с солнцем.

– Эй, уже утро, – прополз он трясогузкой по нашим ногам к люку. – Вверху солнце.

Вверху – да. А к нам в яму, словно боясь подорваться на растяжках, оно опускаться не осмеливалось. Лишь легонько, словно неженка-девушка, притрагивалась воздушной ноженькой к холодной воде, касалось белых проводков, опутавших наш выход на свободу.

– Живы? – поинтересовались сверху охранники. – Давай миску.

Просовываем ее в щель, в протянутую руку. Боевика не видно, наверное, без маски и потому не подходит близко. Дисциплина, однако. А мы сами себе напоминаем зверей в зоопарке. Им точно так же в вольер подают еду.

Солнце, подсмотрев за охранником из-за роскошной гривы росшего над нами дуба и убедившись, что в яме ничего страшного нет, любопытства ради все же заглянуло вниз. Без маски. Правда, на всякий случай, решетку убирать не стало, перенесло ее тень на дно ямы. В эти светлые кривые квадратики мы и вползли, подставляя лица теплу.

– О, тараканы, – презрительно разочаровалось солнце от увиденного.

Открыли глаза. Нас, как подопытных мышей в клетке – нет,

тараканов же! – рассматривали две маски.

– Нет, они будут Нельсонами Манделой, – не согласился другой, отметая примитивизм напарника.

Подбор псевдонимов на этом не закончился, и в конечном варианте все выглядело очень даже пристойно: я – Антон Павлович (Чехов им почему-то припомнился), Борис – здесь ума и юмора много не потребовалось – Ельцин, Махмуд – Эсамбаев. Гордости охраны не стало предела:

– Клево. У нас в тюряге писатель, президент и танцор.

Неизменной осталась лишь примета. Если звучало: «Полковник, на выход», – это к плохому. Когда имя Чехова или мое – тревог не ожидалось.

Самым большим неудобством оставались комары. Они наполняли жилище часов в десять вечера и буйствовали, устраивая на наших телах оргии, до семи утра.

Конец варварству и наглости положили, догадавшись и осмелившись закрыть люк. Снимаю майку, разрываем ее пополам. Площадь – как раз прикрыть отверстие. Часа за полтора до сумерек обкуриваем яму, усиленно работаем вентиляторами – разве только не взлетаем сами – и замуровываемся. Пяток – десяток комаров остается, но что они без обходов и охватов, таранов и подмоги той орды, что топала ногами, била крыльями, царапалась и укладывалась слоями по майке сверху.

– От кого прячемся? – не поняла маневра и охрана.

– От комаров.

– Искусали, что ль?

Что им кусать. Рассмотрев себя на свету, поняли образ с тараканами – усатые и бородатые. И начинающие худеть. Вроде не двигаемся, лежим и спим, а пиджак уже свободно заправляется в брюки. Стало похуже и с едой: утром и вечером – перловка в комбижире. Для моего послеафганского гастрита – первейшее «лакомство». Нужно выбирать: или мучиться от голода, или от боли.

Отказываюсь от ложки. Пью лишь чай. День, второй. Когда-нибудь должен ведь этот комбижир кончится!

Кончилось все – и комбижир, и перловка.

– Жратвы нет.

На нет и суда нет. В ларек не сбегаешь, хотя Махмуд в одном из карманов и нашел завалявшиеся двадцать тысяч. Мечтаем, что можно на них купить. Борис непреклонен:

– Огурцов. Желтых.

– А почему желтых?

– Они большие.

Охрана тоже повеселила. Поинтересовалась мимоходом:

– А халва у вас есть?

Глядим на Махмуда: ты что, сбегал-таки в магазин?

– Какая халва? – задаем не менее глупый вопрос.

– Из банок. Не приносили?

Нам много чего не приносили. Первого, например, ни разу не видели. Картошки. Масла. Да тех же яблок, наверное, можно насыпать пол-ямы, лето ведь на дворе...

Принесли кусок халвы. Еще сутки продержались. А потом на полтора месяца зарядили одни макароны: на воде, без воды, со стручком лука, с кусочками остатков мяса, опять пустые. В непонятные праздники (как их мало даже у мусульман!) – одно мясо. Тарелочка, правда, из детского садика, может быть, даже осведомитель из налоговой полиции выделил ее на наши нужды, но запах-то есть.

А лето душное. Майка не только комарам вход перекрыла, но, как теперь уже традиционно для нас, и воздуху. Ребята молят о дожде, я сопротивляюсь.

– Дождь – это вода, сырость. А сырость – болезни. Не о том молим, мужики.

– Ты в самом деле неженка.

Готов остаться в памяти ребят с этим по-детски обидным, особенно для афганца-десантника, мнением о себе, чем потом оказаться правым. И окажусь ведь...

– Да мы в горах во время сенокосов под такими ливнями бывали!

В горах, но не в яме. Мы что, разведем костер, сменим одежду? Короче, я против.

Голосую так, будто от полученных результатов зависит погода.

Но вышло по законам войны: вместо дождя небо обрушило на нас снаряды. Вначале где-то неподалеку обнаружили себя пулеметы. Первую ночь они порезвились-поиграли, словно два-три Козленочка Военное Копытце по льду процокали. Утром прилетели надсмотрщики-«вертушки», но, наверное, не нашли выбитых копытцами самородков, потому что на следующую ночь из загона выпустили целую стайку более взрослых козлят. А они уж так разрезвились, что приструнить их оказалось возможным лишь артиллерией. Да в нашу сторону.

Первый снаряд, пролетевший над ямой с шипящим присвистом, мгновенно разбудил нас. Не знаю почему, но бросились к туфлям, в первую очередь обулись. А потом не успевали втягиваться головы в плечи от свиста и разрывов, утюживших совсем рядом лес. Высвечиваем, наивные, самое безопасное место в двухметровом квадрате, замираем ближе к

люку. Не из расчета, а так диктует страх оказаться заживо погребенными. Головы прикрываем подушками, как будто они могут ослабить удар осколков или падение дубовых бревен с наката. Опять чистая психология – если убьет, то не так больно.

– Что они здесь забыли? – Борис, не служивший в армии, больше всего ею и возмущается. Как будто ей самой захотелось вдруг повоевать, и прикатили офицеры с солдатами в Чечню, передернули затворы. Но нет, войны развязывают благородненькие на вид, чистенькие и румяные политики, а в грязь, вонь, бинты и стоны бросают людей в погонах. Это лишь кажется, что военные только и умеют командовать. Еще больше они умеют и вынуждены подчиняться...

– Недолет, перелет, недолет – по своим артиллерия бьет, – вспоминается по случаю давняя песня.

Свистит новый снаряд, втягиваем головы – но это Махмуд, улегшись вдоль стены и сложив руки на груди, показывает чудеса художественного свиста. Он перестал прыгать к люку – или поняв бесполезность, или устав бороться за жизнь. Знаю сам, что летящий именно в тебя снаряд не услышишь, что свистят те, которые уже пролетели мимо. Но, настроенный на борьбу, перестраховываюсь. И не хочу, чтобы душа махнула на все рукой – будь что будет. Не «будь что будет», а держать себя в ситуации...

После повторной бомбежки движения становятся автоматическими. До такой степени, что когда Махмуд случайно падает и бьется спиной о стену, заснувший Борис подхватывается, прыгает к люку и укрывает голову подушкой.

– Эй, вы чего? – спросонья не понимает нашего смеха. Махмуд для острастки свистит – звук даже в таком исполнении неприятен – и снова бьется дурачества ради о стенку.

– Ну вас, – машет Борис и укладывается снова. – Плен лучше переспать.

А ежели не спится? Если отлежали все бока? Попросили хоть какую-нибудь работу у охраны, но боевики развели руками:

– Понимаете, вы расстреляны, вас нет. Вас никто никогда не увидит. И вы никого. Вам остается только сидеть. Приказ один – расстрелять при попытке к бегству. Все.

А лес вокруг наполняется жизнью. Чувствуем дым костра. Слышим подъезжающие машины и мотоциклы. Иногда доносятся окрики на русском языке. Значит, неподалеку работают пленные солдаты. Самое верное тому подтверждение – пилы без остановки ерзают по дубам. Такое возможно лишь под стволом автомата. Кто пилил дрова, тот знает. Наверное, строят новые землянки.

– Чего стал? – кричат уже ближе. – К мамке захотел? «К мамке», как быстро поняли, – это под расстрел.

За меня, я продолжал верить, бьется налоговая полиция. Ищет ли кто-нибудь их? Каково их матерям? Пытаюсь услышать хоть одно имя, хоть какую-нибудь зацепку: вдруг все же выйду на свободу и тогда смогу найти родственников пленника.

Бесполезно. Солдаты слишком далеко, а сами они не догадываются дать о себе знать подобным образом. Да и кто сказал, что я выйду быстрее? Особенно когда под вечер вдруг у ямы появилось пять-шесть охранников. Они сняли растяжки, отбросили в сторону решетку и только после этого приказали:

– Полковник, живо.

11

И без «полковника» ясно, что дела мои плохи, – ведут, бьют грудью о стволы деревьев, не предупреждают о ветках, не обводят канавы. Молчат. Нутром чую, как копят злобу. Что могло случиться?

Сталкивают в какую-то узкую яму.

– Раздевайся.

Моросит дождик. Махмуд очень просил его. Затопит яму. Но уже без меня.

Вырывают из рук солдатскую куртку и пиджак. На рубашке успеваю лишь расстегнуть пуговицы.

– На колени.

Торопятся. Взведены. Но почему перед убийством заставляют раздеваться?

– Снимай повязку.

Я – в свежевырытой могиле. Вот теперь – да, теперь – все. А тело, значит, засыплют, шакалы все же не растащат по лесу. Но и не найдет никто никогда. И даже то, что Боксер передо мной в маске, надежд не прибавляет.

– Руки за голову.

С двух сторон в затылок утыкаются стволы автоматов. Зачем убивать сразу из двух? Да с такого близкого расстояния? Кровь же и мозги залепят стволы, придется очищать!

– Сначала, короче, мы тебя отделаем так, что родная мать не узнает. И пошлем снимочек твоему начальству.

Замечаю у него на груди «Полароид». Вспоминаю свой фотоаппарат: ну конечно же, они проявили пленку и нашли кадры воронежских омоновцев!

– А если оно не успокоится, начнем присылать им тебя самого по частям.

«Оно не успокоится...» Дело в моем начальстве? Не в пленке?

– Думают, что здесь мертвые на посту стоят, – продолжает заводиться Боксер. Зачем-то лепит мне на лицо крестами лейкопластырь. Отходит на шаг, делает снимок. Ждет, когда я, еще живой и не избитый, проявлюсь на кадре. Протягивает снимок обратной стороной:

– Ставь дату и распишись.

Ставлю и расписываюсь. Если фото вдруг сохранится, то по крайней мере можно установить, что до нынешнего дня я был еще жив.

– Они думают, что хитрее нас, – не унимается Боксер. –

Только запомни, полковник: чеченцы бывают или плохие, или хитрые. Мы – из хитрых, и нас не переиграешь.

– А в чем хотят переиграть? – спрашиваю напрямую. Чего теперь стесняться? Информацию надо получать.

– Вздумали освободить тебя силой. Прилетела «Альфа», сидит в аэропорту. С генералом. Ну и жук ты, полковник. Все равно никогда не поверю, что не контрразведчик: генералы за простыми полковниками сами не летают. Но как только они тронутся с места, мы тебя тут же расстреливаем. Понял?

Что понимать? Не от меня зависит, тронется с аэродрома «Альфа» или нет. Но кто придумал силовой вариант? Это же бессмысленно, бесполезно. При такой утечке информации они сами окажутся в ловушке.

– Мы знаем все, – нервно расхаживает Боксер по краю могилы. – Мы даже знаем, кто и как в налоговой полиции Грозного оправдывался перед Москвой за тебя. Знаешь, что сказали? Что ты сам отказался от охраны. Но если эти тронутся...

Останавливается. Ботинки – перед лицом. Одного замаха достаточно, чтобы размозжить мне голову. Успеть закрыть глаза...

– А все-таки мне жаль твою морду и почки, русак, – вдруг совершенно неожиданно, когда я уже приготовился к худшему, отпускает сердце из тисков Боксер. – Пока пиши, – бросает вниз кусок картона: – Пиши: «Умоляю исключить силовой вариант моего освобождения...»

Пишу. Умоляю. Это в самом деле так, потому что надо дать понять своим, что боевикам известно об операции.

А «Альфу» они тем не менее побаиваются, ежели настолько всполошились. Но скорее всего, на аэродроме в Северном сидит не она, а наши ребята из физзащиты. Впрочем, это одно и то же, почти все они пришли в налоговую полицию из КГБ. Потому трудно поверить в то, что они вот так, наобум, полезут в горы. Без идеальной подготовки и тщательной разведки. Не те ребята. У нас тоже не мертвые на постах стоят.

Так что надо сохранять спокойствие. Насчет олимпийского, наверное, сложно утверждать, но внутреннее равновесие необходимо. Мы еще живы, хотя даже не одной ногой, а полностью в могиле.

Стоявшие вокруг автоматчики тем временем роются в карманах, выуживая остатки моей допленной жизни: заколку от галстука, часы, ручку, удостоверение «Советского воина», литературные наброски, которые начал делать на пустых сигаретных пачках с появлением света.

– Это что такое? – изумляется Боксер, перебирая листки. – Что за записи?

– Делаю для себя. Наблюдения.

А сам торопливо вспоминаю, что писал.

– Это мы сейчас почитаем. А почему удостоверение не сдал?

– Не забрали на равнине.

– Изъять все, – рычит Боксер охране. – Вывернуть все карманы, ничего не оставлять.

Падает на землю расческа, отбирают даже пустое портмоне.

– А теперь я с тобой все же немного разомнусь. Повязку. Встать.

Надеваю повязку. Становлюсь в полный рост. Носок ботинка у охранника массивен. Пусть лучше бьет по лицу или в грудь, но не в горло.

Ловлю характерный шум: удар Боксера проходит в каких-то миллиметрах от лица, я чувствую только его холодок. Тренировка? Я – в роли спарринг-партнера? И неужели опять пронесло? Холодок от близости удара – это ли холодок от смерти? Арктику с экватором не сравнивают. Но сколько же раз человек способен прощаться с жизнью?

Снова запихивают стволами автоматов на дно ямы, заставляют замереть. Лежу, потихоньку выбирая удобное положение. Снова оказывается важным, в какой позе застигнет меня смерть, удобно ли будет мне лежать затем в могиле. Хотя бы прикрыли чем-нибудь перед тем, как станут сыпать землю...

Лежу несколько минут. Сердце, устав бороться и волноваться за меня, само начинает потихоньку затихать. Это хорошо. Пусть лучше само замрет, чем его разворотят пули. Оно меня редко подводило при жизни, и сейчас я разрешаю ему умереть раньше себя...

Не дали. И рано обрадовался, что обойдется без зуботычин. И хотя меня в итоге вытаскивают с того света на божий свет, обратный путь в другую яму оказался значительно дольше. Под руки, судя по голосам, меня подхватила молодежь, парни лет семнадцати. Эти уж поизголяются!

Дождавшись, когда стихнут в лесу шаги Боксера, они пираньями впились в меня, по очереди обработав ноги, спину, затылок.

– Полко-овник, мразь, – в точности прокопировали они голос и интонацию Непримиримого.

Бить ослепленного повязкой, наверное, занятие преинтереснейшее, если смотреть со стороны. Стволы «красавчиков» уперты в ребра, а удары летят неизвестно откуда, неизвестно от кого и неизвестно чем – человек в их ожидании весь напряжен, но все равно не угадывает опасность и запоздало вздрагивает. Счастье, что конвоиры вынуждены держать меня еще

за руку, и замахи не такие широкие.

– Это тебе за твои погоны.

– Это за наши Самашки.

– Гад, пристрелить тебя мало.

Семнадцатилетнему на войне ничего не докажешь. Бесполезно. Если чеченцев постарше с Россией связывает служба в армии, дела по коммерции, то этих – ничто. Побросали школу, научились убивать, и убивать именно русаков, их с нами не связывает уже ничего. Они мечтают только о мщении. День и ночь. Да еще показывают друг другу свою беспощадность. Хвастают ею. Опасный возраст. И особенно, как ни странно, для самой Чечни, где после войны кому-то нужно будет уметь и работать, строить...

– Мразь!

– Получи, сволочь. Получаю. По полной программе.

Избитого вталкивают ногами в комариную прорубь, бросают вслед одежду. Вернулся. Под растяжки, в яму, но – вернулся. Стаскиваю с глаз повязку, и стараясь не стонать, укладываюсь на свое место. Махмуд и Борис пока ничего не спрашивают. Медленно отдираю с лица кресты лейкопластыря.

Вопросы сокамерники не задают, давая мне возможность прийти в себя и успокоить дыхание. К тому же решетку наверху не набрасывают, и Борис торопливо ищет повязку: значит, сейчас потащат его. Удерживаю за локоть – это только меня. А растяжки не плетут потому, что ждут сообщений из Грозного. Мои неизвестные спасители, сами того не зная, губят меня. И любой шаг к освобождению окажется шагом к расстрелу. Тогда какой был смысл затевать операцию? Неужели наши этого не понимают?

Оказывается, сидеть под открытым небом намного тревожнее, чем под решеткой. В плену все должно быть так, как положено.

Сверху снова торопливые шаги. Встаем одновременно с Борисом. Он – в ожидании своей очереди, я – принимать судьбу. Она на таком волоске, что паутина может показаться стальным канатом.

– Телефон не потерял? – вдруг вспоминаю главное и шепчу домашний номер в ухо Махмуду.

В самом начале плена, когда еще верилось, что водителя могут отпустить, записал ему домашний телефон и попросил запрятать в одежду. Теперь этот клочок бумажки кажется единственной связью с домом. Страшно умирать в неизвестности, быть без вести пропавшим.

– Нет, – скорее машет головой, чем отвечает вслух, Махмуд.

Судя по чавкающим в грязи шагам, идут человек пять. Еще

вчера шагов ждали, потому что вместе с ними могли появиться известия. Теперь, когда новости есть, для нас спасением могла оставаться лишь тишина.

Подошли, завозились с решеткой. Сдержанно переводим дыхание. И хотя ее начинают прибивать гвоздями к новым стоякам, и сеть из растяжек плетут более тщательно и плотно, понимаем: сегодня выдергиваний не предвидится. Яма становится дороже и безопаснее поверхности.

Из рассказа
генерал-майора налоговой полиции В. Колывагина, старшего оперативной группы:

Мы вылетели в Грозный через месяц после пленения. Могли, конечно, и раньше, но родственники ваших товарищей по несчастью из Кабардино-Балкарии умоляли: не предпринимайте ничего, мы здесь сами все уладим и договоримся.

Понадеялись. А время уходило. Сергей Николаевич Алмазов, находившийся в командировке, приказал: брать инициативу в свои руки. На следующий день опергруппа из четырех человек находилась в Чечне.

Армейские контрразведчики, правда, сразу по-дружески пожурили: как только боевики узнают – а они узнают непременно, что освобождением пленника занимается генерал, – мгновенно ужесточат условия. Но менять что-либо было уже поздно.

Конечно, среди нескольких вариантов освобождения прорабатывался и силовой вариант – это нормально и естественно для спецслужбы. Правда, о высадке десанта в горы не могло быть и речи, мы прекрасно понимали, что, пока будем пробиваться к месту заточения, вас десятки раз успеют убить. А вот по агентурным данным мы получили сведения о всех перемещениях. Непримиримого. На него и поглядывали, ведь в случае задержания главаря мы могли диктовать свои условия. Непримиримый взял вас, мы – его. И обмен. Все по честному. Красиво для книги?

К сожалению, в жизни все сложнее и грубее. Лишь приступили к проработке этого, запасного варианта, к нам на стол легло ваше фото с автоматами у головы. И приписка: можете искать тело своего полковника в районе Ханкалы. Если не откажетесь от силового воздействия.

Ясное дело, к подобному сценарию больше не возвращались и как можно шире об этом поведали всем вокруг. А сами сосредоточились на основном варианте – обмен. Задержанный на задержанного. К сожалению, практика войны, и от нее пока

никуда не деться. Начали восстанавливать отношения с посредниками, пошатнувшиеся во время столь бурного взрыва эмоций.

Про свое пребывание в могиле стараюсь не вспоминать, хотя звуки наверху ловлю чутче обычного. Высчитываю самое опасное для себя время – перед рассветом. Днем, а тем паче ночью наши на штурм не пойдут. А вот утром, при первом намазе, когда чеченцы расстелят коврики и упадут лбами вниз… По крайней мере, лично я выбрал бы именно эти минуты.

– Неужели ваши не сообразят, что подписывают тебе приговор? – время от времени удивляется Махмуд. – Мужики хоть нормальные у вас в полиции работают?

Пытаюсь пошутить:

– Достаточно посмотреть на меня.

– Э-э, если так мерить, то дело твое швах, – идет по лезвию черного юмора водитель. Смотрит назидательно и на Бориса: – Мой начальник, будь умным, тоже сидел бы сейчас не здесь, а на Канарах, – совсем по-чеченски раскладывает он наши характеры. – Молись, Николай, на своих. Молюсь.

Хотя потом, после плена, пришлось узнать и о не совсем приятных моментах своего освобождения. Поначалу вроде все бросились, как говорится, в атаку, но работа по розыску оказалась долгой и нудной. Доходило и до того, что с Расходчикова и Нисифорова пытались требовать письменных объяснений:

– Пусть напишут, чем они занимались столько времени в Чечне и почему до сих пор не вытащили Иванова!

И это в тот момент, когда Люда и Рая – жены ребят, боялись отойти от телефонов, чтобы не пропустить звонок. Когда они в безысходности и тревоге обнимали во время прогулок с детьми деревья и молились о благополучном исходе.

Самым большим упреком и для меня оказались слова одного из начальников, после которых я посчитал своим правом написать рапорт с просьбой перевести меня из пресс-службы в другое подразделение:

– Ну что, погулял по Кавказу? И жена тут твоя со слезами бегала по руководству…

Да, говорилось некоторыми направо и налево, будто я сам поехал на Кавказ и меня туда никто не посылал (словно я служил не в правоохранительной системе, а в шарашкиной конторе, где полковники по своей прихоти могут мотаться куда угодно без уведомления руководства). Понять их можно: на всякий случай создавали дистанцию, отгораживались, если что…

Благо, таких проявилось буквально единицы. Но, будь их хотя

бы более, чем пальцев на одной руке, итог для меня мог бы статься совсем иным.

Правды и искренности хочу в своей пленной истории, поэтому пишу и эти, самые трудные для меня строки: как и во всяком коллективе, не все так гладко и идеально шло и среди тех, кто волей случая вынужден был заниматься (или не заниматься) моей судьбой. Впрочем, было бы странным, окажись все как один расходчиковыми и нисифоровыми. Зато по завершении операции и прибытии в Москву генерал-лейтенант Ю. Чичелов скажет им:

– Теперь к вашему бревнышку столько народу прилепится, что сами удивитесь. Ленин на субботнике позавидует.

Но как бы то ни было, ордена Мужества получат лишь те, кто вышел на острие события и там оставался до самого конца, – полковники Евгений Расходчиков и Геннадий Нисифоров. Здесь возобладала полная справедливость. Бог всем судья. И мне – в первую очередь. Ибо самый дорогой и совестливый для меня документ на сегодняшний день – это список управлений налоговой полиции и суммы денег, которые сослуживцы собрали на мое освобождение, мой выкуп. Расчерченный от руки стандартный листок бумаги перекрывает любые экивоки тех, кто сам из Москвы никогда не выедет, а любой бой станет наблюдать со стороны и твердить об гнусности этого мира.

Только когда это еще все будет... Я пока лежу в лесной яме и прислушиваюсь к шагам охранников: убьют или пронесет?

Вроде пока проносит. А про холодок от автоматов у затылка лучше побыстрее забыть. Ну, было. В плену много чего бывает, и что теперь, биться головой о земляные стены своих тюрем? Переживем, не красны девицы.

Как ни странно, получается. Не забыть, конечно, а притупить остроту воспоминаний. Убеждаюсь вновь и вновь: о возможной смерти постоянно думать ни в коем случае нельзя. Принимая ее реальность, все равно надо верить и надеяться на счастливый конец. Это хотя и менее правдоподобно, процентов пять-семь от общего числа, зато намного приятнее. Единственное, надо все же переговорить с ребятами на тот случай, если вот так неожиданно уведут и не вернусь. Дай Бог им остаться в живых и чтобы они хотя бы на словах передали родным и близким. Только что? Что прошу прощения, что люблю, что остался офицером и в ногах не ползал. Очень хотел жить, строил множество планов... Ох, плохо мне, братцы. Муторно...

Прерываю самого себя: за мыслями, оказывается, тоже необходимы контроль и цензура. Забудем о том, что будет. Живем нынешним днем.

Ребята тоже с замиранием ждут развития событий. Если

боевики пойдут на мое убийство, то зачем им лишние свидетели? Хотя, конечно, плевать они хотели на мораль и законы...

Дня два выжидали мы, какая последует реакция и на отправку моего снимка. Ожидание тяжко само по себе, а здесь к тому же лишились атрибутов времени – авторучки и часов. А бывало, что я пускал ими солнечных зайчиков по стенам.

Зато именно в эти дни, на краю жизни и смерти, выработали кодекс чести пленника: все живое, ползущее из нашей ямы наверх, на волю, не трогать. Даже помогали карабкаться по лестнице жукам, червям. А сколько слов нежности получила божья коровка, неизвестно каким образом оказавшаяся в нашем подземелье. Сначала подержали ее на ладонях, потом подняли на решетку – лети, дорогая, тебе здесь делать нечего. Никому здесь делать нечего. Но...

– О, весточка будет, – увидел спускающуюся с небес пушинку Борис.

Подставили ей руки: лишь бы не ушиблась. Потом долго не знали, что с ней делать. Вдруг в самом деле благая весть, а мы ее втопчем в землю.

Затем и паутинки ловили, и сороку слушали, а новостей все не приходило и не приходило. Убедили себя, что о них мы узнаем не по приметам, а со слов Боксера или Хозяина. Они нам и сороки, и пауки, и пушинки.

А однажды утром нас разбудило мышиное шуршание. Но мы с Махмудом ошиблись. Борис, приноровившийся засыпать часов в шесть вечера и просыпавшийся в пять утра, разложил вокруг себя пустые пачки «LM» и выщипывал из них квадратики. Ньютоном, озаренным идеей, посмотрел на нас:

– Карты сделаем. Только вот ручки нет.

До Ньютона, конечно, далековато, но ведь и не яблоня над нами растет – с дуба падают лишь желуди.

Но карты, о, карты! Сколько дней и ночей они нам скрасили. Четыре колоды стесали полностью. Из остатков пачек, точнее, их боковушек, сделали затем и домино. Колоды долго прятали, не зная, как отнесется к подобному охрана: вроде по шариату азартные игры запрещены. Но однажды, после шмона, боевики нашли их, долго рассматривали. И не то что ничего не сказали, а научили из тех же пачек делать еще и самолетики. Красивейшие МИГи.

– Только смотрите не улетите на них, а то придется доставать «Стрелу» и сбивать, – предупредил Хозяин.

Жизнь налаживалась по новой – в напряжении, ожидании, но без выдергиваний на допросы. Наконец появился и довольный Боксер. И скорее всего тем эффектом, который произвел на мое

начальство своей фотографией.

– Все нормально, полковник. Пожелания есть?

– Попросить можно?

– Просить можно все что угодно, за это не бьем. А вот дадим или нет, нам решать. Так чего хочешь?

– Авторучку.

Кажется, я что-то перепутал и попросил гранату– столь неподдельно удивился Боксер. А нам надо рисовать карты. Игральные. Чтобы резаться в дурака, козла и преферанс. Борис сказал, что знает один пасьянс – «Марии Стюарт». Якобы перед казнью та загадала: если пасьянс сложится, то казнь состоится. Сама же надеялась на обратное: сотни раз перед этим раскидывала колоду и никогда не могла сложить ее обратно. На тот раз сошлось. Марию увели на эшафот, а на столике остался разложенный пасьянс.

Не авторучку, но стержень принесли. Борис и сделал первые карты – не только нарисовал цифры, а даже, из-за скудности света, подписал: «восемь», «шесть», «туз». Махмуд, светлая душа, сразу признался:

– Мужики, говорю честно: честно играть не умею. Вроде пошутил парень, но когда повесил Борису четыре шестерки, да еще при том, что в это же время у того на руках оставалось еще две шестерки, тут мы оценили сказанное.

Вторую и последующие колоды рисовали с учетом первых ошибок – крупнее, а ритуал их создания превращали в праздничный день: отбирали наиболее потрепанные квадратики, выстраивали их в очередь на замену и иконописно выводили цифры и масть. Конечно, наносился удар и по моим интересам, так как в работу уходила бумага, присмотренная мной для журналистских наблюдений. Но ради карт – дело святое. Они вне конкуренции. Фирма «LM» в этом плане стала для нас авторитетом высшей пробы. Не знаем почему, но чеченским боевикам полюбилась именно она, других сигарет они не признавали. А в иные минуты охрана сама подходила к нашему логову и спрашивала:

– У вас сигарет не осталось? Когда подвезут, вернем. Делились. И надо сказать, вопрос с куревом во время всего плена соблюдался незыблемо: есть не давали, а сигарету бросят. Хоть в конце и «Приму», но тем не менее.

– А ты еще не начал курить, полковник?

– Нет.

Самому себе сказал после того, как закурил Махмуд: если начну, то значит – сломался.

– Закуришь. У нас все закуривали. Посмотрим.

Из «LM» сделали и первые календарики. Расчертили клеточки, я в свои дни вписывал, Махмуд вычеркивал. Квадратиков хватило до августа, и восприняли это как знак судьбы: может, к осени наша судьба прояснится?

А насчет дождика дошли не мои молитвы до Бога, а Махмуда и Бориса до Аллаха. Дождик вначале несмело дотронулся до кроны нашего дуба. Ничего, отповеди не последовало. Дальше – больше. И не гром пока еще послышался вдали, а громыхание школьных принадлежностей в ранце разгильдяя-второгодника. И не дождь начался, а пролился легкий смех одноклассницы-красавицы, которой парень несмело признался в любви: все зыбко, играючи...

Но вдруг шаром, клубком, учителем-военруком, громко возвещая о себе, промчался оторвавшийся от дальнего вихря посланный в разведку кусок ветра. Разогнал всех по углам, заставил притаиться, замереть. И, уже на расчищенную, подготовленную площадку хлынул настоящий ливень.

– Наконец-то! – Махмуд даже лег головой к люку, чтобы ловить лицом капли.

– Только бы не сильный и не надолго, – продолжаю бояться я.

Все же и меня небеса еще окончательно не отринули, послушались: гроза побоялась остаться на ночь в горах. Как ни гремела, а ближе к сумеркам незаметно собралась, начала спускаться в долину. Чтобы не заподозрили в трусости, еще некоторое время оглядывалась и напоминала о себе.

Но было очевидно, что не вернется. Конечно, лучше приютиться на ночь в каком-нибудь селе и там, под боком у людей, переждать темень и собственную стылость. Все не так тоскливо.

Однако утром, отлежав бока на чердаках, гроза подкрепились деревенскими сворованными харчами и вернулась на старое место. Назидательно потрепала шевелюры деревьям – ругали, небось, меня? А зря, зря...

Капли быстро пробили крону над нами и принялись хлестать в яму. Пришлось закрываться вход как от комаров майкой, прекрасно осознавая, что такой защиты хватит на пять минут.

Меньше. Вода вначале закапала, а затем побежала вниз тонким ручейком. Торопливо допиваем чай и подставляем под струю бутылку.

– Зато комаров нет, – виновато оправдывается Махмуд, перестаравшийся с просьбами к небу.

Поздно. Гром гремит беспрерывно – здесь, в горах, он порой без умолку рокочет по пять – семь минут. Уже и банки все заполнили водой, и перелили ее в канистру – она стоит полная, и

теперь молча смотрим, как расползается под люком мокрое пятно. Подворачиваем матрацы, забиваясь все дальше в угол. Перепроверяем коробку спичек – не намочить бы. Хотя что они дадут? Подсветку на мгновение, чтобы убедиться, что с предыдущего раза воды в яме стало еще больше?

Не играется, не поется, не разговаривается, не думается. Тупо глядим на дождь.

– Заливает, – говорю охраннику, мокро прибредшему с ужином.

– Ну, дождь сильный.

– Укрыть чем-нибудь люк можно?

– Посмотрю, но, кажется, ничего нет.

Нашел кусок клеенки, положил сверху. Звук дождя стал четче, даже можно определять, когда он сильнее или слабее. Но что толку, если кусок меньше отверстия. Просто вода стекает еще более целенаправленно. Как бы я сейчас поязвил над любителями дождя, если бы это что-нибудь дало. На полу появляется первая лужа.

– Кажется, протекаем, – обнаружил новое несчастье Махмуд.

Зажгли спичку, осветили накат. Бревна не справились со своей задачей: впитав первую влагу и больше не имея сил удерживать воду, уронили капли вниз.

Собираем, подтыкаем под себя вещи. Под воду выставляем спины. Главнее не намочить подушки и матрасы, потом ведь не высушим.

Если надо будет сушить.

Впереди – беспросветная ночь...

12

В плену я полюбил ночи за то, что они не приносят известий. День, когда ловишь каждый шорох и звук, тянется дольше и тоскливее.

А ночью почтальоны не работают и связные не приезжают. Потому интуитивно начал менять свой сон: легче оказалось сидеть в раздумьях до четырех утра, а потом спать.

Нынешнюю ночь любимой не назовешь.

– Заливает, – время от времени сообщаем друг другу случившееся.

Протекала уже вся крыша. Один матрац расползся от воды сразу, второй держался на честном слове. И его на руках, как тяжелобольного, у которого внутри переломаны все кости, переносили из угла в угол, где капало меньше всего. Спички все-

таки намокли, и ползали в сплошной темноте и грязи, на ощупь. Но как нельзя в двух метрах укрыться от снарядов, точно так же или еще даже бесполезнее искать сухое местечко. Воды под ногами становилось все больше и больше. Вместе с ней и мы коченели все больше и больше.

Утром нас нашли сидящими на матраце, с накинутыми на головы одеялами. Дно ямы блестело от воды. А сверху все поливало и поливало.

– Живы?

– Пока да. Но завтра – вряд ли.

– Что, Антон Павлович, болеть вздумал? Врачей нету.

– Мы не думаем болеть. Но – заболеем.

– Что, совсем плохо?

– А вы гляньте. – Наглею, конечно, но выхода нет, завтра нас и в самом деле вынесут вперед ногами.

Вверху стали возиться с решеткой, отодвинули ее.

– Отойдите в угол.

Куда отходить! Мы приперты в угол самой жизнью.

К нам опускаются сапоги с ломтями налипшей грязи. Незнакомый боевик оглядывает расползшийся, плавающий в воде матрац, потолок. Вода капает ему на фонарь, и это, наверное, убеждает больше, чем наш вид.

– Промокло. А не должно бы.

Этого мы уже не знаем. Знаю другое: охрану нужно додавливать, слова про будущие болезни – это реальность, а не угроза.

– Переведите куда-нибудь, где не протекает.

– Посмотрим, – ничего не обещает конвоир и исчезает на целый день.

– Землянки у всех одинаковые, они сами, небось, сидят в подобных условиях. – Борис, как всегда, стесняется любых просьб: как же, заставляем людей суетиться, отрываем от дел праведных.

– Тогда давай сидеть дальше, – рекомендую ему, но тоном категоричного недружелюбного возражения.

Чувствую, что не сдержался, но бездействие давит на психику еще больше. Неужели безропотно сидеть и гнить?

Встаю, собираю ватные внутренности, вывалившиеся из лопнувшего живота матраца. Осматриваю накат над собой, щупаю бревна, где мокрее. Начинаю запихивать в щели вату.

– Бесполезно, – усмехается Борис. Натура достаточно тонкая, он почувствовал мой категоричный тон и возвращает шар той же расцветки.

Не спорю. Спор нам не нужен. Нужно чем-то заняться. Ложкой конопачу щели. Надо мной капать перестало. Знаю, что

временно, что вата – не тампоны «Тампакс», но их у нас нет и вряд ли подбросят. У нас есть миллиметровая возможность выжить – ее и надо наполнять борьбой.

Махмуд, может быть, впервые не поддержал своего начальника, принялся помогать, отщипывать кусочки ваты. Крутимся на полусогнутых в воде и грязи.

«Тампакс» не «Тампакс», а около часа сидели без грязевых потоков. Движений мало, замерзаем. Приближающаяся ночь, гроза, уже подмокшие закладки, через которые с еще большей силой вскоре прольется вода – все наводит грусть.

Сочувствия дождались от Хозяина. Он появился в новом бушлате, присел:

– Залило?

– Полностью. Может, какие доски есть, уложить хотя бы на воду.

– Да у нас здесь, Николай, особо не разгонишься тоже. Но что-нибудь придумаем.

– Я же говорил, они сами в таких же условиях, – успокоился Борис, дождавшись подтверждения своим словам.

Хорошо, что промолчал про наши старания по заделке щелей. Значит, надо настраиваться коротать ночь на корточках. Если бы можно было хотя бы встать во весь рост, размять полностью затекшие колени…

– Часа через три переведем в новое место, – появился с самой приятной за последние дни новостью Хозяин. – Потерпите.

Не верим. Но наглею вконец – победителям можно:

– А чайку горячего нет? Доходим…

– А чего не просили? Чай есть. Сейчас принесу.

И когда дрожащими руками обнимали пиалы с остывающим на глазах чаем, Борис чуть извинился:

– Он тебя уважает, Николай. Заметил: обращается только к тебе и по имени. Наверное, ты интуитивно был прав, когда каждую ночь просился в туалет и старался разговаривать. Они к тебе привыкли.

Да, надо или нет, но я просился наверх каждую ночь. Больше для того, чтобы размять ноги, подышать пару минут свежим воздухом и, если удастся, хоть что-нибудь прояснить в наших судьбах. Кто-то незнакомый из охраны однажды поязвил:

– Что, полковник, коммерсанты запрягли, заставляют парашу выносить?

Меня не заставишь. Я сам карабкаюсь к свету. И не имеет значения, что на данный момент этот путь надо идти с общей «девочкой». Может статься, все усилия и уловки напрасны. А вдруг нет?

О том, что вылез вот так без особой нужды из ямы, пожалел единственный раз, когда охрана оказалась совсем незнакомой. «Свои» брали за рукав и вели в сторону, здесь же стали командовать:

– Правее, три шага вперед. Левее, теперь шире шаг. Со всего размаха врезаюсь в ствол дерева. Хохот.

– Правее. Кругом. Быстрее. Я сказал, быстрее, – клацание затвора и удар прикладом в спину.

Лечу вперед, бьюсь лицом в ствол дерева. Останавливаюсь. Больше не тронусь с места.

– Два шага влево. Влево, я сказал!

Мгновение сдерживаю себя, успокаиваюсь. И – подчиняюсь: никому ничего не докажу. Царапины на лице заживут, а радоваться можно тому, что побольше пробуду на свежем воздухе и получше разомнусь. Охрана бесправна, а новички тем более ничего не смогут со мной поделать.

Но иду теперь медленно, несмотря на то, что беспрерывно торопят. Поняв, что большего не добьются, боевики хватают за рукав и бросают грудью на какой-то колючий куст. Еще более неприятно, кстати, чем на ствол дерева.

Когда возвращаюсь «домой», Борис и Махмуд, слышавшие издевательства, от прогулки отказываются:

– Нам сегодня не нужно.

– Тогда сидите...

Сидим. Дождь высидели. Три часа наверняка прошли, на нас ни одной сухой нитки. Как жить здесь дальше – не представляю.

...Ночью, когда подумали, что нас забыли, в очередной раз появился Хозяин с группой боевиков:

– Собирайте все, что осталось, и по одному наверх. Остались одни подушки. Впервые иду в новый каземат последним. Оглядываю полузатопленную, осиротевшую без нас яму. Не знаю, на сколько покидаем ее – может, только пересидеть дожди, а может, и навсегда. Тайно в душе надеялись, что именно из нее выйдем на свободу, но, видать, не суждено. А может, дождь помешал, пошел раньше времени.

В любом случае прощай, лесная комариная прорубь. Ты дала свет и тем останешься памятна. А плохое пусть забудется, выживать надо на положительном. Какая ты оказалась по счету? Пятая. Сколько ждет впереди? Куда поведут на сей раз?

В «волчок». Нас возвращали в него! Это стало окончательно ясно, когда впереди обругали:

– Что ты шаришь руками? Это ступени, ногами щупай.

– Я думал, лаз, – оправдательный голос Бориса.

– Плохо думаешь, а еще банкир. Да не пригибайся ты, иди в

полный рост.

Земляные ступени – спуск в траншею. Опять ступени.

Знакомый, пугающий запах плесени и подземелья. Плечо задевает решетчатую дверь. Та скрипит: мол, зачем идешь? Зайдешь – захлопну.

– Пришли. Можно разувать глаза.

Хоромы. Подземный дворец, обшитый солдатскими одеялами. Дубовые столбы-колонны вдоль стен. В два человеческих роста высота. Двухъярусные нары. На них стоит неизменная керосиновая лампа. Язычок пламени даже издали кажется теплым. Сначала он традиционно коптил, но Хозяин убавил фитиль, и пламя проснулось в серединке, задышало, легко волнуясь, словно тронутая желтым загаром девичья грудь. Иногда ее стрелой Амура пронзала мошкара, заставляя на миг тревожиться. Но уже в следующее мгновение мягкий желтый свет восстанавливал безмятежное женское дыхание и достоинство. А черные горы обгоревших воздыхателей мы потом по утрам счищали с лампы щепочками.

А может, и не женские груди вовсе напоминало пламя, а, допустим, две горные вершины Эльбруса. Или пик Коммунизма и пик Победы. Кому что нравится, тот пусть то и штурмует. Нам, просидевшим в погребах и землянках более двух месяцев, хотелось увидеть именно первое, более житейское. Живут же где-то люди…

Остаться бы здесь. И черт с ним, пусть даже ради этого нас освободят на неделю позже. Жертвуем.

– Располагайтесь.

А «волчок»? Его не будет? Тогда зачем размахивали неделями?

– Лучшую землянку вам отдаем, – гордо сообщил Хозяин. Впервые видим его в полный рост. Высокий, немного угловатый. Неизменная маска. Увидим ли когда-нибудь его лицо? Если по-честному, оно вовек не нужно, но, наверное, человеку всегда будет свойственно заглядывать в запретное. Хотя, когда запретным становятся лица, имена – это уже не война. Это ее болезни. Краснуха, инсульт, геморрой – война за тысячи лет выработала для себя определенные температуру, давление, цвет лица, приучила к их неизбежной данности людей: раз я существую, то привыкайте ко мне такой.

И люди привыкают. К первому, второму, третьему. Привыкнем, никуда не денемся, и к захвату заложников, торговле людьми. Война манишек не носит…

– Николай, смотри сюда, – Хозяин светит фонариком под нары. – Ты человек военный, должен понимать, чем это может

грозить.

По ровным рядам противотанковых и противопехотных мин шугнулись от света стайки мышей. Не подорвались, вырвались с минного поля. А под зелеными бочками этих кругляшей спала такая же длинная, как луч фонарика, «Стрела-М» – грознейшее оружие против самолетов. В углу сиротливо стоял мешок с противогазами, свесив на серый лоб перехваченный проволокой чуб.

– Все ясно: не трогать, – успокаиваю Хозяина.

– Мы не стали это выносить, да и некуда. Но если что, сам понимаешь: полетят одни подметки.

– По-моему, и подметок не будет.

– Ты прав, подметок тоже не будет.

13

Какое счастье – лежать, разбросав руки. Места – море. А не хочешь лежать – можно и не сидеть, сгорбившись, а – ходить! Во дворце целых четыре шага в длину и два в ширину. Расстояние от Москвы до Пекина!

Мгновенно пополняется и песенный репертуар:

Старость меня дома не застанет,
Я в дороге, я в пути...

– В плену ты, Коля, – обрывает и мелодию, и мой бег до Пекина Махмуд.

Знаю. Сегодня – два месяца. Очередная дата. Грустно, можно выть, но можно и радоваться – мы же не в «волчке»!

Скоро осень. За окнами август,
От дождя потемнели кусты...

Окон нет, смотрим сквозь дверь-решетку на изгиб траншеи, нависшие над ней кусты. Света меньше, чем в предыдущей норе, но все равно значительно больше, чем в деревенском погребе. Все познается в сравнении. Что-то дает и лампа. Нет, жить можно. Жить нужно.

Я вернусь к тебе, Россия.
Знаю, помнишь ты о сыне.
Брови русы, очи сини:

Я вернусь к тебе, я вернусь к тебе,
Я вернусь к тебе, Россия!

Устроились быстро: когда есть где крутиться, это ли проблема? Пока не знаем, чем «порадует» очередное убежище, но явных угроз не просматривается. Хотя убеждены, что такого не может быть по жизни, во дворцах всегда существуют потайные двери и привидения. А уж вседозволенность шутов и безукоризненная исполнительность палачей – лебединая песнь любого замка.

Пока перетряхиваем, перебираем, просеиваем сквозь пальцы мусор, сваленный в углу землянки. Успех превзошел все ожидания, находки оказались уникальными: булавка, осколок зеркала, кусок медной проволоки, бечевка, десяток гвоздей, пустая бутылка и скомканная простыня. Ее тут же пустили на салфетку под посуду, полотенце и новую повязку для Махмуда. Нашлось применение и для проволоки, сделавшейся одновременно и иглой, и ниткой: тщательно заштопали ею дыры в носках. А когда-то думали, вот сносим их – и плен закончится. Опять нестыковка по времени. Или, скорее всего, в плену действуют законы, в которых желаниям пленников параграфы не предусмотрены.

В зеркальце, наклонившись к лампе, сначала долго рассматривали самих себя, бородатых и бледных. Затем нашли ему более практическое занятие: острыми краями стачивать ногти. Не осталась без внимания и бутылка.

– Сейчас лампу сделаем, – торжественнее, чем Борис насчет карт, поведал Махмуд. – Но придется жертвовать чаем.

Вылил его в бутылку – наполнилась до половины.

– А надо полностью, под горлышко.

Где брать воду? Посмотрели на «девочку». Беру ее за шиворот, доливаю бутылку. Водитель вздыхает и начинает осторожно всовывать в горлышко безымянный палец. Затем резко вырывает его обратно. С бутылкой никаких превращений не произошло, зато новоявленный Алладин дует на посиневший от усилий палец. Может, положил бы его, как в детстве, в рот, чтобы успокоить боль, но помнит, в какой раствор окунал. Настырно подставляет мне будущую лампу – эксперимент не окончен, опустошай «девочку» дальше.

На этот раз после резкого рывка чайный «коктейль» выбивает дно – неровно, обрушивая остатки стекла вместе с собой на пол. Ерунда, закопаем, одну ложку выделили на земляные работы.

От полотенца отрываем полоску, тщательно протираем

стекло. Ставим бездонную бутылку на покатые плечи лампы.

Впрочем, нет, это Махмуд надел на острые грудки пламени стеклянный лифчик. Нам-то что, а вот воздыхатели теперь бились о стекло, не достигая желтого трепетного тельца. И – странное дело – то ли без их самоотверженного самосожжения, то ли почувствовав душную, плохо вымытую, треснувшую стеклянную одежку, поникли и грудки. Их острые пирамидки притупились, ложбинка посредине сгладилась, и через какое-то время вместо Эльбруса, пиков Коммунизма и Победы, вместо загорелой женской груди образовалась покатая, сгорбленная спина пожелтевшей от времени старухи. Или хребет таких же древних Уральских гор.

Стекло особого света не давало, приятное видение исчезло, а что вроде бы меньше копоти, так то мелочь. Все мелочь по сравнению со свободой.

А она и не думала просматриваться через решетку, закрытую на цепь, подпертую хорошим дрыном и вновь опутанную белой паутиной растяжек. Лишь ветер играл облаком-заслонкой, открывая и закрывая солнечный блик на стенке траншеи.

Единственное разнообразие, появившееся здесь – баня.

– Почему мыться не проситесь? – впервые без маски подошел один из боевиков. Зеленый берет лихо заломлен, аккуратная бородка – вышитый Че Гевара. – Прикинь, сколько без мытья.

Мы, вообще-то, и на волю не просимся. Водой, которая есть, моем через день ноги, да и то не всю ступню полностью, а лишь пальцы.

– Туда-сюда, движение. Еще вшей заведете нам. Ночью баня.

Мимо костров, хихикающих боевиков, положив друг другу на плечи руки, слепцами-поводырями идем по тропам и траншеям вниз. Слышим журчание воды.

– Снимай повязки. Давайте, мойтесь.

Вечер. Мы – на дне оврага, по которому бежит речка. По берегам – вкруговую автоматчики. На деревянном мостке, окунувшем нос в воду, кусок хозяйственного мыла.

– Можете и постираться, туда-сюда. Только давайте быстрее, делайте движение.

Вода холодная, родниковая. Просчитываю минусы: из холода, не обтертыми, возвращаться в земляную стылость. Да еще без рубах, если стирать. И с учетом того, что все лето не видели света, не говоря уже о витаминах.

– Смелей, полковник. Прикинь, мы по два-три раза в неделю моемся, не считая того, что подмываемся перед каждым намазом. К Аллаху нужно обращаться чистым, туда-сюда.

Я, что ль, против? Это же прекрасно: после баньки, даже

такой, – да к костерку, за чашку горячего чая…

Окунаюсь быстро, вытираюсь пусть и грязным бельем, но насухо. Ребята плещутся дольше. И хотя последним из реки буквально выуживаем Махмуда, первым заболевает Борис. Он вначале пожаловался на ноги, а потом его стало ломить всего. Единственное, чем могли помочь, – сняли с себя и укрыли дополнительным одеялом. И каждый раз капали на мозги охране: Борис болен, болен, болен. Те сочувственно разводили руками: за собой нужно следить самим, туда-сюда, движение. Правда, один раз принесли дополнительно еду днем, а затем передали и несколько таблеток анальгина.

Сам Борис переносил жар и ломоту стоически, стонал лишь во сне. Днем же приговаривал:

– Простуду когда лечат, она заканчивается через семь дней. А если не лечить, то сама проходит через неделю.

Но какой же тяжкой оказалась эта неделя! И я, наверняка и Махмуд невольно «примеряли» болезнь на себя: как станет крутить, в случае чего, нас? Хватит выдержки, элементарных сил перенести простуду? Какими осложнениями она потом аукнется?

Перед ужином слегка загибаю ручки ложек: выгнутую протягиваю Борису, вогнутую оставляю себе, волнообразная достается водителю.

– Это твоя чашка, – отделяю одну пиалушку для больного.

До сегодняшнего дня внимания на личные вещи особо не обращали, да в темноте не очень-то и разберешься с этим, но сегодня… Нам болеть нельзя.

– Гигиена, – зачем-то оправдываюсь.

Только бы Борис ничего не подумал лишнего. С Махмудом легче – тому приказал в юморной форме, и проблем нет. Борис намного тоньше, чувствует глубже, воспринимает острее. Неужели болезнь будет камнем преткновения и вот так незаметно станет делить нас, раздвигать по углам? Нежелательно. Да не то что нежелательно – недопустимо подобное.

– Все правильно, – неожиданно сразу поддерживает мое решение Борис и сам отодвигает свою посуду подальше от нашей. – Я посплю пока.

Не спит. То мелко трясется от озноба, то постанывает. Встаю, разминаюсь. Умоляю и заклинаю: «Не болеть, не болеть, не болеть»…

Труднее оказалась болезнь Махмуда, свалившая его сразу после второй подобной бани. И хотя нас вывели купаться днем, вода от этого теплее не стала. Борис после болезни уже осторожничал с водой, я учился на чужих ошибках, и мы с ним обмылись с берега. Водитель же запрыгнул в реку, да еще

вдобавок вздумал стираться. Долго вертел, оглядывая со всех сторон, свои плавки, потом понюхал их, скорчил гримасу и забросил как можно дальше на противоположный берег. А вечером не встал на ужин.

– Эй, перестань. Давай кушай, – требовал от него невозможного Борис.

Не приведи Господь никому болеть вдали от дома. А в неволе – тем паче. С болезнью борешься только сам, вся надежда только на организм. Выдержит? Справится?

А простуда, словно потренировавшись на Борисе и недовольная отрицательным для себя результатом, решила добавить дозу. Более всего Махмуд жаловался на грудь, и, взяв на себя роль медбрата, я объявил Хозяину:

– У него начинается воспаление легких.

Был так категоричен, потому что знал: легкие находятся именно там.

– Мы можем его потерять.

Хозяин вошел в землянку, пощупал горячий лоб больного. Затем взял кусок бечевки, замерил расстояние по голове от уха до уха. Этот же полукруг пропустил под подбородок. Длина оказалась разной, и, сжав голову водителя, охранник принялся сдавливать, уминать «лишнее» около ушей. Мы со страхом смотрели на его ручищи.

– Меня так дед лечил, – авторитетно успокоил боевик. Ну, если дед и до сих пор жив... Правда, Махмуд больше на голову при нем не жаловался.

– Прикинь: есть два шприца и пенициллина на три укола, – забеспокоился и сообщил о своей заначке Че Гевара. – Будете колоться? Туда-сюда, движение создадите.

– Да, – сразу ответил я за Махмуда.

– А ты умеешь? – подозрительно глянул тот на меня.

– Нет. Но все равно будем.

– Я не хочу становиться подопытным, – натянул одеяло водитель.

– Несите, – попросил я охранника. – И, если есть, одеколон или спирт. И кусочек ваты.

Мои познания в медицине по сравнению с остальными, как я понял, позволяли ходить мне если уж не профессором, то кандидатом наук – как минимум. А ведь и навыки в самом деле имелись, служба в ВДВ заставила относиться к медицине серьезно. Особенно в начале восьмидесятых, когда служил в десантной дивизии в Каунасе и нас «посадили на парашюты», то есть подняли по тревоге в связи с событиями в Польше. Разведрота получила польскую форму, все остальные –

боеприпасы, определялись пять аэродромов, на которые планировалось приземление дивизии.

Афганистан в это время шел полным ходом, и больше всего тревогу били медики: наши солдаты умирают там не потому, что получают тяжелые ранения, а оттого, что боятся вида крови и не умеют перевязывать друг друга.

Тревога дошла до командования десантных войск, и нас, будущих «поляков», повели в первую очередь не на стрельбы и вождение, а на медицинскую подготовку. Что солдаты в Афгане – у нас, офицеров, она вызвала шок, когда начмед, подполковник Александр Иванович Сердцев, распотрошил индивидуальный пакет и попросил объяснить назначение каждой его части. Особенно булавки, почему-то оказавшейся ржавой.

Не сумели, не угадали. Не то что логики не хватало, а элементарного воображения. А Сердцеву бальзам на его эскулапскую душу. Поднял булавку, как знамя с засохшими пятнами крови на баррикадах:

– Когда осколок или пуля попадают в живот, человека можно положить только на спину. Согласны? От болевого шока мышцы расслабляются, и мы умираем не от самого ранения, а от удушья – язык западает в горло и... – Сердцев посмотрел на притихший зал. – Значит, для чего нужна булавка?

Мы, имевшие сотни парашютных прыжков со всех типов самолетов, днем и ночью, на лес и воду, прошедшие десятки учений, передернулись от страха.

– Правильно, – не пощадил нас начмед и вслух произнес то, о чем и подумать-то боялись. – Цепляете булавкой язык к воротнику гимнастерки и после этого можете оставлять раненого одного.

Но и это оказалось еще не все. У каждой профессии есть тонкости, и подполковник с удовольствием поделился ими:

– Только не прокалывайте язык вдоль, по бороздке, хотя это и самое безболезненное место. Если дороги плохие и машину с раненым будет трясти, язык может разорваться на две половинки. Как у удава. Прокалывайте поперек.

Все откровенно передернулись и, наверное, пожелали себе чего угодно, но только не ранения в живот.

Благо, ума хватило не вводить войска в Польшу. Скорее всего, ее спас Афганистан: и доказывать никому не требовалось, что две горячих точки страна не потянет. Так что поляки остались со своей «Солидарностью» и Лехом Валенсой, а вместо наших офицеров по Варшаве разгуливают натовские (это к вопросу о независимости), мы не тронулись из Каунаса (правда, потом все офицеры прошли через Афганистан), а медицину вот вспомнил в

чеченском подземелье. Тут же даю себе зарок. Если первую, афганскую войну прошел нормально, на второй, здесь, попал в плен, то на третьей меня убьют. Значит, на третью я просто не поеду. Если выберусь, конечно, отсюда…

– Не дамся, – запротестовал Махмуд, когда принесли шприц и одеколон. – Ты хоть раз в жизни делал уколы?

– Сыну. Лет пятнадцать назад. Ложись.

– Я стоя.

– А стоя я не могу.

– А у меня плавок нет, – выдал последний аргумент – так сдают противнику последний редут перед поражением, гордо и с сожалением, – Махмуд.

Да разве можно остановить наступающих, когда неприятель хил и болен!

Но, наверно, и в самом деле уколол неумело, потому что водитель застонал:

– Больно же!

– Ему надо потеть и больше пить! – безапелляционно говорю Хозяину и Че Геваре: уж если медик – то медик, а их слушаются все.

Принесли теплое одеяло, сменную футболку и чай. Укутали больного с головой – грей себя сам и выкарабкивайся. Очередные уколы любви и уважения его ко мне не прибавили, но вроде начал принимать их как неизбежность. А в конце уже не охал и ахал, а задумался о будущем: шприцем набрал из пузырька одеколон и перелил его в освободившийся флакончик пенициллина. Так что наше хозяйство пополнилось двумя иглами, пузырьком и одеколоном. А насчет сроков болезни прав оказался Борис: когда лечишься – проходит за семь дней, пускаешь на самотек – выкинь неделю. Правда, Махмуда мы продержали на «больничном» чуть дольше, выпрашивая под его болезнь дополнительный чай.

А вот мне не только с горячим чаем, но и с горячей пищей пришлось расстаться до конца плена. Зубная боль словно пульсировала у нас по кругу, ей как бы некуда было деться из ямы, и поэтому переходила от одного к другому. Борис переболел ими быстро, так что следом подошла моя очередь. Язык тут же отыскал дырку в зубе мудрости, и с этого момента, как ни мерз и ни голодал, берег его пуще глаза. Даже и теплую воду пил, как голубь, наклонив голову набок.

А время застывало. Мы раскачивали его кисельные берега, расталкивали взглядами цифры на календарике, дробили сном. Неожиданно вдруг заметили, что к нам стали лучше относиться. Конечно же, все связали с новой надеждой на освобождение, но проза жизни всегда подрубала крылья поэтическим мечтам. Как

узнали уже потом, в соседнем отряде захватили в заложники коммерсанта, и он то ли попросил, то ли пригрозил:

– Только не бейте, за меня могут заплатить хороший выкуп.

Улыбнулись:

– И бить будем, и выкуп возьмем.

Случайного удара сапогом в висок хватило, чтобы коммерсант лишился жизни, а боевики – выкупа.

Вот так невольно, на чужом несчастье, и выживали – от нас тут же убрали всех «бешеных», которые били Бориса только за то, что он «Ельцин», а уж меня– и просто так. Потому что скучно. И что полковник, русак.

К сожалению, все это не убавляло времени, не заставляло его вертеться быстрее. Часы и минуты мы объявили главным своим врагом. Вернее, сначала я объявил водителю, что отныне он старший в группе, то есть Махмуд-апа. Тот в ответном слове превознес меня в «Блиндаж-баши», но как пели по вечерам у костра под расстроенную гитару боевики, так и продолжали тянуть вместе с бесконечной песней – проклятием России – и наш пленный мотив.

И так же нескончаемо шли дожди, беспрерывно работал «Град». Иногда ради интереса ждали: кто быстрее устанет – природа или творение рук человеческих – ракетная установка с внушительным погодным названием?

Первой уставала, сдавалась природа. И тогда солнце, уже слабеющее под осень, с усилием раздвигало в тучах щель и любопытно оглядывало землю: что новенького произошло без меня в чеченской войне?

О новом узнали почти сразу.

– Грозный взяли.

– Когда?

– Неделю назад.

– Так «Град» бьет по городу?

– По нему. Но Басаев сказал, что теперь никогда не уйдет из него.

Лично мне стало грустно и совестно. Не принимал эту войну с самого начала, в плену научился ее ненавидеть, а все равно кольнуло: сдать город! Армия, Россия не смогли удержать перед боевиками один город! Или опять идут политические игрища и Грозный не думали удерживать?

Бедные солдаты. Несчастные жители. Клубок подлости и глупости, отчаяния и безнадежности, горя и самоотверженности…

Вспомнилось здание с раненым колобком. После недельной бомбежки вряд ли осталась в живых даже лиса, будь она хоть трижды хитрой. А что с жителями? И в конце концов, а точнее,

перво-наперво: кто станет заниматься нами, если из Грозного ушли войска и власть?

– Что, полковник, грустишь? Жалеешь, что Грозный потерян?

Соврал:

– Да нет, о своем.

– Мы тоже думаем о своем: все блокпосты ваши окружены, вот решаем, что с ними делать. Или голодом морить, или расстрелять, или выпустить...

Из рассказа
полковника налоговой полиции Е. Расходчикова:

Когда город отошел к боевикам, а слухи о взятии Грозного ходили за неделю до штурма, у нас оборвались все связи и наработки по вашему освобождению. Ведь действовали-то в контакте с местной ФСБ, их посредниками. Ничего не оставалось делать, как возвращаться назад, в Москву. И начинать все сначала.

Только и Москва не могла ответить на сотни вопросов, и главные из них – где вы, у кого и, вообще – живы ли? И азарт уже пошел, заработало чисто профессиональное самолюбие: неужели не вытащим?

Где-то через неделю прошусь на прием к Алмазову: «Сергей Николаевич, надо лететь обратно в Чечню. Из Москвы мы его не вытащим. Разрешите?» Вижу, что волнуется, любой исход, а печальный в первую очередь, ляжет ведь на его плечи. «Кого хотите взять с собой?» – «Геннадия Нисифорова». – «Он в командировке в Тамбове». – «Завтра утром будет здесь, вечером вылетим». Не позавидуешь начальникам, когда им приходится отдавать приказы, связанные с риском для подчиненных. «Давайте, действуйте. Разрешаю принимать любое решение, исходя из ситуации. Только осторожнее. Если еще пропадете и вы...»

Так снова оказались с Геннадием в Чечне. Мы ее прошли с самого начала боевых действий, знали друг друга настолько, что на рисковые мероприятия, «стрелки» – встречи с бандитами – ходили по одному: если что-то случится, допустим, со мной, Гена будет знать, каким образом и где меня вытаскивать. Точно так же он надеялся на меня.

В Грозный дорожка нам, конечно, оказалась закрыта. Стали подбираться к командирам отрядов самостоятельно, без посредников, которые частенько ради своей выгоды искажали информацию, задерживали ее. Ходили, конечно, в рванье, чтобы не привлекать особого внимания, ни о каких средствах связи или охране не могло быть и речи. Тем не менее по старым связям

удалось выйти на главаря, который вас захватил. Он представился Рамзаном. С ехидцей посмотрел на меня:

– А ты не из налоговой полиции. Наверняка из ФСБ.

– Да, я бывший комитетчик. Более того, из «Альфы». Ну и что из этого?

– Вот тебя бы взять. Мечта жизни.

– Но это нужно еще попробовать.

– Ладно, давай попробуем поработать по Иванову. Ты уважаешь мои интересы, я попробую уважить ваши.

– Но Иванов жив? Мы не пустышку тянем?

– Жив. Даже что-то пишет, недавно листки отобрали.

– Мне нужно подтверждение, что он жив на сегодняшний день. И с этого момента начнем работу.

– Будет тебе подтверждение. Но только он давно уже не у меня.

14

Заметил: я перестал подходить к двери. Слишком тяжело возвращаться от нее обратно в темноту. Я пресытился ею, а переполняясь, привыкаю. И больше уже раздражает не она, а недоступный свет, проблески неба сквозь листву, паутинные компакт-диски, лазерно отсвечивающие на мокром солнце. Мы становились с ног на голову и привыкали к этой позе. И последний штрих: раньше думал – когда выйду, а теперь – лишь бы выйти...

В блиндаже намного глуше все звуки, и постепенно отучились вслушиваться и в жизнь за решеткой. Зато, выставляя однажды на салфетку пиалушки, вдруг замер: на всех трех донышках чернели цифры «13». Грешным делом подумал на Махмуда: парень готовит сюрприз. Но краска оказалась заводской.

– Мужики, – приглашаю на смотрины.

Они глядят на цифры и мысленно решают, как отнестись к открытию. Пиалы нам выдали в деревне, перед самым началом послевыборной войны. И после них накатилось...

Определяюсь первым:

– Я из своей больше не пью.

– Ерунда, – пожимает плечами Махмуд. – У нас в семье тринадцать детей. И ничего.

– А у меня дочь родилась тринадцатого, – не признает примету и Борис.

Больше не заостряем на этом внимание, расходимся по своим

углам. Мне что, я пью остывший чай, а для него и стеклянная банка сгодится. А чашке, да еще с таким номером, нашлось лучшее применение.

Поначалу нас донимали бурундуки, бегающие вниз головой по потолку и прибитым одеялам. Кроме топота и писка надоедали тем, что воровали остатки хлеба. Его в конце концов начали подвязывать на проволоке, но нашествие ожидалось с другой стороны. Мышей.

– Махмуд, ты выпускал кого наших? – специально интересуюсь, глядя, как по траншее к решетке движется рывками серый комочек.

– Нет.

– Кыш, – пугаю непрошенную гостью. – У нас своих полно.

Дважды ползли по траншеи в нашу сторону змеи. Память мгновенно выдала все, что знал о них: они глухи, понимают только постукивание, на место гибели детеныша обязательно приползет мать.

Стучу по стене, заставляю змей изогнуться и ползти обратно. А в глазах долго стоит лоснящаяся узкая лента, и это приучает осторожнее подходить к двери, тщательно перетряхивать перед сном постель, жертвовать одним одеялом и закупоривать им на ночь дверь.

Принялись донимать и жабы. Первым заорал лежавший с краю Махмуд, когда огромная жирная раскоряка прыгнула со второго яруса ему на лоб. Тут и пригодилась поначалу пиала. Накрываю ею лягушек, подсовываю под них картон, несу добычу к двери, вытряхиваю в щель. Но лягушкам легче вернуться обратно, чем скакать по ступеням вверх, и некоторых приходится ловить по несколько раз. Самых настырных и жирных трясу в западне, вправляя мозги. Вроде доходит, в какую сторону скакать.

А вот мыши… Эти оказались наглее, чем интердевочки с русскими клиентами.

В итоге картина.

Я, полковник налоговой полиции, первый вице-президент Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов, лауреат литературных премий имени Н. Островского и М. Булгакова, кавалер ордена «За службу Родине» III степени и медали «За отвагу», писатель, бывший главный редактор журнала «Советский воин», – а теперь просто пленный, ловлю мышей.

В руках у меня веревка, связанная из тряпичных лоскутков. Она тянется к палочке, на которой одним краем стоит пиала. Под ней – кусочек хлеба.

Так, вообще-то, ловят птиц, это – силок. Но мыши начали устраивать такой кавардак, ночью преспокойно бегают по

головам, залезают под одеяло, что становится ясно: выживем или мы, или они. Бурундуки со своими выходками кажутся мелкими дошколятами.

В блиндаже достаточно темно, но черно-серые комочки теней, приближающиеся к приманке, отмечаются сразу. Не успела первая мышь просунуть голову под пиалу, дергаю веревку. Мой тринадцатый номер подскакивает, мышь отпрыгивает – эксперимент не удался. Анализирую ошибки: надо уменьшить высоту подставки, а веревку привязывать не за середину, а за самый низ палки. Вновь замираю.

Черта с два! Мышь успевает выбить лапой хлеб и вместе с ним скрывается под нарами, в минном поле. Беру кусок побольше, запихиваю в самую глубину мышеловки. Еще несколько минут в ожидании – и удача!

Вытащить из-под пиалы первую «рыбку» помогает Махмуд. Он вертит по кругу пиалу, а я высматриваю, где мелькнет хвост. За него-то и извлекаю на свет божий конкурента на блиндаж. Мышь висит обреченно, даже не сопротивляется и не борется за жизнь. А может, не верит, что нашелся кто-то, кто способен противостоять их массовому набегу.

Борис категорически против насилия.

– Будешь убивать?

– А что предлагаешь ты?

Кажется, он готов терпеть и то, что ему станут грызть пальцы и уши.

Берегу его нервы, да и сам вроде не изверг: первую добычу опускаю в банку живьем. Через минуту пожалел о сделанном: мышь беспрерывно скребется, рвется на волю.

Обрываю все: свое уступничество, безнадежные попытки баночной пленницы. Беру ее за хвостик и бью об пол. Да, так. Да, я такой. И не собираюсь уступать свою жизнь ни им, ни жабам, ни змеям. Кто-то же должен посмотреть реально и сказать: они, как разносчики инфекций, – еще большая опасность, чем боевики.

Убеждаю так себя, а самому все равно совестно перед Борисом. Вот попался на мою голову сокамерник! Конечно, он благороднее, он не стал надевать халат трубочиста и мусорщика. И теперь любые сравнения не в мою пользу…

Однако через сутки перед сном Борис сам неожиданно спрашивает:

– А сегодня мышей ловить не собираешься? Вчера, по крайней мере, спали спокойнее.

А в первую ночь, когда заболели от напряжения глаза, в банке оказались отловленными двенадцать штук. Скорее всего, они-то и были самые наглые, потому что эту ночь мы и в самом деле спали

спокойно.

Утром охрана забрала ночную добычу:

– Привяжем за хвосты к дереву и потренируемся в стрельбе.

Когда счет перевалил за пятьдесят, я перестал считать свои «уловы». И выносил их на улицу сам, когда выводили в туалет.

Август ознаменовался еще одним важнейшим событием. Наши – в смысле отряд, который держал нас, – при штурме Грозного захватил продовольственный склад, и однажды к нашему блиндажу подогнали грузовик.

– Становись цепочкой, – приказал Хозяин.

Вниз полетели ящики. Запихивали их во все углы, выстраивали штабелями, с грустью отмечая, как сжимается пространство.

– Вы как ослики, – посмеялся Хозяин, глядя на нас, худых, шатающихся под тяжестью коробок.

Ладно, посмотрим, как эти ослики станут сегодня ужинать. Жаль, в коробках только закуска «Новинка» – рис с болгарским перцем. А вы, будь пошустрее, могли бы захватить и что получше – тушенку там, сгущенное молоко, консервы. Или слабо оказалось?

Но это я с жиру. Сидя на горе с едой. Жаль одного: коробки сократили расстояние от Пекина до Мытищ, а те оказались в полутора шагах от Москвы.

– Я знаю, ты против, – упреждая Бориса, вытаскиваю банку закуски. – Но лично я строить из себя благородного не собираюсь. И героически истощаться, сидя на еде, тоже. И вам не советую.

Мы давно жуем одну пустую гречку. Правда, накануне Че Гавара пошутил:

– Прикинь, что будете: мясо, гречку, макароны?

– Это меню? – поддерживаю тон.

– Меню. И тебю.

– Тогда гречку с мясом.

Засмеялся, ушел. Но принес-таки именно заказанное! Однако и это оказалось не все. Уже совсем поздно, когда Борис видел второй сон, у входа затопали:

– Махмуд, держи.

Водитель протянул в темноту руку и тут же отдернул ее, роняя что-то на пол.

– Ты что, шашлык ни разу в руках не держал? – удивился невидимый Че Гевара.

– Просто не ожидали.

– Писатель, не забудь: мы дали мясо, туда-сюда, движение.

Не забуду. Ни хорошего, ни плохого. Многое пытаюсь понять, простить. Но, мысленно ставя себя на место боевиков, твердо

убежден: никогда бы не стал держать человека под землей...

И вот под землю, в наш бункер сгружают машину закуски. Открывая банку, оправдываю себя перед Борисом, словно ему определено быть нашей совестью:

– За тебя сколько запросили?

– Миллиард.

– Сколько банка закуски стоит?

Тот понимает смысл вопросов, они неприятны ему: лучше бы я все делал молча. Но выживать мы должны вместе. Или все же стоически держаться благородства? Ударили по одной щеке, подставь другую! Понимаю, как красиво было бы отвернуться от коробок. Но кому и что докажем? Самим себе? А может, самим себе как раз и надо помочь выстоять. Вне сомнений, прекрасней выглядело бы, возьми кто-то другой на себя эту неблагородную миссию по открыванию банок. Тогда вроде можно и кушать, и не потерять достоинства. Но где они, эти рыцари? Борису и Махмуду легче, они ждут действий от меня, я для них, кажется, уже давно на задворках совести. Но пусть тогда откажутся от еды... И все-таки хочу оставить последнее слово за собой.

– А как ты думаешь, что делают сейчас твои родные? Мне кажется, боевики поступают сейчас с ними очень благородно: сами предлагают снизить цену, помогают в сборе денег, успокаивают. А потом, если вдруг выйдем, станут присылать нам на лекарство.

Все, хватит. Вижу, что достаточно.

Пригодились наконец и гвозди. Самым крупным продираю бороздку в крышке, отрываю ее. Саму тут же определяю в ножи, а на еду хоть и сдержанно, но набросились. Все втроем. И слава Богу.

О, краснодарский завод по изготовлению «Новинки»! Где твоя книга отзывов и предложений! Пусть сдохнут от зависти «Макдоналдсы» и «Биг Маки». Ты знаешь, как вылизываются досуха твои банки? Хорошо, что и война готовилась долгая, и блокпосты запаслись продуктами...

– Еще? – разошелся теперь уже Махмуд.

– Открывай, – поддерживает Борис. Скорее меня, чем водителя.

Наедаемся. Вволю. Впервые за плен. Но, чтобы снять все недомолвки, сам говорю вечером Хозяину:

– Мы тут попробовали банку закуски...

– Ну. И правильно. Все равно все не съедите.

Все не хотелось бы съедать: слишком много. На слишком долго. Да и изжога началась уже на третий день...

За радостями желудочными забыли о войне. А она исчезала

вместе с летом, которое оставляло себе на память брошенные вдоль дорог ленты окровавленных бинтов и разорванных танковых траков, начинающие ржаветь медные терриконы гильз, подточенные первыми дождями окопы. Обглоданные собаками трупы. Переломанные взрывами мосты. И в этих остатках и ошметках войны оставались и мы.

Да, мы переходили в осень. Мы, невиновно виноватые, оставались среди сгоревших сел и разрушенных городов-сталинградов. Среди кишащих боевиками и шакалами лесов, среди черных лицами и платками чеченских матерей. Среди безусых парней, мечтающих о бородах «а-ля Шамиль Басаев», рвущихся в бой за Грозный, но оставленных командиром сторожить нас. А вечерами у бездымных костров певших старинную песню под расстроенную, перехваченную лейкопластырем, словно бинтами, гитару:

«Аллах велик, Аллах со мною».
И с этим именем не раз
Точил кинжал, готовясь к бою,
Войной не сломленный Кавказ.

Но война уже сделала воинами и их, вчерашних школьников. И когда из Грозного приехали те, кто брал город, они вместе со всеми подняли вверх автоматы и заставили их дергаться в своих руках, выплескивая смертоносный огонь в серое, тихое без «вертушек» небо – салют победе и тем, кто ее добывал. А также:

– Аллаху акбар!

Но война умирала нехотя. Она сопротивлялась днем короткими, а ночью – длинными очередями крупнокалиберных «красавчиков» на несдавшихся блокпостах. Им с запозданием, в раздумье, словно детские потягушеньки после сна, начинала подыгрывать артиллерия – но уже не по площадям, как раньше, а в какую-то одну подозрительную точку.

И скорее ради того, чтобы расстрелять снаряды, не тащить их за собой домой с войны.

Иногда по ночам, словно заблудившись в незнакомом небе, искали в лабиринтах созвездий выход из войны вертолеты.

Но уже стоял на чеченских дорогах гул иных «ниточек» – это бронеколонны вытягивались острием на север, сматывая вслед за собой полевые кухни, штабы, посты прикрытия, медбаты – арьергарды. Война уползала, сжималась по дорогам, как щупальцы спрута, инстинктивно пытаясь сохранить саму себя хотя бы в зародыше.

– Все, войне конец, войска выводят, – радовались и сами не

верили в случившееся боевики. – В России нашелся один мужик – Лебедь, который пообещал прекратить войну и сдержал слово. Ему и Ковалеву мы поставим в центре Грозного золотые памятники за то, что помогли нам, – превозносили двух российских политиков-антиподов.

А мной опять овладевали противоречивые чувства. Вроде с исчезновением опасности погибнуть под собственными снарядами увеличивался шанс остаться в живых. Но одновременно с этим удлинялся и срок плена: не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, насколько осложнятся наши поиски. А каково сейчас родственникам пленных? Когда войска находились в Чечне, еще была какая-то надежда на помощь армии, МВД. Теперь все условия по освобождению пленных полностью переходят к боевикам...

К счастью, я ошибся. Оставались люди, которые не признавали повелительного понукания Чечни.

Из рассказа
начальника Следственного управления генерал-майора налоговой полиции В. Лескова:

Мы отработали все зацепки, все возможные варианты вашего освобождения. Один из них, оказавшийся потом основным, возник спонтанно: просмотреть все просьбы противоположной стороны – официальные и неофициальные – по освобождению задержанных чеченцев.

На ваше счастье и общий успех, в списках мелькнуло село, около которого произошло ваше пленение. Больше того – главарь банды, которая вас захватила, оказался родом из этого же района. Подумали: а что, если родственники задержанного парня, назовем его Муса, сами надавят на соседнее село и главаря? В Чечне уважают пожелания соседей, может, сработает и здесь?

Проверили данные по Мусе – ни громких дел, ни убийств, ни насилия, ни участия в боевых действиях. Руководство ФСНП обратилось в Генеральную прокуратуру: просим рассмотреть возможность обмена Мусы на нашего офицера. Следователи налоговой полиции приступили к оформлению необходимых документов...

И до чего неожиданны оказываются превратности судьбы!

Следователь Краснопресненской прокуратуры, который вел дело Мусы, фактически отказался выполнять распоряжение своего руководства, не допуская налоговых полицейских до подопечного.

– Мы здесь их ловим, ведем следствие, а кто-то ради кого-то начинает строить игры. Не получится!

Понять майора было несложно: в Москве прогремели первые

взрывы «чеченского возмездия», и, хотя Муса к ним никаким образом отношения не имел, прокуратура настраивалась очень решительно. Дело дошло до того, что к следственному изолятору, в котором находился Муса, наши оперативники вынуждены были приезжать в сопровождении вооруженной физзащиты.

– Не отдам, – упирался следователь.

– Пойми, что это одна из немногих реальных возможностей освободить Иванова. Что тянешь резину, все равно ведь прикажут отдать.

– Погодите, какого Иванова?

– Нашего сотрудника.

– Дайте бумаги. У меня земляк, тоже Иванов, сидит в Чечне в плену. Ну-ка, ну-ка... Точно, он!

С Николаем мы жили на соседних улицах, учились в одной школе. Так что жизненные перипетии всегда богаче и неожиданнее любого вымысла. Конечно, отдал бы он Мусу и без этого, но здесь уже не то что препятствовать, а помогать стал в оформлении необходимых бумаг.

– Николай, ну что твои в полиции молчат? Почему нет вестей? – с надеждой глядели ребята.

– Мужики, если нет вестей, это не значит, что ничего не делается. Что-то наверняка крутится, просто мы не знаем об этом. Нам остается только ждать.

Известий дождались в последний день августа, днем. Нам открыли дверь: выходи. Хотели надеть повязки, нам опять отмашка: не надо. Сердце, притупленное бесконечным ожиданием, вновь встрепенулось: куда и почему без повязок?

Разрешили подняться только на ступеньки блиндажа. Солнце, которого мы не видели два с половиной месяца, пробилось сквозь листву и уставилось на нас – даже не бледных, а каких-то желтых, – что еще за чудища, почему я не замечал их раньше на земле?

Но сильнее солнца нас удивило появление у землянки Непримиримого. То, что он продал нас в другой отряд, об этом догадались давно, но поди ж ты, сидит на корточках над траншеей хозяином, усмехается нашему виду. Рядом с ним, ковыряясь ножом в зубах, примостился «поплывший» наркоша.

– Живы еще? Полковник, а туфли твои я сносил.

Пожимаю плечами: что туфли, когда не знаем, зачем появился и почему разрешили подняться на свет без повязок. Ему туфли, мне – тапочки. Белые. Так легли карты...

– Домой хотите?

А он сам в подземную тюрьму хочет? Два вопроса, ответ на

которые и спрашивать не нужно.

– Короче, надо написать, что вы живы и доверяете мне заняться вашей судьбой. Через неделю будете дома.

Верить? Слишком боязно. Слишком конкретная дата.

Кошусь на ребят. Они обрадовались появлению старого знакомого откровенно, у меня же – тревога. Симпатии у нас с Непримиримым друг к другу никакой, но выхода нет, пишу: «Доверяю...»

– Всё, по местам. Ждите.

Загоняют обратно в землянку. Лампа горит, но после света ничего не видим. На ощупь усаживаемся на нары, переосмысливаем новость. Обсасываем ее, вспоминаем, с какой интонацией произносилось то или иное слово. А всего-то произнеслась одна фраза:

– Через неделю будете дома.

Уверовали. Готовы верить в это, только в это и ни во что больше. Даже календарик на сентябрь не рисуем – зачем, если к седьмому числу окажемся дома. Как раз день рождения моего старшего брата. Успею поздравить и помочь родителям выкопать картошку.

15

Облом. Ни через неделю, ни через две, ни дальше свобода даже и не заглянула в наше подземелье.

И начало осени ничем особо не выделилось. Лишь поблизости от землянки кто-то сгребал в траншее опавшие листья. Коричневый листок словно декоративная рыбка крутился на паутинке перед нашей дверью. Потом, когда на кусты у входа набросили масксеть и на ее зеленые разводы стали падать желтые дубовые вырезы, поняли: что-то не получается и у Непримиримого.

Сам он больше не появлялся, давно исчез и Боксер. Кроме Хозяина и Че Гевары к нашему вольеру допустили молодежь – Младшего Брата, Крепыша, Чику, Литератора. Последний запомнился не только прекрасным знанием поэзии Пушкина и Лермонтова, собственными неплохими стихами, но и фразой:

– Россия испокон веков имела хороших писателей и плохих политиков. И писатели создавали замечательные книги как раз о бездарных правителях.

А нам что те, что другие – не кормили и не грели. Мы элементарно замерзали. Даже щепоть соли, поначалу растекавшаяся от сырости, больше не расползалась маслянистым

пятном. Сохраняя остатки тепла, стали занавешивать одеялом дверь и днем. Темнее, но другого выхода не видели.

– Чего закрываетесь? – слово в слово, как перед этим у комариной ямы, поинтересовалась охрана.

Наш ответ оказался более оригинальным:

– Стынем.

– Водку будете? – вдруг предложил Хозяин первейший способ обогрева.

Еще не выпивали, а дыхание перехватило.

– Приходил в гости парень, принес две баночки «Асланова». А мы в отряде на Коране поклялись не пить, не колоться наркотой и не курить ее. – Правда, тут же поторопился уточнить: – Не на всю жизнь, конечно, а пока до конца войны.

Соврал Хозяин насчет парня – через несколько дней охранники сами и рассказали, что банки нашли в загашнике у одного из боевиков. За что тот и получил свои первые сорок палок.

– А как их бьют? – неосторожно поинтересовался я у Че Гевары.

– Хочешь попробовать? Обеспечим. Туда-сюда, движение.

– Нет-нет, я готов запомнить на словах.

Сошлись на последнем варианте. Узнаю, что за первую провинность человек получает сорок палок, за вторую – восемьдесят, попался в третий раз – сто двадцать. Палка выбирается в толщину мизинца того человека, который бьет. Его самого определяет пострадавший. Дружеское участие здесь не проходит: если замечается, что исполнитель щадит потерпевшего и не особо рьяно выполняет обязанности, его вправе самого положить на скамью под удары. Бить дозволяется от шеи до подколенок, на теле возможен один слой одежды.

Не хочу ни законов шариата, ни мусульманства, ни средневековья. И от водки не отказываемся. Не пить ее можно на воле, когда достаточно продуктов и витаминов. А ради профилактики рекомендуют даже врачи.

За прошедшее лето, за будущие хорошие вести, за первый класс, в который пошла доченька Бориса, и разлили первую банку. Вторую оставили на растирку, лечение зубов и на иные пожарные случаи. Здесь я скрягой слыл отменным: если удавалось выпросить головку чеснока или лука, делил ее на два-три дня.

– Да тут есть нечего. Может, завтра выйдем, и ради чего оставлять, – кошкой на недоступную мышь глядел Махмуд на белые кусочки лука.

– Вот перед выходом и съедим.

– И где ты научился такому скряжеству?

– Живу я долго.

А если честно, то это афганская война преподнесла свои уроки по выживанию. Там, например, последний глоток воды позволяли себе выпить лишь перед самым возвращением в лагерь, когда уже никакой вводной не могло последовать. А пуще глаз берегли даже не воду, а боеприпасы. С ними, кстати, страшнее всего и расставаться в бою. Однажды только приходилось мне пробиваться из окружения душманов. И не пробиваться даже, а выползать на спине по арыку. «Духи» стреляли по нашей разведгруппе из узких окошек, но высокие дувалы прикрывали расположенный по центру улочки арык. «Мертвой зоны» хватало как раз на то, чтобы ползти, не поднимая головы.

Толкались пятками и плыли в вонючей воде-жиже, стреляя по окнам-бойницам и не давая противнику высунуться побольше. Тогда и услышал сзади голос одного лейтенанта:

– Николай, у меня патроны кончились. Дай «рожок». Оторвать от себя магазин с патронами, когда неизвестно, что ждет впереди?!

– Коля, дай патроны.

Ползу, не слышу.

– Выручи, дай «рожок»! – в голосе уже не просьба, а страх.

Проклиная все на свете, отдал. И впервые тогда вытащил из подсумка гранату, приладил в кармашке на груди. Примерился, как рвать кольцо...

Потому и говорю, что живу долго.

На войне, в бою страшно умолкнувшее в твоих руках оружие. В плену, когда не бьют и не расстреливают, – голод и холод.

А сентябрьские ночи становились все длиннее и холоднее. Правда, в туалет стали выводить без повязок, и мы увидели луну, звезды. Ничего в мире не изменится, если вдруг пропадем на какое-то время или даже навсегда...

А однажды вдруг что-то огненное поплыло среди деревьев в направлении землянки. Вернувшись в нее, не поверили глазам, но почувствовали телом – на полу дышала жаром высыпанная лопата углей из-под костра.

– Так теплее? – довольно переспросил Хозяин.

– А можно и утром приносить? – побежал я опять впереди паровоза, желая сделать обязательной хотя бы ночную порцию жара.

– Посмотрим, – как всегда, ничего не пообещал конкретно Хозяин.

Сам он после посещения Грозного пребывал в мрачном расположении духа. Там его десятки раз останавливали,

проверяли документы и требовали разрешение на ношение оружия.

– Да я автомат за собственные деньги купил и никогда никому его не сдам. А где они были, когда я два года воевал в горах? – попытался даже у нас найти он сочувствие. – Повылезали из щелей, все герои, с бородами и на машинах. Да если бы нас было столько, сколько сейчас шляется с автоматами по Грозному, мы бы давно победили.

– Хреново, – не сдержался Борис, когда остались одни. – Если начнутся разборки между отрядами за власть, не оказаться бы между ними. Видели, как раздражены?

Да, охрана своего недовольства уже не скрывала.

– Вы хоть знаете, за что сидите, – сказал Че Гевара совсем неожиданное. – А за что я торчу здесь с вами?

И совсем тоскливо стало, когда он вытащил из-под нар противопехотные мины и принялся устанавливать их на ступеньках блиндажа. На наш молчаливый вопрос, зачем это делать у нас на глазах, пояснил:

– Это от своих. Слишком много народа хочет вас заиметь для собственных целей.

Не все гладко и пристойно, оказывается, шло в чеченском королевстве после победы.

Из рассказа
генерал-майора налоговой полиции А. Пржездомского:

Занявшись проработкой вашего освобождения через обмен, не оставляли и другие варианты, чтобы в случае неудачи не остаться у разбитого корыта и начинать работу с нуля. По оперативно-розыскным каналам через третьих лиц вышли на руководство оппозиции. По их приказу проверились все тюрьмы, сверены списки пленных, допрошены полевые командиры. Итог оказался неутешительным: полковник Иванов нигде не числился и не значился. По слухам, которые тут же запустили ваши тюремщики, вы были расстреляны первого сентября.

Сообщение об этом, конечно, передали группе Расходчикова, но поиск решили не прекращать. Надеялись, что это блеф.

Блеф не блеф, а в середине сентября меня вывели из землянки одного.

– Переписывай, – незнакомый худощавый мужчина лет сорока протянул листок.

«Вот уже три месяца я нахожусь в плену у чеченских народных мстителей. Как полковника меня приговорили к расстрелу... За мое освобождение требуют 500 тысяч долларов, срок поставлен до ноября. Потом они расстреляют меня...»

– Такую сумму за меня никто не заплатит, бесполезно, – отодвигаю листок, хотя в нем – моя жизнь. Пусть и отмеренная до ноября.

– А это тебя не должно волновать.

Меня-то как раз и волнует. Если в полиции зарплату выдают с задержкой, о каких сотнях тысяч долларов может идти речь! И где Непримиримый с его обещанием все закончить за неделю? Знает ли он о новом условии? До ноября – полтора месяца…

– Пиши на имя жены. Жены?

– Но вы сами подумайте, как я могу написать жене о своем расстреле? Поймите ее состояние, когда прочтет записку. Тем более, с невыполнимыми условиями.

– Много разговариваешь. А не станешь писать, мы сами сообщим ей такое, отчего она на коленях поползет через всю Москву в налоговую полицию. В это веришь?

Верю.

Прикрываю глаза. Не хочу ничего видеть. Почему это не сон! Быть в плену в собственной стране…

– Да ты и сам висишь на волоске, полковник, – не дает забыться от реальности посланец. – Недавно погибли двое из нашего отряда, кстати, которые брали тебя, – нервно заходил туда-сюда. – Село требует отмщения. От нас. Потому что оно нас кормит и греет. И мы обязаны учитывать их настроение. Двоих офицеров отвезли им на растерзание, головы им отрубили на виду у всего села. Но они требуют минимум полковника. Тебя. И если твои не будут шевелиться, мне твоей башки тем более не жалко. Отвезу и брошу под ноги родственникам погибших. Выбирай.

Остановился напротив, руку положил на отполированную изогнутую спинку пистолета, торчащего из кобуры на ремне.

– Но жена ничего не решит, вы ведь понимаете. Может, я напишу это письмо директору, а жене сделаю приписку, чтобы отнесла в налоговую полицию?

Тут уже не знаешь, что лучше для семьи: получить сообщение, что меня только собираются расстрелять, или о самом расстреле…

Разрешили: пиши на имя директора.

Радуюсь, насколько можно в моем состоянии, официальному тону записки: в полиции вряд ли поверят, что я мог самостоятельно родить фразы про народных мстителей. Боюсь, чтобы не сложилось мнение, будто я из плена командую своими генералами. И записку жене дописываю более спокойным, раскованным тоном. Интонация должна сработать: пусть не опускают руки, пусть поймут, что я держусь и надеюсь.

– У нас нет таких крутых телефонов, чтобы зачитать письмо. На хвост наверняка сядут. Отвезем лично.

Из рассказа
заместителя директора ФСНП генерал-лейтенанта налоговой полиции Ю. Чичелова:

Письмо пришло по почте из Моздока второго октября, обратный адрес – «от тети». Хотя условия ставились жесткие, мы несколько обрадовались дате под запиской – 18 сентября. У нас ведь непрерывно шла информация, что вы расстреляны первого числа. Отправили записку графологам, те подтвердили, что почерк ваш. Значит, жив.

Вышли на Расходчикова, тот в запарке: Рамзан юлит, не является на «стрелки». Принимает решение: Мусу, которого Генпрокуратура разрешила использовать для обмена, вывезти во Владикавказ, чтобы находился под рукой и в любой момент мог участвовать в операции.

А у нас в налоговой полиции стихийно приступили к сбору денег. Офицеры, прапорщики оставляли себе из зарплаты по сто тысяч, остальное несли в общую казну, на возможный выкуп. Удивительный экзамен на нравственность, сплоченность. Приехал и директор издательства «ЭКСМО», где печатались ваши последние книги, привез определенную сумму. А больше всего в этом плане сделал, конечно, директор управления по городу Москве генерал-лейтенант Добрушкин.

Собранные деньги не понадобились, их вернули людям обратно, но этот человеческий порыв... Он многого стоит. И даже не в деньгах дело. Сотрудники поверили, ощутили: случись вдруг что-либо подобное с ними, их тоже не оставят в беде, станут бороться до последнего.

Конечно, кроме меня у налоговой полиции России и ее руководства существовали еще десятки и сотни проблем, порой более важных и животрепещущих. Если брать лишь криминальную сторону, то подразделениями собственной безопасности в том, моем «пленном» году выявлено около 1 000 посягательств на жизнь и здоровье наших сотрудников, 500 фактов угроз и шантажа, более 100 случаев нападения и нанесения телесных повреждений, 44 поджога, взрыва и порчи имущества. От рук киллеров погибло 4 полицейских. О многом говорят и другие цифры: пресечено 142 случая целенаправленного внедрения представителей преступного мира в налоговую полицию и инспекцию и 44 попытки вербовки наших сотрудников.

В то же время на каждый вложенный в налоговую полицию рубль полицейские возвращали казне 46 рублей дохода.

И будни: в Госдуме борьба за Налоговый кодекс, в правительстве – за финансирование самой налоговой полиции. Оперативники добывали информацию о преступной деятельности всевозможных махинаторов, аналитики высчитывали пути развития «теневого» бизнеса, управление налоговых проверок корпело над томами или ювелирно подогнанных криминальных документов, или, наоборот, совершенно бездарных и бессистемно заполненных документов. В то же время полковнику налоговой полиции из физзащиты Александру Карелину, семикратному чемпиону мира, девятикратному чемпиону Европы и трехкратному Олимпийских игр, Указом Президента присваивается звание Героя России. Открывается Академия налоговой полиции, где впервые начинают готовить налоговых сыщиков.

Жизнь продолжалась...

А мы, как над своей судьбой, сидели над углями. Они пульсируют красноватыми жаркими толчками, но остывающий пепел погребает под собою угли все больше и больше. Ворошить нельзя, тепло уйдет быстрее. Пусть лучше жар-жизнь держится внутри: не так жарко, но дольше сохраняется.

Собственно, все как у нас. У нас тоже время работает в отрицательную сторону. А у меня к тому же пошел календарь обратного счета – от ноября. В какие-то моменты хочется, чтобы злополучный месяц подошел быстрее: если суждено, то и пусть все закончится...

– Эй, ты что, – теребит меня Борис. – Давай лучше про кого-нибудь поспорим. Про Ленина. Я считаю, что он гад и сволочь. А ты, конечно, против.

– Против. Я не хочу признавать только черное и белое. Есть полутона, – говорю о человеке, а подразумеваю чеченскую войну, из-за которой мы здесь. Не все ведь чеченцы виноваты в ней...

– Ты не выкручивайся. Вы все, так называемые патриоты-державники, никогда не говорите открыто и прямо. Все лазейки ищете.

– Это не лазейки. И я не «так называемый». Да, я не хочу делить людей на категории, а Ленина тем более. Чем-то человек нравится, чем-то отталкивает. Так всегда.

– Лукавишь, все время лукавишь. Человек или может нравиться, или нет. Ему доверяешь – или нет. Любишь – или ненавидишь. А вы, коммунисты, перевернули все с ног на голову.

– Коммунистом, насколько мне известно, был и ты. И мне кажется, что кожаные куртки, которые ты так ненавидишь и

которые в тридцатых годах расстреливали людей, появлялись как раз из таких максималистов, как ты. Это у них точно так же: кто не с нами, тот против нас. К стенке. И без всяких сомнений и раздумий. Правда – только у меня, в моих устах. А я не хочу быть твердолобым и упертым. Я готов сомневаться.

– А я считаю, надо быть принципиальным и не юлить, не прятаться за свои сомнения, – продолжает учить жизни Борис. А может, и не учить, он просто обожает спорить, заранее принимая крайнюю точку и будоража меня.

Усмехаюсь. Неужели произвожу впечатление именно такого – скользкого и хитрого? Тогда – грустно. Обидно. Дойти до края и услышать о себе такое...

– Все, хорош, – вспоминает о своей роли миротворца и звании «апа» Махмуд. – Марш по разным углам.

Я и сам отворачиваюсь, не желая продолжать разговор. Нервы на пределе, судьба неизвестна ни на одну будущую минуту, а мы уличаем друг друга в неискренности. Перетягиваем на сторону своих убеждений, презирая противоположные. Сейчас мои убеждения – семья, родные, близкие и знакомые. Как коснется их мое исчезновение? Не нынешнее, пока я еще жив, а полное? И как же я поломаю судьбы своим детям!

Тянусь к пустой сигаретной пачке, аккуратно разрываю ее. Стихи, которых не писал лет двадцать, вдруг легли сразу начисто, будто сочинил их давным-давно:

Надюше. Пленное

Две косички, улыбка, распахнуты руки,
Словно хочет спасти, оградить и обнять,
Дочь навстречу спешит после долгой разлуки,
Но не может никак до меня добежать.
Я и сам не хочу. Прерываю виденье.
Слишком горько и больно мне видеть тот бег.
Я за тысячи верст заточен в подземелье,
И охранник сквозь смех говорит про мой грех.
Ах, как ночи длинны, как тревожны рассветы,
Каждый день нас готов разлучить навсегда.
Здесь бессильны молитвы, смешны амулеты,
Все седее виски и белей борода.
На коленях стою лишь за то, что позволил
Твоим малым сердечком коснуться беды...

Дописать не мог. Слишком тяжело и больно. И это не старый стих двадцатилетней давности. Это – сегодня. Чувствую: буду думать о детях – надорву сердце…

– Эй, ты чего? – вновь заглядывает в лицо Борис. – Что случилось?

Очнулся. По щекам текут слезы. Это – плохо. Это – нервы. Встаю, ухожу к двери, упираюсь лбом в дубовые жерди.

– Перестань, Николай, – прочитав листок со стихами, просит Борис. – У меня, между прочим, тоже дочь.

Не буду. Больше не буду. Сам вижу, что отчаяние совсем рядом и готово наброситься голодной собакой. А у меня впереди еще месяц, целых тридцать дней. Не может быть, чтобы наши сидели сложа руки, у нас профессионалы, они знают цену времени. Что-то наверняка происходит. И единственная отрада, что семья знает больше про поиски, чем мы сами.

Пытаюсь заглянуть через масксеть в небо. Оно чуть-чуть прокалывается сквозь неподвижную листву. Но небо – далеко. А вот над головой по-прежнему дубы, уложенные в перекрытие блиндажа. Они тоже сопротивляются смерти, выдавливая из своих обрубленных тел ростки-побеги. Но темнота и сырость довершают дело, начатое топорами и пилой, – они выходят худосочными, бледными. Словно не из дуба, а из подвальной картофелины…

Стряхиваю видения, сравнения, слезы. Я еще не обрублен и не спилен. И за меня бьются.

– Махмуд, раскинь карты. Посмотрим, кто из нас в этой жизни останется в дураках.

Тому играть не хочется, но интуитивно научились: если просят – то надо, какие бы кошки у тебя самого ни скребли на душе. Но выбрасываем карты машинально, не запоминая ходов и тут же забывая, кто сколько раз выиграл. Тупое, механическое движение рук. Голова забита другим.

– Все, больше не хочу, глаза болят, – на этот раз просит Махмуд, и теперь я принимаю его просьбу.

Водитель укладывается на нары, и вдруг отмечаю, какими мы сделались маленькими, усохшими. Особенно Борис, который и вначале не отличался крупным телосложением, а сейчас вообще не виден под одеялом. Какой я? Глянуть бы на себя в большое зеркало, при хорошем свете. О бороде когда-то тоже мечтал, да дальше трехдневной щетины дело не продвигалось. Сейчас хоть мети как помелом.

Начинаю ходить по землянке, не давая себе зацикливаться на прошедшем.

– Слушай, туфли снять не можешь? – вдруг раздраженно

спрашивает Махмуд. – Гремишь, как на плацу.

Ребята тоже взвинчены. Когда-то я летал в командировку к ракетчикам-стратегам, которые сидят у кнопок «пуск» под землей. Так вот у них как только кого-то начинало раздражать пятнышко на рубашке напарника или даже запах изо рта, расчет тут же меняли. Наш «экипаж» вряд ли заменяем, поэтому…

Поэтому снимаю туфли, облачаюсь в шлепки водителя. Шаги стали бесшумными. Так же бесшумно вдалбливаю себе: «Держаться, держаться, держаться».

16

Шью впотьмах корсет. Из-за почек. Впервые узнал, где они находятся, – думал, стылость высосала всю спину, но она продолжала и продолжала, да еще с болями, что-то тянуть по бокам.

– Это почки, – провел углубленное медицинское освидетельствование Борис.

Лежать, несмотря на нары, все холоднее. Угли дают спасение часа на два, остальное время боремся с холодом зарядкой. Давно присматривался к одеялам, достаточно элегантно задрапировавшим стены, потом плюнул на последствия, взял осколок зеркала.

– Ты что? Это же имущество Ичкерии, – полушутя-полусерьезно останавливает Махмуд. В плену как на незнакомой планете: любое неосторожное движение таит опасность. Но ведь порой еще большую угрозу представляет бездействие...

Выбираю менее подгнившее одеяло и начинаю кромсать. Сначала отчекрыживаю длинную полосу – пойдет на портянки. Обматываю ноги, сверху натягиваю дырчатые носки. Думал, нога не войдет в туфлю. Вошла. Или она похудела, или башмаки разносились.

Одеяло на стене висит некрасивым ошметком, словно полостную операцию делал не хирург, а зубной техник. Но ведь и не скальпель был в руках. Срываю его полностью. Полосую дальше. Новым куском заматываю под костюмом грудь и спину. Протыкаю дыры для бечевки, плотно затягиваю пахнущий мышами, пыльный корсет. Сразу становится намного теплее, а запахи – это ерунда, это блажь.

Успехи вдохновляют, и проволокой сшиваю вместе два одеяла, которыми укрываюсь, – чтобы не разъезжались. Жертвую еще одной полоской с полотенца, повязываю лоб наподобие платка. Совсем тепло. Что еще можно предпринять? Как же мы ленивы в обыденной жизни и как мало знаем и умеем. Цивилизация развращает или, по крайней мере, не учит выживанию...

Замечаю лопату, забытую охраной с вечера после порции углей. Выкапываю в полу рядом с нарами углубление. Затем собираю пустые банки из-под «Новинки», начинаю их сплющивать. Махмуд догадывается о намерении, начинает помогать. Выкладываем жестянкой яму – теперь жар будет держаться еще дольше. Можно даже опробовать.

Разбираем с Махмудом одну из полок, лопатой колем на щепу чурбаки. Собираем все, что может гореть. Складываем костерок, зажигаем. Тяги нет, и дым повалил такой, что на улице послышался топот.

– Что у вас? Живы? – кричат издалека, боясь окунуться в грязно-белую струю, вытягиваемую из блиндажа.

Мы лежим на полу, задыхаемся. Но не настолько, чтобы умирать. Терпим, верим, что дрова займутся огнем и дым постепенно уйдет. А тепло останется.

– Живы. Греемся.

А для себя отмечаем штрих – знать, не безразличны мы еще боевикам, виды у них на нас имеются. И то хорошо.

Плохо, что приближается зима. На лето грех жаловаться, в целом было тепло. А вот морозы в таких условиях выдержать не сможем. Впрочем, что я о зиме. Ноябрь ближе...

Верю и не верю в данный срок. С одной стороны, зачем убивать, а с другой – а почему бы и не убить? У человека с ружьем нервы всегда слабее...

А нас уже несколько раз поднимали днем на свет, разрешали походить около землянки. Стрельбы давно не слышно, лес стоит тихий, мирный и судя по запахам – грибной. В лесах, даже чеченских, кроме боевиков и шакалов должны водиться и грибы. Война грибам не помеха.

И еще один подарок, в котором захотелось увидеть смысл, – белые вязаные шапочки, принесенные Чикой.

– Белые – это хорошо, – вслух обрадовался я.

– Почему?

– В начале плена нам дали черные носки. Они сносились. Может, с шапочками светлая полоса начнется.

– Пускай, – соглашается Чика. – Нам тоже надоело из-за вас здесь мерзнуть. Все отряды уже по домам сидят.

Но еще большая неожиданность ждала Бориса, когда после приезда мотоцикла послышался топот в нашу сторону.

– Кто Борис? Ему передача.

В пакете, брошенном в дыру, оказались свитер, белая рубашка (!) без рукавов (!!) и белье. Ни записки, ни объяснений. Радость Махмуду, заимевшему наконец плавки. А вот Борис вместо радости загрустил. И, как вскоре выяснилось, не без оснований. Именно его выдернули на очередной допрос.

– Если твои родственники не успокоятся, мы включим им счетчик. Дадим неделю срока и, если тебя не выкупят, начнем набавлять цену – миллиард сто, миллиард двести.

– А что происходит?

– Хотят получить тебя бесплатно, за красивые глазки. Не

получится, пусть хоть на самого Яндарбиева выходят. Мы никому не подчиняемся, только собственному карману. А в нем должны рождаться деньги. «Пустой карман не любит нохчи...»

– «...Карман командует: вперед», – закончил уже знакомую нам песню Борис.

– Вот видишь, все знаешь. Пиши своему брату: если еще раз появится в Чечне без денег, возьмем в заложники и его. И пусть тогда попробуют выкупить двоих.

Борис нервно пишет, понимая свою обреченность, – если родственники пытаются освободить его без денег, значит, нужную сумму не смогли собрать. Да и где ее соберешь? С чего? Богатые в Чечню в самом деле не ездили, а он полтора года на свой страх и риск, по совести...

Снова все плохо, зыбко. Носки сносились. Их бы выбросить, но других нету...

В эту ночь, словно специально, охрана опять забывает в землянке лопату. Бдительность потеряна из-за гитары: ее попросил принести Махмуд, Борис настроил, спел несколько песен. Голос у него оказался красивый, и вспоминаю свои концерты: как же я давил ребятам на нервы! Но сами виноваты, могли бы петь и без меня.

После песен охрана уходит, а лопата как стояла, упершись в раздумье лбом о стену, так и осталась нетронутой. Переглядываемся с Махмудом, подходим к двери. Оглядываем стены вокруг решетки. Углубление можно сделать за час-полтора и, минуя растяжки, выбраться наружу.

Мысли о побеге вертелись всегда, и вот сегодня есть реальная возможность вырваться.

Но что дальше? Что после того, как поднимемся на ступени? Если делать ноги серьезно, то уходить придется в горы, через перевалы. На равнине, к тому же после вывода войск, нас отловят в первые два дня. Но в горах без теплых вещей, пищи и оружия делать нечего. Все это нужно брать здесь. Значит, кого-то убивать? На Хозяина рука не поднимется, на Че Гевару, Чику, Литератора тоже. Вообще-то, парадокс. По отдельности каждый вроде и неплохой, а вот вместе... Вместе – отряд, где действуют законы стаи.

А тут еще Че Гевара на нравственность, сам не зная того, надавил. Признался накануне:

– Туда-сюда, когда вас водили с повязками, вы были абсолютно безразличны нам. А тут создали движение, сняли их, увидели ваши глаза – вроде и убивать теперь жалко будет. Прикинь, ерунда какая.

Но основное, что удерживает от побега, – боязнь за семьи.

Домашние адреса известны из паспортов, и не успеем мы встретить первый же рассвет на воле, как звонки в Нальчик и Москву поднимут тех, кто отыграется на наших близких. А если еще и кровь прольем...

Так что, даже если минуем посты, пройдем минные поля и растяжки, перевалим хребты, отобьемся от волков и придем-таки к своим, тут же на коленях опять поползем в Чечню. Умоляя не трогать семьи. Плен – это личный крест каждого, и нести его только нам. Поэтому пусть хоть всю охрану снимут, пусть распахнут двери – не выйдем. Пока не договорятся те, кто занимается нами.

Махмуду, не имеющему пока семьи, с мыслью о беспомощности смириться тяжелее. Но времена, к сожалению, не кавказских пленников Льва Толстого: связь сделает месть быстрой.

Остаемся. Отходим от двери, чтобы не соблазнять себя. Время чертить календарики на октябрь...

Расщепляю, расправляю очередную сигаретную пачку. Проволочкой пришиваю белый лоскуток к истрепавшейся, истершейся простынке, где зачеркнуты предыдущие месяцы. Пока помню практически каждый прожитый день – и когда расстреливали, и когда давали надежду. Перемещения помню. Разговоры. Значит, мы еще не долго маемся в заточении?

Подхожу к двери. Отодвигаю одеяло. По ступенькам топот – кто-то стоял у решетки и слушал наши разговоры. Пусть слушают, если не отваливаются уши. Их дело – охранять.

Тут же задумываюсь о своем равнодушии. Хорошо это или плохо? С одной стороны, приказал себе принимать происходящее как неизбежность, но и махнуть на все рукой... Нет, надо продолжать и удивляться, и негодовать, и радоваться. Большей частью про себя, конечно. По-моему, в том же Коране записано: «Аллах всемогущий. Сначала дай нам терпение, а только потом – страдания»...

Ох, война-война, дурость несусветная. Политики с обеих сторон наверняка уже бросились подсчитывать ее результаты и выгадывать свое будущее, социологи – проводить опросы и вычерчивать рейтинги. Военные, в очередной раз подставленные и, как всегда, оставленные одни против прессы, запрутся в городках. Родители погибших зададут один-единственный вопрос: «За что?» – но никто не даст им ответа – ни в Кремле, ни в Белом доме. Потому что в собственной подлости и глупости мало кто признается. А лицами чернеть будут близкие тех, кто пропал без вести или захвачен в плен. От них же постараются каким-либо образом побыстрее отгородиться...

Все предугадываемо в этом мире.

Все?

17

Мы в очередной яме. Седьмой.

Накануне нас уложили в кузов грузовика, сверху забросали одеялами и привезли в какое-то селение. Машина въехала во двор, и нас прямым ходом – в узкий бетонный люк. Следом полетел нажитый за три месяца нехитрый скарб, собранный в землянке столь спешно, что невольно подумалось: или в лагерь с инспекцией приезжает кто-то из высшего начальства, или возникла реальная угроза нашего перезахвата.

Новый подвал длинен, узок, приплюснут. Школьный пенал.

С бетонного потолка, обтянутого сеткой «рабица», капает конденсат. Вдоль стен – лавки с белыми бляшками плесени. Укладываем на них одеяла, но доски от сырости легко переламываются пополам, выставляя острые, словно кости при открытом переломе, углы.

«Так изнутри сгнием и когда-то переломимся и мы», – мысль мелькнула сама собой, машинально отметилось, что, возможно, произойдет с нами через какое-то время.

В дальнем углу блестят крышки закрученных на зиму консервов – помидоры, огурцы, варенье. В любом случае с голоду хотя бы первое время не помрем. А вот что делать с сыростью…

– Ох, сынки, попали к бабке на старости лет в подвал, – слышим над собой голос.

В люк, став на колени, заглядывает старуха, жалостливо качает головой. Рядом резвятся детишки.

Мы немеем. Кажется, это самое глубокое потрясение за время плена. Когда держат в неволе боевики – это вроде нормально, как-то объяснимо. Но чтобы в подобном участвовали женщины…

Попытался представить маму – что бы она делала, если бы мы, ее сыновья, загоняли в погреб пленников. Прокляла бы, отреклась и выгнала из дома. А здесь – в порядке вещей. Конечно, в глазах наших тюремщиков – это не мы сидим, а сотни тысяч долларов копошатся в яме. А ради этого можно закрыть глаза… Вот только мама бы не закрыла.

А пока нас продолжает жалеть старуха:

– Что еще принести?

– Чего-нибудь постелить на пол, – прошу я. Пол мокрый от падающих сверху капель. – Солому, старые одеяла.

Расщедрились на два пустых мешка. А семь полных, с мукой,

наваливают сверху на крышку. В щель видим, как между мешками вставляют гранату с выдернутой чекой. Господи, детей бы поберегли от случайностей.

Нет, случайность для них – это если сбегут деньги. Эквивалент денег. Мы.

Стелемся. Настроение прыгает: от «держаться» до полной апатии. Белые вязаные шапочки, наш символ освобождения, посерели от подземной грязи. На тельняшке Махмуда стерлись грани между полосками, получилась одна сплошная. Черная.

Все возможное, даже платки для глаз, укладываем на пол. Вынужденная жертва – одно одеяло крепим на «рабице», чтобы не капало на лица. Возимся долго, тщательно, не желая оставлять времени на разговоры. Без пасьянса очевидно: дела плохи. Будь свобода рядом, в село бы не повезли, зачем им риск. И до ноября всего двадцать шесть дней…

– Лучше бы мерзли в землянке, – приходим к общему мнению.

Потом, после плена, финансисты станут подсчитывать расход аванса, который брал в командировку.

– Билет на самолет, конечно…

– Конечно, – кивнул я. – Сгорел в огне чеченской войны.

– Тогда можем посчитать лишь сумму билета в общем вагоне пассажирского поезда, – умоляюще попросит его извинить за вынужденную бюрократию начальник отдела Валерий Федосович Петровецкий. – И за гостиницы…

Разведу руками: не выдавали квитанций в ямах.

– Тогда только квартирные, по четыре пятьсот в сутки, – совсем тихо сообщит финансист и виновато умножит названную цифру на мои 113 дней плена.

Бухгалтерия. Хоть здесь порядок.

Интереснее выйдет в санатории в Рузе, на приеме у стоматолога. Врач включит старинную, времен Тухачевского и Первой Конной, бормашину, дождется, когда она наберет допустимые обороты. Увидев мои сжатые кулаки, посоветует:

– Знаете, здесь рядом деревня Петрищево, где Зоя Космодемьянская попала в плен. Может, сначала туда съездите, проникнетесь, так сказать…

Богата, непредсказуема на сюрпризы жизнь… И на историю.

«Кому неизвестны хищные, неукротимые нравы чеченцев? Кто не знает, что миролюбивейшие меры, принимаемые русским правительством для усмирения буйств сих мятежников, никогда не имели успеха? Закоренелые в правилах разбоя, они всегда одинаковы. Близкая, неминуемая опасность успокаивает их на время: после опять то же вероломство, то же убийство в недрах

своих благодетелей».

Так писал поэт А. Полежаев, сосланный в свое время на Кавказ в качестве рядового.

А вот уже пронизанная горечью реплика генерала Ермолова, сказанная в 1818 году:

«Во всех случаях, где в отношении к ним хотел я быть великодушным, самым наглым образом бывал обманут».

Его современник академик Бутков, известный собиратель материалов по истории Кавказа:

«Чеченцы такой народ, который по зверским своим склонностям никогда не бывает в покое и при всяком удобном случае возобновляет противности тем наглее, что гористые места, ущелья и леса укрывают его и препятствуют так его наказать, как он заслуживает». А великий Пушкин:

Бегите, русские девицы,
Спешите, красные, домой —
Чеченец ходит за рекой.

Ему вторил в «Колыбельной песне» Михаил Юрьевич Лермонтов:

Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал.

Генерал Бриммер, прослуживший на Кавказе всю жизнь и ушедший со сцены в конце эпохи Шамиля, оставил еще более резкие свидетельства:

«Вообще, кумыки народ добрый, не то что соседи их ауховцы и чеченцы. Горцы, эти дети природы, как все... немыслящие люди, принимают всегда доброту за слабость».

Нынешнее поколение чеченцев не сможет упрекнуть русских в том, что наши отношения строились на этих фразах, что вообще они хоть где-либо фигурировали. Их закрыли в фондах, на них наложили негласный запрет, к ним не желали возвращаться. Мы хотели жить в мире.

К сожалению, пришли новые политики, которые посчитали себя умнее всех предыдущих. И стали печататься приведенные выше воспоминания. И вновь возобновились вроде бы забытые ритуальные танцы возмездия. Зарубцевавшуюся с таким трудом рану принялись расковыривать с двух сторон с таким ожесточением, словно не было добрососедства и взаимопонимания двух народов. В итоге доброту русскую вновь

восприняли за слабость, а гордость чеченцев – за самоуверенность. И вскоре вслед за словами полетели пули…

– Эй, много хандрим, – тормошит нас Борис. – Давайте разговаривать.

Было бы о чем. Переговорено все, а думать о будущем… О нем не мечтается… Чаще вспоминается прошлое. Но и его трогаем не скопом – это слишком расточительно, а сначала по годам, потом по дням, каким-то отдельным событиям. Так же продолжает вспоминаться и работа: не вся налоговая полиция в целом, а по этажам, по кабинетам и людям. Меня если спасут, то только они. Кем стал и был для них я? Заслужил ли, чтобы рвали нервы, рисковали собой ради моего вызволения?

Считай свои минусы, человек. И не говори, что праведную жизнь хотел начать с будущего понедельника. Расплата идет по цене сегодняшнего дня…

Вечером во дворе вспыхивает электролампочка. Нас тоже подтягивают к цивилизации, выдав керосиновую лампу со стеклом! А на ужин – котлеты! Они лежат тремя большими ломтями поверх гречки, и впервые оцениваем новое убежище не с минусов, а с плюсов.

– Кормежка вроде обещает быть лучше, – пережевываем вместе с котлетами приятное событие.

Но куда девать вечера, ночи? Грусть, рождаемую ими? Зубчики, за которые стекло крепится к лампе, дают тень, как две капли воды похожую на Кремлевскую стену. Боже, Москва! Ведь ни разу не вспомнил о своем городе. Тысячу, бессчетное количество раз проклинал его раньше как политическую клоаку, водоворот всех смут и несчастий. Но Кремлевская стена в чеченском подземелье… Вдруг понимаю, что люблю Москву. Как город она прекрасна, и не вина ее, что в столицах плетутся сети громких интриг. Так во всем мире. А сегодня я признаюсь в любви к ней. И каюсь за все предыдущие обвинения…

Тень отражается и от головы Бориса. Махмуд, разминаясь, бьет ее незаметно ногой. Да еще интересуется, паршивец:

– Товарищ начальник, тебе не больно?

– Нет. А с чего бы?

– Когда еще можно будет вот так запросто своего руководителя, – шофер «пинает» голову Бориса, но кашель скручивает его самого.

Ничья.

Этот подвал нас, конечно, доконает окончательно. Еда не спасет, ежели влажность пропитала всю подстилку, а стоять нельзя, сидеть не на чем. Итог перед глазами – сломанные доски. С каждым днем хуже и отношение: все резко, без слов. Снова

начали вспоминать навыки по подготовке вопросов, но на все ухищрения получали однообразный ответ:

– Ничего нет.

И вряд ли будет. Если за три с половиной месяца наши не сумели вытащить, почему должно получиться в эти дни? А каждые прожитые сутки – себе в убыток. Из охраны исчезли Хозяин, Че Гевара, Чика, а оставшийся Младший Брат благосклонностью к нам никогда не отличался.

Мы подходили к краю. Ни в какой лагерь нас, естественно, не сдадут, за спасибо не выпустят, на работах, даже в качестве рабов, использовать побоятся. А зиму мы и сами не выдержим. Да и не планируют они долго возиться с нами. На просьбу о соломе для подстилки новый охранник, подменявший Младшего Брата, угрожающе ухмыльнулся:

– Вам не солому надо давать, а такое устроить, чтоб света белого не взвидели. И вы дождетесь...

Снова возникают мысли о побеге. Осколок зеркала превращается в перископ. Просовываем его в щель, вертим по кругу, тщательно изучаем двор. Отыскиваем калитку, самые низкие места в заборе. Дом окраинный, неподалеку проходит трасса – по ночам слышим шум машин. Если продырявить зеркалом мешки, мука высыплется внутрь и появится возможность поднять крышку. Бежать, конечно, надо ночью, во время грозы, когда от ветра гаснет электричество, а охрана сидит в доме.

И убегать никуда не следует. Калитку открыть, но самим забраться тут же на чердак, переждать первые дни суматохи под носом...

Но опять – что станется с родными?

Ловушка. Бессилие. Планы побега – не больше чем красивая страшноватенькая сказочка.

Не знаю, как мои сокамерники, а я начинаю потихоньку готовиться к худшему. Ночью пишу прощальное письмо директору службы Сергею Николаевичу Алмазову. Надежды на то, что записку передадут, никакой, но и не написать не могу. Прощаюсь со всеми на Маросейке, 12, прошу, чтобы не думали, будто пленение произошло по моей безалаберности. Почему-то это подспудно тяготит весь плен, и хочется оправдаться: погоны и честь офицера не пустой звук. И совершенно небезразлично, как меня станут вспоминать.

Впереди еще два письма – родителям и семье. Но на них душевных сил не остается. Тяжело. Прибереженные листки откладываю, словно именно ненаписанные письма сумеют сохранить меня еще на сутки.

Из рассказа
полковника налоговой полиции Е. Расходчикова:

Родственники Мусы, которых мы разыскали, сразу загорелись идеей обмена. Послали ходоков к Рамзану, отыскали его, организовали нам новую встречу.

– А какая нам выгода отдавать Иванова сейчас? Мы его подержим еще месяца три-четыре, миску похлебки как-нибудь найдем для такого дела. А потом и назовем окончательные условия его освобождения, – стали набивать они цену.

А я чувствую: время уходит, ситуация в Чечне меняется не в нашу пользу, мы начинаем зависеть от любых случайностей. Время, как и боевиков, требовалось подталкивать, чтобы удержать инициативу в своих руках. Но каким образом?

Спасти ситуацию мог лишь Муса. Прошу привезти его из Владикавказа в Грозный. Когда товар перед глазами, с ним расставаться всегда тяжелее. Извиняюсь перед тобой и Мусой, но в то время вы оба шли как товар, куда от этого деться. Его в наручниках привезла под конвоем наша физзащита. Понять руководителей можно: чеченца привезли в родные края, где практически не осталось федеральных войск. Сделает ноги – и как оправдываться перед Генеральным прокурором?

В то же время понимаю, чувствую: покажу родным Мусу в таком эскорте, полного доверия не вызову. А мне нужно только оно.

Вспоминаю, что Алмазов разрешил принимать любое решение. Окунаюсь с головой в ледяную воду – принимаю: наручники – снять, конвой – в Москву, Мусу – к родным в дом.

Пробираемся в село окольными путями. Родители как вцепились в сына, чувствую, не отдадут больше никогда. А документы на его освобождение – это в случае удачного обмена – у Саши Щукина, который из следователей остался один. Так и замерли перед последним прыжком: с одной стороны, я, Гена Нисифоров, Саша Щукин и наш бессменный проводник Бауди, с другой… Ох, в какую же мышеловку полезли.

Но интуиция нас не подвела. Додавили ведь Рамзана всем селом, всем родовым кланом. Не знаю, чего там было больше – просьб, угроз, но нам передали: обмен в одиннадцать часов дня одиннадцатого октября.

Нам утром еду принес тот сорокалетний мужик, который заставлял меня переписывать последнюю записку насчет расстрела в ноябре.

Сам, без просьбы сообщает:

– У тебя, полковник, может кое-что получиться. В Москве задержали мафиози, и тебя хотят перекупить его подручные. Возможно, тайно переправим тебя в Москву, а мафия пусть разбирается с тобой дальше.

И – все. Снова – крышка, семь мешков под спуд, граната на особо ретивых.

Радоваться? Страшно. Еще неизвестно, что за мафиози и какие условия они выставят за мою свободу. И как переправят в Москву? В багажнике машины? Тайными тропами? Сколько это займет времени? Почему мафия прокрутилась быстрее, чем наши оперативники?

Нет, предложенный вариант – далеко не лучший. У мафии разговор еще короче, чем у боевиков. Не успели, наши – не успели...

Днем приехала машина из лагеря: неподалеку от нашего люка сложили гору оружия – от крупнокалиберных пулеметов до пистолетов и патронных цинков. Накрыли масксетью. Все это отследили через «перископ», и сообщение о моей перепродаже стало расплываться. Уже столько раз свобода была «вот-вот».

Из рассказа
полковника налоговой полиции Е. Расходчикова:

В одиннадцать Рамзан стоял на «стрелке».

– А где Иванов?

– Деньги утром, стулья – вечером, – показал знание «Двенадцати стульев» главарь. – Сначала вы выполняете наши условия.

– А я с тобой буду говорить только после того, как напротив посадишь Иванова и я увижу, что он жив.

– Так не получится. Условия диктую я. Стулья...

– Условия будет диктовать ситуация. А она такова, что завтра я улетаю в Москву. Вместе с Мусой. И ты со своими проблемами можешь остаться один на один. И на сколь угодно долго.

– Ну ты крутой, размахался. Иванов жив, но далековато. Его надо еще привезти.

– Поехали привезем вместе.

– А не боишься? – Непримиримый вытащил пистолет, снял с предохранителя.

– Да вроде нет, – достаю гранату, выдергиваю чеку. – Если что, ни твоя, ни моя.

– Ну ты брось, брось. Еще нечаянно отпустишь. Нам надо еще кое с кем посовещаться. Подожди.

И исчез. Проходит час, второй, третий. Я дергаюсь, но больше не за себя, а за Москву и Моздок: знаю, все руководство во главе с

директором сидит у телефонов, все знают про одиннадцать часов, а тут еще конь не валялся. И связи никакой, одна граната в руке. Гена, Саша и Бауди стоят чуть в стороне: если пойдет провокация, чтобы не уложили одной очередью. И с места ведь не уйдешь, другого раза может не повториться.

Мимо проскакивают машины, ясно – идет проверка. Убежден, что весь район оцеплен, и надежда только на родственников Мусы, которые пообещали по горскому обычаю не дать гостей в обиду. А тут уже и темнота подступает.

Рамзан явился в сумерках, с дополнительной охраной:

– Ладно, будет тебе Иванов. Но чуть позже. Все ясно: они ждут ночи.

За миской для ужина пришли как обычно. Я подал посуду в открывшийся люк, но сверху бросили маску:

– Живо надевай и наверх. Быстрее.

От волнения долго не могу всунуть ноги в туфли. Жизнь снова, как в момент взятия в плен, круто меняется, и куда вынесет волна, одному Богу известно. А тот заранее еще никому ничего не сообщил.

Хочу попрощаться с ребятами, но сверху хватают за руки и выдергивают наверх.

– Скажи «асмелляй», – успевает прошептать Борис. С мусульманского на христианский – это что-то вроде «Господи, помоги».

«Господи, помоги. Асмелляй».

Маска на голове. Я вверху. Куда-то ведут, заталкивают в легковушку. По бокам, упирая автоматы в бок, тесно усаживаются невидимые и молчаливые охранники.

Выезжаем со двора и мчимся по трассе. Затем сворачиваем в лесок, пересекаем его, вновь трасса. Резкая остановка. Высаживают, перегоняют в другую машину. Снова дорога. Все молчат, но напряжение витает в воздухе. Боятся провокаций?

Наконец съезжаем на обочину, меня вталкивают в третью машину. Мимо по трассе проносятся авто, некоторые дают короткие сигналы – идет проверка. Кому же меня передадут? Где передадут? Кто они, новые хозяева?

– Холодно, – втискивается охранник ко мне на заднее сиденье.

– Одиннадцатое октября. Осень, – осмеливаюсь ответить. А скорее, провоцирую на дальнейший разговор. Тороплюсь узнать хотя бы что-нибудь из своего будущего. Которое им-то наверняка известно. И которого, если честно, боюсь.

– А ты откуда знаешь дату? – удивился кто-то с переднего

сиденья. – Дни, что ль, считал?

– Сегодня сто тринадцатый день плена, – подтверждаю удивление.

Пауза. Решают, что сказать. Ну?!

– Считай, что последний. Последний – чего?

– Тебя сейчас меняем. – Это я уже знаю. – Спросить напоследок чего хочешь?

– А... ребята? Я чем могу им помочь?

Вопрос из серии предварительных заготовок: если начнут давать советы, значит, есть надежда...

– Если есть желание, передай их родным, что сумма, которую мы назвали, остается прежней. Имя посредника, способного нас отыскать, они знают. Но без денег пусть лучше никто не появляется.

Помню:

«Даже если сам Аллах спустится за вами, но спустится без денег, – расстреляем и Аллаха!»

И песню выучил:

Пустой карман не любит нохчи,
Карман командует: вперед.

Но сейчас главное для меня то, что боевики дают советы. Играть в чувства им нет никакого смысла, значит, в самом деле можно на что-то надеяться? Вот только кому продадут-отдадут? Мафиози в лесу или глухой деревне жить не будет, возможно, что вывезут в сам Грозный. Только были бы там свет и тепло. А как переправлять в Москву, наверняка перед сделкой продумали. Если подключат к разработке операции и меня и раскроют хоть половину карт – а на это надо бы намекнуть! – сам рассчитаю все варианты и моменты передачи. После всего пережитого попасть под пулю из-за чьего-то недосмотра и куриных мозгов совсем не хочется. Надежда только на себя. Нужно с этой секунды держаться очень настороженно и при любой опасности или оплошности прыгать в сторону. От автоматной очереди, от нового мешка на голову и очередных дней и месяцев неволи. Боевики правы: сегодня последний день. Впереди – или новая жизнь, или ее конец. Третьего не дано. Третьего не хочу.

Включается магнитофон. Неизменные воинственные ритмы. Сколько выдержат чечены подобного барабанного боя? Придет ли к ним нормальная музыка?

Впрочем, что мне с того? Они сами заказали подобную мелодию...

С трассы вновь засигналили.

– Живо, – меня схватили за рукав и бегом потащили вперед. – Давай шевелись, твоя жизнь зависит от тебя.

Бегу, спотыкаюсь. Засовывают в очередную машину, которая сразу же набирает скорость. Окна почему-то открыты, ветер свистит по салону. Минут через двадцать – остановка. Меня выводят, но на этот раз спокойно. Останавливают. Чего-то выжидают. Срывают маску.

Ночь. Перекресток полевой дороги. Передо мной толпа женщин, парень на костылях. Напротив, с автоматами на изготовку, отряд Непримиримого. И он сам, усмехающийся. А где мафиози? И почему столько народа? Обманули? Все-таки сдают на растерзание селу, в котором погибли боевики?

Сбоку кто-то надвигается. Мафиози? Я готов радоваться и ему, кем бы ни оказался. Он в свитере, в руках замечаю зажатую гранату. Почему-то обнимает меня. Слышу шепот:

– Как имя-отчество Алмазова?

Называю, даже несмотря на неожиданность, сразу. Пугаюсь уже потом: а вдруг перепутал? И при чем здесь Алмазов... кто?

– Расходчиков. Из физзащиты.

Наши? Обмякаю в сильных объятиях. Так не умирают и не рождаются. Меня вытащили? Я буду жить?

Из рассказа
полковника налоговой полиции Е. Расходчикова:

В том человеке, которого вывели из машины, тебя узнать было невозможно. Худой, заросший, в обмотках. Фотографии твои имелись у каждого оперативника, но то, что увидели... Извини, конечно, но краше в гроб кладут...

Меня как-то хотели оставить в могиле без гроба...

– Ну что, полковник. Я тебя взял, я тебя и возвращаю, – подходит с вскинутым к плечу автоматом Непримиримый. – Авось когда-нибудь свидимся. Даст Аллах – не на войне. Сказать что-то хочешь?

– Помоги Махмуду и Борису. В подвале очень сыро.

– Попробую, – обещает, но без гарантии, боевик. Знать, сам не всегда волен делать то, что хочется. Ох, ребята, нет полной свободы в этом мире. И не будет. И пули ваши под красивые лозунги независимости и имя Аллаха не всегда были праведны. А уж деньги, полученные за страдания другого человека, не добавят вам ни счастья, ни благородства...

Непримиримый неожиданно протягивает руку. Ту, которая держала «красавчика» при моем пленении. Которая сжималась в кулак, чтобы больнее ударить. Которая, в принципе, и затолкала

меня почти на четыре месяца в подземелье.

Демонстративно не заметить ее или все-таки пожать? Вокруг суматоха «стрелки», хлопают дверцы машин, отдаются команды. Через миг мы разъедемся в разные стороны, удерживая друг друга под прицелом. Интересно: а повернись фортуна и окажись я властителем судеб своих тюремщиков, что бы сделал?

Не знаю. Твердо убежден лишь в том, что никогда не посадил бы человека в яму. И не поднял бы оружия, чтобы расстрелять. Может, даже простил бы.

Прощу ли?

Рука Непримиримого все еще протянута. И это лучше, чем упертый в затылок ствол автомата.

Протягиваю свою в ответ. Как бы то ни было и что ни пришлось пережить, – за сдержавшего свое слово не пускать в расход без нужды Старшего. За Литератора, бросившего однажды в яму пакетик «Инвайта». За Хозяина, ни разу не поднявшего на нас руку и не повысившего голос. За Че Гевару. Чику, научившегося на войне не только держать в руках оружие, но и гитару. Крепыша, Боксера и даже Младшего Брата. Пусть они видели во мне лишь пленника и будущие деньги, – я в ответ сумел разглядеть в них и хорошее.

Поэтому вместо проклятий и презрения – прощение. Это тяжелее и пока через силу. Может, завтра пожалею об этом. Но Хозяин однажды радовался, что он чеченец, а не русский и не еврей. Но испокон веков русские, как никто другой, умели прощать. Что намного благороднее других человеческих качеств. Поэтому я тоже горд и счастлив, что родился русским. Ничего не забываю, но прощаю.

Ради будущего.

Хотя нет, я не прав. Моя протянутая рука – это в первую очередь страх за Бориса с Махмудом и неловкость перед ними. За то, что я на свободе, а они... Вскину гордо подбородок я – что падет на их головы? Мы слишком долго были связаны вместе и очень сильно зависим друг от друга...

Протягиваю еще и потому, что сам окончательно не верю в освобождение. Мне никто ничего толком не объяснил, и эта встреча посреди дороги может оказаться лишь «стрелкой», демонстрацией, что я жив. А после нее – опять все в разные стороны на долгие недели новых переговоров. А я уже научен: охрану раздражать – себе дороже.

Поэтому фраза «ради будущего» – это ради моего личного будущего и будущего оставшихся в неволе соподземельников. Я еще даже не снимаю топорщащийся из-под костюма корсет: выброшу, а как потом стану греться, где возьму новый, когда

снова попаду в яму? Не трогаю и обмоток, путающихся меж ног. И, наверное, все-таки прав Махмуд насчет моего хватательного рефлекса: если на происходящее смотрю с неверием, то на серый шерстяной свитер Расходчикова – с вожделением. Если нас все же станут развозить в разные стороны, надо будет успеть попросить у него одежду. А он в Москве возьмет мою...

Слышу гортанную команду – мгновенно реагирую только на нее. Боевики, пятясь, не спуская глаз и автоматов с толпы, отходят к машинам, хлопают дверцами и исчезают в пыли и темноте. На какое-то мгновение остаюсь совершенно один – можно тоже бежать в темноту и скрыться. Плохо, туфли разносились, спадают с ног. Придется бежать босиком...

– Все, теперь домой, – останавливает попытку вынырнувший сбоку Расходчиков.

А гарантия есть ехать домой? Он все предусмотрел? Рядом с ним всего двое русских, их лица знакомы – значит, из налоговой полиции. Но три человека – это так мало, это практически ничто во враждебной Чечне.

– Домой, домой, – загалдели чеченцы.

Впервые усаживают в машину без повязки на глазах. Впервые не упирается под ребра ствол «красавчика». Но все равно пока ни во что не стану верить! Сто тринадцать дней ничего не происходило, а тут – нате вам? С чего бы это?

И в то же время как сладостно-томительно не верить в хорошее, когда в подсознании стучит: «Верь, верь, верь».

Мы сдавлены в «Жигулях», веревки корсета больно врезались в грудь. Потихоньку сначала ослабляю узлы, а затем развязываю их полностью. Стараюсь побыстрее и побольше надышаться – то ли свежим воздухом, то ли свободой.

Быстро въезжаем в село с редкими огоньками. Машина натужно вытягивает себя на пригорок, где нас ожидает еще большая толпа. Жители замахали руками, возбужденно заговорили. Радуются? Еще остались чеченцы, которые радуются моему освобождению? Как мне теперь к ним относиться?

А первое, что делают мои трое русских спасителей, – обнимаются сами. Значит, интуиция не подвела меня и встреча на ночном перекрестке висела на волоске?

– В дом, – приглашает сухощавый старик. – Все в мой дом. Сегодня у нас праздник.

18

Чистая постель, сухо, тепло, я вымыт и переодет – а не

спится. Изворачиваюсь, перекомкав подушку и простыню, усаживаюсь на тахте падишахом.

У ног, на полу, по-солдатски одинаково повернувшись на правый бок, спят мои спасители. Под окном, начинающим сереть от рассвета, иногда слышны осторожные шаги. Это Муса, мой крестник, столь удачно подыгравший под мафиози. Как только Саша Щукин поставил свою подпись под документом о его освобождении, Муса исчез в доме и вернулся с пулеметом на плече.

– Спите спокойно, он с друзьями будет вас охранять, – пояснил его отец, глядя на сына и все еще не веря в его освобождение.

Но лично мне не спится. Не то что боюсь проспать отъезд или не доверяю Мусе. В глазах стоят укутавшиеся в сырые одеяла Борис и Махмуд. В яме. Могу представить, как тяжело им перенести мой отъезд. Скажут ли им, что я на свободе? Или исчез – и исчез.

Где-то в глубине души я все время боялся остаться в плену в одиночестве. Даже сейчас, сидя на тахте, предполагаю, что бы делал в таком случае. Конечно, соорудил бы из освободившихся одеял шалаш или вагонное купе – не терять ни одной доли тепла. Подмел бы прутиком, найденным за банками, весь подвал – это могло занять уйму времени! Следом идет протирка от пыли и влаги подвальных банок, их аккуратная перестановка. Можно сделать зарядку – на коленях, правда, но не привыкать. Таким образом я бы убил целый день одиночества. Но сколько их могло ждать впереди?

Передергиваюсь от озноба. Не верю. Да, я не сплю потому, что не верю в освобождение. Усну – а проснусь снова в яме. Второго раза не выдержу. Лучше оставаться в том, первом плену…

– Чего не спишь?

Женя Расходчиков, словно почувствовав мой взгляд, поднимает голову.

– Не знаю. Не спится.

Он ползет к тахте, усаживается рядом.

– Все нормально, все позади, – прекрасно понимает он мое состояние. – Утром выскочим отсюда, а дальше – свои. Руководство, черт побери, жалко. Уже сутки не даем о себе знать. Представляешь, с какой ненавистью и одновременно с надеждой глядят в Москве на телефоны?

Вчера вечером гадали: вырываться из района ночью или все же дожидаться утра.

– Утром безопаснее, – взял на себя ответственность Расходчиков. – Ночь для Москвы станет кошмарной, но ехать в

темноте – риск значительно, больший. Могут перехватить или элементарно расстрелять машину. Остаемся.

– Ночью они к нам не сунутся, а с рассветом прибудет подмога, – обещает Ахмат, тот самый парень на костылях, который встречал меня на развилке. Вместе с женщинами, родственниками Мусы он специально выезжал на «стрелку», гарантируя таким образом: со стороны Расходчикова и федеральных войск никаких провокаций не намечается. Боевики смертельно боялись подвоха, не скрывали этого и на любые гарантии заученно твердили: «Русским нельзя верить, у них нет слова чести».

– На каких условиях меня обменяли? – спрашиваю у Жени.

– Тебе это сейчас важно? – пожимает он плечами. – Главное, что вырвали. «Есть у Родины тайны, которые умирают вместе с солдатами», – так, кажется, сказал кто-то из поэтов. Потом сам все узнаешь.

– А ребят нельзя было вместе со мной?

– К сожалению. По каждому человеку отрабатывается отдельная операция, стандарта как такового нет. Что получилось с тобой – никогда не пройдет с другими. Ты нас только извини, что раньше не смогли вытащить.

Раньше... Из неволи, как шутят сами пленники, дай Бог выходить не раньше, а хотя бы вовремя. Мой день – 11 октября. Кстати, день рождения отца.

– Как у меня дома? – осмеливаюсь наконец спросить о том, что вертелось на языке с первой минуты встречи. Я еще многого боюсь. Плохих вестей – в первую очередь.

– Все в порядке, ждут. Теперь дождутся. Осталось немного.

Женя тянется к столику, достает пистолет. Из рукоятки выщелкивает магазин с единственным патроном. Выдавливает его пальцем на ладонь, пробует на вес и протягивает:

– Держи на память. Он не выстрелил. А потому ты на свободе.

Приподнял голову Бауди, проводник:

– Пора?

– Нет еще, спи. Я тоже еще немного подремлю, двое суток на нервах.

Он укрывается одеялом, а я опять возвращаюсь к Борису и Махмуду. Осторожно сажусь в ногах, около бледно горящей лампы. По язычку пламени лучше любого барометра можно определять, сколько остается воздуха в подвале. В «пенале» его запасов – от утра до вечера, так что, если забудут принести ужин, лишат не просто еды, а глотка свежего воздуха.

Махмуд спит, разбросав руки, – сколько раз мне доставалось от них. Борис укутал голову рубашкой – это пошло с тех пор, как

его укусила в макушку какая-то гадость и ранка долго гноилась. Спите. Я привык бодрствовать по ночам…

Утром нас вышла провожать половина села. На трех машинах подъехали вооруженные с головы до ног парни, взяли нас в середину кортежа. То ли специально, то ли иной дороги не существовало, но проехали мимо дома Непримиримого. Наверняка и тот сидел не без охраны, но никто никого не тронул: родовую войну в Чечне развязывать никто не решался.

Сложнее пришлось, как я понял, начальнику налоговой полиции Чечни, которого мы разыскали в Надтеречном районе – пророссийски настроенном и демонстративно не подчинявшемся новой власти. Он обнял меня, провел в дом. Я не читал соглашений, подписанных Лебедем и Масхадовым, в них главное – окончание войны. Но какой ценой? Если люди, которые желали жить вместе с Россией, работали рука об руку с нами, вынуждены теперь сами скрываться по подвалам в родном краю, то что это за соглашение? Может, тогда соглашательство? Почему Москва бросила их? Ради высшей цели – мира? Но никто не дает морального права бросать союзников. Любые соглашения становятся филькиной грамотой, словесной эквилибристикой, когда в реальности видишь брошенных на произвол судьбы людей.

Странная война. Еще более странно ее окончание…

Когда выехали из войны и попали в Моздок, в объятия начальника местной налоговой полиции Петра Ильича, Расходчиков поинтересовался:

– Ну а теперь-то веришь, что свободен? Нет, еще не дошло. И даже когда подозвали к телефонному аппарату и директор лично поздравил с освобождением, когда услышал голос жены, а детям ребята накупили два пакета подарков – прошлое все равно не отпускало.

– Билет на Москву завтра из Минеральных Вод, – выстелил дальнейшую дорогу из плена Петр Ильич.

В его кабинете незнакомые прежде мне люди во главе с Василием Ивановичем Лисовым – насколько понимаю из реплик, специально присланные Сергеем Николаевичем Алмазовым подстраховать операцию. Я лежу за кирпичной кладкой, а с двух сторон ко мне бегут Непримиримый с бандой и Женя Расходчиков с группой. Чувствую, что наши не успевают, а это значит – снова плен.

Подхватился от собственного крика. Какое-то время не мог понять, где я и что со мной. По радио дали сигнал точного времени – восемь утра. Начались последние известия. И вдруг в эфире звучит:

– В результате специальной операции оперативников налоговой полиции России вчера освобожден из чеченского плена писатель, полковник Николай Иванов.

Все. Вот теперь – все! Верю. Впервые за последние годы верю официальному сообщению, потому что в нем до последней буквы – правда.

И как же тяжело, оказывается, сдерживать чувства.

Утыкаюсь лицом в подушку, чтобы задавить подступившие слезы. Слишком часто – дважды в плену и вот сейчас – даю им волю. Но сил справиться с ними не хватает. Ослаб. А может, пусть выходят, пока я один и никто не видит? На свободе ведь, на свободе! И могу делать все, что хочется. Меня никто не держит. Не стережет. И ключ от двери – у меня самого. В окно бьет луч солнца, на деревьях – еще не опавшие листья. Что нам еще надо, люди?!

...Дайте мне выплакаться, люди. Чтобы оставить все в прошлом.

Если получится.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Долгожданный звонок из Нальчика раздался через шесть дней.

– Блиндаж-баши, это Махмуд-апа. Докладываю: карты сохранил и вынес на собственном теле.

– Николай, а это Борис. Мы дома.

– Вы живы? Не верю. Давайте я вам сам перезвоню.

– Все в порядке. Главарь передает тебе привет. Говорит, не ожидал, что ты, русский, займешься нами, кавказцами, и сумеешь за такой короткий срок вытащить на свободу.

– Чтобы добыть деньги, заложили в кредит здание вашего банка.

– Знаю. Но когда свободен – можно крутиться и заниматься своей судьбой. А ты все-таки должен доехать до Нальчика. Путь нельзя прерывать.

– Доеду. И после никогда не буду играть в города.

– И ходить в зоопарк, – напоминает о наших клетках Махмуд. – Давай, до встречи.

Короткие гудки, словно многоточие в романе. Или в судьбе.

И не ради красного словца сказано. Еще месяца через два телефонный звонок поднял меня среди ночи.

– Алло, это полковник Иванов?

– Да. С кем я разговариваю?

– Это из Грозного. Вы меня не узнаете?

– Нет.

Долгая пауза – решали, называть ли имя. Неужели Старший?

– Вы меня в плену звали Боксером. Боксер?

– Я слушаю.

Я мог только слушать, потому что не ведал, с какой целью бывший тюремщик набрал номер моего телефона. Настороженность и интерес – вот два чувства, которые, перебив сон, боролись теперь во мне.

Только на днях был подписан Указ Президента о награждении Расходчикова и Нисифорова орденом Мужества, а генерала Колывагина, Петра Ильича Царакова и Сашу Щукина медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Наградные листы ходили долго, где-то чиновники удивились: «Вот если бы они десяток людей спасли...» – «Но у них-то самих жизнь одна, и они рисковали своей единственной жизнью», – доказывало руководство налоговой полиции.

Доказали, убедили. Плюнув на весь курс лечения, поднял за них тост. И вот звонок...

– Я вас видел по телевизору...

Он называет меня на «вы»?

– А ты как исчез из охраны, так и не попрощались.

– Мы брали Грозный. Был ранен.

– У тебя какие-то проблемы? – спросил в лоб. И откровенно на «ты».

– Проблемы... – грустно усмехнулся и надолго замолчал собеседник.

Почему-то не хотелось, чтобы он бросал трубку, и торопливо сам заполнил паузу:

– Что-то случилось?

– Да нет, что могло случиться? Кроме того, что не получили желаемого, за что боролись. Власть захватили те, кто отсиживался у вас в Москве и не держал в руках оружия. Но отрастили бороды, приехали на «мерсах», а нам...

Все ясно: а их, деревенских парней, снова посылают пасти баранов.

Кажется, он угадал мое мысленное продолжение разговора. Но все же добавил:

– А в Россию нам нельзя, для вас мы – террористы. Снова пауза. Чувствую, что звонит не ради того, чтобы поплакаться в жилетку. Боксер не из таких. Больше всех мне нервы мотал, но в то же время не был тупым исполнителем, пытался думать...

– Я чего вам позвонил, – упорно продолжает называть меня на «вы». – Я слышал, что вы говорили по телевизору, читал ваши

заметки. На днях внимательно пересмотрел записи, которые отобрали у вас. И понял: вы ничего плохого Чечне не сделали. А вот мы, чеченцы, сделали вам и вашей семье очень больно. Я хочу… извиниться.

Я встал. Сел. Включил свет. Прошедшее кольнуло столь больно, что почувствовал слезы. Но это была та боль, после которой наступает облегчение. Ведь Боксер мог и не звонить…

– Спасибо. Спасибо тебе за звонок.

– И еще, – теперь уже торопливо добавил чеченец. – Я за вас не получил ни копейки. Хочу, чтобы вы знали об этом. А записи ваши сохраню и попробую каким-то образом передать. До свидания.

– Что случилось? Кто звонил? – на меня смотрела испуганная жена. – Ты что, плачешь?

– Это от возбуждения. От очень хорошего звонка.

– Но кто звонил?

– Боксер. Который обещал уши отрезать. Кажется, он закончил свою войну. А я, видимо, окончательно вышел из плена…

* * *

Но и это оказалось еще не все, и точку в своей пленной эпопеи я все же поставил сам.

Когда за Чечню все же решили взяться всерьез и в 1999 году началась контртеррористическая операция, вышло постановление правительства о создании газеты «Чечня свободная» – для освобожденных районов республики. Редактировать ее определили моего товарища по Львовскому политучилищу Владимира Гондусова, ныне возглавляющего силовую редакцию в РИА «Вести». О его командировке я узнал, когда пересеклись с ним случайно в метро. Пожелал счастливой дороги – на том и расстались.

Но на работе мной вдруг овладело непонятное чувство. Казалось, после всего случившегося я в сторону Чечни и смотреть не смогу, а тут неожиданно все мои мысли – о ней. И еще не оформившаяся, не утвержденная окончательно мной самим идея: а что если поехать туда еще раз? Боевики как-то иронизировали, что если оставят меня живым, то пригласят когда-нибудь посмотреть на те места и ямы, где таскали меня с завязанными глазами. А я вот возьму и приеду сам, без приглашения. Тем более что ко второй войне у меня отношение совершенно иное – на сей раз чеченская сторона не смогла оказаться благородной,

затуманились мозги о правлении едва ли не всем миром. Надо глянуть и на таких чеченцев – побитых после боя, сникших…

«Авантюра», – признаюсь самому себе, но решаюсь сыграть в русскую рулетку.

Оглядываю кабинет. На рабочих местах лишь мои сослуживцы Оксана Кузина и Татьяна Павлова, мужчины курят. Обычно говорят: послушай женщину и сделай наоборот. Как ляжет карта, если вскрыть колоду?

Почувствовав мой пристальный взгляд, женщины молча вопрошают: что-то хотите спросить?

Спрашиваю:

– Да или нет?

На меня смотрят с непониманием, но в конце концов единодушно «советуют», желая, конечно же, лучшего:

– Пусть будет «Да»!

Послушай женщину и сделай наоборот…

– Пусть будет.

Набираю телефон Гондусова, напрашиваюсь в заместители. Тот не верит, пытается напомнить, *что* я получил в тех краях…

А мне главное – чтобы о поездке не узнали жена и родители. Уж они-то не пожелают ни принимать, ни понимать никакие аргументы. Да и есть ли они, кроме моего внутреннего состояния?

– Скоро выборы, – начинаю забрасывать удочку дома за ужином. – Предлагают войти в предвыборный штаб генерала Николаева…

– Тебе это надо? – интересуется жена.

– Думаю, да. Посмотрю изнутри, как и что делается в предвыборных технологиях. Только вот ехать далековато – Камчатка, Сахалин, по всему Дальнему Востоку.

– А почему туда?

Но как раз фамилия генерала А. Николаева выбрана не случайно, хотя он лично и баллотируется в Москве:

– Так он же бывший пограничник. Вот по всем дальневосточным заставам и поедем. Но минимум на два месяца.

Жена завидует: посмотрю такие благодатные места. В конечном итоге соглашается на поездку и лишь просит купить ей пимы, ходить зимой по снегу.

Куплю.

С генералом Николаевым и влетаю в историю буквально через неделю. Оказалась возможность позвонить из штаба объединенной группировки войск домой, а мне радостную новость: звонил Юрий Александрович Виноградов, президент Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов,

хотел пригласить на вечер, где он будет вручать медаль К. Симонова генералу… А. Николаеву. Узнав же, что я как раз «агитирую» за него на Дальнем Востоке, обрадовался:

– Я ему при вручении и скажу, что мой первый вице-президент с группой ведет сейчас агитационную компанию за него. Как все к месту!

Представляю лицо генерала, ни сном ни духом не ведающего, что кто-то где-то прикрывается его именем…

Успеваю поймать по телефону Виноградова, умоляю молчать о моей персоне.

Только слух уже пошел среди знакомых о моем «агит-шоу», и когда на аэродроме в Моздоке я случайно столкнулся с корреспондентами своего бывшего журнала «Советский воин», у тех от удивления глаза полезли на лоб:

– Вы здесь? А нам на редколлегии сказали: все, Иванов тоже сломался, за три тысячи «баксов» полетел на Дальний Восток протаскивать какого-то «быка» в Госдуму.

А я за пятьдесят пять рублей командировочных мотался по Чечне, вслед за войсками подбираясь все ближе и ближе к местам, где меня взяли в плен. Писал про восстановленные мосты, про сев озимых, начало занятий в школах, об обнаруженных зинданах, горящих нефтяных скважинах, освобождении из плена людей. И добрался-таки до той самой дороги, где три года назад была остановлена наша «Нива». Вышел на нее из автомобиля один, специально без оружия. Прошелся по трассе. Вот теперь точно – все! Точка. И сказал себе: мы должны добираться до тех мест, которые когда-то наметили в своей жизни. Мы ли не русские офицеры, черт возьми!

Вместе со сдержанным удовлетворением получил и бессонницу. Прошедшее оказалось слишком памятно и близко, оно никуда не исчезало, и потребовалось лишь малое напоминание, чтобы все всколыхнулось, пустило волны. Ложусь спать, закрываю глаза – и сразу ямы, ямы, ямы. И нет никакой уверенности, что мне удастся из них когда-либо выбраться. Удивился: почему нет согласованности между нервами и душой?..

При первой оказии приехал в здание налоговой полиции Моздока, куда меня привозили сразу после освобождения. Лариса, секретарша, вспомнила меня сразу, лишь я изобразил бороду и худобу. Как и прошлый раз засуетилась с чаем.

Начальник отдела Петр Ильич Цараков перешел служить в МВД, стал заместителем начальника городской милиции, но примчался сразу, лишь вышли на его мобильник. Распорядился, где будем ужинать. Познакомил с братом, родными.

Увиделись и с Бауди, проводником – он сам разыскал меня во

Временной администрации Чеченской республики. Привез домой, усадил за стол, и первый тост мы подняли за Евгения Расходчикова и Геннадия Нисифорова. Геннадий к этому времени перешел на службу в органы юстиции, стал генералом. Не обошла офицерская звезда и Евгения Расходчикова, который возглавил Управление физической защиты налоговой полиции и на его плечи также легли генеральские погоны. После моего возвращения из этой второй чеченской командировки он будет назначен старшим группы по воссозданию налоговой полиции Чечни и тоже уедет в наши «родные» края.

– Возьми меня с собой, – попытался напроситься я в его группу.

– Понимаешь, мне там работать нужно будет, а не заниматься тобой, – отшутится Женя. – Ты вышел из доверия. Давай лучше ошибки исправим.

Он шел с документом в корректорскую группу к Елене Павловне Шастиной, в буквальном смысле вычищающей в документах наши грамматические и стилистические неточности. Только и она ведь бессильна удержать нас от ошибок, которые мы допускаем в жизни. Да и не подпадают зачастую наши поступки под четкие правила, а в русском языке достаточно много исключений… К тому же на пятилетний юбилей освобождения Евгений подарит мне каску, намекая: не суй свою голову куда не следует. А уж если лезешь – то береги ее.

Но мы сделали вдвоем с Владимиром Гондусовым «Чечню свободную». Сами собирали материалы, сами писали их, редактировали, набирали на компьютере, макетировали, везли дискеты в Минеральные Воды в типографию. Привозили номер и сами распространяли его по освобожденным районам. Тираж – двадцать тысяч, периодичность – два раза в неделю. Вот тут воистину белке в колесе позавидовать можно было. Как постоянно подчеркивал редактор, среди войны, беженцев, недоверия мы должны были делать газету с добрыми вестями и хроникой возрождения. Это мне-то – вместо мщения…

Тайно в душе надеялся на встречу с кем-либо из своих конвоиров. И ловил себя на мысли: попадись Хозяин, Чика, Литератор или даже Боксер – постарался бы в чем-то помочь. Извечная русская жалость к противнику? Или воистину доброе – даже в мелочах – помнится ярче?

Не встретились.

Зато мы сделали газету. Для тех чеченцев, кто хотел остаться с Россией – про них очень мало писала наша пресса, журналисты норовили отметиться интервью с боевиками. Там, в Чечне, узнал дополнительные подробности своего освобождения. Моими

поисками активно занимался Рамзан (фамилию его лишний раз не стану афишировать, да и суть не в ней). Боевики не простили ему заботы о русском офицере, но, не имея возможности достать его самого, пошли на гнусность – захватили в заложники его отца.

Около двух лет сельский кузнец провел в кандалах в подземных ямах. И снова Рамзан, рискуя собой, приехал из Москвы в Чечню на поиски отца. И нашел, и освободил его. И помогали ему теперь уже наши офицеры. И слушал я рассказы о том, как замуровывали дудаевцы чеченских милиционеров в стены за то, что те носили российскую форму. Как учителя заставляли ходить в школу и в 12-й, и в 13-й класс своих выпускников – лишь бы те не ушли в банды. Об этой, «нашей» Чечне мы знали совсем мало, поэтому возвращался я домой «с Дальнего Востока» на необычайном душевном подъеме. К тому же, как бы то ни было, меня в плену унизили полным бесправием, и вот теперь я вернул еще и должок. И что принципиально важно – снова без оружия.

...Петр Ильич Цараков подарил на память кавказский кинжал, и жена, увидев меня, бородатого, с ним, воскликнула: – Ты как чеченец.

Я засмеялся, и она, мгновенно поняв все, заплакала. Только все равно по сравнению с предыдущим возвращением это были другие слезы.

А вернувшийся из командировки Е. Расходчиков привез все же весточку об одном из моих «крестников». При попытке прорыва через блок-пост омских омоновцев был расстрелян в своей автомашине Рамзан Багулов – «Непримиримый». Вечером я наполнил рюмку, но так и не определился, за что мне ее поднять: за смерть или упокой. В конечном итоге выпил за здоровье и счастье всех близких мне людей...

Петр ИЛЮШКИН

ТЕНЬ ЗЮЛЬФАГАРА. Рассказ

Майор плакал. И не просто плакал, а беззвучно рыдал, крепко сжимая широкими ладонями седую, коротко остриженную голову. Он сидел на старом ковре, по-туркменски скрестив ноги, и мерно раскачивался. Гримаса страшной боли не сходила с его лица, а по белесым от двухдневной щетины щекам беспрерывно текли слезы.

Соленая влага оставляла дорожки на огрубевшей, продубленной всеми ветрами коже лица и тяжелыми каплями срывалась вниз. Мягкий ворс тактично впитывал шумы, способные помешать безмятежному сну семьи майора: жены и маленького сынишки. Порою слышались звучно-звенящие шлепки прямого попадания капель в две пиалы с затейливым восточным орнаментом, наполненные горючей водочной жидкостью. Одну пиалушку прикрывала блестящая шестиугольная металлическая звездочка с заточенными словно у бритвы краями. Это был сякен – знаменитое оружие полумистических японских «ночных демонов» – ниндзя.

Михаил не был ни сентиментальным меланхоликом, готовым пустить слезу по первому зову души, ни тем более алкоголиком. Но вот уже пятый год в середине августа он уходил в сильнейший недельный запой. Впрочем, на его службе это практически не отражалось и потому командованием не замечалось. Тем более что пил он только ночами, опустошая за несколько бессонных тягучих часов ровно по две бутылки водки.

Ближе к рассвету майор в изнеможении валился на ковер, чтобы ровно в шесть с трудом поднять отуманенную, тяжело гудящую голову и долго с напряжением вспоминать, где он находится, вглядываясь в очертания сжимающих его диванчика и шкафа составляющих почти все убранство крохотной общежитской комнатушки.

Он осторожно нащупывал пиалу тремя уцелевшими искореженными пальцами левой руки, медленно сжимал сякен и, перебарывая тошноту, упрямо цедил сквозь сжатые зубы теплую горькую жидкость. Поднявшись и постояв немного на непослушных, словно ватных, ногах Михаил приобретал нужную устойчивость и, полуавтоматически подхватив старенький чайник, выдвигался на кухню.

...Был понедельник, но движение в узком коридоре еще не началось, хотя из-за всех дверей уже давно слышалось настойчивое тирликанье будильников.

Заслышав майорские сомнамбулические шаги, из своей комнаты испуганно высунулась заспанная, неопрятно одетая

пожилая вахтерша.

– Так и знайте, я про вас опять в журнал записала!

Ее визгливые слова туго доходили до мозга, трансформируясь в какие-то неясные, странные фразы: «Вас, Оваз, Овез, Овез-мурад...». Крепко держась за чайник, пытаясь найти в нем точку опоры, Иванов старался не шататься и твердо следовать коридорному фарватеру.

Зайдя в умывальник с плесневыми проплешинами на стенах, Михаил подставил голову под холодные тонкие струйки воды, источаемые давно неисправными кранами, и не слышал, как вахтерша слезливо жаловалась своей товарке – массивной неуклюжей прапорщице Лариске:

– Опять он мне спать мешал! Представляешь, всю ночь по коридору ходил. Как я теперь дома работать буду? Приходишь – думаешь отдохнуть от домашних хлопот, телевизор посмотреть. Так нет же, шляются тут всякие. А сегодня ночью... он меня убить хотел!..

Лариска, обремененная тремя орущими детьми и туповатым мужем-увальнем, была известна всему управлению как большая любительница и распространительница всякого рода слухов, в том числе и общежитских. А потому она, до того сочувственно качавшая своей огромной лохматой головой с затерявшейся в засаленных волосах бигудиной, хищно втянула воздух и сразу проснулась.

– Да он вообще обнаглел, этот Иванов. Его давно выселять пора, – продолжала вещать хранительница ночного спокойствия – а то шатается по коридору всю ночь. А мне не заснуть. Лежу, злюсь, смотрю на будильник. Уже четыре. Встала, раз выглянула, два. Ну и крикнула ему: «Стой!»

Свой окрик вахтерша изобразила так образно, что глаза у Лариски округлились, а черные жиденькие усики над толстой губой хищно вздрогнули.

– У него, наверное, и нож был? – свистящим шепотом предположила прапорщица, участливо заглядывая в лицо своей подруги.

– Хорошо, что не было! – понизила та голос. – Только я крикнула – он кувыркнулся вперед и, как кошка, в мою сторону прыгнул. А на лету ногой разбил тумбочку; видишь, обломки лежат. Так что отпереться ему не удастся, когда рапорт мой будут рассматривать.

– Вот ужас-то! – Ларискины глазки изображали сочувствие, а нетерпение уже толкало побыстрее оказаться на хоть и не очень обременительной, но такой нелюбимой работе. Да от этой новости весь округ закачается! Но она все же нашла в себе силы

дослушать вахтершу: как та испуганно спряталась в комнате и потом до утра глотала валерьянку.

Но Лариску ждало жуткое разочарование. Когда минут через десять (сверхрекорд), грохоча тяжелыми туфлями, она выскакивала из своих дверей, Иванов стоял в служебной комнате и, опираясь на барьер, мирно беседовал с вахтершей, так сильно напуганной им ночью. Та улыбалась и медленно рвала какой-то лист бумаги.

– Рапорт! – Лариска чуть не задохнулась от обиды и возмущения. – Все. Ведь за скромной внешностью – никакой сенсации. Кто ж поверит, если вахтерша не подтвердит? Он загипнотизировал ее, что ли?

Как ни странно, но Лариска попала в самую точку. Ведь за скромной внешностью майора скрывался грозный воин, освоивший могучее искусство ниндзюцу в совершенстве: не только смертоносный рукопашный бой, но и умение незаметно, почти невидимо проникать и внедряться куда угодно, а также воздействовать, в случае необходимости, на людей независимо от их воли...

Может, поэтому начальство не замечало его запойных дней, хотя сумасшедший и, в общем-то, дурной ритм службы не позволял отделу расслабляться даже по выходным. И никто не поверил бы, что этот всего пару лет назад прибывший из жаркой Туркмении и никогда, даже в компаниях, не употребляющий спиртного офицер может выпить не одну бутылку водки. Никого не удивляло то, что он однажды твердо «попросил» использовать по назначению положенное на спортивную работу время. Ну, уходит куда-то парень, с кем-то там сражается в парке, что ж тут такого. Но чтобы «обижать» честную компанию, а потом втихаря глушить спир-тягу, этого бы никто не понял...

...День пролетел незаметно. И он опять сидел по-туркменски на старом ковре в своей убогой комнатушке. И опять плакал, пиалу за пиалой проглатывая горькую жидкость. Ночная тишина душного августа не приносила ему ни сна, ни отдыха. Он опять был там, в далеких, раскаленно-знойных туркменских горах, и с высоты птичьего полета зорко вглядывался в черные извилистые трещины мрачных ущелий, гигантской паутиной опутавших знаменитый район «Золотого треугольника».

Когда-то лучший и единственный друг Михаила – Иван Дорофеев научил его этому необычному и неведомому для всех методу вычисления времени и пути контрабандных наркокараванов, ползущих по многочисленным тайным тропам на стыке границ Туркмении, Афганистана и Ирана. Благодаря ему

была поставлена под угрозу срыва вся отлаженная десятилетиями стройная система поставки наркотиков из Афганистана и Пакистана. Не один наркокурьер или «приближенный» пал не от пуль пограничников, а от руки своих же хозяев, обвиненный в предательстве.

Может, оно и имело место, это предательство, но было, во всяком случае, неумышленным. Не зря ведь добродушный голубоглазый увалень Ваня превращался в крепкого бородача-афганца и пропадал неделю, а то и больше в одному ему ведомых пуштунских кочевьях. И ни одна контрразведывательная «баба Яга» не могла учуять его русского духа.

Наверное, судьба Дорофеева миловала, а скорее, выручали его острый ум и высочайшая подготовка: наблюдательность, глубочайшие знания восточных обычаев и языков, почти звериное чутье и интуиция. Все эти качества, а также недюжинные способности Ивана к гипнозу позволяли их разведгруппе решать задачи зачастую без боя.

Так было и в тот июльский день, когда неизвестные, прорезав кусачками дыру в электросигнализационной системе на участке Тагтабазарского погранотряда, на каком-то мощном мотоцикле прорвались далеко в глубь туркменской пустыни.

Дорофеев долго изучал карту местности и советовался с ребятами из Туркменского комитета безопасности. В задумчивости сидел с закрытыми глазами. А потом резко встал: «Поехали!»

И надо же, он вывел свою группу прямо к полуразрушенной ферме, жители которой рассказали о двух неизвестных, пару часов назад подходивших в поисках воды и какого-нибудь транспорта. А потом эти люди, очень уж похожие по повадкам на афганских моджахедов, ушли на кошару к Амангельды, у которого имелся старенький «уазик».

– Ребята, по всему видать, серьезные, и задача у них более сложная и важная, чем простая перевозка наркоты, – сделал вывод Иван, выслушав фермеров и задав им несколько, казалось бы, не относящихся к теме вопросов.

Палящее солнце упало за дальние серо-желтые барханы, когда пограничники, укрываясь за чахлыми деревцами саксаула, где перебежками, где ползком окружили войлочную юрту. Дорофеев, став благодаря чабанскому наряду настоящим туркменом, зашагал к белеющим у загона овцам. Выскочившие было навстречу ему огромные лохматые алабаи – туркменские овчарки были остановлены криками подбежавшего подпаска. Следом вышел и сам Амангельды, пригласив путника в юрту.

Бойцы, сжимая автоматы, с напряжением вслушивались в

ночные шорохи пустыни, готовые в любую секунду сорваться на помощь командиру. Но приказ был дан железный: «Лежать тихо и ждать меня!»

Прошло много томительных минут, пока из юрты не послышался звук удара и вслед за ним – условленный свист. Ворвавшись в юрту, бойцы увидели сладко храпевшего бородача, освещаемого отблесками горевшего посреди костерка. А Иван в стороне связывал кому-то руки. Старик Амангельды сидел, свернув калачиком ноги, и невозмутимо пил чай.

– Как я и думал, птички эти – весьма важные, залетевшие аж из Пакистана, – говорил потом Дорофеев, когда они сидели за дастарханом гостеприимного чабана. – И прошли они, видать, хорошую спецподготовку. Особенно один, которого даже я не мог усыпить. Он сразу почувствовал во мне профессионала, хоть и прикидывался я зашедшим по надобности соседом с фермы. Вот мы и сидели, схлестнувшись в бесконтактном бою. Тяжело нам придется, если такие ребята сюда повадятся ходить. Но, думаю, этими спецами разбрасываться не станут, слишком они ценные...

Эх, Иван, Иван! Ты и сам-то был слишком ценным специалистом, чтобы твоя голова не была высоко оценена. По информации, нужен ты был только живой. Но это обстоятельство как раз и губило «охотников», потому что взять тебя живьем было практически невозможно.

Пятнадцатое августа два друга-разведчика Иван да Михаил встречали на заставе «Инджирли-Чешме», упрятанной в блиндаже еще с афганской войны. Данных о готовящихся перейти границу караванах не было, но на душе у Дорофеева было тревожно. Из отряда поступила команда встретиться с одним очень надежным, как подчеркивалось в телеграмме, афганским информатором в одном из отрогов Зюльфагарского хребта. Но о нем Иван даже краем уха не слыхал. И это невольно настораживало и вызывало ощущение какой-то неясной тревоги.

Иван не раз бывал на той стороне, и никогда спокойствие и уверенность его не покидали. А тут своя территория, хоть и на стыке трех границ. Казалось бы, чего волноваться-то?

– Да ты, брат, просто устал, – пытался его отвлечь Михаил, – давай лучше споем...

– Подожди, дай подумать, – Иван достал карту местности, которую он знал вдоль и поперек, и стал ее внимательно изучать, – что-то здесь не так. Зачем афганцу выходить именно в эту точку? Подозрительно все это...

Подозрение его усиливалось еще и сообщением о серьезной неисправности заставского «уазика», еще вчера резво

взбиравшегося на любую горку.

Но времени на глубокие размышления не оставалось, надо было выезжать. Иван привычно сел за руль, на заднем сиденье расположились четыре солдата (пулеметный расчет, гранатометчик и снайпер), и машина разведотдела рванула в горы. Часа полтора они петляли по узкому серпантину дороги, привычно заглядывая в бездонные пропасти ущелий и зорко всматриваясь во все расщелины. А солнце все сильнее раскаляло это мертвое пространство.

Иван знал дорогу как свои пять пальцев и потому, когда машина, вывернув за скалу, чуть не врезалась в невесть откуда взявшуюся глыбу, едва успел ударить по тормозам.

И тут же под задними колесами прогремел взрыв, от которого погибли сразу все бойцы. А Дорофеева и Иванова ударной волной выбросило на дорогу.

Перекатившись за камни, разведчики приготовились к смертельному бою. Ясно, что засаду делали специально для них. Но почему нет града пуль, а лишь слышен треск горящего «уазика»?

Офицеры, не переставая внимательно оглядывать горные склоны, быстро доставали перевязочные пакеты: у Ивана осколками раздробило правую ступню, а Михаилу срезало пальцы на левой руке.

Вот только перевязаться они не успели, потому что совсем рядом раскрошили камень снайперские пули. Били с обеих сторон узкого в этом месте ущелья, причем прицельно.

– Почему же не попадают? – мелькнула у Михаила мысль. – Ведь нам и укрыться-то негде.

– Живыми взять хотят! – словно в ответ крикнул Иван, перетягивающий жгутом ногу. – Значит, мы отсюда выберемся! Прыгай сюда, перевяжу тебе руку, а то кровища хлещет.

Но тут, многократно отраженное горным эхом, раздалось просительно-мяукающее:

– Ванья, сдавайсь! Ты наш гость. Бросай автомат. На дорога иди.

– Ты смотри, хорошо по-русски шпарит, – Михаил, морщась от боли, зубами разрывал индивидуальный пакет. Но в ту же секунду пуля обожгла ему правую ногу выше колена.

Схватив друга за здоровую руку, Иван вместе с ним прыгнул в сторону чахлого кустарника, за которым начиналась крутая осыпь. Пока они скользили вниз, по ним открыли огонь и засевшие ближе снайперов автоматчики, которые тоже стреляли, скорее, беспокояще, выжидая окончания спуска друзей.

Не предполагали враги, что внизу пограничников ждало

спасение, хоть и временное. Где-то посредине обрыв образовывал скальный выступ, козырьком выступающий вперед и изрезанный расщелинами, в которых можно было укрыться и даже постараться заползти под сам выступ. От большой потери крови у Михаила кружилась голова. Иван, несмотря на серьезное ранение, открыл по появляющимся бородатым фигурам меткий огонь. Когда те перестали высовываться из-за камней, он быстро перевязал Михаилу истекающую кровью кисть, пообещав чуть позже заняться и ногой.

– А сейчас – вниз, – прошептал Иван, – соберись с силами, сконцентрируй энергию, и мы спасемся. Я заглядывал, ниже есть что-то похожее на пещеру. Ты лезь, а я придержу тебя.

Отстегнув от автомата ремень, он лег на кромку обрыва, помогая Михаилу медленно спускаться вниз. Тот, уцепившись правой рукой за ствол, морщась от боли, осторожно нащупывал точки опоры.

– Есть пещера! – воскликнул он, став на не широкий, но устойчивый выступ скалы, рядом с которым темнел узкий лаз.

– Вот оно, спасение! – думал он, подставляя здоровую руку под каблук начавшего спуск друга.

– Надо уходить ниже, – сказал Дорофеев, когда спустился к пещерке. – Теперь я полезу, мне легче первым, чтобы удержать тебя на спуске. Я ж массивнее.

И он, осторожно нащупывая опору на почти отвесной скале, полез туда, где темнела узкая щель. Михаил держал его, вцепившись правой рукой за ремень автомата.

Но что это? Резкий рывок чуть не вырвал Иванова со скальной полки: его друг сорвался из-за ушедшего в пропасть ремня, но страховка спасла его. А самого Михаила медленно потянуло к краю обрыва. Он тщетно пытался ухватиться искореженной и мокрой от крови рукой за глыбу известняка. Еще немного, и они вместе уйдут вниз, где далеко в глубине бушует горный поток.

Доли секунды хватило Ивану, чтобы принять единственно верное для себя решение.

– За меня не бойся! – прохрипел он, и… выпустил из рук автомат…

До сих пор Михаил не помнит, как он забрался в пещеру. Там его, лежащего в беспамятстве, и нашли на второй день пограничники разведпоисковой группы.

Были долгие месяцы госпиталей и психические срывы из-за самообвинения в гибели друга. И седина, нежданно побелившая голову…

А Ивана найти так и не смогли. Да и поисковую операцию,

как говорили, разведчики свернули очень уж рано. Поговаривали потом, что у пуштунов появился какой-то сверхзасекреченный инструктор с голубыми глазами, благодаря работе которого они вскоре начали теснить дустумовцев по всем фронтам. Но был ли это Иван?

Проверить это Иванов, прошедший неплохую спецподготовку у Дорофеева, конечно, смог бы. Но после госпиталя его неожиданно перевели на Кавказ, откуда по всяким «служебным причинам» он так и не смог вернуться на афганскую границу.

Но всем сердцем Михаил верит, что его друг и брат жив... Он допускает лишь, выловили его в реке и срочно отправили в Пакистан, где лучшие врачи вернули Ивану жизнь, но не стали возвращать потерянную память.

Вот почему пятнадцатого августа майор Иванов не может уснуть. Сидя на ковре, он глотает горькую жидкость и горько плачет, шепча в ночной тиши бесконечное: «Прости меня, брат. Не удержал. Прости!»

Валерий ГОРБАНЬ

ПРОСТО КОМАНДИРОВКА. Повесть

Змей

Ну, здравствуй, Грозный!

Стремительная штука жизнь. Только вчера в родном городе по первому снежку берцами поскрипывали. А потом – с самолета на самолет, свечка вверх, крутое пике вниз… и привет, чеченская столица! Хорошо хоть в колонне не пришлось трястись, пыль глотать, да с холодными мурашками на загривке зеленку по обочинам рассматривать.

В самолете брони под задницы подкладывали. А в «Северном», перед погрузкой в «Уралы», заставил и «Модули» и шлемы на себя одеть. Пусть аборигены аэродромные улыбаются ехидно. Их тут в три кольца охраняют вместе с высоким начальством. А нам через враждебный город ехать. И что там за обстановочка – неизвестно. Береженого Бог бережет.

Да, город краше не стал. Полгода трепотня идет на всех уровнях о восстановлении. Миллиарды сюда втюхивают. А результатов что-то не видать. Хотя нет – вон целая площадка зачищена. И вокруг дудаевского Белого дома работа кипит. От зданий, что полуобваленные, со страшными ранами стояли – только кучи мусора остались. Саперы поработали. А теперь КамАЗы щебень куда-то вывозят.

И люди изменились. В апреле пришибленные какие-то были. С виноватыми взглядами. Понимали, что получили страшный расчет за четыре года беспредела. Ощутили, что бывает, если Россию по-настоящему раздраконить.

А нынче – ты посмотри: как подменили. Теперь у них в глазах те же самые слова, что на бывшем кинотеатре Россия светятся: «Аллах над нами, Россия под нами, победа – за нами!» Вот он Буденновск-то. Вот она – трусость и тупость политиков наших. Премьер великой России – перед бандитом на коленях: «Басаевич, Басаевич». Ох, умоемся мы еще кровью, ох, умоемся! Ладно, все! Запретил себе об этом думать – вот и нечего сердце рвать. Свое дело делай, да ребят береги. Они еще Родине ох как пригодятся.

Приехали.

Ну что тут у нас? Небольшая двухэтажка – явно – бывший детский сад. Через заборчик – второй домик нарообразовской наружности. А рядом, слева, огромная современная типовая

школа. Тоже вся в колючке, значит, и там – наши.

Во дворе перед детсадиком что-то среднее между сарайчиком и блиндажом. Похоже, баньку предшественники соорудили. Ай да молодцы! Рядом с банькой БТР в ровике. Въезд в комендатуру под двумя стволами пулеметными держит. На морде его имя написано: «Нафаня». Наверное, собровская[3] броня. Эти черти краповые – народ веселый. В армии меньше вольностей. А вот и хозяева БТРа. Подошли, здороваются. Точно – собровцы, дальневосточники. Соседи наши по детскому садику.

– А в той двухэтажке кто?

– Еще два ОМОНа. Уральцы и сибиряки.

– О, да мы тут по московским понятиям все земляки, все из-за Урала. А комендант где находится?

– А вон, за заборчиком и влево. Отсюда не видно, там домик такой маленький, одноэтажный. Только коменданта сейчас нет, в Ханкалу вместе с замами умотал.

Ну что ж, пока отцов-командиров нет, можно и в порядок себя привести. А парни мои и без меня разберутся. Вон взводные наперегонки в здание помчались – кубрики делить. Спасибо летунам: бойцы свеженькие и день только начался. К ночи все успеем отдраить, в порядок привести, да хозяйство обустроить. Долго нам раскачиваться не дадут. Мужики в ГУОШе[4] буквально на ходу успели сказать, что отряд, который до нас был, смены не дождался. Их вэвэшники временно заменили, а кому охота чужую работу делать. Здесь и так – все внапряг. Так что комендант может нас на блокпост оголенный уже сегодня кинуть. Не зря Агата Кристи – начальник штаба отряда, получивший свою кличку из-за горячей, почти фанатской любви к этой рок-группе, и Танкист – его помощник, уже под навесом летней кухни с картой и какими-то списками разложились.

Через увитый колючкой пролом в кирпичной стене, с помощью которого сообщались два дворика, аккуратно, бочком протиснулся здоровенный мужик. По повадке – командир, или кто-то из офицеров старших. По плечам могучим и антуражу спецовскому – омоновец или собренок. Голова свежевыбрита, а на красном обожженном солнцем лице – щетина черная, душманская. Ну, моджахед моджахедом.

– Здоров, братишка! – лапищу тянет, – подполковник Мишин.

– Здоров! Подполковник Змей.

– Брат – омоновец?

– Точно.

– Такой же Змей, как я Мишин?

– Птица-омоновец отличается умом и сообразительностью, умом и сообразительностью.

– Заржал от души душманище. Звезданул по плечу ручищей:

– Наш человек! Ну, заходи вечером, расскажу что почем. Мы тут уже неделю, освоились.

– Это ты заходи. Приглашаю по случаю прибытия и представления. И второго соседа прихвати.

– Вот это по-нашему.

И опять – бабах ручищей! Ощущение такое, будто я с плеча из гаубицы выстрелил. Совсем свою дурь с моей тонкой натурой не соразмеряет, громила. Я тоже вроде бы не сильно дохлый. Но разряды спортивные у меня только по бегу и по пулевой стрельбе. И вообще считаю, что лучший прием самбо – выстрел из РПГ-7.

– Ну ладно, устраивайся. В девятнадцать, как стемнеет, подвалю.

И опять кувалда в плечо летит. Шалишь брат! Чуть влево сместился – кулачище мимо просвистел. Подмигнул душманище:

– Точно – Змей. Ну, до вечера!

– Слушай, а в школе кто располагается?

– БОН[5] , сибиряки. Но туда можешь не ходить.

– А что такое?

– Их комбат ментов не любит, даже разговаривать не хочет. Я сунулся было познакомиться, так он сквозь зубы что-то процедил, к своему начальнику штаба отправил и весь разговор. Хотел ему по башке дать, да не стал окончательно отношения портить. Тем более что здесь вся техника – у него. Пока дает, если для дела надо. Да и хрен с ним. Мне его любовь не нужна.

Так, разговоры разговорами, но пора уже и умыться-побриться после дальней дорожки. А на вечер, вообще, не мешало бы баньку раскочегарить, если работает. Повезло нам в этот раз. Сразу видно, что здесь напряга с водой нет. Те, кто лиха в первом штурме Грозного хлебанул, рассказывали, что снег топленый с копотью и кровью за напиток богов шел. А здесь цистернища перед входом – тонн на пять небось. Только не защищена почему-то. Одна-две пули – и стечет вся. И не подойти к ней, если комендатуру в кольцо зажмут. Да и вообще, все здесь безалаберно как-то. Окна в здании плохо заложены. Защитная стенка перед входом совсем развалилась. Ребятки решили, что все: уже – победители? Ой, не кажи гоп... Надо будет с командиром собровским переговорить. Мы ведь теперь не только здание, судьбу делить будем. Тем более что собрята уже с моими вовсю общаются. Свысока немножко, ну да ладно, это быстро пройдет, а дружба боевая – она иногда за секунды рождается, но годами живет.

Женька

Смотри ты, пижон какой – командир у омоновцев. Не успели расположиться, уже переоделся в чистенькое, стоит, бритвой скоблится возле умывальника. Сразу видно – новичок. Всем известно, что пуля первого – бритого ищет. Мы только две недели тут, а народ уже, как положено, выглядит. У каждого усы и бородка на свой лад курчавятся. Кепи уставные уродские на зеленые косынки поменяли. По городу, конечно, можно и в краповом берете порассекать. А на выезде – не стоит, боевику нашего брата собровца шлепнуть – за счастье. Немало собры волчьей крови выпили. Боятся они нас и за страх свой ненавистью платят.

Омоновцы снуют, как муравьи. Из расположения мусор выносят – мешки с песком заносят. А теперь за рулоны принялись. Кто-то до нас натаскал с молокозавода катки бумаги и полиэтиленовой пленки, из которой пакеты делают. Здоровенные, материал вязкий, ни одна пуля не пробьет. Раньше, пока стрельба была серьезная, рулоны, наверное, вход в бывший детский садик прикрывали, где мы теперь размещаемся. А нынче тихо, как-то само собой все и развалилось.

Но эти – новенькие. У страха глаза велики. Решили, наверное, себе крепость отгрохать.

– Эй, командир, поберег бы ребят. Пусть отдохнут с дороги!

Это Саня, корешок мой, прикалывается. А чистюля ухом не ведет. Ну, ничего. Здесь обычно начальнички попонтуются день-другой, а потом сдуваются, как пузыри. Этот, тоже небось из таких. Парней своих в дорогу вырядил в бронежилеты, шлемы надеть заставил. Как они у него по пути от жары не позагибались? Служи по уставу, завоюешь честь и славу! А у нас этот металлолом под койками валяется. От судьбы не уйдешь!

Что это Саня затевает? Встал у командира омоновского за спиной, ракету осветительную в руках держит. Вот хохма сейчас будет... Хлоп – п-ш-ш-ш! Пошла ракета! Был чистюля – и нет. Как ветром сдуло. За цистерной с водой пристроился. Сидит, по сторонам поглядывает.

Наши смеются. А Саня с невинной мордой:

– Ой, извините, случайно получилось. Да вы посмотрите: это просто ракета.

Пижон из-за цистерны вылез, плечами пожал:

– Ребята, если вы здесь сначала рассматривать будете, что хлопнуло, а потом прятаться, то вы – покойники.

– Да уж как-нибудь ракету по звуку отличим.

– Омоновец посмотрел странно, вроде с жалостью. «Суперспец – сам себе кабздец», – выговорил четко и пошел к себе.

– Смотри ты, деловой. Теоретик! Посмотреть бы, как под пулями себя поведешь. Да, Женька?

Промолчал я. То, что вначале смешным показалось, как-то глупо обернулось.

Боец ОМОНа с автоматом у внутреннего входа встал. Пост, что ли? От кого? Здесь только свои ходят.

– Эй, братишка, у вас командир в каком звании?

– Подполковник.

– Такой молодой? То-то выслуживается, вас гоняет. Непонятная реакция. Обычно таких зануд подчиненные не любят и случая не упустят за глаза протянуть. А этот процедил сквозь зубы: «Нас устраивает», – и отвернулся.

Хотя, может, и правильно. Это – дело семейное. Какой ни какой командир, а свой.

Перекур у омоновцев. Мы подсели, знакомимся. Братишки, в основном, нашего возраста – до тридцати. Особой разницы и нет, что мы все – офицеры, а они – сержанты да прапорщики. Понятно, общаются с нами уважительно, интересуются, какие здесь порядки. Спрашивают:

– У вас какая командировка?

– Первая, но мы уже две недели здесь. А в Чечне день за три идет, понял?

– Понял, как не понять... Стреляют здесь?

– Не переживай, у нас район спокойный. Но если на шестом блоке будете стоять, там бывает.

– Да я не переживаю, интересно просто.

Саня наш улыбается снисходительно:

– Ничего, война всех обтешет, скоро сами опыта наберетесь.

– Да, опыт – дело важное... – И опять интонация странная, только на этот раз не сердитая, а с усмешечкой.

Покурили, поговорили. Поднялись омоновцы и снова – за работу.

А у меня в душе ощущение непонятки какой-то. Ясно, что с разговорами этими связано, а что конкретно? Черт его разберет. Занятные ребятки, с двойным дном. Может, просто рисуются, чтоб себя не уронить?

Ну и хрен с ними. Некогда тут самоанализом заниматься. Вон наш начальник Сашку зовет, похоже, команду на выезд получили.

* * *

БТР плавно идет, на выбоинах не трясет, колышется только. Саня за старшего. На башню верхом уселся и на ходу инструктаж

проводит:

– Прибываем в ГУОШ, от брони не расходиться. Пойдем в сопровождение колонны. Она уже готовая стоит, нам команду поздно дали. Может, даже догонять придется.

Серега, пулеметчик наш смеется:

– Саня, надо было тебе приятеля своего из ОМОНа пригласить. Пусть посмотрит на боевую работу, пока отряд совсем в стройбат не превратил.

– А чего ему смотреть? – это Генка – связист полюбопытствовал. Он перед самым выездом где-то пропадал, не в курсе дела.

– Новичкам не вредно.

– Какие новички? Они первую командировку еще пять месяцев назад отработали. Из боев не вылезали.

– Откуда фактишки?

– Из связи, вестимо. Я им к комендатуре подключаться помогал, пообщались.

– Ай да омоновцы! Вот, наверное, ржут сейчас! Свои и то вон закатываются, чуть с брони не падают.

Мы с Санькой отвернулись, чтобы друг на друга не смотреть. А Генка ничего не поймет, он ведь этой клоунады на дворе не видел...

Колонна ушла.

Вот, блин! Придется мчаться, как чокнутым. Догнать бы до выхода из города. В колонне веселей. А в одиночку можно и на неприятности напороться. Хотя, волков бояться – в СОБРе не служить.

На КПП, у поворота на Ханкалу, узнали, что колонна уже минут сорок, как пропылила. Быстро катят, порожняком, так мы за ними долго гнаться будем.

Санька карту у военных попросил:

– Вот где можно срезать, здесь проселочная дорога, в полтора раза короче получается.

Офицер, вэвэшник с КПП, плечами пожал:

– Не советую. Лучше вернуться. Раз без вас ушли, значит, сопровождения хватает. Еще наездитесь.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанское!

Влипли!

Задним умом теперь все понимаем. И что вэвэшника надо было послушать. И что дурь последняя – без разведки в такие ловушки соваться.

Еще пять минут назад катили весело, прикалывались:

– Все духи на центральных дорогах сидят, а мы тут у них по тылам гуляем!

Стали с горочки спускаться, в ложбинку. Вся в зелени, только успевай от веток уворачиваться. В самом низу – старые блоки бетонные на дороге валяются. БТР ход сбросил, между ними пробирается. А из лесу – мужик бородатый, лет тридцати, может, сорока. Черт их, черных, разберет. В зеленом берете, но без оружия. Руку поднял.

– Привет! – улыбается.

Но что-то нехорошо мне от его улыбки стало. БТР притормозил. Держим мужика на мушке:

– Чего надо?

– Я командир отряда самообороны. Я вас в плен беру.

– Чего-о-о?

– Ребя-а-та, по сторонам посмотрите внимательно. Только стрелять с перепугу не начните. А то беда будет.

Сердце у меня куда-то вниз обрушилось. Аж замутило. У всех наших тоже вид неважнецкий: из кустов человек двадцать высыпало. У доброй половины – «Шмели»[6] и «Мухи»[7] в руках. Пулемет. Автоматы с подствольниками. И кажется, что все это на меня одного смотрит. А в кустах небось еще снайперы сидят. Спиной ощущаю, как чей-то взгляд между лопаток дыру сверлит.

– Оружие на БТР положите.

На Сашку смотрим. Ты собирался шампанское пить? Вот и расхлебывай.

Он белый, как полотно, но отвечает почти спокойно.

– Смысла нет нам оружие складывать. Все равно прикончите.

– Вы кто? Контрактники?

– Нет.

– А кто?

Молчим. Все знают, что контрактников духи за наемников держат. Сразу кончают. А если не сразу, то оставляют, чтобы поразвлечься. Нам комендант видеокассету давал. Там чеченцы контрактника два часа на запчасти разделывают. Но и нашего брата они не жалуют. Да какой смысл в молчанку играть. У каждого за пазухой – берет краповый. В карманах – удостоверения.

– СОБР.

– Милиция, значит? Офицеры все, наверное? Чего молчите? Стыдно, что ли, что милиционеры, а убийствами занимаетесь?

– Мы не занимаемся.

– А это что у вас? Рогатки, да? Зачем вы на нашу землю с оружием приехали? Я сам – майор милиции. Омскую высшую школу закончил. Десять лет в уголовном розыске проработал. У

меня по всей России друзья были. В гости друг к другу ездили. А теперь вы мою семью убили, за что? – голос у него на вскрик сорвался.

Здоровенный боевик, черной бородой чуть не до бровей заросший, рядом стоит, зубами скрипит, а правая рука предохранителем автомата – щелк-щелк, щелк-щелк.

– Мы никого не убивали.

– А я откуда знаю: убивали, не убивали? Кто у Руслана (на бойца своего кивает) брата застрелил? Вы, или друзья ваши? А моих бомбой убили. Всех сразу. Трое детей. Мальчики мои и девочка. Жену убили, мать, отца. Пока я в командировке был, в Россию за бандитом ездил. Те с самолетов бомбили, а вы в Самашках на земле мирных людей расстреливали.

В Самашках и наших полегло немало. Нам рассказывали, что и зачистка-то проводилась после того, как эти «мирные люди» из засады сначала московских омоновцев расстреляли, а потом – девятнадцать ребят из внутренних войск. Автоматы забрали, самих раздели, над телами надругались. А после штурма села десятки своих трупов с оружием оставили. Чеченцы – те свое рассказывают: сколько женщин и детей погибло. Да уж, надо думать, в этой бойне всем досталось. Пуля – дура. Ни пол, ни возраст не разбирает. Не нужно было вообще до штурма доводить. Да только вякни сейчас про это...

– Что вам здесь нужно? У вас что, дома бандитов нет? Чего ты лезешь на чужой земле порядок наводить, если на своей не навел. Думаете, мы тут сами не разберемся?

По-русски чисто говорит, грамотно. Только на гласных потягивает: «ребя-ата», да шипящие, как все они, по-своему произносит.

Сколько времени прошло? Нет сил уже слушать эту политбеседу. Тело все затекло от напряжения. Но шевельнись только. Двадцать пар глаз испепеляющих каждое движение секут. Так и ждут, волки, повода, чтобы нас в прах разнести вместе с БТРом. И сидим мы, как обезьяны перед удавом в мультике про Маугли.

Про детей рассказывает. Девочка ласковая была. За отцом хвостиком ходила. А пацаны мечтали в уголовном розыске работать. Года два назад младший у него значки с формы свинтил, фуражку забрал и убежал «в милицию» играть. А в райотделе, как на грех, строевой смотр. Хорошо, у начальника своих мальчишек четверо, только посмеялся.

Рассказывает он, а голос такой, что у меня – мурашки по

коже. Горе страшное, неизбывное в каждом слове звучит.

Вот, опять заводиться начал! Санька поддакнул неловко, ненатурально как-то, а он сразу:

– Ты не прикидывайся ягненком. Не прикидывайся. Знали ведь куда ехали! Город видели! Разве непонятно, что когда так бомбят, тысячи невинных людей гибнут? Ведь ваших же, русских сколько поубивали! Большие политики большой пирог делят. А мы с вами режемся: кровь – за кровь, смерть – за смерть. Вы нас убиваете, мы – вас. Те, кто наверху, потом между собой договорятся. А мне кто моих родных вернет? И если я вас здесь сейчас порежу, как баранов, кто вместо вас к мамкам вернется? Кто вашим семьям помогать будет?

Хорошее слово – «если». Если сразу не убьют, может, потом на своих обменяют. Но ведь измываться будут... У Сашки на руке часы, вот он кисть чуть повернул. Ого! Около шестнадцати. Если даже с запасом взять, что мы от комендатуры сюда час ехали, то получается – третий час «беседуем». А сил больше нет. Все! Чувствую, что еще немного – и не выдержу. Или орать начну, или на них брошусь. Пусть убивают. Пусть что хотят, делают. Но не могу я больше ждать, между жизнью и смертью висеть... Что он говорит?

– Уезжайте отсюда, чтоб я вас больше не видел. Бросайте оружие и катите назад. Вперед не советую. Там везде наши. Убьют и правильно сделают. Это я не могу на милиционеров руку поднять. Жаль вас, пацанов. Я вам жизни ваши дарю. Но если еще раз попадетесь, я с вами как с последними скотами поступлю. Ну?!

– Оставь оружие... Патроны, гранаты забери, оружие оставь!

Нам с таким позором возвращаться нельзя, я сам тогда застрелюсь.

Ты что, Сашка, сдурел?! Башню рвануло? Ты глянь, как он на тебя, наглеца, смотрит, аж кулаки сжал. Ведь отпустил уже почти! Сдохнешь, дурак, и нас за собой потянешь.

Тишина гробовая повисла. По-моему, даже листья шелестеть перестали.

– Уезжайте! – и отвернулся.

Один из его абреков не выдержал, как загыргычет чтото. Другой тоже – аж за голову схватился. И у остальных такое выражение в глазах, будто уже на спусковые крючки давят.

Но дисциплина у них! Гыркнул что-то в ответ. Опустили головы, повернулись следом и растворились в зеленке, будто и не было никого.

Кто-то из ребят шевельнулся, автомат приподнял.

– Не вздумай! – Сашка руку перехватил.

Правильно. Одно дело, что невидимые снайперы через оптику по-прежнему спины сверлят. Не такой дурак их командир, чтобы на одно наше благородство рассчитывать. Но можно назад на пригорок выскочить, а оттуда жахнуть из всего, что есть. Другое – главное: не по-человечески это – за подаренную жизнь смертью платить.

А не рано радуемся? Может, просто играют с нами? Ведь рядом стояли, в упор целили. Могли своих зацепить, осколками, да рикошетами. Сейчас чуть подальше отпустят и...

Выскочили! Выскочили!.. Аж до сих пор не верится. Водитель БТРа нашего, как до своих добрались – по тормозам, руль бросил. Минут тридцать его отходняк колотил. Да и остальные не лучше были. Геройство наше пижонское, пальцы растопыренные – вспоминать стыдно. Как там омоновец про суперспецов говорил?

А когда через город ехали, у меня будто повязку с глаз сняли. Дома – как в Сталинграде после битвы. Лишились люди всего, что имели. Сколько же, в самом деле, мирных полегло? Вон женщина идет, в черном платке, взглядом исподлобья провожает. Раньше бы не сказал, так подумал, что, мол, зыркаешь, сука бандитская! А сейчас другое в голове шевелится. Может, она ребенка похоронила. Или мужа. Или всю семью. За что ей нас любить?

Жаль ее. А своих не жаль? Что здесь в девяносто третьем – девяносто четвертом творилось! Взять ту девчонку, что к нам в комендатуру приходила. Родители ее в один день исчезли, а два брата – полицая дудаевских в тот же вечер в их квартиру заселились. Ей сказали: «Живи в кладовке, служить нам будешь». Что они, да дружки их, с несчастной вытворяли. С тринадцатилетней! Рассказывала, как робот. Даже плакать уже разучилась. Сколько их, таких палачей было?

Но ведь не все. И не большинство даже. А оппозиция здесь какая была! Тысячи против Дудаева поднялись. Сами гибли, семьи теряли. Чеченский ОМОН, СОБР, гантамировцы, завгаевцы, милиция Урус-Мартана... А мы всех – под одни бомбы, под «Грады» и «Ураганы»[8] . Вместо того, чтобы плечом к плечу выродков уголовных и фанатиков оголтелых давить, общим горем нацию сплотили, да против себя развернули. Сам-то себе признайся, брат Женька, как бы ты, к примеру, на месте этого сыщика поступил? Ну, то-то!

Так что же делать?! Что делать, брат Женька? Как друга от врага отличить? Как Родину защитить, честь свою не замарав и с бандитами в кровожадности не сравнявшись?

Башка трещит от проклятых мыслей. Душа, и без того страшным приключением измотанная, ноет, как нарыв. Водки, что ли, еще выпить. Не поможет… Как приехали, чуть не по бутылке на брата выпили, а трезвее трезвых. Только еще муторней стало. Где гитара моя?

* * *

Женька в руки гитару взял.

Все в душе – кувырком. В голове – кувырком.

Водка не помогает. Только одно средство есть, только одно сейчас спасет: пальцы левой – на гриф, пальцы правой – на струны. «Только грифу дано пальцев вытерпеть бунт!» Женька и раньше Розенбаума любил. А теперь…

Поет Женька. Голос его высокий по этажам бывшего детского садика, разрывами опаленного, пулями исклеванного, мечется.

Нарисуйте мне дом,
Да такой, чтобы жил,
Да такой, где бы жить не мешали,
Где, устав от боев, снова силы копил,
И в котором никто,
И в котором никто никогда бы меня не ужалил!

* * *

Уехали сегодня собрята, укатили. Их после истории этой с пленом глупым и освобождением невероятным с неделю по разным инстанциям потаскали. А потом решили, от греха подальше, заменить, домой отправить. И правильно. Они жизнь свою, по сути, выменяли на обещание в этой войне больше не участвовать. Пусть впрямую и не клялись, но у каждого над душой это молчаливое обязательство дамокловым мечом висит. Все. Не воины они больше. Не бойцы.

Другие собровцы на замену им пришли, из Башкирии. Командир у них огромный, на медведя похож. С виду – неуклюжий, косолапый, а начнет двигаться – залюбуешься: мягко, ловко, неуловимо. Чемпион республики по национальной борьбе. Кличка у него – Гранатомет. У других в подсумках по десятку выстрелов к подствольнику висит. А у этого – десяток «лимонок». Парни его говорят, что он эти гранаты на такое расстояние

швыряет, что они прямо над головами у «чехов», как шрапнель, рвутся.

Нормальные ребята. Без спецовских закидонов, битые уже, обстрелянные. Будем дружить.

А все равно осадок на душе нехороший от замены этой.

Но жизнь – как тельняшка омоновская, черно-бело-полосатая. Не успел хреновую новость переварить, и вот тебе сюрприз радостный!

По связи передали, что Змею из первой комендатуры подарок от старых друзей везут. А подарочек-то на двух ногах оказался. Ленька, брат саратовский, собственной персоной. Стоит, лыбится, довольный своим розыгрышем. Ай, дружище, ай, молодец! А Змей еще сомневался: когда из ГУОШа позавчера выезжали, у КПП больно уж похожий мужик стоял, с какими-то ребятами, по виду кавказцами, обнимался. Останавливаться некогда было, но еще подумал: он не он? Знакомы-то были только по переговорам в эфире, да нескольким коротким встречам в ГУОШе. Но что это были за встречи!

В первую командировку повадились духи по ночам внезапно из подствольников комендатуру обстреливать. Потом настолько обнаглели, что пару раз и днем обстреляли. За зданием старого общежития пристроятся и бьют навесом. И никак их не достать. К тому же, за спиной у них – жилой сектор в метрах в пятидесяти. Ни из подствольников ответить, ни, тем более, из миномета окучить. Не дай Бог – перелет, мирные пострадают. Делегации, комиссии, разборки...

С добрый десяток ребят из комендатуры в госпитальные пижамы, да в цинковые рубашки эта группа завернула. Омоновцев-то серьезно ни разу не цапнуло, но при такой постановке дела – это только вопрос времени.

И тут вдруг, после очередного совещания, во дворе ГУОШа подходит к Змею это чудо. Широкоплечий в животе, рожа чисто русская: добродушная, кровь с молоком. Командир сводного! Такому в колхозной бухгалтерии в нарукавниках сидеть, а еще лучше – пивом торговать, впишется в картинку. Но обманчива внешность, обманчива. Судя по тому, как бойцы при появлении командира подтянулись – в авторитете братишка. А в Чечне авторитет дешевыми трюками не заработаешь. Мужиком быть нужно.

– Ну ты чего молчишь, не задолбили они тебя еще?

– Кто они?

– Кто-кто? Кто тебя каждый вечер из-за общаги окучивает?

– Есть такое дело. Достали, гады, вконец!

– А мой снайпер у нас в первой комендатуре, на крыше точку нашел, с которой их любимый пятачок, как на ладони, видать.

– Да ты что! А чего не перестреляли сволочей? Я бы вам не стол – поляну целую накрыл!

– Они же не стоят, как мишени, а маскируются, поштучно не выбьешь. Да и далековато, почти километр, с ночником надежно не достанешь. Мы уже АГС и пулемет на крышу затащили. Вчера не успели, давай сегодня их в два смычка дернем. Они, кстати, потом не в жилой сектор уходят, а в зеленку, к дачам, по лэповской просеке. Ты туда со своих постов свободно достанешь. Поехали ко мне, я тебе все и живьем, и на карте покажу.

Ох, и дали духам просраться в ту ночь. Сначала Ленькины хлопцы их из АГСа, как в тире раздолбили: для этого аппарата километр – не расстояние. А потом – разрывами и трассерами от пулемета, как фейерверком, весь их путь освещали до того места, где бандюков неуемных змеевский АГС и три пулемета мстительных встретили. А Ленька по рации огонь корректировал.

Никто не знает, сколько духи своих трупов в уплату за братишек из комендатуры оставили. Местные, чуть свет, всех прибрали. Но заткнулись они почти на неделю. То ли до подхода новой бандешки, то ли пока старая раны зализывала, да от встрепки отходила. А Змею из той командировки, тьфу-тьфу-тьфу, так и не пришлось в родной город ни один «груз двести» вести.

Разве забудешь такое, разве за это, чем-нибудь когда-нибудь расплатишься! Вот и бойцы, только узнали, кто приехал – в командирский кубрик деликатесов натащили. Старшина отряда, по кличке Мамочка, скромно глазки потупя, две бутылки марочного коньяку дагестанского занес.

Ну что ж. Год не пей, два ни пей, а друг приехал – укради, да выпей. Обычно так про послебаньку говорят. Ну так и банька задымила. Омоновцы красивых слов благодарности говорить не умеют, но добро помнят.

– Ну рассказывай, дружище, каким макаром тут снова? Как ребята твои? С кем это ты возле ГУОШа обнимался? Только давай сначала – за встречу!

Ленька

С кем это я возле ГУОШа обнимался? Это братишка мой – Магомед... Не похожи на близнецов, говоришь? Это точно. Магомед – чистейших кавказских кровей. А я – волгарь коренной. Да только после одной истории мы с ним настоящими побратимами стали.

Вот прицепился, расскажи, да расскажи! Ну ладно. Ты – свой человек, дерьма этого тоже похлебал, понять должен.

Да. Эта история мне столько крови стоила, что проще было бы хорошее ранение получить: меньше б кровушки вытекло.

После той командировки, где мы с тобой соседями были, попал я снова в Чечню летом. И добро бы в саму Чечню. Там попроще было даже в самую мясорубку: все понятней. А тут – на границу поставили. На дагестанской территории – мы, а через речку – чеченский пост. Боевые действия вроде как временно приостановлены, перемирие. Ну мы с тобой эти дела еще в апреле – мае проходили. Моратории эти долбанные. Поэтому, без ведома своего руководства, с командиром чеченским лично встретился и предупредил:

– Хочешь своих ребят сохранить – со мной не шути. У меня народ отмороженный, все уже воевали и крови не боятся. Хоть одного из наших зацепите – шарахнем со всего, что есть, и ни у кого разрешения спрашивать не будем. Пусть там наверху свои договоры подписывают, а у нас – свой договор будет, лады?

– Хорошо, – говорит, – мне тоже кровь не нужна, и у моих ребят близкие есть.

Руки жать, обниматься-целоваться, бумаги подписывать мы не стали. Но, не считая мелких пакостей, за полтора месяца по серьезному ни разу не сцепились. И слава Богу. Знали бы чеченцы, кого я привез!

В первую командировку все нормально складывалось: и в комендатуре мужики были нормальные, и отряды серьезные работали – СОБР, ОМОН. А здесь – сборная солянка: ППС, ГАИ, какие-то пацаны из других подразделений. Сводный отряд... твою мать! И ребята вроде неплохие, но дома-то их совсем для другого готовили.

А старший зоны!... Предки не дураки, прозвища не просто так давали. Если б я ему и его потомкам сам фамилию придумывал, то лучше теперешней вряд ли бы придумал. Дубьев! Что смеешься?.Слово офицера: именно – Дубьев. Его иначе, чем Дубина, никто и не называл. Ну, кадр был, не передать! Ему водки натрескаться – хлеба не надо, по пьянке из пистолета в потолок засадить – всегда пожалуйста. К омоновцам прицепиться – почему излишек боеприпасов на блоке (во, придурок!) – тоже без проблем. Зато, если надо для людей что-то сделать, или ответственность на себя взять, когда порохом попахивает, тут он – в кусты.

Слава Богу, в сводном отряде на полсотни человек – хоть десяток был, на которых положиться можно. И тех еле вырвал,

пришлось к начальнику УВД идти, доказывать, что без профессионалов вся эта команда – прямые кандидаты в покойники. Шеф поупирался слегка, но дал добро на отделение омоновцев. А уж командир ОМОН не подкачал, братишка. Не зря с ним в первой командировке вместе носом грязь в Грозном рыли. Хлопцев дал отборных, из тех, что уже в боевых командировках работали. Сам знаешь: самые лучшие орлы из стреляных воробьев вырастают!

Без них бы – совсем пропасть. Зона ответственности серьезная. Двадцать километров границы с Чечней – это вам не шутки!

Тем более, перемирие совсем на соплях держалось. Банды шныряли туда-сюда, по ночам – стрельба по всей границе, да и днем дрессировали время от времени. У нас тоже на той стороне снайпер лазить повадился, с бесшумкой. И ведь не по боевому бил гад, понимал, что можем навернуть в ответ со всей дури. Нет: выберет, когда, например, машина Красного Креста подъедет к КПП. В ней «Врачи без границ» сидят, груз какой-нибудь гуманитарный в ящиках. Мы досмотр начинаем, иностранцы возмущение свое демонстрируют. А тут стрелок этот хренов – по колесам – шлеп. шлеп! Или по «кирпичу» возле КПП. Знак-то жестяной, грохоту побольше. Вот вам и скандальчик готов: беспредельные федералы подвергают опасности жизни врачей-гуманистов! Протесты, звонки начальства. Дубьев психует, орет: «Леня! Ты когда меня подставлять прекратишь? Не трогайте вы их!»

Как бы не так! Есть, конечно, среди этих деятелей и врачи настоящие. Но что-то я за два года не припомню, чтобы они нам хоть таблетку от головной боли дали. И когда духи наших на блокпостах зажимали, что-то не видать было белых джипов с красными крестами. Ни капли воды не привезли, ни одного из тех ребят, что в блоках от перитонитов, гангрены, да потери крови умирали, не спасли. А вот чеченцам помочь – тут они как из-под земли. И сейчас такое впечатление, что все эти ЧП на границе были, как спектакли с расписанными ролями. Но хрен им этот номер пролез. Через наш КПП ни разу без досмотра не прошли. А начальство?.. Меня снять можно, кого потом поставить? Сами отцы-командиры там торчать не будут. И со сменщиком – как повезет. Может, у него вообще башню рванет и он бои местного значения развяжет. Да если честно, то и командиры наши только для вида пылили. Сами-то они так же, как и мы, думали и этих односторонних гуманистов на дух не переносили.

Я раза три с командиром чеченского блока встречался.

Все – как в кино: на мосту сходимся, с каждой стороны

одинаковое количество людей, каждая сторона сопредельную на оптике держит. Спрашиваю:

– Когда стрелка своего уймете?

– Это не наш. Мы его сами ловим, никак поймать не можем, – врет, глазом не моргнет.

– Ну ладно. Только, если мы его пристрелим, не обижайтесь.

– Как это пристрелим? Кто вам позволит по территории суверенной Ичкерии огонь открывать?

– Тогда сами с ним разберитесь!

– Пробуем. Но никак поймать не можем... В общем, сказка про белого бычка.

Вот так и жили. Мир – не мир, война – не война. Дурь одна.

Но случилось дело и покруче. Приезжает как-то Дубьев, напыженный, как голубь-дутыш, заваливается ко мне в командирский вагончик:

– Завтра выделяй двадцать человек на прочес!

– Какой прочес?

– В нейтральной зоне группа «непримиримых» бродит, человек десять, будем зеленку зачищать.

– А кто участвует?

– Все наши отряды людей выделят. Планируем сто человек.

– Это кто придумал?

– Мое решение. Информация наша, поэтому мы ее сами реализовывать будем.

Я аж взвился: генералиссимус, стратег хренов! Насмотрелся я на таких за это время. Когда настоящая драка была – все по штабам сидели, нос высунуть боялись. А как чуть затихнет – в очередь за орденами давятся, планы один гениальней другого предлагают. Но пока профессионалы у дела стояли, этой швали особо разгуляться не давали.

А тут – «командарм» Дубина! Спрашиваю я его:

– Нормальные карты местности у всех будут? Или опять по глобусу воевать пойдем? Дислокация боевиков, их маршруты? Схемы минных полей? Саперная поддержка? Рации толковые, чтобы нас не глушили, не прослушивали? Форму одинаковую выдадут или опознавательные знаки? И что-то я не помню: учения по взаимодействию мы провели?

– Когда их проводить? – глазенками моргает, – завтра уже операция.

– Вот ты, – говорю, – сам завтра и оперируйся. Пока эта банда через границу не полезет, пусть с ними сами чеченцы разбираются. Ты себе решил медальку заработать, а мне цинки с пацанами домой везти? Я своих людей гробить не дам. Мало

крови пролили?

Как он завизжит:

– Да ты понимаешь, что говоришь?! Струсил, что ли? Я тебя сейчас от командования отрядом отстраню!

От последних слов меня нервный смех разобрал. И хорошо: хоть какая-то разрядка, а то я уже контроль над собой терять начал.

– Ладно, – говорю, – отстраняй. Сейчас я сюда командиров взводов соберу и объявлю, что теперь ты ими лично командуешь. Сам им все расскажешь. Только не говори, кто этот гениальный план придумал. Как бы чего не вышло.

– Это невыполнение приказа! Ты ответишь! Пиши рапорт!

– Я, по закону, преступные приказы выполнять не имею права. А рапорт обязательно напишу. Чтобы, когда ребят перемолотят, или, что скорее, они сами друг друга перестреляют, никто не забыл, кто за этот идиотизм отвечать должен.

Выскочил он, дверью хлопнул. А я соседу позвонил. Магомед – мужик отчаянный, ребята у него – как на подбор. Думаю: горячие, черти, точно полезут в эту авантюру. Тоже горцы, но «духов» не любят, еще больше, чем мы. Говорят:

– Эти бандиты уже весь Кавказ достали! Ни своему народу, ни соседям жить спокойно не дают.

И получилось, что я как в воду смотрел! Магомед, правда, отказаться хотел. Но ребята его обиделись, – командир, нас ведь трусами назовут! – и всем отрядом добровольно на это дело подписались.

И еще три командира своих людей выделили. Тех-то, кто уже своих ребят или друзей из других отрядов в «черные тюльпаны» грузил, на такой трюк не возьмешь. Когда смерть рядом увидишь, на кишки своего братишки да на кровь с мозгами посмотришь, – быстро героизм проходит. Но это же после. А эти в первый раз здесь, горя не видали, на подвиги тянет.

Я понервничал, конечно. Весь день назавтра – как на иголках. Понятное дело: Дубьев после операции на меня телегу накатит – будь здоров. А если еще хоть одного боевика отловят или завалят, то – все: пыль до небес, колокола звонят, Дубина на белом коне, а я весь в дерьме! «Да ладно, – думаю, – Бог не выдаст – свинья не съест. Лишь бы у ребят все обошлось».

Дело к вечеру, сижу у себя на КПП, на часы посматриваю: пора бы уже народу с прочеса вернуться. Тут телефон затренькал, Магомед звонит.

– Ну, наконец-то, – говорю, – как поработали?

– Брат, беда у меня.

– Что такое? Потери?

– Чеченцы у меня четверых захватили. Ах, твою мать! У меня аж сердце закололо.

– Ну как вы так умудрились?!

– Да это не прочес был, а бардак какой-то. Лазили где попало. Где искать, кого искать – ничего непонятно. Чуть на мины не напоролись. Дубьев стал группы в разные стороны рассылать. Моих четверых в разведку отправил, и не вернулись ребята.

– Так, может, заблудились где? Увлеклись. У тебя джигиты отчаянные, выйдут сами!

– Нет, Леня. Ко мне уже с той стороны посредники приезжали. Беда у меня, брат!

Представляешь?! У меня даже язык не повернулся попрекнуть его, и без того – горе у человека. Да и что ему было: на цепь джигитов своих посадить, не пускать? Так они бы с цепью ушли, а его самого не то что за командира, за человека считать бы перестали.

– Держись, брат, – отвечаю, – и давай ко мне. Думать будем. Только Дубину с собой не бери. Видеть его не могу.

Приехал Магомед ко мне, уже темно было. Вошел в вагончик, я его даже не узнал сразу. Лицо серое, глаза ввалились. За несколько часов высох весь, будто месяц не кормили. Стал он рассказывать.

Приехал к ним на блок пастух. Он постоянно возле границы со своими баранами мотается. У пастуха – УАЗик четыреста пятьдесят второй, как «скорая помощь», мы их «таблетками» называли. Рассказал, что явились к нему трое боевиков вооруженных, велели передать условия: пятьдесят тысяч долларов за всех четверых. Иначе, мол, получим только головы отрезанные. Вид у этого бараньего командира напуганный был. Но, может, и прикидывался он. Вполне мог быть с бандитами в доле, наводчиком, да посредником подрабатывать. А мог и не быть. Шайтан их там разберет.

Переночевал Магомед у меня. А с раннего утра мы в райцентр махнули и на телефон сели. Когда в Грозном переговоры шли, я со своими ребятами Масхадова сопровождал. Кое-кого из его личной охраны знаю. И сумел в этот раз через них до самого Масхадова дозвониться. Тот уже в курсе дела был. Сказал коротко, как отрезал:

– Вооруженные силы Ичкерии к этому отношения не имеют. Это – «индейцы»[9] . Разбирайтесь с ними сами. – И весь разговор.

Доложили руководству федеральной группировки, так и так: есть контакт с похитителями, надо либо выкупать ребят, либо операцию проводить. Руководство отвечает:

– У вас там сил на такую операцию вполне достаточно.

Считаете нужным, пусть старший зоны принимает решение, и действуйте.

Резонно. Хочешь, не хочешь – поехали к Дубине. Он эту кашу заварил, пусть помогает расхлебывать. Угадай с трех раз, что он ответил? Правильно! Сдристнул в кусты, только свист пошел:

– Я без санкции руководства ничего затевать не могу. Надо сообщить в правительственную комиссию, в Москве есть специальные люди, которые пленными занимаются..., – ну и тому подобная чухня. Кому мы там в Москве нужны?! Только-только Буденновск отгрохотал. Разборки на всех уровнях. Да пока до нас с нашими проблемами дело дойдет, ребят десять раз прирежут.

Тут Магомед как зарычит:

– Ты будешь моих мальчишек выручать?! Из-за тебя они попались!

Еле я его оттащил. Дубина мне всю оставшуюся жизнь должен за это проставляться. Вернулись к нам на блок.

– Ладно, – говорю. – Я по должности официально числюсь заместителем этого чудака на букву «М». Так что формально имею право принимать решения на проведение специальных мероприятий. Передавай бандитам, что деньги будут. Звони немедленно домой, пусть доллары собирают.

Вот чему нам, русским, у кавказцев всю жизнь учиться надо – это как они друг за друга стоят. Сутки не прошли после нашего сообщения – прилетает специальный самолет от руководства республики! Привезли деньги, подарки всему отряду, снаряжения дополнительного целую кучу. Магомеду – команда конкретная: «Что бы ты ни сделал, мы тебя спасем, оправдаем, не выдадим. Только выручи ребят!»

Вот как! Это не наши политиканы, что прибалтийские ОМОНы за их верность Присяге подставили и Парфенова[10] продали. А Буденновск! У меня до сих пор, как этот позор вспомню, лицо горит, будто пощечин мне нахлестали. Да ты, брат, сам все понимаешь. Ладно, отвлекся я.

Так вот, начинаем переговоры с «индейцами» закручивать. Понятно, напрямую они говорить не хотят, боятся. И не только нас. Эти беспредельщики уже и чеченцам самим мешать стали. От многих даже их тейпы отступились, а без защиты рода ты там – не человек и долго не покуролесишь.

Но, бойся – не бойся, а денежки-то получать надо самим. Чужому не доверишь: мало ли что у него на уме. Так что покрутили они, повертели, но решились: назначают передачу. В погранзоне, в стороне от всех постов: и наших и чеченских. Договорились, что Магомед сам за ребятами своими поедет.

Выехали мы на место заранее. Осмотрелись. Обстановочка

такая: дорога-серпантинка над ущельем вьется, в конце, за поворотом резким – площадка небольшая. Открыта метров на сто, вплотную с группой захвата не подойти. Из оружия, по-снайперски, тоже работать опасно. Выбить одного-двух бандитов можно, но любая осечка, промах, рикошет – и наши тоже полягут.

Поэтому, порешили так: отдадут ребят – пусть убираются, рисковать не станем. Можно будет ими попозже заняться, с толковой подготовкой. Но, чтобы не обманули они нас, какую-нибудь подлянку не устроили, мы ниже по дороге засаду выставили: два моих омоновца с гранатометом и прапорщик из сборной команды – старшим. А в «зеленке» над площадкой – я еще с одной группой для наблюдения и прикрытия.

Мои группы выставились с раннего утра. И правильно сделали. За несколько часов до встречи начали чеченские разведчики лазить. Раньше по этой дороге раз в два-три дня, может, кто проезжал, а тут – то пацан на велосипеде кататься надумал, то «жигуленок» проедет (и у водителя с пассажиром головы на триста шестьдесят градусов, как локаторы, вертятся).

Подходит время. Подъезжает Магомед с ребятами на своем УАЗике, втроем. На дорогу вышли, деньги в целлофановом пакете держат. А тут уже пост снизу докладывает:

– Командир, УАЗик пастуха едет!

Точно: подъезжает, остановился. Вышли из него двое, в камуфляже, бородатые, вооружены до зубов. Видно, что и оружие наготове, и сами на взводе. А должно быть их трое, не считая водителя. Еще один, значит, – в машине, с пленными. Но не видно: кузов без окон, весь металлический. Надо же, как удачно у пастушка машина оборудована! Может, конечно, это для баранов сделано: чтоб не нервничали при переездах. Но и людей воровать удобно.

Я к биноклю прилип. Снайпер мой рядом тоже замер, от прицела не отрывается: ожидать от этих ухарей чего угодно можно. Пересчитали «индейцы» доллары, старший с деньгами в машину вернулся. Смотрю: дверка салона пошире открылась и стали ребята Магомеда из машины выходить. Я посту нижнему по рации шепчу:

– Пошла передача, но не расслабляйтесь, подъезд к площадке контролируйте.

Тут слышу: снайпер мой бормочет: «Что это с ними?», – у него-то на прицеле увеличение четырехкратное. А у меня бинокль мощный – двадцатка. Глянул, тоже понять не могу: у Магомеда все ребята – кавказцы, у них от природы лица смуглые, а тут – белые, будто мелом их вымазали. Может, подмена какая, провокация? Да нет, вроде обнимают их наши, в сторонку

отводят. Трое пленных высадились, а четвертого нет. Тот бандит, что еще у машины оставался, за ним в салон полез. «Неужели, – думаю, – бедному парню так досталось, что ходить не может?»

И тут понеслось все вскачь!

Взревел УАЗик, да как рванет с места! А из салона, вместо четвертого парня – мешок полиэтиленовый вылетел и прямо Магомеду под ноги покатился. Вскинули ребята оружие, но куда там: машина уже за поворот заскочила. Я смотрю во все глаза, что там такое? Не бомбу подкатили?! И тут Магомед догадался: схватил мешок, поднял и ко мне повернул, а сквозь пленку прозрачную на меня голова мертвая смотрит!

Как во мне все вскипело, аж туман розовый в голову ударил. Падлы! Палачи! Нелюди! Кричу в рацию:

– Засада! Машину уничтожить!

А прапор, вместо того чтобы команду выполнить, умничать начинает:

– Передача состоялась? На каком основании я должен открывать огонь?

– Стреляй, это приказ! Я отвечаю!

– Я не могу без оснований открывать огонь, если заложники освобождены!

Вот идиот! Напичкали его уставами и инструкциями, научили решений не принимать: как бы чего не вышло. А секунды идут, летят, молотками по мозгам грохочут! Вот-вот уйдут убийцы.

Задавил я себя. Ровным голосом говорю:

– Вернули троих. Вместо четвертого – отрезанная голова. Прапор собрался было еще что-то вякнуть, но слышу, исчез из эфира, а по рации – голос старшины-омоновца:

– Вас понял.

И через секунду удар сдвоенный: РПГ лупанул! А на добавку – два автомата вперехлест.

Мы – бегом вниз. Магомед освобожденных ребят с охраной оставил, а сам следом – на ходу нас на своем УАЗике подхватил.

Подлетаем: лежит «таблетка» под обрывом. Дымится, но не горит. Вся, как решето. По ущелью баксы порхают. Спустились мы: два боевика – в куски, старший их – поцелее, но тоже готов. Водителю-пастуху кумулятивной струей досталось, полголовы срубило.

Прапор трясется, ноет:

– Кто за это отвечать будет? Пастух ведь мирный был! Ребята – омоновцы, смотрю – тоже занервничали. Говорю им:

– Молодцы, мужики! С неприятностями разберемся. Ваше дело маленькое: вы по команде действовали. Кто, да что, да как – не знали и знать не могли. Я за все отвечаю. Ясно вам? А ты (это –

прапору) уматывай с глаз моих. И если еще хоть полслова вякнешь, в порошок сотру!

Вызвали мы подмогу, отправили ребят освобожденных домой. А сами до глубокой ночи по ущелью ползали, доллары собирали. Что им пропадать? Семье погибшего пригодятся. Что интересно: оказывается, ночью при фонарях баксы лучше видать – серебрятся, отсвечивают. И хотя часть купюр поопалило, разорвало, но все до последнего доллара сошлось, никто из ребят не скурвился, не утаил.

А на другой день началось: комиссии, разборки! Следователи наши, следователи чеченские! Но я уже битый волк, механику эту знаю. Еще с ночи мои бойцы рапорта написали, а утром раненько я их уже на родину отправил. По приказу положено: после применения оружия реабилитационный отпуск предоставлять.

Один я отбивался. Дубина было подставлять меня начал, но приехали мужики из МВД России, из отдела по руководству ОМОНами, разобрались влет и ему с глазу на глаз сказали:

– Ты думай, что говоришь! Если твои подчиненные преступление совершили, то тогда – ты тоже преступник. Халатность проявил, ЧП не предупредил. А если ребята – герои, банду уничтожили, то они молодцы, им – честь и слава и тебе... ничего не будет.

Ну, с официальными разборками понятно, а что касается совести, то я лишь один день сомнениями мучился. Когда с операции вернулись. А вечером ко мне Магомед приехал. Обнял меня:

– Я и раньше тебя братом звал, а теперь ты всем нам – брат родной. Если бы не твои парни, ушли бы эти гады. Ты знаешь, почему ребята мои такие бледные были? Изуродовали их. Искалечили. Не мужчин из них сделали! Понимаешь?! А тот, которому голову отрезали, жить так не захотел. Он рукопашник сильный был. Голыми руками двоих сволочей прикончил, пока самого не убили. И пастушок этот во всем участвовал. Овечка невинная!

Сел Магомед за стол, руками голову обнял. А я смотрю: седина у него. Черный был, как смоль, а тут – будто паутиной волосы заплели, при лампе керосиновой так и блестят. То ли я раньше не замечал, то ли за эти сутки обсыпало.

А через две недели срок командировки отряда вышел, и мы все оттуда убрались.

Легко отделались, говоришь? Это точно. У нас Родине служить – дело опасное. Если на пулю не наскочишь, то политики в любой момент, как пешку, разменяют.

Но мир не без добрых людей. И наша система – не без

мужиков настоящих. Представляешь: через месяц, дома уже, приходит мне повестка. В Чечню вызывают по делу «об убийстве» пастуха этого. Об «индейцах» – ни слова. О ребятах искалеченных, нашем парне убитом – тоже. Генерал меня вызвал, я ему историю эту рассказал. Он на меня посмотрел, спрашивает:

– Ну и что ты думаешь?

– Как скажете, товарищ генерал. Прикажете, поеду.

– Давай мы лучше прямо здесь тебе голову отрежем. Хоть мучиться не придется. Опять же, будем знать, где могилка твоя, киселя на поминках нахлебаемся. Иди, работай! Пока Генеральный прокурор России тебя не затребует, можешь не переживать. А затребует. тогда и будем думать.

Что касается остальных, то судьба у них по-разному сложилась. Дубьев, говорят, у себя в области карьеру делает, растет на глазах: герой войны! Омоновцев я к наградам представил, к ордену Мужества. Прапору-трусу наши бойцы полный бойкот устроили, и, когда домой вернулись, уволился он. А из освобожденных ребят Магомеда один уже с собой покончил. До сих пор у меня за них сердце болит.

Вот и вся история. За двадцать минут рассказал, а сколько крови она мне стоила! Проще было бы хорошее ранение получить.

Плесни-ка мне еще. Кстати, у нас третий тост...

* * *

Застолье шло своим чередом. Подтянулись соседи, благо, вечер пока тихий был. Упиваться никто не упивался. Нет у братьев – командиров такого права – в сопли надираться. Жизни человеческие на них. Но по сотке-другой (кому как комплекция позволяет) не вредно: чуток адреналин загасить, голосовые связочки промочить, чтобы пелось веселей. Гитара по кругу пошла. Начали по традиции с «Офицеров» газмановских, стоя. Если по тревоге выскакивать срочно не придется, то и завершится застолье этим гимном офицерства российского.

Змей на всю жизнь запомнил случай необъяснимый, мистический, от которого до сих пор, только вспомни – мороз по шкуре продирает. Как-то, еще в первой командировке, соседи-вэвэшники в гости пригласили. Тоже вечерок хороший был. Пообщались, за хорошим столом о делах поговорили, песни попели, а когда гости расходиться собрались, встали – «Офицеров» запели. В это время один из хозяев подошел к старенькому телеку, что в уголке стоял, и включил «ящик». А там

передача идет, клуб «Белый попугай». Олег Газманов у Никулина в гостях. В руках гитара, поет что-то. Все, не прерывая своей песни, руками замахали – добавь мол, звук. Добавил… «Офицеры»! Слово в слово, нота в ноту, голос в голос с ними, будто с самого начала здесь за столом сидел, а теперь рядом стоит и вместе с братишками в погонах словами светлыми чужую ночь разгоняет: «Вновь уходят ребята, растворяясь в закатах. Позвала их Россия, как бывало не раз.»

Вот и опять вспомнил, и – мурашки по коже, волосы на руках под закатанными рукавами – дыбом.

– Что, сосед, задумался? – Душман весело локтем толкает. – А ну давай казачью!

Эх, хорошие песни коренной казак Розенбаум пишет:

– Задремал под ольхой есаул молоденький…

Танкист – гитару, как эстафетную палочку принял. Ну, теперь, рупь за сто – за «Уток» возьмется. Точно: с первых аккордов можно выигрыш забирать, жаль пари не успел ни с кем заключить. Змей рассмеялся и со всеми вместе грянул лихо:

– Любить так любить, гулять так гулять, стрелять так стрелять!.

Душман удивленно на Агату Кристи смотрит:

– Чего не пьешь? Завязал?

– Не, сегодня я на сухой вахте. Пусть командир хоть раз спокойно расслабится. – Агата ухмыльнулся и погромче, чтобы все слышали, добавил, – желающие могут ботинки оставить с вечера.

Народ захлебнулся в середине куплета, и кто под стол полез, кто на кровати откинулся, чтобы хохотать легче было. Змей погрозил Агате кулаком:

– Убью болтуна, – а у самого губы в улыбке разъезжаются.

На прошлой неделе с ним презанятная история приключилась.

За неприветливыми боновцами еще один батальон стоит, ульяновцы. Пригласили они как-то всех соседей на день части. Праздник большой – день рождения батальона. Все пришли чин-чинарем: с поздравлениями, с незатейливыми подарками фронтовыми. Змей гитару прихватил. По случаю такому даже сам для именинников пару своих песен исполнил. Хоть и голос и аккомпанемент никудышные, но слова каждому братишке понятные, от сердца, от души. И пел и весь вечер провел трезвый абсолютно. Еще когда в гости по дощатым мосткам через могучие лужи пробирались, сказал Танкисту и Агате:

– Сегодня я у руля, отдыхайте. Но – в меру. До четырех утра все проверки постов на себя беру. К четырем, чтоб как стеклышки

были.

Посидели часочек-другой – пора и честь знать.

Агата с Танкистом командирским разрешением хорошо успели попользоваться. Поэтому на обратном пути поперли через лужи напрямик. Но умудрились пройти так, чтоб в резиновые сапоги грязи не начерпать.

Змей, в относительно чистых еще берцах, аккуратно по мосточкам пошел. На секунду отвлекся, глянул, как его доблестные подчиненные лужи форсируют. Зацепился каблуком за стык, взмахнул руками, теряя равновесие, и ушел плавно по наклонной досочке в жидкое месиво из чеченской пыли, воды и мазута. В то самое месиво, что с резиновых сапог горячей водой не смывается. Весь. По подбородок. Нет, это не глубина такая была. Глубина – по колено. Просто мостик коварный так ловко его по «направляющим» спустил. Вскочил, выругался растерянно: как в таком виде в отряд показаться? Хоть и знает каждый боец, что не любит командир пьянчуг и сам к этому делу равнодушен, но видок-то после гулянки у соседей.

Пришлось с полпути к коменданту завернуть. Мужики оборжались, на Змея-трезвенника глядя, пока Агата за подменкой в отряд смотался. Новая загвоздка: сапоги свои резиновые Змей на блокпост вчера отдал, а берцы-то одни, промокшие, с пудом грязи на каждом. Обковырял кое-как щепкой, а надевать снова – жутко. Граф – зам коменданта выручил, благо у него родной сорок третий размер оказался:

– Надевай мои. Утром принесешь, а я по комендатуре в тапочках порассекаю.

Спать Змей в пятом часу лег, а в шесть подскочил уже. Пнул Танкиста, отправил посты проверить. На форму, лежащую в ведре, с тоской посмотрел. Мутными, невыспавшимися глазами на две глыбы грязи, засохшие у печки, глянул. Там, внутри глыб этих, – родные берцы. А рядом на подстеленном целлофане – чужие стоят. Тоже не стерильные – в пыли, с кусками глины на подошве. В таком виде возвращать негоже. Взялся за щепки, за щетку. Через четверть часа дневального подозвал, зеркально сияющую обувь вручил.

– Не в службу, а в дружбу: я вчера в лужу врюхался, зам коменданта мне свои берцы отдал. Занеси тихонько, у них обувь перед порогом в сенях стоит.

Пока боец поручение исполнял, Змей за свои ботиночки взялся. Задача посложней оказалась. Но за полчаса и с ними справился.

Только полюбовался плодами победы своей, Агата Кристи проснулся. Минут десять сонный по кубрику слонялся, все что-то

под табуретки, да под кровати заглядывал. За дверь вышел, тапочками шлепая.

– Командир, ты мои берцы не видел?

– Ну, вот же стоят – Змей с презрением ткнул пальцем в пару чумазых ботинок, стыдливо съежившихся рядом с начищенными командирскими собратьями.

– Да нет, это не мои.

– Может, Танкист спросонок перепутал? Сейчас вернется.

– У него нога на два размера меньше, он бы из моих выпал.

– А у тебя какой?

– Сорок третий.

– Ну вот же – сорок третий…

– Да не мои. Ты что, командир? У нас же с тобой «Кедры» хромовые, а это – говнодавы юфтевые…

Тут Танкист вернулся. В руках сияющие берцы держит.

– Командир, Граф просил его ботинки вернуть, а если твои не просохли, эти возьми. У них какие-то чужие приблудились.

– Ой, едрена шиш… Так это что же получается… Это я с шести утра Агате обувь драил!

Ну, в общем, с неделю потом доставали «сокамерники»:

– Командир, автоматик не почистишь? Змей, тельничек не постираешь?

Ну, понятно, и комендантские после размена ботинок от души повеселились.

Да и Бог с ними! Смеются друзья – значит, живы! И самого смех от этой истории пустяковой разбирает. И готов каждому из них лично берцы надраить, лишь бы они в тех берцах своими ногами домой вернулись.

* * *

Пыль в Грозном особенная. Это не просто пыль. Это какая-то особая субстанция, впитавшая в себя весь надоедливый кошмар войны. Перемолотые в труху кирпичи, цемент и осколки бетона. Сгоревшие и сгнившие человеческие тела и трупы животных. Разбитые в микроскопические щепки деревья и обращенная в пепел трава. Все это, высохнув под беспощадным солнцем и смешавшись с выхлопными газами техники и сажей от пожарищ, растирается сотнями тысяч ног. А затем, вновь и вновь пропускается через жернова гусениц и колес и удушливыми, непроглядными облаками зависает над городом.

Пыль проникает повсюду. Перекрашивает в серый матовый цвет вороненые орудия убийства. Облепляет двигатели техники,

забивает фильтры, клубится в кабинах и салонах. Смешавшись с потом, бурыми потеками разрисовывает и смуглые лица местных жителей и свежие румяные щеки молодых солдатиков, только вчера прибывших в Чечню откуда-то с Севера. Грязными сгустками вылетает из надсадно рвущихся легких и на судорожном вдохе снова вливается в них ядовитым облаком.

Черные трикотажные маски, зеленые косынки, лоскуты марли и даже респираторы – лишь временное препятствие для нее. Тончайшая липкая пудра, оклеив все лицо по периметру этих приспособлений, неизменно находит бреши и тонкими плотными линиями протягивается от них к углам губ и крыльям носа.

Змей с полчаса отхаркивался и фыркал возле умывальника, с наслаждением полоскал прохладной свежей водой слипшиеся под шлемом волосы, пригоршнями плескал ее на грудь и плечи, смывая пот и грязь с незагоревшей, молочно-белой кожи.

Все-таки, какой кайф, когда с водичкой проблем нет. В апреле, в первой командировке, за щелочной водой из горячих источников каждый раз, как на спецоперацию собирались, чтобы на засаду не нарваться. Готовили на ней, пили ее. А в ней тельняшку без щелока и мыла стирать можно. Зубы сыпанулись тогда почти у всех. Змей вспомнил, как у него в куске хлеба обыкновенного передний зуб остался. Отломился у основания, словно скорлупка яичная. Машинально потрогал языком фарфоровую обновку. Спасибо Ольге с Виталей. Супруги – протезисты, друзья хорошие, успели до отъезда командиру приличный вид вернуть. А главное – возможность жевать по-человечески. На манной кашке при таких нагрузках долго не протянешь.

Наскоро обтершись полотенцем и весело напевая, Змей снял висевший на сучке дерева китель камуфляжа, встряхнул его и растерянно выругался: взвившаяся пыль мгновенно облепила еще влажное тело.

– Во, елы-палы! И откуда тебя столько, зараза серая! Серега, давай еще воды.

Впрочем, маленький инцидент не испортил настроения. Сегодня удалось вырвать в ГУОШе «полевые-гробовые» за десять дней. Суммы не Бог весть какие, но ребятам на «Сникерсы» и шашлыки хватит. Скучновато на одних стандартных армейских харчах-то.

– А кстати, что там сегодня на обед? Жрать хочется, как зимнему волку! На часиках-то уже семнадцать тридцать, почти десять часов после завтрака прошло. Что ж там Мамочка утром затевал, когда я уезжал? С такой хитрущей мордой напутствовал:

«Командир, сегодня к обеду не запаздывай!»

Змей обошел молочно-полиэтиленовую стенку у входа, поднялся на второй этаж, в столовую и, остановившись на пороге, улыбнулся:

– Эй, шеф, в ваш ресторан без галстуков пускают?

– Что вы, как можно? Ну разве что для господ офицеров исключение! – И Мамочка, обернув руку полотенцем, с видом заправского официанта сделал приглашающий жест.

Составленные в ряд исполосованные, почерневшие, кое-как отмытые в первые дни столы теперь были покрыты все той же полиэтиленовой пленкой. Своей сияющей чистотой она мгновенно вернула былой стерильный вид помещению, в котором когда-то бойко стучала ложками перемазанная манной кашей ребятня.

– Обед командиру! – Торжественно провозгласил находчивый «шеф» – не по-старшински молодой, но крепкий телом и всегда энергичный, получивший свою кличку за детдомовское прошлое и любовь к разного рода авантюрам.

Тут Змей рассмеялся уже в полный голос. Из-за ряда шкафчиков, отделявшего от столовой небольшой хозяйственный закуток, грациозно покачивая бедрами, выплыл кухонный наряд: два здоровенных детины в камуфляжных брюках, сине-белых тельняшках и кружевных фартучках. У одного на розовом фартучке красовались надписи «КЕФИР», у второго – на голубом – «МОЛОКО».

– Ну молодцы! Настоящий ресторан! Осталось варьете по вечерам организовать, и не захочется домой возвращаться.

– С варьете не выйдет, больно публика некультурная, – пожаловался Мамочка, – шуточки гадкие отпускают, к обслуживающему персоналу пристают. Фартучки их, видите ли, возбуждают. Хорошо хоть, сегодня официанты у нас крепенькие, в теле. Мишенька одного ухажера обнял, тому и кушать расхотелось. А завтра я кухонному наряду резиновые палки выдам, у меня в одном ящичке лежат штук пять, на всякий случай.

– Ладно, запасливый ты мой, давай обед, что там сегодня?

– Борщ из тушенки, макароны по-флотски.

– Черт, неужели свежинкой разжиться нельзя? – заглядывая в котелок, проворчал Змей, – уже тошнит от этой тушенки.

– Да есть вариант, надо с одним дедом по соседству переговорить. У него брат чабан, возит баранов в город на продажу. А лучше шустрых ребят послать, здесь окраина, многие скотину попастись выпускают...

– Ты не болтай ерунду. У людей и так сплошной разор. А мы

последнее отберем. Мало без нас мародеров? Гробовые сегодня получите, да от матпомощи, что в УВД выписали, еще прилично осталось, сходи к деду, поторгуйся. Он даже рад будет, живую денежку наторговать.

– Да это я так...

– Вот и я так. О, черт! – Змей, зацепив ложкой за дужку котелка, плесканул борщом на «скатерть» – где тут у вас тряпка?

– Обижаете! У нас, как у цивилизованных людей, все одноразовое. – Мамочка ловко свернул пленку, сунул ее в загудевшую «буржуйку» и мгновенно раскатил перед Змеем один из заранее нарезанных запасных рулончиков. – А все-таки меня жаба давит. Они по нам тут пуляют днем и ночью, а мы им – деньги!

И тут же, словив жесткий, пристальный взгляд командира, торопливо добавил:

– Как скажете! Переговорю. Я уже приценялся, вроде – недорого.

Да уж, что-что, а поторговаться Мамочка умел. Вплоть до финала, в котором вторая сторона получала в качестве удовлетворения только его обаятельную и слегка жуликоватую улыбку. Змей обычно сквозь пальцы посматривал на его лихие комбинации, в результате которых отряд не знал забот с питанием и боеприпасами, в любой обстановке мгновенно обрастал различными полевыми удобствами и даже умудрился сменить изрядно потрепанную форму на новенькие камуфляжи и легкие хромовые берцы. Иногда Мамочка зарывался. Но, представ пред грозные очи командира, ни за что и ни при каких обстоятельствах не признавался ни в самомалейшем грехе. Его защитные речи были способны заморочить голову десятку опытных адвокатов и выжать слезу из камня. Поэтому Змей, после двух-трех бесплодных педагогических попыток, освоил наипростейшую тактику общения со своим старшиной. Короткая, ясная команда, обязательная проверка при малейшем сомнении и конкретная энергичная трепка при выявленных поползновениях за красные флажки.

– Купишь по нормальной рыночной цене, доложишь, проверю.

Мамочка оскорбленно вздохнул и отправился куда-то по своим многотрудным делам. Командир улыбнулся и жадно рванул зубами кусок душистого белого хлеба, который Мамочка выменивал на макароны, полученные взамен перловки в соседней части, не имевшей вообще никакого отношения к снабжению омоновцев.

Сквозь форточки-бойницы в заложенные мешками окна влетел сухой треск автоматной очереди. И почти сразу же ее

заглушил нарастающий надсадный рев тяжелого грузовика. Змей вскочил, как подброшенный. Сразу бешено запрыгало сердце и стало сухо во рту: этот звук он узнал бы из тысячи.

С диким ревом отрядный «Урал» пролетел под поднятый шлагбаум и, извергая сизые клубы, под паровозное шипение и скрип тормозных колодок осел под окном комендатуры. Загрохотали ботинки спрыгивающих бойцов, залязгало оружие.

Змей торопливо выскочил в коридор и направился к лестнице, ведущей вниз. Но, услышав доносящийся из командирского кубрика возбужденный голос, толкнул дверь в эту тесную комнатушку, которую делил со своими двумя ближайшими помощниками. В углу, возле своей кровати стоял Агата Кристи. Лихорадочно блестя глазами и, то пытаясь содрать с себя разгрузку, то бросая это занятие и начиная азартно размахивать руками, он рассказывал лежащему на кровати с гитарой Танкисту:

– Прямо в упор, ты понимаешь! Из-за забора! Как даст, аж чуть пламенем в рожу не захерачил! А Винни как газанет! Я ему кричу: останови, мы его, суку, сейчас размотелим, не успеет уйти! А Винни – на гашетку и летит, как ничего не слышит.

– Ну и правильно, – флегматично заметил Танкист. – Вы бы остановились, и вас бы, как в тире, перещелкали.

– Да он один был!

– А ты проверял?

– Да говорю же, я кричу: стой! А он – на гашетку и летит!

– Ну и молодец, – сказал Танкист и снова вернулся к попыткам извлечь из ширпотребовской гитары мелодию с явно испанским акцентом.

– Что у вас приключилось? – встревоженно спросил Змей. Две недели тишины – хуже нет, и он давно уже ожидал какую-нибудь подлянку. Где тонко – там и рвется. Где тихо – там опасно вдвойне.

– Возвращаемся с блока и на повороте уже, вот – рукой подать, сколько тут – метров двести, не больше? Вот он с поворота как врежет!

– Кто он?

– А кто его знает, кто? Боевик, кто еще! Очередью, чуть не в упор. У меня стекло опущено было, так чуть ухо мне не поджарил!

– А пули сквозь голову прошли? – лениво спросил Танкист.

– К тебе полетели, умник. Вчера только говорили, что надо маршрут и время менять для смены на блоке, выпасут нас. Вот и выпасли, хорошо хоть не зацепили никого.

– Ну и как ты предлагаешь ездить?

– А никак, – остывая, пробурчал Кристи, – все тебе шуточки…

Змей хмуро улыбнулся. Какая тут смена маршрутов, если к блоку ведет единственная дорога. И время – меняй не меняй, а у боевиков его тоже предостаточно. Захотят – дождутся. И снова выпасут. Тут что-то другое нужно делать.

– Ну ладно, утро вечера мудреней. Думайте отцы-командиры.

Ночь упала, как обычно, непроглядной, сине-черной бархатистой шторой. Где-то в Ленинском районе сыпанулась горохом первая автоматная очередь, ей ответил одиночный хлесткий выстрел СВД[11] , деловито простучал пулемет. И, будто дождавшись команды, замелькал трассерами, заворчал раскатами взрывов, залаял на разных автоматических языках разодранный враждой город, освещенный только факелами горящего газа, отблесками пожаров да снопами разнообразных ракет.

И странно-гармонично в эту музыку фронтового города вплеталась гордая и воинственная песня старенькой, видавшей виды гитары, подружившейся наконец с Танкистом.

Интересный он был человек, этот ПНШ. Настоящий профессионал, окончивший танковое училище, прошедший два года Афгана. и вышвырнутый из армии перестроечной ломкой. Водовороты жизни прибили его, изрядно подломленного, все чаще и чаще прихварывающего известной российской болезнью, к омоновскому берегу. Змею в свое время стоило немалых трудов заставить махнувшего на все рукой офицера снова собраться и поверить в себя. И здесь, в Чечне, Танкист отплатил товарищам сторицей. Хладнокровный до флегматичности, далекий от всякого романтизма, не понаслышке знакомый с реалиями войны, он взял на себя всю организацию боевой работы, не чураясь и самой грязной. Но при всем при этом, Танкист отнюдь не выглядел и не вел себя как супермен из киношных боевиков. Его мягкий, леноватый юмор на корню губил любые проблески паники или ненужного ажиотажа. На гитаре он играл так, что и непосвященным было ясно, что этот человек когда-то учился музыке профессионально. Но особенно любили братья-омоновцы, когда ПНШ, обнаружив очередные упущения по службе со стороны какого-нибудь растяпы, начинал проводить «политико-воспитательную работу». Наизусть зная целые главы из уставов, он умел их цитировать так обстоятельно и торжественно, что доводил жертву педагогического воздействия до полного обалдения. А мгновенно собиравшиеся на эти представления бойцы тихо умирали от восторга и долго потом подначивали виновника торжества невинными вопросами типа:

– Так из какого расчета прорубаются очки в полевом сортире?

Змей, сбросив китель и брюки, переоблачился в чистую

синюю «подменку», выполнявшую у него роль домашней пижамы, и завалился на кровать, с наслаждением задрав на спинку гудящие, набитые берцами ноги. Нехотя развернул очередную сводку, полученную в ГУОШе.

– Вот послушайте, господа офицера, какие важные новости нам сообщают наши агенты 007 и 008: «По оперативной информации ФСК, ожидается усиление активности боевиков. Возможны: проведение террористических актов и обстрелы мест дислокации федеральных сил…»

В трех или четырех районах города вовсю шла азартная стрельба. Со стороны Ханкалы ударил миномет-стодвадцатка, и все с интересом послушали: пойдет мина в горы, или, наоборот, прилетит привет федералам. Отсвистелась и бухнула непонятно – где-то на окраине.

Ясность внесла рация. Голос какого-то двести тридцатого, до этого возбужденно докладывавшего Ханкале об обстреле его блока и просивший «поддержать огоньком», затребовал сто тринадцатого и яростно, чуть ли не матом, напустился:

– Ты куда, чудило, пуляешь?

– Куда-куда?! В согласованный квадрат. Не ты сегодня мне рисовал?..

– Какой на. согласованный, ты мне чуть блок не развалил!

– Но-ови-ичок, – протянул Танкист, глу-упенький… Это точно. Битые жизнью командиры всегда не только лично согласовывали планы огневой поддержки с минометчиками и артиллеристами. Они дотошно сверяли карты (бывало, что огневой поддержке и их «подзащитным» давали листы с различными обозначениями своих и чужих целей и даже с разным масштабом). Затем, вернувшись к своим и надежно укрыв личный состав, просили разок-другой подвесить осветительные мины, и, убедившись, что все в порядке. никогда, без крайней смертной нужды, не просили огневой поддержки! Ведь неизвестно, кто встанет «у ствола», – многоопытный артиллерийский снайпер или свежеобученный новичок. Да и боеприпасы зачастую расстреливаются из древних запасов, не угадаешь, где упадут. На блоке сидеть – не в атаку ходить, когда все надежда на богов войны и огненный каток, что бежит впереди тебя. Если при оборудовании блока лодыря не гонять и потом ушами не хлопать, в девяносто девяти случаях из ста можно своими силами «отмахаться».

– Тот особняк, что мы вчера хотели проверить, принадлежит родственникам Дудаева. То ли теще, то ли еще кому-то из ближних, – вдруг ни с того ни сего сказал Танкист.

– Точно? – Змей заинтересованно приподнялся.

– Я у главы администрации узнавал – подтвердил Кристи.

Вчера группа омоновцев прикрывала саперов комендатуры. Нужно было рвануть на месте обнаруженную мину. Смертоносный гостинец был поставлен на неизвлекаемость и располагался чуть ли не самом центре улицы странно целых, основательных и зажиточных частных домов. А ближе всего гордо возвышались железные, с кирпичными башенками ворота роскошного особняка. Пошли по домам предупредить, чтобы люди укрылись. Встречали федералов по-разному. Кто из хозяев вежливо благодарил и шел собирать в безопасное место многочисленных домочадцев. Кто злобно зыркал-буркал, но, вняв предупреждению, все же следовал примеру соседей. В особняке же, встав стеной на пороге, два ну совсем мирных бородача, глядя в землю, сказали, что хозяйка очень больная, выйти не может и взрывать здесь ничего нельзя.

– Да мы эту мину обложим мешками с песком, вон, видите – на БТРе лежат, она небольшая, ничего опасного, и дома не пострадают. Просто людей, на всякий случай, все равно убрать надо.

Но те, словно глухие, бубнили свое, не сдвигаясь ни на шаг.

Омоновцы напряглись. Впервые пришлось столкнуться с таким явлением в городе, где люди привыкли немедленно выполнять любую команду человека с автоматом, не задавая лишних, опасных для жизни вопросов. Заинтересовавшись недружелюбными охранниками и проверив их затрепанные, но со всеми честными реквизитами паспорта, бойцы собирались уже было навестить несговорчивую хозяйку. Но тут на улицу влетел УАЗик начальника местного РОВД, битком набитый чеченскими милиционерами. Улыбчивый, не в пример своим насупившимся подчиненным, майор стал с жаром убеждать, что в этом доме живут очень почтенные и им лично не раз проверенные люди. И потом, у него есть прекрасный специалист, который не побоится рискнуть и извлечет мину без взрыва. Зачем пугать и без того запуганных людей, портить такие хорошие дома. Под аккомпанемент его пламенных речей из соседних домов вывалила целая куча женщин и детей. Они, будто проинструктированные заранее, плотно расселись вокруг, всем своим видом давая понять, что уходить не собираются и взрывать здесь ничего и никому не позволят.

Саперы плюнули и, взяв расписку с начальника райотдела, что он лично отвечает за обезвреживание опасной находки и безопасность людей, вернулись в комендатуру. А омоновцы, поворчав, как гончие, снятые со следа бестолковым хозяином, не жалея красочных эпитетов, доложили командиру об инциденте.

И вот как оно обернулось!

– Да там весь квартал такой. Все дома – дудаевской братии. Они там и бои не вели, чтобы не подставлять особнячки под обстрелы. Берегут свое добро, суки. А весь город под раздолбон подвели, – подтянутый и щеголеватый Кристи горячо сверкал своими черными глазами и яростно топорщил обычно аккуратные смоляные усики.

– Слушайте! А как же там мина тогда оказалась? Боев там не было. Нашим ставить ее не резон, да и постановка духовская.

– Да кто-нибудь из других кланов сунул. Они то с нами дерутся, то между собой разбираются. Пусть теперь сами ковыряются. – Танкист потянулся и опять неожиданно развернул разговор, – командир, а пиво за окошком. Прохладненькое уже, наверное. А рыбка под газеткой...

Змей уже давно уловил какой-то странный запах, висевший в комнате: припахивало вроде как дымком, но не едкой вонью пожарища, а, пожалуй, даже приятно.

Рыбка! Копченая! Вот конспираторы.

– Так чего ж молчите, черти! – Змей залез на подоконник, просунул руку в бойницу, из которой потягивало ночной прохладой грозненского октября, и вытянул две бутылки «Жигулевского», бережно завернутые в кусок маскировочной сетки.

– Вы свое уже выдули?

– Ка-анечно!

– Ну теперь ясно, чего вас на музицирование разволокло. О, свеженькое!

Если верить этикетке, пиво только позавчера покинуло чан на родном московском заводе. Да. В этом городе, как только закончились большие сражения и основную массу боевиков выпихнули в горы, будто из-под земли появились полчища разных торгашей и спекулянтов, в основном из местных. Начинается стрельба – рынок мгновенно пустеет. Только закончилась, глядь – опять уже все на местах, торгуют как ни в чем ни бывало. Боеприпасов в ГУОШе – по скудному пайку. Снаряжение, технику – не выпросишь. А на рынке есть все. Водки и пива – хоть залейся. И из Осетии, и из Ингушетии, и из столицы.

– Военно-транспортная авиация не бездействует! Да здравствуют славные воины тыла! – Змей отвернул газетку, – а это что за уродцы? Местные бычки?

На полиэтиленовом пакете в ряд лежали три странных горбатых рыбешки. Практически сразу за крупными головами их тела резко переходили в хвост.

Змей потянул одну повыше к тусклой лампе, висевшей как раз над столом и растерянно остановился. Рыбешка распалась

пополам. На столе, грустно глядя круглыми золотистыми глазами, осталась голова обыкновенной селедки. А в руке – соответственно, селедочный же отрезанный хвост.

– Вот сволочи! – Змей положил хвостик и взялся за более весомую рыбью запчасть, прикидывая, кто главный автор этой каверзы. – Как там у Ваньки Жукова: «И ейной мордой начала мне в харю тыкать», а, соколики?!

Соколики весело скалились и никаких признаков раскаяния не проявляли. Первая голова полетела в Кристи. Танкист прикрылся гитарой и поспешно заорал:

– Командир, там еще целая есть, под пакетиком!

Змей священнодействовал. Сделанный из пластиковой бутылки бокал накрылся желтоватой, пахнущей хлебушком пенной шапкой. Жирная селедка была разделана по всем правилам: кусочки без косточек улеглись горкой на крышке котелка. Головы, хвостики и плавники ждали своего часа, когда насытившемуся гурману захочется неторопливо погрызть их под последние глотки бесценного ароматного напитка.

– И не глядите, вы свое стрескали. Танкист, ты лучше свяжись с соседом, пусть завтра с утра два БТРа на часок даст... Ладно, подваливайте, все равно у вас пивко еще где-нибудь заначено. И давайте-ка еще разочек потолкуем, что там за домики. Их отсюда хорошо видно?

* * *

Куда там самым сложным компьютерам до самой простой человеческой головы.

Только что Змей спал, как убитый. Лег – и отрубился напрочь. Ночной город хлопал, бухал, трещал, свистел на разные голоса. «Грады» провыли на окраине. Мина рванула где-то южнее комендатуры. На боновском посту метрах в ста солдатик засадил из калаша длинную очередь по тени, которая то ли мелькнула в переулке, то ли почудилась. Но все это Змея не касалось, не волновало. Наоборот: хороший фон создавало, спокойный, убаюкивающий такой. Вот когда тишина – тогда подушка, как каменная, и мысли всякие за мозги дергают, спать не дают.

Но вот в километре отсюда, на северо-востоке, «Борз» протрещал. Пустяшный аппарат, самоделка чеченская под пистолетный патрон. Оружие террористов, для стрельбы в упор. И то не очень надежное. Даром, что название претенциозное – «Волк» по-чеченски. Но протрещал он возле блокпоста омоновского. А потому, «компьютер» командирский – сигнал

тревоги включил, руку проснувшуюся безошибочно к рации направил, заставил пальцы манипулятор нажать.

– Чебуратор – Змею, что там у вас.

– Пацан какой-то с «Борзом» бегает.

– Не зацепил никого?

– Серьезно – нет.

– Что значит, «серьезно нет»? – подпрыгнул на кровати Змей. – А несерьезно?

– Да меня щепками посекло, – в голосе Чебуратора смешались досада и злость, – он по ящику на брустверe залепил, ну и полетели деревяшки...

– Точно легко?

– Ухо рассек, перденыш, и в руку воткнулся кусок. Сейчас Док выковыривает.

Чебуратор хотел еще что-то сказать, но в рации и синхронно в ночном воздухе снова затрещал «Борз».

– Вы там осторожней. Еще не хватало, чтобы этот сопляк нам двухсотого сочинил.

– Змей, я его на угольнике держу, – включился в разговор снайпер Слон. Он, дурачок, за кустиком сидит, думает, не видно. Сто метров всего.

Да уж. Для СВД с ночником – кустик не преграда. Теплое тело светло-зеленым фосфорическим силуэтом за тонкими темно-зелеными прутиками маячит. Листочки чуть посветлей веточек: нагрелись за день, дышат, колышутся еле заметно. Подведи угольничек ровненько, нажми на спуск плавненько, и тяжелая пуля прошьет эту жидкую занавеску, вышибет незадачливого стрелка из-за призрачного укрытия, опрокинет навзничь тело с полуоторванной глупой черепушкой. На таком расстоянии снайпер даже может позволить себе изыск, почерк продемонстрировать: в глаз пулю влепить или в переносицу. Некоторые точно в середину лба целят. А есть любители – в кончик носа – центр лица получается. Пару сантиметров туда, пару сюда – все одно затылок отлетит. У духов в уличных боях, пока необстрелянные солдатики в полный рост бегали, даже такая палаческая, издевательская мода появилась – в пах бить. При точном попадании мужское хозяйство уродуется или напрочь отлетает. Чуть выше попадешь – тазовые кости и позвонки нижние – вдрызг. Если выживет пацан – всю жизнь в кресле-каталке проведет. Наши, правда, быстро это дело переняли. Где «чехи» куражатся – там и сами без яиц оставаться начинают. А уж если поймают бойцы снайпера такого... Ну, в общем, уголовно-процессуальный кодекс обычно не соблюдался.

– А точно пацан?

– Да мелкий совсем, фигура лет на четырнадцать. И повадка детская. В партизана играет.

– Нахер такие игрушки! Вали его! – Чебуратор и так-то с полоборота обычно заводится, а тут.

– Вообще-то, он как командир взвода старший сегодня на блоке. Ему и решение принимать. Но.

– Отставить!

– Есть отставить. – В голосе Слона облегчение.

– Хоть пугануть, Змей! – в голосе Чебуратора даже надежды нет. Характер командира он хорошо знает.

Невелика честь – пацана срубить. Понятно, что не без ведома старших он бегает. Скорее всего, все мужчины из его семьи с федералами воюют. А может быть, уже отвоевались. Вот и бегает юный герой-кровник, мужской долг в силу разумения своего чеченского исполняет. И никакой иронии нет в словах этих. Сумеет – убьет, не задумается. Он в этих понятиях с пеленок растет. И большинству пацанов чеченских во взрослом мужестве и гордости не откажешь. Попадет такой в руки федералов: тело от животного страха трясется, иной и штаны замочит. А марку из последних сил держать пытается. Взрослые порой хлипче себя ведут. А уж ему, зверенышу, в руки попасть – хуже нет. Он, может быть, потом и проблюется где-нибудь в одиночку, но чтобы перед старшими свою лихость показать, измываться будет, как палач профессиональный. А что тут удивительного? Он ведь в разум входил уже при Дудаеве. Под треск пропаганды удуговской. Он уже твердо знает, что все русские, – вонючие собаки и трусливые оккупанты, исконные враги чеченского народа. Скорей всего, сначала на русских сверстниках, под одобрительными взглядами старших родичей, свое превосходство утверждал. На женщинах и стариках беззащитных. А потом – ноябрь девяносто четвертого – январь девяносто пятого. Соседи его, друзья и родственники русских солдат, тупостью начальственной в грозненских улицах зажатых, как мишени в тире, расстреливали. Русские танки бенгальскими огнями полыхали. Непобедимые воины с блестящими глазами героическими рассказами опьяняли, голову юную кружили. Правда, навалилась потом осерчавшей медведицей Россия громадная. Захрустел Грозный, полилась потоками и чеченская кровь. В мясорубке этой все чаще матери чеченские волчицами ранеными выли. А в развалинах домов не только воины убитые, но и женщины, старики, дети грудами лежали. И вползали в юное сердце ледяной змеей – страх и горячим огнем – ненависть.

Можно, конечно, и убить его. Может быть, и нужно даже. Вряд ли что-то изменит еще одна смерть. Если остались

мужчины-родственники, конечно же, все здесь в ближайшую ночь с автоматами будут. Побьемся, постреляемся. Отличиться можно, «следы крови и волочения» прибывшему начальству показать. А если повезет – и пару трупов, что не успеют духи до утра вынести. Не исключено, правда, что и другое тело будет на блоке лежать – в омоновской форме. А потом уже братишки-омоновцы за своего мстить будут. Без всяких команд любого «чеха» зазевавшегося на мушку ловить. И будет тут у нас на блоке своя чеченская война, местного значения.

– Ну его в задницу. Пусть носится, патроны тратит. Не высовывайтесь зря. Может, из-под него снайперы пасут.

Пауза в эфире. Затем с ухмылочкой уже:

– Есть – его в задницу. Как поймаем, исполним.

Вот за это и любит народ Чебуратора. У него равнодушной рожи вообще не бывает. Никогда. Либо ярость боевая, либо восторг поросячий, либо улыбка хулиганская. Раньше у него, вообще-то, другой позывной был. Но недавно, на свою беду, рассказал он братишкам анекдот про Чебурашку, который Терминатором решил стать, а стал Чебуратором. А у самого рассказчика уши – как у его любимого мультгероя. Ну и все. В тот же вечер новый позывной, командиром не утвержденный, в эфире явочным порядком обнаружился. А еще через пару дней у комвзвода день рождения был. Где его бойцы рыскали, как они это в раздолбленном городе сумели сделать – навсегда загадкой останется. Но вручили командиру своему, под восторженный рев всего отряда, здоровенного пушистого Чебурашку в омоновском берете. Теперь это чудо ушастое талисманом взвода стало. На кровати командирской сидит, хозяина и его товарищей веселых терпеливо с заданий дожидается.

И пусть дождется. А занозы-царапины – этим Чебуратора не проймешь. Хоть и трепло, хоть и хохмач, но отчаянного мужества человек, и товарищ – надежней не бывает.

* * *

Утром на «дудаевской» улице, возле нарядных, вызывающе поблескивающих новенькими стеклами домов остановились бронетранспортеры. С брони ссыпались два десятка бойцов. Пулеметчики и снайперы, прогрохотав ботинками, рассыпались в разные стороны и исчезли. Только приглядевшись, можно было увидеть, как поблескивает оптика с крыши какого-нибудь сарая. БТРы с парой автоматчиков прикрытия на каждом, разъехавшись, перекрыли уличные концы от появления нежелательных гостей.

Еще несколько бойцов встали у ворот ближайших домов. А основная группа направилась в особняк.

– Туда нельзя!

– Вас не приглашали!

Голоса двух охранников, один – лет тридцати, другой постарше – под сорок, прозвучали синхронно. Стоят, скалят зубы в издевательских усмешках. Видимо, узнали кое-кого из вчерашних развернутых с порога посетителей. Мишаня, тот самый, что кокетничал давеча в столовой в розовом передничке, без лишних разговоров, по медвежьи огреб одного наглеца могучей лапой по макушке. Тот растерянно сел на порог, но тут же, получив пинок, откатился в сторону. Второго, также молча втолкнули в дверь и, прикрывшись вмиг заткнувшимся охранником, группа вошла в дом.

Никаких женщин, ни больных, ни здоровых в доме не было. Впрочем, не было больше и мужчин. Не было оружия и даже малейших намеков на возможность его пребывания в доме. Зато была умопомрачительная роскошь выстроенного рабами, набитого награбленным добром и не тронутого войной разбойничьего гнезда. Роскошь безвкусная и кричащая.

Какая-то надерганная из разнородных дорогих, но не ужившихся еще друг с другом предметов.

– Вот они про наше мародерство орут, – глядя на всю эту пестроту, сказал Мамочка, – а сами сюда полгорода стянули. Как в хате у барыги. Раскулачить бы!

– Иди-ка на улицу, продармеец, – осадил его Змей, – и скажи – пусть приведут второго.

– В общем, так, – обратился он к скисшим и угрюмым сторожам, поставленным к завешенной коврами стенке, – сколько отсюда до комендатуры, знаете? Ну?

– Две улицы, – ответил тот, что с виду был чуть постарше.

– Правильно. Напрямую – триста метров. А сколько дальность выстрела у «Шмеля», знаете?

– Не знаю никакого шмеля.

– А я знаю: такой, как толстый пчела, – сумничал младший.

– Ты или по делу говори, или молчи. А то полетишь, как худой пчела, – пообещал ему Мишаня.

– Все, молчу, – быстро проговорил остряк, на всякий случай, отдвигаясь от бойца.

– Выйдите-ка все, кроме этого, – Змей показал на старшего.

Оставшись с глазу на глаз, он твердо встретил тяжелый взгляд своего визави и спокойно спросил:

– С тобой можно серьезно разговаривать?

– Можно.

– Так вот: все что скажу, передай своим хозяевам. Вчера прямо рядом с комендатурой обстреляли наш «Урал». Это ваши, местные. Чужой по дворам бы лазить не стал и так быстро спрятаться бы не сумел. Сегодня ночью вокруг блокпоста тоже ваш пацан бегал, из «Борза» стрелял. Мой снайпер его двадцать минут в оптике держал. Не стал пацана убивать. Он в партизана играет, а того не понимает, для чего его, дурачка, используют. Скальпы ваши мне не нужны. Земля ваша тоже. Я сюда пришел, чтобы вы перестали убивать. Русских, нерусских, своих же чеченцев. И я вам, пока нахожусь здесь с моими ребятами, убивать не позволю. Если по нашей комендатуре, или по нашему блокпосту снова будут стрелять, прикажу отвечать. Огнем на огонь. Этот дом сгорит первым. А если хоть один из моих людей будет ранен или убит, всю улицу развалю. Всю. Ты меня понял?

– Хорошо, я передам. Очень серьезным людям передам. А ты не боишься?

– Чего?.. Что молчишь? Спрашиваешь, так спрашивай ясно.

– Умереть, например.

– Этого вам бояться надо, – Змей улыбнулся, – ты моих ребят видел? Я их пока на коротком поводке держу. И не дай Бог, чтобы они с этого поводка сорвались. Но если хоть один из них кровь братишки увидит, я их не остановлю. И останавливать не стану.

С улицы донесся визг тормозов и чей-то возмущенный голос.

– О, похоже, опять ваш дружок приехал! Сколько ему платите? Или он вас так, по-родственому прикрывает? Ну да ладно. Это ваши дела. Ты все запомнил, что надо передать?

– Все.

– Ну и молодец. Худой мир лучше доброй ссоры. Змей вышел на улицу и направился к ближнему БТРу, у которого, словно дворняжка-дурнолайка прыгал остановленный бойцами начальник райотдела. Отмахнувшись от осатаневшего «коллеги» и, запрыгнув на броню, дал отмашку. БТРы взревели, обдали майора и его свиту облаками сгоревшей солярки и плавно закачались вдоль враждебно уставившихся окон.

– Командир, гляньте, вот это разминировали! – Мамочка весело ткнул пальцем за спину.

Змей оглянулся. Недалеко от особняка, где велись «переговоры на высшем уровне», на обочине дороги высилась пирамидка из битых кирпичей с воткнутой наискось фанеркой. На фанерке красовалась лаконичная надпись: «Мина».

* * *

Змей не успел еще подняться в командирский кубрик, как навстречу дневальный выскочил:

– Командир! Передали – в одиннадцать в ГУОШе совещание.

– О, Господи! Опять два часа воздух трясти. Мамочка, скажи Винни, пусть готовит «Урал». Ты там что-то в ГУОШе выцыганил в прошлый раз?

– Сегодня прапор знакомый обещал кое-что из вещевки. Может, я с вами?

– Расскажи все Винни, пусть он с ним разберется, пока я буду камуфляж на заднице протирать. А ты насчет баранинки похлопочи.

– Прикрытие возьмете?

– Я что, пижон, по Грозному с одним водителем ездить? Или ты мечтаешь обмен века произвести: меня на перловку у боевиков выменять?

Последняя реплика Мамочку не смутила. Скорей, наоборот. У него в глазах появилось странно-мечтательное выражение:

– Нет, за перловку я верну машину и Винни. А вас обменяю на дудаевскую тещу.

– Типун тебе на язык! Да и теща, видишь, смылась. Наверное, услышала, что ты к ней в гости собрался, а тебя, афериста, похоже, уже весь город знает... Как они задолбали этими совещаниями!

Змей

Эх, война, война!

Впереди толпа гудит. Площадь народом запружена. На подходе к ней тоже кучки людей стоят, ненавидящими взглядами нас обжигают.

Митинг очередной.

Ну их к Аллаху. Через этот улей ехать – дураком надо быть. Либо пулю всадят исподтишка, либо вообще на машину полезут, попробуют заваруху какую-нибудь учинить. Омоновцев, конечно, могут и побояться. У нас народ отчаянный, дойдет дело до драки – гранатами дорогу зачистим. Да только зачем зря грех на душу брать. Женщин полно.

Нормальные герои всегда идут в обход. Плохо, конечно, что улочки незнакомые. Правда, меньше шансов на засаду напороться, нас ждут на постоянных маршрутах. Зато можно с любой другой неожиданностью столкнуться. Есть районы, где боевики в открытую разгуливают.

А хочется побыстрей домой, на базу. В кабине «Урала», на

командирском сиденье огромная длинная дыня лежит. Специально на рынок заезжали. По жаре такой на эту фруктину чудесную спокойно смотреть невозможно.

– Ничего, скоро мы до тебя доберемся, правда, Винни? Водитель, добродушный крепыш, родной брат Винни Пуха, согласно кивает головой и непроизвольно сглатывает слюну. Он целый день сегодня за рулем, еще и с обедом пролетел. Пока другие перекусывали в столовой ГУОШа, Пух где-то хлопотал с погрузкой вещевки для отряда.

– Змей, смотри!

– Вижу.

«Сферу»[12] – на голову, дверцу приоткрыл, ей же и прикрываюсь: бронник мой на дверке висит. Не вывалиться бы, когда Винни тормознет.

Молодец Пух, вроде от дороги глаз не отрывает, а суету непонятную впереди по курсу засек.

Слева, на краю пустыря большого, рыночек. Киоски и просто столы на небольшой площадке стоят. На одних – запчасти поразложены. На других – овощи, консервы какие-то. Но люди не торгуются, у столов не трутся. Люди за киосками поприседали, под столы забились. Несколько человек на земле лежат. Кто неподвижно, руками голову закрыв, а кто бочком-бочком старается за кучу мусора заползти. Справа еще интересней: УАЗик, а за ним двое в камуфляже, с автоматами. Нас увидели, но смываться не торопятся. Наоборот, руками машут, останавливают. Один еще и в сторону рынка показывает, мол, туда поглядывайте.

Мы, дорогой, везде поглядывать будем. Здесь недогляд смертью пахнет. Тем более, нехорошее место, открытое. Только справа панели бетонные свалены, да впереди – узкая улочка с домами частными. Но до них еще добраться надо. Если оттуда стрелять не начнут...

– К бою, слева – справа!

Хлопцы мои не зевают, уже как надо стоят: вдоль бортов, разом – на колено. Оружие – наизготовку. Борт железный, да скамейка деревянная – не велика защита, но от осколков прикроют. Шлемы и броники тоже не бумажные. А дальше – каждому своя судьба.

А моя доля – командирская.

Не зная обстановки, за секунды считанные принимай решение, как поступить. Может, спектакль все это, отвлечение для засады. И надо, пока не поздно, назад рвать, огнем прикрываясь. Может, и свои попали в переделку, помощь нужна.

А цена ошибки – «груз двести», а то и не один...

Вот и разгадка!

Слева, за пустырем, на крыше обгоревшего здания и в темных провалах его бывших окон огоньки замелькали. И по раме стальной «Урала» нашего, как горохом – тр-р-р-ру!

Стрекот автоматный последним прилетел.

– К машине!

Да что с вами, орлы, не услышали за шумом, или от уставной команды в мозгах перемкнуло?!

– Прыгай, вашу мать!..

Другое дело! Стокилограммовый Бабадя в полном снаряжении (двадцать пять кило металла), с ручным пулеметом и двумя коробами патронов, как птица над бортом взвился. На землю обрушился – пять баллов по шкале Рихтера. Лишь бы ноги не сломал! Остальные тоже в воздухе пятнистыми призраками мелькают и тают тут же. Секунда-две – и нет ни кого. Только из-за плит бетонных у обочины, в сторону здания коварного стволы настороженные посматривают. Но не все. Два автоматчика на мушке неизвестных в камуфляже держат.

Мужики за УАЗиком совсем присели, автоматы на землю положили.

– Мы свои! У нас раненый!

Винни, как только ребята с машины слетели, по газам – и под прикрытие дома частного. Притер «Урал» под стенку, стоит, команды ждет.

«Комод»[13] Чавыча, он же снайпер по боевому расчету, редкого хладнокровия человек, уже в прицел своей винтовки впаялся.

– Дистанция триста, командир.

Студент, хоть и молодой боец, первую командировку работает, тоже не зевнул:

– На пятиэтажке, сзади!

Точно, согнутая черная фигурка по краю крыши мелькнула, за бордюрчиком укрылась. Молодец, братишка!

– Промышленное здание, триста метров, крыша. Подствольники, огонь! Пятый этаж, третье окно слева – автоматчик. Чавыча, щелкни его. Сзади, правая пятиэтажка, крыша – Бабадя, отработай.

Первая серия подствольников по-разному пришлась. У кого-то недолет. Но пара разрывов точно легла. Как при залповом огне каждый свое попадание определяет, никто объяснить не может. Да только вторая серия всю крышу черными шапками нахлобучила.

Пару раз снайперка чавычина хлестанула. Бабадин пулемет

ей вслед пророкотал. И – тишина. Сидят бойцы за укрытиями. Холодными глазами профессионалов все впереди себя щупают. Прошли те дни, когда с перепугу да в азарте на одиночный выстрел лупили в белый свет, пока патроны не кончатся. Боевики тоже молчат. Видно, поняли, с кем дело имеют. Может, ушли. А может, ждут, пока расслабимся и к машине в кучу соберемся...

Пока пауза, надо в отряд сообщить, что в переделку попали.

– База, Змею.

– На связи.

– Попали под обстрел в районе авторынка, на улице...

А хрен его знает, что за улица. Впереди – частный сектор, за деревьями табличек не видать. Пятиэтажки – разбитые, закопченные.

– Не могу сориентироваться. Приблизительно километр от вас, в сторону бывшего двадцатого блока. Будете на подходе, обозначимся ракетами.

– Держитесь, братишки! Сейчас будем!

Так, а теперь нашими добровольными пленниками займемся.

У этих двоих удостоверения в порядке. Но здесь бумагам веры нет. Другое важней. УАЗик по левому борту пробоинами попятнан. В машине еще двое. У одного грудь в бинтах, пятно багровое подплывает на глазах. Второй его придерживает, новый пакет перевязочный зубами рвет. Не маскарад. Да и так видно – свои. Когда все вокруг по-русски свободно говорят, учишься друг друга нюхом распознавать. На то тысячи нюансов есть и не все объяснить можно. А от этих еще и новичками за версту тянет.

Судя по результатам, у боевиков тоже обоняние в порядке. Еще легко ребятки отделались. Надо выводить их срочно.

– Промедол ввели? В шок не уйдет?

– Все сделали. Скорей в госпиталь надо!

– Прыгай за руль, прикроем.

– Пух, Змею!

– На связи.

– Сдай назад, прикрой УАЗик бортом.

– Чавыча! Смотрите в оба, Винни сейчас, как мишень будет.

В тишине напряженной взревел «Урал». Одним рывком из-за укрытия выпрыгнул, точно слева от УАЗа по тормозам врезал. Ну что вы телитесь?! Подпел УАЗик, рванулись парой вперед. Идет Винни, собой братишек прикрывает. Именно собой. Он ведь слева сидит. Бок бронником на дверке защищен. А голову куда денешь, под торпеду? Так ведь на дорогу смотреть надо. Глаза-то к голове привинчены. Не на стебельках, перископом не выставишь. Шлем на голове? Но это – от мелочи, от осколков и рикошетов. Если сейчас снайпер на спуск жмет, то через долю секунды шлем

слетит, как котелок дырявый. С кашей желто-красной. У духов и гранатометы есть. И стреляют они из них мастерски. Не дай Бог увидеть, как летит навстречу Винни звезда хвостатая...

Все, проскочили. Теперь они домами прикрыты. УАЗик, скорость не сбрасывая, дальше помчал. Удачи тебе, брат! Живи!

А Винни сейчас назад пойдет, своих ребят выводить.

– Внимание, выходим под «Уралом».

Снова громадина железная задним ходом, как в авто-шоу, шпарит. В правом зеркале на миг Пуховы глаза выс-веркивают. Не влево смотрит, где смерть его пасет, а на ребят: как бы не сбить кого, если поторопится к машине рвануть.

Вот они, материализовались. Каждый левой рукой за борт зацепился, в правой – оружие, как учили. И пошел «Урал», боком своим людей прикрывая. Чешут бойцы, еле земли касаются. Скорость машина задает, твое дело – ноги вовремя переставлять, не сбиться, под товарища не рухнуть.

Выскочили из тира. Теперь в машину – и ходу.

Винни шлем с головы сбросил, пот – ручьями по лицу. Вспотеешь тут!

Поднимаюсь на подножку, последний взгляд в кузов – все? Домой!

Да только сзади – крик умоляющий.

Что такое? Нанялись тут все руками махать? Двое стоят на коленях, жестами к себе зовут. А сами – в центре пятачка. Если вся площадка – тир, то это место – десятка на центральной мишени. Ага, щас! Если мы так вам нужны, гребите сюда сами.

– Помогите, тут раненый!

Точно, за ними третий лежит. Мне его поза еще в начале суеты всей этой не понравилась. Теперь вижу, почему. Одна нога в голени пополам переломана и под немыслимым углом торчит, так, что пятка почти коленки касается. Лужа черная из-под ноги ползет. Здорово его жахнуло. Если не помочь мужику, кончится через пять минут, от шока болевого и потери крови. А как помочь?

– Несите сюда!

– Нельзя нести, нога оторвется!

Вот, блин, история. Ну его на хрен, башку из-за него подставлять! Только высунься, пулю схлопочешь. Если боевики не ушли, точно сейчас на живца пасут. А бросить как? Человек ведь. Живой. Пока.

Эх, мамочка! Ангелы-хранители мои! Вывозите, родимые!

– Прикройте!

Вздохнул, и как в воду ледяную...

Теперь я знаю, что видит и что чувствует хирург во время рискованной операции. У меня процесс несложный, но обстановочка… Одни чеченцы подползли, помогают. А другие – очередь над головой свистанули. Слишком высоко. Своих отгоняют?

В ответ наша СВД ударила, и «калашников» короткую очередь отсек. Это – Мак-Дак сработал: у него автомат с оптикой.

Раненый шепчет:

– Не надо, уезжай!

– Молчи, дыши ровно!

Один чеченец возле меня не выдержал, вскочил, кулаком машет, кричит что-то по-своему. Голос звонкий, воздух тихий, далеко слышно, наверное.

Все, не отвлекаюсь. Весь мир в узкий пятачок сжался, как ночью в луче прожектора. Перед глазами – ноги бедолаги этого. Та, что в голени перебита, на скрученных рваных мышцах и коже растянутой держится. Розовая кость из мяса сантиметров на пять торчит. Костный мозг сгустком свисает. Надо расправить, соединить. Боль ведь адская…

Первым делом – жгут, под колено. Кровь хлещет, как из спринцовки. Хорошо, рукава закатаны, а то стирать замучишься.

Теперь – промедол. Колпачок шприц-тюбика довернуть, мембрану пробить. В мышцу, прямо через брючину. Черт! Неудачно как! Бедро в судороге, словно каменное. Полтюбика ввел и игла сломалась.

– Промедол мне!

Сбоку рука появляется. Белый тюбик в ней. Второй укол. Перед глазами второй жгут выныривает. Его – выше колена.

– Так, терпи!

Ногу развернуть, кость в мясо уложить, концы свести. Нет, простой повязкой не закрепишь.

– Шину бы!

Треск рядом. Под руку дощечки от пивного ящика подныривают. Отлично! Теперь, на сквозную рваную рану – с двух сторон – бинты стерильные. На них – «шины», сверху – еще бинты. Есть.

На второй ноге – пятка вдребезги. Сухожилия торчат, кость розовеет. Делаем все по новой. Только без промедола. Наркотик уже действует. Обмяк мужик.

Но силен! Лет сорок – сорок пять, крепкий, как дуб. Другой бы на его месте либо отключился, либо на крик изошел. А этот только зубами скрипит, да тяжко так выговаривает:

– За что они меня искалечили? Я не воюю. Я приехал карбюратор купить, а они – из автомата.

Один из помощников моих рассказывает по ходу:

– По УАЗику с дома стрелять стали. А они не поняли. Выскочили – «Ложись» – кричат. Все попадали, а Умар замешкался. Они ему – по ногам. А он-то ни при чем. С крыши стреляли!

Да, картина знакомая. И винить ребят нельзя. Не один день надо под пулями полазить, чтобы научиться не молотить на каждый выстрел дуриком, а работать по цели конкретной. Но и самые опытные профессионалы порой срываются. Нервы на взводе. Хочешь жить – стреляй первым. Результат потом увидишь. И всякое бывает. Порой в неразберихе и по своим пуляют. Почти каждый через это прошел. Ведь здесь из-за каждого угла бьют. Из «зеленки», из домов, из руин. И из толпы на рынках не одного федерала расстреляли. Здесь ведь тоже кто-то засаде сигнал подал, на УАЗик нацелил... А правители наши, да чистюли – законодатели, войну полномасштабную развернув, даже чрезвычайное положение не ввели. Им начхать. Они деньги делают. А мы здесь нервы рвем, да кровь льем. Свою и чужую. Так что не вини ты, дружище, тех, кто стрелял. Кляни тех, кто эту бойню развязал.

Все, вторую ногу спеленал. Можно дух перевести, глаза поднять. Давно чувствую, что прикрыли меня слева, с той стороны, откуда пули пели. Да все глянуть было некогда.

Щемануло сердце. Теплом умылось.

Братишки мои!

Нет, не услышите вы от своего Змея ядовитого, вечно всем недовольного, слов любви и благодарности. Не принято у омоновцев лирику разводить. Но на всю жизнь запомню я ваши лица обреченно-сосредоточенные. Живым забором в бронниках, стволами ощетинившись, уселись на площадке пыльной, загородили командира и чеченца раненого. Что ж вам пережить за эти минуты пришлось?

И Винни снова здесь. «Уралом» своим нам спину от пятиэтажек прикрыв, сидит под колесом, мой броник наготове держит.

Но теперь – точно все.

Подъехали милиционеры местные. Народ вокруг осмелел, поднялся, окружили, лопочут и по-русски и по-своему. Раненого – в «Жигули» милицейские. Молодой чеченец, глаза пряча, руку жмет.

– Спасибо.

– Не стоит. Не забудь врачам сказать, что полтора тюбика промедола вкололи. И время, когда жгут наложили. Это очень важно! Полтора тюбика и жгут!

– Не забуду, я понимаю…

Умар тоже голову поднял.

– Спасибо.

– Не стоит. Удачи тебе. Живи. И прости, если сможешь…

Навстречу, от комендатуры, колонна летит, стволами ощетинилась. Впереди БТР. Это – боновцы. Молодец сосед. Ментов не любить – одно, а своим не помочь – совсем другое. Из «Уралов» затормозивших наши посыпались, а за ними – братья-сибиряки да уральцы. По спинам хлопают, теребят. Душман, громила бородатый, ворчит:

– Ну ты даешь! Подмогу запросил, а адрес – на деревню дедушке!

Не ворчи, братишка. Вижу я тебя насквозь. Вижу радость твою, что все у друзей обошлось, вижу гордость, что все орлы твои, как один, на выручку братьям помчались.

И снова на сердце тепло.

Слышите, люди: есть еще настоящие мужики в России! Не всех еще за баксы скупили. Не всем еще души загадили. Слышишь Россия: еще есть кому тебя защищать!

* * *

Вот ухлестался кровищей. Обе руки – по локоть. Коркой багровой кожу стянуло, чешется под ней все. А в умывальниках – Сахара.

Ох и дам я сейчас дневальному прочухаться!

Вон он стоит, на дыню загляделся, слюнки пускает.

– Командир, когда очередь занимать?

– Когда я руки вымою, а весь ваш наряд вторые сутки отбарабанит. Дыню так сразу усекли, а что умывальники пустые, хрен заметите!

– Да только что выплескали, Змей! Патрули на обед подходили. И в бочке уже нет.

– Ну, нашел оправдание, красавец! Неси ведро от соседей и передай старшине, что будете на пару с ведрами бегать, пока на весь отряд не завезете. Мухой давай!

Помчался дневальный, а навстречу комендант вприпрыжку чешет. К нам никак?

– Змей, у соседей на блоке проблемы. Якобы гражданских расстреляли. Комендант города приказал человек двадцать взять и на месте разобраться, пока туда местная прокуратура и милиция не понаехали.

– А что: соседи сами выехать не могут? Это их блок, пусть сами и разбираются.

– Приказано милицию направить. Для объективности. И обеспечить охрану места происшествия до прибытия работников прокуратуры.

– Ой, как неохота в это говно лезть... А никого другого послать нельзя? У меня людей на базе раз-два и обчелся.

– Техника и люди есть. Бери БТР. Сосед еще один подгонит. Ты со своими старшим пойдешь. Прокурорские разборки – дело второе. Ребят на блоке сначала спасти надо. Там толпа какая-то непонятно откуда взялась. Давай, лети. Ну, елы-палы! Все-таки накрылось удовольствие.

– Мамочка! Дыню в офицерский кубрик неси. Только, если кто раньше меня вернется, предупреди: сожрут – самих вместо нее на куски порежу.

Ага, напугал я их. Понятное дело, командиру кусок оставят. А Винни, да остальные, что сегодня вместе кувыркались? Обидно будет мужикам.

У Пионера – второго взводного тоже сомнение в глазах.

– Змей, давай прикончим ее, пока группа грузится.

И в самом деле: черт его знает, чем этот вызов обернется. Может, вообще больше в жизни полакомиться не придется. А дынька – вот она, янтарем отсвечивает, запахом прохладным слюну нагоняет.

– Налетай братва! – и нож ей в бок. Верхнюю половину – наверх – уже сидящим. Нижнюю – только успевай кромсать.

Бойцы резервной группы из дверей выскакивают, каждый свой кусок на ходу, как автомат по тревоге, подхватывает – и на БТР. Сами-то автоматы у них давно в руках. Со своими «калашниковыми» они и спят в обнимку.

– Классная дынька, Змей!

– Ты скорее чавкай, на дорогу выскочим – будешь пыль глотать!

И в самом деле хороша. Нежная, ароматная. Сладкий сок по рукам течет, кровавую корку розовыми дорожками размывает. О, блин! Бросило на колдобине, мазнул куском по другой руке, забагровел край куска по-арбузному. Но не пропадать же добру, надеюсь, крестник мой СПИДом не болеет.

Привкус солоноватый...

* * *

А ты помнишь, Змей, тот случай?

Да, тогда, во дворе. Сколько тебе было, тринадцать или четырнадцать?

Помнишь, как долговязый придурок по кличке Фашист ни с того, ни с сего шибанул камнем пробегавшую кошку и, ухватив ее за задние лапы, треснул головой о дерево. Как омерзительно липкая капля кошачьей крови прыгнула тебе на щеку и растеклась кипящей полоской. И как, содрав всю кожу на щеке в тщетных попытках смыть тошнотворное клеймо, ты несколько дней блевал при одном воспоминании о случившемся...

Ах, война, война!

Интересно: что же там все-таки, на девятке?

* * *

Пока Змей с резервом на БТРе на чужой блокпост добирался, Винни с Танкистом на освободившемся «Урале» на свой помчались. Из-за утренних мероприятий, да заварушки на авторынке пересменка на полдня затянулась.

Не успел Винни возле блока тормознуть, как на него народ с расспросами накинулся. Извелись ведь, когда услышали, что братишки под обстрел попали. Как на иголках сидели. Хоть пост бросай! Уже всерьез собирались на приданный БТР половину наряда кинуть и к своим на подмогу лететь. Что соседи подоспели, что отбой тревоге дали, – поняли из переговоров по рации. Но о потерях обычно никто по связи открытой не сообщает. Только когда своими ушами от Винни услыхали, что наши все целы, успокоились. Но тут уже просто любопытство поперло: где, да что, да как? Кто стрелял, куда попал? Винни вообще не любитель языком трепать, а тут так достали, что забился в кабину и ручку изнутри защелкнул.

Танкист тоже особо распространяться не стал, он по делу приехал, проверить, как дела со строительством нового блока подвигаются. Раньше только название было – блокпост. А на самом деле – классический опорный пункт взвода. На высотке, нависшей над перекрестком дорог, метрах в ста от полотна дорожного, окопы вырыты, ходы сообщения, блиндажи. Вода, грязь глинистая по колено. Матушка-пехота постаралась, когда бои настоящие, тяжкие шли. И не было у нее, родимой, ничего, кроме лопат саперных да рук от грязи и крови заскорузлых. По тому времени обустроились они не только надежно, но и комфортно. Нары в блиндажах сделали, две буржуйки раздобыли. Над головой, правда, кроме слоя жидких бревнышек, жестью

накрытых и землей присыпанных, – ничего. От подствольника, может быть, и спасет, а вот от мины, даже самой легонькой, вряд ли.

После трудяг этих, чернорабочих всех войн, здесь уже кто только службу ни нес. И внутренние войска, и омоновцы, и сводные отряды милиции. И ни одна зараза, похоже, даже лишний мешок с землей над головой не уложила. Только крайние окопы на левом фланге банками из-под тушенки и перловой каши завалили. А на правом – тем продуктом, в который эти консервы после прохождения через организмы доблестных защитников блока превращаются.

Айболит отрядный, когда эту картину увидел, дар речи потерял. Пришлось сначала субботник организовать, привести все в божеский вид, замаскировать по новой. Док, несмотря на вопли бойцов и рычание взводных, все «очаги инфекции» беспощадно хлоркой засыпал так, что за километр ее благоухание разносилось. От безысходности пришлось братьям-омоновцам старые «могилки» вместе с хлоркой айболитовой закопать. А новые окопы и безопасный, врытый в землю по крышу сортир, – выкопать. Только в отличие от солдатиков безответных, свои ручки, знающие только благородные мозоли от гантелей да оружия, напрягать они не стали.

Проезжал как-то через блок трактор «Беларусь», с ножом бульдозерным, да ковшиком экскаваторным. Невелика техника, но для ремонта окопного в самый раз. Попросили тракториста: заверни, мужик, тут на тридцать минут работы. Уперся, не могу, мол, некогда. Времена беспредела военного вроде как закончились, осмелел народ. Взводный лично подошел, тоже уговорить не удалось. Пришлось выяснять причину такого отношения. Оказывается, был этот тракторист злостным боевиком и диверсантом. Во всяком случае, при досмотре у него под сиденьем две гранаты обнаружились. И хоть очень натурально у мужика глаза на лоб от такой находки вылезли, но кто ему, чеченцу, поверит. Остался бедолаге один путь – на фильтропункт. Нехорошее место. С недоброй славой.

Правда был и другой вариант…

Когда уезжал тракторист с высотки, счастью своему не верил. Велик Аллах и велики дела его. Поверили ребята, что гранаты он не прятал. Посочувствовали даже, что какая-то сволочь мирного работягу подставить пыталась. И даже в бак опустевший канистру своей соляры залили. Надо же человеку на чем-то домой добраться. А то он за полдня ударной работы на блоке все топливо спалил.

И все-таки самый хороший окоп – это всего лишь окоп.

Приехал как-то с очередной проверкой Змей. Фыркнул ядовито:

– Долго собираетесь в этом лягушатнике сапогами чавкать? Октябрь на дворе. Скоро похолодает – мигом сопли пораспустите, да «розочками» разукраситесь.

Собрались отцы-командиры на военный совет. Провели разведку окрестностей. Потянулись к посту добровольные и не очень добровольные помощники. Кто блоки бетонные везет, кто – плиты перекрытия. Краны подъемные скоро стали этот перекресток хитрыми тропами объезжать, да не тут-то было... Жаловаться пытались. Глава администрации районной приезжал. Змей ему коротко ответил:

– Если для безопасности моих ребят нужно будет, весь город сюда сгоню. И плиты бетонные с твоей администрации сниму. – Но смягчил слова свои улыбкой веселой. Шутка.

Надо сказать, глава администрации не сильно-то и напирал. Нормальным парнем оказался. Племянник Гантамирова, а значит, как и дядька его, – кровник дудаевский.

В общем, недели не прошло, а Танкист, как главный прораб, уже внутренним обустройством нового бетонного двухэтажного дворца занялся. Сухо будет. Тепло. Печка – не буржуйка-дровожорка: кирпичом обложена! Нары просторные, запасы на неделю боев. Обваловать бы еще землей, чтобы выстрелами из гранатометов стенные блоки обрушить внутрь было невозможно. И – служите, братишки, жизни радуйтесь.

Доволен Танкист. Что в Афгане, что в Чечне самая страшная опасность – не пули вражеские. Хуже – руки немытые, вода сырая и носки мокрые. Бывало, что целые подразделения, ни одного человека в бою не потерявшие, с поносом дизентерийным или приступами желтушными в госпитали отправлялись.

Ну все, ехать пора. Только Серега-сапер что-то задерживается.

Территория блокпоста по периметру на расстоянии в пятьдесят – сто метров колючкой огорожена. С обеих сторон вокруг колючки мины понатыканы, растяжками все заплетено. Почти год тут саперы всех мастей изощрялись. И не было случая еще, чтобы при пересменке кто-то кому-то карту минного поля оставил. Да с картой еще и опасней, вдруг кто поверит ей сдуру! Тихонечко прополз Серега на коленочках, по одному ему известному коридору. Ставит растяжку новую. Гранату-эргэдэшку с запалом ввинченным к колышку изолентой примотал. А теперь чуткими длинными пальцами выпрямленную чеку в отверстии запала тихонечко гоняет: туда-сюда, туда-сюда. К кольцу чеки тонкая струна стальная одним концом привязана. Другим – ко второму колышку, поодаль. Натянута струна, играет. И надо так все отрегулировать, чтобы и не держалась чека жестко, сработала

при любом прикосновении к струне, но и не выскочила сама по себе. Тонкая работа, нервная. Сейчас у Сереги весь мир – на кончиках его пальцев. Окликать, отвлекать – преступление.

Ладно, подождем.

Откинулся Танкист спиной на крыло «Урала», покуривает, по сторонам посматривает. Он не один внимателен. На втором этаже нового блока, сделанном в виде сторожевой вышки, снайпер дежурный и пулеметчик работают. Один досмотровую группу, работающую на дороге, прикрывает. Второй – окрестности в оптику обшаривает метр за метром, тщательно.

Вроде все. Встал Серега с колен, выпрямился устало. Медленным шагом, в землю всматриваясь, назад по коридорчику пошел.

И тут у него за спиной хлопок раздался. Легкий такой.

Змей

Не нравится мне эта история. Если начудили ребята, проблем не оберешься. Прокуратура приедет, хочешь не хочешь, а помогай. Еще, не дай Бог, придется своих же задерживать. Одно дело – мародерам ласты загнуть или какую-нибудь сволочь, что оружие духам продает, прищучить. А если пацаны-срочники в азарте или с перепугу подстрелили кого? Вон, на прошлой неделе один такой чудик-первогодок с БТРа прыгал возле моста через Сунжу. Перехватил автомат неразряженный неловко – бах – готово! Девчонку местную наповал. Специально бы так не попал, а тут – как черт наворожил. В любом месте такое дело – беда страшная. А здесь это – как взрыв ядерный. Весь город на ушах стоял, расправы над ним требовал. Нагрешил – отвечай. Справедливо. Но только какой сволочи пришла в голову идея пацана несчастного в чеченский СИЗО отправить? На прошлой неделе мы боевиков задержанных на фильтропункт сдавали. А перед нами конвой контрактника принимал, что за бутылку водки командира своего отделения зарезал. Так этого ублюдка – к своим, под охрану уиновцев российских. А пацана несчастного – к чеченцам в камеру, под надзор вертухаев местных. Ему, говорят, теперь все равно, что условный срок, что вышка. Кончили человека. Сломали. Уничтожили.

Эх, сосед, сосед! Как не вовремя эта хренотень! И так отношения, мягко говоря, прохладные были.

Обычно как: прибыл новичок, представился братьям-командирам по-человечески, замахнули по стопочке, руки пожали – и вся дипломатия. Война – на всех одна, делить нечего.

А этот, как Душман и предсказывал, приглашение проигнорировал, по вопросам взаимодействия к своему НШ переадресовал – и весь контакт.

В конце-концов комендант ситуацию прояснил. Оказывается, предшественнички наши отличились, братья-омоновцы. Допились до того, что собственный командир от них шарахался. В комендатуре отдельно ночевал. Понятно, что вместо взаимодействия – одни головные боли для всей комендатуры. Местных остервенили, сразу обстрелы один за одним пошли. А под занавес вообще поганая история приключилась. Один орелик нажрался до синих соплей и решил, что ему работающий движок спать мешает. Вылез на улицу и подкатил под электростанцию эргэдэшку. Черт бы с ним, с железом, хотя движки в Чечне на вес золота. Но в этот момент, по закону подлости, солдатик-связист боновский вышел свое хозяйство проверить. Хоть в одном ему повезло – ни одного тяжкого ранения не было. Но пошинковало пацана от колена до горла, десяти сантиметров без пореза не найти! Спасти его доктора – спасли, железо, сколько нашли – вынули. А скандал замяли, все на боевиков списали. Не о придурках пьяных заботились. Представили пацана к медали и комиссовали, как получившего ранения при выполнении воинского долга. Если потом эти раны инвалидностью обернутся, так хоть военкомат оформит все без проволочек.

Понятное дело, у комбата теперь при слове ОМОН, кроме мата, ничего из глотки не лезет.

Ну да ладно. Стерпится-слюбится. если разборки эти на блоке вконец все не опоганят.

Да. дела!

До города километров пять, а возле блокпоста с полсотни чеченцев столпились. Бабы, мужики. Гвалт. Откуда их здесь столько? А! Вон автобус стоит. Специально под эту акцию пригнали или, на грех, мимо проезжал? Во завелись! Некоторые уже чуть ли не в сам блок лезут. Да что ж это такое, кто здесь командует? Не знает, лопух, что так уже не один объект захватывали. Чирикнуть не успеешь, как без оружия останешься, а через день уже будешь где-нибудь в Бамуте боевикам блиндажи строить. Если не останешься здесь же без башки.

– Отходи! – ребятки мои и резерв вэвэшников из этой части, что на блоке службу несет, плечом к плечу встали, дружным напором самых наглых оттеснили. Вот чья-то рука дерзкая попыталась Мамочку за автомат схватить. Шалишь, здесь он уже не жулик-тыловик. Здесь он – боец. С детства детдомовского, неласкового, приучен за своих драться до последнего. А уж разных примочек из уличного арсенала никто, сколько он, не

знает. Вроде и не сделал ничего – а из толпы вопль сдавленный. Вот он – ухарь, что за автомат хватался. Молодой. Вся рожа темно-коричневая, а на месте бороды недавно сбритой – смугло-розовая. В сторону выпрыгнул, на одной ноге скачет, за голень держится. Выть стыдно, шипит яростно. Больно, наверное, «берцем» по косточке-то?

Выдавили, без стрельбы обошлось. Раньше вверх в таких случаях стреляли. Перестало действовать. Знают, что по женщинам огонь никто не откроет. И опасно это. Не раз после стрельбы в воздух вдруг откуда-то раненые и убитые появлялись. Со всеми последующими разборками. Да что тут непонятного. Под такие акции всегда группы боевиков готовятся. Если получится – из-за женских спин федералов перестрелять. Не получится – из автомата с глушаком очередь под шумок в толпу засадить. Тоже хорошо: на Западе – вой, в прессе вой, федералы – в дерьме, а в рядах боевиков – новые мстители.

А вот и старший блока. М-да! Интересно, бывают шестнадцатилетние лейтенанты? Или так хорошо сохранился?

– Товарищ подпол...

– Пошли в блок, быстро, строевой подготовкой потом займешься. Ну, что тут у тебя.

– В ходе несения службы, в четырнадцать...

– По делу, братишка, по делу давай!

Вроде слово какое простое – «братишка». А в лейтехиных глазах растерянность и недоверие надеждой сменились.

– Мы сегодня БТР с нарядом вперед на пятьсот метров вынесли. Внезапно. Там за поворотом развилка на объезд и «чехи» вокруг нас ездить повадились. Только встали – прямо на нас «жигуль» выскакивает. По тормозам и – разворачиваться. Мы – вверх предупредительную. Водила по газам, а с пассажирского – по нам из автомата. Бойцы мои в ответ как дали – он сразу в кювет завалился. А тут автобус этот...

– И вы уши развесили, машину сразу не отсекли. А толпа из автобуса потом ее окружила, вас не подпустила, и вы теперь не знаете: что там было, кто там был. И на руках – только труп невинно пострадавшего мирного чеченца, так? Или два трупа?

– Один раненый, тяжело, его на другой машине в больницу увезли. А другой или в лес смылся, или с этими, из автобуса, смешался.

– Ах пацаны! Ты кому-нибудь еще так, как мне, рассказывал?

– Никак нет.

– Память хорошая, нервы в порядке?

– Так точно, товарищ...

– У-у-х! У тебя времени много? У меня – нет. Значит, так:

оружие вы применили незаконно. В Чечне официально комендантского часа нет. Вы даже по колесам стрелять не могли: по закону нужно, чтобы была угроза другим участникам движения. Стрельбу с их стороны ты теперь никому не докажешь. И автомат ушел, и гильзы уже наверняка подчистили. Если ты еще раз то же, что и мне, расскажешь, следующие показания будешь давать прокурору в тюрьме. Может даже – в чеченской тюрьме. И сидеть тебя сунут в одну камеру с чеченскими уголовниками. И твоих пацанов тоже. Ты понял меня?

– П-понял.

– У тебя помощник с мозгами есть?

– Есть. Старший прапорщик.

– Я сейчас всю эту толпу в автобус загоню и отправлю. Потом скажу, что здесь лишние силы держать не нужно и БТР из вашей части назад заверну. Тех пацанов, что стреляли, вместе с их автоматами засунь в БТР незаметно, на базу отправь. Вместо них других поставь – из тех, что мной приехали. Тех, у кого автоматы вычищены, как у кота яйца. И крепких духом, чтобы отбивались за братишек, как надо. Документацию с поста – всю в часть. Пусть твой старший прапор с ними едет, командиру все доложит. Автоматы, что стреляли, взорвет, утопит, обменяет – но их в природе быть не должно. Журналы выдачи оружия, книгу нарядов – хоть все заново переписать. А насчет стрельбы – провокация! Автобус появился, когда вы еще пуляли?

– Нет, «жигуль» уже в кювете лежал.

– Вот и отлично. Запомни: вы даже вверх не стреляли.

Это из леса, из-за вашей спины били по вам и по «жигулю». И пули не ваши, и гильзы не ваши. Говори мало, в подробности не лезь. Не знаю, не видел, не стрелял – в кювете лежал, Богу молился. Все понял, или повторить надо.

– Понял.

– Помни, братишка: за тебя только ты сам, твои парни, да твой командир. А против – вся кодла проститутская: там и политики будут, и журналюги продажные, и правозащитники разные. Твою душу сами растопчут, а грешное тело за решеткой сгноят. Так что, давай, действуй! И шустри, думаю, местная прокуратура долго не задержится… О-о! Помяни черта – он тут, как тут! Ладно, я пошел им зубы заговаривать, а ты крутись, как сказано.

* * *

Танкист заорал:

– В укрытие! В укрытие! Ложи-и-ись! – и свалился в ближайший окоп.

Винни, услышав его вопль, в доли секунды разблокировал дверку «Урала» и, как заправский каскадер, сиганул прямо из кабины следом за Танкистом.

Досмотровая группа на дороге рванула кто куда. Одни – в специально приготовленные и до поры до времени замаскированные окопчики, другие – в кювет, под прикрытие уложенных подковами мешков с землей.

Ожидавшие очереди на досмотр тренированные чеченские водители и пассажиры шрапнелью разлетелись по обочинам и придорожным ямкам.

Никто из них, кроме Танкиста, ничего не понял и откуда исходит опасность не знал.

Зато Серега знал хорошо:

– Еш твою мать! Еш твою мать! Еш твою, – и на третьей «матери» он в фантастическом прыжке влетел в ход сообщения, проломив настеленные сверху хлипкие досочки.

Тр-р-ресь – начиненная тротилом жестянка разлетелась на смертоносные куски. Провыл над головами замерших в окопе омоновцев вырванный вместе с трубчатым гнездом запал. Свернулась в пружинку и уползла змеей к колышку коварная струна, волоча за собой кольцо с болтающейся чекой.

Над блокпостом повисла тишина.

– Вот оголодали без баб. Улегся на меня и вставать не хочет, – Танкист беззлобно пхнул локтем Винни в мягкий беззащитный живот. Броник Пуха раскачивался на распахнутой дверке «Урала», а его владелец, сползая с Танкиста, ошалело вертел головой и пытался сообразить: что *это* было и кончилось ли это. Что-то день сегодня выдался богатый на впечатления.

Народ стал потихоньку, настороженно выползать из укрытий.

– Да вы что, сговорились сегодня! – Сердитый Чебуратор, стоя возле двери блиндажа, вместе с кровью размазывал по исцарапанной щеке зеленку, которой радостный от возможности продемонстрировать свое искусство Док щедро разукрасил ему посеченные ночью ухо и кисть руки.

Еще не пришедший окончательно в себя Серега стоял рядом, и то с облегчением поглядывал на дымящуюся воронку у колючей ограды, то – виновато – на Чебуратора. Надо же было обрушиться на перекрытие именно в том месте, где стоял взводный.

– Слушай, тебя как отсчет учили вести? – строго спросил Серегу Танкист, – двадцать один, двадцать два, двадцать три! А ты как считал? Это какая-то новая система. Правда, тоже точно получается: еш твою мать, еш твою мать, еш твою мать!

Народ заулыбался. У кого-то из наиболее впечатлительных сорвался с губ легкий истерический смешок. И шибанул отходняк в головы шалыми, хмельными пузырьками, прошелся по поджилкам мягкой широкой косой, повалив на заросший чахлой травкой бугорок задыхающихся от смеха людей. И несколько минут только и слышно была повторяемое на разные голоса:

– Еш твою мать, еш твою мать. ой, мамочки, не могу – ой сдохну со смеху!

* * *

Вернувшись на базу, Змей застал свой отряд в состоянии запорожцев, только что закончивших писать письмо турецкому султану. История с новой методикой Сереги-сапера облетела уже не только своих омоновцев, но и повторялась на все лады для подтянувшихся на смех гостей.

Добавили жару и вопли Чебуратора, который выскочил из кубрика своего взвода с криком:

– Какая сволочь это сделала?! Убью за другана!

Всей гурьбой ломанулись в кубрик смотреть, что сделала неизвестная сволочь.

На кровати, грустно поблескивая пластмассовыми глазами, сидел Чебурашка. Лихо заломленный на правое ухо черный берет резко контрастировал с белизной тщательно наложенной на левое ухо стерильной повязки. Лохматая лапка, также перебинтованная, бережно покоилась на широкой уютной подвязке. Из сложенных бантиком губ торчала беломорина, несомненно извлеченная из личных запасов Чебуратора...

Чокнутый день подходил к концу.

Змей застрял на посту. Пошел проверять – и застрял. Больно ночь была чудная. Тихо. Ни дыма, ни тумана. Звезды прорезались. Постовые, не забывая время о времени обшаривать в ночник чужие дома, окружающие комендатуру, о своем доме разговорились.

– А у нас уже снег вовсю.

– Батя, наверное, уже крабов трескает. Он до самого льда с моторки краболовки ставит. А чуть ледок – уже пехом. Мать по осени все ругается – не нужны мне твои крабы. Пусть хоть лед нормальный встанет. Утонешь ведь...

– А я бы сейчас куропаточек по сопкам погонял.

– А я – девчоночек по дискотеке...

Тихо тренькнул полевой телефон.

– Командир – вас.

– Слышь, сосед, у меня на девятом блоке ты разбирался?

– Была такая история.

– Зайди ко мне. Дело есть.

Соседи располагались рядом, в трехэтажном здании школы. Не очень полезное для здоровья дело – в ночном Грозном по чужой территории бродить. Но у первого же поста Змея встретил офицер-вэвэшник, уверенно проводивший его через непролазные лужи по скользким мосткам.

– Вам сюда. Разрешите убыть?

Дневальный, рыжий пацан в необтертой еще форме, старательно завопил:

– Командир батальона, на выход!

Из класса, служившего старшим офицерам и штабом, и спальней, и столовой, поспешно вышел комбат.

– У, как ты шустро!

– Да твой Сусанин, похоже, в темноте, как кошка видит. Еле поспевал за ним.

– Ну, здоров, сосед. – Комбат пожал Змею руку. – Проходи, гостем будешь. Мои ребята специально для тебя стол накрыли.

– Крестник лопоухий постарался?

– Крестник твой уже в Моздоке, а завтра дома, в полку, будет вместе со своими пацанами. Нечего им здесь торчать, гусей дразнить. С наскока их не взяли, а теперь уж не достанут. Ну, пошли, ментяра мой дорогой, – и вдруг порывисто притянул Змея к себе, обнял крепко за плечи, – пошли, братишка, пошли!

Владимир ГУРЕЕВ

ДО ПЕРВОЙ КРОВИ. Документальная повесть

Посвящаю своему отцу

До первого убитого война
Нам кажется мальчишеской игрою.
Пока тебя не впишет тишина
В число погибших – после боя.

Валерий Горбачев, воин-афганец

Высокогорная

Триста метров ровной неширокой грунтовой полосы – это и есть высокогорный аэропорт Ботлих. Райцентр, восемьсот дворов. До Чечни два десятка километров. До Махачкалы – восемь часов опасной горной дороги. Раньше сюда ежедневно летал «кукурузник», привозил из Махачкалы несколько пассажиров и почту. Но еще с первой чеченской войны пассажирское сообщение прекратилось. В саманном сарайчике административного здания аэропорта теперь склад боеприпасов и место радиста. Рядом – несколько армейских палаток, полевая кухня и БМП – пушкой нацелена в горы.

9 часов утра. Пусто и тихо. Только что на запад, в направлении Чечни улетело два вертолета – наша единственная надежда выбраться в Шатойский район, где сегодня утром начинается крупная войсковая операция.

– Вертушки еще будут, – начальник штаба ботлихской группировки подполковник Станислав Щур не знает, что делать с упавшими ему на голову заезжими журналистами.

– Я вас отправлю к командующему, в горы, это он только что улетел с передовым отрядом. Пусть Безклубов сам с вами разбирается. Нужны вы ему – оставит. А если что, тем же «бортом» отправит в Ханкалу.

Щур называет Безклубова командующим. Привычка. На самом деле командир оперативно-тактической группировки «Высокогорная» так и называется командиром. Но все

предыдущие начальники были генералами армейского или окружного звена, и чем бы они теперь не командовали, их всегда будут называть «товарищ командующий». Так положено. Безклубов – первый, кто стал командовать ботлихской группировкой в звании полковника и в чине заместителя командира бригады.

Едва поднявшееся из-за гребня вершин солнце сразу припекает. Его работа видна под ногами: растрескавшаяся земля, желтая редкая соломка высохшей травы. Середина сентября, но здесь все еще жаркое лето.

– В прошлом году вон на тех вершинах в это время уже лежал снег. – Щур щурится против солнца, указывая пальцем на какую-то гору вдали. Он молод, не больше тридцати пяти. Круглоголовый, улыбчивый, настолько русый, что к волосам надо приглядываться, чтобы их вообще заметить. Подполковник приехал в Ботлих из Буйнакска, там он – замначальника штаба бригады. Скучная должность, бумажная работа: графики нарядов, карандашные стрелки на картах. Здесь – бытовая неустроенность, летом зной, зимой – непроходимая слякоть. Но здесь Щур делит на всех не наряды, а боевое охранение, рисует на картах не абстрактные значки, а направления настоящих ударов. Про него рассказывают, что ежедневно в любую погоду в 6 утра он босиком бегает на ближайшую горку. На него это очень похоже – ни секунды на месте, постоянно в движении.

Послышался стрекот вертолета. Вглядываемся вдаль, где в ущелье между двумя хребтами должна показаться «вертушка». Шум винтов слышен, но вертолет пока скрывает сизая дымка. В горах звук далеко плывет по ущелью.

Наконец в небе появляется маленькая точка. Это ее приятный уху, размеренный треск принес нам ветер. В том же месте одна за другой проявляются еще несколько точек, и через минуту от горизонта к нам летит ровный строй, как если бы мухи вдруг полетели журавлиным клином...

Восемь вертолетов поднимают пыль в только что спокойном и, кажется, всеми забытом аэропорту Ботлиха. Такого здесь давно не было. Местная детвора мигом слетается поглазеть на происходящее, но близко к летному полю не подходит.

Вещи – в руки, посадка обычно проходит быстро. Если замешкаемся, ждать не будут. Я беру штатив, кофр с аккумуляторами и кассетами. Мой спутник, оператор Александр Кисловский держит в руках наше единственное оружие – видеокамеру. Он едет на войну второй раз. Немногословный и легкий на подъем парень. В студенческой юности Сашка серьезно занимался туризмом и сейчас доволен предвкушением

интересной экспедиции в горы.

– Вот это ваш «борт», – Щур указывает на ближайший к нам Ми-8 с закопченным от выхлопа левым бортом. Пальцем по гари крупно написано «CRAZY». – Только грузиться не спешите, «вертушки» еще будут заправляться...

Зам по бою

Операцию разрабатывал Безклубов.

Некоторые генералы в Ханкале считают, что полковник еще молод. Но буйнакская бригада приняла на себя первый удар прошлогоднего вторжения, и выпускник общевойсковой академии имени Фрунзе Владимир Петрович Безклубов получил назначение на войну. Из академической аудитории офицер попал сразу в бой. Командиром (по старинке – «командующим») оперативно-тактической группировки «Высокогорная» его назначили только после года успешной для федеральных войск горной войны.

Я потом у него спрашивал – не надоело? Все-таки уже год на войне, год без семьи. Он пожал плечами – по должности положено. Подразделения бригады воюют, а он «зам по бою».

По данным его «рэбовцев» (радиоэлектронная борьба) и по неким агентурным сведениям (Безклубов отказался говорить об этом подробнее), в сентябре были «вычислены» новые места базирования банд. Полковник вместе со своим штабом срочно разработал операцию.

Но план сначала надо утвердить в Ханкале, на это ушло драгоценное время. Командование объединенной группировки неожиданно подключило к проведению операции еще одну бригаду – 74-ю, прибывшую в Чечню из Сибирского военного округа. Она как раз стоит в горах Шатойского района, по соседству с ботлихской группировкой и имеет богатый боевой опыт. Безклубов обратил внимание руководства на то, что взаимодействие с соседями еще надо налаживать, но это было оставлено без внимания.

А напрасно. В горах самое главное – внезапность. Уйдет время, уйдут со своих баз и боевики. Если это случится раньше, чем Безклубов успеет высадить своих людей на все окрестные вершины, 74-я зря будет прочесывать ущелье. Ведь нельзя же всерьез считать целями крупной войсковой операции обнаружение нескольких блиндажей, фугасов и двух-трех брошенных «стволов» и гранат.

Теперь вместе с передовым отрядом человек в тридцать командир ботлихской оперативно-тактической группировкой

полковник Владимир Безклубов сидит на высоте 1691 и ждет высадки основных сил.

Отсюда эти вершины как на ладони. Высота 1691 нанесена на все карты, но только на картах Генерального штаба она имеет свое название – «Шарилам». Здесь Безклубов оборудовал свой командный и наблюдательный пункт. Для заброски десанта ему обещали прислать вертолеты из Грозного. Но, во-первых: они опаздывают – лететь далековато – а во-вторых: воздушная армада полетит над районом своего будущего боевого применения. Боевикам будет не трудно догадаться, для чего.

А ведь еще летом «вертушки» стояли в Каспийске, а то даже и в Ботлихе, в горах они незаменимы.

Безклубов оставил с собой несколько офицеров, дюжину бойцов и радиста. Остальных во главе с капитаном отправил вниз, где у подножия нашей горы проходит дорога, по которой басаевские банды в прошлом году шли на Дагестан. Надо срочно закрыть для боевиков хотя бы ее. Идет час за часом, а подкрепления все нет.

Это тоже Россия

Вертолеты заправлялись в Ботлихе до обеда и поднялись в воздух, когда солнце уже вошло в зенит. Тень от нашей «вертушки» причудливо скачет – с покатого склона вниз, в пропасть, и снова на склон. Всего пять минут – и мы на высотке над селением Таджаул.

Это уже Чечня.

Оказывается, главные силы группировки здесь, а в Ботлихе только штаб, связь и тыл.

«Вертушка» приземляется на маленький ровный пятачок. Мощные потоки воздуха от крутящихся винтов поднимают клубы пыли и, не заглушив двигатель, вертолет принимает на борт восемнадцать человек. Сильный порыв ветра может запросто сбросить многотонную машину в пропасть, поэтому погрузка длится не больше двух минут. Пилот облегченно давит на форсаж и отрывает вертолет от земли.

Еще пять минут – и вертушка заходит на Шарилам. Так же спешно группа покидает борт и рассыпается по вершине. Мы выскакиваем последними, и сразу вертолет уходит назад, в Таджаул, за следующей группой.

Вести съемку пока нельзя. Сперва надо представиться командиру. Щур уже доложил ему по рации о нашем прибытии.

– Да на хрена мне ваши документы! Раз прилетели, садитесь,

пейте чай. Увидите много интересного. Я вас научу есть кузнечиков: – Подумал и добавил – И лягушек тоже...

Полковник в черной кожаной чеченской феске то ли раздражен, то ли приветлив. У его ног расстелен плащ от ОЗК (общевойсковой защитный комплект), на нем рассыпаны консервы из сухпайка.

– Адъютант!

Откуда-то появляется солдат. За спиной автомат, в руке чайник. По прибытии на Шарилам он сразу же развел костер. У командира здесь наблюдательный пункт, значит, до завершения операции он будет смотреть в бинокль и говорить по рации. Позаботиться о себе времени у него не будет. Для этого и нужен адъютант.

У Безклубова есть еще и телохранитель. Но у него другая задача. Солдат должен спасти жизнь своего командира любой ценой, даже ценой своей собственной жизни. Поэтому телохранитель ходит за Безклубовым как тень. Так было на каждой войне, и телохранителя командир всегда подбирает себе сам.

На импровизированном достархане появляются пиалушки с парящим чаем. Однако он не горяч, и только сейчас я замечаю, что на высоте почти 1691 метр совсем не жарко. Однако солнце еще в зените. Отсюда нам прекрасно видно, как на окрестные вершины садятся вертолеты. Из них высыпаются черные точки и сразу же «вертушки» набирают высоту и уходят. В небе над районом высадки кружит пара Ми-24. Они следят за ущельем в готовности раздавить врага всем своим боезапасом.

– Вам привет от Аверьянова.

– А ты откуда его знаешь?

– Безклубов удивлен.

– Служил с ним в Таджикистане. Он был начальником разведки, а я – корреспондентом газеты 201-й дивизии.

Сейчас он в Москве. Я когда в Чечню собирался, звонил ему, спрашивал, встречу ли здесь друзей. Он велел искать вас.

– А я с Аверьяновым учился в академии.

Минут за пять мы перебрали десятки фамилий. Армия огромна, но в беседе всегда выясняется, что кто-то с кем-то где-то служил или учился.

Командир откинул край ОЗК. На траве – две бутылки водки. Одна сразу же пошла в разлив. Безклубов махнул рукой, подошли все офицеры.

– Ну, чтобы простуда не брала!

Железная кружка пошла по кругу. Выпили, перезнакомились.

– Сейчас главное – не выпустить их отсюда!.. Да вы

подкрепляйтесь, ребята, не стесняйтесь. Будьте как дома, это же тоже Россия.

Дороги назад нет

Радист доложил, что нежилой дом под нашей горкой только что покинула группа вооруженных людей. Безклубов кивнул головой артиллеристу, а мне протянул бинокль.

– Вон, видишь, одинокий домик внизу, речь идет о нем. Мы его сожгли еще в прошлом году, а они его снова отстроили. Прямо над ним сейчас сидит группа Романюты. Он их и засек.

– Выстрел! – это окрик сзади. В полсотни метрах от нас один за другим шарахнули два 120-миллиметровых миномета – главный калибр горной артиллерии.

Сорок секунд тишины.

Два разрыва ложится чуть ниже домика. Откуда-то доносятся едва слышные автоматные очереди. Безклубов достал из кармана «Моторолу».

– Не преследовать, не преследовать, выжимай их вниз, выжимай вниз...

– У меня внизу туман, туман, он подымается ко мне, двигаться не могу, срочно занимаю оборону.

– Ты смотри, Романюта уже в тумане! – Безклубов отдает солдату рацию. – Черт бы побрал эту погоду! Нельзя в горах медлить!

Только что в бинокль я отчетливо мог рассмотреть домик внизу, теперь все скрывает белое облако.

– Сверху это красивые облака, снизу – тяжелые тучи, а когда попадешь в эту гущу... Авианаводчик, скажи на милость, ну почему твои «вертушки» такие нерасторопные?

Авианаводчик Андрей прилетел из Ботлиха вместе с нами. На нем песочная хэбэшка, летная кожаная куртка и черные армейские туфли. На боку радиостанция. Он должен держать связь с вертолетами и давать им координаты целей. Сейчас эти цели заволакивает густой туман.

– Товарищ полковник, я же не виноват, что вертолеты из Ботлиха забрали. Было бы как раньше, все было бы по-другому. К тому же у нас недавно заменились экипажи, некоторые летчики в этом районе раньше просто не летали. Карта – картой, а место высадки найти не так просто. Тем более, туман. Вон, начальника разведки не туда бросили. И другую группу из-за тумана уже не могут высадить где надо. – Андрей показал пальцем на кружившую над ущельем «вертушку»: – Сейчас она придет сюда.

Тумана нет пока только у нас.

Мы с оператором на все смотрим с интересом. Сашка – через видоискатель камеры. Идет настоящая боевая работа, получается хороший сюжет.

– По плану все должно закончиться до наступления темноты. Но... – Безклубов помолчал, закурил и продолжил: – Но уже сейчас туман забирает у нас последний козырь. То, что нас больше, чем бандитов, в горах не имеет смысла. Теперь прочесывать ущелье нельзя. Всем «стой». Значит, «чесать» начнем с рассветом. Отправить вас отсюда мне нечем. Улетите завтра. Пешей дороги отсюда нет.

Точка. Прекрасно задуманный план рухнул.

Боевики под прикрытием тумана растворятся среди мирных жителей соседних селений. С рассветом в ущелье можно будет найти только брошенные блиндажи да растяжки. Такова цена промедления.

Кто в этом виноват?

Командир группировки, который не предусмотрел столь толстокожую неразворотливость армейской авиации?

Вертолетчики, которых собрали в Грозном в один мощный, но в данном случае бесполезный кулак?

Или, может, солдат, который заправляет вертолеты, не накануне операции, а когда войска уже идут в атаку?.

Но делать нечего – завтра, так завтра. У нас дюжина кассет, три аккумулятора. Вот только к ночевке под открытым небом мы заранее не готовились. Одеты по-летнему, еду и воду с собой не брали.

Ну да не бросят, мы же все-таки гости. Гостям – самое теплое одеяло и самый толстый шмат сала.

Что будет завтра?

Туман стремительно заволакивает нашу высотку. Группы, разбросанные в округе, выходят на связь с «ноль первым» и докладывают о занятии позиций и подготовке к обороне. К счастью, все на своих местах. Только группу капитана Козлова из-за ухудшения погоды вертолет подсадил к нам. Группа ушла на свою точку пешком, и уже через час капитан доложил по рации, что сидит на месте. На плохом для ночлега месте: склон и всего одна саперная лопатка на всех, особо не закопаешься.

Нам повезло больше. На Шариламе три штыковые лопаты. Солдаты принялись резать дерн и складывать из него невысокие

стенки. Получилось укрытие, которое ночью спасет от ветра, а может быть, и от пули. Можно будет даже развести костер, он будет незаметен со стороны.

Мы с оператором замерзли и пошли вместе с бойцами долбить в каменистой земле окоп. За час мы углубились всего на два штыка. Зато вспотели. Авианаводчик сказал, что Щур из Ботлиха хотел забросить нам сюда продукты, но «вертушка» в тумане нас не нашла и вернулась обратно.

Что будет дальше? Как теперь угадать развитие событий?

А что если боевик, не будь дурак, вместо панического бегства попрет там, где его меньше всего ждут – то есть прямо на нас? В таком тумане можно незаметно подойти на расстояние удара прикладом.

А что если туман ляжет на нашу горку на неделю?

Пока погода не улучшится, сюда не прилетит ни один вертолет. Ни поддержать огнем, ни завести продукты, ни даже эвакуировать раненых. Точно так же, в 94-м в Таджикистане погибла ушедшая в горный рейд группа пограничников. Подорвавшись на растяжке, сразу погибло двое. А остальные умирали от потери крови четверо суток, пока за ними смогли прийти вертолеты.

Западный ветер

Один за другим «борты» возвращались в Ботлих. Командир эскадрильи подошел к Щуру, который, казалось, и не уходил со взлетки.

– Вот здесь и здесь, – летчик ткнул пальцем в карту, – сплошной туман. Его несет с запада. Сильная облачность. Я пытался ее пробить, но даже у Шарилама нижний край уже стелется прямо по низине.

Западный ветер в этих местах никогда не приносит ничего хорошего. Он загоняет в тупики ущелий те испарения, которые подымаются с высокогорных залитых солнцем лугов. И это будет длиться до тех пор, пока или ветер не переменится, или все дожди не выльются.

До тех пор – это сколько: неделю, две?

«Вертушки» сегодня работать не будут. Сейчас они уйдут в Грозный и ждать погоду будут там. Если даже случится чудо и завтра над Шариламом на часок вдруг выглянет солнце, они просто не успеют этим воспользоваться.

А здесь, в Ботлихе, солнце всегда. И даже трудно себе представить, что совсем рядом, всего в нескольких минутах

полета, грозные горы заволакивает непроглядный туман, который на утро может запросто лечь на землю снегом.

Щур вернулся в свой вагончик и включил телевизор. Как раз выпуск новостей. Интересно, кого здесь волнует расклад голосов в Думе или вопросы свободы прессы? Даже рассказы о Чечне уже набили оскомину. Конечно, это, как говорится, ближе к телу, но все равно, что такое война никто не расскажет. Это надо видеть самому. К тому же война затянулась и корреспонденты стали повторяться.

Вот прогноз погоды – это другое дело, это вроде как клуб кинопутешественников. Теперь даже говорят о погоде в Чечне. А то живешь тут, в Ботлихе, и понятия не имеешь, у кого снег, а у кого солнце.

Долгожданный прогноз погоды оторвал офицера от своих мыслей.

«Вести» передают: мощный атмосферный фронт, с дождями и снегом движется на восток.

А прямо на пути у стихии в горы выброшены двести человек – без палаток и теплой одежды, с продовольствием всего на одни сутки. И сейчас они отрезаны от всего мира...

Пакетик с глюкозой

Всего за две недели до этого в буйнакскую бригаду на смену последним старослужащим пришли солдаты из учебки. Казалось бы, хорошо, свежие силы.

Но для большинства солдат этот выход в горы стал первым.

И так будет повторяться каждую весну и осень. Ведь это на флоте, как считается, постижение службы приходит через три года, а на войне это постижение вроде как и не нужно. Солдат увольняют в запас досрочно. Почти сразу после того как новички только начинают врубаться, что же такое – война. Они еще толком не научились бить врага, а сокращенный втрое срок их службы уже на исходе. Вставайте на их место, ротозеи, получайте глупые пули!

Понимая, что с профессиональными боевиками так воевать нельзя, командование Северо-Кавказского округа еще прошлой осенью обратилось в минобороны с фантастическим предложением – не увольнять срочников до конца боевых действий. Тогда они наберутся опыта и перестанут погибать от собственной глупости.

Но Москва ограничилась полумерами: солдат стали отправлять на войну после учебки. И опыта службы не густо, и

служить им остается совсем чуточку.

Безклубов пошел проверять, как выставлено охранение.

О целях операции на время можно забыть. Сейчас самое главное – не дать застать себя врасплох.

– А этот окоп рыли в прошлый раз? – я указываю на углубление в земле прямо над обрывом.

– Только что. Видишь, земля свежая? Ты что, солдат, землю-то вокруг себя разбросал? А ну, прикрой дерном! – полковник сам берет большой квадратный пласт земли и укладывает его впереди окопа травой вверх. – Туман сойдет, боец будет как на ладони, ему и голову поднять не дадут.

– Здесь же обрыв, разве здесь кто-то пойдет?

– А как ты думаешь берут неприступные крепости?

Снова холодно. Сырой туман пробирает до костей. Вернувшись к достархану, командир вынимает из-под ОЗК вторую бутылку водки.

– Согрейся. – Оператору наливает больше. – Ты у нас парень штатский, тебе будет потруднее, чем нам.

Официально аккредитованные на войне телевизионщики всегда работают в условиях запланированного обеда, ночлега на свежих простынях и своевременного возвращения. Сейчас все это сорвалось. Саша Кисловский только что был занят съемкой и поэтому еще пышет теплом. Он прекрасно понимает, что мы «попали» и теперь у всех у нас одна судьба.

Командир опять пригласил «к столу» всех офицеров.

Даже не присев, все выпивают, и на земле рядом с первой укладывается вторая пустая бутылка. Стало теплее.

– Все, больше водки нет. Все по местам. Доктор!

Подошел капитан с медицинскими эмблемами. Познакомились – веселый парень по имени Амир, по фамилии Рамаданов. Флягу у него на боку я приметил как-то не сразу.

– Корреспонденты замерзнут – нальешь им спирту.

– Есть, товарищ полковник!

Амир отвел меня в сторону и заговорщицки снял с ремня фляжку.

– Ты не замерз?

– Да нет пока.

– А он? – Доктор кивнул на Саню.

– Вроде, тоже нет.

– Значит, еще замерзнете. На, пей, командир приказал. – Амир булькнул в кружку чуток спирта. – Разбавляешь?

Доктор достал из своей сумки пакетик с глюкозой. Такую обычно вливают внутривенно. Спирт пополам с глюкозой – чудесный прозрачный сироп. Половинку я оставил оператору.

Доктор налил себе.

– За наше здоровье. И пусть эти ваххабисты сдохнут! Амир выпил, крякнул, и провел по губам рукавом. Я предложил ему сигарету.

– Не курю. Я же врач. Лучше пошли за дровами.

В лес не заходить!

В ста метрах ниже нас – густой лес. За дровами идут те, кто не занят в охранении и обустройстве ночлега: доктор, авианаводчик и два солдата. Командир отправил вместе с нами своего телохранителя, Гусю, и строго-настрого приказал нам в лес не заходить.

Гуся – Гусейн Ханалиев – теперь отвечает за нашу жизнь. До тех пор, пока мы здесь, он не отойдет от съемочной группы ни на шаг.

Вперед пошел солдат по прозвищу Охотник. Я так и не узнал его имени. Все зовут его Охотником. Рассказывают, что до службы в армии он вместе с отцом ходил по тайге и даже лично завалил медведя. Или даже двух. Сейчас он идет впереди и внимательно смотрит под ноги. Остальные водят по сторонам стволами автоматов. Не заходя в лес, с самого края стали искать сушняк. Пока ломали стволы, Охотник нашел кабанью тропу, нарвал шиповника и вдруг поднял руку вверх – внимание!

Солдат присел в траве и стал всматриваться себе под ноги. В лес уходит свежая тропинка. Трава примята всего час-два назад. Здесь прошло не менее десяти человек. Кто они и куда идут?

В тумане лес выглядит заколдованным и страшным. Мощные, кривые стволы деревьев, неясный слабый свет, льющийся откуда-то сверху. Сумерки. Здесь каждый куст умеет стрелять и каждый шаг может принести смерть.

По меркам мирной жизни, идти пришлось совсем немного, шагов тридцать. Трава кончилась, кончилась и тропинка. Между двумя деревьями – невысокий, поросший травой холмик. Посреди бугорка еле-еле прикиданный ветками лаз. Блиндаж. Здесь могут быть мины, и офицер, оттеснив Охотника, пошел первым.

К счастью, боевики так спешно уносили ноги, что даже не успели заминировать схрон. Но все свое унесли с собой. Наши трофеи – лишь несколько рассыпанных на земле патронов и многочисленные следы пребывания людей – пустые консервные банки, гнутая алюминиевая ложка, обрывки туалетной бумаги. Рядом с блиндажом валяются две пластиковые канистры – из-под моторного масла и тормозной жидкости. Значит, где-то недалеко

должен быть и «гараж». Искать его не стали. Безклубов вообще приказал в лес не заходить. Но блиндаж, конечно, с удовольствием взорвали.

Последний ужин

Наломав дров, мы вернулись в лагерь.

– Видишь, как быстро они смылись! Увидели нашу высадку и умотали. – Командир зябко помахал руками, разминая плечи. – Зря, конечно, вы туда полезли. Могли нарваться. Ну да ладно, хорошо, что пока все хорошо.

Быстро стемнело. Адъютант еще засветло натаскал откуда-то сена и Безклубов соорудил себе лежанку. Закопал под сено бронежилет, положил под голову сумку, а сверху расстелил спальный мешок.

Спальник – это тоже забота адъютанта. Куда бы ни направлялся командир, солдат всегда берет с собой его вещи, в том числе и спальный мешок – мало ли что. Все остальные прибыли на Шарилам груженые оружием и боеприпасами, на лишний паек рук не хватило, не то что на спальник. Только доктор шел на операцию налегке – медицинская сумка, да автомат – поэтому спальником запасся.

Стали располагаться на ужин. Последний ужин. Продукты брали на сутки, но уже к первому вечеру они на исходе. Солдаты в складчину по трое-четверо греют консервы на маленьких спиртовках. Безклубов приказал экономить продукты, но голод не тетка. Понадеявшись на лучшее, съели последнее.

Ужин, каким бы скудным он ни был, поднимает настроение. Солдаты дружно молотят пластмассовыми ложками и беззаботно болтают. О подружках, о неизбежном возвращении домой, о планах на будущее.

Как будто нет войны и все мечты нельзя перечеркнуть одним выстрелом.

Дима Рубцов хочет поступать в один из питерских вузов, все равно в какой. Говорят, у «чеченцев» льготы при поступлении.

Дима Шуклин и Миша Бабенко тоже хотят учиться, но в первый год после армии поступать никуда не собираются – сначала надо отдохнуть, погулять, устроиться на работу. Образование – это еще только журавль в небе.

Все трое попали на войну с первых же дней, отслужив в армии всего по два с половиной месяца.

– А как же Указ: сначала полгода службы, и только потом на войну?

– Это где-то там, в России, а у нас же Дагестан. Если я служу в бригаде, а она вся пошла в первый же бой, куда мне деваться? Я минометчик, без меня миномет не стреляет. – Шуклин не обижен на Родину за то, что отправила его на войну без спросу. Наверно, потому, что все уже почти закончилось. И если бы не этот выход в горы, он уже был бы в пути с дембельским чемоданчиком. Но салагам будет трудно без их «ветеранской» подсказки, и почти все дембеля безоговорочно пошли в бой. Хорошо бы только не застрять тут надолго!

– Мы уже зимовали в горах, ну его на фиг! Еще одну зиму не выдержим. Домой пора.

– А «боевые»? Где вы заработаете больше, чем здесь?

– Нигде. Но вы, корреспонденты, ошибаетесь. Не все контрактники едут сюда за деньгами! Те, кто успел повоевать раньше, в мирной жизни просто не нужны, на них там смотрят, как на двинутых. Да оно в принципе так и есть. Мне бы тоже забыть обо всем поскорее, а то говорят, после войны кошмары снятся. Вот если не выйдет с институтом, не получится с работой – тогда, что ж, вернусь сюда за «бабками», у нас войну для себя найти не трудно.

Рядом на снарядном ящике сообразили ужин трое молодых. Они даже в темноте отличаются от старослужащих. Молча прижавшись друг к другу, низко склонились над спиртовкой, пытаясь согреться от ее жидкого огонька.

– Сколько мы уже здесь, месяца три, да? За это время пока ничего такого еще не было. Мы же молодые, нас в первый раз взяли.

Андрей Уляшев, Игорь Пименов и Кайрат Куншкалиев пришли сюда из учебки, прослужив в армии даже больше, чем полгода. Но снова они здесь «черепа», салаги – как в первые дни службы. Потому что здесь война. И курс молодого бойца для них начинается заново.

Но уже к весне они собираются домой: здесь день идет за три, так что служба их скоро кончится.

Они тоже минометчики и сейчас думают об одном: только бы, пока нет погоды, командир не решил возвращаться в Таджаул пешком. Тогда им придется нести свои минометы на себе. Они слышали разговор Безклубова по рации со старшим одной из групп, которую неверно высадили. Полковник приказал их командиру идти на свою точку пешком.

– А «самовары»? – спросили из наушников.

– На себе! – Солдаты это слышали и прекрасно понимали, что «самовары» – это минометы.

– А двести сорок «карандашей»?... Действительно, а куда же

боеприпасы?

Группа, из-за тумана выброшенная где попало, не может приступить к выполнению боевой задачи. Более того, связанная тяжелой кладью, она просто беспомощна в горах.

Выполнять задачу любой ценой и для этого подрывать боезапас и выдвигаться в нужный район пешком?

Или готовиться защищать только самих себя, положившись в этом на неожиданно ставшие обузой минометы?

Безклубов приказал выбирать место получше и готовиться к обороне. Все понимают, что теперь спешить некуда, надо защитить себя.

Задачка по логике

После ужина командир собрал офицеров на совещание. У всех ли подчиненные готовы к ночлегу? Сколько выставлено постов на ночь? Пароль.

– До рассвета пароль – мой любимый. – Безклубов назвал цифру. – Кто и во сколько проверяет посты?

Подполковник-артиллерист, старший после Безклубова по званию, распределил смены.

– Я сплю здесь. Будить по каждому пустяку. Я уж не говорю, если кто-то вышел на связь или где-то слышна стрельба. Я крепче спать буду, если вы меня чаще будить будете. Со мной остаются радист и дежурный офицер. Вот это – ему. – Полковник протянул артиллеристу прибор ночного видения. Единственный в группировке образец «новейшей» военной техники.

Все разошлись. Рядом с командиром остался связист с радиостанцией. Неподалеку два «рэбовца» со сканером слушают эфир. С утра было много чеченской болтовни, но теперь тишина. Сканер будет прощупывать эфир до тех пор, пока не сядут аккумуляторы. Заряда хватит еще на шесть часов, то есть как раз на ночь. Я тоже остался с командиром.

– Со времен Гражданской войны мы воюем сводными отрядами! Начало Великой Отечественной – тоже самое. Ну, помнишь, заградотряды: кого наловили, те в первом же бою и полегли. Потом все же научились воевать – полк в полном составе, все друг друга знают, каждый понимает, что должен делать – красота! Скажи, куда это подевалось? Опять надергали со всей страны кого на месяц, кого на три, посводили их в отряды… Мне тут приданы «вэвэшники». Им ставишь задачу – они ее согласовывают со своим штабом в Ханкале, в Москве, еще черт знает где. И только когда получают подтверждение, начинают

делать то, что от них требовалось еще неделю назад. Поэтому у нас что в первую войну, что сейчас – пока сдвинешь с места.

Накипело в душе у командира, накипело. В прошлую войну он штурмовал Грозный в составе дивизии генерала Приземлина, отрабатывал решения комдива на бой. Потом академия имени Фрунзе – великолепная школа военного искусства! Но как же далека эта теория от проведения войсковых операции в Чечне!

– Там нас учили, как надо воевать, а сюда приходишь и смотришь, как воевать не надо. Дело-то за малым! Немного решительности, чуть-чуть согласованности – мы их и без нового оружия одолеем. Оседлай все высотки, выжимай их на минное поле, запирай котел – и мочи изо всех калибров! А сейчас.... Ну, найдем мы их следы, чуть-чуть оружия, мелочевку всякую. Но сами-то боевики уже ушли! Еще, не дай Бог, людей потеряем на тех сюрпризах, что они нам оставили. Теперь, раз так, уходить надо и снова ждать удобное время для удара.

– Так почему не уходим? Кого мы теперь здесь ловим?

– Теперь никого. – Безклубов задумчиво жует травинку. – Теперь нас здесь можно ловить...

Конечно, голыми руками нас не взять. Но риск перестал быть оправданным. Глупо таким табором гоняться за трофеями, наподобие тех, что мы нашли в лесу два часа назад.

Безклубов оторвал меня от своих мыслей загадкой.

– Посреди пустыни лежит мешок. На мешке человек. На нем сверху еще один мешок. Кто этот человек и как он сюда попал? Можешь задавать вопросы, а я буду отвечать только да или нет.

Я стал задавать вопросы.

– Далеко от караванных путей?

– Не важно.

– Человек жив?

– Нет.

– Его убили?

– Сам загнулся.

– Молодой?

– Как мы с тобой. Но это тоже не важно, – от сравнения по коже невольно ползут мурашки. Безклубов действительно не похож на командующего – стал бы генерал сидеть здесь вместе со своим войском – без воды, еды и крыши над головой!

– Он там по своей воле?

– Да.

– Он искал смерти?

– Нет. Но он ее нашел.

Я задумался. Нет, хватит на сегодня мыслей. Сдаюсь.

– Это парашютист. Мешок снизу, мешок сверху – парашют не

раскрылся. – Безклубов рассмеялся. – Хотел как всегда, а кончил плохо. – И без всякого перехода: – Да задавить их здесь не так сложно. Даже в горах. Но принцип такой: увидел – надо убивать!

«Глаза Безклубова сверкнули» – написал бы репортер, никогда не видавший войны.

«Это слова гестаповца из фильма про фрицев! – подумает читатель, изнеженный тщательным подбором правды о войне. – Так не может говорить насквозь положительный и смелый русский полковник».

Я шел к своему костру уже заполночь. И думал о том, что разве эти жестокие и, на первый взгляд, циничные слова страшнее самой войны? В бою не время философствовать. Кто в этом усомнится, будет убит. Если не мы, то нас.

А значит, «увидел – надо убивать»!

Другой возможности не будет. Воевать на полумерах нельзя.

В свое время была такая полувоенная игра – «Зарница». Школьники бегали по полям игрушечных сражений с деревянными автоматами, изображая из себя солдат. А настоящие солдаты с настоящими автоматами смеялись и говорили, что если мы никогда не хоронили «бычки», то мы салаги. И под это дело мы с удовольствием рыли за них окопы.

Теперь автоматы настоящие, но все снова похоже на игру – еще утром мы были на охоте, а теперь сами в западне.

Если завтра погоды не будет

У костра на земле валяются деревянные крышки от снарядных ящиков – наши лежанки. Земляные стенки действительно спасают от ветра, но зато не выпускают дым. И он кружится из угла в угол, и только потом, тяжело перевалившись через стенку, уносится прочь.

Забавнее всех выглядит авианаводчик Андрей. Летная кожанка, туфли и пилотка, завернутая на уши. Среди здешней слякоти он выглядит как пижон или оккупант. Андрей тянет ноги в штиблетах поближе к огню. Рожденный летать, он сидит на деревянной дощечке и зубом на зуб не попадает.

Никто не спит. Все молча смотрят в огонь. Спальник есть только у доктора, и он, завернувшись в него с головой, пытается храпеть. Гуся то и дело толкает его в бок.

– Доктор, проснись, хватит храпеть, где твой спирт? – Все знают, что спирта давно нет, согреться нечем. – Ну дай коллективу хоть глюкозы.

Амир поворчал, но достал из-под головы свою сумку с

красным крестиком и выдал пакет с глюкозой. Двести пятьдесят грамм на восемь человек.

Право первого глотка дают нам, гостям. Саша Кисловский делает осторожный глоток, потом подымает глаза на меня и с некоторым сожалением отдает пакетик. Сашка учился в институте и не служил в армии.

Какой теперь она ему запомнится?

Состоящей из холода, голода и поразительного умения наступать на одни и те же грабли?

Или из мужества тех, о ком даже не напишут в газетах, потому что в повседневном выполнении долга вроде и нет ничего выдающегося?

Пока в тебя не стреляют из боевого оружия, ты не почувствуешь войну. Но это только до первой крови. До первого убитого.

– Бесконечно можно смотреть только на то, как журчит ручей, как горит костер и как тебе выдают зарплату. – Гуся не может долго молчать. Маленький, юркий, весь состоящий из движений и улыбок, он пытается растормошить остальных. За что Безклубов взял его в телохранители? Ведь Гуся музыкант, а не вышибала. До войны он был солистом оркестра.

– Вот мы тут сидим по чьей-то дури. По чьей? Ведь не из-за погоды же! Сначала мы замешкались из-за «вертушек», а пока «тормозили», 74-я бригада как раз втянулась в свой район. Теперь и ее сворачивать уже поздно. Выходит, ночуем мы здесь из-за ее нерасторопности. А если бы мы сработали четко, они бы, как пить дать, вошкались сутки. И мы бы застряли здесь опять же из-за них.

– Да не из-за них. Просто всем надо разворачиваться бойчее, тогда духи никуда не денутся!

– Корреспондент, почему газеты об этом не пишут? Кто у нас враг – в чалме с автоматом или в штабе с толстым брюхом? Вот я всего лишь прапорщик, а знаю, что так не воюют. А в Ханкале что, не знают? Там ведь не такие недоучки, как я, там полковники и генералы.

– А мне кажется, они просто просекли вкус «боевых». Сиди себе в штабе, под охраной, переворачивай календарь и считай свои трудодни! Это не батальоном в атаку ходить. У них из Москвы сюда даже очередь, каждый едет и прикидывает, что он потом себе купит.

– Ну а ты себе что купишь? Вот Амира можно понять: он родом из Карамахов, ему там, когда в гости приезжал, свои же односельчане – ваххабиты сорок палок врезали. У него пролетарская злость от обиды, он воевать будет из принципа. А

ты сюда зачем приехал? У тебя в личном деле уже две войны записано, мог ведь отказаться ехать на третью? Только не надо слов о Родине!

– У меня эти две войны не только в личном деле, они у меня в судьбе записаны. Мне лучше здесь служить, чем там на майорское жалование право на жизнь отвоевывать. А своего угла у меня что здесь, что там – все равно нет. И не скоро будет. Раньше была армия бесквартирных, теперь армия льготников. В Ханкалу на неделю слетал в командировку, привез справку – и становись в льготную очередь.

Сошлись на том, что честным трудом в России на хлеб не заработать.

– Ладно, нам тут еще о политике разговоров не хватает! Пусть лучше нам Гуся что-нибудь споет.

Гусейн положил на колени деревянную крышку от снарядного ящика и под мерный такт ударов затянул унылую песню про журавлей, которым уже нет мочи куда-то лететь, и они приземлились тут, в Чечне, в горах среди ночи.

Слушали молча, все как один выставив ступни и ладони в редеющее пламя костра.

– Если завтра погоды не будет, пойдем в село на мародерку. Там споешь. Чтобы девки к нам не липли. И мы к ним тоже.

Страна «Спи-ешь-пей»

К утру погода не наладилась. Туман не оставляет никаких надежд ни на продолжение операции, ни на возвращение в Ботлих. Есть, пить и курить нечего. Табачный вопрос встал ребром.

Прошлись по всем карманам, нашли еще пару сигарет.

– Сорок восемь – курить просим!

– Сорок один – курю один!

– Сорок пять – оставь покурить, по-хорошему прошу.

– Эй, летчик, дай папироску, а то у меня уже душа в полоску!

– У меня один папирос, да и тот прирос. И вообще, какой ты, на фиг, матрос...

Но в село за продуктами Безклубов никого не пустил – не известно, чем может закончиться встреча с местным населением. Поэтому одна группа пошла за дровами, другая – искать ручей.

Дров натащили, наверно, на неделю вперед. Огромные кучи деревянных обломков кажутся безнадежно сырыми. Неужели они будут гореть?

А вот ручья поблизости не оказалось, вторая группа

вернулась ни с чем. Воду пришлось собирать с травы пластмассовой коробкой из-под сухпайка. Капли слили во флягу (в ней был спирт) и пьем по кругу.

Вода вкусная, чуть-чуть сладковатая. Но мало.

– Хорошо, что не видно, что мы пьем.

– Это же природа, Божия роса... А вот с лужами надо поаккуратней, от перестоявшей воды можно и подохнуть.

– Доктор, а зачем нам пантацид?

– Это если ты еще жить собираешься, чтобы помирать не натощак. Шучу.

– А кто читал в детстве сказку про страну «Спи-ешь-пей»? Вот это житуха! Поспал – поел – выпил...

Найден еще один источник влаги. В углублении металлической плиты, на которую упирается миномет, стоит вода. Набирается целых две кружки.

Не стреляющее оружие угнетает. Готовые к бою минометы сиротливо смотрят в небо, которого не видно. К туману все уже привыкли, и ощущение тревоги сменилось чувством голода.

Вертолета сегодня не будет, это ясно. Наверно, не будет и завтра.

День прошел в подготовке к ночлегу. Чтобы не замерзнуть, то отжимаюсь, то отбираю у кого-нибудь из солдат лопату и помогаю рыть очередной окопчик. Согревает, но к вечеру от усталости дрожат руки.

Ночью пошел дождь. Я уже почти уснул на своей деревянной лежанке. Я мог бы проспать до самого утра. Но капли заползают даже под ресницы. Все подняли свои лежанки над головой и придвинулись к костру. Он шипит от дождя, но каким-то чудом продолжал гореть. Это чудо – порох из минометных зарядов, который Гуся то и дело подсыпает в угасающее пламя.

Неожиданно дождь кончился. Доски побросали на землю и стали раздеваться. Пламя лижет нашу сырую одежду. Пальцы едва терпят, а по голым спинам гуляет ледяной ветер. Выдерживаю минут пять и одеваюсь. Горячая одежда создает иллюзию тепла. Но не надолго.

Снова заморосил дождь. Все повторяется.

Мокнут наши вещи. Аккумуляторы сели еще в первую ночь. Дорогостоящая аппаратура превратилась в бесполезный хлам.

Все, кино кончилось.

Видеокамеру закутали в целлофановый чехол, спрятали в кофр и раскрыли над ним специально для этого припасенный зонтик. Но спасет ли это от сырости?

– Ночь какая-то тренировочная. Лег – встал, лег – встал. То ты на доске, то она на тебе.

Тринадцать

Отступившая к утру темнота обнажила побелевшую траву. Иней.

Провожу пальцем по травинке, из белой она становится снова зеленой. Значит, еще не мороз, только последнее предупреждение.

Связь по рации между разбросанными в горах подразделениями теперь только в экстренных случаях. Почти все аккумуляторы «приказали долго жить», зато до сих пор не истрачен ни один патрон.

Туман.

Ни мы, ни в нас.

Но каждый рассвет – как перед Бородинской битвой.

Две ночи на Шариламе позади. Начинается третий день крупномасштабной войсковой операции по уничтожению бандформирований в верховьях реки Шаро-Аргун.

По-прежнему ничего не происходит.

Под нашей горой сразу два села. Одно называется Дай, другое – Шаро-Аргун. Оба селения пользуются дурной славой. Кажется, что Дай ближе, но дорогу к нему преграждает река. Ближайший мост в десяти километрах. За продуктами решено идти в Шаро-Аргун.

Одиннадцать человек. Прошусь с ними.

– Ты же понимаешь, что мне за тебя, случись чего, голову снимут. – Безклубов попыхтел для порядка, но через минуту улыбнулся: – Обещал я тебе, что будешь лягушками питаться, а ты не верил. На войне плохо не когда стреляют, а когда жрать нечего и помощь не придет. Хотя, когда стреляют, тоже, конечно, хреново. Ладно, с вами пойдет Гуська, держись к нему поближе.

Командовать продовольственной экспедицией назначен капитан Дмитрий Козлов. Оказывается, он – наш коллега, военный журналист. Но здесь капитан – замполит группировки. А при необходимости и командир боевой группы. Это его людей в первый день из-за непогоды подсадили к нам, на высоту 1691, и в назначенное место капитан повел свою группу пешком.

Но после первой же ночи Безклубов приказал им возвращаться на Шарилам. Здесь можно хотя бы высушиться у костра.

– Корреспондент, ты что, тоже с нами? В приметы не верю, но лучше б остался. С тобой и Гусей нас тринадцать, нехорошо. Ну ладно, становись в строй. Может, тебе автомат дать?

– Мое оружие – авторучка.

– Мое, вообще-то, тоже. Но газета не выходит, приходится

воевать свинцом, а не словом.

Экспедиция

Вышли ровно в полдень.

Не знаю, как Шарилам переводится с местного, но верхушка нашей горушки похожа на шар. Сначала пологий, мягкий спуск. Потом все круче и круче. Стараясь ступать след в след, мы вытянулись цепочкой метров на двести.

Еле сдерживаюсь, чтобы не перейти на бег. Если понесет – не остановишься. Я еще вижу сзади наш старт, а ноги уже дрожат как веревки.

Первым идет прапорщик Магомет Абуев (Мага). Когда-то он проходил подготовку в одном из лагерей Багаутдина. Но повоевать за идеи ваххабизма, к счастью, не успел, вовремя бросил это богопротивное дело и пошел служить по контракту в российскую армию.

Он учился ставить растяжки и закладывать на дороге фугасы. Теперь ему доверяют идти первым.

Это риск. Если вовремя не увидеть тоненькую проволочку, есть только 2–3 секунды, чтобы крикнуть остальным «ложись!» и попрощаться с жизнью. Духи ставят растяжки так, что осколки найдут тебя везде.

12.55.

Идем почти час. По бокам дороги пропасть. Что там, внизу и где оно кончается, не видно. Даже по сравнению с нашим туманом там сплошное облако.

Развилка. На карте ее нет. Куда идти?

На правой дороге поперек лежит большое поваленное дерево. Нет, туда не пойдем.

Выходим на поляну. Я назвал ее Поляной сказок. Грибы как на прилавке: белые, подберезовики, целые семьи – от огромных, до самых маленьких. Прямо посреди поляны раскинула тяжелые ветки дикая груша. Плоды маленькие, похожие на светло-желто-зеленые яблоки. Самые крупные едва ли крупнее сливы. Все спелые, ужасно сладкие. Внутри сиреневые.

– Зря мы с голодухи на фрукты налетели.

– А вон, доктор тоже ест, значит, можно.

– Дикая груша – лучшее средство против поноса – с умным видом изрекает доктор. – Но вы, друзья, правы, на пустой желудок много нельзя. – К доктору возвращается строгость. Он прячет полную горсть миниатюрных фруктов в карман и с важным видом отходит от дерева. С поляны уходит три дороги.

– Налево пойдешь – голову сложишь, на право – коня потеряешь…

– А прямо пойдешь – козленочком станешь!

– За козла ответишь, – беззлобно шутит Дима Козлов. – Кстати, эта развилка есть и на карте. – Командир снова серьезен. – Обе дороги ведут в одно место. Только одна идет вдоль ЛЭП, а другая вдоль ущелья.

– Командир, а третья?

Капитан махнул рукой – пошли прямо.

Блокнот, в котором только что делал записи, прячу в карман, чтобы догонять. Треснула ветка. Вздрагиваю. Сзади стоит и улыбается прапорщик Алексей Самохин. Напугал! Он идет последним и охраняет нашу колонну с тыла.

13.10.

Ноги уже привыкли к нагрузке. Но это еще едва ли третья часть пути. С ужасом думаю про обратную дорогу.

– Корреспондент, стой. Вода. – Дима достал из кармана ручку, вынул из нее стержень и наклонился в щель между сросшимися стволами дерева. Затем передал свою трубочку мне.

– Только глубоко не суй, чтобы гадость со дна не полезла. На поверхности воды плавает какая-то мошка. Я осторожно окунаю ручку – чтобы ни ее не задеть, ни дно.

Идем не быстро. Успеваю делать записи на ходу. Умудрился еще ни разу не упасть, хотя под ноги не смотрю вовсе. И все-таки отстаю. Замыкающий меня ждет, оглядываясь по сторонам. Прячу блокнот в карман и бегом догоняю остальных.

Посреди дороги большая, грязная лужа, истоптанная коровьим стадом.

– Кто хочет воды? Гусейн присел у дерева.

– Чистая питьевая вода.

Привык к его шуткам и розыгрышам – это же для скота!

– Да не эта, вон там, внизу.

Внизу ручей. Чистая горная вода. Жизнь снова стала сочной и яркой, как в рекламе хрустальной свежести. Вниз идет солдат с флягой. Пьет сам и несет всем. Фляга идет по рукам. Слышны бульки. Два-три глотка – и другому.

– Оказывается, как хорошо ходить с флягой!

– Много не пей. Кем бы ни стал, а отвечать все равно за козла придется. – Мага шутя озирается на замполита. Но тот смотрит в карту, сверяя наш маршрут с компасом. Ему не до шуток.

Где-то далеко-далеко раздался артиллерийский разрыв. За ним другой.

– Тщ! – прислушиваемся. Может, там без нас началась, наконец, операция?

Нет, в тумане ничего не начнется.

13.25.

Рядом с дорогой валяется два отстрелянных гранатомета.

– Давно брошены?

– Внутри уже букашки бегают. – Мага нюхает ствол. – Запаха нет. Может, неделя, может месяц, но не с прошлой зимы, это точно.

13.35.

Заблудились.

– Я балдею с нашей карты. Нет этих дорог! – замполит сверяет карту с жизнью. – Ну-ка, посмотри, куда это ущелье упирается.

Солдат лезет на дерево.

– Там коровы пасутся!

– Во, коровы! И больше ничего не надо! А то без жратвы возвращаться как-то не того. – Гуся почесал затылок.

14.00.

Дорогу нашли.

Крутой каменистый спуск. Слева обрыв. Стоп. Командир сомневается в правильности пути. Но вот речка, вот дорога. Солдат кричит: «А вот и ЛЭП!» А я ничего этого не вижу. Куда они смотрят?

14.10.

Вышли на площадку над селом. Привал.

– В село заходить будем? – Это Гуся.

– Нет, мимо пройдем! А зачем шли?

– Я думал, воровать.

– Это же Гуся! Шутник.

Шаро-Аргун как на ладони. Значит, и нас оттуда видно.

– А может, напрямую ломанем? Это ж какой крюк нам по серпантину выписывать!

– Напрямую ближе, но дольше. Если хочешь ноги поломать, иди. А вот то, что нас видно, как в тире, – это не правильно. Надо побыстрее отсюда сваливать. – Мага, как всегда, идет первым.

Жарко. Неужели был туман, дождь, холод, две ночи на земле? Здесь, на тысячу метров ниже – солнце.

От ходьбы по скосу болят ступни и правое колено.

Выходим в долину. Внизу шумит речка, но за деревьями ее не видно.

Совещание.

– Трое пусть останутся перед входом в селение. Мало ли что.

– Пусть останутся Амир, Мага и Гуся. А то скажут, духи переодеваются в нашу форму и бродят как хотят.

– Останется снайпер – раз, связист – два. Ты старший, –

капитан обращается к Маге. – Останетесь в последней «зеленке» над селом.

14.30.

До села триста метров. Чьи-то свежие окопы преграждают дорогу. Осторожно идем дальше.

На карте это земля наша. На деле – мы идем сейчас по ней, как воры, укрываясь в тени, готовые стрелять на любой шорох в кустах.

Боевики тоже прячутся, но не от местных жителей. Для них каждый встречный может оказаться родственником.

Для нас – предателем.

Как нас встретят в селе? Хлебом-солью на пороге или автоматной очередью из-за угла?

Салям алейкум

Село тянется вдоль единственной улицы вниз, туда, где шумит горная река. Читаю название – улица «Заречная». Не какая-нибудь «имени Шамиля Басаева», а наша в доску – Заречная!

Село нельзя назвать бедным. На обочине и во дворах стоят трактора и КамАЗы. Все окна застеклены, все крыши покрыты шифером или даже оцинкованным железом – величайший дефицит в горах. А ведь зимой здесь шли бои и почти все было разрушено.

Теперь разрушенной остается только школа. Ее не восстанавливают, чтобы показать международным комиссиям как факт варварства российских войск.

Два человека, издалека завидев вооруженных людей, входящих в село, растворились в одном из дворов. Успел только рассмотреть, что это молодые парни. И вроде бы без оружия.

– Все остаются здесь, я вперед. Следом Гуся. Из виду нас не упускать! Оружие на людей не наводить!

Дима подошел к забору. С той стороны к нему несмело подошла женщина.

– Салам алейкум! Где живет глава администрации?

Выяснилось, что женщина ничего не знает. Или не понимает. Но дом показала. Проводить нас вызвался ее малолетний сын. Он с завистью смотрит на Димкин автомат и нас совсем не боится.

И вдруг – сюрприз! Справа от дороги в ряд стоит четыре новенькие армейские палатки. Как будто мотострелковая рота на полевом выходе.

– Для кого это? – спрашиваю у мальчугана.

Он слишком плохо говорит по-русски, чтобы объяснить.

Палатки пустые, за ними луг. К одному из колышков привязан одинокий бычок.

– Я так думаю, что здесь ночуют боевики. И бычок этот для них. Готов поспорить, что сзади палаток натоптано, а тропа уходит вон в тот лес. – Дима едва заметно повел в сторону леса стволом автомата.

Как будто из ниоткуда к нам подошли те парни, которые сначала, при нашем появлении в селе, поспешили куда-то укрыться.

– Мы вас проводим, – пацаненку что-то сказали на своем, и он убежал, не оглядываясь.

На вид парням меньше двадцати. Одеты аккуратно и не бедно. Чистые, хорошо отглаженные рубахи из тяжелого шелка, новые джинсы, туфли на толстой, видимо, очень крепкой подошве. Здесь, где никогда не было асфальта, очень странно увидеть чистую обувь. Туфли у парней блестят.

С улыбками они пошли вперед так, что замполит оказался между ними. Гуся держится метрах в тридцати сзади. Следом за ним Охотник. Он идет так, чтобы видеть и Диму с Гусей, и тех, кто идет сзади.

Так мы растягиваемся по всему селу. Нас десять человек, но вокруг каждого сто метров пустоты.

Гнетущая тишина. Улица пустынна. Кажется, что в селе только двое мужчин, и те идут сейчас, едва не взяв нашего капитана под руки.

А из-за каждой занавески, из-за каждого забора за нами напряженно наблюдают сотни внимательных глаз.

В конце улицы крутой поворот. Вот они где, мужчины.

Шестнадцать рослых молодых парней призывного возраста. Одеты по-столичному. На безбородых лицах написано приветствие, но от этого почему-то, напротив, становится не по себе. Еще четверо, постарше, стоят в сторонке. Одеты просто, по-сельскому, брюки заправлены в носки. Говорят, что так носят брюки только ваххабиты. Но, скорее всего, это выдумки. Просто в горах, так действительно удобней.

Какое-то время стоим стенка на стенку.

Наконец вперед вышел человек, назвался Рамзаном. Спросил, чего надо. Когда узнал, что продуктов, сказал, что сейчас подойдет глава администрации, а сам вернулся в толпу.

Нам принесли ковш воды и угостили сигаретами.

Гуся все понимает. На мгновение он отрывается от ковшика с водой, едва заметно пожимает плечами и снова пьет, как ни в чем не бывало.

Подошел глава. Хамзат Башаев, лет сорока пяти,

приземистый, седой чеченец. Одет просто, не то что молодежь.

– Отец, нам нужен барашек, картошка и все такое. Взамен напишу расписку. Поедешь в Нохчи-Килой, там наши стоят, они тебе дадут бензин. Годится?

Договорились быстро. Хамзат куда-то ушел и вернулся с человеком, который вел барана.

На листочке из моего блокнота Дима написал расписку. Ее тут же спрятали в карман.

В разговоре мы узнали, что палатки посреди села ставили весной сами же военные – для беженцев, чьи дома были разрушены бомбардировками. Но не завезли кровати, и палатки пустуют.

– А где же беженцы?

– Их взяли к себе родственники.

– Так зачем же тогда палатки?

– Ну как же, зима скоро...

Действительно, в горах уже вот-вот ляжет снег. Но если бездомным нашлось место в домах у родни, никто не пустит их зимовать в палатках. Даже если туда поставят армейские железные кровати. Родственные отношения, традиционное горское гостеприимство, и все такое.

Может быть, Хамзат имеет в виду другое – то, что палатки нужны боевикам; что по ночам они приходят в село, а в дома их пускать боятся. Вдруг федералы действительно, как и обещали, шарахнут по дому, который приютит людей с оружием? И это даже хорошо, что палатки пусты. Нет кроватей, нет и вопросов, можно даже пощипывать военных за скупость. А боевики – народ привычный, переночуют и без кроватей, на земле, под брезентовой крышей, им за это деньги платят.

Стаю вертолетов, летящую на Ботлих, высадку десанта, пешие походы групп, ищущих в тумане свои высотки – все это местные жители видели. В селе знают, что мы в горах застряли и что рано или поздно у нас кончатся продукты, поэтому экспедицию ждали еще вчера.

– Вы там, на Шариламе, минировали?

– Нет, мы больше мины не ставим. Война закончилась.

– А то ведь нам там косить...

– Садись на трактор, довези нас до Шарилама, сам убедишься, что дорога свободна.

Оказалось, что ни один из тракторов не исправен, даже тот, который у нас на глазах только что выезжал в поле. Ни у кого нет и солярки.

Ну и ладно. Теперь бы только поскорее отсюда выйти.

Безклубов всматривался в ту сторону, где два дня назад можно было рассмотреть Шаро-Аргун. По карте до него километров семь, можно постараться достать минометами. Хотя, конечно, ни о какой точности на таком расстоянии не может быть и речи. В горах ветер носится как хочет и на пределе дальности рассчитать место разрыва очень трудно. Даже, наверно, невозможно. Тем более что сейчас не то что Шаро-Аргун, даже окраины своих позиций скрывает туман.

Группа Козлова вышла в полдень. Час туда. нет, два часа – туда, пять – обратно. Должны успеть вернуться до темна.

– Ноль-третий, ноль-третий, выставь человека на левую дорогу, пусть посмотрит там мою группу, пусть посмотрит мою группу. Как понял, прием?

Ноль-третий – это комбат Романюта. Он с группой сидит прямо над Шаро-Аргуном. Но он тоже в тумане, ничего не видит, кроме себя.

– Ноль-первый, у меня за дорогой уже наблюдают.

– Смотри, чтобы они там друг друга не перестреляли по ошибке!

– У меня дозор ниже, там тумана нет, видимость прекрасная, не то, что у меня.

– Понял. Жду доклад, жду доклад. Все, конец связи. Восемь солдат, два прапорщика, офицер и корреспондент с Гусей. Тринадцать человек. Кто из них тринадцатый?

– Командир, а если они к темну не успеют?

– Тогда будут ночевать вместе с дозором Романюты. Если догадаются, конечно.

– Лучше бы не догадались. Замполит ведь не знает, где люди Романюты, и ночью, в темноте они друг друга точно перестреляют.

Подъем

16.30.

Пошли назад. До темноты два с половиной часа.

Местные мужчины так и остались стоять у поворота. По-моему, их даже стало больше.

В селе как по приказу вдруг появились женщины. Они выносят нам продукты. Набралось несколько мешков и дюжина пакетов с картошкой, помидорами, сыром, хлебом и всякой всячиной. Каждому на плечи легло килограмм по двадцать. Охотнику досталась самая тяжелая ноша – почти полный мешок с картошкой.

На выходе из села подошли прикрывающие нас Мага, снайпер и связист.

– И ишака не дали? Вот сволочи! Как же мы барашка потащим?

Барашек молодой, жирный, не поскупились местные, весит, наверно, не меньше полста кэгэ.

– Если его зарезать, будет вдвое легче.

– А кто резать будет?

– Кто умеет, тот и будет.

– Леха Самохин, вроде умеет. У него, видал, какой нож на боку?

– Так и что, что нож. Может, он кидать его умеет, а барана не зарежет?

Гуся развернул назад кепку, надвинул ее на лоб и не рвущиеся ручки своего пакета закинул на голову так, что сам пакет оказался на спине. По сравнению с маленьким Гусей он кажется огромным, но так удобнее. У меня так не получится, в руках два пакета. В них сыр и хлеб – самое вкусное. Трудно удержаться от соблазна. Но знаю, что если дойду, то только на голодный желудок. Стоит поесть – и все.

Свободные руки остались только у прапорщика Алексея Самохина, который идет в замыкании, и у Маги, который снова пошел первым.

Начинаем растягиваться. Замполит идет в замыкании, вместе с Лешей Самохиным. Я вместе с Магой и Гусей иду впереди нашей колонны, так легче. Предательски разболелось колено.

Останавливаемся на первой ровной площадке и ждем остальных. Мага выдает каждому по помидору и маленькому кусочку лепешки.

– Воды никому не пить. А барана я зарежу. Когда мясником работал, каждый день по два десятка к Аллаху отправлял.

– Мага, ты еще и мясником был?

– Это когда отец узнал, что я у ваххабистов в лагере тренируюсь, сразу забрал меня в Буйнакск. А работать надо – я и пошел на рынок.

– А как же в армию попал, призвали?

– Нет. Надоело мне животных резать, каждый день одно и то же. Потом женился. В общем, бросил. Пришел в бригаду, взяли на контракт. Воевать-то меня научили не хуже, чем баранов резать.

Подошли остальные. Мага принялся за дело.

– Идем дотемна. Как стемнеет, ищем место для ночлега. Наломаем веток, на них ляжем, ими же и укроемся.

Замполит одет легче других. Перед трудной дорогой все специально старались снять с себя лишнюю одежду. Теперь бы

она пригодилась.

– А я думаю, надо идти. – Это слова Маги. – У села они нас не тронут, побоятся возмездия. Если встретят, то уже где-нибудь там, на подходе к Шариламу.

– Мне кажется, у них другие планы. Они же нас подкупили! Смотрите, как быстро этот их председатель согласился не на бензин, а на какую-то расписку. Что, этот бензин ему кто-то отдаст? Нет. И он знает это. А барашка привел. Причем не своего.

– Если бы не привел, отобрали бы!

– Лихой! В селе всего семьдесят восемь дворов, а ты видел, сколько молодцев нас встретило? Женщин и детей попрятали, многих вообще еще в том году отправили к родне на равнину. А эти парни зачем остались, пахать, что ли? У них если есть где мозоли, так только на плече – от автомата.

Мага управился с бараном минут за двадцать. Охотник нашел длинную жердь, на которую привязали тушу. Нести стало удобней.

17.40.

Вошли в лес. Только что туман был впереди, и вот он уже вокруг нас. Сплошное молоко. Сразу стало темно. Только белые верхушки леса напоминают о том, что еще день. Из мглы выплывают причудливые коряги – норовят выколоть глаза или попасть под ноги. Словно кадры из триллера. Полное ощущение нереальности происходящего.

– Гуся, а здесь волки есть?

– Есть, конечно. Смотри, как Амир по сторонам оглядывается, у него ведь сумка с ливером от барашка. Если отстанет, загрызут.

– Ладно, Гуся, перестань пугать корреспондента.

Где-то вверху лес шумит от ветра. Туман, оседает на листьях и сыпется вниз крупным дождем. Сначала промокли от пота, теперь – от дождя и противной мороси тумана. Тяжело дышать. Нестерпимо болит колено, стараюсь больше опираться на левую ногу.

19.30.

Выходим из леса. Свет в конце тоннеля не получился. Здесь уже ночь. Зато нет дождя. Смотрю в небо, и чудится, что вижу звезды. Нет, туман, показалось.

Охотник тащит свой мешок на каком-то запредельном десятом дыхании. По-моему, он даже ничего не слышит. По крайней мере на происходящее вокруг не обращает никакого внимание, идет, уткнувшись себе под ноги. Но в армии говорят, что солдат идет столько, сколько может, а потом еще столько, сколько надо. Гуся прет со своим огромным пакетом как маленький трактор. Но даже он, весельчак и балагур, уже давно

не пытается веселить остальных.

Только Мага по-прежнему насторожен и внимательно смотрит по сторонам. Он идет первым, и первая растяжка или первая пуля – ему.

Две трети пути уже прошли. Привал.

Достаю из-за пазухи блокнот. Это самая сухая вещь из всего, что у меня есть. Чтобы делать записи в полной темноте, для каждой строчки переворачиваю страницу. И все-таки страницы размокли, ручка не пишет.

Эпилог

Война слагается не только из крови и смертей. И эта, другая сторона войны, тоже страшная. Она состоит из вопросов.

Почему вместо полнокровных частей в бой идут импровизированные сборные команды военных округов. Россыпь батальонов, которую как ни складывай, в сплоченную дивизию не сложишь.

Где тот опыт, который оплачен кровью прошлых войн?

Почему три года временного мира, подаренные нам в Хасавьюрте, прошли для нас впустую?

Старая армейская шутка гласит: в армии бывает только два неправильных решения – наступать в сторону, обратную фронту и форсировать реку вдоль берега, а не поперек. Все остальные решения являются более или менее целесообразными. На случай, если что-то не вышло, в запасе есть другая шутка: я начальник – ты дурак. То есть я решил, а ты не смог исполнить. В Ханкале никто не признает, что операция провалена. Напротив, чем бы она ни закончилась, будут рапорты об успешном выполнении задачи, о трофеях, о каких-то виртуальных трупах боевиков.

На первый взгляд, дикая смесь самодурства и страха ответственности. Но есть и другой, более глубокий смысл. Солдат не должен сомневаться в правильности командирского решения, а для этого в нем должен быть уверен сам командир. И не смотря на потери, которые понесла армия в ходе реформ и сокращений, сомневаться в профессионализме командиров преждевременно. Они умеют воевать. Но хуже некуда после переговоров снова драться за уже взятые когда-то с кровью рубежи.

Те, кто задумывает войны, сидят далеко от окопов. Они не видят лица людей, которых отправляют в ад. Они только посылают своим воинам напутствия и сулят награды. Они знают, что за любые потери можно получить индульгенцию. Достаточно сделать погибших героями. А искалеченным вручить ордена.

Поэтому армия – в одной руке автомат, а в другой Уголовный кодекс – ведет с противником игру в «казаков-разбойников».

Война – это наука, и в ее формулах жизни умножаются на дни, дни делятся на трудности, вводятся поправки на противника и. общественное мнение. Как будто не ясно, что на войне одни убивают, другие погибают, и война без потерь не бывает. Но война – это еще и продолжение политики. А ее у нас на Кавказе как не было, так и нет.

В академиях учат, что для успеха война должна начинаться с первым теплом, а заканчиваться с первым листопадом. И когда в октябре 99-го я шел с колонной в глубь мятежной Чечни, я видел, что все хотят вернуться домой с победой до наступления холодов.

В ноябре мы так правильно и стремительно наступали, что я все еще верил в скорое приближение последнего акта: никто не хотел зимовать в горах.

А теперь все устали, всем нужна передышка. Значит, скоро будет объявлен перерыв. Как было после Хасавьюрта.

Только это – не долгожданный мир на чеченской земле. При всех своих пушках-самолетах, передовых военных мыслях мы умудряемся снова остаться в дураках.

А значит, все начнется сначала.

Мага сидит и матом кроет всех – это обратная сторона его неутомимости. Он шел первым и первым должен был погибнуть. Но жив и теперь крепко ругается.

Амир спит, даже не найдя свой спальный мешок, просто на доске.

Гуся, взяв свою доску на колени, поет. Безклубов, перекрестившийся после нашего возвращения, кажется, один слушает его песню.

...Ачхой-Мартан, Ярыш-Марды —
Язык сломать как дважды два.
Налей, братан, живой воды,
Да повторяй мои слова:

Эй да, лей-ка, налей
За командира, да жизнь на весах.
Эй да, лей-ка, налей
Третий за тех, кто нас ждет в небесах.

Меня красавица-жена
Ждала с войны, ждала живым.

Да похоронка не дошла,
Я был убит, я просто дым.

Эй да, лей-ка, налей,
Чтоб все возвращались живыми домой.
Эй да, лей, не жалей
За этот тост всем еще по одной...

Леша Самохин вдруг встрепенулся: легкий ветерок, дувший с запада, стал путаться, ломаться и в итоге понесся на восток. Но сил для радости не осталось. И уже под утро Гуся вдруг не своим голосом заголосил, как ребенок протягивая руку с пальцем в небо: звезды!

Утром свершилось долгожданное чудо: туман рассеялся. К обеду прилетел на вертушке радостный Щур, привез продукты, воду, водку, аккумуляторы для радиостанций и забрал нашу съемочную группу.

С прилетом вертолета появились больные. Что толку было стонать раньше, без вертолета ведь никуда не денешься. Но сырость и холодная земля сделали свое дело – троих солдат отправили сначала в Ботлих, а затем дальше, в Буйнакск, в госпиталь. А остальные остались в горах – завершать операцию по уничтожению бандформирований в верховьях реки Шаро-Аргун.

В тот день мы летели с начальником штаба высокогорной группировки в Ботлих, и трезвые, во все горло пели Гусину песню, пытаясь перекричать гул несущего нас домой вертолета:

...Мой друг, он в Чечне уже всем надоел,
Он где не бывал – разве только в раю.
Опять Россию ведут на расстрел,
А встать за нее, значит, встать на краю.

Эй да, лей-ка, налей.
Уж если идти, так идти до конца!
Эй да, лей, не жалей,
Не жалея ни сил, ни свинца!...

Вернувшись в Москву, я пролистал информационные сводки, но упоминаний о ней не нашел. Не было операции.

Коротко об авторах

Курилов Валерий Николаевич родился в Орле. Закончил высшую школу КГБ, подполковник запаса, профессиональный контрразведчик, офицер отряда специального назначения «Зенит», за участие в операции «Шторм-333» награжден орденом «Красной Звезды». Дебютировал в журнале «Наш современник», 2000, № 1, 2. В сборнике «Проза „Резонанс“ (ИТРК, серия „Россия молодая“, 2002) опубликован его рассказ „Запах жареного пластилина“.

Игумнов Александр Петрович родился в городе Кизел Пермской области. В 1977 г. окончил Саратовское высшее военное авиационное училище. Служил в частях Забайкальского и Прикарпатского военных округов. В 1983 – 1984 гг.

вертолетчиком участвовал в боевых действиях в Афганистане. Автор книг прозы «Пробуждение», «Мы еще не вернулись», «Контингент», вышедших в Перми и в Тюмени. В сборнике «Проза „Резонанс“ (ИТРК, серия „Россия молодая“, 2002) опубликован его рассказ „Ксюша“. Живет в г. Советский Ханты-Мансийского автономного округа. Член Союза писателей России.

Белогуров Сергей Борисович родился 31 октября 1961 г. в Одессе в семье военнослужащего. В 1979 – 1980 гг. учился в ВОКУ имени Верховного Совета РСФСР. С сентября 1986 г. по декабрь 1988 г. проходил службу в Афганистане. В 1993 – 1998 гг. неоднократно направлялся в служебные командировки в Республику Таджикистан. В марте – июле 1998 г. – первая служебная командировка в Боснию и Герцеговину. В 1988 г. защитил докторскую диссертацию. В марте – июле 1999 г. вторая командировка в Боснию и Герцеговину. В ходе третьей командировки в июле – августе 2000 г. Сергей Белогуров погиб при выполнении задач миротворческой операции.

Награжден орденом «За службу Родине» III степени, медалью «За боевые заслуги», медалями Республики Афганистана и НАТО.

В 2001 г. в московском издательстве «Русский летописец» вышла книга рассказов и очерков Сергея Белогурова «На обочине войны». В сборнике «Проза „Резонанс“ (ИТРК, серия „Россия молодая“, 2002) опубликован его рассказ „Балканская баллада“.

Шурыгин Владислав Владиславович родился в 1963 г. в Евпатории. В 1984 г. окончил Львовское высшее военно-политическое училище. С сентября 1984 по май 1991 – специальный корреспондент отдела боевой подготовки авиации газеты Московского округа ПВО

«На боевом посту». В ноябре 1993 г. был уволен из рядов Вооруженных Сил РФ за участие в обороне Белого дома. Воинское звание – капитан запаса. С декабря 1993 – редактор военного отдела «еженедельника Государства Российского „Завтра“.

С 1991 по 2001 более ста раз выезжал в качестве корреспондента в ряд «горячих точек». Работал в Южной Осетии, Приднестровье, Абхазии, Таджикистане, Сербии, Чечне. Прошел спецподготовку в составе 901 батальона спецназа разведки ВДВ, вместе с которым участвовал в боевых действиях в Чечне. 11 раз выходил с группами спецназа на боевые операции в тыл противника. Воевал добровольцем в Сербии и Приднестровье. Один из организаторов Министерства госбезопасности Приднестровской Молдавской Республики.

В июле 1997 г. стал редактором специального армейского выпуска газеты «Завтра» «День воина». С 2000 г. – заместитель главного редактора газеты «Завтра», член общественного редакционного совета «Агентство политических новостей» (АПН), военный обозреватель АПН.

Сотрудничал с аналитическими центрами «СБП День», «НАМАКОН», «Политех». В 1998 г. создал аналитическую группу «Северный Ветер», с которой в 1998 – 2001 гг. выполнил ряд аналитических работ для Главного оперативного управления Генерального штаба РФ. Был трижды ранен. Награжден орденами Красной Звезды, «За личное мужество», медалью «Защитнику Приднестровья», знаком «За правду и мужество», почетной

грамотой за спасение человека в бою Министерства обороны Азербайджанской Республики, сербским знаком «Боевое отличие».

Член Союза писателей России.

Иванов Николай Федорович. Суворовец, в 15 лет – старшина роты. Военный журналист, десантник – за плечами 60 прыжков с парашютом. Воевал в Афганистане. В 36 лет – главный редактор журнала «Советский воин». В 1993 г. после отказа публиковать материалы в поддержку расстрела Белого дома уволен из армии «за низкие моральные качества». Стал полковником налоговой полиции. Командировка в Чечню – и плен, почти четыре месяца в подземных тюрьмах, неоднократные выводы на расстрел. Через два года после освобождения возвращается в Чечню снова, участвует в создании газеты «Чечня свободная».

И вместе с тем – писатель, секретарь Союза писателей России, автор полутора десятков книг («Черные береты», «Наружка», «Департамент налоговой полиции» и др.) Лауреат литературных премий им. Н. Островского и М. Булгакова. За повесть «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре» удостоен литературной премии «Сталинград».

Илюшкин Петр Николаевич родился в 1964 году в Иркутске. Воспитывался в детдоме. Окончил в 1986 г. Камышинское высшее строительное училище. Служил в Туркмении. В настоящее время собкор по Северному Кавказу центральной газеты ФПС РФ «Граница России». Подполковник погранслужбы. В сборнике «Проза „Резонанс“ (ИТРК, серия „Россия молодая“, 2002) опубликован его рассказ „Героиновый след Совы“.

Горбань Валерий Вениаминович родился в г. Чегдомын (Хабаровский край). Окончил биологический факультет Дальневосточного университета, Московский юридический институт, Академию МВД. Полковник милиции в отставке. Работал в подразделениях по борьбе с организованной преступностью, руководил отделением СОБР. В 1995 – 1996 гг. командовал ОМОН при УВД Магаданской области. Участник боевых действий в Чечне. Автор двух сборников повестей и рассказов, ряда публицистических произведений. В августе 2002 г. в Калининградском издательстве «Янтарный сказ» вышел

третий, полный сборник произведений Валерия Горбаня «Чеченский шрам». Лауреат международного литературного конкурса им. А. Платонова и еженедельника «Литературная Россия». В настоящее время живет и работает в Калининграде.

Гуреев Владимир Владимирович. Закончил Донецкое высшее военно-политическое училище в 1991 г., служил замполитом роты в Кантемировской дивизии. С 1993 по 1996 год – корреспондент и ответственный секретарь газеты 201-й мотострелковой дивизии в Таджикистане; 1996 – 2002 гг. – корреспондент и ведущий программ радиостанции МО РФ «Славянка», корреспондент Воен-ТВ, военный корреспондент телекомпании Рен-ТВ. Майор запаса.

notes

Примечания

1

Журнальный вариант.

2

Председатель райисполкома *(ред.)*.

3

СОБР – специальный отдел быстрого реагирования Управления по борьбе с организованной преступностью.

4

Группа управления оперативного штаба МВД РФ в Чечне.

5

Батальон оперативного назначения внутренних войск.

6

Ручной пехотный огнемет одноразового использования, дальность стрельбы до 600 метров.

7

Реактивная противотанковая граната одноразового использования.

8

Реактивные установки залпового огня различных калибров.

9

Боевики, действующие в одиночку, группами, отрядами и не подчиняющиеся единому руководству Чечни. Мотивы их действий разнообразны: от актов мести федеральным силам до обычной корыстной уголовщины. Отличаются особой жестокостью, известны многочисленные факты пыток пленных, надругательств над трупами и т. п. изуверских выходок.

10

Бывший командир Рижского ОМОНа, гражданин России, выданный латышским властям в нарушение Конституции РФ.

11

Снайперская винтовка Драгунова.

12

Защитный шлем.

13

Шутливое сокращение от ком. отд. – командир отделения.